

Исследования по истории русской мысли

С Е Р И Я

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ МЫСЛИ

Под общей редакцией М. А. Колерова

Т О М П Я Т Н А Д Ц А Т Ы Й

В. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

ПЯТЬ
МЕСЯЦЕВ
У ВЛАСТИ

[В О С П О М И Н А Н И Я]

Под редакцией М. А. Колерова

REGNUM
Москва 2011

ББК 63.3(4Укр)61

УДК 94(477)"19"

3-56

Зеньковский В. В.

3-56 Пять месяцев у власти [Воспоминания] / Под редакцией М. А. Колерова. М.: Издательский дом REGNUM, 2011. 648 с. (Серия «Исследования по истории русской мысли». Том 15).

ISBN 987-5-91887-013-6

Воспоминания классика истории русской философии, одного из столпов культуры Русского Зарубежья XX века Василия Васильевича Зеньковского (1881–1962) «Пять месяцев у власти» были впервые опубликованы М. А. Колеровым в 1995 году в издании Патриаршего Крутицкого подворья в Москве. Для настоящего, второго, издания текст воспоминаний сопровождается статьёй и комментарием И. Ю. Сапожниковой.

ББК 63.3(4Укр)61

УДК 94(477)"19"

ISBN 987-5-91887-013-6

© М. А. Колеров, общая редакция и публикация текста,
состав серии, 1995, 2011

© И. Ю. Сапожникова, статья и комментарий, 2011

© С. В. Митурич, С. Зиновьев, дизайн серии, 1998–2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. А. Колеров.</i> Предисловие публикатора.....	7
<i>И. Ю. Сапожникова.</i> Воспоминания В. В. Зеньковского: история и историософия.....	9

В. В. Зеньковский **ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ У ВЛАСТИ**

Предисловие.....	53
------------------	----

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. Русская революция и ее проблемы. Положение на Украине до гетманщины	57
Глава II. Украинская проблема до революции и во время ее	69
Глава III. Церковное положение на Украине во время революции	83

ЧАСТЬ I. ПРЕБЫВАНИЕ У ВЛАСТИ

Глава I. Вхождение во власть.....	96
Глава II. Первые шаги мои	115
Глава III. Вопрос о созыве украинского собора	131
Глава IV. Перед Собором. Открытие Собора. Вопрос о митр. Антонии	141
Глава V. Церковные дела до моего отъезда в отпуск (конец августа 1918 г.).....	169

Глава VI. Общие замечания о гетманщине. Немцы и их роль. Проблема России в разные периоды гетманщины. Переговоры немцев с Милюковым	191
Глава VII. «Политика» в Совете Министров (вопросы внешней и внутренней политики)	207
Глава VIII. Школьные и академические дела. Система культурного параллелизма. Собрание русских сил. «Спасение Украины для России»	227
Глава IX. Мои политические переговоры в Крыму. Мой отпуск, церковные дела в мое отсутствие. «Пропавшие грамоты» м. Антония и его жалобы на меня. Основные разногласия с ним. Основные вопросы церковно-государственных отношений в эту эпоху	239
Глава X. Отставка. Последний день в Министерстве. Несколько характеристик. Последние дни гетманщины, ее отзвуки в моей дальнейшей судьбе. Образование «группы федералистов»	262
Глава XI. Новые встречи с м. Антонием и арх. Евлогием. Украинские встречи (Дорошенко, Липинский, Скоропадский, Шелухин, А. Шульгин). Мой разрыв с украинцами. Характеристики митр. Антония, Евлогия, Платона.....	281
 ЧАСТЬ II. РУССКО-УКРАИНСКАЯ ПРОБЛЕМА В ЕЕ СУЩЕСТВЕ И ПУТИ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ	
Глава I. Русско-украинская проблема	309
Глава II. Пути разрешения русско-украинской проблемы. Вопросы об Украинском Учредительном Собрании	323
 Заключение	333
 <i>И. Ю. Сапожникова. Комментарии</i>	<i>335</i>

Предисловие публикатора

Воспоминания классика истории русской философии, одного из столпов культуры Русского Зарубежья XX века Василия Васильевича Зеньковского (1881–1962) «Пять месяцев у власти» были впервые опубликованы автором этих строк в 1995 году в издании Патриаршего Крутицкого подворья в Москве. Для настоящего, второго, издания текст воспоминаний сопровожждён статьёй и комментарием И. Ю. Сапожниковой.

Основой публикации послужила авторская рукопись, хранящаяся в собрании Государственного Архива Российской Федерации: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 351–355. Исходя из содержания текст воспоминаний датируется летом — началом осени 1931 года. Следует отметить, что оригинальный заголовок воспоминаний пишется несколько иначе, нежели это сделано в настоящем издании: «Пять месяцев у власти (15/V — 19/X.1918)». Изменения в его написание внесены исключительно из издательских соображений.

По-видимому, настоящий текст представляет собой первую (и единственную) редакцию воспоминаний. В. В. Зеньковский, очевидно, не имел времени даже полностью выверить текст. В нём довольно часто встречаются фактические ошиб-

ки в именах и фамилиях, описки, грамматические и орфографические несоответствия. Невыработанными остались единые принципы употребления прописных и строчных букв, сокращений и т. д. Все отмеченные погрешности исправлены публикатором, а графические принципы текста, насколько это было возможно, приведены к единообразию. Однако главной задачей публикатора все же было максимальное сохранение авторского стиля мемуариста и присущих его времени и среде правил письма. Авторские сокращения (там, где это необходимо для внятности изложения) раскрываются в угловых скобках, слова, пропущенные Зеньковским и предположительно восстановленные публикатором, помещаются в квадратные скобки. Воспоминания публикуются полностью, без каких-либо сокращений. (Часто встречающиеся в тексте отточия являются особенностью стиля Зеньковского и не должны восприниматься читателем как указания на изъяты текста.)

М. А. Колеров

Воспоминания В. В. Зеньковского: история и историософия

Воспоминания Василия Васильевича Зеньковского, посвященные осмыслению его опыта «вхождения во власть» в 1918 г. при гетмане Украины П. П. Скоропадском, — сочинение относительно небольшое по объему. И заявленный в названии отрезок времени — пять с половиной месяцев — свидетельствует о «камерной» цели мемуариста.

Но это не должно вводить в заблуждение. Воспоминания, как следует из текста, были написаны осенью 1931 г., спустя 13 лет после пребывания В. В. Зеньковского на посту министра исповеданий и после 11-летнего опыта вынужденной эмиграции. Поэтому описание В. В. Зеньковским своей деятельности на посту министра исповеданий является поводом и для изложения основных этапов автобиографии, и для выражения взглядов на широкий круг общественно-политических проблем, и для обоснования историософской концепции, объясняющей взаимозависимость России и Украины.

В начале 1990-х гг. сочинения В. В. Зеньковского в России были интересны как составная часть внезапно открывшегося богатства русской эмигрантской мысли. Постсоветская интеллигенция в силу многих причин оказалась восприимчивой к светской религиозной философии

к. XIX — н. XX в., продолжившей свое развитие в недрах Свято-Сергиевского Богословского института в Париже. На фоне свержения идолов марксизма появились новые объекты интеллигентского культа — «иконы» Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Г. П. Федотова, Б. П. Вышеславцева, Г. В. Флоровского, А. В. Карташева, В. В. Зеньковского и др. Марксистско-ленинская философия уступила место схемам и концепциям, изложенным, в том числе, в фундаментальном исследовании В. В. Зеньковского «История русской философии» и в написанном ранее сборнике очерков «Русские мыслители и Европа». «Журнал Московской патриархии» в 1991 г. опубликовал отрывки из работы о. Василия Зеньковского «Апологетика».

На излете первой половины 90-х гг. находка М. А. Колерова, обнаружившего в фондах ГА РФ (Ф. 5881, Оп. 2, Дд. 351—355) рукопись «Пяти месяцев у власти», стала началом более глубокого знакомства с личностью и политической позицией В. В. Зеньковского. Согласно изысканием первых публикаторов, текст воспоминаний сначала хранился в Русском Заграничном Историческом архиве в Праге, в 1947 г. он был передан в Публичную Библиотеку Ленинграда, затем папка с рукописью пополнила фонды ГА РФ. И в 1995 г. рукопись воспоминаний В. В. Зеньковского, не востребованная ранее, была впервые опубликована¹.

Воспоминания В. В. Зеньковского, в которых нашла отражение история борьбы за автономию Украинской Церкви, сразу обнаружили свою острую актуальность. В октябре 1990 г. Архиерейский Собор РПЦ преобразовал Украинский Экзархат в Украинскую Православную Церковь, расширив ее права в сфере управления. Распад Советского Союза и суверенизация бывших республик СССР вызвали рост этнонационализма, что отразилось и на состоянии Русской Православ-

¹ Протопресвитер Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти (15 мая — 19 октября 1918 г.). Воспоминания М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995 (Материалы по истории церкви. Книга 6).

ной Церкви. На западе Украины в 1992–1995 гг. прокатилась волна православных погромов, организованных УГКЦ (униатами). Появилась неканоническая УПЦ Киевский Патриархат (т. н. «филаретовская церковь»), а также возобновила свою деятельность сохранившаяся в эмиграции неканоническая УАПЦ (Украинская Автокефальная Православная Церковь). В этой ситуации воспоминания «автономиста» В. В. Зеньковского, преемник которого на посту министра исповеданий А. И. Лотоцкий провел в 1918 г. решение о создании отдельной украинской автокефалии — УАПЦ, приобрели особое звучание.

Первые публикаторы рукописи воспоминаний В. В. Зеньковского столкнулись с определенными трудностями. По всем признакам она представляла собой первую и единственную редакцию воспоминаний. Судя по состоянию текста, автор не подвергал его исправлениям и редактуре: не правил орфографию, пунктуацию и стилистику, не изменял структуру работы, не сверял имена, факты и даты с другими источниками. По этой причине текст содержал фактические ошибки и описки, большое количество сокращений. Мемуарист не использовал единые принципы употребления прописных и строчных букв при наименовании органов власти, общественных организаций, партий, учебных заведений и проч. В тексте часто встречались отточия, обозначающие незаконченную мысль автора².

Историки приложили немалые усилия для подготовки рукописи к изданию, в частности раскрыли многие сокращения, затруднявшие восприятие материала, восстановили пропущенные слова, привели текст в единообразие и соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации.³ Однако они вынуждены были признать: «Обзорный и даже отчасти просветительский характер воспоминаний Зеньков-

² *Протопресвитер Василий Зеньковский*. Пять месяцев у власти. Воспоминания. С. 9.

³ Там же.

ского позволил в настоящем издании отказаться от комментирования текста. Полный, с указаниями на политический, церковный, культурный контекст, с расшифровкой многочисленных имен, аллюзий и скрытых цитат, с уточнением и дополнением сообщаемых сведений, — полноценный комментарий к воспоминаниям Зеньковского, несомненно, необходим»⁴.

Настоящее издание воспоминаний В. В. Зеньковского «Пять месяцев у власти» сопровождается комментарием, что существенно облегчает чтение и понимание текста и способствует расширению круга читателей.

Мемуары бывшего министра исповеданий бывшей Украинской державы — сочинение сложное, включающее, как уже говорилось, не только автобиографические сведения. Но российское общество в настоящее время готово к их целостному восприятию. Скорость и насыщенность современного политического, идеологического, культурного процесса в России и на Украине, на новом витке исторического развития оживившего все противоречия между Россией и окраинами большой империи, создали условия для более глубокого понимания далекого революционного прошлого. Многие темы, нашедшие отражение в воспоминаниях Зеньковского, как будто сошли с лент современных информагентств: гарантии установления и сохранения границ между Россией и Украиной, судьба Черноморского флота, политическая ориентация Крыма, перспектива создания автокефальной Украинской Церкви, статус русского языка на Украине и т. д.

Жизненный путь В. В. Зеньковского, описанный в мемуарах, в полной мере отразил особенности и противоречия русской истории начала XX в. и особенно — противоречия постимперского развития юго-западных губерний России в первые годы революции.

⁴ Протопресвитер Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти. Воспоминания. С. 9.

В. В. Зеньковский родился в г. Проскурове (ныне Хмельницкий) 4 июля 1881 г. Путь в науку он начал с обучения во 2-й Киевской гимназии. В 1900 г. юноша поступил на естественный факультет Киевского университета св. Владимира. Проучившись четыре года, он перешел на филологический факультет, где обучался на двух отделениях — классическом и философском. После окончания университета в 1909 г. Зеньковский по рекомендации профессора А. Н. Гилярова был оставлен в университете для продолжения образования и подготовки к получению профессорского звания. Исполняя должность доцента, В. В. Зеньковский читал курс по философии, а в 1913 г. выехал за границу — в Германию и Италию — для сбора материалов к диссертации. В Киев он вернулся в военном 1915 г. В том же году он защитил диссертацию на тему «Проблема психической причинности», а в 1916 г. стал членом профессорской коллегии Киевского университета, заняв место экстраординарного профессора. Будучи специалистом в сфере психологии, В. В. Зеньковский стал директором Женского института дошкольного воспитания, открытого в Киеве в 1908 г. по инициативе Фребелевского общества, пропагандировавшего в России игровую методику раннего обучения немецкого педагога-энтузиаста Ф. Фребеля, а также профессором Высших женских курсов А. В. Жекулиной.

До революции В. В. Зеньковский имел не только опыт научной и преподавательской работы. С 1908 г. он был товарищем председателя Киевского Общества по изучению религии и философии, объединившего вокруг себя «небольшой круг верующей интеллигенции» и издававшего радикальный журнал «Христианская мысль» (1915–1917). Киевское РФО сотрудничало с Религиозно-философским обществом памяти Вл. Соловьева, созданным кн. С. Н. Трубецким при Московском университете, и с аналогичным Петербургским обществом. В. В. Зеньковский был одним из лидеров Киевского РФО и непосредственно перед революцией занял место его председателя.

1917 год открыл для 36-летнего профессора, страстно желавшего реализовать свои идеи общественного, государ-

ственного и церковного переустройства, новые возможности. Революция «окрылила» его, как и многих интеллигентов, — не только придала новых сил, но и вознесла на недостижимые в иное время карьерные высоты.

В это время он совершил шаг, коренным образом изменивший его дальнейшую жизнь, — в составе небольшой группы профессоров В. В. Зеньковский участвовал в создании Украинского народного университета, что привело в итоге к фактическому расколу киевского Университета св. Владимира по этнополитическому признаку на два учебных заведения. Так В. В. Зеньковский приобрел репутацию «украинца».

Участившиеся собрания Религиозно-философского общества, главой которого был В. В. Зеньковский, вылились в «несколько публичных митингов, посвященных религиозным вопросам». Это был период так называемого «низвержения епископов», распространения идей коллегиального управления Церковью и широкого вовлечения мирян в церковные дела. В Киеве согласно указам Временного правительства и Св. Синода, во главе которого теперь стоял В. Н. Львов, был создан исполнительный комитет духовенства и мирян («самочинный церковно-общественный комитет»), участники которого посчитали возможным и необходимым явиться к митрополиту Киевскому и Галицкому Владимиру и настаивать на созыве экстренного епархиального съезда. Вскоре В. В. Зеньковский уже принимал участие в работе скандального Киевского епархиального съезда, был избран в состав епархиального совета. В июне 1917 г. он был участником аналогичного собрания в Москве — Всероссийского съезда духовенства и мирян, инициированного демократической властью Временного правительства.

Украинский национализм принимал в то время крайние формы. В церковных и околоцерковных кругах во время режима Центральной рады активизировались сторонники автокефалии Украинской Церкви. В конце января 1918 г. большевики первый раз ненадолго овладели городом и Киево-Печерской лаврой, и 25 января был жестоко убит

митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский). Это убийство было использовано автокефалистами: их стремление к отделению Украинской Церкви приобрело форму борьбы за правила избрания Киевского митрополита. Заинтересованными в автокефалии радикалами, объединившимися во Всеукраинскую православную церковную раду (ВПЦР), были выдвинуты две кандидатуры: епископа Уманского Димитрия (Вербицкого), имевшего репутацию украинофила, и... В. В. Зеньковского.

Для того «интересного» времени это было не уникальное событие: на Московском епархиальном съезде, проходившем в июне 1917 г., одним из кандидатов на митрополичью кафедру был также заявлен мирянин А. Д. Самарин. То, что проф. Зеньковский не имел никакого отношения к Церкви, церковных революционеров нисколько не смущало, и ему было предложено спешно постричься в монахи. В. В. Зеньковский отверг это «нелепое» предложение, обмолвившись, что, пожалуй, в министры исповеданий он пошел бы.

Это был второй важный шаг, предрекший развитие политической карьеры Зеньковского. Его связь с автокефалистами в дальнейшем породит немало слухов по поводу его отношения и самой принадлежности к Русской Православной церкви.

Между тем в Киеве уже несколько раз сменилась власть, последней была ликвидирована Центральная рада и учрежденная ею и признанная участниками Брест-Литовских переговоров Украинская народная республика. 29–30 апреля 1918 г. на свет появилась Украинская держава гетмана П. П. Скоропадского, существовавшая в условиях немецкой и австро-венгерской оккупации.

Центральной радой были недовольны и оккупанты, и многие слои общества, и партийно-политические объединения. В оппозиции к раде стояли многие не разделявшие ее социалистического радикализма партии и объединения. Однако легитимация нового режима гетманата проходила сложно. Партия хлеборобов-демократов заявила гетману о необходи-

мости срочных всенародных выборов в «Государственный совет» и своем согласии войти в правительство лишь в том случае, если оно будет состоять из «сознательных» украинцев, которые не тяготеют ни к России, ни к Польше. Отказались от участия в правительстве и представители интеллигентской прокадетской партии социалистов-федералистов, хотя эта партия вывела своих членов из последнего правительства УНР. В резолюции, принятой на съезде УПСФ в мае 1918 г., гетманат был назван «недемократичным» и «антигосударственным» режимом, и ее членам было запрещено принимать участие в формировании и работе правительства. Парадоксальность ситуации, сложившейся в украинском национальном движении, ярко характеризует тот факт, что заявление о своей оппозиционности «русофильскому, монархическому» гетманскому перевороту эсэфы передали не кому иному, как начальнику штаба немецких оккупационных войск Гренеру — одному из инициаторов и организаторов передачи власти П. П. Скоропадскому.

По этим причинам первому премьер-министру Н. Н. Сахно-Устимовичу, назначенному гетманом, не удалось сформировать Совет министров на основе широкой партийной коалиции. Н. П. Василенко, перед которым вновь была поставлена задача формирования правительства, постигла та же участь.

Однако гетман недолго оставался в политической изоляции: его поддержали члены кадетской и октябристской партий — местные и бежавшие от большевистских репрессий и во множестве скопившиеся в Киеве, и недавно созданный Протофис — Союз промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства. И новый премьер-министр Ф. А. Лизогуб, крупный землевладелец, земский деятель Полтавской губернии, работавший последнее время в аппарате российского МИДа, член партии октябристов, создал на его основе первый работоспособный кабинет.

Репутация В. В. Зеньковского как «политического украинца» и сторонника либеральной кадетской партии привела

его в состав Совета министров, сформированный на основе новой «конституции» — «Закона о временном государственном строе Украины». Этому периоду — с 15 мая по 19 декабря 1918 г. — и посвящена большая часть мемуаров В. В. Зеньковского, в которых отражена история пяти из восьми месяцев гетманского режима.

По мнению министра исповеданий (и в этом с ним согласны многие историки), гетманский режим три раза резко менял национально-политическую ориентацию, что прямо отражалось на кабинете министров, порядке его формирования и партийном представительстве. В октябре 1918 г., когда конец оккупации стал очевидным, гетман предпринял еще одну попытку создания коалиционного правительства. Поиск союзников привел гетмана к украинским националистам, объединенным в УНС — Украинский национальный союз. 19 октября 1918 г. правительство, включая В. В. Зеньковского, подало в отставку. 24 октября Ф. А. Лизогуб сформировал второе гетманское правительство с участием украинских социалистов-федералистов, в состав которого В. В. Зеньковский уже не вошел. (Третье правительство, оцениваемое украинскими историками из-за пророссийской риторики гетмана, обнародовавшего т. н. «Федеративную грамоту», как «реакционное» и «антиукраинское», было сформировано 14 ноября новым премьер-министром С. Гербелем.)

После краха гетманата последовал краткий период Директории («Совета пяти») — национал-социалистического режима УНС, восстановившего Украинскую народную республику. В. В. Зеньковский, наблюдавший за политическими событиями уже как частное лицо, оценил этот период как режим «наглой солдатчины», ненадолго воцарившийся в Киеве.

В начале февраля 1919 г. Киев вновь перешел в руки большевиков. Министр в отставке в своих воспоминаниях описал драматичный период своей жизни, когда ему пришлось скрываться на ст. Боярка, но затем удалось вернуться в Киев благодаря протекции своих бывших учеников и знакомых, глав-

ным образом влиятельного большевика В. П. Затонского. «Революционная карьера» В. В. Зеньковского продолжилась. Во время 2-й Украинской советской республики он «сразу оказался работающим в нескольких комиссариатах (народного просвещения, социального обеспечения и народного здоровья)», а также в комиссии при Комиссариате юстиции. Он продолжал вести активную педагогическую деятельность, преподавал сразу в двух университетах (русском и украинском), Институте Дошкольного воспитания и на нескольких курсах.

Приход в Киев летом 1919 г. Добровольческой Армии ознаменовал новый период общественно-политической деятельности В. В. Зеньковского. Он был приглашен заведовать детским отделом Земско-Городского Союза (Земгора). Будучи сторонником кадетской партии, он вошел в состав Киевского отдела «Союза Возрождения России», объединившего весной 1918 г. представителей левых либеральных и правых социалистических партийных групп. «Союз» выступал за возрождение русской государственности и передачу власти чрезвычайному органу, действующему вплоть до созыва второго Учредительного собрания.

В Одессу, куда В. В. Зеньковский бежал вслед за отступавшими белыми частями, он продолжал работать «на Добровольческую Армию» и издавал бюллетень «Союза Возрождения России». Из порта Одессы 26 января 1920 г. он и отбыл за границу на английском пароходе...

Первые три годы эмиграции В. В. Зеньковский провел в Белграде, где сосредоточились представители русского дворянства, интеллигенции и церковной иерархии. Здесь он встретил многих людей, с которыми его связывала или сталкивала научная, педагогическая и, что наиболее важно, общественно-политическая деятельность в России. И, надо признать, В. В. Зеньковский находился тогда в довольно сложном положении. Русская профессура не могла простить ему радикализма и «левизны». Церковные иерархи были настроены к нему враждебно, помня его попытки грубо вмеша-

ваться в дела церковного управления. Тем более что в Сербию, в резиденцию Сербского патриарха в Сремских Карловцах, вскоре прибыл и главный оппонент министра исповеданий — митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), борьба с которым в 1918 г. принимала спорные с этической и формально-юридической точки зрения формы.

«Я решил ничего не говорить, а просто уйти из собрания...», «...я не считал для себя удобным приходить в упомянутое собрание...», «Я вообще чувствовал себя в русской среде “изгоем”...» — так характеризовал свое незавидное положение В. В. Зеньковский.

Весьма показательно, что самым тяжелым «наследием прошлого» для В. В. Зеньковского оказалось не его сотрудничество с большевиками, а работа в гетманском Совете министров. «Служение Украине», «измена союзникам», работа под «немецким сапогом», казалось, навсегда заклеили В. В. Зеньковского и лишили его шансов на возобновление нормальных профессиональных, общественных и личных связей и обрекли на вынужденное общение в кругу узкой группы членов гетманского правительства.

Но личные качества Василия Васильевича и приобретенный еще в России авторитет педагога, психолога и публициста позволили ему уже в 1920-е гг. найти свою нишу среди русской эмиграции. Он стал товарищем председателя эмигрантского Религиозно-философского общества, работал в Русской академической группе, созданной для помощи русским ученым за границей. В 1920—1923 гг. В. В. Зеньковский занимал должность профессора философского и богословского факультетов Белградского университета (Сербия признавала научные звания, полученные в России).

В 1921 г. президентом Чехословакии Масариком была объявлена т. н. «русская акция» помощи беженцам. И в 1923 г. Зеньковский переехал в Прагу, где занял должность директора Русского педагогического института, который финансировался из чехословацкого бюджета, а также возглавил кафедру экспериментальной и детской психологии институ-

та. В 1923 г. Зеньковский был избран председателем Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, созданного на Общеэмигрантском педагогическом съезде. В том же 1923 г. году на 1-м съезде в Пшерове было создано Русское студенческое христианское движение (РСХД), председателем Бюро которого он был избран.

30 апреля 1925 г. в Париже был открыт Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт. И в 1926 г. В. В. Зеньковский по приглашению инспектора этого института о. Сергия Булгакова переехал в Париж, а после переезда возглавил кафедру философии. Еще до открытия Института он вступил в Братство Св. Софии, членами которого были многие преподаватели ССПБИ. В 1926 г. Зеньковский открыл в Париже Высшие женские богословские курсы, организовал Религиозно-педагогический кабинет, в 1927 г. стал редактором журнала «Вопросы религиозного воспитания и образования» и «Религиозно-педагогического бюллетеня»...

Перечень организаций, обществ и институтов, где работал В. В. Зеньковский, лишь рисует внешнюю канву того, что составляло основу глубокой внутренней — духовной, эмоциональной, интеллектуальной — работы эмигранта с сомнительным политическим прошлым. В 1920-е гг. В. В. Зеньковский был вынужден решать главный вопрос — с кем он?

Научная и общественная деятельность теснейшим образом связывала его с русской интеллектуальной элитой, а министерское прошлое заставляло многих видеть в нем «украинца». Однако этот вопрос разрешился довольно быстро. Он — «с русской стороны» — принял участие в работе неких собраний русских и украинских политических деятелей (с описания этих встреч и начинаются воспоминания). Собрания эти закончились безрезультатно и ясно продемонстрировали тенденцию превращения украинской части русской эмиграции в особый этнополитический конгломерат. Попытка идейного «гетманца» Д. И. Дорошенко ввести В. В. Зеньковского в окружение П. П. Скоропадского, предпринятая в 1925 г., не увенчалась успехом. И к середи-

не 1920-х гг. В. В. Зеньковский сделал окончательный выбор в пользу русской эмиграции. Неслучайно раздел его «Воспоминаний», посвященный этим событиям, называется прямо и недвусмысленно — «Мой разрыв с украинцами».

И спустя пять лет, осенью 1931 г., он пишет свои воспоминания «Пять месяцев у власти». Пишет быстро, сбивчиво, эмоционально, объясняя, критикуя, оправдываясь... Какое событие послужило поводом к написанию мемуаров, к сожалению, неизвестно. В виде гипотезы можно предположить, что им стал драматический эпизод, закрепивший раскол эмиграции и Церкви. В 1931 г. митрополит Евлогий, бывший ректором Богословского института, отмежевался и от анти-советской РЦПЗ (Карловацкой Церкви), и от «сергианского» Московского патриархата, лояльного к советской власти, и выбрал ориентацию на Константинопольский патриархат и создал особый автономный Митрополичий округ с центром в Париже.

Если повод к написанию мемуаров неясен, то основные задачи, поставленные и решенные Зеньковским, видны довольно четко. Во-первых, он порывал с узким политическим украинством, лишавшим его права на работу в РСХД, в Свято-Сергиевском институте, права на разработку своей концепции русской философии, христианского воспитания и т. п. Во-вторых, он объяснял свою особую позицию в церковном вопросе исходя из приверженности идее «свободной церкви», а не личной лояльности. В-третьих, он предлагал рассматривать гетманат Скоропадского в более широком историческом контексте — как вариант развития России, а не только как германо-украинский проект.

Структура «Воспоминаний» была определена исходя из задач и приемов достижения основных целей. «Пять месяцев во власти» состоят из трех взаимосвязанных тематических блоков:

1) автобиографический (общественная деятельность в первый год революции, «вхождение во власть» и деятельность на посту министра исповеданий с мая по октябрь 1918 г., «вы-

живание» и сотрудничество с различными режимами в 1919–1920 гг., жизнь в эмиграции до 1931 г.);

2) исторический (развитие русской революции «от Февраля к Октябрю» в Петрограде, Москве и Киеве, гетманат, периодическая смена власти в Киеве, поражение Добровольческой Армии);

3) историософский (история «Украины-Руси», тема «нерасцветшего гения» Украины, особенности «культурного украинофильства» и «политического украинства», диалектика неизбежного взаимного сближения и отталкивания русской и украинской идеи, перспективы и программа разрешения «украинской проблемы» после ожидаемого краха большевизма).

«Такая система изложения искусственна», — признавался автор в разделе, посвященном его министерской деятельности. Этот вывод можно отнести и к тексту мемуаров в целом. Действительно, разделение воспоминаний на существенно различающиеся по объему введение, I и II части и, соответственно, 14 глав — условны. Автобиография прерывается историческими экскурсами и историософскими рассуждениями, несмотря на то, что им уделены и отдельные главы. Часто нарушается хронологическая последовательность в изложении событий. Рассказ о реальных фактах прерывается презентацией прожектерских проектов.

Однако такая мозаичная структура воспоминаний не только не мешает, но, напротив, помогает понять и принять как данность непостижимую смуту революционного времени и сумбур в головах и действиях участников и творцов событий, помогает понять или хотя бы почувствовать трагическую несовместимость их целей, мотивации и средств.

Принимая во внимание эти жанровые особенности воспоминаний Зеньковского, их не следует трактовать как целостное и объективное исследование. Это уникальный образец сочетания объективизма, свойственного ученому и психологу, и одновременно — мелочного человеческого субъективизма, соединения глубины философских обобщений и од-

новременно — публицистической узости и политической односторонности, несоответствия между размахом, соответствующим идеологу переустройства всей России и всей Русской Церкви, каким себя видит мемуарист, и истинным провинциальным масштабом киевского деятеля.

В. В. Зеньковский ярко живописует период постимперского квазигосударственного строительства, возможный лишь в условиях «смуты», сочетая при этом осмысленные выводы и откровенно признавая не подлежащую объяснению стихийность и иррациональность этого процесса. Зеньковский, что весьма примечательно, видит себя одновременно и активным творцом, и пассивной жертвой революции.

Не стоит удивляться, что имя министра Зеньковского потонуло в круговороте фактов и событий русской революции и гражданской войны, потерялось среди сотен новоявленных министров, секретарей и комиссаров многочисленных «правительств» и «государств», возникавших на руинах империи.

В этих обстоятельствах целесообразно обратить внимание на методы, использованные мемуаристом для оправдания и самооправдания, для выстраивания концепции «я в истории» и «история во мне».

Во-первых, В. В. Зеньковский пытался снять с себя обвинения в обслуживании «гетманшфта». Для этого он изложил собственную историческую трактовку революционных событий на Украине, а также пытался вписать гетманат в логику развития, с одной стороны, «украинской идеи» и, с другой стороны, русской революции.

В. В. Зеньковский настойчиво проводил идею о том, что гетманат — не случайный эпизод локализованной истории, а образец для будущего восстановления российской государственности. Такой оценкой гетманата оправдывался шаг В. В. Зеньковского, совершенный им в мае 1918 г., — согласие войти в состав Совета министров во главе с Ф. А. Лизогубом. И тем самым министр исповеданий поднимался с уровня представителя некоей областной камарилы до уровня деятеля общероссийского масштаба.

Это был удачный полемический прием, если учесть, что он был единственно возможным для Зеньковского в первое десятилетие эмиграции, когда ему еще не удалось избавиться от репутации «украинца». Да и сам В. В. Зеньковский в 1931 г. еще не был готов к тому, чтобы осознать и признать ошибочность своих действий в первые годы русской революции, что он сделал позднее. Неполный год «Украинской державы» был неотъемлемой частью его жизни, временем, востребовавшим весь накопленный к тому времени личностный потенциал, его триумфом.

В результате В. В. Зеньковский стал одним из первых в среде русской эмиграции, кто осмелился заявить о научной и общественно-политической актуальности темы гетманата. На последних страницах своих «Воспоминаний» В. В. Зеньковский предлагал так рассматривать краткий и малозначительный для истории период Украинской державы: «Гетманский период в истории русско-украинских отношений не должен быть забыт. Не нужно его возвеличивать или разукрашивать, но должно быть изучено все то положительное, что было сделано или что было начато, — для того, чтобы из этого можно было извлечь надлежащий урок для будущего».

Надо отметить, что страстный призыв проф. Зеньковского увидеть в гетманате значимый период истории России и Украины до сих пор не нашел ответа. Гетманату, как писал В. В. Зеньковский, «не повезло». И действительно, советская историография квалифицировала гетманский режим как контрреволюционную буржуазно-помещичью диктатуру, приведшую к реставрации капиталистических порядков, то есть как малозначимый и преходящий период революции и гражданской войны, итоги которых были предрешены объективными законами истории. Украинская историография последних двух десятилетий в основном склонна относиться к гетманату как к вызывающему сожаление русофильскому монархическому перевороту, уступке политическому прагматизму за счет «украинской национально-государственной

идеи», переходу от демократии Центральной рады к авторитарному режиму. Лишь небольшая группа историков-государственников и идеологов «украинского консерватизма», опирающаяся на идейное наследие В. Липинского и Д. Дорошенко, использует гетманат как символ и образец «украинского монархизма». Современная российская историография не обнаружила стремления увидеть в гетманате нечто символическое и по-прежнему включает его в перечень многих и многих режимов, возникавших по всему периметру Российской империи в годы революции и гражданской войны. Новая дисциплина — российская украинистика — пока находится на этапе усвоения зарубежного опыта и выработки собственной методологии изучения нового объекта «Украина».

Но склонный к построению историософских концепций В. В. Зеньковский увидел в гетманате не обреченный на забвение и осуждение эпизод прошлого, а вероятную модель будущего: «Я готов утверждать, что опыт социально-политической реставрации, проделанный во время гетманщины, является единственным и в этом смысле сохраняет свое значение доныне как введение в будущую социально-политическую реставрацию в России — когда кончится для нее период большевистского ига».

Идея социально-политической, национальной и культурной реставрации, которая непременно наступит после краха большевизма, — неоригинальна для представителей русской эмигрантской мысли. Очень неоригинальна. Но мало кому приходило в голову искать черты нового режима, который должен знаменовать возрождение основ русской жизни, в позорном гетманате. Весьма интересно, что Брестский мир, в результате которого и возникла Украинская держава, называл «похабным» не только большевик В. И. Ленин, но и монархист В. В. Шульгин.

При этом надо помнить, что эмигранты «унесли на подошвах сапог» не просто Россию, а Россию в состоянии мировой и гражданской войны, и вполне понятно,

что среди русских за границей преобладали те, кто ориентировался на бывших союзников по Антанте. От прогерманского гетманата отталкивала не только история заключения сепаратного мира, отторжения от России значительных территорий и «придумывания» Украины, но и его идеологическая неприемлемость для тех, кто поддержал первую — Февральскую — революцию. Соединение несоединимого в этом режиме: сепаратизма и одновременно стремления из Киева с помощью немецких солдат освободить всю Россию, республиканского и монархического элементов в форме правления, суверенности «Украинской державы» и унижительной австро-германской оккупации, украинской псевдоисторической бутафории и опоры на русское офицерство, общероссийские партии и русские финансово-промышленные круги — не позволяло связывать с ним образ будущего устройства России.

Таким образом, современная публикация воспоминаний В. В. Зеньковского очередной раз поставит вопрос о том, действительно ли гетманат обречен на осуждение и забвение как образчик политического экспериментирования на западной границе России, появление которого было обеспечено присутствием оккупационных вооруженных сил, или есть какая-либо перспектива использования его опыта в настоящее время.

В. В. Зеньковский, оправдывая свое пребывание в Совете министров, вполне обоснованно переложил ответственность за гетманат на историю и революцию.

История вообще и его жизни в частности предстает как победа внешней стихии и объективных обстоятельств над личной волей. «Помимо своей воли», «кем-то была выдвинута моя кандидатура», «меня... втянули в работу» — эти и другие характерные обороты использовал автор для описания своей биографии в 1917–1920 гг. Он убедителен в изображении атмосферы всеобщего хаоса, разрушения и абсурда «свободы», непобедимой стихии, которая из своих недр исторга-

ет безличностные и безапелляционные императивы. Можно предположить, что В. В. Зеньковский использовал в том числе и личный опыт при обосновании одного из тезисов своей «Истории русской философии»: «Если человек зависит от природы, от социальной среды, то все же бесспорным является в нем факт свободы. Но акты свободы, коренясь в метафизической глубине человека, получают свою творческую силу лишь при сочетании с благодатной помощью “свыше”».

В-третьих, В. В. Зеньковский воздал должное другим участникам революционного разрушения-созидания. Целая галерея политических портретов представлена в его воспоминаниях. Но отношение автора к лицам, упоминаемым на страницах «Пяти месяцев у власти», не одинаково. Поэтому оппонентов, соратников, попутчиков В. В. Зеньковского можно разделить на две группы.

Первая группа — это общественно-политические деятели общероссийского масштаба, чьи взгляды определяли общественное мнение и ранее в России, и ныне в эмиграции. Это А. И. Деникин, единожды упомянувший В. В. Зеньковского в «Очерках русской смуты» и спутавший его со следующим гетманским министром исповеданий; А. В. Карташев, бывший министром исповеданий всей России в составе Временного правительства; митрополит Антоний (Храповицкий) — второй кандидат на занятие места Патриарха и позднее митрополит Киевский и Галицкий; П. Б. Струве — один из признанных лидеров и идейных авторитетов кадетской партии и др. В. В. Зеньковский на страницах своих мемуаров вел с ними страстную, настойчивую и серьезную полемику, пусть даже заочную и вовсе не востребованную другой стороной.

От украинских деятелей В. В. Зеньковский не только себя отделил, но и оценивал их со стороны и свысока. Его характеристики политических деятелей периодов Центральной рады, гетманата и Директории — самая занимательная часть воспоминаний. «Чудаки бесталанные», «фантасты», «непобедимо провинциальные» — это только малая часть оценок, данных

им «коренным украинским интеллигентам». Встреча с гетманом П. П. Скоропадским и премьер-министром Ф. А. Лизогубом оставила, например, у него следующее впечатление: «У меня было такое же чувство, как бывало у меня, профессора Университета, в отношении к достойным и уважаемым преподавателям гимназии».

Историческая репутация многих из них меркнет и уничтожается под острым пером внимательного психолога Зеньковского. «Невообразимый дилетант» С. П. Шелухин, «делец и хищник» И. А. Кистяковский, «растрепанный историк» М. С. Грушевский, «неугомонная “муха”» Д. И. Дорошенко и мн. др. появляются на страницах воспоминаний как главные виновники провала украинского проекта.

В. В. Зеньковский, как психолог и педагог, был явно увлечен изучением психотипа «политического украинца» и, в известном смысле, разработал методику его анализа. Поэтому характеристики, данные Зеньковским, выгодно отличаются от критики политических противников с элементами площадной риторики, которую использовали другие украинские деятели (Д. И. Дорошенко, например, так оценивал премьер-министра УНР В. А. Голубовича: «кретинообразный субъект, не умевший связно произнести даже коротенькой речи, вялый, без инициативы, тупой»). Зеньковский, напротив, не ругал, не осуждал, не клеймил украинских деятелей, а пытался проникнуть в мотивацию их действий, мыслей и чувств, доходя до «политологического фрейдизма» — изучения темы любви Украины к России.

В-четвертых, В. В. Зеньковский, будучи членом неформальной кадетской группы в правительстве Ф. А. Лизогуба, винил в неудачах гетманата сторонников иных идеологических течений (чаще всего большевиков и консерваторов). В подаче В. В. Зеньковского либеральная кадетская оценка политической ситуации выглядит средней, то есть, по его мнению, наиболее реалистичной, наиболее правильной, наиболее взвешенной и лишенной «излишеств». Кадетская идеология не является предметом критики, она является критерием

оценки — это нужно иметь в виду, анализируя воспоминания министра исповеданий.

В. В. Зеньковский как наблюдатель и исследователь революционного творчества лидеров украинского движения неоднократно выделял такую его особенность, как расхождение между категориями воображаемого и реального.

Но это расхождение можно в полной мере отнести и к самому аналитику и мемуаристу. Нельзя определить, что является первопричиной пребывания проф. Зеньковского в воображаемом мире — его приверженность либеральной идеологии и объяснение мира с помощью ее категорий или принадлежность к «политическим украинцам», вынужденным придумывать и создавать «модерновое» государство, народ, культуру, исходя из идеала «воображаемой нации». Но, как бы то ни было, идеологическая ограниченность автора оставила свой след на страницах его сочинения. «Деспотизм», «грех самодержавия», «суровый режим», «вульгарный сервилистический консерватизм» и противостоящие им «взрыв революционных сил», «целительные творческие силы», «здоровое национальное развитие» — эти либеральные и националистические клише используются автором довольно часто. Для объяснения своей позиции в конкретном вопросе В. В. Зеньковский пускается порой в общие рассуждения о «живом ощущении неповторимости и ответственности исторической минуты и потребности активного действия», об «общенародном стремлении к здоровью», о необходимости решить «проблему свободного и плодотворного развития».

О том, удалось ли В. В. Зеньковскому объяснить и оправдать свою министерскую работу в гетманском правительстве, судить читателю. Но наблюдать за формами, методами, приемами оправдания чрезвычайно интересно, тем более что Зеньковский обнаруживает удивительную для политика наивность в изложении своих взглядов. А, с другой стороны, его воспоминания — повод задуматься над тем, как трудно, а порой невозможно избавиться от заработанной политической репутации...

В. В. Зеньковский, уклоняясь от жанра мемуаров в сторону историософских рассуждений, выделял несколько важных проблем («вопросов», «узлов») развития русской революции и обусловленных ею региональных проблем. Это помогло ему представить свой жизненный путь как органичную часть истории русской общественно-политической мысли, религиозной философии, Церкви, государства.

Три вопроса выделял В. В. Зеньковский, видевший развитие русской революции из Киева и Одессы, — «политический, церковный и культурный». Даже при поверхностном взгляде видно, насколько актуальны оценки и выводы бывшего министра применительно к современному периоду, переживаемому Россией и другими бывшими советскими республиками.

Актуальность воспоминаниям В. В. Зеньковского, написанным в далекие 30-е годы, придают следующие общие для начала и конца XX в. проблемы:

- особенности постимперского политического развития, главная из которых — расхождение между заявленным и обеспеченным суверенитетом вновь образованных «государств», а также возможные в условиях распада империи варианты революционной демократии;

- своеобразие этнополитического размежевания, приведшего к национально-государственному и территориальному обособлению окраин бывшей Российской империи;

- положение Церкви в условиях революционного изменения российской государственности, поиск новых форм взаимоотношений Церкви с немонархическим государством, постепенная выработка новых правил, процедур и ритуалов.

«Политический вопрос». Украинская держава П. П. Скоропадского была одной из многих попыток создать государственность не на основе внутренних ресурсов, внутренней готовности и потребности, а на основе использования революционного момента. Это интересный вариант сочетания инерционно работающих фрагментов сложной системы имперского управления, разнообразных органов революцион-

ной власти и инструментов внешнего (в том числе оккупационного) влияния.

Мемуары В. В. Зеньковского, помимо прочего, содержат интересный материал, проясняющий действительный механизм формирования и деятельности властных институтов Украинской державы.

Наиболее заметная и забавная часть этого механизма — возросшая роль личных связей и контактов, определяющих состав политических и властных групп и группировок, основанных на родственной, профессиональной, территориальной (земляческой), идеологически-репутационной, партийно-кружковой общности. Встречи, беседы, совещания на квартирах, упомянутые В. В. Зеньковским, дополняют картину формирования аппарата Украинской державы и Министерства исповеданий в том числе.

Отсутствие легитимной преемственности сменяющих друг друга режимов и даже правительств при одном режиме — другая важная тема сочинения В. В. Зеньковского. Достаточно вспомнить, что, свергнув Украинскую народную республику, сменившую незадолго до того Украинскую советскую республику, гетманат, в свою очередь, уступил место чрезвычайной Директории, на смену которой вновь, но опять неокончательно, пришла Советская республика... Неутомимые историки подсчитали, что в Киеве власть менялась 14 раз.

Автор «Воспоминаний» не только заметил, но и попытался объяснить феномен создания элементарной системы управления всякий раз «на голом месте». Его внимание привлекло отсутствие таких признаков и ресурсов власти на Украине, как историческая традиция, национальное самосознание, территория, ответственная политическая элита, вооруженные силы, государственный аппарат и т. д. Его заботило отсутствие связи между киевскими правительствами и существовавшей автономно «какой-то местной властью».

В воспоминаниях В. В. Зеньковского отражена и такая особенность политики на Украине, как несогласованность действий министерств и подчиненных им структур, правитель-

ства и гетманского «двора», противоречия в целях и средствах между властями Украинской державы, военным руководством оккупационных войск и дипломатическими миссиями стран Четверного союза.

Проблема многовластия его занимала в контексте стихийного складывания новой иерархии центров принятия политических решений. Примечательно, что либеральный автор мемуаров обилие политических структур и, как следствие, вариативность политического развития на Украине никак не связывал с осуществлением идеи демократии.

Следствием постоянной борьбы за власть между этими центрами, начиная с партийных групп и заканчивая военным руководством стран Четверного союза, стала периодическая смена режимов из-за столкновения интересов. Смена режимов, в свою очередь, вызывала к жизни специфические методы и инструменты политики. Среди них — выделенные В. В. Зеньковским «полутайные, полуизвестные переговоры», создававшие общую «атмосферу заговора». Эта двухуровневая — легально-нелегальная — структура переходной власти отразилась на карьере и самого В. В. Зеньковского, который, по его данным, после совещаний у гетмана с участием оккупационной администрации был смещен с министерского поста.

Квинтэссенцией общего состояния Украинской державы была всеми признаваемая бутафория гетманского режима. В. В. Зеньковский добавил от себя несколько ярких штрихов, характеризующих псевдоисторическую и псевдонациональную легитимность Украины при П. П. Скоропадском. Неслучайно он был вынужден закавычивать многие термины, описывающие реальный политический процесс: «Великая Украина», «гетманщина», «самоопределение», «воля народа», «самостийная Украина», «конституция», украинское «правительство», «освобождение» Украины и т. д.

Нельзя не отметить еще одну особенность постимперского периода развития Украины, нашедшую отражение в «Воспоминаниях» В. В. Зеньковского. Эта особенность составляет

«нерв» сочинения, незримо присутствует на каждой странице, заставляя читателя невольно отстраняться от версии событий, изложенной мемуаристом, корректировать его оценки и выводы, отделять воображаемые конструкции автора от реальных масштабов и подлинного значения киевских событий 1918 года.

Эта особенность — противоречие между заявленным идеалом украинской самостоятельности и средствами ее достижения.

Следует оговориться, что банальность этого противоречия очевидна и не составляет украинскую особенность. Любая революция демонстрирует разрыв между целями и средствами: переход к более прогрессивной социально-экономической и политической стадии оборачивается архаизацией всех сторон общественной жизни, желание построить новый, справедливый порядок без насилия оборачивается необходимостью применения последнего тотального насилия, борьба за демократию приводит к диктатуре демократов и т. д.

Но есть в изложенной В. В. Зеньковским регионально ограниченной истории русской революции в 1918 г. и особый колорит. «Украинский» по целям и «украинский» по средствам политический процесс показан как внутренне неразрешимый, трагически обреченный и комически неполноценный.

«Суверенная» государственность оказалась возможной лишь в условиях оккупации и проведения центральными державами колониальной экономической политики.

«Свобода» украинского культурного развития неизбежно приводила к насильственной украинизации, дерусификации, «украинскому шовинизму», искусственному созданию и насаждению украинского языка, мало пригодного (особенно в то время) для науки, образования, богослужения, к неприкрытой этнической сегрегации.

Попытка преобразовать этнос в нацию, соединенную в том числе и единой системой права, оборачивалась чередой самовозглашений, присваиванием полномочий, ликвидацией «конституционных» и правовых актов предшествующих

или параллельно существующих «украинских государств», постоянным попранием еще сохранившихся формальных норм и правил. «Дерзость», меры, проведенные «явочным порядком», «самочинные» комитеты, съезды и собрания, «авантюра украинской самостоятельности», выход «за пределы своей компетенции» — эти и другие обороты использовал В. В. Зеньковский, рисуя положение дел на Украине в 1917–1918 гг., откровенно применяя их и к собственной деятельности.

Эта практика нарушения законности во имя установления справедливой законности — как следствие любой революции и как украинский феномен — требует осмысления и изучения. В. В. Зеньковский, попавший в тиски этого противоречия, очень изящно назвал его «путь творческого дуализма».

Немаловажна тема наличных ресурсов, которые могли быть использованы и использовались для создания «украинской государственности». В. В. Зеньковский весьма скептически оценивал саму возможность создания реального государства (и в смысле аппарата, и в смысле укорененной в культуре и традиции государственности) на Украине. Не случайно, описывая события 1917 г., он лишь вскользь упомянул Центральную раду и ее Генеральный секретариат и ничего не сказал о харьковском ЦИКе и его правительстве — Народном секретариате, которые в рамках различных идеологических конструкций мифологизируются и преподносятся как начальные формы настоящей украинской государственности. Для Зеньковского 1917 год — это лишь время хаотической и бурной деятельности самочинных «комитетов» и во множестве появившихся «секретарей».

Весьма характерно описанное им обсуждение в Совете министров итогов переговоров комиссии Шелухина-Раковского по вопросу установления границ между Украинской державой и Советской Россией после подписания Брестского мира. Патетический возглас главы кабинета Ф. А. Лизогуба: «Нет, это невозможно, недопустимо! Мы все пойдем бороться с боль-

шевиками за наши границы... — вызвал у министра исповеданий ощущение фальши и пустоты.

В. В. Зеньковский в своих «Воспоминаниях» не проводил анализа наличных ресурсов Украинской державы — экономических, территориальных, демографических и др. Но бывший министр заметил характерное для Украины того времени арифметическое соотношение ресурсов: их было недостаточно для создания полноценного суверенного государства, но было вполне достаточно для того, чтобы «продать» Украину какому-либо внешнему патрону.

Не случайно на многих страницах «Воспоминаний» присутствует тема торговли, продажи страны в интересах какой-либо группы политической элиты, «из которых одни ориентируются на Польшу и Францию, другие на Германию, а иные даже на Англию; есть также особая ориентация на папу...». В этих обстоятельствах политические союзы, абсурдные с идеологической и нелогичные с политической точки зрения, создавались не как адекватное отражение реального политического противостояния, а как партии по принципу выбора патрона-«покупателя» и определения условий «продажи»: «В поисках покровительства вопрос, естественно, ставился о том, — не только кому? но что? “продать”?»

Но что немаловажно, В. В. Зеньковский старательно выделял Украину на фоне других государств-лимитрофов и отстаивал ее «особый путь». Если Лифляндия, Курляндия, Эстония, Грузия и пр., по его убеждению, легко принимают такую форму существования как «суверенное государство в условиях оккупации», то Украина не может быть освоена каким-либо западным государством или союзом как некое геополитическое пространство. Следовательно, Германия и Австро-Венгрия, оккупировавшие 9 губерний России, были заинтересованы лишь в эпизодическом и частичном «грабеже» украинского сырья и продовольствия.

Готовность к «продаже» со стороны украинских политиков и готовность к «покупке» со стороны в то время стран Четверного союза (и позднее Антанты), по логике В. В. Зень-

ковского, породили их взаимопонимание и взаимодействие: «Полной честности не было ни у кого, все стояли на позиции условных соглашений, у всех был элемент дипломатической игры и коварства».

«Церковный вопрос» в не меньшей степени, нежели политический, волновал проф. Зеньковского.

Взгляд В. В. Зеньковского на события первых послереволюционных лет основан на апологетике идеи «свободной Церкви». Эта идея была теснейшим образом связана с либерализмом и демократизмом, идеологемы которых с разной степенью глубины переключивались духовными мыслителями и светскими философами на идею «соборности» Русской Церкви.

В данном случае нет необходимости анализировать особенности философской и идеологической конструкции, которую Зеньковский положил в основу своего анализа. Это предмет изучения философов и историков философии, заложивших своими работами основу «зенькововедения». Мемуары, в которых описан министерский опыт члена Киевского РФО, содержат материал о воплощении идеи «свободы», о ее практической реализации, о формах и методах ее претворения в жизнь.

Интересные сведения, содержащиеся в мемуарах, служат дополнением светских — советской и парламентской — схем, с помощью которых в исторической литературе восстанавливается логика и содержание русской революции. Идея, культивируемая членами религиозно-философского движения, согласно которой Церковь трактовалась как союз верующих, а не как исторически сложившийся институт с присущей институциональной стадии развития иерархической структурой, получила воплощение в демократизаторской политике Временного правительства. Советы, комитеты, съезды, собрания, Соборы, созываемые церковной и околоцерковной общественностью, органично вписывались в революционную практику свержения прежней бюрократии, охватившую все сферы управления.

Активное участие в этой стадии церковной революции принял и Зеньковский — участник митингов-собраний, организованных воодушевленными революцией членами РФО, Всероссийского съезда духовенства и мирян, Киевского епархиального съезда и новоизбранного епархиального совета. Разочарование Зеньковского в демократизации церковной жизни наступило довольно быстро. Но интересно, что он при описании событий 1917 г. занял позицию стороннего наблюдателя или резонера, равно дистанцируясь и от политики нового обер-прокурора В. Н. Львова, и от министра исповеданий Временного правительства А. В. Карташева, и от сторонников украинского автокефализма: «Я еще плохо разбирался во всем, но чувствовал уже тайное отвращение к этой «мазне», к этой недостойной игре вокруг Церкви». Это противоречие между интеллигентской позой и стремительной церковно-революционной карьерой Зеньковского — повод для серьезных размышлений над проблемой «трагедии русского либерализма».

Наиболее содержательны, безусловно, главы мемуаров, в которых описан министерский опыт экстраординарного профессора, предстающего уже в иной ипостаси — активного и сознательного субъекта реформирования Церкви и церковно-государственных отношений.

Зеньковский стал министром исповеданий правительства П. П. Скоропадского в период работы Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 г. Выборы Патриарха и интронизация Тихона состоялись в ноябре 1917 г. — на первой сессии Собора. Зеньковский был министром исповеданий в мае—октябре 1918 г., что совпало с третьей сессией Собора, работавшей в июне—сентябре 1918 г., т. е. уже при советской власти.

Главными политическими противниками Зеньковского на Украине стали викарий Киевского митрополита Никодим (Кротков), в руках которого сосредоточилось управление Киевской епархией после убийства митрополита Владимира (Богоявленского), и митрополит Харьковский, а затем Киевский

и Галицкий Антоний (Храповицкий). Идеологическое противостояние консерваторов-«охранителей» Никодима и Антония с либеральным министром исповеданий усложнялось рядом обстоятельств. Во-первых, Всероссийский Поместный Собор разрабатывал новые правила церковного управления параллельно с развитием событий в Украинской державе. Во-вторых, спорная по ряду обстоятельств правовая система державы Скоропадского и сама легитимность этого государства приходили в известное противоречие с каноническими правилами Церкви (это явно проявилось в спорах относительно статуса Киевского митрополита). В-третьих, антимонархическая революция парадоксальным (или естественным?) образом привела к усилению роли государства в делах Церкви, к прямому вмешательству в ее дела, к фактическому диктату. И если рядовой член Временного правительства обер-прокурор Львов присвоил себе полномочия православного монарха, то эта революционная логика получила свое завершение в акте принятия в январе 1918 г. СНК РСФСР Декрета об отделении церкви от государства.

Деятельность министра исповеданий и его противостояние с митрополитом Антонием и епископом Никодимом в полной мере отразили все противоречия и парадоксы революционного времени. Усложнили дело киевские обстоятельства — убийство Киевского митрополита Владимира (Богоявленского), украинизаторская политика Центральной рады и режима Скоропадского, активность автокефалистов.

В итоге борьба В. В. Зеньковского за «свободную Церковь» с Церковью и ее иерархами сосредоточилась вокруг ряда вопросов: 1) статус Украинской Церкви, 2) выборы и назначение нового Киевского митрополита, 3) подготовка и созыв Всеукраинского Церковного Собора, представительство на Соборе и его полномочия, 4) источники финансирования Церкви (от бюджетных поступлений до кружечных сборов), 5) подчинение консисторий, их полномочия, функции епархиальных советов (они заменили консистории согласно решениям Всероссийского Церковного Собора), 7) реформа

низшего, среднего и высшего духовного образования, новый устав Киевской духовной академии, открытие богословских факультетов в университетах, 8) украинизация Церкви, 9) отхождение к сторонникам автокефалии.

Отношение Антония, Никодима и других иерархов к гетману было сложным, но обе стороны встали на путь выработки неких формальных правил общения. Принять же министра исповеданий и его министерство, составленное из знакомых, коллег Зеньковского и проч. местных кадров, церковные иерархи так и не смогли.

Быстро меняющаяся партийно-политическая конъюнктура на Украине придала проблеме реформирований Русской Православной Церкви и поиска новых форм взаимодействия с властью характер местной интриги. Очень интересно следить по тексту воспоминаний за тем, как церковные и государственные деятели стремились вовремя (в выгодное время, раньше или позже) созвать епархиальный совет, епархиальное собрание, сессию Украинского Собора. Привлекает внимание манипулирование составом этих собраний, которое с разным успехом применяли и иерархи Киевской митрополии, и сторонники автокефалии, и Министерство исповеданий.

Весьма показательна для раскрытия сущности украинской интриги история борьбы околоцерковной общественности за автономию «Украинской Церкви», наиболее обстоятельно описанная министром исповеданий. В результате этой борьбы за либеральные принципы организации Церкви В. В. Зеньковский, по его признанию, оказался фактически «обер-прокурором», чье вмешательство в дела Церкви превысило времена Святейшего Синода. Он был сознательным нарушителем канонических правил и норм взаимоотношений светской и церковной власти: «...Я перескочил формальные перегородки, разделявшие сферу моей компетенции, как носителя государственной власти, от компетенции местной... церковной власти», «Я снова нарушал... нормальные границы для светской власти — но что было делать...». Привер-

женность принципу «свободная Церковь в свободном государстве» привела В. В. Зеньковского к обратному — прямому отождествлению Министерства исповеданий во главе с собой с коллективным «царем в Церкви».

Мемуарист привел многочисленные примеры «революционного» творчества в сфере сохранения (изобретения) традиций и ритуалов: присутствие гетмана на службе в Софийском соборе, устройство «трона» для гетмана во время Всеукраинского Собора, обращения митрополита к гетману как к монарху и проч. То ли комичным, то ли драматичным выглядят на этом фоне «обмены визитами» митрополита Антония, находившегося в резиденции в Киево-Печерской лавре, и министра Зеньковского, чье министерство располагалось в усадьбе Софийского собора.

Следующий вопрос, важный в начале и XX, и XXI веков, — это политический и церковно-канонический аспект разделения единого русского православия на особо организованные и управляемые единицы. Основной заботой В. В. Зеньковского как министра исповеданий была борьба за автономию специфически понимаемой им «Украинской Церкви». Превратно понятая «свобода», опережающая «право» — этот казус отразился на истории Православной Церкви на Украине в полной мере.

Помимо этого, в мемуарах министра исповеданий показана взаимосвязь украинского движения «автономистов» и «автокефалистов» с процессом областного (регионального? этнического? национального?) самоопределения. На части территории ныне суверенной Украины церковное единство или, напротив, разделение теснейшим образом были связаны с политическими изменениями. Достаточно вспомнить самое начало — Брестскую унию 1596 г. и появление специфической (в каноническом и этнополитическом смысле) униатской церкви. А «Воспоминания» В. В. Зеньковского ценны постольку, поскольку освещают историю первых послереволюционных лет, открывших новый период этнополитизированной истории Украины, продолжающийся и поныне. Следует

напомнить, что при изучении истории революции и гражданской войны сегодня используется, в основном, светская — советская или парламентская — схема. И в этой связи воспоминания В. В. Зеньковского — «священника в сюртуке», светского профессора, гетманского министра исповеданий — окажутся полезными не только историкам Церкви, религиоведам, богословам и специалистам по каноническому праву.

«Культурный вопрос». В Предисловии к воспоминаниям, написанным В. В. Зеньковским, содержится характерная и угрожающая по смыслу фраза: «Принадлежа по своему происхождению на $\frac{7}{8}$ к украинцам»...

Невольно в памяти всплывает $\frac{1}{16}$ — норма американских расовых законов, заштрихованные сектора германских расовых таблиц периода Третьего Рейха... Тема чистоты крови, высчитывание мемуаристом процентного соотношения этнических компонентов в своей семье — неслучайны. Они свидетельствуют об остроте и глубине раскола сознания отдельного человека в период распада единого государства, о глубоком внутреннем кризисе самоидентификации.

Историософские рассуждения В. В. Зеньковского о взаимоотношениях условно понимаемых «России» и «Украины» — намеренная попытка рационального осмысления и своего жизненного пути, и пути своей страны, предпринятая на фоне глубоких внутренних переживаний автора.

Русский националист В. В. Шульгин в знаменитой беспощадно-ироничной работе 1939 г. «Украинствующие и мы» предлагал различать 3 категории «украинствующих»:

- «1. Честные, но незнающие. Это те, которых обманывают.
2. Знающие, но бесчестные; призвание сих — обманывать “младшего брата”.
3. Знающие и честные. Это маньяки раскола; они обманывают самих себя».

К какой же категории принадлежал профессор В. В. Зеньковский? Безусловно, к третьей, поскольку к «незнающим» и наивно заблуждающимся его отнести нельзя. Но он — особый подвид «знающих и честных», он — либеральный профес-

сор, сторонник мягкого раскола, оформленного «народным представительством», приверженец правового урегулирования спорных вопросов и, как он сам выразился, «мирной программы русско-украинского сближения». Он, безусловно, не мог принадлежать к тем, кто посылал угрозы «врагам украинского народа» и грозил им мышьяком...

«Пять месяцев у власти» лишь малая часть обширной историографии, посвященной проблеме возникновения национального сепаратизма из недр областничества, регионализма, мании создания национальной культуры на основе апологетики местных, народных, крестьянских, этнографических особенностей. Активная полемика по этому вопросу развернулась во вт. пол. XIX — нач. XX в., охватив и русскую общественность, и эмигрантские круги, затем активизировалась после революции 1905—1907 гг., а после 20-х гг. XX в. пополнилась написанными в эмиграции историческими и публицистическими работами, где анализировался феномен русской революции и ее неожиданные итоги.

Но и на этом фоне «Воспоминания» В. В. Зеньковского вызывают определенный интерес, несмотря на то, что раскрывают особенности русско-русского размежевания и «рождения Украины» не очень глубоко, не вполне научно, не предельно обобщенно.

Дело в том, что «Пять месяцев у власти» — не политический манифест «украинства» и не лукавые мемуары политика, преследующего определенные цели. Это уникальный пример добровольного саморазоблачения и, если угодно, исповеди. Неслучайно авторский стиль «Воспоминаний» отличается серьезностью, откровенностью и отсутствием иронии и самоиронии. А тема «России-Украины» буквально выстрадана автором, она — причина нескончаемой и глубокой боли Зеньковского — то ли «русского украинца», то ли «украинского русского».

Ознакомление со взглядами проф. Зеньковского на «украинскую проблему» стимулирует у читателя интеллектуальное и духовное напряжение, поскольку противоречивая позиция

автора потребует выстраивания нескольких уровней анализа. Нельзя не увидеть в концепции В. В. Зеньковского традиционной рефлексии русского интеллигента, выросшего на отрицании исторической российской государственности. Нельзя не заметить и мучительной рефлексии эмигранта, неизменно вызывающей сочувствие, понимание и одновременно некоторое отторжение. И, наконец, третий источник рефлексии автора — это его приверженность «украинству» как идеологии и как тоталитарному интеллигентскому сообществу, навязавшему ему инаковые расово-антропологические, культурные и политические инструменты самоидентификации.

Несмотря на то, что В. В. Зеньковский в изложении своей историософской концепции «России-Украины» пытается позиционировать себя как объективного резонера, ему это не удается. Он предстает как типичный представитель того культурного и политического типа «украинца», который сформировался в начале XX в. и ярко проявился к его концу.

Главной чертой украинского сознания является определение Украины через Россию. Только исторические народы и государства самодостаточны и в самом широком смысле суверенны, поскольку творят осмысленную историю, то есть обладают набором собственных ценностей и мировоззренческих устоев, с помощью которых видят себя во времени и пространстве, оценивают прошлое и творят образ будущего. Украина же без России неисторична. К этому выводу подталкивает и содержание «Пяти месяцев у власти».

В. В. Зеньковский, как многие «украинцы» до него и после него, был вынужден решать главный вопрос: что такое Украина по отношению к России? Возможные ответы могут варьироваться от «Украина — это Россия» до «Украина — не Россия». Но «политического украинца» выдает не ответ, а сама постановка вопроса.

В. В. Зеньковский, попавший в ловушку этого исторического и идеологического силлогизма, лихорадочно метался между органической принадлежностью к России и «украинством». Читателю будут чрезвычайно интересны нюансы этих психо-

логических и рациональных метаний: «Романтическая влюбленность в свой край, в свои песни, искусство соединялась с раздражением, отталкиванием от всего “российского”...», «Россия вызывала к себе вражду именно своей необъятностью, своей изумительной гениальностью...», «Для украинцев важно отстоять свое национальное бытие, и они все в глубине души понимают, что без России им не обойтись...».

И уж совсем неожиданно после многочисленных обвинений и царского режима, и русской интеллигенции, и А. И. Деникина, не объединившегося с С. В. Петлюрой, в непонимании украинства звучит его признание: «Мне лично проблема Украины была и остается чуждой...»

Поразительно, но сам В. В. Зеньковский использовал формулу «двойственность национального сознания», которую, по его мнению, надо поддерживать в украинцах. «Двойственность национального сознания» — это синоним пресловутой «двойной лояльности», ставшей предметом исследований современных политологов и социологов, изучающих положение и мышление иммигрантов из бывших республик Советского Союза, резко увеличивших свое присутствие в России как раз после суверенизации.

Эта «двойственность», если опираться на мнение В. В. Зеньковского, — главная характеристика украинского психотипа. И ситуации, описанные мемуаристом, и персонажи, с поразительной быстротой сменяющие друг друга на подмостках исторической сцены и на страницах «Воспоминаний», и внутренний мир самого В. В. Зеньковского — все это невольная демонстрация целой кунсткамеры украинских комплексов, порожденных «двойственностью сознания», которые настолько противоречивы, что уравнивают и отрицают друг друга. Мучительное ощущение собственной неполноценности и «непобедимой провинциальности», придание своей деятельности исторического масштаба и геополитического размаха, деловой энтузиазм, активность, «маниловщина», «мегаломания», «крайнее неразумие, нереализм», «отсебятина», политический цинизм

и романтизм... Все эти характерные черты и проявления «украинского сознания» порождены неизбежной самоидентификацией через Россию, какой бы формой правления, территориального устройства и режима она ни была ныне представлена.

Весьма показательно, что продолжением этих комплексов является стремление вырваться из украинской среды, подняться с украинского на общероссийский уровень, парадоксальное стремление трактовать и использовать Украину как средство обустройства (наказания, исправления, обучения, разрушения, сохранения и т. д. до бесконечности) России. Не случайно В. В. Зеньковский, обдумывая свой опыт и строя планы на будущее, обмолвился: «Если бы Господь меня поставил быть Министром исповеданий всей России...» И даже: «Если бы я был царем...»

Позиция «жертвы» — логичное порождение ущемленного сознания «политического украинца», вызванного неизбежностью определения себя через Россию. Эта «жертвенность» — характерная черта сознания и культурного «укаинофила», и «политического украинца». Она порождает в их сознании неискоренимую «манию преследования». Плач, дума, кладбищенские, больничные или тюремные ассоциации — особенность стиля «политических украинцев», который дает о себе знать и на страницах «Пяти месяцев у власти». «Горькая судьба Украины», «трагедия» ее географии и истории, «исторически обездоленный край», «угнетение», «угрюмые условия», «техника тирании», «гонения на украинство» — эти и другие характерные обороты использовал В. В. Зеньковский, невольно спекулируя на пафосе жертвы.

Оборотная сторона позиции «жертвы» — это агрессивность, воинственность, реальный и умозрительный шантаж России, основанный на прямых и косвенных угрозах. В. В. Зеньковский не доходил до психоза прямого шантажа, но мотив «Россия без Украины не выживет» присутствует в его работе. Этим объясняется возникновение на последних страницах его «Воспоминаний» темы подготавливаемого украинскими сила-

ми «восстания» и «войны Украины с Россией». Исторический и политический контекст этих «восстания» и «войны», учитывая, что «Воспоминания» были написаны в 1931 г., не вполне ясен: «Я вообще готов сказать, что возможность войны между Россией и Украиной — в форме ли обычной войны или в форме восстания (в случае если Украина силой событий окажется под эгидой общероссийской власти) — чрезвычайно велика». Скорее всего, эта тема появилась как следствие его участия в упоминаемых выше русско-украинских дискуссиях. Ставка на вооруженное восстание не была сообразна идеологическим взглядам Зеньковского, но была органически присуща идеологии украинского национализма. Достаточно напомнить, что в начале 20-х гг. была создана военизированная УВО, в 1929 г. появилась ОУН, в том же году на собрании украинцев из числа бывших военных обсуждался вопрос о вооруженном восстании на «украинских землях» в Польше и СССР.

Внеисторичность — очередная типичная черта «украинского сознания». Стремление сотворить страну, культуру, народ, государство, нацию в настоящем ретранслировалось в прошлое и будущее. Телеологичность, склонность к некорректной исторической экстраполяции нашли отражение и на страницах воспоминаний профессора Киевского университета. Хотя он замечал, что в 1918 г. «фактически “Украиной” называлась территория немецкой оккупации», это не помешало ему увидеть ту же «Украину» (в виде территории? государства? страны? региона? этнической общности? пограничного геополитического пространства? или опять же «зоны оккупации»?) в далеком прошлом: «После XIV в. Украина находилась между тремя крупными государственными образованиями — Московским государством, Польшей, а позднее и Турцией».

Справедливости ради следует отметить, что влияние идеологии, в том числе и националистической, на историческую науку серьезно осложняет верификацию данных. И В. В. Зеньковский невиновен в том, что лакуны, порожденные комплексами «украинского сознания», заполняются им

научно бессмысленными (а следовательно, ни доказуемыми, ни опровергаемыми) тезисами.

Следствием состязания «национального мифа» и научных данных является проблема терминологии, вербализации «украинской темы» и всего, что с нею связано. В. В. Зеньковский, как уже выше отмечалось, нашел остроумный способ — закавычивать многие понятия, используемые им при описании политической ситуации на Украине в 1918 г.

Но это и другие ухищрения проф. Зеньковского не позволяют ему преодолеть еще одну явную черту «украинства» — противоречивость сознания, замеченную еще первыми критиками данной версии сепаратизма. Поэтому создать четкое, законченное, целостное представление о взглядах В. В. Зеньковского невозможно.

Достаточно привести лишь несколько характерных примеров. С одной стороны, В. В. Зеньковский проповедует творческую силу и мощь украинской культуры, «украинский гений»; с другой стороны, говорит о «бессилии украинской культуры». В одной главе он характеризует гетманат как режим, при котором отсутствовала русофобия, а в другом месте замечает, что члены кабинета министров считали социализм порождением «москалей» и старались лишь блюсти вежливость к «ненавистному соседу». В рамках исторического экскурса он проповедует тезис о том, что русская культура XVII—XVIII вв. — «общая», а чуть далее по отношению к России использует термин «соседняя культура». Он обвиняет русскую интеллигенцию в том, что она является носителем предубеждения, в соответствии с которым украинское — обязательно антирусское, но сам же признает, что перспектива отделения Украины от России означает обязательное ее включение в какую-либо иную государственную систему (в то время Германии, Польши). С одной стороны, он считает, что украинские националисты не имеют реальной основы для осуществления своего идеала. А с другой стороны, оказывается, что это «подлинные и действенные императивы души, идущие из глубины,

есть реальная, а не надуманная, творческая, а не мечтательная сила». И даже предупреждает Россию и русских о том, что Украина может стать «очагом заразы, источником длительных потрясений, могущих потрясти окончательно существование России».

Но порой не нужно сравнивать рассыпанные по всему сочинению противоречивые оценки. Есть целые разделы и отрывки текста, которые представляют собой красивое, образное, эмоциональное, но не поддающееся анализу нагромождение тезисов. Типичны в этой связи заключительные страницы IX главы: «Служение Украине и служение России не были для нас двумя задачами, а были — по существу, а не только на словах, одной задачей. Мы искренне служили свободной Украине, но мы слили ее в такой нерушимой связи с Россией, что, служа Украине, служили и России. Важно еще было то, что мы своим честным и добросовестным служением Украине стремились спасти Украину для России...»

И последняя из очевидных характеристик идеологии «политического украинства», на которой следует остановить внимание, — это узость, замкнутость, заикленность, бесконечное комбинирование ограниченного набора старых-новых тезисов. Эта «дурная бесконечность» связывает сочинение В. В. Зеньковского 1931 г. с современным периодом, оживившим дискуссии конца XIX — начала XX в.

Поэтому внеисторическая актуализация взглядов В. В. Зеньковского, к счастью или к сожалению, неизбежна.

Неизбежна она и потому, что стиль В. В. Зеньковского, отмеченный традицией русского психологизма, вводит читателя не только в область рациональных рассуждений, но и в область глубоких эмоциональных переживаний. Ни в одном научном исследовании, например, невозможно найти столь интимных и болезненных рассуждений о «превратностях любви»: «Замечательнейший, наводящий на глубокие историософские размышления парадокс в украинской душе... состоит в том, что они любят Россию в глубине души даже тогда, когда искренно и глубоко оттал-

киваются от нее в верхних слоях души. Ведь любовь к России в украинской душе — любовь без взаимности, и вся горечь неразделенного чувства, вся тревожная и мучительная острота положения оборачивается тем, что энергия любви к России в процессе подсознательного сдвига уходит в ненависть...

Совсем иначе в русской душе! Украина может быть мила, забавна, любопытна, но в русской душе нет ни братского чувства, ни братского интереса к Украине...»

Таковы были взгляды В. В. Зеньковского в 1931 г. Впереди его ждала долгая, непростая, творчески плодотворная жизнь — закономерно и справедливо поставившая его вне Русской Православной Церкви Московского патриархата.

В самом начале Второй мировой войны он был арестован французскими властями, сорок дней находился в тюрьме, а затем был переведен в лагерь для интернированных лиц на юге Франции, где провел больше года. В 1942 г. произошло событие, к которому В. В. Зеньковский шел всю свою жизнь, пройдя эволюцию от атеиста и позитивиста до религиозного философа и, наконец, священника: митрополитом Евлогием (Георгиевским) он был рукоположен в священнический сан. А в 1944 г. после смерти декана Богословского института о. Сергия Булгакова он занял его место. В 1945 г. В. В. Зеньковский не поддержал митрополита Евлогия, выразившего готовность к воссоединению РПЦЗ (а точнее ее части — «евлогиан») с Московским патриархатом. Епархиальный съезд Русского западноевропейского Экзархата, проходивший в 1946 г., принял решение о сохранении юрисдикции Константинопольского патриархата. В 1948 г. В. В. Зеньковский получил степень доктора философии. До самой смерти, наступившей 5 августа 1962 г., он был профессором философского факультета Свято-Сергиевского Богословского института в Париже и главой Российского студенческого христианского движения (РСХД). Похоронен о. Василий Зеньковский на кладбище Сент-Женевьев де Буа в Париже...

«Возвращение на Родину» В. В. Зеньковского состоялось в полной мере. Его работы прочно и основательно вписаны в контекст развития русской философии. Востребован его вклад в теорию и практику отечественной педагогики, особенно в связи с возросшим в последнее время интересом к теоретическому наследию и новациям христианской педагогики. К его личности и работам исследователи неизменно обращаются при разрешении вопроса о соотношении либерализма и православия. Объединение РПЦ и РПЦЗ обострили внимание к истории и современной работе Свято-Сергиевского института, профессором и деканом которого был о. Василий. «Пять месяцев у власти» возвращают нам Зеньковского-политика.

И. Ю. Сапожникова

В. В. Зеньковский

**ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ
У ВЛАСТИ**

Предисловие

С 15/V по 19/X я входил в состав Совета Министров при Гетмане П. П. Скоропадском в качестве Министра Исповеданий. То, что мне пришлось видеть и пережить в эти месяцы, уже давно принадлежит истории, и мне кажется уместным ныне записать то, что удержала моя память из этого периода. Как до своего вступления в Совет Министров, так и после оставления своего поста я совершенно не занимался активно политикой, но зато в течение 5 месяцев мне пришлось невольно быть ответственным участником интересного в различных отношениях политического опыта, о котором до сих пор и в русской, и в украинской политической и исторической литературе нет объективного и вдумчивого рассказа. Принадлежа по своему происхождению на $\frac{7}{8}$ к украинцам, я по воспитанию и чувствам всецело и абсолютно принадлежал России, — и это создавало лично для меня постоянные трудности на обе стороны. Те русские люди, которые узнавали о моем участии в украинском правительстве, нередко начинали относиться с недоверием ко мне, как русскому человеку. А украинцы, хорошо зная о том, что я не только не разделяю политических идей сепаратизма, но и по своим убеждениям и чувствам являюсь русским человеком, относи-

лись и относятся ко мне с чрезвычайным недоверием, нередко награждая меня званием «зрадника» (изменника). А между тем, помимо своей воли, мне пришлось, будучи русским человеком, действовать в составе украинского правительства... Я не жалею о том, что судьба моя сложилась именно так. По роду своей деятельности я не принадлежу к тем, кто может претендовать на широкое общественное внимание, — и это позволяет мне относиться спокойно и даже равнодушно ко всем несправедливым и даже враждебным характеристикам меня вроде той, которую бегло, между прочим дает мне А. И. Деникин в своих «Очерках русской смуты». А в то же время я хорошо сознаю, что судьба дала мне редкую возможность войти в враждебный ныне России стан украинской политической интеллигенции, дала возможность составить (объективное, надеюсь) суждение о русско-украинской проблеме. Не случайно и не безответственно послужил я делу Украины, оставаясь в то же время верным и сознательным сыном России. Я претендую на то, что то понимание русско-украинских отношений, которое сложилось у меня, одно лишь дает надежный выход из тупика, в котором пока пребывают эти отношения. Именно это убеждение, сознание действительной и серьезной политической и культурной проблемы об отношении России и Украины, сознание, что от решения этой проблемы будет зависеть очень многое в судьбах России побуждает меня записать свои воспоминания о пребывании своем в течение 5 месяцев в составе украинского правительства.

Три основных узла соединяют Россию и Украину — политический, культурный и церковный. Следовало бы внести сюда еще экономическую связь России и Украины, которой тоже принадлежит исключительно важное место в вопросе об русско-украинских отношениях, но я по складу своих занятий и интересов всегда очень далеко стоял от экономической области и решительно уклоняюсь от того, чтобы касаться этой стороны вопроса. Что же касается указанных трех сфер, то в них я вращаюсь давно и имею смелость с достаточной настойчивостью претендовать на объективное значение

своих взглядов в этих вопросах. Чтобы сделать для читателя настоящих мемуаров понятным сплетение этих трех моментов в тех событиях, которые я имею в виду описать, я считаю необходимым предпослать моим воспоминаниям большое введение, могущее помочь читателю ориентироваться в той обстановке, в которой происходили описываемые мной события. Это введение должно осветить политические, культурные и церковные события, предшествовавшие периоду, который я описываю, и должно состоять из трех отдельных глав. Кроме того, к основному содержанию мемуаров я считаю целесообразным присоединить особую часть, дающую в обобщенной форме итоги моих наблюдений и размышлений.

В настоящем предисловии мне хочется упомянуть вот еще о чем. Зимой 1925 г. в Праге состоялось несколько закрытых собраний русских и украинских политических деятелей — по 4—5 человек с каждой стороны. Это были П. П. Юренев, А. В. Маклецов, А. В. Жекулина, А. Л. Бем и я — с русской стороны, Д. И. Дорошенко, А. И. Лотоцкий, С. Н. Тимошенко и А. Я. Шульгин — с украинской. Инициатива этих собраний исходила от Д. И. Дорошенко и меня (мы были с ним вместе в Совете Министров — Д. И. был Министром Иностранных Дел — и еще с тех пор мы были дружны с ним), — и оба мы попеременно председательствовали. Эти собрания ставили себе целью выяснить и конкретно формулировать условия русско-украинского сближения. Если мне не изменяет память, состоялось всего 5 собраний; прекратились они за очевидной для обеих сторон бесплодностью. Если Д. И. Дорошенко активно и сознательно стремился к выяснению взаимно приемлемых принципов русско-украинских отношений, то остальные представители украинской политической интеллигенции (принадлежавшие к группе социалистов-федералистов) были настолько неуступчивы и так мало обнаруживали охоты к тому, чтобы договориться до чего-либо положительного, что для обеих сторон стали неинтересны и бесцельны эти встречи.

Мне представляются эти беседы чрезвычайно знаменательными — притом в роковую сторону. И в этом случае — как

и до него не раз — я убедился, как трудно обеим сторонам понять друг друга и как мало у обеих сторон воли к тому, чтобы достигнуть этого понимания. Из всех присутствующих лишь 3 человека (Дорошенко, Бем и я, — да отчасти А. В. Жекулина) имели эту волю к взаимному пониманию и сближению, — остальные от этих встреч лишь окрепли в своих взаимно неприемлемых позициях. Украинцы покрывались в глазах русских стремлением к сепаратизму (хотя он и не составлял самого существа украинской позиции, как будет показано, при случае, ниже при анализе украинской политической мысли), а русские в глазах украинцев рисовались до конца начиненными «московским централизмом», что тоже было верно в очень незначительной степени. Беседы шли в исключительно дружественной атмосфере, в чрезвычайно корректных тонах, происходили они с обеих сторон в обстановке, чуждой страстей и давящей силы реальной жизни, — мы все были эмигрантами, чающими уже не мало годов возможности вернуться на родину. У всех была эта скорбь, создающая тихое раздумье и готовность спокойно взвесить слова собеседника, на сердце у всех было сознание, что в разъединенности политических групп и Россия и Украина имели главный источник распада и ослабления политических сил. И все же — несмотря на максимально благоприятные условия для беседы, она осталась бесплодной. Боюсь, что для обеих сторон не пришло тогда еще время плодотворной и жизненно трезвой встречи, — но кажется, не пришло оно еще и ныне? Неужели между Россией и Украиной должна открыться настоящая война, должна пролиться кровь, чтобы обе стороны поняли историческую необходимость соглашения и прочного, основанного на уважении и признании действительно существенных интересов мира? Боюсь думать об этом, но, кажется, это вооруженное столкновение одно может сурово научить русских политических мыслителей и деятелей признавать законность и неустрашимость основных требований украинцев, а украинских политических мыслителей и деятелей научить трезвости и сознанию неосуществимости и исторической бесплодности добиваться идеала державности «Великой Украины».

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1

Русская революция и ее политические проблемы до 1918 г. Положение на Украине до возникновения гетманщины

Формально началом русской революции считают последние числа февраля и первые дни Марта 1917 г. Однако разложение «старого порядка» приняло острый характер еще с осени 1916 г., и убийство Распутина, зловещим эхом прокатившееся по всей России, было уже сигналом начинавшейся бури. Паралич воли, растерянность, потеря веры в себя достаточно говорили о том, что власть уже не владеет событиями, что старый «порядок» уступает место хаосу, в котором исчезают все устои прежней жизни. Мне незачем здесь входить в общую характеристику того, что происходило в России, начиная с Марта 1917 г. — нам необходимо лишь подчеркнуть в событиях 1917—1918 гг. то, что имело свое значение для того периода на Украине, который носит название «гетманщины», — и прежде всего необходимо для этого выделить в сложном потоке событий 1917—1918 гг. те три момента, которые, по моему убеждению, имели решающее значение для путей России и ее отдельных частей. Эти три момента следующие: политический, социальный, национальный. Все они чрезвычайно связаны один с другим, хотя основное значение принадлежало лишь двум последним: политические перемены всюду (и в пределах России, и в «ли-

митрофах») определялись либо национальным, либо социальным мотивом. Отделившиеся от России лимитрофы нашли в политическом обособлении средство для разрешения своих национальных задач, — но тщетно они думали бы освободиться от того бремени, которое перешло к ним от прежней России в виде острой социальной проблемы. Революционный процесс в России, конечно, разлился потому, что старый строй просто рухнул и естественно открыл простор для каких-то новых политических процессов, — но динамическая напряженность революционного процесса, неожиданно для всех его деятелей, начиная с <конституционных> демократов до социал-демократов и даже большевиков определялась не отсутствием сопротивления, а тем, что история требовала разрешения двух первейших задач былой России — вопросов социального и национального. Русская революция, может быть, искусственно сейчас затягивается властвующей партией, превосходно усвоившей и знающей технику тирании, — но, возможно, что самая сила тиранов определяется тем, что русская земля в каком-то смысле нуждается еще в переходной власти. Когда мавр сделает свое дело, он должен удалиться; когда то, что нужно было жизни, придет — тогда внутренне закончится революционный процесс, хотя, может быть, не сразу свалится тирания. Но, не говоря о сегодняшнем дне, можно совершенно убежденно отстаивать то положение, что революция имела по существу две положительные задачи, которые должна была решить. Политическая ритмика в нашей революции определялась именно этим — Временное Правительство, было, конечно, плохим, а может быть, и никаким Правительством, ибо не имело (да и хотело ли иметь? Сейчас, через 14 лет, кажется, что и господин Львов, и все его сотрудники были своеобразными толстовцами, гнушавшимися власти...) никакой власти. Но оно могло бы держаться, если бы все же при нем могли быть разрешены основные требования жизни. Большевики психически овладели народом потому, что они кончили войну, отдали крестьянам всю землю, — а национальностям предоставили действительно полную (по крайней мере, первое

время) свободу «самоопределения». Большевики в значительной мере обманули тех, кто им поверил, но благодаря своему обману они овладели властью, — и раз ею овладев, сумели ее удержать. Временное Правительство не обладало властью, точнее — имело ее настолько, насколько не угасшая в населении инерция и действительная потребность в управлении считалась с Временным Правительством. Но всякий раз, как у него находилась достаточная сила своеволия или сопротивления, — Временное Правительство шло на уступки. В украинском вопросе это сказалось с полной силой; положение здесь ухудшалось тем, что в Петрограде не имели определенного отношения не только к Украине, но и вообще к национальной проблеме в России. Не было во Временном Правительстве определенного отношения и к социальной проблеме. Это значит, говоря другими словами, что во Временном Правительстве была ясна и определена лишь чисто политическая задача, задача «сведения концов с концами» в управлении огромным государством. Связь с иностранными державами, продолжение военных действий с Германией, наконец, подготовка учредительного собрания, на которое возлагались все надежды, — все это как бы оправдывало Временное Правительство в том, что оно не хотело стать настоящей властью. Большевики не посчитались с «волей народа» и разогнали Учредит<ельное> Собрание, — а Временное Правительство выпустило простую возможность направить огромную страну на верный путь — все из-за почтительного отношения к прерогативам Учредит<ельного> Собрания. И социальный, и национальный вопрос откладывались — и это-то в пору политического лихорадочного бреда, овладевшего на глазах всех «русской стихией»! Не мудрено, что овладели революцией другие, — они пришли с лозунгом «братания», они просто объявили все земли крестьянскими, сгоряча декретировали полную свободу национальным группам и легко вступали в сотрудничество с революционными националистическими силами. В частности, жалкая власть, именем Временного правительства управлявшая Киевом, вскоре после переворота в Петербурге была сброшена укра-

инцами и большевиками совместно. Как известно, до сих пор существуют украинские националисты, верящие, что их националистические чаянья могут осуществиться при помощи большевиков, — а уж тогда и говорить нечего. Победа большевизма была победой всяческого максимализма — поэтому так естественен в ту пору был тесный союз большевиков и левых с<оциалистов>-р<еволюционер>ов, развивавших максималистские идеи в вопросе о земле, так прост для большевиков был союз и с украинцами, и с грузинами, и другими революционными национальными группами, поднявшими знамя национального самоопределения вплоть до отделения от России.

Характерной чертой русской революции явилось бессилие и пассивность русской буржуазии и помещичьего класса. Единственные партии борьбы против большевиков принадлежали русскому офицерству и небольшой кучке интеллигентов типа к. д. Правые политические деятели, столь несносно шумевшие, когда они находились под покровительством власти, просто исчезли, провалились под землю или перекрашивались в к. д., а чаще более в левые цвета. Не много чести принес 1917 г. и русской интеллигенции, что ярче всего сказалось в безвольном риторизме пресловутого Государственного Собрания или безответственной тактике Предпарламента, но все же интеллигенция как некий бессословный «орден» дала не только тех, кто губил и замучил Россию, но дала немало крепких, сильных борцов за Россию — начиная с Шингарева, Кокошкина и др. Что же касается русской буржуазии и помещичьего класса (поскольку он не входил в состав политической интеллигенции), то они оказались просто в не-тях. Мученическая смерть бесконечного числа их навсегда обелила лично этих людей, павших жертвой большевистского террора, — но поскольку дело идет о классе, а не людях, то надо признать, что на сцене русской революции действовали всего только такие силы — народ (крестьяне и рабочие), демобилизованные и кадровые солдаты и матросы с одной стороны, — а на другой стороне русская интеллигенция, которая по своей разношерстности и пестроте течений, по не-

умению и нежеланию сговариваться, могла явить лишь постыдное зрелище политической негодности. Отдельные исключения (во всех политических течениях) не смягчают картины. И только в группе большевиков русская интеллигенция выставила несколько людей с умением властвовать, с желанием овладеть революцией. Несчастье России сравнительно с другими странами заключалось в том, что, в то время как германская революция выдвинула Эберта и Носке, как итальянская выдвинула позже Муссолини, — в России с талантами власти оказались Ленин да его сподвижники Троцкий и Дзержинский... «Эволюция» власти в России докатилась до Октября. Долго шел процесс «завоевания» России большевиками, которые в ту пору не имели еще регулярной армии, — и когда в Феврале был подписан Брестский мир с немцами, когда большевики поладили с ними и получили возможность сосредоточить все усилия внутри России, — им пришлось еще больше чем три года «собирать Россию»...

На Украине этапы ее политического развития были следующие. Сразу же после падения в России монархии на Украине вспыхнуло сильное национальное движение, революционно организовавшее «Центральную Раду», куда кроме делегатов от украинских партий вошло несколько представителей от русских левых партий на Украине. В различных губерниях Украины складывалась какая-то «местная» власть, но Киев, где собралась (если мне память не изменяет, уже в мае м^есяце) Центральная Рада, сразу стал «столицей», центром украинского национального движения. В Петербурге жило несколько видных членов революционных украинских партий, которые стали входить в сношения с Временным Правительством на предмет установления автономии Украины. Но горячие головы, заседавшие в Центральной Раде, не считались с тем, о чем шла речь в Петрограде. Они сами установили несколько «генеральных секретарей», которые были ответственны перед Центральной Радой; издали несколько манифестов к украинскому народу («Универсалы») и очень рано (помнится, уже в Июне 1917 г.) выставили

идею самостоятельной («самостийной») Украины. В Петрограде мало считались с этими волнениями, не придавали им большого значения, видя во всем этом естественную «реакцию» подпольных течений, впервые получивших свободу. Маниловщина, определявшая различные шаги Временного Правительства, присуща была и всем мероприятиям Временного Правительства в отношении Украины. В качестве «знаковок» были посланы в Киев Керенский, Терещенко и, если не ошибаюсь, Некрасов, которые от имени Врем. Правительства заключили своеобразный конкордат с Центральной Радой, признав за ней право ответственного руководства жизнью Украины и лишь ограничив это право местными делами (просвещения, земства и т. д.). Однако в эту же пору началось формирование украинских военных единиц и С. В. Петлюра сохранил звание военного министра (атамана), которое получил еще в первые дни Центральной Рады.

Никакой «конституции» в управлении Украиной, конечно, не было, но в виду того, что война с немцами еще велась и Киев входил в прифронтовую полосу. Верховная власть в т. наз. «Юго-Западном Крае» принадлежала командующему Киевским Военным Округом, каковым был назначен достойнейший по своим личным качествам, разумный и спокойный человек, менее всего подходивший, однако, для того, чтобы быть носителем власти, — К. М. Оберучев. Это своеобразное двоевластие — Оберучева и Центр. Рады — никого не смущало ни на Украине, ни в Петрограде — ведь такой же беспорядок и многовластие были всюду. В последнем счете все же «верховой властью» оказывалась та группа, которая могла двинуть войска и чисто физически настоять на своем.

Это было состояние политического хаоса, который не был до конца разрушительным только потому, что все еще действовала та колоссальная инерция, которая ввинчивалась в жизнь в годы войны. Медленно этот хаос побеждал инерцию, — еще в первые годы большевизма сила инерции не была совсем сломлена, — а все же переворот 25 Октября означал победу хаоса и первый шаг к новому — советскому — «порядку».

Первые шаги самостоятельной Украинской республики, провозглашенной совместно с большевиками, сразу же показали, что украинские интеллигенты (во главе с Винниченко) нисколько не лучше русских. Не прошло и двух месяцев, как небольшой отряд Муравьева осадил Киев, — и в несколько дней Киев сдался, а министерство во главе с Голубовичем (украинский с.-р.) удалилось на запад, что<бы> вскоре <после> этого начать сепаратные переговоры с австрийцами и немцами. В Феврале м<есяце> заключается украинским «правительством» (которое, собственно, ничем никогда не управляло) мир, и в первых числах Марта Киев увидел немецкие войска, оттеснившие большевиков. Началась страда оккупации. Политическое положение характеризовалось тем, что немцы заставили большевиков признать факт «независимой Украины», а в то же время немецким войскам, оккупировавшим Украину, пришлось с боем продвигаться вперед. Таким образом, на северной и центральной части русско-немецкой границы немцы не воевали с большевиками, на юге же, очерчивая границы Украины, немцы воевали с теми же большевиками. Все это было такой комедией со стороны немцев!

Для чего же им понадобилось затем вести «войну» с большевиками, в качестве «вспомогательных войск» при Украинском Правительстве? Для чего понадобилось затем вести (и бесконечно тянуть) так наз. «мирные переговоры» украинцев с большевиками — между Раковским и Шелухиным? Конечно, ключ к этой загадке заключался в том, что в то время называлось «планом Рорбаха» (по имени известного немецкого политического писателя и публициста), — в создании самостоятельной Украины, отделенной от России и входящей в систему государств Центральной Европы. Это был план тех «Randstaaten», в силу которого немцами (!) были воссозданы Польша, Литва, Латвия, Эстония как самостоятельные государства. Таким же государством объявлялась Украина — и немецкие войска номинально находились будто бы в распоряжении Украинского Правительства. На самом деле немцы

очищали южные части России по своему плану, стремясь дойти до плодотворной Кубани, чтобы обеспечить хлебом и скотом истощенные Германию и Австрию. Но фикция «вспомогательных войск» держалась все время...

Немцы попали в Украину при содействии украинских с.-ров, но Украина была слишком нужна им самим, чтобы они могли серьезно опираться на круги с.-ров. Они искали буржуазные элементы на Украине, и естественно, что Киев был центром этих всех исканий и переговоров. Первые месяцы немецкой оккупации принесли с собой очень существенный перелом в психологии промышленных и помещичьих кругов, которые не сговариваясь решили опереться на немецкую оккупацию. Да и как им было иначе поступить? Большевики буйствовали во всей России, первые вспышки только что начинавшегося добровольческого движения были еще ничтожны, переворот в Сибири, закончивший бесславный период Комитета Учред. Собрания и Директорий, был очень неопределенным. А немцы, испытанные в деле водворения «порядка», устанавливали действительно возможность нормальной жизни. Насколько я могу судить по впечатлениям своим того времени, немецкая оккупация вызывала у всех очень тяжелое чувство — немцы были врагом, а не союзником, к немцам питали отвращение и часто ненависть, немцы же провезли в plombированном вагоне Ленина с его друзьями, слишком явно разрушали русскую армию (убийство Духонина и т. д.). Эти разрушительные действия немцев лишь усиливали враждебные чувства к ним, — а в то же время ужас большевистского террора диктовал обратное. Когда большевики завладели Киевом 26 Января 1918 г., как радовались почти все киевляне, что наконец положен конец буйствовавшему самостийничеству! Но уже через несколько дней все изменилось — и массовые расстрелы и убийства довели страх перед большевиками до крайней степени. То, что враги (немцы) освободили Киев, освобождали Украину, было мучительно, а в то же время радостно, — открывались вновь возможности жизни, хотя бы под игом вражеской оккупации. И это чувство возвращаю-

шейся жизни было настолько всеобщим, настолько определяющим, что в нем сходились решительно все. С врагами пришла жизнь, нормальный порядок, безопасность — и уже через несколько дней после прихода немцев обыватель начинал осваиваться с фактом оккупации. Некоторое чувство омерзения и скрытого отталкивания, мне кажется, никогда не исчезало, но определяющим все же было не оно. И в первые же дни стало ясно, что радость нормальной жизни должна быть куплена дорогой ценой — очень скоро стал ясен смысл оккупации, когда немецкие солдаты и офицеры стали посылать бесконечные посылки в Германию. Хищничество пропитывало собой все, захватывая не только солдат, но и высших офицеров, а за хищничеством отдельных лиц стояла систематическая кража огромных богатств — в том числе и военных, скопленных тылом огромного Юго-Западного фронта. Даже обыватель, а тем более люди ответственные почувствовали, что с оккупантами надо вступить тоже в борьбу, что надо от них обороняться, надо вообще урегулировать отношения между населением и оккупантами. Это и была проблема «власти» местной, проблема организации местного управления. Сами немцы — и это был порядок, всюду проводимый ими на местах «оккупации», — нуждались для лучшего использования богатств страны в том, чтобы местное управление составлялось из местных людей. В украинских с. -р., еще недавно бравшихся с большевиками, они, конечно, не могли видеть для себя опору в населении — отсюда их стремление завязать связи с украинской буржуазией. Весь Март и Апрель тянулись эти поиски — и на ловца, конечно, набежал зверь. Для немцев было несколько неожиданным, что крупная буржуазия была по существу русской — это им не годилось, им нужна была все же «украинская» буржуазия. Из переговоров полутайных, полуизвестных — родилась идея гетманщины, на которой готовы были сойтись русские промышленные и землевладельческие круги с умеренными украинцами.

Социалисты-федералисты погнушались войти в этот блок — и с точки зрения «самостийной Украины» они совершили тог-

да (как и много раз впоследствии) непоправимую ошибку. Единственным представителем (по-видимому, все же с тайного согласия партии) этой партии был Дм. Ив. Дорошенко. Но, если я не ошибаюсь, он тогда вышел из партии (сохраняя с ней фактические связи и будучи ее «заложником» в министерстве), чтобы сохранить «незапятнанными» ее ряды. Этот весьма своеобразный блок русских октябристов и правых с одним левым украинцем включил в себя и русских к. д. Я не рассказываю здесь истории кабинета Ф. А. Лизогуба. И не буду передавать разных эпизодов, разыгравшихся перед составлением кабинета. Во всяком случае в первых числах Мая был составлен кабинет во главе с Ф. А. Лизогубом, человеком, стоявшим ранее вне политики, весьма заслуженным земским деятелем (но таковым оставшимся и на посту главы Кабинета Министров), большим украинофилом, а после довольно усердным («щирым») украинцем. В составе Министерства кроме Д. И. Дорошенко был еще один украинец, однако ярко русской ориентации, — Н. П. Василенко, член Ц<ентрального> К<омите>та партии к. д. от Киева. Я тогда не принимал участие в партии к. д., но стоял близко к ней и очень интересовался ее позицией. Не знаю, как и почему, но в первых числах Мая собрался «всеукраинский съезд партии к. д.», которому предстояло решить вопрос об участии партии к. д. в составе гетманского Совета Министров (тогда входило три человека в Сов. Мин.: Н. П. Василенко, А. К. Ржепецкий и С. М. Гутник — из Одессы). Я бывал на этих собраниях, длившихся три дня. Прения были острые и горячие — но одолела ориентация Н. П. Василенко, горячо стоявшего за то, чтобы партия, считаясь с создавшимся положением, приняла участие в организации власти при наличии оккупантов. Задача правительства в этих словах понималась как борьба с хаосом и разорением, внесенными в край большевиками, — и хотя и ни слова не было сказано, что этим должно быть положено начало освобождения и всей России от большевиков, но именно эта общерусская задача все время стояла перед глазами, и она звала к реальной и трезвой политике, к деловой работе в тех условиях, какие были созданы «незави-

сящими обстоятельствами». Очень трудным оказался для ряда лиц вопрос об «украинской культуре» и «национальной задаче» на Украине. Одни просто не придавали никакого значения этому «временному и чисто декоративному» моменту, считая, что, когда освободится вся Россия, эти фиговые листочки мнимого украинства спадут сами собой. В этом беззаботном и циническом даже отношении к «украинской» проблеме (которую и проблемой-то не считали) пребывало довольно значительное число не только в партии к. д., но и в правых и левых группировках, — и это настроение влиятельных русских групп было известно в украинской интеллигенции, не только ее раздражая, но и создавая справедливое недоверие к «украинским симпатиям» этих русских групп. Менее многочисленна, но очень шумлива и криклива была явно антиукраинская группа (В. М. Левитского, Ефимовского и др.), впоследствии до конца слившаяся с течением «малороссов», возглавляемых В. В. Шульгиным. Кругом этих словесных оттенков («малоросс» или «украинец») сгустились и национальные, и политические расхождения и страсти. Но «всеукраинский съезд партии к. д.» обнаружил большую гибкость и трезвость, учел реальную политическую обстановку и, ни на минуту не забывая об общерусской задаче, ответственно лежавшей на его плечах как единственно свободной части партии к. д., счел возможным создать особую, временно независимую от Ц. К-та (которого фактически не было) «Всеукраинскую партию к. д.». Съезд, исходя из общей оценки положения, не только «разрешил» отдельным членам партии войти в состав Министерства, но и поручил президиуму партии (во главе с Д. Н. Григорович-Барским) пребывать в постоянном общении с министрами к. д., что тогда, когда я был министром, выражалось в еженедельных совещаниях президиума партии с министрами на квартире Григорович-Барского.

Так как гетманский переворот, весьма недурно инсценированный при помощи немцев, дал место буржуазным группам, то левые — и украинские, и русские группы — оказались в оппозиции. Первое время оппозиция эта ничем не прояв-

ляла себя, выжидая того, во что выльется режим гетманщины, а часть украинских левых деятелей (С. В. Петлюра, Чеховский и др.) служила в неответственных местах, принимая участие в различных неофициальных или неответственных выступлениях.

Из 9 русских губерний сложилось, силой немецкой оккупации, некоторое подобие небольшой «державы». Все, кто чувствовал динамическую стихию большевизма, его разрушительные тенденции, не мог не сочувствовать тому, что на обширном пространстве юга России хаосу противопоставлялся порядок, что жизнь вновь здесь вступала в свои права. И те, кто носил в сердце скорбь о России, и те, кто жил мечтой об Украине и ее «освобождении», не могли не понимать огромного творческого задания, которое брала на себя буржуазная власть. Но на пути к овладению стихиями, бушевавшими в русской революции, стояли все те же два основных вопроса — национальный и социальный. Обойти их нельзя было, их надо было «решить». Буржуазной власти трудно было найти в себе смелость и силу для решения социального вопроса, и она очень быстро стала проводником социальной реакции. Но если бы буржуазная власть смогла овладеть национальной стихией, ее социальная позиция могла бы кое-как приспособиться к требованиям жизни. Но если большевизм легко смог проникнуть на Украину, пользуясь глупостями реакционной власти, то у него оказался могучий союзник в лице националистов украинцев. Так была политически подготовлена та «революция», которая свалила гетманщину, отдала на два месяца власть «Директории», чтобы затем окончательно потонуть в захлестнувшей ее волне большевизма. Оставляя в стороне социальный вопрос, как он ставился во время гетманщины, обратимся к изучению национальной проблемы. В наших вводных главах мы должны подробно коснуться этого вопроса, так как его неразрешенность была одной из главных (хотя и не единственной) причин неудачи того интересного замысла, который лежал в основе работы гетманского правительства.

Глава II

Украинская проблема до революции и во время ее

Я не буду входить здесь в обсуждение «правды» или «неправды» украинского движения, хотя считаю этот вопрос неустрашимым при обсуждении русско-украинской проблемы вообще. Но я коснусь этого вопроса во второй части своих воспоминаний, здесь же нам необходимо познакомиться с основными этапами в развитии русского движения.

О настоящем украинском движении невозможно говорить до середины 40-х годов XIX века, хотя развитие украинской культуры шло непрерывно в течение XVII, XVIII и начале XIX века. Но о «движении» можно говорить лишь с того момента, когда начинается организация украинской интеллигенции в целях защиты и развития особой украинской культуры. Не разрывая связи с Россией, не ставя вопрос о выделении из нее, украинская интеллигенция не только отдается изучению украинской старины, фольклора, песен, истории и т. д. (что вполне отвечало романтизму во всей Европе, хоть и проявившемуся там значительно ранее, — и совпадало с соответствующими стремлениями в русском обществе), но и создает известное «Кирилло-Мефодиевское братство», ставящее своей целью воспитывать «украинское сознание». Это было в сущности как бы предварением программы «национально-

культурной автономии», как принято говорить в наше время. Эпоха Александра II наносит тяжкий удар этому всему движению, которое загоняется в подполье. Наверху остается лишь слабое «украинофильское» движение, приведшее однако к образованию «Украинской Громады», объединившей много светлых голов и ярких защитников украинства. Новая эпоха в развитии украинского движения начинается в 80-х годах прошлого столетия — благодаря тому, что Австрия создает во Львове возможность концентрации украинских культурных сил. Не очень большая степень свободы, которой могла пользоваться украинская интеллигенция во Львове, все же резко контрастировала с угрюмыми условиями, в которых пребывала украинская интеллигенция в пределах России. Львов, Женева (Драгоманов!) становятся как бы маяками, на которые тянутся молодые люди, живущие идеалом украинской культуры. Мысль украинской интеллигенции больше и больше движется логикой вещей от защиты культурного своеобразия, своей культурной личности к политической проблеме. Надо признать в этом движении полную логическую трезвость: в политических условиях тогдашней России не было никакой возможности отстаивать и развивать культурное своеобразие Украины, защищать украинские школы, печать, свободу общественного мнения. «Регионализм» силой вещей подходил к политической стороне дела: история достаточно показывает, что без политической самостоятельности или хотя бы некоторой политической замкнутости невозможно исторически действенное и творческое развитие культурного своеобразия народов. Но политическое сознание украинской интеллигенции было стеснено тем самым, что создало политическую трагедию Украины, — географической невозможностью образовать самостоятельное государство. После XIV в. Украина находилась между тремя крупными государственными образованиями — Московским государством, Польшей, а позднее и Турцией. Она никогда не могла существовать независимо, как это было возможно для Швейцарии, находившейся тоже между тремя крупными государствами. Но география

Швейцарии сделала ее историю более светлой и удачной, а география Украины определила трагедию ее истории. Украине неизбежно было, как остается неизбежно и ныне, опираться на одно из соседних государств — и это даже в эпохи славы и силы. Когда в XVII в. Украина соединилась с Россией, то она не только экономически срослась с ней, не только церковно объединилась, но и культурно слилась с ней. Россия XVIII в. и XIX в. есть совместное создание Великороссии и Украины (см. об этом исследование Харламповича). Россия создавалась дружной работой двух братских гениев, и это приводило к очень глубокому, интимному процессу сращения Украины и Великороссии в широких путях России. То, что отделяло Украину от Турции и Польши, то именно изнутри сближало ее с Москвией: вера и Церковь.

Отсюда понятно возникновение федералистической системы идей. Полная самостоятельность представляла и представляет чистейшую утопию, что очень резко и остро видно на том, что защитники самостоятельности и разрыва Украины с Россией непременно опираются либо на Польшу, либо на Германию. Лозунг самостоятельности, приобретший во время революции такое острое значение, по существу означал линию отделения от России при неизбежном включении в какую-либо другую государственную систему. Федерализм представляет поэтому неизбежную границу в политическом мышлении украинцев и единственное вместе с тем реальное содержание его. Самый серьезный и крупный политический мыслитель, какого выдвинула Украина в XIX веке, был Драгоманов, — и для него совершенно была ясна историческая неустранимость федеративной связи (как политического максимума) с Россией. Тем больше страсти и энтузиазма отдавали украинские интеллигенты защите своего культурного своеобразия. То, что Россия продолжала оставаться русско-украинским колоссом, поглощавшим массу украинских сил, показывало трудность отстаивания творческой отделенности: творческие силы Украины постоянно вливались в огромный поток российского большого культурного дела, — и на долю

чисто украинского творчества почти всегда оставались *dii minores*. Ничто так болезненно не действовало на украинскую интеллигенцию, как именно этот факт неизбежной «провинциальности», которая все время отличала украинскую культуру и на которую она была обречена в силу ее сдавленности и слабости. Бессилие сделать что-либо большее, невозможность «зажить своей жизнью», отдельно от огромной России, рождало гневное отталкивание от России, легко переходившее в ненависть. Россия вызывала к себе вражду именно своей необъятностью, своей изумительной и гениальностью, — и то, что она забирала к себе украинские силы, делая это как-то «незаметно», — больше всего внутренне раздражало украинскую интеллигенцию, болезненно любившую «нерасцветший гений» Украины. Известно, что было немало русских больших людей, которые отстаивали полную свободу для Украины, так как совершенно не верили в нее, считали, что некоторый рост украинской культуры искусственно поддерживался тем угнетением, которое было усвоено русским правительством в отношении к Украине. Иначе говоря — в этом взгляде на Украину ее творческие проявления сводились к тому подъему, который питается одной ненавистью и враждой. Свобода и равнодушие рядом с чрезвычайной мощью русской культуры очень быстро и легко привели к полному ничтожеству затеи об особой украинской культуре... Если бы украинская культура была сильна, она могла бы ответить на это лишь презрением, но бессилие украинской культуры, ее действительная слабость вели к тому, что очерченная выше русская позиция задевала еще больше, чем чисто внешние полицейские притеснения.

Именно в такой атмосфере складывалась жизнь украинской интеллигенции на пороге XX века. Романтическая влюбленность в свой край, в свои песни, искусство соединились с раздражением, отталкиванием от всего «российского», с ненавистью не только к политическому режиму России, но и к «москалям» вообще. Закордонная литература уже далеко ушла от строгого и ответственного либерализма и федера-

лизма Драгоманова, новый радикальный и революционный дух веял в этой закордонной литературе, правда запрещенной к употреблению в России, но достаточно известной благодаря заграничным путешествиям. Официально политические пожелания не шли — даже у самого М. С. Грушевского — дальше автономии, дающей возможность «культурной независимости», но центр тяжести лежал в этом уже очень прочном и глубоко убеждении украинской интеллигенции, что только на путях культурной замкнутости и культурного обособления возможно уберечь гений Украины от поглощения его мощной русской культурой. Другого пути никто не видел, а те, кто были против такого обособления, по-существу, не шли дальше простого украинофильства и не жили той любовью к украинству, которая для них ставила бы украинство на первое место. Ни тревожной заботы, ни горькой обиды они не имели в своем сердце и поэтому в своем прекраснодушии и не замечали острой русско-украинской проблемы. Надо признать это со всей силой, чтобы понять, что у всех, кто болел за свою украинскую культуру, мысль невольно обращалась в сторону обособления. Нельзя же в самом деле огулом обвинять украинскую интеллигенцию в «ненависти» к России — ненависть, может быть, и была, но у немногих, у большинства же была любовь к Украине и страх за нее. Тут была налицо глубокая трагедия Украины, не сумевшей ни укрепить, ни охранить свое политическое самостоятельное бытие и вынужденной, конечно, навсегда идти рука об руку с Москвой. Но Украина потеряла не одну политическую свободу — она потеряла «естественность» своего культурного творчества, вливаясь в огромное мощное русло русской культуры, — она отдала столько своих лучших сыновей на служение Великой России. Несчастье, трагическая сторона положения заключалась в том, что тогда, когда — при общем расцвете национальных [движений] во всей Европе — стало развиваться (с середины 40-х годов прошлого столетия) литературное и вообще культурное украинское движение, оно попадало в общие условия того сурового режима, в котором жила вся Россия. Старая

рана, почти заживавшая, вновь стала болеть, и чем дальше росло украинское движение, тем меньше оно имело свободы, тем напряженнее были в нем гнев и обида на Россию. Если бы русское общество не относилось снисходительно-ласково, но и небрежно к украинской интеллигенции, это все могло бы быть смягчено, но надо признать и то, что насколько ясно была программа в польском, финляндском вопросе, настолько неопределенны были очертания даже для левых партий в украинском вопросе. Люди обиженные всегда больше переживают небрежность к себе, чем те, у кого жизнь складывается счастливее. И украинская интеллигенция чем дальше, тем больше ощущала свое одиночество, свою роковую непонятость — и в темноте обиды и гнева закалялась любовь к своей обиженной родине, к ее «нерасцветшему гению». Не следует забывать, что в ряды украинской интеллигенции время от времени вступали неукраинские элементы, оказывавшиеся на Украине, полюбившие ее и понявшие ее горькую судьбу. Самым ярким примером служил известный и заслуженный деятель украинского движения А. А. Русов (костромич по рождению, изгнанный из университета, ставший статистиком в Черниговской губ<ернии> и там ставший «ширым украинцем») и его жена — еще более известная писательница и педагогичка С. Ф. Русова (урожденная Линдфорс из семьи обрусевших шведов).

Вся эта особая атмосфера предвоенной жизни на Украине вербовала в стан «обособленцев» много молодежи, типично украинской по ее пылкости, склонности к романтизму, к некоторой театральности; общерусское революционное настроение того времени (особенно усилившееся после 1905 г.) не только передавалось украинской молодежи, но питалось еще и собственными источниками. Много лиц, снимавших официальное положение (самый яркий пример — С. П. Шелухин, бывший членом суда в Одессе, уже тогда «ширый» украинец, но умевший ладить с властями), были в то время участниками полулегальных в то время украинских организаций.

В то же время Австрия вела определенную политику в украинском вопросе, не только давая полную свободу украинской политической мысли (несколько она направлялась против России), но и готовила план формирования воинских частей из украинцев на предмет «освобождения» Украины. Часть украинской интеллигенции, — особенно из Холмщины, — шла на это; самый видный деятель в этом направлении — прославленный Скоропис-Елтуховский — находился действительно на службе у австрийского генерального штаба... Я имел случай позднее несколько раз встречаться с этим деятелем, к которому первоначально, не скрою, чувствовал омерзение и отвращение. Но в эти же встречи я почувствовал, что был неправ и односторонен: это был не очень умный, но фанатически преданный делу «освобождения Украины» человек, насколько я мог судить, даже не питавший ненависти к России, а выросший в решительной и глубокой отчужденности от нее. С точки зрения своей Украины он поступал так же, как поступал Масарик со своими планами освобождения Чехии. Были безусловно аморальные моменты в тех планах, которым он служил, — здесь были черты аморализма, которыми так болезненно всех раздражала Германия во время войны и которые нашли свое законченное и циничское выражение позднее у наших большевиков. Но узкий и духовно бедный человек, которым был Скоропис, честный в своем фанатизме, готовый на все «революционные» шаги для того, чтобы добиться свободы для своей родины, служил австрийскому штабу лишь в целях освобождения Украины. Такие люди, как он, попадают во всякой стране, они могут быть подлинными героями, верными своему долгу, но узкими, не знающими ничего за пределами своей фанатической верности. Он, думаю, во многом выше других украинских деятелей, которые, служа долго России, потом оплевывали ее: Скоропис этого не делал в отношении к Австрии...

Когда наступила война и военное командование, уже хорошо осведомленное о планах австрийского штаба, имевшего в виду также привлечь к себе украинцев России, как это имел

в виду известный манифест к полякам, изданный Вел. Кн. Николаем Николаевичем, не нашло ничего лучшего, как воспринять все издания на украинском языке. Возможно, что с военной точки зрения это было и целесообразно и необходимо, предупреждая возможное разложение в украинских частях русской Армии, — но в более широком масштабе эта мера имела гибельные последствия, до последней степени раздражив украинскую интеллигенцию, словно нарочно бросаемую в вражеский стан. Чем дальше шла война, тем больше накапливались неприятности в этом деле. Завоевание Галиции оживило одно время у русских украинцев надежды на объединение разрозненных частей Украины под русским «свободным» управлением — не кто иной, как Д. И. Дорошенко, в преданности которого украинскому делу нельзя сомневаться, работал в Галиции при Генерал-Губернаторе (от Союза Городов, если только я не путаю здесь фактов, — у меня нет сейчас полной уверенности, что я не смешиваю деятельности Дорошенко при Временном Правительстве и при гр. Г. А. Бобринском). Но в то же время поспешные и ненужные церковные мероприятия по обращению униатов галичан в Православие (роль при этом митр., тогда архиепископа Волынского Евлогия, мне совершенно неизвестна, а повторять распространенные обвинения, о которых я слышал от самого митр. Евлогия реплики возмущения, не нахожу нужным) болезненно отзывались в украинских душах как проявления руссификации. Среди украинской интеллигенции был вообще вкус к унии совсем не по религиозным мотивам, а из желания и здесь как-нибудь обособиться от России — и отсюда понятна мнительность украинцев в отношении к церковным мероприятиям в Галиции, в частности заточение чтимого украинскими деятелями за свою (несомненную и подлинную) любовь к украинскому делу митр. Шептицкого.

Когда разразились революционные события, притихшая за время войны украинская интеллигенция в первые же дни направила свои усилия к тому, чтобы в общем потоке революции продвинуть идею освобождения Украины. Эта идея

в первые месяцы захватывала лишь вопросы культурного творчества и т. сказ. местного самоуправления. Однако — как было указано выше — уже в первые месяцы революции завелся «головной атаман» (Петлюра) и стали выдвигаться идеи «украинских вооруженных сил». В хаосе революции, когда еще не кончилась война, когда начинало уже пахнуть междоусобной войной, это было, если угодно, естественно, но и зловеще. При системе федерации невозможна «местная армия», — а между тем формирование особых украинских частей началось уже в рядах стоявших на позициях армий. Медленно разгоралась идея «украинской державы» и лозунг «самостийной Украины», однако все это зрело и усиливалось тем быстрее, чем яснее становилось бессилие Временного Правительства и надвигавшаяся анархия. О церковных, тоже бурных и тоже медленно восходивших к зловещей идее автокефалии церковных течениях я буду говорить в основной части книги. Здесь же упомяну о создании Украинского Народного Университета. Зимой 1917 г. я получил приглашение принять участие в этом университете, о котором я к тому времени не имел почти никаких сведений. Не помню сейчас, кто именно передал мне это приглашение, которое удивило меня, так как по-украински я совершенно не говорил и с украинскими деятелями (кроме Русовых) не имел никаких отношений. Состоя директором Дошкольного Института, я имел отношение лишь к той группе украинских деятелей, которая была связана с дошкольным делом (С. Ф. Русовой и ее ученицами). Во время войны наше Фребелевское Общество, председателем которого я тоже состоял, было связано с т. наз. Земским Союзом, с его школьным отделом (во главе которого очень рано стал известный московский педагог А. И. Зеленко), на обязанности которого стояло открытие очагов-приютов в прифронтовой полосе. Тут я впервые столкнулся с вопросом о языке преподавания — и, конечно, без каких-то бы то ни было колебаний присоединился к требованиям Русовой и др., чтобы в этих очагах-приютах и детских садах с детьми говорили на их родном, то есть укра-

инском языке. Если вопрос о языке в школе более или менее сложен, то для детских народных учреждений он бесспорен в смысле необходимости говорить с детьми на «материнском языке». Когда Февральская революция изменила режим, наш Дошкольный Институт (и это было первое культурное украинское начинание) уже через месяц открыл украинское отделение при себе. Надо заметить, что в составе Института нашего было много евреев, у которых, в связи со всем известным возрождением древнееврейского языка, было очень сильное творческое стремление выразить полнее и глубже национальный характер в еврейских детских учреждениях (в которых во время войны на Юго-Западе России была большая потребность). Для меня были понятны и симпатичны все эти стремления в развитии национального начала в детских учреждениях — и я искренне и сердечно приветствовал украинское отделение в нашем Институте, когда мне пришлось его открывать. О весьма скромном тогда моем участии в украинском церковном движении скажу позже, но во всяком случае дальше общих симпатий к украинскому движению (в пределах русской культуры!) я не шел. Действовала во мне, конечно, и реакция против грубых и шовинистических заявлений П. Б. Струве против украинского движения... Приглашение читать лекции по философии в Украинском Народном Университете меня удивило, но, зная, что по моей специальности у украинцев не было никого из «своих» деятелей, я не хотел им отказывать. Было одно серьезное затруднение — то, что я не говорил по-украински, но лица (не помню кто), пригласившие меня в Укр<аинский> Унив<ерситет>, любезно и либерально ответили, что они не шовинисты и русскую речь в Укр<аинском> Унив<ерситете> признают. Я дал согласие и стал читать лекции в каком-то частном помещении, чуть ли не в доме Терещенко. Среди профессоров я увидел ряд своих коллег по Университету — А. М. Лободу, Граве и еще кого-то, конечно Богдана Кистяковского, блестящего философа права, недавно вступившего в состав Киевского Университета и очень мне уже близкого в то время, как и В. Н. Констан-

тиновича, проф<ессора> патологической анатомии, тоже очень мне близкого и симпатичного по Университету. Нас было 10 человек, профессоров Университета св. Владимира, вошедших в состав Украинского Народного Университета. Коллеги наши по русскому Университету (который был известен своим консерватизмом) отнеслись чрезвычайно остро и враждебно к тому, что часть его профессорской коллегии пошла в Украинский Университет. Можно сказать, что вся левая группа профессорской коллегии (насчитывавшая около 12 чел<овек>) оказалась в Украинском Унив., — и старые наши острые отношения с консервативной группой (боевым лидером которой был в то время проф. Алекс. Дм. Билимович) осложнились очень остро национальным мотивом. Наш ректор Университета Е. В. Спекторский, бывший мне лично очень близким и прошедший в ректорат при значительном моем активном участии в этом, оказался во враждебном мне стане — а это мне стоило (да и ныне еще стоит) довольно дорого... — но не об этом сейчас идет речь.

В Украинском Университете я узнал Д. И. Дорошенко и еще кое-кого; все время, относясь с симпатией к самому замыслу, я считал свое положение в нем фальшивым и двусмысленным, потому что весь *raison d'être* Украинского Университета заключался также в том, чтобы студенты украинцы могли слушать лекции на украинском языке. Поэтому чтение мной лекций в Укр<аинском> Унив<ерситете> на русском языке было странно и ни к чему, но я чувствовал, что мною дорожили и не хотел бросать дела — особенно в виду тех глупостей, которые высказывались против меня и других в профессорской коллегии Университета св. Владимира.

Приглядываясь ближе к украинской интеллигенции, я чувствовал, как хмель революции все более кружит их головы. В сущности, в музыке революции генерал-басом звучит мелодия «все позволено» — и нет ничего невозможного, чего бы нельзя было, по крайней мере, затеять. Прожестерство — эта хлестаковщина всякой революции — бурлило в украинских головах, воображение, которым вообще очень богата укра-

инская душа, разливалось выше меры. Политическая психология украинских деятелей — это мне было ясно уже тогда — лишена вообще основной силы в политике — реализма, трезвого и делового подхода к своим собственным идеям, выдержки и хладнокровия. Вчерашние «подпольцы», а сегодняшние властители, эти украинские политики, начиная от самого «батька» М. С. Грушевского, не отдавали себе никакого отчета в реальном положении вещей. Даже такой спокойный, в силу уже одной своей культурности выдержанный человек, как Дорошенко, с которым я часто пикировался в Совете Министров по вопросам иностранной политики, поражал меня тем, что все его мышление направлялось исключительно категорией желанного и почти не считалась с категорией реализуемого, возможного. Второй чертой политической психологии украинской интеллигенции я считаю ее склонность к театральным эффектам, романтическую драпировку под старину («гетманщина» одна чего стоит — это и монархия, и республика одновременно), любовь к красивым сценам, погоню за эффектами. Того делового, осторожного строительства, которое им, «самостийникам», так нужно было, чтобы, воспользовавшись слабостью России, сковать свою «державу», я не видел ни у кого. Как в научных и литературных кругах создавали украинскую терминологию, чтобы избежать руссизмов, так и в политическом мышлении все искали свой национальный путь, больше думая о национальном своеобразии, чем о прочности и серьезности «державы».

Уже лето 1917 г. привело к необходимости создания особого русского «секретаря» или министра (для защиты русских), каковым был назначен из Петрограда прив.-доц. (ныне проф.) Д. М. Одинец. Растолковать политически, что значило создание этого особого органа «русского секретариата», — положительно невозможно. По существу это был посол России в Украине — призванный защищать интересы многочисленного русского населения... Но ведь Украина не только еще не отделилась от России, но даже не имела никакой автономии (мы уже упоминали о том, как чрезвычайное уважение

Временного Правительства к правам будущего Учредительного Собрания обрекало его на нерешительность во всех основных вопросах русской жизни). В Киеве находился представитель центральной военной власти, которому по военному положению принадлежала высшая власть во всем и который был подчинен непосредственно Временному Правительству. И все же, при всей неопределенности своего политического смысла, «генеральный секретарь» (одно название чего стоит!) по русским делам оказался живым и деятельным центром собирания русских культурных сил, — ибо положение русской школы оказалось весьма угрожаемым. В соответствии с духом времени большое значение получил русский профессиональный учительский союз, который был связан с этим «секретариатом».

Я считал и считаю русскую интеллигенцию непригодной для политического действия, для политического творчества. Быть может, в этом виновата история, не давшая развития политическому искусству и необходимым для него качествам, — но факт налицо. Даже поляки — которым, на мой взгляд, тоже не дан талант государственности, стояли и стоят несравнимо высоко в этом отношении. Единственный, глубокий и трезвый, творческий и серьезный, политический ум среди украинской интеллигенции, с каким меня столкнула судьба, — был Липинский (защитник очень интересной, но фантастической концепции, сочетавшей славянофильскую теорию самодержавия с идеей советов). Средний тип украинской интеллигенции — это тип учителя, журналиста, адвоката. Подполье украинской интеллигенции жило в России, и разве можно сравнивать по технике, по образованности, по выдержке и революционной настойчивости деятелей русской революции (Ленин, Троцкий и др.), которые в Западной Европе прошли превосходную школу государственного мышления, — с теми мечтателями, литераторами (Винниченко), учителями, которых Украина в свой неповторимый исторический час могла выставить в качестве своих вождей? Достаточно назвать С. П. Шелухина, «сенатора»,

председателя комиссии по заключению мира с Сов<етской> Россией; — чтобы понять, какие чудачки бесталанные, хоть и «милые», бескрылые, хоть и фантасты, бессильные, хоть и страстные, были все эти люди. Если бы история в тысячу раз больше дала им в руки, что она фактически им дала, — они все равно не могли бы ничего делать. Украина вышла на путь революции фактически без вождей, без сильных, опытных и способных властвовать лидеров. Неудивительно, что Украина потеряла все, что даже приобрела до полной ее инкорпорации в состав Советского Союза. Но было бы легкомысленно из бесталанности украинских вождей делать вывод о незначительности самого украинского вопроса... Но к этому мы еще вернемся во второй части.

Нам остается теперь коснуться третьей стороны, знание которой необходимо для понимания того, что будет дальше излагаться — церковного положения на Украине во время революции до гетманского переворота.

Глава III

Церковное положение на Украине во время революции

К о времени революции я был председателем Киевского Религиозно-Философского Общества, существовавшего, если мне память не изменяет, уже 10 лет. Наше общество, по инициативе изгнанного из Дух<овной> Академии проф. В. И. Экземплярского, издавало уже два года (под его же редакцией) журнал «Христианская Мысль». Оно группировало вокруг себя небольшой круг верующей интеллигенции; в его составе находилось и несколько священников, которые, однако, в силу особого распоряжения Св. Синода (который считал, и, правду сказать, не без основания, наше общество церковно радикальным), не могли быть его членами. С рядом священников меня (не говоря уже о профессорах Академии) связывали литературные связи. С свящ<енником> о. Василием Липковским, ставшим впоследствии митрополитом автокефальной Украинской Церкви, меня связывало давнее знакомство, завязавшееся вокруг литературной церковной работы. Кроме официальных заседаний, у нас бывали каждые две недели «чай», на которых собирались те, кому нельзя было официально входить в Рел. Фил. Общество (профессора Духовной Акад<емии> и преподаватели Дух<овной> Семинарии). Так создалась очень сильная

церковная русская группа, на долю которой выпала ответственная церковная работа во время революции.

Когда вспыхнула революция, она чрезвычайно окрылила церковные круги, почувствовавшие, что для русской Церкви открывается новая эпоха. Мы собирались каждую неделю, чтобы обсуждать создающееся церковное положение, — и кроме того, что все мы писали (Боже, как все это ныне кажется наивно и романтично!) в «Христианской Мысли», мы устроили несколько публичных митингов, посвященных религиозным вопросам в новых условиях русской жизни. Эти митинги мы устраивали (под моим председательством) в самой большой аудитории Университета, которая всегда была битком набита народом. Некоторые собрания были очень ярки и удачны (это было лишь в первые два месяца — Март и Апрель, пока русская революция не была еще омрачена ничем); почему-то — не помню сейчас почему — в большом количестве приходили к нам старообрядцы. Ни разу в это время не выступал еще украинский церковный вопрос, хотя уже с недели на неделю разгоралось украинское движение. Уже в середине Апреля образовался — память мне не подсказывает как — т. наз. церковно-общественный комитет, связанный чрезвычайно с нашим Религиозно-Философским Обществом, но действовавший независимо от него. Думаю — судя по тому, что дальше сучилось, — что в нем уже проявлялись украинские силы; комитет, состоявший из священников, решил созвать экстренный епархиальный съезд. Растерявшаяся высшая церковная власть в лице митр. Владимира не знала, как быть. Состав Св. Синода еще в Марте был заменен другими и наш митр. Владимир был в Киеве. Он противился созыву епархиального съезда, и тогда несколько нас, мирян, отправились к митр. Владимиру уговаривать его не противиться замыслу самочинного церковно-общественного комитета и дать благословение созываемому съезду, чем может быть наполовину парализован его революционный дух.

Мы все верили тогда, что все «образуется», если дать бушующей стихии возможность проявить себя, если не раздражать и не возбуждать ее запрещениями. О митр. Владимире скажу несколько слов позже, сейчас же вернусь к епархиальному съезду, который был созван легально. Митр. Владимир на нем не присутствовал, но епископы (Никодим и Димитрий — викарии) посетили его. Хорошо помню открытие этого съезда, уже тогда вызывавшего у меня жуткие чувства. Как председ<атель> Рел<игиозно-> Фил<ософского> Общ<ества>, я получил приглашение от цер<ковно->общ<ественного> комитета (во главе которого стоял о. Евгений Капралов). Когда я подошел к зданию Религ<иозного> Просвет<ительского> Общества, в огромном зале которого назначен был съезд, я был крайне изумлен, увидев огромную толпу крестьян, которые загрохотали часть улицы. С трудом я протолпился в зал и узнал, что из деревень приехало много крестьян без всяких мандатов. Хотя правила выборов, установленные церк<овно->обществ<енным> комитетом, были чрезвычайно либеральны, но зачем-то, очевидно в силу соответственной агитации батюшек, приходы послали неисчислимое количество представителей. Вместо 350—400 человек в зале было 800—900... Организационный комитет решил признать всех прибывших имеющими право на участие в заседании, очевидно, не ожидая от собрания никаких деловых постановлений. Долго ждали епископов (митроп. Владимир не приехал), наконец они приехали, и епарх. собрание было объявлено открытым. Председателем было предложено избрать о. Липковского (о котором я упомянул выше), в товарищи председ<ателя> выбрали Капралова и меня. Все это меня, бывшего не в курсе дел, изумляло — ведь я достаточно знал хоть и крепкую и энергичную натуру о. Липковского, но знал и его безалаберность. Он был совершенно негодный председатель, только одно ревностно проводивший — все, что касалось украинства. Устами о. Липковского съезд назвал себя «украинским епархиаль-

ным собранием», мне тут же объяснили, что слово украинский здесь взято в территориальном, не в национальном смысле... Это было странно, совершенно немотивированно (губернский епарх. съезд назвать украинским!), за всем этим была какая-то игра, которой я не мог понять. Меня просили остаться — и мы с о. Капраловым несли тяжкую обязанность технически направлять съезд. По-существу съезд был бессодержательным и нецерковным, но буйным и страстным. Какие-то страсти кипели (пока еще за кулисами), какая-то стихия уже бушевала. Я еще плохо разбирался во всем, но чувствовал уже тайное отвращение к этой «мазне», к этой недостойной игре вокруг Церкви. Однако я все же полагал, что овладеть стихией можно лишь не ставя ей преград — отчасти это оправдалось уже на этом съезде. Съезд выбрал большой «епископский совет» (чуть ли не 30 чел.) при митр. Владимире (включил в него прежний состав консистории) и разошелся... Много было неожиданного и неприятного для меня на этом первом проявлении церковного украинства, — но самое главное было еще впереди...

В мае м<есяца> я получил от А. В. Карташева телеграфное приглашение войти в состав предсоборного присутствия, подготовившего Всероссийский Собор, но отказался ехать, будучи занят в это время и не имея вкуса к тому, что тогда делалось в Петрограде — хотелось уже тогда мне остаться в стороне. Однако когда в Июне в Москве группой московских церковных деятелей был созван Всероссийский съезд духовенства и мирян — уже предварявший и по настроению, и по составу — будущий собор, я после долгих колебаний принял предложение церковной группы в Киеве (во главе с В. И. Экземплярским) поехать на съезд в качестве представителя журнала «Христианская Мысль». Некому другому было поехать, я согласился... Хорошо помню Москву Июня м<есяца> — уже грязную, беспорядочную, символически отражавшую положение в России «без хозяина». Помню и съезд, очень

красочный, ненормального В. Н. Львова, тогда еще обер-прокурора, его демагогическую, нецерковную речь при открытии съезда. С о. С. Булгаковым (тогда еще не священником) и с П. И. Новгородцевым у меня вышли в комиссии очень горячие и острые споры. Вместе с своими друзьями по Киеву я принадлежал к церковно-радикальной группе, считал необходимым освобождение Церкви от прежнего типа связи с государством, «следуя идеалу “свободная Церковь в свободном государстве”»). Было много интересных встреч, бесед, горячих схваток — но все это меня не захватывало до конца, и я, пробыв в Москве неделю, поспешил в Киев и очень скоро уехал в деревню.

Но уже в конце Июня меня вызвали на заседание епископского совета, экстренно собравшегося, если память мне не изменяет, — для решения вопроса о созыве Украинского поместного Собора. Уже тогда у меня сформировалась точка зрения на церковное положение на Украине — я считал очень важным именно территориальный момент (чтобы тем ослабить недопустимый церковный национализм). Упорное и настойчивое стремление ряда деревенских батюшек (особенно запомнилась мне фигура достопочтенного, глубокого, но вместе с тем крайнего в своем украинском национализме о. Боцяновского) к созыву поместного Украинского Собора меня поразило. Я увидел, что церковное украинство сильно в деревне, что в нем очень напряженно живут стремления к выражению в церковной жизни своего национального лица. Ясно было, что иначе как «парламентским путем» не найти нормального и церковно приемлемого выхода. Поэтому я вместе с другими очень упрашивал митр. Владимира (к которому я, начиная с этого времени, чувствовал всегда очень искреннюю симпатию) дать согласие на созыв Украинского поместного Собора. Митр. Владимир в конце концов согласился принципиально (при условии соглашения с Всероссийской церковной властью) — и наше чрезвычайное собрание епископского совета, назначив следующую сессию на осень, разошлось. В противополож-

ность апрельскому епархиальному собранию, это заседание епископского совета удовлетворило меня и вызвало во мне большую работу мысли, а главное — вызвало глубокое чувство церковной ответственности. Я почувствовал, что не могу уклониться от церковно ответственного дела — как сделал это, получив приглашение от А. В. Карташева; почувствовал и то, что с украинством в церковном деле совладать будет трудно.

К осени епископский совет не был созван, митр. Владимир брал свое согласие назад, указывал, что начинается (15/28 Авг<уста>) Всероссийский Собор. Мы, русские члены епископского совета, несколько раз обсуждали серьезность положения, созданного митр. Владимиром, не желавшим созвать и второй сессии епископского совета, а не то что поместного Собора. Митр. Владимир объявил, что еп<ископский> совет был избран на незаконном епарх. собрании и что поэтому созывать его он не намерен. К 15/VIII он уехал в Москву, легальные пути для урегулирования бушевавшей украинской стихии церковной закрылись... Мы (русские) были крайне огорчены, так как по ходу политических событий ясно было, что потребность национального выявления церковности в украинстве очень сильна, а духовенство на Украине всегда было главным хранителем украинского сознания...

События не заставили себя долго ждать. Убедившись, что с епископами они ничего не могут сделать, горячие головы из украинских церковных кругов (священники, диаконы и псаломщики) решили действовать без епископов и создали «украинскую церковную раду», имевшую специальную задачу созвать поместный украинский собор. Я не был в курсе всех этих дел, общерусская трагедия развертывалась (Сентябрь—Октябрь) со страшной быстротой. Но уже в Ноябре я услышал об образовании упомянутой церковной рады. Добрых вестей я не слышал, не мог сразу поверить в серьезность этого начинания — но скоро узнал, что эта рада работает регулярно и поспешно. Пере-

ворот — устранение представителей Временного Правительства (т. е. военной власти) у нас произошел в Ноябре. Централ<ьная> Рада оказалась высшей властью, — созыв собора делался видимо возможным. В самом конце Ноября к нам неожиданно приехала депутация от Собора Московского в лице кн. Григ. Ник. Трубецкого и проф. С. А. Котляревского. В Москве были крайне обеспокоены бурным развитием церковных событий в Киеве, там происходили совещания при Соборном Совете о том, что делать; большинство склонялось к тому, чтобы разрешить и благословить созыв поместного Собора, — но точно не знали, чем это могло кончиться, вообще были в полной растерянности. Делегаты из Москвы имели несколько совещаний с русскими церковно-общественными кругами; наше Рел. Фил. Общество устроило открытое собрание для обсуждения церковного украинского вопроса. Это собрание, в общем прошедшее спокойно, показало нашим гостям, как трудно уже было в это время найти какой-либо выход для умиротворения начавшегося движения (хотя на заседании Рел. Фил. Общ. было всего 2—3 ярких представителя церковного украинства, главные деятели не захотели прийти). Мне кажется, что и Трубецкой, и Котляревский уехали недовольные нами (т. е. русской церковной интеллигенцией) за то, что мы как бы слишком быстро сдаемся на неправильные требования украинцев. Им было, конечно, трудно понять, что у нас не было уже возможности затормозить церковное украинское движение, что единственная тактика для нас была в том, чтобы стремиться внести возможно более духа церковности в это движение, изнутри его преобразая.

Вскоре после отъезда московских делегатов, видимо хотевших найти опору для того, чтобы от имени местных кругов бороться в Москве против благословения на созыв Украинского Собора, я получил приглашение в состав «предсоборной церковной рады» и по совещании со своими друзьями вошел в ее состав. То, что я увидел, показалось

мне убогим и мизерным, но бурным и самодовольным, — жуткое чувство еще сильнее разгоралось во мне. Было ясно, что Собор Украинский состоится... Все это крайне обеспокоило меня, особенно когда я уяснил себе, что на Соборе предполагалось не более не менее как провозглашение украинской церковной автокефалии.

Что было делать при таких обстоятельствах? Мы решили созвать небольшое совещание из испытанных церковных деятелей Киева и нескольких ответственных политических и общественных деятелей (Н. П. Василенко, Д. Н. Григорович-Барского, С. Д. Крупнова и др.). Совещание это состоялось в конце Декабря на частной квартире; на нем было 25 человек — и неожиданно на нем появился и митр. Платон, приехавший уже с какими-то официальными полномочиями от Московского Собора.

Темой нашего собрания был вопрос об автокефалии и автономии. Все соглашались с тем, что для Украины необходима автономия, что в автокефалии нет никакой надобности, однако она допустима с церковной точки зрения. Вопрос об автокефалии надо признать вопросом церковно-политическим, т. е. связанным с политическими условиями жизни, ибо в Православии число автокефальных церквей не ограничено, часто они ничтожны по размерам, но хранят свою автокефалию по политическим или традиционным соображениям. Митр. Платон очень внимательно слушал все эти соображения, но сам не высказывался. Мы и не настаивали — стало сразу известно всем, что он приехал с большими полномочиями, с грамотой от Патриарха (который уже был избран к тому времени), благословляющей поместный собор, в качестве представителя Патриарха. Уже к этому времени он был митрополитом Одесским, как арх. Антоний — митрополитом Харьковским (эти митрополии были учреждены на Соборе).

6 Января открылся Собор очень торжественно и очень церковно. Русские церковные группы пошли на него — так в состав Соборного Совета, куда попал и я, был из-

бран наш киевский проф<ессор>, очень правый и очень «антиукраинский» — М. Н. Ясинский. Собор работал довольно спокойно, были на нем и тревожные и даже комичные моменты (так, митр. Платон, услышав однажды слова крестьян и др. членов «згода», что значит «согласны», принял эти слова за «годи», т. е. «довольно», ужасно разволновался, и его с трудом успокоили, выяснив это недоразумение). Митр. Антоний не приехал, вместо него приехал его викарий — кажется, Митрофан. Уже тогда я заметил подольского викария еп. Пимена, одного из видных современных представителей т. наз. украинской обновленческой Церкви, полуслепого (с одним выжженным глазом) черниговского викария Алексея. Митр. Владимир тоже присутствовал, видимо крайне тяготясь своим присутствием. Собор формально был совершенно законным и по присутствию епископов, и по наличности благословенной грамоты от Патриарха. О. Липковский как-то отошел в сторону, большую роль играл упомянутый батюшка из южных городов Киевской губ. Боцяновский (или Ботвиновский).

Но работы Собора, происходившие в женск<ом> епарх<иальном> училище в Липках, не могли развиваться нормально, ибо с той стороны Днепра подошли большевики, требовавшие от украинской рады (тогда первым министром был Голубович, тот самый, о котором я уже упоминал в связи с Брестским миром) сдачи Киева. Кажется, уже 9 Янв<аря> начался обстрел Киева, постепенно разгоравшийся все больше. Стало ясно, что Собору работать невозможно, и уже 19 Янв<аря> он вынужден был прекратить свои собрания, отложив свои заседания до 6/V (по старому стилю). Уже тогда было опасно ходить в Липки, где стреляли на улицах. Члены Собора разъехались, но Киев еще держался несколько дней. 25-го украинские власти покинули Киев — и в него вступили (в первый раз) большевики (во главе, если не ошибаюсь, с Муравьевым, у которого под началом было, как говорили, всего около 2.000 «войска» — матросов, рабочих, случайных солдат).

На другой день по Киеву разнеслась печальная весть, что в ночь вступления большевиков был мученически убит митр. Владимир. Тайна его смерти так и осталась нераскрытой; по одной версии, его убили украинцы, ненавидевшие его за его сопротивление украинскому церковному движению, по другой — кажется, более близкой к истине версии, он был убит несколькими послушниками из самой же Лавры, которые ограбили митрополита и, полуизбитого, вытащили далеко за пределы Лавры (около $1\frac{1}{2}$ версты) и там убили (уже во время гетманщины на этом месте поставлен был памятник митр. Владимиру). Это страшное убийство кроткого, хотя и враждебного украинскому церковному движению, архипастыря, не очень умного, но очень достойного по своим личным качествам, очень тяжело легло на души всех, кто был связан с церковной жизнью. Но пришли как раз такие дни, когда всем было страшно и жутко. Я уже упоминал, что первый приход большевиков в Киев был встречен даже радостно русским населением Киева, которому было уже невтерпех от разгулявшегося украинства. Но скоро стала действовать чека, вскоре появился известный Лацис, жизнь стала страшной, грабежи один за другим участились в Киеве. Жители домов стали образовывать охранные дружины (большевики сами были еще бессильны навести порядок). С недели на неделю жизнь становилась мучительнее... и вот через $1\frac{1}{2}$ м<есяца> господство большевиков кончилось: пришли немцы.

К этому времени уже вернулся из Москвы первый викарий митр. Владимира еп. Никодим, человек очень твердый, крайне правый (он был как раз один из той группы в Февр<але> 1917 г., которая требовала от государя роспуска Госуд<арственной> Думы, крайний противник украинского церковного движения. Он повел очень умную политику — не споря с украинцами, он представил в Москву доклад о положении Церкви на Украине и настаивал на том, чтобы были поскорее произведены выборы Киевского митрополита (в виду убийства митр. Владимира) — до созыва

Украинского Собора, которому должно было (и на это вполне соглашалась Москва, недавно лишь благословившая местный собор...) сопротивляться до последней степени. Официальным кандидатом был выставлен митр. Харьковский Антоний (Храповицкий). И так как уверенности в том, что он будет избран, не было (хотя еп. Никодим, хорошо знавший практику дореволюционных выборов, принимал все меры по устранению «неблагонадежных» (по украинству) священников), то еп. Никодим получил от Св. Синода при Патриархе особый указ, коим приостанавливалось введение устава, введенного в действие Всероссийским Собором. Дело в том, что иначе как путем выборов нельзя уже было поставить митрополита, а по правилам Всероссийского Собора для выборов епархиального архиерея нужно было $\frac{2}{3}$ голосов. В изъятие этого правила, по представлению еп. Никодима, была установлена норма простого большинства для выбора Киевского митрополита.

Конечно, в епархии, да и вне ее, это все знали. Крайнее раздражение украинских церковных деятелей заострилось упорным отказом со стороны еп. Никодима созвать собор.

Шел уже Март, и Украина вступила уже в полосу оккупации — что было делать? Продолжая борьбу с еп. Никодимом, украинские круги требовали, чтобы выборы Киевского митрополита как первосвященителя Украинской Церкви были отложены до Собора, т. е. требовали, чтобы эти выборы не были делом одной Киевской епархии, ибо избранию подлежал не местный иерарх, но глава Украинской Церкви. Конечно, так же, как Патриарх в Москве является одновременно и епархиальным архиереем и избирается Всер<оссийским> Собором, так же и Киевский митрополит, по мнению украинских кругов, подлежал избранию украинского Собора, а не епархиального собрания. Вокруг этого именно вопроса шла напряженная борьба, но еп. Никодим, твердо стоявший за полученный им указ (им же и испрошенный!) от Московского Патриарха, утверждавший, что он сам не может ни изменить, ни отложить выборов

митрополита, вел все подготовительные работы к созыву епархиального собрания. Тогда украинские круги решили, не прекращая борьбы, не игнорировать епархиального собрания и выставить свои кандидатуры.

Первым украинским кандидатом в митрополиты был второй викарий Киевской епархии еп. Димитрий (Уманский), которого хорошо все знали, большинство очень любили за его прекрасный характер, несомненную любовь к Украине, искреннюю религиозность. Вторым кандидатом — неожиданно для меня самого — оказался я. Помню, как в начале Апреля ко мне пришла специальная делегация от украинских церковных кругов во главе все с тем же о. Липковским и просила меня дать позволение выставить мою кандидатуру в митрополиты Киевские. Я был человеком холостым, говорили они, следовательно, мне не трудно стать монахом; я искренно был предан Церкви, отдавал много своих сил на церковно-общественную работу, — следовательно, для меня будет радостно послужить Церкви в такое страшное и ответственное время. Я люблю Украину, говорили они, пользуюсь доверием в украинских кругах, — следовательно, для меня не будет бременем послужить делу собирания и укрепления церковной жизни на Украине... Я все это слушал, улыбался — в такой степени странно и «неудачно» было все это предложение. Я согласился со всем, что говорили мне, кроме одного — я не собирался становиться монахом. Не говоря о том, что я не чувствовал себя ни достойным занять такое место в Церкви, ни подготовленным к такой деятельности — я хотел и хочу, говорил я им, остаться «церковным интеллигентом», работать на ниве церковного просвещения, утверждать самый тип — еще редкий тогда — сочетания научной работы и преданности Церкви. Эта задача столь важна, столь трудна, что так мало людей могут браться за нее, что я не считаю себя вправе отходить от начатого мной дела. И я сказал делегации, не подозревая о том, как напророчил я себе этими словами: «еще пожалуй в министры исповеданий я пошел бы, что-

бы служить Церкви, но к священнослужению и монашеству я не чувствую себя еще готовым»... Я сам не знал тогда, как было близко время, когда я должен был стать министром исповеданий.

Таково было положение церковного дела, когда совершился гетманский переворот... Но тут мы можем уже закончить наше введение и перейти к тому периоду, когда мне пришлось самому активно войти в состав правительства.

ЧАСТЬ I ПРЕБЫВАНИЕ У ВЛАСТИ

Глава I

Вхождение во власть

Гетманский переворот совершился в последних числах Апреля 1918 г. (кажется 29/IV), но Министерство сформировалось не сразу. Первое Министерство, вышедшее из числа «заговорщиков» (с Сахно-Устимовичем во главе) не могло добиться коалиции украинских и русских деятелей. Приглашенный еще С. Устимовичем Н. П. Василенко очень активно и энергично принялся помогать Гетману — говорили тогда, что немцы, видя безуспешность попыток Сахно-Устимовича сговориться с украинцами, поставили Гетману срок, до которого они готовы ждать, — в случае же невозможности сформировать Министерство они должны будут сами вручить власть другим группам. Будущего премьера, Федора Андреевича-Лизогуба не было в эти дни в Киеве, — формировал же Министерство фактически Н. П. Василенко. Ему не удалось добиться от партии соц. федералистов согласия войти в состав Министерства (я считаю, что это была роковая ошибка этой относительно умеренной украинской группы — см. позже анализ событий, приведших к падению Гетмана); единственное, чего он добился, — это было вхождение в состав Министерства Д. И. Дорошенко, который для этого формально

вышел из состава партии. Кроме Василенко и Дорошенко, украинцев в Министерстве не было — остальные были русские (по-преимуществу правые) деятели. Премьер-министром согласился быть Ф. А. Лизогуб — б. председатель Полтавской Земской Управы, украинофил, не говоривший, впрочем, по-украински; Василенко был мин<истром> Нар<одного> Просвещения, Дорошенко — мин<истром> Иностр. Дел, Лизогуб стал мин<истром> Внутренних Дел, ген. Рагоза — военных, Любинский — здравоохранения, А. К. Ржепецкий (правый кадет) — финансов, С. М. Гутник (кадет, председатель Промышл<енного> Комитета в Одессе) — торговли и промышленности, Бутенко — путей сообщения, Соколовский — продовольствия, В. Г. Колокольников — земледелия, Г. Е. Афанасьев (известный историк, тогда Управл<ающий> Госуд<арственным> Банком) — государственный контролер, Ю. Н. Вагнер (м<инистр> труда), М. П. Чубинский (м<инистр> юстиции). Министерство сформировалось, если не ошибаюсь, уже к 2 Мая. В тот же день я получил от Н. П. Василенко телефонное приглашение зайти к нему в Минист<ерство> Нар<одного> Просвещ<ения>. Когда я пришел к Н. П., он предложил мне быть у него товарищем министра по отделу средней и низшей школы. То, что я уже четыре года был Директором Дошкольного Института и постоянно читал лекции на различных педагогических курсах, очевидно, сыграло роль при этом приглашении. Я не ответил Н. П. сразу согласием, он долго убеждал меня разделить с ним его труды, указывая на то, что положение именно школы в новых политических условиях является особенно ответственным и важным. Н. П. категорически заявил, что ни одной русской школы при нем не будет закрыто, но что введение и развитие украинской школы — уже развивавшейся очень сильно в течение 1917—1918 г. — является задачей очень настоятельной, а в то же время требующей серьезного и внимательно-го к себе отношения. Школьная политика Н. П. клонилась к удовлетворению серьезных потребностей украинского об-

щества и к борьбе с украинским шовинизмом, проявившимся за год революции. Убеждая меня, Н. П. остановился на характеристике политического положения, созданного немецкой оккупацией, и горячо призывал не уклоняться от ответственной работы. Я все же не мог ответить согласием, так как для меня, кроме общей трудности войти в политическую работу, — чем я до того времени абсолютно не занимался, стоял еще очень трудный и существенный вопрос о том, каково будет мое положение в Университете, если я стану Тов<арищем> Министра Нар<одного> Просв<ещения>. Я был одним из самых младших членов профессорской коллегии, сразу же занял место в небольшой «левой» группе профессуры и по живости своего характера, естественно, постоянно входил в дебаты с своими правыми коллегами. Не углубляясь в эту тему, скажу, что у меня создались очень острые, а порой и враждебные отношения с Алекс. Д. Билимовичем, а после моего вхождения в Украинский Народный Университет — и с ректором нашим — Е. В. Спекторским и рядом других профессоров. Я не мог не считаться со всем этим — и поэтому я сказал Василенко: если я не встречу особой оппозиции в профессуре, то я согласен на Ваше предложение. Я пошел к 5 лицам, с мнением которых я считался, — к Е. В. Спекторскому, Н. М. Бубнову (моему декану), Г. Г. де Метцу, С. Н. Реформатскому и А. Д. Билимовичу. Большинство из моих коллег ответили на мой вопрос (считают ли они, при настоящих условиях, удобным, чтобы я, как проф. Университета, входил в управление всеми школами) уклончиво — указывая, что они считают это делом моих убеждений... Эта нейтральная позиция была явно недоброжелательной, лишь прикрытой уклончивыми словами. А. Д. Билимович на мой прямой вопрос, как он посмотрит на мое «товарищество» Н. П. Василенко, сказал мне прямо: мы до сих пор были на противоположительных полюсах, если Вы станете товарищем Мин. Нар. Просв., я не скрою от Вас, что борьба моя с Вами станет еще острее... Один лишь Г. Г. де Метц сказал

мне: напрасно Вы хотите считаться с мнением Ваших коллег. Каждый из нас на Вашем месте, т. е. получив такое приглашение, ответил бы на него, исходя исключительно из его личных обстоятельств, совершенно не считаясь с тем, как посмотрят его коллеги. Советую и Вам то же...

Однако я не мог примкнуть к этому мнению. Ведь мне предстояло стать начальством (хотя бы и не прямым) для моих коллег, и я нуждался в их доверии, в признании ими, что я не унижаю достоинства профессора, не разрушаю добрых традиций Университета... Я был слишком молодым тогда членом профессорской коллегии (я был к тому времени всего 3 года профессором), чтобы обойтись без ее поддержки. Когда я пришел к Василенко и сказал ему, что в виду отношения моих коллег ко мне не считаю возможным дать согласие на его предложение, он пришел в чрезвычайное волнение и даже сказал в запальчивости: те, кто не отдает себе отчета в обстановке и будет нам мешать делать наше дело, тем незачем оставаться у нас. Назовите мне фамилии тех, кто против Вас, и мы их вышибем в Сов<етскую> Россию. Конечно, только запальчивостью и раздражительностью можно объяснить эти слова Н. П., которые привели меня в ужас. «Что Вы говорите, Н. П., сказал ему — неужели Вы думаете, что я могу Вам в таком случае назвать эти имена и что при таких условиях я могу работать у Вас». Н. П. замолк, и мы с ним расстались... А через 12 дней я получил снова просьбу от Н. П. Василенко зайти к нему — и здесь он мне, уже от имени Гетмана и Лизогуба предложил стать Министром Исповеданий. Этому предложению предшествовали некоторые обстоятельства, о которых необходимо здесь рассказать.

Когда формировалось Министерство, пост Министра Исповеданий оказался очень трудным для замещения — в виду крайней остроты (см. дальше) именно церковных русско-украинских отношений. Надо было найти человека, могущего если не примирить обе стороны, то все же ослабить взаимную вражду. Русские церковные группы

выдвигали кандидатуру крайнего правого А. В. Стороженко, бывшего к тому времени председателем союза приходских советов Киева. Фамилия Стороженко — старинная украинская, братья Стороженки были известны своей любовью к украинской старине, а в то же время это были русские (крайние правые) патриоты. Украинцы категорически воспротивились тому, чтобы дать пост Мин. Исповеданий яркому и резкому противнику украинского церковного движения (каким действительно и был А. В. Стороженко). Тогда была выдвинута кандидатура П. Я. Дорошенко (дяди Мин. Иностр. Дел) — богатого черниговского помещика, близкого человека к Гетману, очень близкого к украинским кругам, очень уже пожилого, но еще свежего человека — во всех отношениях исключительно достойного и особенно подходящего для указанного поста по своему очень мирному характеру и чрезвычайному спокойствию. Одна лишь была у него беда — он совсем был далек от церковных дел. Именно потому он и отказался. Переговоры с ним шли около недели и шли вничью.

Между тем церковное положение со дня на день становилось все острее и напряженнее. Еп. Никодим, в соответствии с указом патр. Тихона (составленным, как было упомянуто выше, по его же указаниям) созывал на 19 Мая (6/V по старому стилю) епархиальное собрание для выбора Киевского митрополита — а о созыве Украинского Собора, который, расходясь, назначил срок своей новой сессии именно на 19 Мая, не только не было речи, но еп. Никодим прямо высказывался против его созыва. Украинские церковные круги при новых политических условиях уже не могли действовать революционно. Возбуждение в украинских кругах по поводу срока созыва Собора, по поводу неправильных действий еп. Никодима разрасталось чрезвычайно — и несколько наиболее горячих голов уже выдвинули мысль о том, чтобы разослать повестки всем членам Собора о необходимости явиться 19/V и открыть заседания Собора в явочном порядке. Конечно, эти шаги небольшой группы

были посушеству еще более вредны для дела Украинского Собора, чем то, что делал еп. Никодим, — так как без согласия епископов принять участие в Соборе, он не мог бы, по каноническим условиям, функционировать. С другой стороны, для работ Собора нужно было найти помещение, разыскать средства для членов Собора и т. д. Частичный приезд небольшого числа членов Собора только дискредитировал бы его достоинство. Украинские круги — и умеренные, и крайние — понимали всю невыгоду своего положения, но и не хотели просто мириться с своеволием еп. Никодима, укрывавшегося за патриарший указ. Мало этого — украинские церковные круги, в силу ряда принятых еп. Никодимом мер, попадали на епархиальное собрание в очень небольшом числе, и это очень их волновало — ибо, не имея силы не допустить епархиального собрания, они чувствовали, что не имеют силы провести своего кандидата. Совету Министров, занятому устройением «державы» в условиях оккупации, было невозможно войти во все эти дела — между тем день 19 Мая приближался, и нужно было что-то делать.

При таких условиях кем-то была выдвинута моя кандидатура — и когда, после предварительных справок, выяснились достаточно благоприятные [нрзб] для меня, Н. П. Василенко было поручено войти со мной в предварительные переговоры. Это было 14 Мая. Я попросил у Н. П. Василенко день на то, чтобы иметь возможность побеседовать со своими друзьями в церковных кругах. Тут у меня уже не было тех препятствий, какие стояли передо мной при первом предложении Н. П., но зато еще острее стояли другие трудности. Прежде всего и больше всего это была личная трудность — нелюбовь к политической работе, трудность бросить совсем научную и общественную деятельность, расстаться с той относительно спокойной жизнью, которую я вел. Я понимал, что, входя в состав Совета Министров, я разделял общую ответственность за управление Украиной, за политические судьбы ее — и России,

насколько политическое развитие украинской «державы» не могло не иметь влияния на судьбы России. Правда, именно в этом пункте передо мной с особенной ясностью вставало чувство долга — послужить устроению Украины в интересах России, борясь против сепаратизма и руссофобства. Но я не чувствовал себя политиком, не чувствовал в себе темперамента и волевой напряженности, необходимых в политической борьбе. Я готов был идти на работу, на труд, но не на борьбу, к которой не чувствовал никакого влечения и в которой к тому же не видел правды вообще... При таком самочувствии было невозможно идти на предложение Василенко — и с этим почти принятым внутренним решением я отправился к своим друзьям по церковно-общественной работе. У нас состоялось заседание при участии В. И. Экземплярского, П. П. Кудрявцева, Ф. И. Мищенко, не помню еще кого. Все горячо и настойчиво говорили о том, что, в виду создавшегося положения, я один сейчас могу помочь найти выход из тупика, в котором оказались церковные дела. Особенно горячился Ф. И. Мищенко (проф. канонического права в Духовной Академии). Я его знал давно, ценил как хорошего ученого, но всегда чувствовал в нем большую вялость, иногда легкий скептицизм. Здесь — как и в последующие чрезвычайно частые встречи во время моего министерства — я не мог его узнать — так был он горяч и страстен, с таким огнем и силой он говорил. В нем тут (впрочем, это мы все замечали уже с зимы) сказался и яркий патриотизм (украинский), боль за церковный хаос, и живое ощущение неповторимости и ответственности исторической минуты, и потребность активного действия... На меня все насили, требовали, чтобы я согласился поработать на пользу мира и устроения церковного. Я поддался этим увещаниям — я чувствовал, что другого лица, имеющего связи и доброе имя (и, конечно, любовь к Церкви) в обоих враждующих лагерях нельзя было найти. Я дал своим друзьям обещание подумать и согласиться.

Был уже вечер. Я пришел к родным, рассказал им все дело. Все по-существу были против — ни у кого не было уверенности ни в прочности только что создавшегося режима, ни в возможности плодотворной деятельности при запутанном церковном положении, все просто жалели меня — но никто особенно не уговаривал меня противиться предложению Василенко... Я помолился Богу, подумал немного в одиночестве — и решил пойти на работу, меня ожидавшую, решил ответить согласием на предложение Василенко. Тогда я не сознавал, каким роковым для всей моей жизни был этот шаг... Если бы я мог не только предвидеть, но даже предполагать, что мне придется оставить Россию — на долгие годы, быть может, навсегда, — покинуть все, что у меня было дорогого, — я, конечно, ни за что не согласился бы оставить мирный путь учебной и общественной работы. Но будущее было совсем закрыто в тумане, и у меня не было серьезных мотивов отказываться от ответственной работы. Я знал, что иду на жертву, что очень много потеряю вследствие этого, — но не представлял себе все-таки, как велика будет жертва...

В 11 ч. веч<ера>, как было условлено, Н. П. Василенко спросил меня по телефону, согласен ли я взяться за руководство Министерством Исповеданий. Когда я ответил ему согласием, он сказал, что сейчас пошлет за мной автомобиль, что я должен сейчас же приехать на заседание Совета Министров и поговорить с Гетманом и Лизогубом. Мне не очень понравилось, что вступать в должность пришлось ночью, но делать было нечего. Через 10 минут я уже мчался по улицам Киева к бывшему дворцу Генерал-Губернатора, где жил Гетман.

Когда я подъехал к дворцу, меня поразила вооруженная его охрана (из немцев) с пулеметами наружу и в вестибюле. Меня ввели в отдельный кабинет — и через две минуты туда вошли Гетман и Лизогуб. Обоих я видел впервые — и о каждом хочется сказать два слова, воспроизводя первые тогдашние впечатления.

Гетман был высокий, стройный человек, с порывистыми движениями, с частой улыбкой на лице. Лицо умом не дышало, хотя «умные» выражения не раз виделись на лице. Улыбка казалась порой тайной усмешкой над кем-то, над положением, над всем — точно он играл роль и сам над собой иронизировал. Но лицо было смелым, решительным, в глазах была отвага; простота и доброта светились на лице. Гетман мне понравился, я почувствовал к нему симпатию, которую чувствуешь к людям, которым можно поверить. Но как сразу было ясно, что это все же только генерал, что не только никакого государственного таланта у него нет, но что и мыслить государственно едва ли он может. Впечатление это сейчас же окрепло, как только началась беседа.

Федор Андреевич Лизогуб оставлял другое впечатление — серьезного, вдумчивого, привыкшего к ответственности человека, — но только очень провинциального и маленького. То, что он мне говорил, лишь заострило это первое впечатление.

Беседу начал Гетман, сказавший, что «Совет Министров и я просим Вас взять на себя управление Министерством Исповеданий и помочь нам в церковных делах, которые сейчас очень запутаны. Ко мне, сказал Гетман, без конца ходят представители обеих сторон, надоели мне чрезвычайно — и ни одна сторона не хочет уступить. Вам нужно что-то сделать, чтобы наступил хоть какой-нибудь мир».

Тут вступил в беседу Лизогуб и прежде всего счел нужным очень решительно и деловито заявить мне, что сейчас закладывается основа украинской самостоятельной державы, что история ставит перед украинским правительством чрезвычайно ответственные и серьезные задачи. Все это было сказано как заученный урок, мне слегка становилось смешно, что Лизогуб как бы хотел «втиснуть очки». Ни в какую «самостоятельность» — еще при оккупации! — верить я не мог и не понимал, зачем была эта игра словами. Я все слушал. Лизогуб, точно читая в парламенте речь, стал мне

говорить о том, что в самостоятельном государстве, которое ныне строится, необходимо создать независимую, автокефальную церковь, что иначе он не мыслит выхода из положения. Лизогуб кончил тем, что, прося быть Министром Исповеданий, взяться за церковные дела, он хотел бы, чтобы я высказал свой взгляд на положение. У меня, уже во время слушания речей П. П. Скоропадского и Ф. А. Лизогуба, было все время два основных впечатления. С одной стороны, они, чувствовал я, считали необходимым твердо установить тот официальный *façon de parler* («самостоятельная держава!»), который был неизбежным эвфемизмом для них и который я должен был бы усвоить, — а после того как была отдана дань официальному украинству (мы, конечно, говорили по-русски, ибо мои собеседники не говорили по-украински — по крайней мере тогда, — ибо впоследствии П. П. Скоропадский выучился говорить), они не без некоего лукавства хотели перейти к реальной программе действий, которую и просили меня им изложить. Другое мое впечатление было, что вся эта беседа была ни к чему, что оба они были так рады, что нашелся человек, которому они могли бы подкинуть надоевшие им церковные распри, что они мне всецело доверяют и вполне передают мне ведение церковных дел, полагаясь и на мой такт и на умение вывести церковное положение из тумана. Некое глубокое безразличие к существу церковной проблемы, как она тогда стояла, я ощутил уже в эту же беседу, и, конечно, это мое ощущение могло только усилиться в дальнейшем. Хотя то, что я сказал моим собеседникам, совершенно расходилось с только что высказанными ими взглядами, но они, как говорится, и глазом не моргнули, слушая меня — такое было у меня впечатление — только из вежливости (нельзя же было, вручая мне власть, даже не выслушать моей программы), и явно торопились к прерванному заседанию Совета Министров, на котором я должен был присутствовать.

Я высказал Гетману и Лизогубу, как я понимаю церковное положение в Украине вообще и в Киеве в частности. Я ре-

шитительно высказался против автокефалии (оба собеседника меня слушали и ничего не возразили!), что основная задача устройства церковного дела должна быть толкуема в смысле автономии, ибо разрывать с Московской патриархией невозможно путем церковной «революции». Я говорил о том, что необходимо пойти в спокойной и ответственной форме навстречу тому, чего ищет украинская церковная мысль, что необходимо даже больше — реальная помощь государства Церкви в момент, когда она так пострадала (от большевиков), что необходимо собрать Украинский Собор, в чем государство всячески должно помочь украинской Церкви, — и на этом роль государства в церковной жизни кончается, и вся компетенция церковного самоуправления должна быть сосредоточена в руках Собора. Мои собеседники не особенно внимательно слушали, кто-то из них сказал: «мы Вам совершенно доверяем, действуйте, как найдете правильным» — и на этом мое «вхождение во власть» закончилось.

Я немножко больше и лучше думал о людях, которым принадлежала в эти дни власть. У меня было такое же чувство, как бывало у меня, профессора Университета, в отношении к достойным и уважаемым преподавателям гимназии. Впечатление непобедимой провинциальности, оставшееся от 10–15 минут «аудиенции», сохранилось, а во многом и усилилось впоследствии — и было в этом впечатлении много досадного и грустного. Таким ли людям возможно было овладеть разбушевавшейся стихией?.. Мы вышли в большой зал, где гуляли и курили остальные министры, и через 5 минут все направились в соседнюю комнату, где возобновилось заседание Совета Министров, в котором я принял уже участие. Мы заседали до 3-х часов ночи — после чего я в автомобиле Н. П. Василенко отправился домой.

Провожая меня домой и сердечно благодаря за то, что я взялся за руководство Министерством Исповеданий, Василенко сказал мне: «сегодня мы сделали два больших приобретения (точные слова были более лестны, но смысл

был таков) — Вас и Игоря Александровича Кистяковского мы имеем с сегодняшнего дня в составе Совета Министров». Действительно несколько раньше меня (на 1–2 часа) в состав Совета М<инистров> вошел И. А. Кистяковский в качестве «Статс-Секретаря» — в сущности управляющего делами Совета Министров. Расскажу тут же о моих общих впечатлениях о членах Совета М<инистров>, — чтобы затем уже не возвращаться к этому.

Ф. А. Лизогуб навсегда остался в моей памяти как хороший и серьезный провинциальный деятель. Я ездил к нему каждую неделю, чтобы делать ему доклады по своему Министерству (к Гетману я тоже ездил с докладом раз в неделю — о Гетмане см. дальше), много с ним беседовал по вопросам своего Министерства, внимательно всматривался в его общую работу как Премьера — и всегда у меня крепло чувство искреннего уважения и доверия. Это был порядочный человек, gentleman, хотевший непременно серьезно и «честно» отнестись к своему заданию — укрепления и устройства «украинской державы». Для меня было ясно, что он был придавлен и как-то смят революцией, большевизмом, ухватился за буржуазную и национальную реставрацию Украины как части России, но считал временно, до уничтожения большевиков, необходимым опираться на национальное украинское движение как здоровое начало, как точку опоры в борьбе против большевизма. Он был предан, условно, но искренно, «украинской идее», нередко, по новизне дела, перебарщивал. Но у него не было в этом вопросе никакой перспективы политического характера, он просто не умел политически мыслить, оставаясь все тем же земцем, каким был раньше. В нем не было ни политического темперамента, ни воли; правда, при немецкой оккупации, имевшей свои задачи, проводившей свою политику, мудро было проявить большую активность в общих политических перспективах, но все же можно было бы иметь хотя бы свой план — но его не было, да и не могло быть у почтенного Федора Андреевича — он просто вел дела, какие жизнь выдвигала.

гала, оставаясь всегда честным, порядочным, au fond преданным России, но в данной обстановке честно служившим «украинской державе» работником.

Н. П. Василенко в составе Министерства был единственным человеком, мыслившим политически. Правда, его интересовали лишь вопросы «внутренней политики» — иностранной политикой он не интересовался, но это был настоящий политический деятель, которому было бы впроку работать и во всероссийском масштабе. На его серьезное сотрудничество всегда можно было рассчитывать, хотя по ряду вопросов церковной школы мы нередко с ним расходились. Обыкновенно Василенко подвозил меня на своем автомобиле (я обычно отпускал своего шофера) — возвращаясь с заседания Совета Мин<истров> (никогда не раньше 2 ч. ночи, а первые два месяца сплошь и рядом в 4–5 ч. утра), мы делились с ним впечатлениями, и это нас очень сближало.

Н. П. Василенко, вместе с А. К. Ржепецким и С. М. Гутником и мной, образовал группу к-д в Совете Министров. Мы обыкновенно собирались раз в неделю у Д. Н. Григорович-Барского («Председ<ателя> Всеукраинской партии к-д»). Но в этой кадетской группе Ржепецкий состоял по недоразумению или по традиции; по существу же он резко эволюционировал вправо. В ночь, когда я вошел в состав Совета Мин<истров>, Ржепецкий подошел ко мне, чтобы приветствовать меня, — мы обменялись тут несколькими словами. Ржепецкий видел задачу Правительства в экономической реставрации, в возвращении хозяйственной и финансовой жизни, сильно потрясенной за год революции, к нормальным условиям. Дальше этой — естественной и верной, но не единственной задачи всякого антибольшевистского правительства — Ржепецкий ничего не видел и ничем не интересовался. Гораздо глубже и серьезнее был С. М. Гутник (еврей), разумный, трезвый и очень спокойный человек. Мы сидели обычно рядом с ним и делились замечаниями во время заседа-

ния Совета, и я мог оценить здесь многие хорошие стороны этого в общем среднего, но энергичного и разумного человека. Большую симпатию во мне возбуждал генерал Рагоза — очень порядочный и толковый военачальник. Я расскажу дальше кое о чем в его достойной всяческой похвалы работе. Г. Е. Афанасьев, по своей глухоте, принимал очень мало участия в работе Совета М<инистров>, — но всегда вносил ту исключительную порядочность и деловитость, которые были ему свойственны. Не очень много симпатии возбуждал во мне талантливый и ловкий М. П. Чубинский (мин<истр> юстиции, заместитель премьера). Это был известный русский криминалист, человек большого административного опыта, властный, хитрый, умный, по-существу (да простит меня М. П.!) беспринципный человек. Гораздо выше его стоял «дикий» в политических взглядах (когда-то с-р) Ю. Н. Вагнер (министр труда) — он был один из тех немногих в Совете, кто понимал силу революционной стихии, по своим специальным вопросам он выдвигал очень разумные и интересные проекты, но в общих дебатах он не умел найти надлежащей точки зрения. И М. П. Чубинский и Ю. Н. Вагнер не раз мне — а мне фактически пришлось играть некоторое время роль как бы «лидера» к-д группы — выражали свою обиду, что вот четыре к-дских министра обособились и действуют согласно, не желая принять их в свою группу. Я лично был очень против этого, меня столько же отталкивала беспринципность Чубинского, как и хаотичность Вагнера. Бутенко (мин<истр> пут<ей> сообщ<ения>) вызывал во мне отвращение и даже подозрения (я не имею данных, что он был нечестен, о чем ходили упорные слухи, — но личное впечатление скорее было благоприятно для этих слухов...). Д-р Любинский был просто ничтожеством — глупый и ограниченный человек, он неизвестно как попал в министры. Старик В. Г. Колокольцов, вечно раздававший нам разнообразные проекты (в его министерстве шла интересная, но часто фантастическая ра-

бота по урегулированию земельных отношений), чувствовал себя в Совете Мин<истров> как в земской управе, да и то среднего качества. Мин<истр> продовольствия Соколовский, наоборот, был очень привлекателен личной культурностью и тонкостью, однако в политических вопросах был нем и равнодушен.

Мне осталось сказать несколько слов о трех более крупных людях — Д. И. Дорошенко, И. А. Кистяковском и, наконец, о самом Гетмане. С Д. И. Дорошенко я имел случай довольно близко сойтись уже в эмиграции, и мои суждения о нем неизбежно теперь окрашиваются всем тем, что накопилось у меня в течение многих встреч в Европе. Но я помню хорошо, что Д. И. представлялся мне тогда человеком не очень умным — во всяком случае в вопросах политики (которыми он должен был заниматься...), но «себе на уме», сдержанным и скрытным, до известной степени — делегатом от уклонившейся от участия во власти партии соц. федералистов, честолюбивым, жаждущим проявить себя — знающим в области литературы и истории, основательным и солидным, но непобедимо провинциальным! Корректный, спокойный, почти всегда молчаливый, — словно он не разделял нашей общей ответственности за то, что делало правительство, он ужасно был озабочен организацией иностранных представительств от Украины в разных дружественных и нейтральных странах. Политически мыслить он просто не умел — и, так как я лично всегда интересовался вопросами внешней политики, а в эти годы, когда решались судьбы почти всех европейских народов, особенно, так как я систематически читал лучшие немецкие газеты, которые появились в Киеве после прихода немцев, то естественно, что я всегда, при докладах Д. И. по разным частным вопросам, выдвигал общие проблемы украинской внешней политики. Д. И. обыкновенно отмалчивался — и видно было, что ему просто нечего было сказать. По одному лишь вопросу он всегда говорил — о русско-украинских отношениях — но и тут обнаруживал неподвижность и упрямство

фанатика. Словесная «незалежность» Украины его больше волновала, чем трезвый учет реальных будущих отношений Украины и России... Кстати, вспоминая одну пошлую и отвратительную фразу, сказанную Ф. А. Лизогубом при обсуждении лукавого вопроса о русско-украинской границе. Беседа возникла в связи с докладом С. П. Шелухина, невообразимого дилетанта, размахистого политикана, ужасно храброго в своих претензиях (а он был представителем Украины в «мировой комиссии», где ему приходилось бороться с таким опытным и умным, хотя и циничным человеком, как Раковский). Для Шелухина с его мегаломанией пределы Украины расширялись беспредельно, захватывали даже Орловскую губернию на сев<еро->вост<оке>, а уже об юго-востоке нечего и говорить. Д. И. Дорошенко тоже строил очень его увлекавший план «федерации» с Донской областью (Крым, конечно, весь инкорпорировался...). Было противно и стыдно слушать все это — когда фактически «Украиной» называлась территория немецкой оккупации. И вдруг — по поводу этнографических разногласий между русской и украинской комиссией, когда мы рассматривали карту, принесенную Шелухиным, когда из его доклада было ясно, действительно, что большевики оперируют с преувеличенными данными, Лизогуб вдруг вскричал: «нет, это невозможно, недопустимо! Мы все пойдем бороться с большевиками за наши границы...» Это было так фальшиво, так пусто — и так было стыдно слушать это... Мне вообще часто бывало стыдно в Сов<ете> Мин<истров> — как и что меня выручало в этих случаях, скажу дальше. Но и политические планы, и не знающая сомнений и колебаний мегаломания Дм. Ив. меня всегда раздражала, и я был, так сказать, приносящим оппонентом Дм. Ив. — и в Совете Мин<истров> привыкли к тому, чтобы по вопросам внешней политики заслушивать и меня.

Перехожу ко второй крупной и, пожалуй, самой тяжелой в правительстве фигуре Иг. Алек. Кистяковского. Это был бесспорно очень умный и талантливый человек, сильный

и яркий, но очень циничный, полагающийся на «реальные факторы» — на силу и принуждение, на деньги и давление, презирующий все, что в иных тонах строит понимание жизни. Мне пришлось слышать И. А. Кистяковского на одном закрытом собрании в начале Февраля 1917 г. (т. е. до революции), когда он рассказывал о разных предположениях и надеждах, распространявшихся тогда в Москве, — и тогда вместе с впечатлением большого ума меня поражало отсутствие внутреннего благородства, внутренняя *Selbstironie*. Для больших даров, каким обладал И. А., необходимо было больше духовной силы и благородства; за отсутствием подлинного идеализма вся обычная интеллигентская идеология вызвала в нем не только справедливую критику, но и отвращение и презрение. И. А. был по-существу делец и хищник, жертва обездушенной культуры и доминирующего во всем этатизма. Хотя он был юрист, но юриспруденция была для него ремеслом, а не правдой, не заветным убеждением.

Революция освободила И. А. от той неизбежной и для него благородной риторики, без которой не мог и он обойтись в прежние времена. По-существу для него русская стихия не была ни очень дорогой, ни очень глубокой, но странно — за цинизмом и скептицизмом можно было порой подметить нотки примитивного сентиментализма. Крупный, высокого роста, с самоуверенным тоном, с решительными речами, с острыми и умными формулами, И. А. не мог не импонировать собеседникам — и в Совете Мин<истров> его речи всегда были ярки и остры, сильны и умны. В них были те же черты, что вообще были присущи его личности — ум и сила, цинизм и хищничество, отсутствие благородства и редкие точки сентиментализма. Ведь основная линия гетманщины выражала реакцию на большевизм, возврат к «нормальному» порядку вещей — и в этой линии И. А. был очень сильным и умелым выразителем того, что бродило у всех. Я опишу дальше некоторые моменты, предшествовавшие тому, что И. А. стал министром внутренних дел, но в качестве

«государственного секретаря», призванного к окончательной формулировке и проведению в законном порядке (т. е. предложению на подпись Гетмана) законодательных актов Совета Министров, будучи, так сказать, обер-юристом среди нас, но не имея никакой власти, к которой его влекла вся его натура, И. А. сам провел себя — в последнем счете — в министры. Но он же оказался и наиболее одиозной фигурой в первом министерстве Лизогуба — несмотря на то, что часто он бывал прав...

Мне остается сказать несколько слов о Гетмане. Мы все видели его почти каждый день в Совете Министров, где он присутствовал (не председательствуя). Он добросовестно старался вникать в дела, но, видимо, ему было все же очень скучно среди нас. Боевой офицер, склонный к военным авантюрам, П. П. Скоропадский мог бы еще утешиться всем тем, что обычно связано с верховной властью, — той шумихой, теми парадами, которые и утомляют, но и забавляют. Первое время вместо этого его забавляла атмосфера заговора, которая очень долго чувствовалась во дворце; забавляли приемы, встречи, интриги — но это стало скоро надоедать П. П., как надоедали ему и ежедневные заседания Совета Мин<истров> (лишь с середины Июня мы по воскресеньям совсем не работали, а по субботам съезжались в 2 ч. на 2—3 часа). П. П. по-существу — порядочный и благородный человек, но беспринципный, не в смысле цинизма или отвержения принципов, а в том смысле, что вся его принципиальность не шла дальше обычной порядочности — ни мировоззрения, ни глубоких убеждений у него [не] было по поверхностности натуры. Самый трудный порог для него, как подлинного военного, был в разрыве со старым строем, с присягой, — но это случилось помимо его воли, это захватило всех. В Дон Кихоты П. П. не годился — и он кинулся в авантюру украинской самостоятельности, в которой пребывает (все же полуискренно) и доньне. Таким украинцем, каким его хотят и хотели видеть защитники украинской монархии, он не был и не мо-

жет быть — оставаясь везде и всегда русским человеком. И то, что в годы, когда столько людей потеряли голову, отреклись от морали, стали бесстыдными оппортунистами, перед П<авлом> П<етрови>чем жизнь поставила трудный вопрос о рыцарской верности России, то, что он поддавался (и поддается) разным украинским нашептываниям и нередко ругает «москалей» и Россию, — в этом отречении от того, что является его сущностью, П. П. утерял устои, которыми держалась духовно его личность. Ныне — насколько мне позволяют судить встречи и беседы в Берлине — это уже просто авантюрист, поставивший ставку на самостийную (при немецкой, а не польской поддержке) Украину. Ему сейчас просто уже невыгодно отойти от своей позиции... Впрочем, государственные деятели в большом числе могут во всех странах явить тип практических последователей Маккиавели — удивляться П<авлу> П<етрови>чу особенно не следует. Только одно — это не был ни государственный человек, ни даже «верховный главнокомандующий» и вождь — хотя он и был на этих «ролях». Между прочим, он был добрый, привлекательный и милый «барин» — в частных отношениях (насколько я мог судить об этом).

Глава II

Первые шаги мои

На другое утро в 9¹/₂ я был в ограде Софиевского Собора, в доме, в котором размещался «департамент исповеданий» (как он именовался при украинском генеральном секретариате), — ныне, с моим вступлением в должность Министра, превращенный в «Министерство Исповеданий».

Я застал там бывшего главу «Департ<амента> Испов<еда-ний>» Чеховского (который при Директории стал премьер-министром) и его помощника Павловского (не ручаюсь, что память верно сохранила мне фамилию его). Чеховский, несуразно длинный и толстый, с насупившимся, умным, но неприятным лицом, встретил меня угрюмо и спросил, имею ли я в виду сотрудничать с ним или нет. Я просил его остаться, пока разберусь в делах, бегло ознакомился с тем, как был организован департамент исповеданий и сказал Чеховскому, что в ближайшие дни я займусь организацией Министерства, что сейчас я считаю нужным всецело посвятить себя вопросу об созыве Украинского Собора.

Скажу сейчас же о том, как было организовано Министерство мной, чтобы потом уже не возвращаться к этой теме. Труднее всего было подыскать мне Товарища Министра, которому я мог бы всецело доверять, который мог бы следить

за работой в Министерстве. После обсуждений разных кандидатур с моими друзьями по церковной работе я остановился на Конст. Конст. Мировиче, который был членом Всероссийского Церковного Собора от духовной семинарии, где он был инспектором. Это был очень скромный, но очень порядочный, сердечный и достойный всяческого доверия человек, с которым я раньше почти не встречался, но о котором слышал самые добрые отзывы. Он был украинцем по своим взглядам, искренним и давним, но свободным от фанатизма и шовинизма. Когда я предложил ему стать Товарищем Министра, он после недолгих колебаний принял это предложение и вступил в должность по утверждению его Советом Министров. Ему непосредственно отдал я в ведение духовные школы, которые были предметом моего особого попечения. Департаментом инославных исповеданий оставил я временно ведать Павловского, помощника Чеховского, а самого Чеховского сделал Директором Департамента Общих Дел. Так скромно было организовано мое Министерство, умещавшееся в двух этажах церковного дома. Моим личным секретарем я избрал молодого юношу, погибшего впоследствии совершенно невинно в ЧК у большевиков (когда они отступали перед добровольцами из Киева) — Глеба Сер<геевича> Жекулина. Я никогда не жалел, что выбрал себе в секретари такого молодого человека, который был мне предан и был чужд всяким интригам, обычным для такого места. Об Ученом Комитете, организация которого явилась одним из главных поводов обвинений меня в «насилии над Церковью» со стороны митр. Антония, я расскажу после.

В первый же день я отправился с визитом к еп. Никодиму и еп. Димитрию, двум викариям Киевской епархии. С еп. Никодимом у меня был небольшой, но очень характерный разговор. У меня еще не образовалось никакого плана действия, но я сказал еп. Никодиму, что взялся за свой пост исключительно из желания послужить церковному миру и благоустройству, что, войдя в состав правительства, я никогда не стану переходить компетенции государственной власти

в церковных делах, но что надеюсь, что епископат пойдет мне навстречу, считаясь с очень серьезным и политическим, и церковным положением. Еп. Никодим, стремившийся ускользнуть от каких-либо ответственных слов, принимавший меня очень сдержанно и холодно, сказал, что время для Церкви сейчас действительно трудное, но что Церковь полагается на свои силы, что он надеется, что я буду уважать свободу Церкви и не переходить границ государственного вмешательства во внутренние дела Церкви. Я не счел нужным вступать в спор с еп. Никодимом, но мне сразу стало ясно, что я имею в лице его врага, который не пойдет ни на какие уступки, который твердо и упорно будет бороться за те позиции, которые он считает правильными. Меня это не могло смутить — я достаточно раньше знал еп. Никодима — но показало мне сразу же, каким трудным путем предстоит мне идти. Беседа с еп. Димитрием была гораздо дружнее и сердечнее, но еп. Димитрий не имел никакого влияния на церковные дела.

Первым делом своим я поставил точное осведомление о положении церковных дел и о созыве Епархиального Соборания на 19/V для выбора Митрополита. Информации шли ко мне с разных сторон — не только со стороны украинской, которая искала во мне своей естественной защиты и попечения, но и со стороны русской. Незаменимым, хотя и чересчур горячим и даже страстным, помощником для меня в эти дни, как и в первые месяцы, был проф. Ф. И. Мищенко (профессор канонического права в Дух<овной> Академии. Я уже упоминал о том, что он был очень предан делу украинской Церкви — однако оставался человеком, свободным от шовинизма и фанатизма. Много разумных советов давал он мне, обильно иллюстрируя свои положения различными фактами из истории Церкви, — но основная и самая боевая часть его планов оставалась мне чужда и *au fond* противна. Мищенко все убеждал меня, что я являюсь представителем государственной власти, что госуд. власти всегда принадлежала в Церкви огромная роль — большею частью положительная. Если носителем власти оказывался, так говорил он, человек

подлинно церковный, чуждый честолюбия и интриганства, то он был несравнимым благом для Церкви, ибо наша восточная иерархия, говорил он, не умела и не умеет вести Церковь. Конечно, эти дефекты в восточной Церкви и особенно в русской объясняются историческими условиями, но дело идет не об «понимании» духовенства, а о действовании среди него. Надо брать на себя инициативу, говорил он, не бояться быть новатором, не бояться новых путей, не бояться и того, что консервативное духовенство вооружится против меня. Мищенко особенно призывал меня к тому, чтобы я, оказывая всяческое почтение епископскому сану, не перелаживал своей ответственности за Церковь на епископат, он подчеркивал, что на мне, как уполномоченном государственной властью для «управления» Церковью, лежит ответственность перед Церковью, а не епископатом. Он резко осуждал Карташева, который совершенно стушевался перед Всероссийским Собором, забыв, что духовенство не умело и не умеет вести церковную жизнь. И Мищенко защищал теорию свободы Церкви, но указывал, что сейчас, после снятия многовековой опеки государства, сделать Церковь совершенно свободной значит преступно оставить «без призора» Церковь, которую так долго держали в плену, а теперь хотят оставить в полной свободе, т. е. небрежении.

Мне было тяжело слушать многое в речах Мищенко — я глубоко пропитался теми идеями о свободной Церкви, которые впервые заронил в мою душу Влад. Соловьев и которые так дороги были как раз тому церковно-радикальному течению, которое было представлено в нашем Киевском религиозно-философском Обществе. Но две вещи все же запали мне в душу, хотя речи Мищенко в целом не могли быть приемлемы для меня. Я почувствовал по-новому (об этом еще несколько подробнее придется говорить мне позднее) свое ответственное за Церковь положение, понял, что идея свободы Церкви не должна превращаться для меня в формальное умывание рук, — ибо я призван к ответственности, ибо «начальник не без ума меч носит». Вторая вещь, запавшая мне в душу

и отвечавшая моему искреннему желанию послужить Церкви, заключалась в идее свободной инициативы. Я достаточно хорошо знал наш епископат, чтобы понимать, что в нем доминировало два типа — кротких и добрых, но ничего не понимающих в делах управления Церкви, или же хорошо ведущих дела Церкви, могущих быть «князьями Церкви», но, к сожалению, лишенных той благодати, без которой «власть» в Церкви сбивается на гражданскую власть.

Уже на второй день (17 Мая) у меня созрело решение, как найти выход из положения. Но, прежде чем повести речь об этом в Совете Министров, я счел нужным попробовать сговориться с еп. Никодимом. Я застал у еп. Никодима арх. (ныне митр.) Евлогия, с которым до того времени встречался очень случайно: еп. Никодим для придания авторитетности епархиальному собранию, имевшему избрать Киевского митрополита, выписал архиеп. Евлогия в Киев. Визит мой к еп. Никодиму имел своей целью найти корректный выход из трудного церковного положения, — и этот выход видел я в том, чтобы, занявшись различными делами епархии на епархиальном собрании (которое уже нельзя было отложить за поздним временем): 1) выборов Митрополита не производить, 2) перенося эти выборы на Украинский Собор (который один мог бы избрать первосвященителя Украинской Церкви и определить круг его обязанностей, его компетенции при разрыве отношений с Москвой, при новом политическом положении на Украине) и 3) в начале Июня созвать Украинский Собор. Развивая эти предложения, я указал еп. Никодиму, что смысл их заключается лишь в том, чтобы оградить права Украинского Собора, что компетенция государства при наличии церковных разногласий только в том и заключается, чтобы создать законную форму для чисто церковного разрешения этих разногласий, т. е. обратиться к Собору — что было тем легче сделать, что законный, признанный Патриархом Собор уже заседал в Январе м<есяце>, что нет поэтому никаких оснований не созывать Собора, который разошелся только в виду начавшихся военных действий, что жалобы украинского ду-

ховенства побуждают правительственную власть стать на защиту прав Украинского Собора, без всякого основания попираемых еп. Никодимом как заместителем Киевского митрополита. Развивая эти мысли, я перешел затем к другому — к указанию на то, что нам нужно сберечь Церковь, стремиться к устранению в ней тяжких разногласий, которые только расшатывают здание церковное... Еп. Никодим меня слушал внимательно — и уже из того, как он меня слушал, я чувствовал, что слова мои не действуют на него, что он твердо и неуклонно стоит на своем. И действительно — он сейчас же (и арх. Евлогий немедленно стал подтверждать и усиленно аргументировать ответ еп. Никодима) сказал мне, что он является исполнителем лишь указа Патриарха (им же самым добытого!..), что программа чрезвычайного епархиального собрания, в частности, выборы митрополита, преуказаны Патриархом и он абсолютно не может отменить его указа... Для меня сразу стала ясна вся бесплодность нашего диалога — еп. Никодим стал на формальную точку зрения, конечно, не потому, что был формалистом, — а наоборот, он постарался сам создать эту формальную преграду, чтобы за нее укрыться. Он сказал мне еще: теперь не время созывать Собор, в разгар лета невозможно получить из деревни ни священников, ни прихожан, а осенью, когда закончатся работы, можно будет созвать Собор. Выборы же митрополита нам абсолютно необходимы, потому что епархия не может жить без ответственного главы ее. Когда я возразил на это, что после смерти митр. Владимира прошло 4 м<есяца> и еп. Никодим превосходно справился со всеми делами, что возможно подождать созыва Украинского Собора, который, собравшись на небольшую летнюю сессию, только бы установил правила жизни Церкви при наличных политических условиях и избрал бы митрополита, — еп. Никодим сказал снова: я ничего своей властью переменить не могу, я призван исполнить указ и отменять или откладывать не могу. Я заметил тогда еп. Никодиму, что он совершенно напрасно отворачивается от того правительства, которое занято успокоением и восстановлением

края после большевиков, что я поистине кроме формализма, притом довольно придуманного, не вижу в его замечаниях, что на самом деле события столь серьезны, положение Церкви столь тяжело, столь обременено церковными раздорами, что ссылаться, при таких крайних обстоятельствах, на формальные преграды невозможно. Но и эти слова мои несколько не подействовали, ничего не задело в душе еп. Никодима. Я встал и сказал с огорчением, что моя первая же попытка найти мирный выход из положения, всей тяжести которого, очевидно, еп. Никодим не ощущает, — очевидно не имеет успеха. Я все же просил его назавтра встретиться с ним и другими приехавшими или присутствующими в Киеве епископами (собственно, при этом свидании отсутствовали лишь еп. Димитрий и еп. Василий (Богдашевский), ректор Дух. Академии). Еп. Никодим согласился на это, и мы решили вновь встретиться 18 Мая (н<ового> ст<илия>) в 4 ч. дня.

Я уже не ждал большого успеха от совещания между епископами, которое они должны были иметь до моего приезда. Действительно, когда я приехал к еп. Никодиму и начал беседу с ним и с 3 другими владыками (арх. Евлогий, еп. Димитрий, еп. Василий), — он заявил мне от имени всех их, что они не могут пойти на мое предложение в виду прямого указания патриарха Тихона произвести выборы митрополита... Мне оставалось только удалиться.

Я еще утром предупредил Лизогуба о том, что в церковных делах наступила очень серьезная и существенная точка и что мне необходимо сделать большой доклад в Совете Министров, чтобы я мог выступить на собрании епархиальном (а я предупредил еп. Никодима, что приеду на Собрание и попрошу дать мне слово) от имени всего Правительства.

Уже поздно ночью, около 2 ч. ночи, Ф. А. Лизогуб предоставил мне слово, — в ту ночь мы разъехались около 5 ч. утра — так основательно разбирали мы создавшееся положение. Изложив подробно историю несозвучия Украинского Собора, нарочитые стремления еп. Никодима обойти Собор и провести (это было известно) митр. Харьковского Анто-

ния — в Киевские митрополиты, изложив подробно мои переговоры, я поставил вопрос так: я обращусь от имени всего Правительства к епархиальному собранию с просьбой отложить выборы до созыва Украинского Собора и удалюсь, конечно, указав на то, что Правительство настаивает на созыве Украинского Собора и на отложении выборов митрополита. Совет Министров был крайне возмущен поведением еп. Никодима (имевшего прочную славу покровителя крайних правых...), кто-то предложил просто полицейски не допустить епархиального собрания, в крайнем случае даже разогнать его. Тогда я категорически высказался против таких мер, указав, что считаю абсолютно невозможным пользоваться полицейскими способами в деле церковного замирения; что у нас, в случае отказа епархиального собрания пойти навстречу Правительству (а этого надо было ожидать), есть достаточно еще способов настоять на созыве Украинского Собора и кассировании выборов, произведенных на епархиальном собрании. Совет Министров, по-видимому, наконец понял, что иначе поступить невозможно, постановил принять мое предложение и уполномочил меня выступать на епархиальном собрании.

Надо заметить, что официальных кандидатов в Митрополиты было два: митр. Антоний и еп. Димитрий (кстати сказать, моя кандидатура в Митрополиты была все-таки выставлена, но за отсутствием ответа моего о согласии официально не могла быть поставлена — я же получил официальный запрос и уведомление о выставлении моей кандидатуры 21/V, т. е. через два дня после епархиального собрания!). Хотя еп. Димитрий не мог, конечно, равняться с митр. Антонием, известным своими трудами, недавним кандидатом во Всероссийские патриархи, — но за еп. Димитрия стояли все украинские члены собрания. Еп. Никодим оказался очень предусмотрительным, добившись у Патриарха того, чтобы устав о выборах епископов не был применен в данном случае, чтобы вместо 2/3 голосов достаточно было абсолютного большинства, — митр. Антоний, фактически из-

бранный на собрании, получил всего на 7 голосов больше еп. Димитрия!

Пришел день епархиального собрания. Если не ошибаюсь, оно было открыто после обеда; по соглашению с еп. Никодимом я приехал к 6 ч. веч<ера>. Собрание было достаточно многолюдным — около 303—305 человек. Когда я вошел в зал и подошел к президиуму поздороваться с епископами (председательствовал арх. Евлогий), сел на стул, — через 2—3 минуты арх. Евлогий предоставил мне слово. Помню хорошо, как все глаза устремились на меня... Я приветствовал епархиальное собрание от имени Правительства, лишь недавно пришедшего к власти и ставящего своей задачей восстановление порядка и мира внутри страны и, изложив сущность затруднения, перед которым стоит церковное сознание, которое тревожит и Правительство, подчеркнув, что Правительство вовсе не желает вмешиваться в церковные дела, но не может быть равнодушным к острым церковным разногласиям, считает крайне опасным, при общих условиях, в которых мы находимся, всякое дальнейшее заострение внутренних разногласий, сказал, что от имени Правительства прошу отложить выборы митрополита. Я отметил, что Правительство желает жить в мире с церковными людьми, но оно сделает, конечно, свои выводы, если его просьба, основанная на серьезных данных, не будет уважена. Епархиальное собрание, конечно, свободно поступить, как оно хочет, — но и Правительство свободно в случае отказа собрания последовать предложению Правительства в своем пути...

Меня слушали внимательно. Когда я кончил, я обратился к председателю с указанием, что говорил не от имени только своего, но от имени всего Правительства и что я буду теперь ожидать решения Собрания, о чем справлюсь у председателя по телефону. Я удалился... Через $\frac{1}{2}$ —2 часа у меня было несколько человек из «оппозиции» и сообщили о том, что на собрании авторитетно и решительно было заявлено епископами, что со стороны Правительства оказывается насилие над Церковью, что указ Патриарха нельзя не испол-

нить, не разрушая церковной дисциплины... Решено было выборы производить, т. е. отклонить предложение мое подавляющим большинством голосов против 8 человек... Даже те, кто голосовали за еп. Димитрия, т. е. шли против линии еп. Никодима, тоже считали невозможным откладывать выборы... Выборы состоялись — и как указано было выше — несколькими всего голосами победил митр. Антоний, который был избран таким образом Киевским митрополитом.

Я доложил об этом вечером Совету Министров, как доложил одновременно и план дальнейшей политики: не признавать выборов до тех пор, пока Украинский Собор не выскажется о том, как он находит лучшим поступить — производить новые выборы или просто подтвердить своим авторитетом прежние. Совет Министров присоединился к моему предложению — и формально Правительство оказалось как бы в войне с Церковью. В действительности положение определялось лишь тем, что мы исходили из церковного *status quo* как оно было до епархиального собрания, т. е. признавали митр. Антония Харьковским (а не Киевским) митрополитом, по делам же киевской епархии обращаясь к еп. Никодиму. На другое утро я был у Ф. А. Лизогуба и предложил ему вместе со мной послать телеграмму Патриарху с указанием невозможности для нас признать выборы митрополита и необходимости переложить вопрос на Украинский Собор. Лизогуб принципиально согласился — и я устроил у себя в Министерстве совещание из некоторых влиятельных церковных деятелей и К. К. Мировича. Но весть о том, что мы собираемся сделать «интервенцию» у Патриарха, как-то проникла за стены Министерства и достигла епископата. После обеда ко мне прибыл арх. Евлогий и со свойственным ему дружелюбным и мягким тоном стал развивать две темы — прежде всего, что решение собрания было продиктовано невозможностью не исполнить волю Патриарха, а вовсе не нежеланием идти навстречу Правительству (весьма возможно, что епархиальное собрание уполномочило арх. Евлогия передать мне это), что и он, и епарх. собрание крайне сожалеют, что получилось

такое неприятное положение. Я холодно ответил ему, что никто не собирается отвечать насилием на враждебность собрания к прямой просьбе Правительства и что теперь напрасно смягчать то, чего уже нельзя изменить. Арх. Евлогий стал мне говорить о том, что собрание, да и весь церковный народ относится с чрезвычайным сочувствием к новому режиму, что он надеется, что все сгладится и отношения станут взаимно доброжелательными, — и тут он перешел ко второй теме и стал говорить, что до него дошли слухи, что Правительство собирается обратиться к Патриарху. Я сказал ему на это прямо, что позиция Правительства была и остается строго лояльной — как в вопросе об отложении выборов, так и в дальнейших действиях, что никакой явочной автокефалии нет и быть не может, что дело идет только об установлении церковной автономии, что, оставаясь в пределах этого и признавая Патриарха высшим церковным органом и для Украины, я намерен от имени Правительства обратиться к Патриарху с тем же, с чем обращался к епархиальному собранию — и просить его уважить предложение Правительства. Арх. Евлогий ужасно заволновался (возникает вопрос — почему? Я думаю, потому, что боялся, что из материалов, которые были бы посланы Патриарху, стала бы ясна подтасовка выборов на епарх. собрание и подтасовка выборов митр. Антония — и, как однажды и Патриарх и Собор пошли на гораздо больший по решительности шаг в интересах церковного мира — на благословение Украинского Собора, — так и теперь, быть может, Патриарх пойдет навстречу нам и не утвердит выборов епархиального собрания... Только тем, что арх. Евлогий чувствовал слабость позиции, на которой он стоял, можно объяснить его волнения и его дальнейшие предложения). Арх. Евлогий стал говорить о необходимости церковного мира, о том, что мы должны здесь, в Киеве, сами найти пути соглашения. Я снова холодно спросил его — как он может говорить это, когда в ответ на совершенно лояльное предложение Правительства епископат и епарх. собрание, укрываясь за формальную силу указа Патриарха, отклонили возможное соглашение. Арх. Евлогий,

боясь очевидно, что я пошлю кого-либо в Москву, стал убеждать меня, чтобы я подождал некоторое время, что он лично надеется, что ему удастся добиться в Москве какого-либо компромисса, что в то же время он будет стараться достигнуть соглашения здесь, вообще добиваться того, чтобы мы никого не посылали в Москву, обещая, что и он с своей стороны приложит все личные усилия в Москве для мирного улаживания вопроса и что никаких настояний в Москве на утверждении выборов не будет сделано. Я тогда заявил арх. Евлогию, что, если кроме его личного письма ничего не будет послано, если будет задержано все дело до ответа Патриарха, как выйти из создавшегося положения, — что я готов, во имя церковного мира, пойти навстречу ему и ничего от себя не посылать Патриарху. Арх. Евлогий настаивал на этом, говоря, что посылка официального обращения к Патриарху сделает уже невозможным «частное», неформальное вмешательство Патриарха в положение вещей. Для меня было неясно, что может сделать Патриарх после выборов? Просить повлиять на митр. Антония, чтобы он отказался ехать в Киев и таким образом сделать возможными новые выборы? Не знаю, это для меня осталось загадкой, но я решил уступить и сказал, что не буду ничего писать Патриарху при условии, что в Москву не будут посланы официальные материалы, а будет послано лишь частное письмо. Лизогуб не протестовал, когда я телефону сговорился с ним — и он хотел, конечно, мира.

Я уверен, что арх. Евлогий меня не обманывал и действительно имел какой-то план, но уже через два дня — через ту же «подпольную» почту, которая передавала известия из Министерства епископам, я узнал, что фактически в Москву выехал со всеми официальными материалами доверенный человек от еп. Никодима, — и таким образом обещание арх. Евлогия оказалось нарушенным. Я просил навести более точные справки — и они подтвердили известие... Что было делать? Для меня стало ясно, что еп. Никодим (надеюсь, без арх. Евлогия) воспользовался «перемирием», чтобы выиграть время получить формальное утверждение Патри-

арха и Высш<его> Церковного Совета раньше, чем мы сможем осведомить его о своей точке зрения. Я решил действовать немедленно, составил текст телеграммы (которую нужно было тогда посылать через немцев, так как прямого телеграфного сообщения с Москвой не было) и отправился к Лизогубу. Лизогуб, как и я, был крайне возмущен обманом со стороны епископата. Телеграмма была составлена кратко и просила Патриарха воздержаться от утверждения решения епархиального собрания до получения от нас материалов, освещающих позицию правительства, желающего отложения выборов. Материалы эти — краткий, но ясный меморандум о положении церковных дел на Украине — были посланы в Москву на другой день (кажется, это было 23 Мая). Своим обращением к Патриарху как к высшей церковной власти я хотел подчеркнуть, что мы признаем ее таковой, что никакого, обычно свойственного молодым политическим организациям (Эстония, Польша, Финляндия!), желания разрыва с Москвой и установления через Константинополь автокефалии у меня не было. Недостатка в таких советах не было — украинские церковные деятели оценивали мой «провал» на епарх. собрании как объявление войны Правительству и настаивали на том, что именно сейчас было очень удобное время, чтобы разорвать с епископатом, столь себя связывавшим с Москвой. Я говорил этим горячим людям одно: если Вы пойдете сейчас на разрыв, Вы не сможете созвать Украинского Собора, ибо без епископов Собор неканоничен — значит нельзя действовать так, а надо добиться созыва Украинского Собора. Хотя упрямые украинцы и спорили со мной (между прочим, на острых мерах настаивал — хотя и осторожно, считая себя вообще и обиженным, и «чужим», — Чеховский), но я чувствовал, что они понимали, насколько положение было запутано. Передо мной ясной стала задача — добиться созыва Украинского Собора как единственного легального и канонического органа для устроения церковного положения.

Прежде чем перейти к рассказу об этом, достаточно драматическом периоде в моей работе, забегу немного вперед

и доскажу историю о судьбе материалов, посланных еп. Никодимом и мной в Москву. Я не знаю точно и полно, что происходило в Москве, и вот что мне рассказал о. С. Булгаков, бывший тогда членом Высшего Церковного Совета (через несколько дней принявший сан священника и потому вышедший из состава Высшего Церковного Совета и не участвовавший в заседании, посвященном «украинскому вопросу»). Через два—три дня после моего вступления в должность Министра Исповеданий, на заседании Высш. Церк. Совета (покойный ныне) кн. Евг. Ник. Трубецкой сообщил, что, по сведениям т^{ак} наз^{ываемого} «Общ^{ественного} Центра» (не помню точно названия политической антибольшевистской организации в Москве), новое церковное несчастье постигло русскую Церковь: «Министром Исповеданий назначен проф. Зеньковский, ставший униатом». Это чудовищная и нелепая клевета, переданная из Киева нарочито, чтобы дисквалифицировать меня, рассчитана была на то, что меня мало знали в Москве. Кн. Е. Н. Трубецкой, с которым я встречался мельком еще когда он был проф^{ессором} в Киеве (я был тогда студентом), но с которым потом мне пришлось видеться несколько раз, как на заседаниях Рел^{игиозно-Философского} Общества в Москве (на моем докладе там еще в 1912 г.) и особенно на Всероссийском съезде Духовенства и Мирян в Июне 1917 г. (о котором упомянуто выше), — который знал меня по моим статьям в «Христиан^{ской} Мысли» и по участию в издательстве «Путь», мог повторить такую нелепую и вздорную клевету! Конечно, в те ужасные дни было так много разных предательств, позорного перехода к новым властям, что в атмосфере этой почти все казалось возможным. Во всяком случае, когда кн. Трубецкой передал «известие» Высш. Церк. Совету, на всех это произвело самое удручающее впечатление. О. С. Булгаков, как он мне рассказывал, заявил, что, зная меня очень хорошо (а мы были дружны и близки с о. Сергием с 1905 г., когда сблизились впервые при издании существовавшей всего 8 дней «церковно-социалистической» газеты

«Народ»...), он считает это сообщение решительной неправдой. При всем авторитете, каким тогда (до своего священства) пользовался о. Сергей Булгаков, его решительное заявление не могло совершенно рассеять клеветы, переданной кн. Трубецким. Нетрудно себе представить, в каком свете взглянул Высший Церк. Совет на описанную выше мою «борьбу» с епарх. собранием, когда доверенный еп. Никодима человек привез материалы о выборах. Телеграмма, полученная из Киева за подписью Лизогуба и моей, создавала, конечно, затруднения, так как в Москве уже тогда, а тем более позже, относились с большим сочувствием к удалению большевиков из Украины, верили, что из национального украинского антибольшевистского движения может разрастись и дойти до Москвы общерусское движение. Но в церковной стороне дела в Москве не могли иметь никаких колебаний в том, чтобы утвердить выборы «мудрейшего» митр. Антония в Киевские митрополиты. Протянув полторы-две недели, В. Ц. Совет прислал на имя Лизогуба письмо за подписью патр. Тихона о том, что В. Ц. Совет, рассмотрев дело о выборах митр. Антония и убедившись в том, что выборы были произведены правильно, не находит возможным отменить их, — надеясь вместе с тем, что гетманское правительство не оставит Православную Церковь без своего содействия и помощи в ее нуждах... Ответ этот закреплял положение, создавшееся еще на епархиальном собрании, и делал невозможным никакой компромисс. Церковь и Государство на Украине оказались, таким образом, в войне — и я, конечно, очень тяжело переживал эту ненужную, спровоцированную еп. Никодимом и близким к нему духовенством войну. Я был глубоко убежден в неправде и в чисто политическом, антиукраинском характере провокации, хорошо зная, как неспокойна была украинская церковная группа, бывшая в самом центре крайних украинских националистов. Еп. Никодим, вероятно, верил в то, что и большевики, а с ними и все украинское движение пропадет в $\frac{1}{2}$ —1 год, — и, как и раньше он вместе с другими вмешивался в политику, требуя разгона

Государств<енной> Думы (в Февр<але> 1917 г.!), так и теперь он вел политическую борьбу. «Церковь выдержит» — это было общее тогда беззаботное убеждение русских антиукраинских групп, которые вели свою политическую борьбу под флагом Церкви (как позднее делали это крайние монархические группы в эмиграции под знаменем Церкви в т. наз. «карловацком» движении).

У меня не могло быть колебаний в том, что и Москва не только не сумела разобраться в положении, но что и она не понимала реальной необходимости создания церковной автономии для Украины. За 2—3 недели своего пребывания на посту Министра я с ужасом убедился — я расскажу об этом подробнее дальше, — в каком невыносимом положении оказалась Церковь, лишенная прежней государственной поддержки, но не имеющая базы в самоорганизации церковного общества. Формула об отделении Церкви от государства, даже если признавать ее *in abstracto* возможной, все равно не могла отменить трудностей переходной эпохи в жизни Церкви. Государственная власть, два века державшая в плену Церковь, не могла считать «свободой» для Церкви равнодушие к ее нуждам: это была бы непростительная фальшь. Для того, чтобы дать Церкви возможность не на словах, а на деле стать свободной, необходима была помощь Церкви, т. е. вхождение в ее жизнь, помощь в том, чтобы дурное политиканство епископата и духовенства, созданное при Госуд. Думе и благодаря давлению Правительства в этой именно точке на духовенство (на которое опиралось Правительство), — могло бы сойти со сцены, выдвинув деятелей, проникнутых чистой преданностью Церкви и свободных от веками воспитанного сервилизма. Тем существеннее становилась тема об Украинском Соборе, для которого, по времени получения ответа от Патриарха, было уже немало сделано. Весьма возможно, что благоприятное разрешение вопроса о созыве Украинского Собора (см. след. главу) произошло не без указаний из Москвы, но я могу лишь высказать такое предположение — данных же в пользу его у меня нет никаких.

Глава III

Вопрос о созыве украинского собора

Беседы с украинскими церковными деятелями привели к тому, что они отказались от созыва «явочным» порядком украинского Собора и поверили моему обещанию приложить все усилия к тому, чтобы собрать Собор надлежаще, т. е. канонически правильно. Два условия необходимы были для этого: согласие епископов и финансовая помощь правительства. Последнего я добился очень скоро: состав бюджета Собора (если память мне не изменяет) в 1.200.000 «карбованцев» (рублей) я провел через Совет Министров; без особых споров деньги были ассигнованы, так что были обеспечены внешние условия для работы Собора. Гораздо труднее было, конечно, первое условие — сговориться с епископатом. Я видел, что еп. Никодим, как наиболее сильный в волевом смысле человек, имеет огромное влияние на всех, а он был так неуступчив, его политическая линия была так явно антиукраинской, он был тесно связан с антиукраинскими политическими деятелями, что надежды сговориться с ним у меня не было. Газета «Киевлянин», выходившая под каким-то новым заглавием, но во главе с тем же В. В. Шульгиным, все время объявлявшим себя ярым «малороссом» и противником украинства, неожиданно взъелась именно против меня

(впрочем, надо принять во внимание близость Алекс. Дм. Билимовича к семье Шульгиных). Судьбе было угодно, чтобы уже впоследствии, в эмиграции мне пришлось оказать немало дружеских услуг жене В. В. Шульгина... Газетные выпады против меня были инспирированы и одним из наиболее «черных», хотя и искренно религиозных деятелей антиукраинских группы — Скрынченко. Когда-то этот господин написал обо мне (не помню, по какому поводу) очень похвальную статью в «Киевлянине», называя меня «священником в сюртуке», — теперь же он, как это всегда бывает в газетной полемике, хватал факты, не разбираясь в их подлинном смысле — и остро и резко нападал на меня. История с моим «провалом» на Епархиальном Собрании давала, конечно, благодарный материал для него. А в каком-то небольшом еженедельнике, выходившем под редакцией неугомонного и скучного «эволюционного социалиста» Бориса Гуревича, появился пасквиль, направленный против меня, где в пошлой форме был изображен разговор между мной (хотя моя фамилия не была названа, но все было так прозрачно, что нельзя было не угадать, о ком идет речь) и Лизогубом при приглашении в состав Министерства, причем я был представлен жалким искателем министерского жалованья, готовым на самую низкую лесть, лишь бы пробраться в Министры. Пасквиль был написан небезызвестным правым публицистом Валерием М. Левитским, когда-то моим учеником, очень близким мне человеком, у которого я был крестным отцом его дочери... Я привожу все эти факты, чтобы показать, в какой атмосфере приходилось мне действовать. Я был глубоко убежден в срочной необходимости созвать украинский собор, чтобы установить церковную автономию (но конечно не автокефалию!) Украины, ибо видел, что без этого невозможна дальнейшая нормальная жизнь Церкви. Со всех сторон ко мне обращались с просьбой за помощью денежной, меня просили о назначениях, перемещениях в духовных семинариях, — превращая меня в «Обер-Прокурора». Материальное положение Церкви, неурядица внутри епархий, невозможность иметь

связь с Москвой, отсутствие какого бы то ни было центра церковной власти — все это лишь усугубляло хаос, созданный появлением большевиков. А в то же время стали приходить вести, что из Галиции двинулись католики с пропагандой унии в губерниях, смежных с Галицией (Подольская, Волынская). Сведения, поступающие ко мне в Министерство из церковных же кругов, взывавших о защите прав Православной Церкви, меня сильно волновали. Австрийцы (именно они, а не немцы), вероятно, по инерции еще военных годов относились недоброжелательно к православным и покровительственно к униатам. Особенно тяжелое положение для Православия создавалось в отошедшей к Украине части Холмщины, о чем мне говорил Д. И. Дорошенко, а несколько позже Скоропис-Елтуховский, о котором я уже упоминал и который в первые же дни был назначен губернатором (кажется, он назывался «старостой») Холмщины. Я чувствовал, что на меня падает все большая ответственность за положение Православной Церкви — между тем мои собственные отношения к Православной Церкви оставались неурегулированными. Краткая история отношений Временного Правительства России к Православной Церкви и к инославным не создала никакой традиции, — я был, по смыслу самого замысла Министерства Исповедания, — защитником интересов верующих в составе Правительства, я был, с другой стороны, уполномоченным Правительства для помощи Церквям. Конечно, элементарно ясно было, что необходимо было урегулировать и эти отношения, столь существенные для ежедневных дел Церкви, — не говоря уже о том, что украинское национальное движение должно было найти какой-то законный и канонически оформленный выход.

У меня тогда созрел план пригласить всех владык тех епархий, которые входили в состав Украины, чтобы на совещании с ними поставить вопрос о созыве Украинского Собора. Я обратился с телеграммой к митр. Антонию в Харьков, к митр. Платону в Одессу, арх. Евлогию в Житомир, к другим епископам (Чернигова, Полтавы, Подолии, Екатеринослава)

с просьбой приехать в Киев к 28 мая на экстренное совещание в Министерстве Исповеданий. Впоследствии до меня дошло известие, что еп. Никодим (все еще пока заместитель Киевского Митрополита) был в претензии, что я созвал совещание епископов не через него. Конечно, при нормальных отношениях Церкви и Государства, совещание епископов нормальнее всего (хотя это и не обязательно) было бы созвать по соглашению с местным архиереем, в епархию которого приглашались другие правящие епископы. Но какое же могло быть соглашение у меня с еп. Никодимом после того, что произошло у меня с ним на Епарх<иальном> Собрании?

Кроме того, я вообще, решил действовать самостоятельно, как представитель власти — считая, что трудность положения обязывает меня к этому, раз со стороны еп. Никодима я встречаю систематическое нежелание считаться со мной.

Состав задуманного совещания был мной определен в такой форме. Кроме епископов всех епархий, я пригласил несколько украинских священников (о. Нестора Шараевского, о. Филиппенко, остальных не помню), профессоров Дух<овной> Академии (Ф. И. Мищенко, П. П. Кудрявцева, Н. П. Мухина) и высших чиновников Министерства — товарища Министра, директоров департаментов. Митр. Платон и митр. Антоний оба не приехали, но прислали своих викариев, старшим был арх. Евлогий, который приехал, — всего было епископов 8 или 9 (не помню точно). Когда все собрались, я предложил арх. Евлогию быть председателем собрания, но он отказался, боясь, очевидно, за то, к чему может привести совещание, — и мы нашли компромисс в том, что оба заняли центральные места; фактически председательствовать пришлось мне. Когда я просил арх. Евлогия принять председательствование, я вовсе не хлопотал о том, чтобы создать «фикцию церковности», а считал, что здесь собрались церковные люди для беседы по церковному вопросу и что уместнее возглавлять собрание архиепископу, — и я, хоть и Министр, в этом собрании участвую наравне с другими. Арх. Евлогий, наоборот, видимо, хотел подчеркнуть, что это не церковное собрание, а заседа-

ние, организованное органами Правительства... Кто-то мне говорил потом, что я остался «интеллигентом», несмотря на всю свою церковность, именно так (т. е. по своей инициативе) организуя собрание с епископами, которые из уважения к власти прибыли, хотя от церковного человека могли бы ждать другого... Но я и до сих пор думаю, что оставался церковным человеком, организуя собрание так, как я его организовал. Как представитель власти, я звал владык — и отказать власти светской в этом праве значит вернуться к теории Иннокентия III и признать принцип клирократии, что не отвечает духу Православия. Но, созвав церковное собрание, я считаю, что даже если бы я был царем, я все же предложил бы председательствовать на нем архиепископу. Нельзя же в самом деле считать церковным только то, формальная инициатива чего исходит от церковной власти. Не говоря о том, что вся история Церкви дает нам свидетельство постоянной инициативы светской власти и чрезвычайной легкости (доходящей до сервилизма), с какой епископат шел навстречу светской власти, — и по-существу нельзя никак оправдать тезиса, что созыв церковного собрания должен оставаться в руках церковной власти — и наоборот, совершенно необходимо, чтобы ведение церковных собраний оставалось в руках церковной власти. Арх. Евлогий своим отказом занять председательское место подчеркивал нецерковный характер совещания, подчеркивал «светскую» его природу.

Я начал собрание довольно большим вступительным словом, начав с указания на то, что «данное совещание с иерархами Церкви вызывается исключительно теми трудностями, которые наблюдаются в церковной жизни и которые необходимо срочно разрешить. Ключ к разрешению этих трудностей заключается в созыве летней сессии Украинского Собора; этот созыв лишь в том случае будет благотворным, если он будет канонически правилен. Допустить в церковной области явочный порядок значит признать уже разрушенным нормальный строй Церкви, — поэтому все вопросы, которые должны быть обсуждены в данном совещании, упира-

ются в одну точку — о возможности согласия иерархов на созыв летней сессии. Со своей стороны я признаю положение острым и тяжелым и вижу эту остроту и тяжесть, прежде всего, в том, что русские и украинские группы, вместо того чтобы в Церкви иметь основу своего сближения и объединения, как раз именно в церковной сфере становятся в особенно враждебные отношения. Не отрицая того, что каждая группа имеет за собой известные оправдания в своей настроенности против другой, я все же считаю своим долгом содействовать устранению этой враждебности и установлению мирного сотрудничества в сфере Церкви. Со стороны украинского духовенства и церковных кругов я добился того, что они отказались от идеи явочного созыва украинского собора, вообще отказались от «революционизма» в церковной жизни, — теперь надо ждать соответственной уступки со стороны иерархии. На пути к созыву летней сессии украинского собора я вижу два препятствия — формальное и препятствие по самому существу дела. Формальные затруднения, о которых я слышал от еп. Никодима, заключаются в трудности летней сессии вообще и вытекающей из этого необходимости отложить собор на осень, а также в том, что нет никаких особых причин торопиться с созывом собора. С другой стороны я ясно ощущаю и другое препятствие — тайное опасение собора как такового, нежелание вообще видеть его созванным, боязнь проявления автокефалических тенденций, церковного сепаратизма. Я прямо говорю об этом, потому что договориться до чего-либо положительного мы можем только в том случае, если не будем ничего скрывать и определенно и прямо скажем о том, что у всех есть на душе. В такой ответственный час, когда решаются судьбы и Церкви, и родины, мы обязаны смело и прямо выявлять то, чем встревожены наши души.

Что касается возражений первого рода, то я их назвал формальными — и думаю, что я прав. Каковы бы ни были трудности в созыве летней сессии собора, они должны быть преодолены, если только мы хотим исполнить свой долг перед Церковью; ссылаться на трудности не значит ли умывать

руки? Между тем разрыв сношений с Москвой, политическая судьба Украины, новые перспективы для восстановления нормальной жизни — все это требует установления церковного управления на Украине. Я прямо заявляю, что дело идет только об церковной автономии — правительство не ищет никакой автокефалии, но оно не может также примириться с тем беспорядком, какой царит в сфере Церкви благодаря отсутствию автономии. Как Министр Исповеданий я уже за несколько дней почувствовал этот беспорядок в чрезвычайной степени. Отсутствие церковной автономии превращает меня, представителя власти, в безответственного управителя церковными школами, церковным хозяйством. Неужели можно ждать со всем этим до осени? А что сказать об ином беспорядке — о начавшей подымать голову работе униатов, о которой может рассказать нам прибывший из Подолии священник? Разрозненные епархии, не имеющие между собой связи, не могут помочь друг другу в общих трудностях, в общих опасностях. И дело не идет вовсе о создании какого-то нового учреждения — ведь украинский собор уже действовал — и притом с благословения Патриарха! Если бы не были тяжкие обстоятельства — захват Киева большевиками — собор разработал бы и ввел бы в действие начала церковной автономии, не естественно ли именно теперь, когда мы снова свободны от большевистского насилия, чтобы собор возобновил свои работы? Я не могу понять, в чем трудности действительные для созыва собора? В тайном опасении автокефалии? Но именно собор представляет лучший способ ослабления автокефальных тенденций — и наоборот, всякий тормоз в созыве собора льет воду на мельницу автокефалистов. Я обращаюсь к Вам, Владыки, с горячей просьбой взвесить всю тяжесть положения, помочь в том деле замирения и успокоения церковных распрей, в котором, полагаю, Вы заинтересованы не менее, чем Правительство».

Еп. Никодим коротко и определенно ответил признанием невозможности (без объяснения, в чем истинная причина этой «невозможности») созыва собора. По-видимому, у него

самого была мысль о созыве архиерейского собора, который мог бы выразить потребности и нужды Церкви, но в настоящем церковном соборе он не видел даже необходимости. Беседа в этот первый день была больше посвящена информации. Мы собрались на другой день — и епископы все вместе (очевидно, посоветовавшись друг с другом) вновь заявили, что не считают ни нужным, ни возможным созыв собора до осени.

Меня до глубины души огорчил и даже возмутил этот холодный отказ архипастырей, как бы толкавших другую церковную группу на революционный путь. Я ясно чувствовал, что епископы просто не хотят украинского собора, что переложение его на осень есть простая оттяжка. Чем я мог бы успокоить теперь нетерпеливых и горячих украинцев после второй моей неудачи наладить мирные отношения между русской и украинской группой? Я чувствовал, что у меня уходит почва под ногами, что епископы всячески мешают мне выполнить мою задачу, которая стала мне казаться уже почти неосуществимой. В заключительной речи, закрывая совещание, я высказал откровенно эти горькие мысли о том, что непостижимое сопротивление епископов в законченном и жизненно необходимом деле созыва летней сессии собора оставляет самый тяжкий осадок в душе. Уже второй раз, сказал я, мои предложения, всецело определяющиеся стремлением послужить Церкви, встречают неопреодолимые препятствия для осуществления. Я не брошу, сказал я, дела созыва украинского собора, в крайней и действительной необходимости которого я глубоко убежден, до тех пор, пока не будут исчерпаны все законные средства для установления церковного мира на Украине... Я кончил выражением благодарности присутствовавшим владыкам, что они не отказались принять участие в настоящем совещании...

Совещание закончилось вничью — но мне уже тогда стало ясно, что епископы «проиграли» свою партию, ибо моральная победа в совещании явно была на моей стороне. Ничего, кроме упрямства, в чисто политическом замысле еп. Ни-

кодима, который фактически был, очевидно, главным среди епископов, не чувствовалось — как не чувствовалось и тревоги за Церковь, не чувствовалось живого и ответственного отношения к церковной жизни...

Мне пришло в голову испытать еще одно средство воздействия на епископов — через Гетмана. Я знал, что митр. Антоний после возникновения гетманщины приветствовал очень пышной телеграммой Скоропадского, ожидая восстановления монархического начала на Украине. Мне пришло в голову, что если епископы не хотят уступать мне, что они уступят Гетману лично... Я сговорился с Гетманом, который в один из ближайших дней устроил у себя званый завтрак, на котором присутствовали оставшиеся в Киеве владыки (во главе с архиеп. Евлогием), а из состава Правительства я и М. П. Чубинский, заменявший выехавшего на несколько дней Лизогуба. После завтрака, на котором, как обычно, присутствовала многочисленная «свита» Гетмана, его, так сказать, «двор». Гетман попросил владык в отдельную гостиную, где был сервирован кофе; мы с М. П. Чубинским тоже, конечно, отправились туда. Не помню точно, кто из владык присутствовал; мне кажется, что их было не больше 5. Гетман, знавший с моих слов достаточно подробно всю историю, довольно удачно и бойко изложил сущность дела и сказал, что в трудном деле, которое он затеял, ему чрезвычайно важно, чтобы в Церкви царил мир, что для этого абсолютно необходимо созвать Украинский Собор, что он рассчитывает на полное содействие епископов. К моему удивлению, арх. Евлогий без дальнейших промедлений заявил, что хотя и очень трудно, но все же, желая показать, что Церковь стремится поддержать новый строй, епископы готовы пойти навстречу Гетману. Чубинский, который тоже приготовил большую речь, чтобы воздействовать на епископов, сказал все-таки свое слово, хотя и кратко. Но это уже было ненужно: епископы уступили. Очевидно, после совещания в Министерстве у них были существенные беседы и победила партия

уступок, которую возглавлял уже архиеп. Евлогий — линия же еп. Никодима тем самым отменялась.

Я искренно радовался этой «перемене фронта» у епископов; что они не хотели сделать для меня, — то они сделали для «высочайшей особы» Гетмана... В этом много было горечи и даже трагизма, — но факт был налицо: главное препятствие на пути созыва украинского собора было устранено, и для моей работы открывалась новая перспектива, делавшая возможными дальнейшие шаги.

Мне следовало бы тут же рассказать о том, что происходило в описанные две недели в общей жизни Киева и Украины, но я думаю, что для цельности картины будет лучше, если я закончу описание церковных дел вплоть до созыва Украинского Собора в первых числах июля.

Глава IV

Перед Собором. Открытие Собора. Вопрос о митр. Антонии

Вопрос о созыве летней сессии Украинского Собора был сдвинут с мертвой точки — и это было первой доброй удачей моей, как Министра Исповеданий. Но, конечно, этим только открывалась для меня возможность плодотворной и мирной работы — трудностей стояло впереди еще много.

В дни решения об открытии летней сессии Украинского Собора Лизогуб (не я!) получил от Патриарха бумагу, в которой было сказано, что Патриарх, получив бумаги от Украинского Правительства об неутверждении выборов Киевского Митрополита, обсудив в Высшем Церковном Совете вопрос, не находит возможным, в виду законности произведенных на нем выборов, не утвердить выборов, но надеется, что настоящим решением не будут затруднены благожелательные отношения Правительства к Православной Церкви на Украине...

Из предыдущего изложения ясно, что иного ответа ждать не приходилось, но в то же время не было оснований у меня менять принятую тактику. Я твердо стоял на той точке зрения, что Киевский митрополит как первосвященитель Украинской автономной Церкви также не может быть избран губернским епархиальным собранием, как патриарх Московский, являющийся в то же время митрополитом Московским, не может

быть избран московским епархиальным собранием. Конечно, патриарх всея России занимает большее положение в Церкви, чем первосвященник автономной, а не автокефальной Церкви, но все же он является главой поместной Церкви, с которым прежде всего входит в отношения власть на Украине.

То, что патриарх Тихон и его Высший Церковный Совет не захотели посчитаться с представлением Украинского Правительства, можно объяснять тем, что он был формально стеснен своим собственным указом, которым и руководился еп. Никодим — и это формальное затруднение, конечно, очень значительно, и при нормальной исторической обстановке оно должно было бы быть даже решающим. Но исторический момент, о котором идет речь, был так исключителен и ответственен, что сила формально-юридической последовательности должна была бы уступить началу «церковной экономии», говоря церковным языком, т. е. началу целесообразности. Но в том-то и дело, что Москва не видела целесообразности в том, чтобы содействовать церковному миру на Украине, как его понимали мы. Почему? Потому ли, что весь новый режим на Украине казался недолговечным и нечего было жертвовать для временного замирения дорогим для морального достоинства началом верности своим собственным предписаниям? Едва ли это соображение определяло новации Патриарха и Высш. Церк. Совета — наоборот, на основе всех доступных мне источников я склонен думать, что в Москве была чрезвычайно распространена как раз в это время надежда на то, что именно украинское национальное чувство может явиться и в интеллигенции, и в народе на Украине прочной основой для подлинной реакции против большевизма. Быть может, в Москве хотели, чтобы в Киеве митрополитом был именно Антоний, высокое мнение о котором было доминирующим в высших церковных кругах? Я думаю, что это соображение играло немалую роль в Москве. Но и оно не могло быть решающим в этом серьезном и чреватом разнообразными осложнениями конфликте между правительством Украины и Церковью. Я думаю, что большую роль играло прежде

всего непонимание обстановки на Украине. Я отчетливо помню рассказ проф. П. П. Кудрявцева, бывшего членом Всероссийского Церковного Собора от Киева, как трудно было ему и другим, знавшим положение на Украине, убедить в необходимости благословить поместный Украинский Собор. Тогда удалось нескольким лицам убедить в том, что надо идти навстречу мирным украинским церковным группам, чтобы предупредить взрыв революционных сил. Но после этого была поездка еп. Никодима в Москву, приведшая к фатальному указу о выборе митрополита на епархиальном съезде. Этот указ стоял в несомненном противоречии с решением в Декабре м<есяце> (о благословении поместного Собора), — и однако в Москве не только дали указ, но под влиянием еп. Никодима специально изменили §§, касавшиеся выбора епископа (митрополита) так, чтобы обеспечить заранее максимальную возможность выбора кандидата еп. Никодима... В связи с соглашением с архиеп. Евлогием нам не удалось никого послать от себя в Москву, а от группы еп. Никодима кто-то поехал и соответственно окрасил позиции Украинского Правительства...

Все это показывает, что решающим мотивом в утверждении митр. Антония митрополитом Киевским, кроме ставки на его «мудрость», кроме формально-юридической трудности отменить свой собственный указ, было несомненное желание противиться, насколько возможно, развитию особой украинской церковной жизни, — т. е. не церковный и не церковно-политический, а чисто политический момент. Может быть, найдется немало политически мыслящих людей, которые разделят общую позицию церковной Москвы, — я же не могу разделить ее, ибо не могу сейчас забыть о том, что украинское движение никогда не сможет быть сведено к нулю, что здоровое и плодотворное развитие Украины в пределах России (что означает мое сопротивление сепаратизму и политическому, и культурному, и церковному) предполагает наличие условий, при которых творческие силы Украины могут свободно проявлять себя.

Все это сводится не только к «автономии» (что отмечает организационную сторону), но и к признанию особого пути Украины (в пределах России), — конечно, не понимая этого в «абсолютном» смысле. Именно этого признания Украины и не было в Москве — и в этом был последний источник того противления всякой самостоятельности Украины, который определил собой акт Патриарха и его Высшего Церковного Совета.

Когда в Совете Министров я сообщил об утверждении митр. Антония митрополитом Киевским, что означало поражение наше в последней церковной инстанции, раздалось негодующие голоса против церковной Москвы, не пожелавшей считаться с пожеланиями Правительства. Среди различных планов, выдвинутых на Совете, был предложен план недопущения митр. Антония в Киев; через несколько дней одним из министров (не помню кем) мне было передано формальное предложение немцев устроить так, чтобы вагон, в котором будет ехать митр. Антоний в Киев, был бы на одной из узловых станций направлен обратно... Все это было дико для меня и, конечно, совершенно неприемлемо — никакого насилия над митр. Антонием я не мог принять и категорически высказался за то, чтобы, твердо держась на прежней позиции непризнания выборов Епарх. Собрании с государственной точки зрения, в то же время совершенно не вмешиваться в церковные отношения. Иначе говоря — пусть в Церкви считают митр. Антония митрополитом Киевским, пусть он приезжает в Киев, живет в Лавре и т. д., но для нас он остается митрополитом Харьковским — и как таковой он должен иметь полную свободу и всю полноту того почета, какой ему полагается. Лизогуб сразу стал на мою сторону, а затем и Совет Министров предоставил мне самому находить выход из создавшегося положения.

Через 2 или 3 дня по телефону ко мне обратился еп. Никодим, уведомляя меня о приезде на следующий день утром митр. Антония в Киев и прося вместе с тем оказать содействие в том, чтобы были [приняты] меры против каких-либо

возможных эксцессов со стороны украинцев. По телефону же я очень холодно сказал еп. Никодиму, что я удивлен, что он обращается ко мне за содействием — после того, как он не захотел ничего сделать, чтобы пойти навстречу Правительству. Когда мне он высказал свои опасения насчет возможных со стороны украинцев эксцессов (а эти опасения тем более были естественны, что еп. Никодим и его окружение хотели поднять, можно сказать, весь Киев для торжественной встречи митр. Антония, т. е. хотели устроить демонстрацию, что естественно могло бы вызвать контрдемонстрацию со стороны украинских кругов), тогда я ему сказал, что для предотвращения возможных неприятностей ему необходимо обратиться к полиции, т. е. к градоначальнику Киева, которым был тогда, если мне не изменяет память, полк<овник> Ханьков — очень порядочный человек. Я добавил к этому, что точка зрения Правительства не изменилась после утверждения митр. Антония патриархом и что он остается для нас Харьковским митрополитом. На этом наш телефонный разговор оборвался.

На следующий день я приехал в Министерство около 10 ч. утра — и застал у себя карточку митр. Антония. Я вызвал свой автомобиль и через полчаса поехал к митр. Антонию с ответным визитом. Он оказался дома (в Лавре), немедленно, с некоторой даже поспешной суетливостью (бросив кого-то, кто сидел у него) вышел ко мне в приемный зал, и тут между нами произошел любопытный разговор.

Я не видел митр. Антония до того, представлял себе его гораздо более сильным, более импонирующим человеком, а увидел очень любезного, приятного и, по всей видимости, доброго старичка. Митр. Антоний начал с того, что он с крайним для себя огорчением, приехав в Киев, узнал, что его здесь не желают, что, если бы он это знал, он ни за что бы не приехал, а оставался в Харькове, где к нему относились с любовью. Я сейчас же ответил митр. Антонию, что во всем отношении Правительства к митр. Антонию нет абсолютно ничего личного, что он для нас остался досточтимым Харьковским

митрополитом, но что признать его Киевским митрополитом мы не можем, охраняя попранные епископами права Украинского Собора, что теперь вопрос о созыве Украинского Собора на летнюю сессию уже, как ему наверное известно, решен и что если Украинский Собор признает его Киевским митрополитом, со стороны Правительства не будет решительно никаких возражений. Мои слова, видимо, несколько успокоили митр. Антония, но все же он сказал, что ему крайне тяжело быть в такой обстановке и что он сожалеет, что пошел на перевод его в Киев. Я снова ему сказал, что прошу его верить, что ничего лично против него Правительство не имеет (хотя, по правде сказать, я мог сказать это только о самом себе, ибо соблюдал точные границы в своей оценке, будучи в Правительстве лицом, призванным охранять свободу Церкви и заботиться о ней; огромное же большинство в Правительстве относилось резко отрицательно лично к митр. Антонию за его «черносотенство» и известную всем бестактность). На этом я кончил свой визит и снова ему сказал, что во всем буду рад пойти ему навстречу, как Харьковскому митрополиту, а Киевскую кафедру до решения Украинского Собора мы будем считать вакантной.

Дня через два или три после этого митр. Антоний сделал официальный визит Гетману, чем поставил его в затруднительное положение. В виду непризнания митр. Антония Киевским митрополитом, в виду острого отношения к этому вопросу украинских кругов, он хотел бы избежать ответного визита, но непосредственный такт и уважение к сану требовали иного. Гетман просил меня в тот же день приехать к нему — ему хотелось выяснить со мной, как лучше поступить. Я удивился, что он встретил затруднения в таком простом вопросе, и сказал ему, что ведь митр. Антоний остается для нас высоким иерархом Украины как Харьковский митрополит, следовательно, было бы совершенно непонятно, почему Гетман не мог бы через 1–2 дня заехать к нему в Лавру. Мой ответ очень был по душе Гетману, который как бы почувствовал некоторую опору для того непосредственного чувства, ко-

торое было у него в душе. Встреча Гетмана с митрополитом Антонием — сужу по рассказу Гетмана — была очень сердечной и трогательной, вопроса о своем «признании» митр. Антоний не подымал, а говорил больше на тему о том, что Церковь всецело сочувствует и всячески хотела бы поддержать тот новый порядок, который начал утверждаться на Украине.

Церковная жизнь до созыва Украинского Собора текла в различных епархиях совершенно раздельно. Только что ушли большевики, оставив после себя массу разрушений — как внешних, так и внутренних. Много храмов пострадало от бомбардировки, и среди них гордость Киева — Владимирский собор, в который попало несколько снарядов. В первые же недели моего управления Министерством Исповеданий с разных сторон посыпались ходатайства о помощи в восстановлении и исправлении храмов. Я спешно составил законопроект, предоставлявший мне право распоряжаться кредитом (если память мне не изменяет, около 1.000.000 рублей) для исправления повреждений, причиненных храмам большевиками. Законопроект этот не без возражений (в отношении к финансовой стороне его) [был] утвержден, и одним из первых назначений по открытому мне кредиту было ассигнование 50.000 руб. Владимирскому собору — еще до возбуждения им ходатайства. Живо помню сцену, когда ко мне пришел настоятель Владимирского собора престарелый о. Иоанн Корольков (которого я лично хорошо знал как его прихожанин) с просьбой дать денег на исправление повреждений в Владимирском соборе — и его радостное удивление, что деньги уже ассигнованы. Много было замечательных по драматичности и жутких в своей простоте просьб из деревень, в которых иногда были совершенно разрушены храмы. Хотя перед лицом тех разрушений храмов, которые ныне производят большевики уже не в пылу гражданской войны, а во имя большого плана антирелигиозной борьбы, — эти разрушения бледнеют, а все же я жалею, что не имею сейчас под руками ни одного такого деревенского ходатайства.

Государство приходило на помощь Церкви, материально помогая ей, — и это было естественно для обеих сторон. Будучи тогда сторонником теории отделения Церкви от государства, я все же считал принципиально правильным для государственной власти приходить на помощь Церкви, особенно в виду тех исключительных событий, которые совершались, в виду переходного характера эпохи — от полной зависимости Церкви от государства к свободному самоустроению. Но если вопрос о материальной помощи Церквам был совершенно ясен и прост, то совсем в другом положении были другие два вопроса, которые с первых же дней в обилии предстали передо мной. Вся провинция церковная словно дождалась своего «начальства» — и при появлении особого Министерства Исповедания меня, особенно в первые два месяца, можно сказать, засыпали жалобами и ходатайствами. Личные посещения начинались от священников и преподавателей духовных школ — и восходили до епископов. В своем кабинете я принимал почти каждый день по этим делам. Первая категория дел касалась разных сторон жизни духовных школ, вторая — внутрицерковных отношений. За невозможностью получить из Москвы те или иные распоряжения, при действии той чрезвычайной централизации, которая действовала у нас при Святейшем Синоде, — создавалось отсутствие последней формально необходимой для разных назначений, увольнений, решений инстанции, и сила вещей превращала меня в обер-прокурора, в такую высшую формальную инстанцию. Я хорошо сознавал всю принципиальную недопустимость создавшегося положения и все же не мог уклониться от того, чтобы «изображать» из себя такую высшую формальную инстанцию. Ведь без «утверждения» нельзя было выдавать жалования учителям семинарий, переведенным из одного места в другое... И поскольку все денежные дела по «духовному ведомству» шли по кредитам Министерства Исповеданий (за отсутствием какого бы то ни было органа чисто церковного), постольку я неизбежно должен был явиться «распорядителем» в целом ряде тех новых перемещений, которые про-

изошли за полгода гражданской войны в разных епархиях. Но из этой функции моей, вытекавшей, так сказать, бухгалтерски из того, что в финансовом отношении мое Министерство заменило Святейший Синод, имевший, как известно, свою собственную смету, имевший не только поступления от государственного Казначейства, но и от огромных церковных имуществ и предприятий (свечные заводы, издательства и т. д.), — из этой финансовой функции логически вытекала неизбежность моего вхождения в различные тяжбы между правящим епископом и пресвитерами, вообще клиром. Жалобы на епископов, ходатайства о защите, о следствии, пересмотре решений в большом количестве поступали ко мне — и мне некуда было их направлять, ибо никакой церковной инстанции, могущей разбирать все эти дела, не было. Я вступал в переписку с правящими архиереями, словно имел для этого полномочия... — но forse та же обстановка требовала не раз моего вмешательства. Сюда присоединилось еще одно обстоятельство. Министерство Исповеданий не имело еще своего «статута» — и моими губернскими органами (на местах) неожиданно оказались секретари консисторий, которые перешли ко мне как бы тоже по наследству от обер-прокурора. Живу помню напр<имер> сношения по некоторым финансовым делам и по некоторым вопросам духовной семинарии с еп. Полтавским Феофаном (ныне архиепископ, известный иерарх, б<ывший> ректор Петербургской Духовной Академии, духовник Государя, введший к ним Распутину в свое время...). Еп. Феофан приехал в Киев по этим делам и явился ко мне с секретарем консистории, отчасти по своей беспомощности в делах, а отчасти потому, что секретарь консистории сам считал необходимым явиться «по началству». Несколько позднее, когда в Министерстве по моему поручению был разработан статут Министерства, в него был введен проект учреждения особых чиновников Мин. Исповедания, замещающих секретарей консистории в их зависимости от «обер-прокурора». Но я расскажу об этом позже в связи с поучительнейшим моим спором с митр. Анто-

нием по вопросу о гражданских функциях, выполняемых консисториями. Во всяком случае секретари консистории через месяц уже вошли в регулярные отношения к Министерству Исповеданий и стали в подчинение мне в ряде тех функций, которые они совершали. Все это наследство старого режима нельзя было просто ликвидировать — нужно было создать новые отношения между Церковью и государством. Не только политические условия изменились, устранив режим самодержавия — но и в церковной жизни возникли совершенно новые отношения после Всерос. Церковн. Собора.

Но в первый месяц меня больше всего заботил вопрос о духовной школе — и средней, и высшей. Расскажу в этой главе лишь о том, что удалось сделать для высшей школы, так как вопрос о средней школе решался уже после открытия Украинского Собора.

Судьба высшей духовной школы в России была очень печальна, хотя она была всегда чрезвычайно богата исключительными талантами. Несколько крупных имен, прошедших без особых терний свою научную карьеру, прославили русскую богословскую науку во всем мире (Болотов, Тураев, Ключевский, Глубоковский), но и эти выдающиеся ученые претерпели немало в своей научной деятельности от высшей церковной власти. А сколько больших творческих людей были исковерканы, задавлены, выброшены за борт — этот страшный мартиролог высшей духовной школы в России еще мало известен. Если бы была когда-нибудь написана правдивая и полная картина жизни высших духовных школ у нас, она раскрыла бы такое угнетение свободного исследования, такое господство трафарета и покровительство бездарности, столько трагедий, что можно было бы только содрогнуться. Я многое знал из печальной жизни Духовных Академий, хотя сам никогда не имел к ним никакого отношения, будучи чисто университетским выучеником, — знал от своих друзей по Религ. Филос. Обществу в Киеве, возникшему еще в 1906 г. Вместе с моими друзьями из Академии я жаждал для них свободы — зная подлинность и глубину их веры. Конечно, Церковь всегда вправе квалифи-

цировать работы ученых-богословов, которые могут и уклоняться от чистоты Православия и в таком случае не могут быть признаны Церковью пригодными для воспитания будущих пастырей — в этом смысле высшая церковная власть никогда не сможет отказаться от контроля над ученой и литературной деятельностью профессоров Дух. Академий (или богословских факультетов). Согласование свободы, столько глубоко необходимой для научной работы, с правом Церкви отмечать уклонения от чистоты Православия не может быть названо легкой задачей, но все же невозможно было продолжать тот порядок, который установился раньше в наших Академиях. Зло заключалось не в самом праве высшей церковной власти, часто находившейся в узких тисках старой богословской схоластики или застарелого церковного консерватизма, — не было церковного «общественного мнения», не было свободы в самой церковной жизни. Тесная зависимость от государства приводила к тому, что в составе высшей церковной власти редко находились даровитые и образованные богословски иерархи, — чаще, наоборот, встречался тип практиков-администраторов или лично благочестивых и достойных лишь в этом отношении иерархов. Зависимость высшей церковной власти от обер-прокурора — а история обер-прокуратуры в XVIII и XIX веке достаточно хорошо известна — вводила в работу Свят. Синода вульгарный, сервилитический консерватизм, который душил все живое...

Уже в предсоборном совещании 1906–7 года вопрос о форме высшей духовной школы был поставлен достаточно настойчиво, но фактически Духовные Академии наслаждались «свободой» — сводившейся к праву иметь выборного ректора, не непременно епископа (конечно, утверждаемого Св. Синодом) — наслаждались недолго. Общая реакция, связанная с деятельностью Госуд. Думы, тяжело отразилась на жизни высшей духовной школы. В частности, Киевская Духовная Академия подверглась специальной ревизии, которую производил арх. (ныне митр.) Антоний (Храповицкий) — эта ревизия, позорная и неприличная с академической точки зрения,

вызвала появление в печати брошюры, составленной профессорами Дух. Ак. во главе с (сменным) ректором еп. Феодосием, — «Правда о Киевской Дух. Академии». Через год или два проф. В. И. Экземплярский был изгнан из Академии за то, что он в книге, посвященной Л. Н. Толстому (сборник, изданный группой «Пути», в котором и я принимал участие), посмел сравнить Толстого за чистоту и радикальность его этических взглядов с св. Иоанном Златоустом. Статья Экземплярского была так корректна, так безупречна в богословском смысле, что только нарочитым желанием найти предлог для удаления Экземплярского (конечно, уж не за статью о Толстом, а за борьбу его с известным прот. Буткевичем, оправдывавшим с христианской точки зрения (!) смертную казнь...) можно объяснить эту нелепую придирку.

Когда открылся Всероссийский Церковный Собор, в нем была организована специальная комиссия по реформе высшей духовной школы, в составе комиссии был и проф. П. П. Кудрявцев, который был моим главным помощником в деле реформы устава Дух. Академии (как председатель Ученого Комитета, организованного мной в Министерстве. См. ниже об этом). Устав, выработанный этой комиссией, был одобрен в Священ. Синоде и должен был поступить на обсуждение пленума Собора, но дело несколько затормозилось ввиду недовольства выработанным уставом со стороны того же митр. Антония. Если бы дело дошло до пленума Собора, устав, выработанный комиссией и одобренный уже в Священном Синоде (при патриархе) огромным большинством голосов, был бы утвержден, так как позиция митр. Антония, стремившегося вернуть Академию к старому порядку полной зависимости от церковной власти, не могла встретить сочувствия в Соборе — хоть настроенном в общем достаточно консервативно, но все же понимавшем назревшие нужды Церкви. Но Собор не успел закончить этого дела (как и многих других).

В первые же дни моего управления Министерством я обсуждал с П. П. Кудрявцевым, — в котором ценил основатель-

ность его научно-богословских взглядов, его действительную и глубокую преданность Церкви и вместе с тем его свободный ум, его смелые замыслы, дышащие пафосом настоящего, а не казенного традиционализма, — вопрос о реформе высшей духовной школы в Киеве. Вопрос этот был поставлен мной в первые же дни моего пребывания [у] власти, т. е. в мае м<есяце>, до утверждения митр. Антония патриархом в звании Киевского митрополита. Я поручил П. П. Кудрявцеву составить специальную комиссию из профессоров Дух. Академии (по выбору самой коллегии профессоров) для обсуждения устава Дух. Академии и выяснения ее нужд. В те же дни был организован мной Ученый Комитет при Министре Исповеданий, но его задачи были иные — и я скажу о нем дальше.

Комиссия по реформе высшей духовной школы положила в основу работ проект, выработанный комиссией при Собо-ре, и через 10–12 дней я получил уже обработанный проект с приложением также новых штатов, которые нужно было срочно ввести в виду того, что жизнь непомерно вздорожала. Когда комиссия закончила свою работу, было уже известно, что патриарх не посчитался с представлением украинского правительства и утвердил митр. Антония Киевским митрополитом. Для судеб Киевской Духовной Академии, о которой лет 10 назад дал такой недобрый отзыв митр. Антоний, это было зловещим фактом — и профессора не раз обращались ко мне с просьбой поскорее провести устав. Будь у нас хоть самая куцая церковная автономия, это «утверждение» светской властью устава высшего церковного учебного заведения могло бы означать одно — согласие правительства на устав, представляемый высшей церковной властью. Это совершенно элементарно, и, конечно, я хорошо понимал это. Но у нас не было никакой еще автономии; летняя сессия Собора должна была заняться выработкой положения о церковной автономии (фактически украинский собор разошелся в Июле м<есяце>, не закончив этой своей работы). Но даже при отсутствии автономии введение в жизнь нового устава предпо-

лагало — при той системе отношений Церкви и государства, которые создавали строй, в общем напоминавший старые русские церковно-государственные отношения, — заключение хотя бы первоиерарха Украины, — т. е. митр. Антония. Всем было ясно право Правительства, финансирующего духовные школы, принимать или не принимать тот или иной строй школы, — но инициатива реформы, конечно, должна была бы исходить не от Министерства Исповеданий, а от церковной власти — хотя бы от митр. Киевского. Но, как было уже указано выше, — в виду всех тех трений, которые связаны были с выбором Киевского митрополита, у нас, с правительственной точки зрения, не было в Киеве митрополита. До Украинского Собора кафедру Киевского Митрополита мы считали вакантной, а митр. Антония считали Харьковским митрополитом. Это не были слова — я действовал фактически следуя этому порядку, созданному сопротивлением еп. Никодима (в первую очередь). К кому же было обращаться как представителю церковной власти, могущему дать авторитетное суждение относительно реформы высшей духовной школы? За отсутствием такого лица — можно было стремиться ввести в действие новые штаты, а самый устав передать на заключение Украинского Собора. Но такое разделение двух частей устава (который устанавливает количество кафедр и т. д.) неестественно; с другой стороны. Украинский Собор созывался на летнюю сессию лишь для выработки положений о церковной автономии и вопрос о реформе высшей духовной школы должен был бы ждать осени или даже зимы. При таких условиях мне оставалось — или блюсти формально прерогативы будущей церковной власти и тормозить дело устройства и обеспечения Дух. Академии, — либо взять на себя риск проведения устава, минув церковные инстанции. Это было бы дерзко и нарушало прерогативы церковной власти? Да, но не следует забывать, что никаких радикальных реформ проект, который был мне предложен комиссией из профессоров Дух. Академии, в себе не заключал: автономия профессуры в выборе профессоров, ректора все равно предполагала утверждение их высшей цер-

ковной властью, она лишь ослабляла мелочную зависимость школы от власти — притом в тех именно тонах, в каких все это было продумано в специальной комиссии Всероссийского Собора. Это было, конечно, достаточной гарантией того, что никакие интересы Церкви не были нарушены в уставе. Вся «дерзость» моя заключалась в том, что я перескочил формальные перегородки, разделявшие сферу моей компетенции, как носителя государственной власти, от компетенции местной (при том отсутствовавшей) церковной власти. Я без колебаний решился на эту дерзость, зная, что по существу обижу лишь одного митр. Антония, но что для пользы дела необходимо поскорее ввести в жизнь новый устав.

Я внес на рассмотрение Совета Министров устав и в вступительной речи при докладе объяснил, почему и как я вношу данный устав. Я ничего не скрыл от правительства, не скрыл и того, что шаг мой и предстоящее одностороннее утверждение Правительством устава заключает в себе формальное прегрешение, но указывал на то, что мы все время стоим на базе реальной помощи Церкви — и в тех исключительных обстоятельствах, в которых мы живем, при той недоброй церковной атмосфере, которая исходила от еп. Никодима и которую был призван углубить и укрепить митр. Антоний, — мы должны спокойно и твердо решиться на предлагаемый мной шаг. В Совете Министров мое предложение вызвало немалое смущение благодаря привкусу «революционности», который им почувствовался в моем предложении, но самые влиятельные члены Совета (Лизогуб, Василенко) быстро поняли, что по существу я был прав, стали на мою сторону, а затем и весь Совет Министров, у которого не было особой охоты углубляться в вопросы церковной жизни и который чувствовал, что и еп. Никодим и митр. Антоний ведут недобрую игру с нами, — присоединился к ним и постановил утвердить новый устав Духовной Академии и немедленно ввести его в действие.

Гетман присутствовал на этом заседании, внимательно слушал наши дебаты и не возражал против решения Совета Ми-

нистров. Дальнейшая судьба принятого решения состояла в том, что после юридической корректуры со стороны статс-секретаря (которым тогда состоял еще И. А. Кистяковский) Гетман должен был подписать начисто изготовленный принятый Правительством законопроект, который с этого момента получал силу закона. Но тут неожиданно обнаружились трения; я доподлинно не знал, в чем было дело, знал только, что митр. Антоний и сам приезжал к Гетману протестовать против способа введения в действие закона — и через близких ему лиц, имевших вход к Гетману, стремился подействовать на Гетмана, в котором во всяком случае зародились какие-то сомнения в правомерности шага, предпринятого мной. Раза два, когда я у него был с докладами, Гетман заговаривал со мной и признавался, что на него насаждает русская церковная партия и считает невозможным утверждение устава Академии. Гетман все откладывал дело, но я настаивал на том, что иного выхода не было у нас, как принять устав. Время шло — уже открылись заседания Украинского Собора, уже состоялось «примирение» с митр. Антонием и признание его Киевским митрополитом (см. дальше), — а Гетман все не утверждал законопроекта. По существу он не имел возражений ни против содержания законопроекта, ни против его немедленного введения в действие, — но на него наседали с русской церковной стороны, и он не знал, что делать. Я не нажимал, но и не хотел брать законопроекта назад и перерабатывать его — и только указывал Гетману, что чем дальше он затягивает утверждение законопроекта, тем труднее становится положение. Наконец, в середине Июля Гетман подписал законопроект, и новый устав Духовной Академии вошел в силу. Как это отозвалось на моих отношениях с митр. Антонием, я скажу дальше.

Из новых дел, созданных мной до открытия собора, хотел бы здесь же рассказать об Ученом Комитете. Уже во время переговоров с еп. Никодимом и арх. Евлогием я понял, как не-серьезно они относились к церковной проблеме украинства — для них она, собственно, не существовала. Они, безусловно,

сочувствовали установлению «буржуазного» порядка на Украине, пожалуй, (хотя и по-разному) мирились с подъемом национального движения на Украине в пределах общекультурного творчества — но церковной проблемы украинства для них не существовало. Не знаю происхождения еп. Никодима, но как арх. Евлогий, так, вероятно, и другие правящие архиереи на Украине были из Великороссии. Это была давняя политика русской власти и в церковном, и в культурном, и в административном деле — посылать на Украину людей, свободных от всякой опасности заболеть «украинофильством». Поэтому архиереям, по-существу, оставались совершенно чужды и непонятны церковные искания украинцев, — в частности, был чужд вопрос об украинизации богослужения, о переводе Священного Писания на украинский язык. Правда, при Св. Синоде вышли начатки перевода Нового Завета на украинский язык под редакцией еп. Парфения, но дело это многим казалось ненужным, непозволительным и даже кошунственным и потому недопустимым. По поводу стремлений украинских церковных групп совершать богослужение на украинском языке митр. Антоний (еще в бытность Харьковским митрополитом) со свойственной ему резкостью выразился так, что недопустимо совершать богослужение на «базарном языке». Это не только раздражало украинцев, но вызывало стремление отделиться от церковной Москвы — тенденции сепаратизма очень сильно развивались именно по контрасту с этим языковым униформизмом, по существу столь чуждым Православию. Если уже по вопросу об автокефалии нельзя было бы привести никакого церковного возражения, кроме того, что мотивом к установлению автокефалии являются чисто политические тенденции, то в вопросе о языке богослужения не только не могло быть никаких церковных препятствий, а наоборот — должно было бы [быть] самое сочувственное отношение. Языковой униформизм в богослужении совершенно искусственно удерживается в римском католицизме и свидетельствует лишь о нечувствии великой тайны освящения языка через совершения на местном язы-

ке богослужения. В Православии — в том числе и в России — никогда не было таких тенденций. Достаточно упомянуть одного св. Стефана Пермского, — чтобы не говорить о других, — который обратил зырян в христианство и одновременно перевел Священное Писание и богослужебные книги на зырянский язык. Почему же могли выставляться соображения против перевода Священного Писания и богослужебных книг на украинский язык? Единственно, чего следовало опасаться, — это того, чтобы эти переводы не оказались неудовлетворительны и с филологической, и с художественной, и с религиозной точки зрения. Припомним, однако, ту жестокую борьбу, которую вел покойный проф. Т. Д. Флоринский (мой коллега в Киевском Университете) за то, чтобы признать украинский язык не особым языком, а особым «наречием», что филологически, конечно, стоит рангом ниже. Надо признать, что с строго научной точки зрения вопрос, является ли «украинська мова» языком или наречием, может быть решен и в одну и в другую сторону: помимо самой условности терминологии и за одно, и за другое решение есть солидные объективные аргументы. Но из чисто филологической сферы этот спор — еще до революции — был перенесен в область политики: защитники учения о «наречии» стояли за неотделимость Украины от России не только в политической, но и культурной сфере, отвергали самый термин «Украина», «украинский», — заменяя его «Малороссия», «малорусский». Официальная точка зрения на «малорусский» вопрос опиралась на всю эту аргументацию Флоринского и его сподвижников, проводя, по-существу, начала русификации. Только если Флоринский и его группа оправдывали всю систему цензурных насилий, которыми пользовалась тогда власть в Юго-Западном крае, то были и такие «антиукраинцы» (напр. П. Б. Струве, проф. Леон. Н. Яснопольский), которые не мирились с этой системой цензурных насилий, как по общим основаниям либерализма, так особенно потому, что эти насилия лишь усиливали, как всегда, украинское движение, облакая его венцом мученичества. Общая позиция заключа-

лась здесь в тайном или прикрытом отвержении самого понятия «украинской культуры», дозволительными формами считалась лишь песня, художественный узор да еще кулинария.

Совершенно понятно, что у коренных украинских интеллигентов, любивших свое прошлое, свой украинский генний, все это вызывало чрезвычайное негодование и величайшее раздражение и толкало их на самые крайние шаги, развивало крайнее руссофобство, которое было естественным ответом на описанное выше украинофобство.

Не могло бы быть ничего печальнее, если бы Церковь стала ареной борьбы этих двух противоположных тенденций, стремящихся уничтожить одна другую. К сожалению, наличие была не только взаимная раздраженность, но порой и провокация — и все это делало (и увы! сделало в конце концов) то, что под знаменем, напр<имер>, церковной автокефалии проявлялись тенденции не только к церковному, но и культурному обособлению (к последнему, по-существу, больше, чем к первому). То, что совершала революционная «церковная рада» в Октябре—Декабре 1917 г., выявляло одну сторону то, что под противоестественным покровительством большевиков затеял сделать и сделал еп. Никодим, — являло другую сторону.

Мой взгляд на всю эту «церковно-филологическую» проблему был таков. Под «украинизацией» богослужения нельзя разуметь ни простого введения проповедей на украинском языке (такая украинизация была и раньше в деревнях по той простой причине, что иначе проповедь не была бы понятна крестьянам. Даже в малых городах, если там были крестьяне, не раз произносились проповеди по-украински. Разрешение говорить проповеди по-украински в городах было уже запоздалым — там, где была украинская интеллигенция и находился священник, говоривший по-украински, так тоже уже — со времени революции — шла проповедь по-украински). В совершении богослужений на украинском языке я не видел никаких принципиальных трудностей, но видел зато чрезвычайные практические трудности: ведь не существовало ни-

какого церковно и филологически приемлемого перевода богослужебных книг, а также Священного Писания. Правда, стали появляться отдельные переводы (вроде тех, которые фабриковал очень шустрый, недалекий, хотя и отважный в филологии, наш Киевский прив.-доц., ставший потом (без ученой степени) профессором Украинского Университета, а впоследствии (при Директории Винниченко и Петлюры) Министром Исповеданий — И. И. Огиенко). Но за эти переводы можно только стыдиться, что к ним приложил руку ученый — хотя бы и с недостаточным стажем... На Украине издавна было много особенностей в богослужении, в храмовой жизни, в различных обрядах — в соответствии с особенностями религиозного типа украинского. Я искренне сочувствовал тому, чтобы содействовать развитию и расцвету украинской церковной культуры, но я всемерно хотел препятствовать той «отсебятине», которая стала заполнять украинский церковный рынок. Подобно тому, как украинские ученые фанатического склада во что бы то ни стало стремились создать не существовавшую научную терминологию, не боясь доходить до нелепостей, — и в церковной области появились такие любители, которые грозили наводнить церковный рынок своей самодельщиной. Нужно было создать орган, который серьезно и существенно помог бы свободной ныне украинской церкви найти возможность выражения себя в слове, в обряде, в богослужении, — орган, который возглавил бы и направил все творческие силы церковной культуры. Конечно, эта задача была задачей церковной власти, — если бы у нас была такая церковная власть, которая понимала бы свои задачи в отношении к местной жизни и культуры. Но наши иерархи — решительно никто из них! — совсем об этом не думали — одни по существу своей общерусской ориентации, другие — по испуганности своей перед всей той новой жизнью, которая явилась после революции, третьи — по отсутствию подходящих талантов. Совершенно было ясно, что та задача, о которой я только что говорил, не могла бы быть не только решена, но даже поставле-

на ни существующей церковной властью, ни даже той, какая могла бы установиться в случае осуществления церковной автономии. Между тем для внутреннего мира в украинской церкви было крайне необходимо, чтобы те, кто жили идеей своей собственной церковной культуры, кто искал церковного выражения украинского гения, чтобы они не питали революционных церковных течений, но образовали умеренную группу, могущую ослабить и смягчить крайности разбушевавшейся стихии, часто одержимой ожесточением, как реакцией после предыдущего режима. Для него было бы необходимо дать серьезное и реальное удовлетворение запросам такой группы, которую еще нужно было созвать.

Выход я видел один: снова и здесь выйти за пределы своей компетенции, как Министра Исповеданий, и взять на себя инициативу по созданию указанного органа. Я хорошо понимал, что переходил за пределы моей компетенции, выступал уже как церковный деятель, а не как представитель власти. Но я сознавал и то, что моя первая задача, как Министра Исповеданий, заключалась во внесении мира в церковную жизнь, — путем удовлетворения действительных нужд всех церковных групп. Мне кажется, что ничто не создало такого доверия ко мне со стороны украинских кругов, как смелый — с точки зрения церковно-государственных отношений — шаг по созданию Ученого Комитета при Министерстве. Украинские круги убедились не только в том, что я действительно и реально хочу послужить интересам украинской церковной жизни, а не только формально отделаться исполнением разных лежавших на мне обязанностей. Но гораздо больше, чем окрепшее доверие ко мне, на них действовало сознание, что учреждением Ученого Комитета при Министерстве Исповеданий положена была серьезная основа для того, что было самым заветным и дорогим для многочисленной украинской интеллигенции (вообще говоря — гораздо более религиозной и церковной, чем общерусская интеллигенция) — для развития и выявления в церковной жизни всего то[го] своеобразия, какое имел в [себе] украинский гений.

Ученый Комитет был задуман и осуществлен в начале Июня — Совет Министров без возражений дал мне средства на это. Во главе Ученого Комитета я поставил проф. П. П. Кудрявцева — хотя и великоросса по рождению, но любившего и понимавшего Украину, а главное — понимавшего и светлое и темное в украинской церковности и знавшего границы национальной стихии в церковной жизни. Туда вошли членами несколько профессоров Духовной Академии (Рыбинский, Мухин, Мищенко, Экземплярский), проф. Университета по кафедре славяноведения А. М. Лукьяненко, а также б<ывший> проф. Богословия в Киевском Университете — о. П. Светлов. Ученый Комитет получил задание содействовать выявлению и выражению всех тех церковно ценных сторон в украинской церковной жизни, какие заслуживали закрепления, он должен был заняться подготовкой, а по мере готовности — осуществлением переводов на украинский язык Священного Писания и богослужебных книг, собирая все издания этого рода, быть экспертом по всем вопросам украинской церковной жизни. Ученый Комитет не имел специальной задачи заниматься «украинизацией» Церкви, но он был серьезным фактором ее, имеющим целью столько же охранить церковную жизнь от всякой отсебятины и самодельщины, сколько и от превращения огромной и творческой задачи, поставленной на очередь перед украинской церковью, в чисто формальное задание.

Я считаю своей заслугой создание такого органа и думаю, что, когда придет снова пора творческого и свободного построения украинской церковной культуры, — такой компетентный и серьезный орган снова должен быть призван к жизни.

Но вот пришла пора сказать и об открытии Украинского Собора. Вся подготовительная работа по созыву бывших членов Собора и по избрании их там, где раньше они не были избраны, лежала на особой комиссии, которая работала в контакте с еп. Никодимом. Митр. Антоний, как было указано выше, находился тоже в Киеве.

«Русская партия» решила принять деятельное участие в Соборе — таковым вообще стало настроение русских за два месяца существования гетманского режима. Все больше у русских укреплялась надежда на то, что гетманская Украина станет исходным пунктом общерусского освобождения — и это смягчало отношение к национальному украинскому движению. С другой стороны, крайние украинские течения ни в чем себя не проявляли — большинство из деятелей служили в второстепенных или внеполитических должностях в том же гетманском режиме — поэтому для русской церковной группы во главе с еп. Никодимом не было уже оснований или мотивов бойкотировать Собор. Митр. Антоний, все еще не признанный Правительством как Киевский митрополит, склонялся к мирной политике и, конечно, влиял в этом смысле на еп. Никодима и его группу. А вместе с тем вопрос об утверждении митр. Антония Киевским митрополитом был поставлен — как я добивался этого — силой вещей на решение Украинского Собора, тем более было у русской группы мотивов идти на Собор.

Я уже упоминал, что деньги были даны Правительством в достаточном размере, чтобы оплатить и проезд, и суточные для членов Собора, — при тогдашних обстоятельствах это представляло немаловажную статью. Уже накануне открытия Собора собрались все члены, настал наконец и день открытия Собора. Комиссия Министерства, обсуждавшая с еп. Никодимом все детали открытия Собора, установила порядок открытия очень торжественный. Утром 2 Июля было архиерейское богослужение в Софийском Соборе — служили все епископы, во главе с митр. Антонием и митр. Платоном, который прибыл на Собор (он был уже митрополитом Одесским). Несколько министров прибыло в начале литургии, большинство прибыло к самому концу. К концу же прибыл и Гетман со свитой своей. Перед молебном вышел на проповедь митр. Антоний, который в очень витиеватой речи говорил о Малороссии и ее особенной преданности вере Православной, о ее борьбе за веру, — затем он перешел к настоящему времени и очень

возвышенно говорил о том, что снова как раз в Киеве начинается восстановление нормальной жизни. В речи митр. Антония не было никаких неприятных политических выпадов — чего от него можно было ожидать — она была лишь слишком напыщенна и приподнята. На молебне было провозглашено многолетие «Гетману всей Украины» и его правительству.

Этот церковный «парад» прошел очень благолепно и красиво, оставив у всех хорошее впечатление. Собор Софиевский был переполнен членами Украинского Собора и молящимися, — в первый раз за 2 месяца «правитель» Украины, Гетман, без охраны, а только со свитой, посетил древнюю святыню Украины и России — Софиевский Собор. В тот же день в 3 ч. дня состоялось в здании Религиозно-Просветительного Общества (на Б. Житомирской ул.) открытие заседаний Собора — я на нем не присутствовал, как это и было предусмотрено в выработанном раньше порядке: мне предстояло выступать на другой день на утреннем заседании.

К назначенному часу на другой день я приехал в здание Религиозно-Просветительного Общества — меня уже ждали, весь многочисленный Собор (около 400 человек) собрался. Когда я вышел, все неожиданно поднялись — и это, конечно, крайне смутило меня. Я постарался быстро пройти к центральному столу, где заседал президиум во главе с митр. Антонием, принял от него благословение, поклонился всем архиереям и сел в стороне, за президиумом. Через минуту митр. Антоний громко произнес: «предоставляется слово Министру Исповеданий». Я вышел на кафедру при всеобщей тишине и каком-то напряжении...

Я начал с того (я говорил по-русски, так как по-украински лишь понимал, но говорить не мог), что от имени Правительства и от себя лично приветствовал Собор, призванный к столь важной и ответственной работе, и пожелал Собору плодотворной работы, — а затем перешел к определению тех задач, разрешения которых Правительство ждет от Собора. Я указал на то, что Православная Церковь после падения

прежней общерусской власти попала совсем в новые условия своего существования — она ныне свободна, вернувшись к соборному управлению, но отношения Церкви к государству не могут не оставаться самыми тесными и близкими. Православная Церковь, перестав быть в новых условиях господствующей, как была раньше, остается первенствующей — и, при всем уважении ко всем религиозным общинам, здоровая государственная власть всегда будет особенно близко принимать к сердцу интересы Православной Церкви — особенно в такой переходный период, какой переживает Церковь сейчас. Правительство Украины считает своим долгом всячески содействовать развитию здоровой и свободной жизни Православной Церкви — и в этой своей заботе оно совсем не стремится к разрыву церковной жизни на Украине с властью Патриарха в Москве. Задача настоящего момента не может быть выражена в терминах автокефалии, — но тем серьезнее и ответственнее задачи, связанные с установлением церковной автономии. И политическая жизнь Украины с новой властью в ней, стремящейся к обеспечению здорового национального развития, требует организации церковной власти на Украине, — и трудность и невозможность видеть в Москве единственную церковную власть — все это настоятельно требует установления церковной автономии. И единственный, чисто церковный путь к установлению этой автономии заключается в том, чтобы сама Церковь через работу Собора установила принципы автономии, которые затем должны получить санкцию правительства. Я счастлив, сказал я, что Украинский Собор, представляющий свободный голос Церкви в свободной ныне стране, наконец мог собраться, — и хотя лето, конечно, не является временем благоприятным для работы и летняя сессия неизбежно будет короткой, — но все же необходимо создать временные формы церковного управления с тем, чтобы позже выработать окончательные формы автономии. Правительство не хочет ничего навязывать Собору, почитая в нем голос Церкви, но я должен прямо и определенно заявить, что для Правительства его существенной задачей в отноше-

нии к Церкви является всемерное содействие к тому, что национальный дух, народный гений Украины, за всю историю отдавший столько любви и силы Православию, вновь нашел возможность проявить себя в церковной жизни. Не защищая церковного национализма, ничего не навязывая Собору, Правительство вместе с тем почитает своим долгом особым вниманием окружить все те течения, которые ставят своей задачей выявить дух народа в церковной жизни. В Церкви нет места революции, но в Церкви есть жизнь — и, храня свободу для всех течений в церковной жизни, мы должны приветствовать развитие национального гения в церковной жизни. Но при одном условии — церковного мира. Различие национальных и иных группировок не должно переходить границ мира — лишь мирное сотрудничество отвечает достоинству Церкви. С особенной силой хотел бы я подчеркнуть именно эту творческую и созидательную работу Церкви, в которой так нуждается и власть, и народ. Сам Собор одним фактом своего существования знаменует уже начало мира, — и от всей души я должен пожелать Собору укрепления этого состояния мира. Свобода соборной работы не будет ни в чем нарушена Правительством, но Правительство ждет поддержки от Собора, ждет, что Собор окажется активным и творческим фактором в жизни Украины. Если же на Соборе возобладают разногласия, если дело Украины не встретит церковной поддержки со стороны Собора, Правительство, блюдя свободу церковной жизни, не допустит все же угнетения национального течения в Церкви, веря, что именно в Православии национальное начало освящается и благословляется.

Правительство ждет от Собора в эту короткую летнюю сессию установления временных правил для церковной автономии, рассчитывая, что в осенней сессии у Собора будет достаточно времени для выработки более прочных форм жизни. Оно ждет уяснения главных церковных нужд и разрешения неотложных вопросов церковной жизни.

А теперь, сказал я, я должен обратиться к последнему вопросу, разрешения которого Правительство тоже ждет от на-

стоящей сессии Собора — вопросу о выборе Киевского митрополита. В этой части речи я подробно рассказал Собору все стадии в данном вопросе (они изложены в настоящей книге ранее) и добавил: Правительство не позволило себе входить в оценку личности митр. Антония и не видит с своей стороны никаких препятствий к тому, чтобы митр. Антоний занимал кафедру Киевского митрополита, но оно считало и считает, что выборы Киевского митрополита не могут быть делом одной Киевской епархии, оно не может допустить умаления законных прав Украинского Собора и потому видит в митр. Антонии доньне Харьковского, а не Киевского митрополита. Ныне, когда собрался Украинский Собор, именно та инстанция, права которой охраняло Правительство во всем этом тяжком и ненужном споре, оно передает весь вопрос о Киевском митрополите в руки Собора и ждет его решения, к которому оно, конечно, присоединится. Ничего личного в той позиции, которую заняло Правительство с самого начала в данном вопросе, никогда не было. Поэтому, передавая все дело на решение данной сессии Украинского Собора, Правительство почитает свою роль конченной — его задача заключалась лишь в том, чтобы передать вопрос о Киевском митрополите на разрешение надлежащей инстанции. Теперь Правительство будет ждать Вашего решения в данном вопросе.

На этом я кончил свою речь и сошел с кафедры. Меня сразу окружили со всех сторон (митр. Антоний объявил перерыв), — и я почувствовал из ряда реплик, обращений ко мне, что между мной и Собором установилась связь, что недоразумения рассеялись и моя «политика» не только получила одобрение, но и одержала моральную «победу» над крайними русскими течениями. В сущности, Собор был видом «народного представительства», — конечно, связанного лишь с одной сферой жизни, а все же это был свободный голос «народа». Я чувствовал глубокое внутреннее удовлетворение и, попрощавшись с владыками, удалился, а около 5 ч. вечера я получил письмо от митр. Антония, извещавшего меня о том, что голосо-

вание Собора почти единогласно признало митр. Антония Киевским митрополитом. Извещая меня об этом, митр. Антоний прибавил, что он надеется, что отныне все недоразумения с Правительством будут кончены и что наши отношения с ним примут другой характер. Я ответил митр. Антонию поздравлением, а вечером доложил в Совете Министров о решении Украинского Собора и подчеркнул, что задача, поставленная мне, — охрана прав Украинского Собора в деле выборов первосвященника Украинской Церкви решена, что теперь отношения между властью и Церковью, при наличности Собора, будут уже лишены всех тех трудностей, которые до сих пор тормозили нормальное развитие церковной жизни. Министры поздравили меня с успехом — и весь этот эпизод канул в вечность, как мне казалось...

Глава V

Церковные дела до моего отъезда в отпуск (конец августа 1918 г.)

Я все же хочу и эту главу посвятить изложению разных церковных дел, которые имели место вслед за открытием Собора. Естественной гранью в моем рассказе явится отъезд в отпуск (я уехал в Крым на 3 недели), — который многими считался означающим мою отставку. По возвращении моем из отпуска (20/IX) церковные дела — в связи с подвигавшейся отставкой всего кабинета (19/X) — приняли другой характер. После настоящей главы, заканчивающей характеристику первого периода в моей деятельности как Министра Исповеданий, я обращусь к изложению и обрисовке тех общих дел, с которыми мне приходилось соприкасаться как члену Правительства.

После того, как Собор открылся, я уже не посещал его, — кроме того раза, когда Гетман посетил Собор — и это вызывало некоторое недовольство в соборных кругах. Но я делал это совершенно сознательно — моя задача, как Министра Исповеданий, заключалась в том, чтобы сломать сопротивление Собору со стороны антиукраинской церковной группы, дать возможность Собору начать свою работу — и на этом моя ответственность кончалась. Я хорошо знал, что состав Собора (отчасти сложившийся при поспешных выборах, организованных цер-

ковной радой в Декабре 1917, отчасти пополнившийся новыми членами, избранными уже в Июне 1918 г.) был довольно бесцветным, я хорошо знал и состав епископата — и особых надежд на «творчество» Собора в данном составе у меня не было. Но я и тогда — как и ныне — был горячим сторонником соборного управления, верил как и ныне верю, — что сама по себе соборная форма церковного управления заключает в себе целительные силы, несомненно вызывает наружу церковные творческие силы. Для меня было ясно и другое: и тогда (как и ныне) я не верил в «самостийную» Украинскую державу, но сознавал — как признаю и ныне, — что Украина должна быть «автономной» областью (я не касался вопроса о том, понимать ли эту автономию в точном смысле этого понятия, как его употребляет государственное право, или же расширять его до смысла федеративного соединения со всей Россией — только, конечно, не конфедеративного, что уже означало бы достаточную «самостийность»). Для церковной жизни на Украине я считал ненужной и даже — чем больше сживался с церковной жизнью на Украине, — тем больше считал вредной автокефалию, но тем серьезнее и настоятельнее стоял я за церковную автономию, т. е. поместное церковное управление (а, конечно, не единоличное управление главой Украинской Церкви, как того хотели епископы и сам митр. Антоний, вообще стоявший твердо за соборное управление — но для всей России, а не отдельных автономных ее областей). Поэтому я считал главным делом своим как Министра Исповеданий, своей главной заслугой утверждение соборного начала при церковной автономии. То, что начала революционная церковная рада (зимняя сессия Украинского Собора), что получило, можно сказать, условное благословение Патриарха, вынужденного его дать в интересах смягчения церковных страстей. Летняя сессия не имела (да по-существу в нем и не нуждалась) нового благословения Патриарха, но на ней почил дух мира — украинская и русская церковные партии — обе искали в Соборе проявления своих сил, боролись одна с другой на Соборе. То, что при следующем за мной министре Лотоцком насильствен-

но была провозглашена автокефалия украинской Церкви, было чисто революционным актом, шедшим уже сверху, было подделкой и фальсификацией соборного действия — русская группа удалась из Собора и не участвовала в нем. Я считаю своей заслугой, что на летней сессии Собора была явлена его свободная, церковно благотворная и умиротворяющая форма. Как я стоял за украинскую церковную группу, когда русская группа во главе с епископами хотела раздавить идею Украинского Собора, — так я стал бы против украинской группы, если бы она — как это было при Лотоцком — стала производить насилия над русской группой. Именно здесь вырисовывалась для меня творческая, хотя и смелая, роль Министра Исповеданий: я не мог так чисто формально относиться к факту соборности (как это, на мой взгляд, проявилось в полной пассивности у Карташева, как Всероссийского Министра Исповеданий) и склоняться перед всеми его колебаниями, куда бы они ни заходили, как не мог себе позволить и того насилия над собором, той фальсификации, которую проводил Лотоцкий, следуя директивам воскресшей революционной церковной рады (во главе с о. Липковским, очень скоро избранным в митрополиты автокефальной Украинской Церкви), а также — увы — действиям еп. Никодима. Я не хотел лишать себя инициативы, но не хотел и насилловать Собора — мой путь заключался в том, чтобы содействовать проявлению живых церковных сил и, если они не могли вложиться в рамки данной соборности, — дать им место вне ее. Прав ли я был по существу (формально я, конечно, был не прав), мне трудно судить, — но я глубоко уверен, что всякий честный церковный деятель не мог бы уклониться от своей инициативы, как не мог бы и фальсифицировать соборных установлений. В сущности, я шел путем творческого дуализма, развивая в Министерстве (рядом с Собором) творческую работу, которая должна была бы входить в жизнь, конечно, не насильственно. Это есть новый путь — и я глубоко убежден, что он нужен будет и в будущей России. Собор 1917–1918 г. в Москве был благословенным творческим собором — в этом была особая милость Божия к русской Церкви, уже всту-

павшей на путь испытаний и мучений. Но если представить себе ныне Всероссийский Собор — после того, как по провокации злых сил церковная жизнь разбилась на такую массу отдельных, часто несоединимых церковных групп, — то ни линия Лотоцкого, насилующего Собор (каков бы ни был состав Собора, его нельзя «душить»), ни линия Карташева, формально отходящего в сторону, раз действует Собор, не кажутся мне правильными. Такого самоупражнения Министра Исповедания не одобряет ни история Церкви (а в новых условиях — т. е. не самодержавия — к Министру Исповеданий во многом перешли функции царя в Церкви), ни здоровый церковный смысл. Для меня все это было ясно тогда, когда я был Министром, как ясно и ныне: я был представителем власти светской в церковной стихии, и должен был действительно «не без ума меч носить». И что я избрал, что я фактически сделал? Рядом с Собором я стремился стимулировать церковное творчество, церковную мысль, окружив себя рядом творческих церковных умов, — я служил Церкви, пользуясь всеми возможностями власти, ничего однако ей не навязывая. И если в ряде вопросов я оказался в ближайшее время в жестокой схватке с митр. Антонием, то положение было в действительности таково: я защищал положения Всероссийского Церковного Собора против реакционных устремлений митр. Антония и примыкавшей к нему группы. Вся рискованность моей позиции заключалась в том, что я не стал на формальную точку зрения «свободы Церкви», что перед лицом внутрицерковной борьбы я не только стремился дать возможность легального проявления враждующих церковных течений в обстановке церковного мира и в интересах его (это относится к взаимоотношениям русской и украинской церковной группы), но я в этой борьбе активной становился на сторону той, которая казалась мне выражающей верные, истинно церковные нужды (это относится к уставу Дух<овной> Академии, к дальнейшей борьбе с митр. Антонием, описываемой дальше в этой же главе). В том, что я выбрал сам, где было больше правды, проявлялось уже мое личное вмешательство? Конечно да — и в этом вся рискованность

моей позиции (которая тем отлична от позиции Лотоцкого, что я не фальсифицировал соборных решений, не изгонял чужой мне группы — утверждение чуждого мне по духу митр. Антония (о моих новых личных отношениях с м. Антонием уже в эмиграции, неожиданно завершивших драматическую борьбу с ним, я упомяну в «эпиллоге») — есть лучший пример моей лояльности — не давил на церковное мнение: я действовал лишь как отдельный член Церкви, пользуясь средствами и возможностями власти, но никогда не прибегая к насилию, к фальсификации, к подкупам и т. д.). Я глубоко уверен, что в переходные эпохи иначе действовать (т. е. как Карташев) значит просто умыть руки, — и если бы Господь меня поставил быть Министром Исповеданий в будущей свободной России, — я прежде всего всячески стремился бы вызвать к жизни Собор, обеспечивая, насколько, конечно, это отвечает церковному уставу, — каждому течению право участия (что не относится, конечно, к отпавшим от Церкви живоцерковникам, обновленцам и даже митр. Евлогию, — подлежащим, прежде всего, церковному суду), — а в то же время собрал бы и в Министерстве лучшие (с моей точки зрения) церковные силы для активной разработки и пропаганды здоровых идей.

Я потому пишу все это, что мне хочется уяснить ту «шаткую» (а по-моему — творческую, ибо свободную от всякого насилия) позицию, которую как будто занял я в вопросе об отношении светской власти к Церкви. Я уверен, что всякий, кто умеет властвовать, но кто в то же время понимает церковность, не может превратиться ни в слугу одного церковного течения, ни в насильника Церкви, а должен, представляя свободу соборному управлению, «не без ума меч носить», проявлять инициативу и творческое вмешательство в жизнь Церкви. Притом на обе стороны — т. е. не только в отношении к церковной власти, но и к светской. См. дальше о борьбе моей в Совете Министров за церковную шк<олу>. Это не есть ни фашизм, ни цезарепапизм... и если бы на Украине была бы нормальная жизнь не 7 месяцев, а 7 лет, если бы я оставался Министром Исповеданий это время, я уверен —

да простится мне эта самоуверенность, — что я был бы оправдан самой жизнью.

Для читателя, надеюсь, ясна теперь моя позиция в отношении к Собору. Я просил Товарища Министра, К. К. Миновича, постоянно или самому присутствовать на Соборе или заменять себя кем-либо, следил за работами Собора, а сам был лишь один еще раз, когда, по моей инициативе, Гетман посетил Собор. Гетман приготовил специальную речь — конечно, составленную в тонах «незалежной» (независимой) Украинской державы, проникнутую сильным националистическим настроением, — этого ему нельзя было избежать — но вместе с тем очень корректную в отношении внутренних церковных отношений и в этой части очень благожелательную к Церкви (накануне этого Гетман обсудил свою речь со мной в общих чертах). Я приехал за 10 минут до приезда Гетмана, зашел в зал заседания, которое все было в каком-то напряженном состоянии и, поздоровавшись с митр. Антонием и другими епископами, вышел в вестибюль встретить Гетмана.

Когда он приехали и вошел в зал — для него было приготовлено слева от президиума кресло на возвышении — не то трон, не то простое кресло (эта «двусмысленность» — гетманщина не то выборная монархия, не то республика — в церковных кругах русских решалась всегда в сторону монархии). Митрополит Платон по-русски (он не говорил по-украински) обратился к Гетману от имени Собора с чрезвычайно торжественной речью — в стиле того льстивого и напыщенного красноречия, в каком составляли приветствия в эпоху самодержавия. Митр. Платон говорил о радости, с какой Церковь встретила восстановление нормальной жизни на Украине, о том, что она видит в этом начало воскресения и восстановления и всей России, что для Церкви чрезвычайно дорого (теперь и епископы высказывали это!...) благожелательное отношение к Церкви Гетмана и его правительства. Говорил митр. Платон долго, пускаясь в исторические и библейские справки, говорил о силе и глубине привязанности к Православию на Украине и призывал Божье благословение на Гетмана и его

сподвижников. Гетман отвечал по-украински, читая составленную заранее речь, в которой приветствовал Собор, высказывал пожелание плодотворной работы, выражал надежду, что Собор не только будет работать в мире и спокойствии, но явится умиротворяющей силой и во всей украинской земле. Говорил о новом периоде в жизни Украины, перед которой ныне открывается дорога самостоятельной жизни — в мире с соседями, но и в развитии прежде всего своих национальных даров. Говорил о необходимости установить управление Церковью, разрешить назревшие нужды церковные и просил помощи и содействия в трудном деле государственного строительства. Затем Гетман, пожелав еще раз собранию плодотворной работы, простился с митрополитами и уехал. Вместе с ним покинул собрание и я...

Собор работал около 2¹/₂ недели, — а затем прекратил свою деятельность в виду того, что летнее время не позволяло оставаться приехавшим из деревни в Киеве. Работы Собора остались незаконченными, даже не был принят Собором проект церковной автономии, в общих чертах уже подготовленный комиссией, — так что я не мог со своей стороны установить отношение свое и всего Правительства к проекту. Был выбран, однако, временный синод во главе с митр. Антонием, и на него возложен был созыв Собора в Ноябре месяце на осеннюю сессию.

Не могу сказать с полной уверенностью, но мне кажется, что в епископате все время двоилось отношение к Собору. С одной стороны, в виду невозможности второй сессии для Всероссийского Церковного Собора, он не мог не ценить небольшого поместного собора, продолжавшего начатую уже линию собирания церковных сил и укрепления начал соборного управления. Хотя и областной, хотя и занятый совсем местными делами, украинский собор все же был каноническим и полномочным (хотя и ограниченным своей областью), а главное — свободным церковным органом. Я определенно ощущал у некоторых епископов действительную радость, что на Украине, параллельно с ее политическим освобожде-

нием, знаменовавшим, казалось, грядущее освобождение всей России, сразу же стал действовать и церковный собор. Но в то же время епископов тревожила и самая национальная окраска собора и еще больше тревожило сознание серьезности и реальности национального начала. Как вспомогательная сила, единственно могшая собрать народ против большевизма, им была дорога и радостна эта национальная стихия, — но дальше переходного периода они вовсе не хотели ее развития — и страх, и даже отвращение, во всяком случае — отталкивание от украинства, настоящее антиукраинство жили очень глубоко в их думах...

Эта двойственность отношения епископата к задачам и заботам Собора имела, конечно, решающее значение, так как епископат был руководящей группой и имел достаточно сильную, умелую право-настроенную группу на Соборе. Определив собраться в начале Ноября, собор закончил летнюю сессию. Русская группа была вполне довольна ею, украинская группа заняла выжидательную позицию. Конечно, более радикальные церковные украинские элементы (во главе с о. Липковским) бурлили, чувствовали себя в оппозиции, но, как и политическая левая интеллигенция, не видели еще впереди какой-либо точки для кристаллизации своих пожеланий; они «накопляли силы» и все больше стремились опереться на линию Министерства Исповеданий. Им импонировала моя «победа» в вопросе о митр. Антонии, хотя они и считали меня слишком склонным к «мирным» путям; то, что Чеховский (впоследствии премьер при Директории Петлюры и Винниченко) был у меня Директором Департамента и оставался у меня, — тоже шло на пользу моей репутации в украинских кругах. Уже в Июле мои «украинские фонды» — как это стало ясно из дальнейших событий (особенно при формировании Лизогубом второго Министерства в Октябре 1918 г.) — стояли очень высоко, гораздо выше, чем фонды подлинного украинца Н. П. Василенко. В свою очередь, это имело совсем обратное действие на русские церковные круги — и краткое «перемирие» и даже склонность к союзу со мной уже к концу

Июля быстро исчезли, и отношения стали вновь ухудшаться вплоть до открытой войны против меня в Августе.

Через несколько дней после начала Собора митр. Антоний был у меня по небольшому делу (а в дни присутствия Собора епископы каждый день посещали меня по делам своей епархии — часто их бывало 2—3 и больше, и было очень неприятно заставлять их ждать в приемной в виду того, что приходилось вести с каждым отдельную беседу). Во время беседы, слишком пустяковой, чтобы ради нее приезжать в усадьбу Софиевского Собора, митр. Антоний с той чрезвычайной любезностью, которую он умеет показать, когда нужно, добродушно и мило улыбаясь, сказал мне, что нам нужно стать ближе друг к другу и работать вместе, и просил меня заехать и переговорить с ним. Я обещал на другой же день быть у него после обеда. Уже позднее мне стало ясно, что у митр. Антония была серьезная надежда работать со мной в полном согласии, — к началу Собора в русской группе вновь восторжествовало мнение, которое когда-то обо мне высказывалось именно в этой группе (некий Скрынченко, крайний правый, сотрудник «Киевлянина» лет за 7—8 до революции, характеризовал меня в «Киевлянине» как «священника в сюртуке»), — мнение о моей искренней религиозности и преданности Церкви. От обвинений в униатстве эта группа вернулась к признанию моей преданности Церкви, — и, так как обо мне, в силу привычки всегда уступать в мелочах, оставаясь твердым в главном и существенном, сложилось мнение, что я мягкий человек, что украинцы овладели мной, что нужно противопоставить их влиянию более сильное русское влияние, — то отсюда, видимо, и возник план митр. Антония сблизиться со мной, подчинить меня своему духовному влиянию, оторвать меня от влияния «левой» русской церковной группы (т. е. моих друзей — профессоров Дух<овой> Академии Кудрявцева, Мищенко, Экземплярского и др.) и украинской группы.

Я поехал к митр. Антонию безо всякого предубеждения, искренно готовый искать с ним близости и сотрудничества, хотя особого доверия он мне не внушал. Однако

у меня совершенно не было того отталкивания от него, которое я почти всегда встречал у левых или не крайних правых деятелей. Митр. Антоний необычайно ласково принял меня, был весел, шутил, — наконец мы перешли к вопросу, который его волновал, — к вопросу о реформе семинарии. Провал его попыток приостановить утверждение устава Духовной Академии побудил его заранее принять меры к тому, чтобы не допустить утверждения того устава Духовных Семинарий, который был выработан на Всероссийском Церковном Соборе. По-существу, дело складывалось и здесь так же, как и в вопросе о высшей духовной школе. Как еп. Никодим обошел (увы, с благословения патриарха!) правила Всер<оссийского> Церк<овного> Соб<ора> о выборах епископа, — чтобы обеспечить избрание митр. Антония, как в вопросе об уставе Духовной Академии митр. Антоний, вождь церковной реакции и крайнего правого течения, добивался неутверждения устава, повторявшего то, что было выработано Всер. Церк. Собором, так и в вопросе о духовной семинарии (а позднее — о реформе консистории) митр. Антоний был главой церковных реакционеров, незаметно стремившихся парализовать то, что было сделано на Всер. Соборе. Быстро сообразив, куда гнет митр. Антоний, я сказал ему, что еще не составил своего суждения по вопросу о реформе духовных учебных заведений. Я заявил ему прямо и решительно, что я являюсь защитником церковных народных школ и буду настаивать на помощи им, а что касается духовных школ и духовных семинарий, то кроме того проекта, который вырабатывается у меня в Министерстве по данным Всер. Церк. Собора, я другого не знаю, но конечно пришлю ему на заключение и постараюсь вникнуть в то, что он защищает. Митр. Антоний стал очень ласково говорить со мной, как говорят с заупрямившимся ребенком, стал говорить о том, как трудно теперь Церкви и как нужно быть осторожным. Я обещал ему соблюдать величайшую осторожность, указал на то, что, финансируя школы, правительство не может вслепую принимать любые проекты и снова

просил его высказать определенное, что он защищает. Митр. Антоний в этот раз ничего определенного мне не сказал, считая меня, видимо, левым и боясь прямо сказать, что я нахожусь под влиянием левых церковных кругов. У меня в Министерстве отделом средних школ (все дело школьное находилось в заведывании Товарища Министра К. К. Мировича) ведал мой большой друг, преподаватель Киевской Духовной Семинарии А. И. Максаков — образованнейший и деликатнейший человек, чуждый всякого радикализма, но хорошо знавший все темные места в семинариях. Он работал в комиссии на Всер. Церк. Соборе, — и я совершенно доверял ему и в подлинной преданности его интересам Церкви и духовной школы, и в его честности.

Из исканий митр. Антония ничего не вышло. Глядел ли он на меня раньше как на дурачка, которого легко обойти, сам ли почувствовал неестественность той затеи, которую, как мне кажется, ему навязали, — но уже при втором свидании не чувствовалось прежней подкупающей ласковости, ни особых надежд на то, чтобы повлиять на меня. Я по-прежнему просил его поспешить с своими заключениями по вопросу о реформе духовной школы, так как надвигалась осень и нужно было не позже середины Августа провести все школьные проекты, чтобы утвердить необходимые кредиты. Митр. Антоний обещал, но что вышло из его обещания — видно будет дальше.

Я не разделял всех мыслей А. И. Максакова и тех тенденций, которые он представлял в вопросе о реформе средней духовной школы. Сущность проекта заключалась в уравнивании добогословских классов семинарии с гимназическим курсом. Идея правового уравнивания назрела, конечно, давно, но все же считать тип средней школы (как он был примерно выработан в комиссии гр. Игнатьева) нормальным и сходным — было невозможно по той простой причине, что проекты комиссии гр. Игнатьева страдали отсутствием цельности, наличием различных компромиссов. Я сам склонялся к мысли о создании из семинарии православной средней школы, да-

ющей солидное и серьезное религиозное образование (а два специальных класса должны были бы служить завершением богословской подготовки, необходимой для пастырства). А. И. Максаков без особых трудностей шел навстречу моим мыслям, и могу без преувеличений сказать, что проект, изготовленный в Министерстве, был удачным в своем замысле. Если бы митр. Антоний вдумался в него, он должен был бы признать его положительное значение для Церкви, — но когда я послал ему этот проект для заключения (а митр. Антоний, как было упомянуто выше, после Собора стоял во главе временного Управления Украинской Церковью), он мне ничего не ответил. Я несколько раз ему напоминал в письмах, но сам к нему не ехал, ожидая ответа, — митр. Антоний отделивался под разными предлогами, просто тянул. Он, очевидно, решил, что его намерение «сотрудничать» со мной (т. е. чтобы я всецело шел за ними) не удалось и ему осталось теперь или вступить в открытый бой со мной, или же следовать тактике затягивания, а в то же время свалить меня с министерского поста. В это же как раз время начался между нами другой спор — по вопросу о консисториях. Митр. Антоний хотел ввести в действие правила Всер. Церк. Собора, составленные соответственно положению Церкви при большевиках — т. е. при отсутствии всякой связи Церкви с государством, при полном разрыве Церкви и государства. Фактически имелось в виду у м. Антония удалить секретаря Киевской консистории, который, со времени возникновения Министерства Исповеданий, был подчиненным мне чиновником. Он был довольно равнодушен к украинству, но слегка играл на нем; не знаю почему, но прежние тесные отношения с епархиальным советом у него испортились, он стал — да и не мог иначе, по ходу дела — ориентироваться на меня, а в окружении митр. Антония было решено воспользоваться частью нового епархиального устава, где, конечно, секретарь епархиального управления подчинялся только епископу, а не светской власти — в виду разрыва Церкви и государства при большевиках. Такое частичное использование постановлений Всер. Церк. Собо-

ра, а где нужно — их искажение или игнорирование, было типичной для еп. Никодима манерой, а митр. Антоний всецело ему доверял. Настоящие «бои» между мной и митр. разыгрались несколько позже, но тут же должен заметить, что я поехал к митр. Антонию и заявил категорический протест против такого намеренно явочного порядка введения устава об епархиальном управлении. Я называю этот порядок явочным потому, что у нас восстановилась связь Церкви и государства, и переход к новому порядку епархиального управления не мог быть односторонним актом, т. е. не мог быть принимаем церковной властью без согласия с государственной властью (раз отношения уже не были в духе разрыва). Я заявил митр. Антонию, что если он упразднит своей властью консисторию и введет в действие епархиальный устав, выработанный в Москве, то я должен буду признать, что он разрывает связь с государством. Я добавил, что искренно стремлюсь к установлению возможно большей свободы для Церкви, но при условии все же, что все церковные акты получали бы государственное значение, причем соблюдение Церковью требований государства будет находиться в ведении Министерства Исповеданий. Чиновники Министерства Исповеданий не должны были бы быть непременно членами епархиальных управлений, какими были секретари консисторий, но все церковные акты (метрич<еские> записи, брачные и бракоразводные дела), имеющие значение гражданское, должны проходить через чиновников Министерства Исповеданий. Иначе говоря, — или государство считает себя тесно связанным с церковью и признает за церковными актами гражданскую силу — и для этого необходима связь Церкви с властью на местах (скажем, в губернском центре), — или этой связи нет (из чего исходил Всер. Церк. Собор), и тогда церковные акты не связаны с гражданскими. Поэтому если митр. Антоний хочет, не дожидаясь даже Собора, перейти к положению Церкви, отделенной от государства, — то я должен буду сделать из этого соответствующие выводы. Я не отрицал вовсе в этой беседе возможности такого сговора (но с обеих сторон и притом авто-

ритетно представленных, т. е. имея на стороне Церкви Собор, а не единоличную власть первоиерарха) в любых тонах, но такого частичного и явочного перехода одной стороны к новому порядку я не мог признать. Я видел, что митр. Антония крайне не понравилась моя точка зрения... После этого свидания мы уже с ним не видались до неожиданной (см. ниже) встречи у самого митр. Антония перед моим отъездом в Крым.

Вопрос об уставе средней духовной школы начинал становиться острым. Кончился Июль, — и я по опыту знал, как трудно проводить законопроекты в Совете Министров — в виду массы вопросов, обременявших его. Между прочим, крайняя усталость, вызванная напряженной и нервной работой в течение всего лета, настолько давала себя знать, что передо мной встал вопрос об отпуске. Бросить чтение лекций в Университете я ни за что бы не согласился, поэтому нужно было во что бы то ни стало к концу Августа уехать на 3—4 недели в Крым. Я говорил Гетману, что, если он хочет, чтобы я работал дальше в качестве министра, он должен согласиться на мой отпуск. По разным причинам — об них буду говорить дальше, когда буду рассказывать об общей работе власти, об общем положении, — Гетман не соглашался, но я категорически заявил ему, что, если он не может дать мне отпуска, тогда я должен подать в отставку. Гетман уступил, вопрос о моем отъезде был решен — и мне во что бы то ни стало нужно было добиться до своего отъезда утверждения положения о духовных школах — начиная с церковно-приходских и кончая духовными семинариями — и на основании этого провести новые штаты.

Несмотря на мои напоминания, от митр. Антония не поступало отзыва, и тогда я, посоветовавшись с К. К. Мировичем, горячо принимавшим к сердцу судьбы духовной школы, решил действовать без митр. Антония. Я снова нарушал — как и в вопросе о Дух. Академии — нормальные границы для светской власти, — но что было делать с упорством митр. Антония, не желавшего уступать мне и решившегося путем оттяжки выиграть

«битву»? После некоторых колебаний я внес в Совет Министров выработанные проекты и штаты. В своей церковной совести я был спокоен, — как не жалею и теперь о том, что я сделал. Положение не было нормальным — ни в гражданской, ни в церковной сфере: мы проходили тяжкую пору временного возврата к нормальной жизни и восстановления всех бед, нанесенных большевизмом, — и в то же время в пору ломки старых, уже отживших форм жизни. Церковь впервые выходила на простор свободного самоустроения — и та группа епископов, которая фактически была на Украине во главе с митр. Антонием, — все еще была пронизана старым архиерейским деспотизмом. То, что в их устах называлось «свободой Церкви», означало фактически свободу епископата, который не хотел считаться с иным церковным мнением, чем он сам имел. Как член Церкви, как преданный сын ее, я очень глубоко ощущал это неуважение епископов к церковному народу — и у меня лишь росло сознание, что на своем месте я должен сделать все, чтобы дать церковному телу жить полной жизнью. Я не впадал в грех самодержавия, потому что вовсе не проводил своего личного мнения, самым серьезным образом считался с голосом Церкви — и больше всего с тем, что успел сказать Всероссийский Церковный Собор. Совесть моя, как члена Церкви не дрогнула, когда я, убедившись в крайней и, бесспорно, вредной для Церкви реакционности украинского епископата, истощив все средства к мирному совместному решению неотложных дел, так же настойчиво стал добиваться их назревшего решения, как раньше твердо и настойчиво добивался возобновления работ украинского Собора и правильной постановки вопроса об киевской митрополичьей кафедре.

Любопытно отметить, как проходил школьный проект в Совете Министров. К наиболее ответственной части — к тому, что приходилось проводить закон по материалам Всерос. Церк. Собора без заключения саботировавшего митр. Антония — Совет Министров отнесся очень просто, без осо-

рых разговоров став на мою сторону, — но зато бой разгорелся по пункту, в котором я был совершенно одинакового мнения с митр. Антонием, — по вопросу о церковно-приходских школах. В русских либеральных кругах была традиция ругать это детище Победоносцева и несколько самый замысел Победоносцева, искажившего замечательные и глубокие идеи Рачинского о церковной школе, имели в виду чисто политические задачи, постолько позиция русских либеральных кругов была оправданна и законна. Но русская либеральная интеллигенция, бывшая в огромном своем большинстве западнической, шла по той же линии секуляризированной культуры, по какой развивалась вся история Западной Европы. Для всякого религиозно мыслящего православного человека не могло быть колебаний в отвержении этой стороны Запада — и для меня, в частности, проблема оцерковления школы (та самая идея, развитию и осуществлению которой была посвящена вся моя работа за границей как в Христ<ианском> Студ<енческом> Движении, так и в области чистой педагогики) была очень существенной и дорогой задачей. Поэтому я, даже недостаточно еще зная тогда, насколько огульны и несправедливы были нападки на церковную школу вообще, — все еще твердо стоял за то, чтобы сохранить и улучшить систему церковных народных школ. Конечно, на моей стороне в данном вопросе было и все духовенство. Но в Совете Министров не было, кроме меня да чуть-чуть Лизогуба, — ни одного верующего человека — неудивительно, что при прохождении школьного проекта начались горячие прения по вопросу о сохранении церковных школ. Обстоятельно, к сожалению, в высшей степени банально нападал на идею церковной школы Василенко — и лишь С. М. Гутник (еврей!), естественно молчавший во время прений моих с Н. П. Василенко, уже после окончания заседания сказал мне, что, выслушав нашу дискуссию, он склоняется в мою сторону, Я добился в Совете Министров решения, благоприятного для церковной школы, — но не потому, что мои аргументы убедили министров, а по полнейшему, конечно, равнодушию их к вопросу рели-

гиозному и нежеланию мешать мне, ответственному в правительстве за судьбы духовной школы, в моей работе. Василенко же, конечно, не мог не заявить о своем принципиальном несогласии со мною.

Я упоминаю об этом эпизоде только для того, чтобы обрисовать, как трудно мне было при проведении основной линии моей по вопросу о реформе духовной школы. Я не мог колебаться — при наличии всех указанных условий — в твердом отстаивании выработанного проекта, ибо если бы я «уступил» митр. Антонию, то это не только было бы простой слабостью с моей стороны, а не мудростью, но это привело бы неизбежно к тому, что не только весь устав, все положение духовной школы осталось бы прежним, но оно ухудшилось бы по той простой причине, что уже не было никакого церковного центра, заведующего духовными школами (какой раньше был при Св. Синоде и был — я уверен — и при Патриархии), и все школы подпадали не под автономное управление церковью на Украине (ибо его еще не было), а под единоличное управление митр. Антония, от капризов и упрямства которого меня умоляли спасти духовную школу... Немаловажным обстоятельством являлась необходимость пересмотреть штаты духовной школы (что и было сделано). Конечно, можно было бы пересмотреть штаты, не касаясь общего вопроса о церковной школе, но что это было не так, это видно хотя бы из того, что рассказано выше о низшей церковно-приходской школе. Правительство, давая деньги на содержание школы, вправе интересоваться строем этой школы — и это было именно моим долгом проявить в этом пункте достаточно внимания к введению назревших перемен в строю духовной школы. Забыть или просто игнорировать хорошо мне известные ужасающие дефекты прежней духовной школы неужели мог я? Забыть и самодержавие наших епископов — не церковное, а по существу гражданское — в «ведомстве православного исповедания» — как мог я, зная хорошо недавние нравы наши? Та очень скромная (по существу) реформа, которая была намечена в уставе, предложенном мною Сове-

ту Министров для утверждения, не была изобретена мной, а была взята из работ Всер<оссийского> Церк<овного> Собора — и только происки реакционного окружения митр. Антония привели к тому положению, что устав, намеченный комиссией при Всер<оссийском> Церк<овном> Соборе, пришлось защищать и проводить представителю светской власти против первоиерарха Украинской Церкви! Когда впоследствии меня обвиняли в том, что я проводил устав духовной школы без согласия митр. Антония, то забывали, что позиция митр. Антония была направлена против позиций Всер<оссийского> Церк<овного> Собора! Если я формально преступил границы, в которых должна была протекать моя работа в Церкви и для Церкви, то по совести скажу, что вина в этом лежит не на мне, а на митр. Антонии, который хотел свое частное мнение во что бы то ни стало провести наперекор тому, что было решено и обсуждено на Всер<оссийском> Церк<овном> Соборе. С утверждением устава и штатов средней и низшей духовной школы вышел один забавный эпизод, о котором стоит здесь рассказать. Я должен был уехать в Крым в отпуск 13/26 Августа. Это было известно в Министерстве — а следовательно, было известно и митрополиту Антонию. И вот он задумал (уж не знаю — сам или ему подсказали это) пригласить к себе в Лавру на обед весь Совет Министров в мое отсутствие — как будет ясно из дальнейшего, это было частью того плана, который составил тогда в окружении митр. Антония о том, как удалить меня с поста Министра Исповеданий. Я уверен, что митр. Антоний не стал бы, конечно, во время обеда вести разные филиппики против меня, но ему было важно «приласкать», просто психологически привлечь к себе Совет Министров. Но обстоятельства повернулись так, что устав о средней школе не был утвержден 12/VIII, — как я рассчитывал; мне нельзя было уехать, не добившись его утверждения, и я мог уехать в отпуск только 17/30 Авг<уста>. Между тем официальные приглашения, просившие прибыть в Лавру к обеду 16/29 Авг<уста>, были разосланы всюду, в том числе и ко мне. Меня не ждали, но, когда я появился в гости-

ной у митр. Антония, он был крайне неприятно изумлен — и, хотя через минуту овладел собой и постарался со мной быть сугубо любезным, все же я хорошо заметил, что его планы были разрушены моим появлением.

От дел школьных обращаюсь к другим сторонам моей деятельности до отъезда в отпуск. Я уже упоминал о создании Ученого Комитета, который работал, я должен отметить это, очень интенсивно и плодотворно. Привлечение серьезных научных сил и действительное увлечение их поставленной им задачей сказалось очень благоприятно на работе Ученого Комитета, который подошел вплотную к собиранию материалов по переводам на украинский язык богослужебных книг. Очень много было сделано уже в летние месяцы — и с осени должна была бы развернуться вся эта работа в большем объеме, если бы она не оборвалась благодаря перемене курса у моего преемника...

Еще в первые недели моего вступления в управление Министерством Исповедания мной был выделен особый департамент по инославью. Вскоре в Киеве появился один из прежних высших чиновников Мин<истерства> Внутр<енних> Дел по ведомству инославных исповеданий г. Тарановский. Тогда, т. е. с начала уже гетманщины, на Украину постоянно приезжали из Москвы и Петербурга все те, кому не хотелось оставаться при большевиках. Этот наплыв прежних чиновников, общественных и государственных деятелей, ученых, адвокатов и военных принял огромные размеры уже в Июне м<есяце>. Многих под разными предлогами выписывали на Украину, и мне приходилось не раз под видом «казенной надобности» выписывать тех или иных деятелей с Севера (так, напр., выписывало мое Министерство известного богослова Н. Н. Глубоковского, который готов был уже двинуться к нам на юг, как новое приглашение из Упсалы побудило его отправиться в Швецию). Но многие двигались на юг «самотеком» — в том числе и помянутый мной Тарановский, которого я назначил Директором Департамента Иносл<авных> Исповеданий. Это был опытный, знающий и очень корректный старый чинов-

ник, легко и быстро приспособившийся к условиям работы на Украине. Вскоре представился случай воспользоваться его услугами. В первых числах Июня через австрийского посла (известного Форгача, который был командирован на Украину из Вены) ко мне попала жалоба униатского митр. Щептицкого о преследованиях, которым подвергались униаты в Харьковской губ. Я был крайне изумлен тем, что в Харьковщине объявились какие-то униаты, — раньше никогда не приходилось слышать о них. Я послал Тарановского и своего чиновника особых поручений (В. К. Баиова) в Харьков с заданием выяснить, в чем дело. Через неделю мои чиновники вернулись — после добросовестного исследования они не нашли никаких униатов, кроме одного беглого нашего монаха, к которому по недоразумению пристало одно село (он не склонял их в унию, а лишь под «доброго митрополита» Андрея Шептицкого). Когда крестьяне узнали, однако, что их «перевели» в унию, они беспощадно избили монаха, которому пришлось спастись бегством!... В этом и состояло все дело, которое хотели нам представить как преследование униатов, как нарушение свободы вероисповедания... С инославными у меня, по-существу, не было больших дел — лишь с католиками были кое-какие дела. Тут же отмечу любопытный эпизод с т. наз. «имяславцами» — простыми монахами, изгнанными из Афона за особое почитание имени Божьего. В России, в силу определенного постановления Св. Синода, они были изгоями, находились все время в очень тяжком положении. К существу их «учения» я относился с чрезвычайно высокой оценкой — вместе с о. С. Булгаковым и о. Флоренским я имел в виду принятие участия в особом сборнике, посвященном имяславию. Те несколько монахов, которые оказались на Украине, тоже не могли устроиться нигде... Я им помог — но судьбы их дальнейшей не знаю. Но вот что неожиданно разыгралось вокруг их приезда. У украинских церковных деятелей крайнего толка все время была жажда проявления «украинского гения» в церковной жизни, — и хотя они понимали и ценили всю серьезность и нужность того, что делал для украинской Церкви

Ученый Комитет и все мое Министерство, но все же им хотелось иметь что-либо свое, специфическое, что резко отделяло бы Украину от Москвы. И вот когда появились в Киеве имяславцы, один из неугомонных «писателей» по церковным вопросам (кажется, по фамилии Мизюкевич) — добродушный, но в то же время фанатически преданный идее украинства, любящий Церковь, но очень мало понимавший и в учении Церкви, и в канонах, — явился ко мне с вопросом и просьбой. Вопрос заключался в том, нельзя ли найти связь между украинским типом благочестия, типом религиозной жизни и движением имяславия? Как течение чисто мистическое, имяславие будто — так говорил мне М<изюкевич> — особенно близко и дорого украинской душе. То, что оно было объявлено по решению Св. Синода ересью, — было особенно ценным, можно сказать — пикантным обстоятельством в глазах М<изюкевича>. И его просьба заключалась в том, чтобы исследовать в Ученом Комитете тему, поднятую им, и, если это исследование подтвердит его домысел, поручить найти формы его практического осуществления.

Такие искания какой угодно ценой утвердить начало церковного национализма всецело вытекали из стремления усилить и углубить отличия украинцев от великороссов и не заключали в себе ни одного грана подлинной жизни веры. Конечно, я не мог придавать никакого значения подобным исканиям, как вообще все явление «филетизма», — т. е. слишком тесного срастания национального и религиозного начала, — не могло и не может вызывать никакого сочувствия, хотя и понятно в своих мотивах.

Последний вопрос, с которым пришлось мне иметь дело в это время, был связан с реформой консистории и с вопросом о введении гражданского брака. Несколько строк я уже посвятил этому — более же подробно я освещу этот вопрос в одной из дальнейших глав. Пока же закончу на этом характеристику своей работы по Министерству Исповедания (до моего отъезда в отпуск) и обращусь к общей характеристике политических и иных условий жизни на Украине. Мне

представляется наиболее удобным говорить о различных сторонах жизни в связи с деятельностью отдельных министров — поэтому я буду в этих целях переходить от «ведомства к ведомству». Такая система изложения искусственна, но зато в рамках воспоминаний более удобна.

Глава VI

Общие замечания о гетманщине.

Немцы и их роль. Проблема России
в разные периоды гетманщины.

Переговоры немцев с П. Н. Милюковым

Еще не настала пора для надлежащей оценки гетманского периода во всей полноте того, что было тогда сделано, недостаточно еще видно то место, какое должно быть отведено этому периоду в истории России после войны. Как живой участник большей половины в деятельности гетманского правительства, я не могу претендовать поэтому на объективность моих оценок. С другой стороны, я до сих пор не утратил еще чувства того непосредственного «заряда», каким наполнило нас всех, стоящих у власти, время, обстановка, общий поток событий. Гетманское правительство не шло впереди времени, хотя в общем ходе русской истории оно оказалось все же преждевременным и потому неудачным, — но если волны большевизма оказались сильнее и захлестнули Украину, покрыв сплошным, беспросветным покровом всю территорию России, если вообще для возрождения России не пришло тогда (как еще и ныне) время, то самая тема, исторически зазвучавшая в гетманщине, была определена временем. Ей не повезло, обстановка и люди оказались ниже этой темы, и в этом смысле она была преждевременной, но она не была выдуманна, она не была авантюрой или капризом отдельных людей, а была подсказана временем. И то, что для темы гет-

манщины и ныне не настало еще время, ее не отменяет, а наоборот, делает еще более актуальной и острой.

Гетманщина была прежде всего и больше всего опытом социально-политической реставрации, опытом внешнего и внутреннего преодоления большевизма и возврата к нормальным условиям политической, экономической, гражданской жизни. Правда, опыты (удачные) такой реставрации мы имеем в ликвидации коммунистической вспышки в Германии и Венгрии, но эти опыты остались мало поучительными, ибо они ничего не взяли из революции, ликвидировали ее чисто внешне и остались забыты и бесплодны для буржуазного строя Европы. То же, что делалось в период гетманщины, не могло не учитывать огромного сдвига, происшедшего в России после падения старого режима, — это относится и к политической, и экономической, и национальной стороне революции. Я готов утверждать, что опыт социально-политической реставрации, проделанный во время гетманщины, является единственным и в этом смысле сохраняет свое значение доныне как введение в будущую социально-политическую реставрацию в России — когда кончится для нее период большевистского ига.

Конечно, гетманщина была в своем задании именно реставрацией, возвратом прежде всего к нормальному порядку в частной и публичной жизни, в морали и психологии, в самочувствии жителей Украины. Тут не было заслуги, это делалось «само собой», это будет при всякой реставрации, но об этом нельзя не упомянуть при набрасывании картины того, что такое гетманщина. Большевизм в те годы не был еще той упорядоченной системой террора и насилия, во что он превратился очень скоро, в нем было много хаоса, неналаженности, прорех, в нем оставались еще отдушины для свежего воздуха. Однако психологически он переживался в первые годы тяжелее даже, чем ныне, когда он так укрепился и стал чем-то привычным, неизбежным, непреодолимым. В первые годы контраст между нормальным порядком жизни и неслыханной тиранией, не шадившей решительно ничего ни в публичной,

ни в частной жизни, открыто и цинически отвергавшей всякую мораль, — был так силен и мучителен, так бил по нервам, по всему духовному типу, что от этого контраста порой сходили с ума! Этот психологический момент необходимо учитывать, чтобы понять психологию русского обывателя в первые годы русской революции — и в следующий ее период (после окончания гражданской войны). Русский обыватель был в первое время так замучен и терроризован, что все прежнее, прежняя нормальная жизнь казалась ему сном, чем-то нереальным — сказкой и выдумкой. В дальнейшие годы обыватель привык к советским порядкам, огляделся и приспособился, научился про себя думать свою горькую думу и не быть в плену у кошмарной действительности. А тогда казалось, что рухнул не только политический строй, но провалилась вся система жизни и морали, что заколебалась и потрясена самая почва, на которой строится жизнь.

Появление в Киеве немцев в первых числах марта возвращало к нормальной психологии — и это возвращение к былым формам жизни не просто отодвигало кошмар большевистского режима, но открывало простор для протеста и борьбы, для активного сопротивления ему. Пока держалось «социалистическое» правительство Голубовича, еще не могло быть полного расцвета всей этой психологии, но гетманщина, утверждавшая открыто и смело возврат к «буржуазному» порядку, сама была свидетельством и проявлением того, что жизнь возвращается к старым берегам. Это психологическое действие гетманщины очень важно учесть, чтобы понять тот внутренний перелом, который происходил всюду и давал себя чувствовать в Правительстве. Правительство сознавало себя как проявление и силу этого общенародного устремления к здоровью, как орган этого общего подъема. Тут было, конечно, и много иллюзий, ибо волнение в народе и интеллигенции вовсе не улеглось и всюду было еще много горячего материала, что и обнаружилось при возвращении Петлюры. Но наличность того революционного хмеля не означает, что им было одержимо все население, — для «буржуазной ре-

акции» готова была тоже значительная часть населения, — особенно в городах.

Но кроме психологического перелома было и объективное содержание в социально-политической реставрации. Восстанавливался нормальный гражданский порядок, нормальные экономические отношения, стала воскресать промышленность, пошли в ход сахарные заводы (чему всячески содействовали, между прочим, немцы), появилась иностранная (конечно, лишь немецкая) валюта. Школы стали работать нормально, а с ними стала воскресать и вся культурная жизнь, художественная, идейная. Была уже достаточная атмосфера свободы, не стеснявшей даже оппозицию режиму. Стали появляться иностранные газеты, книги, стали возможны поездки в Австрию и Германию... Все это вливалось в тот психологический перелом, о котором шла речь выше.

Особо надо сказать о земельной реставрации. За год революции, вернее с осени 1917 г., много помещиков должны были покинуть свои усадьбы, которые большею частью были разграблены (живой и мертвый инвентарь был захвачен крестьянами). По мере продвижения немцев вперед помещики стали возвращаться в свои имения и стали хозяйствовать, в чем чрезвычайно были заинтересованы немцы, для которых особенно было важно получить возможно больше хлеба. У крестьян, у мелких хозяев скупать хлеб было трудно — и восстановление крупных помещичьих хозяйств входило в планы оккупантов. Все это делалось в военном порядке, — независимо от правительства, на долю которого оставалась задача возможно более быстрого упорядочения земельных отношений. Несколько подробнее я скажу об этом позже, здесь же необходимо подчеркнуть, что задача эта была неизбежной и роковой в одно и то же время. Оставить деревню, как она была, конечно, было невозможно, нужно было как-нибудь «узаконить» новые отношения: что предпринималось для этого, я расскажу позже. Было много разумного в планах правительства, но самая задача была роковой: помещики еще не утратили живой и непосредственной связи с своими имениями и не могли

легко помириться с новыми «порядками». С другой стороны, крестьяне уже почувствовали достаточно вкуса к занятой ими земле. Борьба с земельным хаосом была навязана немцами во имя рациональной постановки сельского хозяйства и возможного повышения добычи хлеба, — а условия, в которых они застали сельское хозяйство, направляли их на поддержку помещиков. Часто при строгой оценке гетманского режима клеймят его за реставрацию земельных дореволюционных отношений и за жестокости в расправе с крестьянами, забывая, что оккупирующие Украину немецкие войска вели эту политику сами, не спрашивая даже правительства, которому приходилось иметь дело с *fait accompli*. Для немцев необходимо было иметь крупных поставщиков и рациональную постановку севооборота, которую они предполагали лишь у помещиков. Отдельные немецкие отряды производили самостоятельно «реставрацию» помещиков, и некоторые лейтенанты и поручики проявляли при этом такую жестокость и беспардонность, что могли возбудить только ненависть у крестьян, и без того тяжело переносивших отнятие захваченной ими земли. Именно это обстоятельство было одной из главных причин непрочности гетманского режима... В Совете Министров В. Г. Колокольцов (мин. земледелия) не раз докладывал о безобразиях, творимых немецкими отрядами. Иногда бывали виновны в этом и сами помещики, выколачивавшие у крестьян, разграбивших живой и мертвый инвентарь, свое имущество, но большей частью они были здесь ни при чем. Это необходимо подчеркнуть во имя исторической справедливости. Губерниальные старосты (т. е. губернаторы) были бессильны в отношении к немецким отрядам, но бессилен был и Совет Министров. Я дальше расскажу, как он был вообще беспомощен в своей борьбе с немецким хищничеством, — но в вопросе о «земельной политике» (*sit venia verbo*) немецких офицеров его беспомощность была особенно мучительной и тяжелой.

Не буду сейчас говорить о том, как правительство глядело на задачи своей земельной политики — оставлю это

на даль<ней>шее — а сейчас подчеркну, что земельная реставрация имела, конечно, и свои положительные стороны. Из целого ряда мест мы знали от совершенно достоверных свидетелей о том, что возвращение помещика на землю сопровождалось не только упорядоченностью сельского хозяйства, но и вообще подъемом торгово-промышленной жизни. Особенно благоприятно складывалась ситуация там, где действовали сахарные заводы, которые требовали большой и упорядоченной помощи со стороны сельского хозяйства. Любопытно отметить, что гетманский период (Апрель — Декабрь) провел целиком всю сахарную кампанию.

Экономическая база жизни получила — без особых к тому усилий правительства, а просто в силу восстановления нормальных условий существования — такое вновь здоровое направление и развитие, что, если бы гетманщина просуществовала не 8 месяцев, а, скажем, два года, это экономическое оздоровление явилось бы, я глубоко уверен, надежной и прочной основой и политического освобождения всей России. Ведь Украина — золотое место, истинная житница России — здесь и хлеб, и сахар, и уголь. За месяцы, которые я описываю, уже начинала слагаться та инерция здоровой и сытой жизни, которая накапливает силу для всех иных форм жизни и творчества. Потому и получает особый интерес с политической точки зрения история гетманщины, что она явила некий образец, некий тип воскресающей жизни.

Но содержание гетманщины, конечно, не исчерпывается социально-политической реставрацией. Не меньшее (если не большее) значение имела она, как организация и выявление новой социальной силы, выступившей на сцену истории. Конечно, национальное украинское движение получило сильный толчок с первых дней революции, но пока еще происходила ломка старых форм и шли первые, начальные процессы революционного периода, в национальном украинском движении действовала тоже сила революционного брожения, беспорядочность и хаотичность всюду оставляли свою печать. Период же гетманщины был отмечен не одной выдержкой

и организованностью в развитии национальной украинской культуры, но он уже был по существу свободен от излишеств. Правда, именно эта его сторона и вызвала падение первого кабинета Лизогуба и создание (во главе с тем же Лизогубом) т. наз. национального кабинета. Это является однако свидетельством лишь крайнего неразумия, нереализма вождей украинского общественного мнения. В сущности, ведь это мнение уже к осени разбилось на два течения — революционное (Петлюра, Винниченко, уже затеявшие тогда восстание в союзе с большевиками) и «эволюционное», искавшее осуществления своих чаяний через вхождение во власть. Возможно, что для среднего течения соц.-федералистов неизбежна была утрировка национальных требований в виду появления крайнего левого крыла, подготавливавшего восстание. Но это психологическое «извинение» ни в малейшей степени не смягчает трагизма положения, созданного близорукостью и нетерпеливой страстностью националистического течения. По существу — как будет указано ниже подробнее — гетманский период нес украинской культуре такие исключительные благоприятные условия, которые потом уже не повторялись. Скажу больше: все положительное и серьезное, что было сделано вообще для развития украинской культуры после революции, было сделано или задумано и начато в месяцы гетманщины. Украинские националисты в своей нетерпеливой страстности не понимали, что они делали, губя гетманский режим.

Справедливость требует, однако, одной существенной оговорки: положительное содействие украинскому культурному движению было, — в период первого министерства Лизогуба — совершенно свободно от всякого руссофобства. В этой точке перед нами раскрывается один из важнейших исторических узлов, связывающих поток событий: дело русской революции, как было уже указано во вступительных главах, было существенно связано с разрешением национального вопроса, но задача заключалась в том — возможно ли разрешение национального вопроса в пределах прежней России

или требует отделения от нее (примеры чего показали Финляндия, Эстония, Латвия, даже Грузия в то время). Украинские национальные деятели, за небольшим исключением, стали на точку зрения сепаратизма. Это было и остается роковым для судеб и России, и Украины. Отделение Латвии, Эстонии, Финляндии Россия пережила (пока) без особых трудностей, но расстаться с Украиной она не может — единство России есть некая историческая сила (накопленная не одной лишь инерцией от прошлого, но питаемая доньше глубокими разнообразными связями с У<краиной>), которая вовсе не сдана [в] архив революции. С другой стороны, неудовлетворенность национальных стремлений была, как уже указывалось выше, одной из движущих сил русской революции. Из этого исторического «противоречия» выход мог бы быть найден лишь в том, чтобы разрешить проблему украинской национальной культуры в пределах России — но на этот путь не стала украинская интеллигенция. Здесь лежит ключ к второй существенной причине неустойчивости гетманского режима. Если припомнить, что и доньше (писано в 1931 г., т. е. через 13 лет после описываемых событий) украинская интеллигенция не приобрела трезвости, не стала реалистичной в основном политическом вопросе Украины (в отношении ее к России), то ясно, что неудача всего политического «дела» гетманщины имела достаточно глубокие корни...

Все же, несмотря на неудачу, гетманщина в зигзагах ее колебаний в вопросе об отношении Украины и России оставила в наследство чрезвычайно богатый и существенный материал, который необходимо расшифровать и осмыслить. Уже один факт трех министерств за краткий период гетманщины включает в себе очень существенную идею. Первое министерство (с начала Мая по 19 Октября) было попыткой синтеза украинского и русского начала; второе министерство (существовавшее около месяца) было резко выраженной реакцией украинского национализма, а третье было противоположной крайностью. Гербель (премьер-министр третьего министерства) начал с манифеста Гетмана, торжественно

объявлявшего федерацию с Россией... Уже эти колебания хорошо показывают в своей диалектике всю нерасторжимость русско-украинского единства, — и подтверждают правильность того курса в национальном вопросе, который был принят в первом министерстве Лизогуба...

Политическая острота и значительность вопроса об отношении России и Украины хорошо сознавалась немцами, которые в этом вопросе, однако, не были едины. Дипломатическая группа во главе с бар. фон Муммом, состоявшим дипломатическим советником при военном командовании, разделяла «план Рорбаха», построенный на включении Украины в систему немецкого владычества (план «срединной Европы», непрерывно идущей к Азии — от Германии через Австрию, славянские государства и включающей Польшу, Украину и Румынию). Наоборот, военная группа (во главе с Гренером, тогда не стоявшим за самостоятельность Украины во что бы то ни стало) стремилась к союзу Германии и России (в ее целости). Поэтому военная группа стояла за то, чтобы, сделав Украину *piéd a terre*, сбросить большевиков в Москве и, снискав таким образом симпатии русского общества, вернуться к завету Бисмарка о необходимости незыблемой немецко-русской дружбы. Наличие борьбы этих двух течений в высших немецких кругах была достаточно известна нам — и она с полной ясностью вскрывала то основное значение, какое принадлежало вопросу об отношении к России в политической перспективе, открывавшейся перед Украиной. Гетманщина вся стояла на перепутье по нерешенности этого основного вопроса, и если кто понимал положение и приближался к правильному решению вопроса, то это были русские группы — и, думаю, только группа к-д. Более левые группировки лишь подходили впервые к труднейшей в политике проблеме национального вопроса в многоплеменном государстве, а правые группы усиленно играли на украинстве, не скрывая того, что это их временная позиция, которую они при первом удобном случае бросят. В украинских же группах трезвое и здоровое отношение к русско-украинской

проблеме встречалось лишь в той интеллигенции, которая раньше политически себя связывала с русскими партиями (самым ярким представителем такого украинского течения был Н. П. Василенко. Что касается известного ученого — Богдана Кистяковского, то о его, более близкой к крайнему национализму позиции, я буду иметь случай рассказать значительно позже). Хотел бы для справедливости указать, однако, на одно наблюдение, которое уже в те годы сформировалось у меня: перед лицом русско-украинской проблемы более неподготовленными и упрямо неподвижными оказывались (и, по-моему, доньше оказываются) не украинцы, а русские. Нетрудно понять, в чем дело. Для украинцев важно отстоять свое национальное бытие, но они все в глубине души понимают, что без России им не обойтись — именно это сознание определяет их гнев на Россию, их даже ненависть. Невозможность обойтись без России столь ясна им, уязвленность самолюбия, из этого проистекающая, так велика, что они не могут спокойно отнестись к России, обнажая в своем беспокойствии признание нерасторжимости связи с Россией. Наоборот, для огромного числа русских, даже привыкших политически мыслить, большею частью не существует украинской проблемы — в лучшем случае, они считают ее очень маленькой, провинциальной, не придают серьезного значения. «Централизм» сливается незаметно с незамечанием или презрительным равнодушием, и в такой политической психологии русских украинцы, хорошо это чувствующие, видят яркое выражение того, что Россия их задавит, даже если внешне она предоставит Украине свободу культурного самоопределения...

Гетманщина была, в свете этого, первым — знаменательным и очень существенным историческим введением в постановку русско-украинской проблемы, значение которого совершенно невозможно преувеличить. Это была не постановка вопроса (ибо гетманщина существовала слишком короткий срок, чтобы быть уже постановкой этого вопроса), а именно введением в постановку. Я считаю также чрезвычайно зна-

менательным и то, что здесь приплелись немцы. Их участие, их заинтересованность в судьбах Украины не закончились с гетманщиной — этот «роман» длится в наши дни, и недаром одним из основателей и серьезных покровителей недавно основанного в Берлине Украинского Научного Института» является тот самый ген. Гренер (ныне бессменный министр рейхсвера), который был начальником штаба в немецком оккупационном отряде на Украине. Русско-украинская проблема, будучи очень сложной и трудной внутрирусской проблемой, имеет вообще свой международный аспект (на чем, между прочим, основана игра различных украинских деятелей, — из которых одни ориентируются на Польшу и Францию, другие на Германию, а иные даже на Англию; есть также особая ориентация на папу...). Это [надо] иметь в виду при обсуждении русско-украинской проблемы... Но, конечно, особо близкое отношение к русско-украинскому вопросу имели давно (имеют и ныне) немцы — и наличие двух течений у них (первое за «единую Россию», второе за самостоятельную Украину) всегда служило причиной более четкой кристаллизации соответственных течений в русских и украинских кругах...

Украинские деятели антигетманского уклада также «забегали» к немцам, также рассчитывали на них, как и Гетман со своим правительством. Полной честности не было ни у кого, все стояли на позиции условных соглашений, у всех был элемент дипломатической игры и коварства. Особую роль среди немцев играл близкий к имп. Вильгельму II гр. Альвенслебен (его иерархического положения в немецком командном составе не помню), который вел какую-то свою (мне неизвестную) линию. Его близость к высшим немецким кругам облекала все его беседы особой значительностью, — а та смелая и широкая постановка вопросов, которая имела место у него, импонировала всем чрезвычайно. Гр. Альвенслебен принадлежал к военной партии, хотел восстановления союза Германии с Россией (единой и целой) и на самостоятельность Украины глядел как на эпизод войны — полезный и необходимый,

но преходящий. Говорю это не на основании своих личных бесед, которых у меня с ним не было, а лишь на основании того, что доходило до меня из вторых и третьих рук. Особенно важны были беседы гр. А<львенслебена> с П. Н. Милюковым, который летом 1918 г. жил в Киеве. В это лето я очень сблизился с П. Н. на наших заседаниях кадет-министров и не раз заезжал к нему советоваться насчет разных вопросов вне этих заседаний. Но П. Н. и недостаточно меня знал, и, вероятно, недостаточно доверял — потому что он никогда ни одним словом не обмолвился со мной об этих беседах с гр. Альвенслебеном. Знаю, однако, из вторых рук, что беседы касались вопроса о восстановлении немцами России, т. е. о военной ликвидации большевиков — и разговоры вращались вокруг вопроса о границах России, о судьбе создававшихся в это время при участии немцев *Randstaaten* (Польша, Латвия, Литва, Эстония). Хотя, по-видимому, Альвенслебен не имел прямых полномочий, но, судя по всему, его беседы с Милюковым не были пустой болтовней, не были даже политической игрой, а были настоящей работой по подготовке русско-немецкого сближения на основе ликвидации большевизма. Какое отражение имели все эти беседы в Правительстве Украины, ставившем тоже вопрос об освобождении России от большевиков путем создания корпуса «особого назначения», концентрировавшегося в Черниговской губ., — я расскажу позже. Но «германофильство» того времени у Милюкова тоже не было игрой; как реальный политик, он искал всех путей освобождения России и выяснял военно-политические условия этого на основе союза с немцами. Дальнейшие годы показали, что наши прежние союзники серьезно не ставили себе задачи военной ликвидации большевизма, превратившие в несерьезную игру свою помощь добровольческим армиям. И кто знает — если бы планы об освобождении России от большевизма с помощью немецких солдат были бы осуществлены — кто знает, от каких потрясений была бы освобождена не только Россия, но и вся Европа, весь мир?

Не знаю мотивов, руководивших Милюковым в его переговорах в гр. Альвенслебен<ом> — была ли то просто дипломатическая игра «на всякий случай», было ли здесь уже налицо разочарование в союзниках, был ли просто реальный подход к вопросу о борьбе с большевиками, — но несомненно, что сам Милюков в то время серьезно увлекался своими переговорами с гр. А<львенслебеном>. Они кончились вничью — из-за расхождений по вопросу о границах будущей России (немцы отстаивали существование созданных ими *Randstaaten*), — но даже если бы предварительное соглашение и состоялось, осуществление плана встретило бы самые серьезные трения в самой же немецкой среде. Немцы не были едины в этом вопросе — и как не раз впоследствии, они сразу играли в несколько игр, ни одной до конца не выигрывая.

Оценить значение немцев в диалектике периода, о котором идет речь, нелегко как раз в силу многосложности «немецкого фронта». В другом плане, намечавшемся тогда с ведома немцев, — в плане создания «корпуса особого назначения», имевшего в виду двинуться на Москву и концентрировавшегося постепенно в Черниговской губ., двойственность немецкой политики сказалась тоже с полной силой. С одной стороны, военные немецкие круги сочувствовали созданию ударного корпуса, сочувствовали самому плану освобождения Москвы Украиной, что политически ставило бы Украину в отношении к будущей России в очень выгодное положение, а с другой стороны, они превращали в простую игру все заботы и начинания военного министра (ген. Рагозы). Ген. Рагоза ставил своей первой целью собрать возможно в большем числе кадровое офицерство, поддержать его материально и тем обеспечить самую трудную и ответственную часть в леелемом им плане. Офицерство стекалось со всех сторон, заносилось в списки, получало жалование, военные запасы — насколько могли они уцелеть от грабежа сначала большевиков, а потом немцев — скоплялись в главных пунктах, но живой силы армии не было — немцы не соглашались на то, чтобы объявить мобилизацию одного или нескольких призывных

возрастов. Переговоры об этом возобновлялись несколько раз — и не приводили ни к чему; решающим (!) аргументом была боязнь внутренней большевизации солдатского состава. В виду необходимости иметь воинские части, были переправлены из Австрии т. наз. «синежупанники» — украинско-галицийские части, достаточно вымуштрованные, но чужие краю и очень скоро, при перевороте, слившиеся с «сичевыми стрельцами» Коновальца, наступавшего на Гетмана в Дек<абре> м<есяце>. Понятно поэтому, что, когда вспыхнула революция в Германии и немецкие войска стали уходить из Украины, — гетманский режим оказался без всякой опоры. Вся двойственность и предательская политика немцев обнаружилась в этом эпизоде с полной силой. По-существу, они пришли с одной лишь совершенно ясной и определенной целью — для эксплуатации Украины. Ориентация на великую Россию (военная партия) или на отделение Украины (дипломатическая партия) была дополнительным и во многом безответственным, несерьезным моментом. Никто среди немцев не думал серьезно о том, чтобы помочь Украине стать на свои ноги...

Я лично имел с немцами мало контакта. Для них мое министерство было слишком незначительным, мое влияние в украинских общественных кругах было очень ограничено — и им нечего было искать у меня. Запомнились мне лишь несколько бесед и встреч, о которых здесь скажу лишь ради полноты. Больше всех оставил во мне впечатление ген. Гренер, бывший начальником штаба всего оккупационного корпуса. Это был еще молодой и свежий генерал, сразу оставлявший самое приятное впечатление своим спокойным и умным лицом, особой рассудительной манерой — и вместе с тем за его спокойствием чувствовалась настоящая сила, подлинная твердость. Наши разговоры были слишком неинтересны, чтобы их передать, но всякий раз при встрече я ощущал любезную приветливость Гренера. С Эйхгорном, управлявшим оккупационным корпусом, я не успел познакомиться. Уже был назначен по взаимному соглашению вечер,

когда я должен был ужинать у Эйхгорна, но за дня два до назначенного срока его убили. Это убийство, наделавшее тогда очень много шума, было несомненно делом левых с-р. Помню торжественные похороны Эйхгорна, на которых присутствовали все министры: тело Эйхгорна было отвезено в Германию. Приблизительно в те же дни — вернее, дней за 5—8 до этого — были другие торжественные похороны — хоронили маленькую дочку Гетмана. Почему-то было жутко и на одних, и на других похоронах — и злая воля человека, и темные злые силы природы заключали союз разрушения. Пожалуй, все тогда было жутко и страшно, но смерть маленькой чудной девочки, общей любимицы, и старца, спокойного и немного даже дряхлого, — как-то особенно жутко выступали на общем фоне... Новый начальник оккупационного корпуса ген. фон Кирхбах знакомился с нами очень просто — он звал нас поочередно на ужины. Воспоминания о том июльском вечере, когда я вместе с Гербелем был среди немцев, принадлежит к числу наименее приятных. Но у меня тут был интересный разговор с моим соседом — советником посольства, довольно заметным дипломатом, имя которого я, к несчастью, вспомнить не могу. Под конец вечера, когда мой сосед несомненно охмелел, он стал разговаривать со мной довольно откровенно относительно России и большевиков. Моя определенная точка зрения на то, что подавление большевизма является самой существенной задачей момента, ему не нравилась, он всячески хотел показать, что в большевизме надо видеть и творческую силу, а не только разрушительную... Немец не договаривал, но уже тогда было ясно, как твердо в сознании немецких дипломатов утвердилась точка зрения, что большевизм «выгоден» для немецкой политики...

Раз я заговорил о дипломатах, скажу несколько слов об известном (до войны) австрийском дипломате гр. Форгаче, которого я видел два раза. Австрийцы все время — по крайней мере, в Киеве — находились на втором месте, не имели почти никакого влияния на основные переговоры, которые велись с Гетманом и Лизогубом. Зоной их влияния был юг, погра-

ничная полоса (русско-австр<ийская>) и Холмщина. Как раз по поводу Холмщины и пришлось мне видеться с Форгачем. Одно время имя его было известно широко, но к войне политическая звезда закатилась, и он попал на весьма второстепенный пост — будучи «посланником» при Гетмане. Держался он надменно и величественно, оставляя впечатление большого аристократа и важного деятеля. Умен он был очень, и беседы, которые я имел с ним специально о Холмщине (австрийцы сильно притесняли там православных), хотя и касались чисто деловых вопросов, оставляли во мне очень хорошее впечатление — именно тем, что сразу чувствовалось, что имеешь дело с умным человеком. Несравнимо глупее, самодовольнее и ограниченнее был нем<ецкий> посланник — толстый, хитрый и грубый немец. Беседа с ним не оставляла никакого доброго впечатления; это был тип грубого немца, знающего хорошо свою задачу и ничего не щадящего на пути к ее осуществлению. Кроме того молодого дипломата, о котором я упоминал выше, в составе посольства Германии не было ни одного значительного лица — и, конечно, гр. Альвенслебен головой был выше их всех...

Глава VII

«Политика» в Совете Министров (вопросы внешней и внутренней политики)

После общей характеристики гетманщины мне прежде всего хочется рассказать о том, как ставилась и решалась политическая проблема в правительстве. По-существу, это был самый важный и основной вопрос для правительства: родившись по милости немецкого оружия, вызванная к жизни немецкими планами о расчленении России, гетманская Украина должна ли была идти по этой чужой указке или перед ней открывался собственный путь развития? По-существу, план «незалежной Украины» имел некоторые корни и в украинском политическом сознании — и для тех «сепаратистов», которые в таком изобилии выступили на сцену, когда обозначилась явная неспособность Временного Правительства владеть положением, — этот развал России создавал, конечно, благоприятнейшие условия для осуществления самых пылких надежд. России не было налицо; большевистское за-силье вело к такому понижению национального сознания в России, что скорее можно было рассчитывать на сочувствие русских в борьбе с большевизмом. Идея «независимости» от России силою вещей превращалась в идею независимости от большевиков — чему сочувствовали сами русские, бывшие на Украине. Правда, при этом ясно имелось в виду, что дело

идет о временной независимости, т. е. до уничтожения большевизма. Но то, что однажды могло бы возникнуть, могло бы остаться и дальше... Можно поэтому без преувеличения сказать, что никогда в истории Украины — после, конечно, Богдана Хмельницкого — история не была так благоприятна для украинских мечтателей, для развития идеи об Украине как самостоятельном государстве. Этим следует объяснить тот сразу непонятный факт, что ко времени большевизма не осталось ни одной украинской политической группировки, которая не ставила бы вопроса о «незалежности» Украины. Были отдельные лица — и то большей частью связанные лично с русскими кругами, — которые противились этим мечтам, но их голоса все равно не было слышно. В украинских политических кругах идея независимости пустила столь глубокие корни, что и сейчас, несмотря на все тяжкие уроки, какие им преподнесла история, они живут все той же идеей независимой или, в крайнем случае, полунезависимой Украины.

То, что Германия и Австрия, державшиеся — до конца войны — очень сильно, официально стали на точку зрения «независимости», было в первое время тоже очень благоприятным для идеи «независимости» обстоятельством. Конечно, когда к осени обозначилось с полной ясностью то, что победа склоняется на сторону антинемецкой группы держав, близость к Германии и Австрии оказывалась компрометирующим обстоятельством и ставила вопрос о новой политической ориентации. Тут обнаружилась в диалектике политической мысли у украинцев необыкновенно любопытная, исторически роковая черта, свидетельствующая об отсутствии настоящего политического мышления в украинских кругах. Надвигавшийся провал немцев, необходимость искать новой ориентации с самого начала и до конца — говорю не только о гетманском периоде, но и о дальнейших годах — приводили к двум положениям: 1) во что бы то ни стало, всякими средствами вести антирусскую политику, 2) искать для этого любого покровительства — какое окажется более реализуемым, более выгодным. Нечего удивляться, что с того времени появились

многообразные ориентации — начиная с поляков и кончая Францией и Англией (не исключая и Германии). Была ориентация, как я упоминал, даже на римского папу и католические группы в любых странах. В поисках покровительства вопрос, естественно, ставился о том, — не только кому? но что? «продать». Огромные естественные богатства Украины давали достаточно данных для того, чтобы выдвигать один или другой проект. Быть может, самое удивительное в такой «политике» было не то, что украинские деятели всячески искали, кому выгоднее «продать» Украину, а то, что различные правительства вели и до сих пор ведут разговоры и переговоры с украинскими деятелями. Польша, Чехия, одно время Румыния, Германия, Франция и даже (одно время) Англия субсидируют доньше украинские организации, кое-где до сих пор признают украинские паспорта, время от времени обсуждают те или иные оккупационные проекты. Конечно, позиция правительств может быть понята как и стремление найти хоть где-нибудь точку опоры для реальной борьбы с большевизмом внутри самой России. Но некоторые государства (Германия в первую очередь, по-видимому Чехия, несомненно Польша) серьезно держатся за то, чтобы при восстановлении России Украина была бы, если не совсем независимой, то возможно более самостоятельной. Для украинских политических деятелей эта позиция разных держав являлась и является бесценным кладом, которым они цинично пользуются до сих пор, но, разумеется, вся эта ядовитая и двусмысленная система политического патронажа разлагала и разлагает серьезную политическую работу, изнутри делает почти невозможной ту глубокую и серьезную консолидацию политической мысли, без которой немислима никакая длительная политическая борьба. Развращающее влияние самого искажения политического патронажа, убивая серьезную мысль и какое-либо серьезное дело, создает однако благоприятные условия для пышного развития политического возбуждения, зачастую принимающего формы истерии. Так течет доньше в политической украинской эмиграции этот процесс; здоро-

вого исторического смысла, реализма так мало прибавилось за все эти годы (о некоторых исключениях, имеющих для нас интерес в настоящем изложении, я упомяну еще), что это убедительно говорит об отсутствии каких-либо серьезных политических сил в украинском обществе. Я вовсе не хочу этим снять проблему политики в общей проблеме Украины, хорошо сознаю всю сложность «украинского вопроса» и в заключительной главе своих мемуаров выскажу несколько своих соображений об этом; мои замечания имеют в виду лишь обрисовать ту общую перспективу, в какой ставилась и ставится политическая проблема на Украине... Обрисовав ее, мы можем обратиться к тому, как ставилась фактически политическая проблема на Украине.

Министром иностранных дел в мое время был Д. И. Дорошенко. Я уже говорил о нем несколько слов; сейчас дам портрет более детальный. Будучи филологом по своему образованию, Дорошенко всегда обнаруживал большую склонность к научным занятиям в области истории. Прекрасная осведомленность в различных исторических вопросах (однако лишь насколько это касается Украины), очень большая начитанность, хорошая память, дар ясного и легкого изложения делают Дорошенко одним из достойнейших представителей современной украинской науки. Будучи горячим украинским патриотом, Дорошенко всегда склонялся легко к тем или иным компромиссам, если они действительно требовались жизнью (см. выше об образовании Лизогубом, вернее, Н. П. Василенко министерства). У Дорошенко есть редкий среди украинской интеллигенции реализм, умение видеть факты, умение честно и правдиво считаться с ними. Но Дорошенко всегда не хватало одного — серьезного политического образования, хотя бы слабой подготовки к дипломатической работе. Его политическое чутье — несмотря на природный реализм — всегда оставалось очень слабым, умение политически мыслить было прямо ничтожно. Он был — да и остается — политически не интеллигентным, без каких-либо данных для большой дипломатической карьеры. Его поли-

тическая тактика всецело определялась реальными силами, с которыми ему приходилось считаться, овладевать политической ситуацией, видеть немного вперед он никогда не умел. Когда он стал министром, он взглянул на свою задачу очень упрощенно и схематично, взял себе в консультанты моего бывшего коллегу проф. О. О. Эйхельмана, бессленно вообще консультировавшего при разных украинских правительствах. Эйхельман был хорошим профессором международного права, но никогда дипломатом фактически не был, — и если чем мог помочь Дорошенко, то разве всякого рода справками насчет тех или иных «прецедентов». Будучи услужливым по природе, а здесь вдобавок еще особенно услужливым вследствие запуганности, Эйхельман естественно стремился всячески преувеличивать значение «державности» Украины. Судьба сделала Эйхельмана человеком «чего изволите» — и на все претенциозные мечты украинцев он естественно отвечал так, что был *plus royaliste que le roi*. При таком помощнике о торжестве политического реализма в планах и действиях Дорошенко не могло быть и речи. Главная забота Дорошенко уходила в раздувание внешних сторон своего ведомства, — он стремился во что бы то ни стало поскорее завести «послов» украинской державы при иностранных «дворах». Первым «иностранным двором» оказалась Москва — с которой все время шла война; по настоянию немцев в Киеве была создана русско-украинская комиссия для выработки мирного договора — и «чрезвычайным послом» от Москвы был сам Раковский — умный, хитрый и умелый деятель, вошедший скоро в связь со всеми большевистскими элементами в Киеве; со стороны Украины «чрезвычайным послом» был Шелухин, совершенно поглупевший со времени создания украинской державы. Это была прямо комическая фигура, нестерпимо шаржировавшая (но *bona fide*) свою роль «чрезвычайного посла». Другие выборы Дорошенко были более удачны. В Германию послом был назначен всеми уважаемый, достойнейший и тактичный человек — бар^{он} Ф. Р. Штейнгель, в Вену — один из умнейших людей в украинской интел-

лигенции — Липинский. Не помню сейчас, кто был назначен в Болгарию, помню только интересную фигуру болгарского посла при украинской державе — проф. Шишманова, жена-того на дочери Драгоманова. Шишманов был очень умный и интересный человек, — но должность его по-существу была пустой и бессодержательной... Вот и все те «внешние сношения», на организацию которых Дорошенко тратил свои силы. За развитием дипломатической жизни в Европе он совершенно не следил — даже тогда, когда уже стал совершенно ясно обозначаться поворот военного счастья на сторону Антанты. Единственно, что он мог думать при этом — это был все тот же вопрос о «делегации» во Францию и Англию, — но пока немцы сидели на Украине этого все равно нельзя было делать. Была еще одна «держава», с которой тоже завязались «дипломатические сношения» — это «всевеликое войско Донское», с которым Украина вошла в некоторый союз. Со стороны Донского атамана (кажется, им был тогда Каледин) было, конечно, умно войти в правильные сношения с гетманским правительством, потому что продвижение немцев к Дону, имевшее целью как бы установить новые границы Украины, нависало очень тяжелой грозой над Донской областью. Со стороны Донского войска к нам приезжал ген. Черячукин, которого очень парадно принимал Гетман; не помню, кто был послан с нашей стороны на Дон.

Юмористическая нотка неизбежно входит в мое изложение деятельности Д. И. Дорошенко. У него, конечно, не было политического дарования или даже умения политически мыслить. Я не уверен, мог ли бы кто-нибудь другой сделать что-либо положительное на его месте, но я совершенно уверен, что более подходящий к его посту человек мог бы во всяком случае лучше разбираться во всей обстановке. Единственным пунктом, в котором Дорошенко ясно разбирался, был увы — вопрос о русско-украинских отношениях. Его отношение здесь было ясно совершенно, вопрос ставился им совершенно трезво и ясно — и тем более, для меня, напр<имер>, все это было трагично. Для Дорошенко Россия (или Московия)

была просто чужим государством, с которым недобрая судьба приказала пребывать в соседстве; вся русско-украинская проблема заключалась для Дорошенко (по крайней мере, тогда) в том, как отгородиться от России. Большевизм тогда любил на Украине отождествлять с Россией, горделиво указывая, что на Украине большевизм невозможен и может быть введен лишь насильственно «москалями». Дорошенко стремился максимально блюсти «вежливость» к ненавистному соседу, весь его пафос заключался в игнорировании факта глубокой исторической связности России и Украины, в утверждении особых путей Украины. О том, что с ненавистным соседом Украине — если ее независимость устоит — придется вечно жить вместе, что совпадение церковных, культурных, экономических интересов ставит очень остро и настойчиво вопрос о взаимоотношении Украины с Россией, — об этом наш украинский Бисмарк, конечно, не помышлял. Уже в более поздний период, в дни наших встреч в Праге, у Дорошенко наметился некоторый поворот — думаю, под влиянием Липинского, развивавшего идею глубокого единства — на почве Православия (а сам Липинский был католик!) — Великой, Малой и Белой Руси. Липинский защищал идею трех русских монархий и единого Московского патриархата, признавая этим, что Москва должна остаться центром общерусского объединения, но лишь на почве церковной, а не политической... Мне кажется, что под влиянием Липинского Дорошенко изменил (в Пражский период) свои взгляды на отношения к России, — но когда он был министром, он психологически был совершенно далек от самого вопроса о русско-украинских отношениях. Если бы у него была какая угодно — хитрая, злая, — но продуманная система, как строить русско-украинские отношения, — его можно было бы осуждать, оспаривать, но нельзя было бы не уважать как политически мыслящего человека. Но легкомысленно пребывать вне серьезнейшей и основной политической проблемы Украины, сводить русско-украинскую проблему к «установлению границ», глядеть всеми глазами на Запад (и притом

только ближний — т. е. австро-немецкий), а не на Восток — это значило проявлять тот опасный нереализм, то «мечтательное» направление ума, при котором нечего и говорить о серьезном строительстве «независимой» Украины.

А между тем в составе украинского правительства — главным образом я имею в виду ген. Рагозу — все время развивалось течение, которое, по-существу, было направлено к России. Я уже упоминал о плане концентрации войск в Черниговской губ. для создания «корпуса особого назначения». Идея этого корпуса, как было уже упомянуто, была связана с планом борьбы с большевиками — не для установления новых границ Украины, а для освобождения России от большевиков. Для тех, кто задумывался над политической проблемой Украины, было ясно, что единственная серьезная политическая база для возможно более выгодного объединения с Россией (ибо это объединение, конечно, политически абсолютно неустраимо) заключалась бы в том, что Украина стала центром освободительного движения в России и тем самым добилась бы глубокого и исторически действенного перелома в русской психологии. Если бы освобождение России от большевизма пошло бы из Украины, и Киев, а не Москва, стал бы на некоторое время центром собирания России. Именно в этих тонах рисовались взаимоотношения между Украиной и Россией даже в московских кругах, во всяком случае, в части русской политической интеллигенции. Какая огромная перемена в русской политической психологии произошла бы, — если бы Украина действительно поставила перед собой не свою сепаратную украинскую, а общерусскую задачу! Часть Правительства с большей или меньшей глубиной жила этой идеей — во всяком случае, это относится к нашей небольшой группе министров к. д. Перед Украиной жизнь раскрывала действительно новую политическую перспективу, но при условии включения себя в общерусскую перспективу, в общую русскую проблему. Мы увидим дальше, как в последний период гетманщины была на это поставлена ставка — увы, совершенно неудачно, — не только пото-

му, что уже было в разных отношениях поздно, но и потому, что была она поставлена неправильно... Необходимо было понять, что ставка на единение с Россией, провозглашенная Гетманом в третий период его «царствования», все время зрела в сознании правительства, все время жила в разных кругах. Она была бессильной идеей, но она впервые давала правильную перспективу для понимания политической проблемы Украины — и то, что Дорошенко, призванный к тому, чтобы осмыслить эту политическую проблему Украины, был так далек по-существу не только от постановки, но даже от понимания ее, — лучше всего освещает всю трагичность положения...

Мне пришлось все время следить за европейской жизнью — как только появление немцев дало нам возможность иметь немецкие газеты. Читая только две, но зато важнейшие немецкие газеты — *Berliner Tageblatt* и *Vossische Zeitung* — я скоро стал определенно интересоваться политическими вопросами. Сквозь немецкую цензуру невольно просвечивала картина европейской жизни вообще — и особенно ценны для понимания последней были швейцарские газеты, тоже у нас появившиеся. Политические вопросы стали привлекать меня все больше и больше — и я не раз пробовал говорить о них с Дорошенко, как в отдельных беседах, так и при общем обсуждении политических вопросов в заседаниях Правительства. Иногда это казалось — как мне прямо говорили — нападками лично на Дорошенко, в действительности же дело шло совсем не о нем: я сам для себя впервые отчетливо и ответственно сознавал политическую проблему Украины, сознавал, что центральной точкой в этой проблеме является русско-украинский вопрос, а вместе с тем все больше начинал чувствовать всю международную обстановку, начинал разбираться в ней. Конечно, я наверное был при этом наивен, ощущая находя то, что при известной подготовке открывалось бы мне «само собой», но у меня все время было чувство, что никто в Правительстве не думает о том, что меня волновало, что все заняты разными специальными или частными задача-

ми, а о самом главном и основном никто и не помышляет. Отсюда моя постоянная настороженность к вопросам внешней политики, сердившая Дорошенко, — ибо, естественно, с ним у меня как раз и происходили стычки. Его легкомыслие, беззаботность, его непонимание положения чрезвычайно сердили меня, и это, конечно, сказывалось в моих речах...

От вопросов внешней политики естественнее всего перейти мне к внутренней политике в нашем Министерстве. Обычно под «внутренней политикой» разумеют нечто совсем чуждое политике как таковой, имея в виду те меры по охране порядка, по борьбе с разными неурядицами жизни, которые возлагаются на Министерство Внутренних Дел. Но у нас, в Правительстве Гетмана, к этим обычным делам Мин. Внутр. Дел присоединялись дела настоящей политики — связанные с проблемой большевизма и крайних националистических течений внутри Украины. Обе эти силы и погубили впоследствии гетманский режим, разрушили все то положительное, что создавалось за месяцы буржуазной власти... Естественно, что эти два вопроса стали кардинальными вопросами внутренней политики, что вокруг них и разгорелась настоящая борьба.

Сначала Министром Внутренних Дел был сам Лизогуб. При нем был создан аппарат провинциальной власти (т. наз., губерниальные старосты, местная полиция), стал налаживаться некоторый порядок. Труднее всего обстояло дело в деревнях — и тут немцы не раз пересаливали в преследовании крестьян за захват помещичьего имущества. Однако яд большевизма настолько отравил сельское население, что делало невозможным возврат к прежним социальным отношениям. Там, где помещики, возвращаясь в свои усадьбы, вели себя спокойно и разумно, жизнь вновь закипала, дисциплинируя обе стороны. Но эксцессы постоянно имели место на обеих сторонах; наводя порядки, немецкие офицеры нередко прибегали к телесным наказаниям, вызывая крайнее озлобление у крестьян и создавая благоприятнейшую почву для большевистской агитации. Здесь было положительно

неблагополучно, обозначилась явно опасная «зона», нейтрализовать и обезопасить которую, конечно, нельзя было бы без перемены общей атмосферы, Лизогуб и его губернияльные старосты делали, что могли: мне кажется, что они были достаточно осторожны и благоразумны, понимая, что революционное брожение невозможно победить чисто внешними мерами. Не следует забывать, что кроме большевиков, оставшихся на местах, когда появились немцы — революционное настроение поддерживали обе крайние левые партии украинцев — с-д и с-р, особенно последние. Очаг революционной заразы нельзя было потушить без привлечения этих партий к мирному сотрудничеству, — а так как они от него категорически отказывались (как и более умеренная группа социалистов-федералистов), то, разумеется, внутреннее положение оставалось очень грозным. И вот в такой обстановке выступает зловещая фигура Игоря Кистяковского — умного и даровитого, проницательного и делового человека, но увы очень циничного. Будучи государственным секретарем, оформлявшим юридически постановления Правительства и подносившим все акты Гетману для подписи, он имел случай часто беседовать с Гетманом, перед которым и развивал свою программу. Он нападал на слабое место у Лизогуба — на бездеятельность власти в отношении к разрушительным силам большевизма и революционного национализма и выдвигал программу более сурового и настойчивого преследования этих элементов. Вместе с тем Кистяковский выдвигал и положительную задачу усиления умеренно националистического течения, чтобы с помощью его изнутри побеждать ядовитые течения. Смелые речи, решительность Кистяковского импонировали Гетману, и он начинал серьезно склоняться к той мысли, чтобы передать Кистяковскому Министерство Внутренних Дел. Наша кадетская группа была настроена враждебно к программе Кистяковского, вернее, не столько к его программе, в которой было немало справедливого и отвечавшего реальным условиям — сколько лично к Кистяковскому, в котором мы чувствовали беспринципного человека. В отдельных бе-

седах, которые мы все вели между собой, а отчасти и с Гетманом, наше отрицательное отношение к Кистяковскому сложилось с полной определенностью — вплоть до того, что мы говорили между собой, что не останемся в Совете Министров, если туда войдет Кистяковский в качестве Мин. Внутр. Дел. На мою долю выпало вести все эти переговоры с Гетманом, который был крайне раздосадован нашим сопротивлением. Расставаться с нами он не хотел. Лизогуба сохранять на посту М. Внутр. Дел тоже не хотел. Мы всецело присоединялись к критике Лизогуба, — но тогда Гетман потребовал от нас, чтобы мы выдвинули новую (приемлемую для нас) кандидатуру в М. Внутр. Дел, раз мы отвергаем Кистяковского. На этом он нас и поймал: сознавая всю исключительную ответственность управления М<инистерст>вом Внутр. Дел., в руках которого находился ключ к замирению Украины, к упрочению нового порядка, мы хорошо понимали, что Лизогуб совершенно не годился для этой роли, но не могли никого выдвинуть на его место. Мы были против Кистяковского, а своего кандидата не имели... Переговоры, которые я вел с Гетманом, впервые оформили в составе Правительства факт группы к-д — и к нам неожиданно захотели присоединиться другие министры, почувствовав, что мы, как объединенная группа, представляем собой силу. Со мной вел об этом беседу Ю. Н. Вагнер, выразивший свое огорчение, что «блок» левых министров (какими оказались мы, к-д) обошел его, об этом же говорил и министр юстиции М. П. Чубинский, напоминая мне, что он когда-то состоял в Ц<ентральном> Комит<ете> партии к-д. Я неожиданно оказался в самом центре борьбы... Но борьба окончилась для нас бесславно: мы принуждены были сдать — по очень простой причине: по отсутствию хороших кандидатов в М. Внутр. Дел. За Кистяковским стояло то, что это был умный, волевой человек, могущий овладеть — так казалось всем — положением, против него было его крайне реакционное настроение, склонность к крутым мерам, опасный «правительственный активизм». После тяжелой недели, в течение которой все усилия

найти толкового и сильного человека оказались бесплодными, мы дали Гетману согласие на то, чтобы Кистяковский вступил в управление Министерством Внутр. Дел.

Энергичным и решительным Кистяковский действительно показал себя — но такта и ума он не обнаружил. Он производил многочисленные аресты — и в оправдание их приводил нам в Совете сведения и заговорах и т. д. — казавшиеся нам фантастическими. Позднее выяснилось, что Кистяковского водили за нос, провоцировали и дурачили. Мы и сами это чувствовали, но ни у кого не было в руках бесспорных фактов, чтобы, опираясь на них, бороться с Кистяковским. Тем не менее в Августе м<есяце>, — т. е. когда еще не было никаких данных думать об скором уходе немцев — было ясно мне — да, думаю, и другим, — что процесс внутреннего революционизирования Украины шел гигантскими шагами, что успокоения населения нет, что мы держимся только помощью немцев. Кистяковский, все время игравший на струнах национализма и заигрывавший на этом с украинскими кругами, окончательно оттолкнул левые круги от сотрудничества с Правительством, и в этом смысле он больше всего ответственен за национальную революцию (Петлюра, Винниченко), свалившую гетманский режим и окончательно погубившую возможность сохранить Украину от большевизма. Я не хочу всецело возлагать ответственность за это на одного Кистяковского: внутреннее революционизирование населения, отход крайних национальных групп от сотрудничества с Правительством намечался помимо Кистяковского и, вероятно, едва ли был устраним, но все же не кто иной как Кистяковский усерднейше подбрасывал дров в костер, сжигавший последние возможности мирной жизни...

Что касается развития большевизма, то надо отдать справедливость Кистяковскому, что он все время настойчиво повторял, что, по его точным сведениям, главным очагом большевистской заразы являлась большевистская «мирная делегация» во главе с Раковским. Кистяковский настаивал на разрыве с большевиками, на аресте Раковского, на приня-

тии самых решительных мер по борьбе с большевиками. Большинство сочувствовало планам Кистяковского, но они встречали самую резкую оппозицию со стороны немцев, которые не могли решиться на разрыв с большевиками на Украине — раз они вели дружеские отношения с теми же большевиками в Москве. Положение создавалось исключительно глупое и безвыходное: большевики, учитывая положение, становились все более наглыми и дерзкими, мы сознавали всю пагубность их действий, разлагавших остатки мирного настроения, но должны были оставаться, по-существу, безучастными свидетелями роста большевизма в стране. Я убежден, что, если бы немцы не мешали нам, непосредственная угроза большевизма внутри Украины была бы значительно парализована. Конечно, источником революционизирования Украины были не одни большевики, но устранение одного из очагов заразы уже было бы шагом вперед, — тем более, что при известных условиях можно было бы сговориться с частью украинцев. На это последнее упирал и сам Кистяковский — и при его участии и возник так наз. второй кабинет Лизогуба, в который вошли яркие представители социалистов-федералистов (Лотоцкий и др.). Но этот шаг был предпринят слишком поздно, когда вопрос о восстании против гетманской власти был уже поставлен формально.

Кстати сказать, в деле укрепления и развития национальной украинской культуры никем не было сделано так много, как именно первым правительством Лизогуба. Особенно потрудились здесь ценнейший член Правительства — Н. П. Василенко. О его деятельности я буду говорить отдельно, здесь же только упомяну, что благодаря его активному участию была открыта Украинская Академия Наук (первым президентом которой был назначен известный геолог, член Российской Академии Наук Влад. Иван. Вернадский), при том же Н. П. Василенко Народный Украинский Университет был преобразован в Государственный Украинский Университет (при сохранении русского Университета св. Владимира), при нем же, наконец, была открыта Украинская Наци-

ональная Библиотека. Все эти монументальные учреждения, сохранившиеся (кроме Укр<аинского> Университета, который, разделив общую участь с Унив<верситетом> св. Владимира, был расформирован на ряд специальных Институтов) до сих пор, явились ярким и плодотворным вкладом в строительство Украины. Национальные круги не могли не приветствовать этих учреждений. Хорошо помню, как на открытии Украинского Государственного Университета, — под который были отведены новые здания, предположенные до революции для Константиновского Военного Училища (на Соломене), — одно из приветствий было произнесено самим Винниченко, состоявшим тогда председателем Украинского Национального Совета (что-то эквивалентное бывшей Центральной Раде, но без всякого влияния и без всяких средств). На открытии присутствовала, можно сказать, вся украинская интеллигенция, неизбежно являвшая здесь свою солидарность с гетманским правительством, поскольку оно шло навстречу национальным задачам... Если к перечисленному добавить учреждение Украинского Сената, проведенное трудами М. П. Чубинского, то должно признать, что гетманским правительством закладывались серьезные основы для украинской «державности»... Тем досаднее выходил разрыв между гетманским правительством и национальными кругами — тем фатальнее выступало бессилие «внутренней политики» И. Кистяковского. Ему не удалась основная его задача — борьба с большевизмом: он не был виноват в том, что эта борьба не удалась, но он был виноват в том, что, зная эти реальные условия (сопротивление немцев серьезной борьбе с большевизмом), он действовал запальчиво и страстно, думая устроить своими арестами подполье и парализовать его действия. Наладить аппарат политической полиции Кистяковскому так и не удалось: несколько раз в заседаниях Совета Министров всплывали дела, по которым должен был давать отчет Кистяковский, — и из его объяснений становилось очевидно, что никакой «разведки» в точном смысле слова у него [не] было, что агентура его слаба и едва ли не служила на оба

фронта. Особенно остро проходили конфликты между Кистяковским и Ю. Н. Вагнером, который как Министр Труда получал свою информацию из рабочих кругов и не раз рисовал картины такой полицейской беспардонности и произвола, что вся система Кистяковского обнажала все свое бессилие. Не страшны никакие крутые меры, если они вызываются необходимостью, если применение их достигает своей цели. Но те меры, к которым прибегал Кистяковский, воображавший сначала, что крутыми приемами ему удастся задушить большевистскую гидру, не приводили ни к чему, ибо сплошь и рядом обрушивались на не причастных большевизму людей. Несколько раз Кистяковский сам признавался в заседаниях Совета Министров, что чувствует, что не может справиться с «врагом»... Задача, конечно, была трудна; не только русские рабочие круги, но и украинизированный пролетариат шел против гетманщины — и одними мерами насилия нельзя было изменить положения... Одно, во всяком случае, было ясно для всех, а именно что Кистяковский больше раздражал население, чем оздоравливал общественную обстановку, что он не стал выше Лизогуба на ответственном посту Мин. Внутр. Дел. Нет ничего удивительного, что, сознав свое бессилие в прямой борьбе с большевизмом, Кистяковский обратился к более положительной задаче — к привлечению национальной оппозиции к власти. Так возник осенью план реформирования министерства Лизогуба; действующим лицом во всей этой «перемене декораций» был Кистяковский. Он ставил теперь ставку на умеренную группу национальной оппозиции (социалистов-федералистов), — но увы и здесь его не ждала удача. Весьма возможно, что абстрактно этот план был верен, что будь он раньше приведен в действие (второе министерство возникло лишь во второй половине Октября, когда уже явно обозначилось падение Германии и приближилась революция в Германии, — что совершенно меняло всю политическую обстановку и почти предreshало падение гетманщины, как и вообще всякого «отдельного» украинского государства), он, может быть, мог бы еще иметь свои

добрые последствия. Но фактически он выступил на сцену слишком поздно, чтобы принести желанные результаты. Не знаю точно, когда в левой национальной группе было решено поднять настоящее восстание против гетманщины, — однако бесспорно, что уже осенью, т. е. еще до образования второго министерства Лизогуба, эти левые украинские круги решили выступить активно. Им развязало руки новое министерство, а вовсе не связало — и этим весь план Кистяковского сводился к нулю, ибо у партии социалистов-федералистов не было почти никаких организационных связей с деревней, с рабочими кругами. Обе эти группы (говорю об украинских рабочих и крестьянах) находились в «заведывании» украинских с-д и с-р. Правда, отдельные члены партии продолжали еще видимость службы новому гетманскому правительству, но это было лишь простым прикрытием. Гетманский режим перед лицом наступавшей опасности (ухода немцев, создавших гетманщину) оказывался без опоры в народе и интеллигенции, без вооруженной силы — и вся та огромная положительная работа, которую в разных направлениях провело гетманское правительство, стояла перед крахом, обращалась в нуль. Не было обеспечено самое существование украинской государственности — и то, что в решительный исторический момент, когда Украина оставалась предоставленной самой себе, перед лицом организованной большевистской силы, что в этот момент левые украинские круги просто не заметили опасности для самого существования Украины как государства, что они во имя чисто партийных и совершенно абстрактных соображений подняли восстание против украинской власти и вошли в союз с врагами Украины — какими были большевики, — это все показывает такую историческую близорукость, такое отсутствие государственного инстинкта и трезвого политического реализма, что было и тогда ясно — что Украине как государству не быть, что Украина пропускала ту единственную историческую конъюнктуру, при которой еще мог бы быть поставлен вопрос об украинской государственности...

Второе министерство потеряло всякий свой смысл с того момента, как левые круги перестали быть лойяльной оппозицией и перешли в восстание. Помимо того, что соц. федералисты не умели бороться, они и не хотели борьбы: для них солидарность с национальными группами была дороже самого бытия Украины как государства... Они не понимали, чем играли! Более трагикомического эпизода в истории Украины, чем это безволие украинских политиков, трудно себе и представить...

Гетман сделал последний шаг, какой ему еще оставался, — он открыто перешел к ориентации на Россию (конечно, Россию свободную, не большевистскую). Немцев, которые раньше мешали этому плану, спрашивать уже было нечего, — они доживали последние дни, думали только о том, как им благополучно выбраться на родину. Украинские круги либо были втянуты в восстание, либо бессильно разводили руками перед надвигавшейся опасностью. Спасая себя, Гетман, в сущности, спасал остатки украинской государственности. Но и этот жест оказался запоздавшим. Он привлек на сторону Гетмана русские круги, дал в его распоряжение 5.000 русских офицеров, командование которыми принял на себя гр. Келлер; с далеким добровольческим движением, у поднятым около этого времени ген. Алексеевым и Корниловым, связь тоже была невозможна. Неожиданно для украинцев Гетман, разуверившийся окончательно в возможности получить от них помощь, сделал крутой поворот в сторону России. Он распустил министерство Лизогуба, поручив образование нового министерства Гербелю, издал особый манифест, говоривший о необходимости борьбы с большевиками для спасения России, четко и определенно выдвинул идею федеративной связи, отрекаясь таким образом от идеи самостоятельности Украинского Государства. Этот манифест, вызвавший ярость и непримиримую ненависть со стороны украинцев, вызвал самое живое сочувствие у русских людей, поднял их настроение. Одушевление среди русских было очень велико, но увы, возможности овладеть положением были ничтожны. С севера надвигались

большевики, с запада и юга — Петлюра. В Киеве же военных запасов было немного; они собирались, как было указано выше, в разных местах — преимущественно в Черниговской губ. Когда был издан Гетманом его манифест, ему изменили все начальники на местах, отдавшие оружие, военные снаряды, амуницию эмиссарам Петлюры. Небольшое сопротивление, кое-где оказанное последнему, было быстро сломлено, ибо план восстания, как тогда сразу стало ясно, был давно разработан, всюду на местах были «свои» люди, которые по сигналу овладели запасами. Тех, кто противился, убивали... Этим предательством украинцы купили для себя возможность успеха в восстании, но они скоро сами погибли — ибо овладевая для себя оружием, амуницией, они фактически действовали вместе с большевиками, которые через короткий промежуток времени сделались господами положения.

Киев фактически в несколько дней оказался не только отрезанным от других частей Украины, но и вообще единственной точкой, где восстание не удалось. Был ли Келлер недостаточно удачный стратег или трудности положения были столь велики, что их вообще нельзя было преодолеть, — судить не берусь, но склонен думать, что вопрос о падении Киева был вообще только вопросом времени, Киев не имел тыла, легко мог быть лишен подвоза провианта (что очень скоро и случилось); с помощью русских офицеров, уже тогда достаточно (после войны и первого года революции) ослабленных и даже сломленных, нельзя было бы, думается мне, продержаться в такой тюрьме. К тому ж с первых чисел Декабря настали жестокие морозы, которые чрезвычайно затруднили оборону Киева... 14 Декабря 1918 г, Киев пал, петлюровцы вошли в город — и гетманский режим кончился... Сам Гетман, как известно, спасся благодаря немцам, которые его вывезли...

Конец гетманского режима был, по-существу, концом «свободной Украины». Украинские патриоты, думавшие с помощью большевиков построить новую Украину нанесли фактически смертельный удар своему собственному делу, не поняв того, что в большевиках они имеют дело с смер-

тельным врагом, перед лицом которого они должны были всячески поддерживать гетманскую власть как единственный (и то не очень надежный) оплот украинской свободы. Кто хотел независимой Украины, тот должен был понимать, что большевики несли с собой не только стихию социально-политического разрушения, но и идею России, что в вопросе об единении с Украиной, о включении Украины в состав России с большевиками была вся Россия, все живые и глубокие связи ее с Украиной, вся инерция прошлого. Нетрезвость украинских политиков, поистине не ведавших, что они творят, зловещим светом озаряет исторические судьбы Украины; история, осудив украинских политиков, сурово осудила и самый замысел украинской независимости...

Глава VIII

Школьные и академические дела. Система культурного параллелизма. Собирание русских сил. «Спасение Украины для России»

Эту главу я хочу посвятить рассказу о том, что делалось в других областях управления в месяцы моего пребывания в составе Правительства. Я не буду останавливаться на деятельности в сфере экономической и финансовой, так как сравнительно мало интересовался тогда этим. Скажу лишь, что и А. К. Ржепецкий (министр финансов) и С. М. Гутник (мин<истр> торговли и промышленности) довольно быстро смогли наладить жизнь финансовую и экономическую. Да это и естественно — ведь процессы разрушения за последние несколько месяцев большевистского владычества не смогли сразу оказаться очень глубокими. Заводы и фабрики снова заработали (особенно надо это сказать о сахарных заводах, в восстановлении деятельности которых были заинтересованы и немцы), торговля — хотя и ограниченная — восстановила связь с заграницей. Это быстрое, почти самопроизвольное возрождение экономической и финансовой жизни, равно как и известное восстановление сельского хозяйства, было поразительным. В нем не было ничьей заслуги — это просто действовала сила жизни, искусственно загнанной хаосом в подполье и ныне получившей свободу. Если бы Украина, как свободное целое, продержалась несколько лет, она,

несомненно, политически окрепла и консолидировалась бы, как это мы видим на примере Латвии и других лимитрофов. Но первая стадия, созидаящая самые силы таких новых государств, должна обеспечивать самое политическое бытие — и лишь потом само это политическое бытие оказывается зависящим от экономических сил...

Общий, не сказанный никем, но диктовавшийся самой жизнью лозунг заключался в самосохранении, в отстаивании своего бытия. Но увы — если было достаточно проявлено таланта и инициативы во всех других сферах жизни, то все же не нашлось только ни одного талантливой политика. Но гибель Украины как свободного политического целого не должна закрывать глаза на то положительное, что было сделано за месяцы свободы. На первом месте я должен поставить всю работу Н. П. Василенко, о котором и скажу здесь в первую очередь.

Н. П. Василенко в самом себе носил живое и мудрое, творческое и действенное решение русско-украинской проблемы. Искренний украинский патриот, защитник — убежденный и стойкий — широкого развития украинской культуры, культурного творчества Украины, он горячо любил и Россию, носил в себе живой интерес к общерусским проблемам. Будучи давно защитником федералистической системы в вопросе об отношении Украины и России, Н. П. не был доктринером, обладал большим политическим чутьем, навыками к политическому мышлению, приобретенными им в работе по партии к. д., в Ц. К-те, [в] котором он состоял с самого начала. В сущности, это был единственный серьезный и мыслящий политик среди украинских деятелей... Минусом Н. П. была вялость темперамента, отсутствие влечения к широкой политической работе. Он должен был сам стать во главе Совета Министров, а не передавать главенства провинциальному работнику, каким был Лизогуб. Вместо этого Н. П. предпочел взять на себя управление Министерством Народного Просвещения... Недаром педагог и ученый в нем были выражены ярче, чем политик...

Ставши Министром Нар. Просв., Василенко хорошо понимал всю сложность культурной проблемы, перед ним стоявшей. Говорю уверенно о взглядах Н. П., так как имел с ним много встреч, много бесед и во время нашей совместной работы в составе Правительства и после нее. Первым и основным, безусловно мудрым (с разных точек зрения) принципом, которому следовал Н. П. в своей «политике» в школьном деле, было то, чтобы украинская школа (от низшей до высшей) не развивалась бы за счет русской, т. е. чтобы ни одна русская школа не была насильственно закрыта. Всяческое поощрение украинского культурного дела не должно было вести за собой уменьшения или ослабления русского культурного дела. Так и выросла замечательная, на мой взгляд, система культурного параллелизма. Ее можно толковать «иезуитски» как предоставление свободы конкурировать обеим культурам, — и так как поддержка украинской культуры, естественно слабой на первых порах после долгих лет ее притеснения, должна была особенно привлечь к себе внимание Правительства — то не является ли система культурного параллелизма лишь прикрытой, носящей приличные внешние формы, борьбой с русской культурой?

То сохранение русской школы, — от низшей до высшей — которое проводил Василенко, поставленное рядом с сугубым покровительством украинской школе, не означает ли просто отсутствие варварской тактики, которой шеголяли украинцы впоследствии (при Петлюре и отчасти даже при большевиках)? Не есть ли план Василенко именно потому более «опасный» для русского культурного дела на Украине, что он имел такие корректные и мягкие формы, так сказать, усыплял и успокаивал русское сознание?

Не стану отрицать «принципиальной» возможности такого истолкования политики Василенко, но фактически ему такой «иезуитский» способ мышления был совершенно чужд. Василенко можно было заподозрить ведь и в противоположном, — и крайние украинские группы открыто и высказывали свои подозрения что на самом деле главное внимание Василенко

было отдано не развитию украинской школы, а охранению русской школы. Пожалуй, в этом была доля правды — перед лицом агрессивного украинского национализма, как он себя успел проявить с начала русской революции, задача охранения русской школы в том объеме, как она существовала, была очень трудной и серьезной. Василенко не раз категорически и настойчиво говорил, что он ни за что не согласится закрыть ни одной русской школы — на что посягательства со стороны украинцев были постоянно. Защита русской школы от украинцев была совершенно реальной и трудной задачей... Но, конечно, Василенко искренно и подлинно стремился всячески содействовать созданию украинской сети школ.

Больше всего ему удалось дело высшей школы, — может быть, оттого, что он сумел привлечь к этому делу такого выдающегося человека, как Влад. Ив. Вернадский, который фактически был как бы товарищем министра по делам высшей школы. Товарищ министра по делам средней и низшей школы П. И. Холодный был человек неглупый и даровитый, но достаточно ленивый, вялый и без инициативы. Казалось бы с первого взгляда, что развить систему украинской низшей и средней школы гораздо легче, чем высшей, для которой не было достаточного числа квалифицированных работников. На самом деле вышло иначе... Не знаю, каков тип средней и низшей украинской школы сейчас, но в годы, когда я еще был в Киеве, педагогическая бедность и шаблонность отличала украинских педагогов.

Совершенно иначе — широко, разумно — была поставлена проблема высшей школы в комиссии В. И. Вернадского. Как-то уже после падения гетманской власти (при добровольцах, когда можно было свободно собираться...) группа лиц — об этом я еще расскажу позже — собиралась издать серию книг на тему «Россия и Украина». В этой серии книг главное место, по нашему плану, должны были занять очерки сделанного (и задуманного) при гетманском режиме. Наиболее интересной — по первоначальному плану — должна была выйти книга как раз В. И. Вернадского,

содержание которой всецело определялось деятельностью руководимой им комиссии.

Возникновение Украинской Академии — первого дела, созданного Василенко при участии В. И. Вернадского, является крупным и незабываемым вкладом в историю украинской культуры. Вернадскому удалось собрать крупных русских ученых — украинцев по происхождению, — которые пошли работать в новую Академию. Проф. Ф. В. Тарановский, акад. Липский (ботаник), акад. Крымский (тюрковед), сам В. И. Вернадский, несколько *dii minores* — вошли в первый состав Академии, обеспечив сразу же научную серьезность и высоту в ней. Насколько можно судить по изданиям Украинской Академии, выходящим и ныне, этот уровень настоящей научной культуры сохранился в общем в ней и доныне — несмотря на то, что позднее в состав Академии вошли и такие «растрепанные» ученые, променявшие науку на мелкую политику, как М. С. Грушевский. Задача Академии была содействовать изучению истории, языка и литературы, природы Украины, содействовать развитию украинской научной культуры. Надо думать, что какие бы судьбы ни постигали Украину в политическом отношении — Украинская Академия сохранится при всяких условиях, оставаясь деятельным центром украинской научной культуры.

Среди ретивых украинцев нередко встречались (и встречаются) люди, которые хотели бы «одним взмахом» создать то, что создается десятилетиями. В частности, отсутствие украинской научной терминологии казалось таким людям «национальным позором», от которого необходимо немедленно и решительно освободиться. Не знаю, издает ли теперь Украинская Академия «академический словарь» наподобие словарей, издаваемых другими академиями; знаю только, что те статьи и книги, которые в мое время спешно вырабатывали «украинизацию» научной терминологии, часто возбуждали одно лишь чувство сожаления.

О создании национальной библиотеки я уже говорил. Дело это тоже было монументальным. В Киеве, кроме пре-

восходной Университетской Библиотеки, существовала весьма недурная (городская) публичная библиотека; созданием же «национальной украинской библиотеки» полагалось начало большому делу концентрации книжного и рукописного материала по истории Украины. Создание этой национальной Библиотеки было особенно уместно для тех годов, когда частные библиотеки расхищались или бессмысленно истреблялись.

Но особые заботы Василенко и Вернадского были направлены на Университет. Создание государственного Украинского Университета рядом с русским Университетом (св. Владимира) было блестящим разрешением трудного вопроса об организации высшей украинской школы. Среди пылких украинских деятелей циркулировала мысль о закрытии Университета св. Владимира как «крупнейшего проводника руссификаторской политики». Это мнение могло бы и восторжествовать, если бы крайние группы имели достаточно времени для осуществления всех своих замыслов. Существовал план о создании при Университете св. Владимира параллельных украинских кафедр. Но в этом плане было много трудностей. Создание украинской высшей школы в недрах старой русской школы неизбежно умаляло бы значение украинских кафедр, сводя их к значению некоторых параллельных учреждений — не могла бы создаваться и крепнуть своя украинская научная среда. Студенты-украинцы, естественно, растворялись бы в массе русского студенчества... Создание отдельной высшей школы было поэтому совершенно необходимо. Добавлю, что ученых, владеющих украинским языком и могущих читать по-украински, было вообще немного. О себе, в частности, скажу, что я совершенно не мог бы читать лекции по-украински. В таком же положении, как я, был еще ряд профессоров, участвовавших в Народном Украинском Университете. Созданием особого государственного Украинского Университета со штатными кафедрами создавалась возможность приглашения на штатные кафедры тех ученых, которые согласились бы в течение известного срока пе-

рейти на украинский язык — и это открывало возможность приглашения серьезных ученых.

Много интересного и ценного внесла комиссия В. И. Вернадского в самый строй университетской жизни, но я сейчас уже недостаточно помню детали, чтобы останавливаться на этом.

Принцип «культурного параллелизма» — при особой все же поддержке украинской школы, украинских научных учреждений, что требовалось «юностью» самого украинского культурного движения, — намечал правильную линию взаимоотношения двух культур на Украине. Если бы жизнь складывалась дальше нормально, трудно сказать, какие взаимоотношения создались бы между двумя культурами. Но то, что целый ряд выдающихся лиц персонально работали и в русской, и в украинской высшей школе, намечало оригинальное и в то же время творческое и исторически очень ценное совмещение в отдельных личностях двух культурных «подданств». Это не очень улыбалось, конечно, страстным защитникам украинской «независимости», но такова была реальная действительность, от которой все равно никуда не уйти... Украина вообще жила в это время за счет русских сил, стремившихся укрыться здесь от большевистского ига. Если в свое время — начиная с середины XVIII в. — Петербург и Москва поглощали массу украинских сил (самым ярким примером, конечно, является Н. В. Гоголь — сын украинского писателя, ставший сам крупнейшим деятелем русской литературы), — то сейчас исторические условия складывались так, что Россия охотно и легко отдавала Украине своих сынов для того, чтобы она использовала их в нормальных условиях. Какие перспективы открывались этим для Украины! Продолжись период «свободной Украины» хотя бы десять лет, сотни и тысячи русских интеллигентов столько вложили бы своих сил на созидание украинской жизни, — конечно, имея в виду, что служа Украине они служат России. Быть может, с наибольшей яркостью это сказывалось на двух ведомствах, которым тяжело приходилось

при большевиках в России — на судебных деятелях и на русском офицерстве. М. П. Чубинский очень умно и тактично организовал украинский сенат, вводя туда с чистыми украинцами (типа Шелухина) и русских судебных деятелей, нашедших себе приют на Украине. Но особенно много русских офицеров (включая генералов) собиралось на Украине, где их охотно включали в списки офицерского состава, платили жалование, вообще бережно хранили. Для чего? Официальный мотив был тот, чтобы, пользуясь кадровым составом, готовить для будущей украинской армии надлежащих офицеров. Но неофициально — если только я правильно понимал тогда замечательного нашего военного министра ген. Рагозу — честного, порядочного и умного человека — неофициально это была система сберегания сил офицерства для будущей России. У самого Гетмана, еще в период первого министерства, мелькали иногда эти мотивы, которые он, разумеется, не подчеркивал.

Незабываемое впечатление оставило во мне то заседание Совета Министров, когда какой-то капитан бывшего русского флота — командир одного из кораблей, остававшихся в черноморских портах, — делал доклад о положении флота (Черноморского). Подробно, без излишнего пафоса, без нарочитого подчеркивания трагических событий, излагал этот моряк (фамилии его не помню — он явился в Киев делегатом от морских офицеров Черноморского флота) все испытания, через которые прошел флот в начале революции. Приход немцев в Крым, изгнание большевиков из Крыма дали свободу флоту, но оставили его без хозяина. И этот основной мотив в рассказе моряка, стремившегося, по поручению своих сослуживцев, помочь Черноморскому флоту найти хозяина в лице Украинской державы (чтобы не попасть в руки немцев!), звучал все время с такой силой у него, что в сознании с особой ясностью вставала мысль, что, строя украинское государство, мы строим Россию, что единственный способ — в данной исторической обстановке — сохранить для России все те богатства, которые находились в пределах Украины,

заклучался в том, чтобы строить пока крепкую и свободную украинскую государственность.

Но тут естественно возникает вопрос, о котором мне хочется сказать тут же несколько слов. Если оценивать всю ту деятельность, которую развивало украинское правительство (в первом министерстве Лизогуба), как сохранение для России всех ценностей, бывших на территории Украины, то не является ли это прямым и откровенным признанием в сознательном лицемерии и обмане? Ведь говорили мы все время об Украине — а, оказывается, берегли все ценности для России; строили «самостоятельную» украинскую державу с Гетманом во главе, а думали, оказывается, что строили Россию. Не правы ли те украинские журналисты, которые, как бы чуя это, упрекали нас в том, что мы не думаем об интересах Украины, — и те, которые шли дальше и прямо называли нас изменниками («зрадниками»)? Можно, конечно, пожать плечами в ответ на это и, пользуясь тем, что время освободило нас от принудительного украинского эвфемизма, признать, что дело стояло именно так. Но за себя — и, думаю, несколько других моих коллег — я должен на эти обвинения ответить иначе. Служение Украине и служение России не были для нас двумя задачами, а были — по существу, а не только на словах, одной задачей. Мы искренно служили свободной Украине, но мы слили ее в такой нерушимой связи с Россией, что, служа Украине, служили и России. Важнее еще было то, что мы своим честным и добросовестным служением Украине стремились спасти Украину для России. В этой формуле дан ключ ко всей той политической системе, которая создавалась нами. Мы исходили из глубокого сознания, что для Украины пришел ее исторический час, час ее творческого и свободного действия. Связь Украины с Россией необходима для России — но необходимо было, чтобы это познала и Украина для себя, чтобы Украина нашла в союзе с Россией все те условия свободного и творческого своего развития, в которых она нуждалась. Та система культурного параллелизма, которую насаждал у себя Василенко, та система автономии (не авто-

кефалии), которую честно и серьезно проводил я в своем министерстве, давая полный и творческий простор украинской культуре, вызвала к жизни и выдвигала на первый план все ценное и плодотворное, что могло быть в душе народной. Система государственного покровительства, не превращая украинскую культуру в «господствующую» (при таком порядке — раз есть «господствующие», есть и «господствуемые»), была необходима и была справедлива — ведь самостоятельные ростки украинского культурного движения столько лет подавлялись. Как хилый больной, когда он выходит из больницы, нуждается первое время в помощи со стороны окружающих, — прежде чем он достаточно окрепнет для того, чтобы двигаться вполне самостоятельно, — так и украинская культурная жизнь, естественно слабая и недостаточная в первые годы свободы, нуждалась в покровительстве и особом за ней уходе, чтобы окрепнуть и стать сильной и творческой. Такая система, какую мы оба проводили в своей деятельности, была проникнута истинной любовью к Украине, подлинным желанием создать условия ее культурного расцвета — чем, по-существу, разрешалась основная национальная проблема Украины — проблема свободного и плодотворного ее развития. Но система культурного параллелизма, давая простор украинской культуре, оставляла для русской культуры тоже полный простор, сохраняя все то, что было сделано до революции. Украинцы должны были стать достаточно сильными, чтобы не бояться влияния русской культуры, должны были приучиться к свободному сосуществованию двух культур. Конечно, часто слышались голоса в защиту того, чтобы просто уничтожить все русское на Украине, — но этот безумный план не мог бы быть осуществлен в настоящем (слишком глубоко проникла русская культура во всю украинскую жизнь), не мог бы быть серьезно проводим и в будущем (никакие барьеры не могли бы уничтожить реальность влияния соседней культуры). Система культурного параллелизма намечала путь для тех отношений, какие должны были сохраняться всегда между Украиной и Россией, определяла те формы, в которые

должны были выливаться многообразные связи двух культур. Только таким образом Украина могла бы быть внутренне спасена для России, не внешне удержана в системе российской государственности, но могла бы внутренне свободно стоять на почве нерушимой связи Украины и России.

Необходимо отдать себе отчет в том, что в глубине украинского сознания — насколько оно связывает себя с прошлым и живет им — всегда есть глубокая жажда своего пути, своей культурной дороги. Эта жажда, свидетельствующая не о романтизме «украинофилов», а о подлинных и действенных императивах души, идущих из глубины, есть реальная, а не надуманная, творческая, а не мечтательная сила. Но путь самостоятельности — причем культурная самостоятельность, конечно, никогда не может быть обеспечена без политической, — историей просто закрыт для Украины. Это есть непреложный исторический факт. Серьезных географических, экономических, церковных, культурных границ между Россией и Украиной нет, — и после того, как центр общерусской жизни из Киева переместился в Москву, для Украины осталась только доля меньшего брата («Малой» России), остался, как неизбежный и неотвратимый, путь семейного объединения со всей Россией. Из этого сознания и растет трагический узел в украинской душе: она сознает, что ей не дано, что ей историей отказано в полной свободе. Удивляться ли тому психологическому обороту, при котором сердитое бессилие — естественное вполне — переходит иногда в ненависть к России? Чувство это бесплодное и вредное, — но оно находит свое питание в том глубоком конфликте, который, как неразвязанный узел, остается в глубине души. Украина слишком богата духовно, чтобы не иметь своего пути, она не может совершенно потонуть в русской культуре. Но она слишком, с другой стороны, слаба, чтобы при наличных исторических условиях пробираться на путь действительной, а не номинальной самостоятельности. И Россия должна найти в себе достаточно великодушия, чтобы, будучи старшей и более сильной, блюдя и оберегая, во имя различных своих интересов, связь с Укра-

иной, не давить (не только внешне, но и внутренне — не давить!) на украинское сознание, не уничтожать его. Система культурного параллелизма должна быть принята и русскими не как уступка, не как жест великодушия, а просто как справедливое и разумное решение вопроса о русско-украинских отношениях. Из системы культурного параллелизма вытекает неизбежно и государственное двуязычие на Украине. Единство с Россией требует прав для русского языка, украинская культурная жизнь требует прав для украинского языка. Иного решения данного вопроса быть не может, иначе будет подавлена свобода для одной или другой стороны, а следовательно, будет неправда, которая рано или поздно приведет к дурным последствиям. Будет ли Украина федеративно связана с Россией, будет ли она иметь права автономии этот порядок культурного параллелизма и государственного двуязычия все равно должен остаться...

На этом я закончу свою общую характеристику жизни гетманской Украины. Те отдельные не записанные здесь страницы жизни, с которыми меня сближала работа в Правительстве, недостаточно интересны, чтобы о них говорить. Я вернусь теперь к прерванному рассказу о своей деятельности как Министра Исповеданий.

Глава IX

Мой отпуск.

Политические переговоры в Крыму.

Церковные дела в мое отсутствие.

«Пропавшие грамоты» м. Антония и его жалобы на меня. Основные разногласия с ним. Коренные вопросы церковно-государственных отношений в эту эпоху

В конце Августа я уехал в месячный отпуск (фактически пробыв в отпуску лишь три недели). Я уже упоминал, что крайняя переутомленность ставила меня перед необходимостью набраться сил, — так как меня ждала двойная работа: я не хотел бросать профессуры. Гетман признал справедливость моего желания и не противился моему отпуску. Я решил поехать в Крым — в частности в Алушту, которую знал раньше и очень любил. Лизогуб перед моим отъездом возложил на меня неожиданное поручение — начать переговоры с к. д., проживавшими в Крыму (там находились В. Д. Набоков, М. М. Винавер, В. А. Оболенский, Н. Н. Богданов, С. С. Крым). Задача переговоров была чисто политическая — подготовить почву среди русских к. д. к тому, чтобы они взяли в свои руки власть (при помощи немцев, конечно). Странное это было поручение! Глава украинского правительства просил меня, которого в последнее время считали представителем группы к. д. в Совете Министров, вести переговоры о политическом блоке с русскими к. д.

в Крыму... Это была измена украинскому режиму, проба нащупать почву для общероссийского политического объединения? Лизогуб не захотел раскрывать мне своих карт, очевидно не вполне доверяя мне, хотя его поручение имело совершенно доверительный, строго конфиденциальный характер. Я думал, что уже тогда речи Иг. Кистяковского, настаивавшего на чисто националистическом курсе, вообще игравшего на нотах крайнего украинства, заставляли Лизогуба насторожиться и подготавливать почву для чисто русского и даже общероссийского блока. Вероятно, Лизогуб что-нибудь знал о переговорах гр. Альвенслебена с Милюковым, возможно, что немцы сами ставили перед ним вопрос о возможности общерусского блока. Во всяком случае, всегда горячо отстаивая интересы украинской державности, Лизогуб не менее горячо стоял и за ту акцию, о которой я уже упоминал в связи с выделением «корпуса особого назначения», имевшего в виду движение на Москву для освобождения ее от большевиков. Тогдашнее Крымское правительство, во главе которого стоял татарин-генерал — по фамилии, кажется, Сулейман Сулькевич — не имело никакого веса. А вопрос о Крыме приобретал в чисто украинских перспективах очень серьезный и острый характер. Особенно после доклада русского морского офицера о состоянии русского флота, оставшегося «без хозяина», этот вопрос встал во всем объеме. С одной стороны, для украинских «державников» (типа Дорошенко) было очень заманчиво включить в состав Украины Крым, т. е. не иметь в Крыму никакого «правительства», а просто включить Крым, как особую губернию в состав Украины. Да если бы Украина уцелела как самостоятельное государство, она, конечно, неизбежно, в силу географических условий, просто поглотила бы в себя Крым. Поэтому с точки зрения сугубо украинской появление у власти в Крыму видных членов Ц. К. партии к. д. не только не было бы желательно, а наоборот — было бы двусмысленно и опасно. Вот отчего в поручении Лизогуба я чувствовал какую-то недоговорен-

ность — и толковал ее так, что Лизогуб, ища политического блока с крымскими к. д., помышлял не об интересах украинской государственности, а ориентировался на Россию. И то, что это поручение он возлагал на меня, кто всегда открыто и прямо высказывался в Совете Министров за ориентацию на Россию, получало тоже симптоматический характер. Правда, было что-то случайное в самом поручении — ведь Лизогуб просто хотел воспользоваться моим путешествием в Крым для политической разведки, а не посылал меня специально туда. Да, это верно, а в то же время это было слишком ответственное поручение: я ведь должен был подготовить почву для того, чтобы с помощью немцев в Крыму положением овладели общероссийские к. д. Любопытно отметить, что те к. д., с которыми я вел переговоры, позднее действительно стали у власти, — но только не при помощи немцев, а при помощи французов, когда те пришли в Крым... Во всяком случае, я взялся за поручение Лизогуба. Тут же расскажу, как я его выполнил.

Я уже упоминал, что до своего вступления в состав украинского правительства я не был членом партии к. д., а из членов Ц. К., кроме наших киевлян, знал лишь П. И. Новгородцева (и то по общности философских и религиозно-философских интересов). Но уже в Киеве в течение летних месяцев (когда я уже был министром) я узнал немало членов Ц. К-та, между прочим и В. Д. Набокова, который, направляясь в Крым, прожил недели две в Киеве у Григорович-Барского и принимал участие в тех совещаниях министров-кадетов у него, о которых я уже упоминал. Поэтому естественнее всего было для меня по приезду в Алушту предупредить Набокова, что я навещу его по важному делу. Первое свидание мое состоялось у Набокова, которому я откровенно и подробно рассказал о поручении Лизогуба; я говорил с Набоковым как член партии — ставя все точки над «і». После беседы мы пришли к соглашению, что Набоков соберет наиболее видных членов партии к. д., перед которыми я изложу то, что говорил ему, затем они обсудят по-

ложение и дадут мне тот или иной ответ. Через несколько дней я получил приглашение приехать в имение — кажется, В. А. Оболенского (а может быть, Н. Н. Богданова — точно сейчас не помню). Я застал человек 3; некоторых (напр. М. М. Винавера) я видел впервые — и, естественно, был сдержан. Я передал, как совершенно конфиденциальное, поручение, данное мне Лизогубом, и просил высказаться по существу. Для меня уже тогда было ясно (после беседы с Набоковым), что трудность заключалась в ориентации на немцев: Ц. К. партии к. д. дольше Ц. К. других партий, как известно, держался ориентации на «союзников», т. е. на французов и англичан. После моего небольшого слова начались прения. По существу, за союзническую ориентацию, за невозможность идти с немцами говорил один Винавер. Набоков, наоборот, очень решительно склонялся за ориентацию на немцев. С моих слов (а может быть, не только с моих слов) присутствовавшие знали о переговорах, которые в Киеве вел с немцами Милюков. Сдержанно, но решительно против этого говорил один лишь Винавер — опять он же — и так же решительно становился на сторону Милюкова Набоков. Другие члены совещания высказывались менее определенно. Прения затягивались и становились бесплодными, так как ясно становилось, что не все голоса были одинаковой силы. В частности, сопротивление Винавера было слишком сильно и ответственно, чтобы его игнорировать. Я почувствовал, что мне надо уйти, чтобы дать сговориться членам Ц. К.-та без меня; удаляясь, я просил дать мне какой-либо ответ. Фактически мне не было дано никакого категорического ответа; видимо, борьба между Набоковым и Винавером, при небольшом числе членов Ц. К., не могла авторитетно кончиться ни в одну сторону. После этого я виделся еще раз с Набоковым, из рассказа которого я и понял, что вопрос остался нерешенным благодаря существенному разногласию между ним и Винавером. Был у меня и Винавер — правда, по частному делу: он думал, что у меня есть свой специальный вагон — и хотел про-

ехать вместе со мной в Киев. Но, узнав, что вагона особого у меня нет, а есть лишь купе, в котором я охотно предостав- лял ему место, Винавер отказался. Мы с ним говорили до- вольно долго — и эта беседа оставила во мне большое впе- чатление. Все, знавшие М. М., всегда отмечали его большой ум — и беседа с ним на политические темы была чрезвычай- но интересна. Впрочем, он мне, как я чувствовал, не вполне доверял.

Мое политическое поручение кончилось вничью. Но для меня лично оно было не только интересно, но и по- лезно, дав мне возможность более четко формулировать свои взгляды на политические вопросы, стоявшие тогда на оче- реди. У меня уже тогда сложилось недоверие к «союзникам», т. е. к французам и англичанам. К немцам, еще недавним врагам, у меня, конечно, тоже не было никакого доверия — и это все вместе обнажало решительную и полную полити- ческую оставленность России, ее политическую изоляцию. У Винавера — как и у некоторых других политических дея- телей — еще не исчезла романтика политической дружбы, столь окрепшая за годы войны. Но эта «весна» уже безна- дежно прошла, у нас уже не было друзей и не было факти- чески никаких моральных обязательств. Нас все покину- ли — это ощущал я уже тогда с полной силой; нас все только хотят эксплуатировать — и это ощущал вполне. Вопрос о политической ориентации (на немцев или на францу- зов) должен был поэтому решительно снят с позиции обя- зательств или старых «дружб», а перенесен исключительно в плоскость русских «интересов». Я никогда не был защит- ником политики, основанной исключительно на «инте- ресах», но в данном случае, при полной политической оставленности России — другого критерия для выбора ори- ентации не было. К сожалению, все мои эти мысли оказа- лись верны и отвечали действительности. Когда, после за- ключения перемирия на Западном фронте, в Черном море появились французы, когда затем — несколько позднее — начались (кажется, в Яссах) переговоры между французами

и русскими политическими деятелями, то у меня не было никакого доверия к французам, я оставался решительным скептиком...

Крымский мой отпуск длился всего три недели. Я просил своего личного секретаря (Глеба С. Жекулина) приехать ко мне через две недели, чтобы поставить меня в курс того, что делалось в Киеве. В мое отсутствие Министерством управлял Товарищ Министра К. К. Миrowsкий, человек совершенно надежный и разумный. Главное, что мне хотелось сделать (провести по осени новые штаты для духовно-учебных заведений), было сделано, я мог быть спокойным. Но уже от Г. С. Жекулина я узнал, что митр. Антоний подал на меня большую жалобу Гетману, в которой, изложив все обиды (проведение Устава Духовной Академии помимо него, создание Ученого Комитета), утверждал, что никогда еще в истории русской Церкви не было такого гонения на Церковь, как «при министре Зеньковском». Это, конечно, было бы смешно, если бы не было грустно... Для меня было ясно, что против меня ведется интрига, — но я вовсе не дорожил своим положением Министра, чтобы слишком огорчаться. Я был уверен в том, что мои действия правильны, что иначе я, насколько понимаю интересы Церкви, действовать не мог и не могу... Пусть Гетман решает, как хочет...

Но Гетману в это время было не до церковных дел. Как раз в это время подготавливалась (и осуществилась) его поездка в Германию — неудачнейший и бестактнейший шаг. За месяц-полтора до разгрома немецкой армии (а тревожные признаки о ее положении накапливались уже с лета) визит к Вильгельму II был крайним и ненужным вызовом союзникам, с которыми обрывалась всякая возможность сговора в будущем. Еще до своего приезда в Крым я не раз развивал в Совете Министров ту мысль, что нам надо очень бояться односторонней ориентации на Германию, что как бы ни сложились политические отношения в Европе после окончания войны, что нам, в интересах

Украины, совершенно невозможно ориентироваться только на немцев. Не знаю, кому принадлежала эта гениальная идея визита Гетмана в Германию — самим ли немцам или какому-нибудь досужему политику ранга Дорошенко или Эйхельмана, только непоправимое совершилось: Гетман поехал в Германию. Когда я об этом узнал, на меня это подействовало как удар по голове. Я чувствовал не только огромное раздражение, но и глубокое разочарование, сознавая бесплодность и безидейность всей общей политической работы при таких условиях, — чувствовал, что долго не смогу разделять ответственности, лежавшей на всем Правительстве. В дни своего отпуска я не раз размышлял на темы всего того, что пришлось мне лично делать в качестве Министра Исповеданий, — и ни одно сомнение не отвращало и не смущало меня. Но ведь я был не только Министром Исповеданий, но был и ответственным членом Правительства.

По приезде в Киев меня ждал целый ряд сюрпризов. Я знал раньше только о том, что митр. Антоний подал на меня жалобу Гетману, но о реакции Гетмана ничего не знал. Помню отчетливо, что я приехал в Киев в субботу утром. Умывшись и закусив дома, я к 10 ч. был уже в Министерстве, — где имел большой разговор с К. К. Мировичем. Он мне рассказал подробно о заседаниях Совета Министров, в которых он участвовал, заменяя меня, рассказал о мелких делах, накопившихся за три недели моего отсутствия и под конец показал мне две бумаги митр. Антония, направленные в Министерство. Обе бумаги (особенно одна) были составлены в крайне вызывающем тоне, содержали в себе грубые и недопустимые выражения. Мирович не знал без меня, как поступить — оставить без всякой реакции эти грубости митр. Антония было совершенно невозможно... Выслушав Мировича, я сказал ему, что обдумаю к понедельнику, как нам реагировать, что конечно я не смогу оставить без ответа эти грубости и поставлю перед митр. Антонием категорическое требование взять назад свои бумаги и принести из-

винения... Для меня было ясно, что митрополит Антоний вступил в открытую борьбу со мной, что ни о каком мирном соглашении после всего происшедшего (жалобы Гетману, дерзких и вызывающих бумаг в Министерство) не могло быть и речи. От борьбы я не уклонялся и хотел только действовать возможно спокойнее и осторожнее...

Мирович предупредил меня, что заседание Совета Министров назначено на 5 ч. веч<ера>, — и я, немного отдохнув, поехал к назначенному часу, чтобы повидаться со всеми, поговорить с Лизогубом. Гетман к этому времени еще не вернулся из Германии, дел было мало, — и я скоро после заседания вернулся домой, чтобы рано лечь спать и отдохнуть после долгой и утомительной дороги. В понедельник утром, достаточно обдумав положение и приняв решение «поднять перчатку», я приехал в Министерство и сейчас же позвал к себе К. К. Мировича, чтобы обменяться с ним своими мыслями и более тщательно изучить бумаги м. Антония. Мирович, войдя в кабинет, первым делом спросил меня: «В. В., Вы взяли с собой в субботу бумаги от м. Антония?» — «Нет, я их не брал с собой; помните, я отдал их Вам и условился, что в понедельник мы их изучим вместе». — «Да, я это помню, но представьте себе, сегодня утром, когда я пришел, в папке бумаг, куда я положил и письма м. Антония, я их, к величайшему своему удивлению, не нашел. Я тщательно обыскал весь свой стол, все оказалось на месте — кроме двух бумаг от м. Антония. Тогда пришло мне в голову — не взяли ли случайно их Вы с собой». — «Если бы я их взял, — ответил я ему, — они должны быть в сохранности у меня, так как все свои бумаги я оставляю у себя на столе; стол у меня т. наз. «американский», который запирается автоматически, когда верхняя крышка его спускается вниз. Но я так отчетливо помню, что никаких бумаг в субботу я не брал, что считаю совершенно исключенной их наличность у меня дома. Во всяком случае, я Вам дам знать — сегодня к 3 ч. я вернусь домой и выясню. Но неужели они могли бы пропасть? Неужели кто-нибудь

мог их выкрасть» — «Как ни невероятно такое предположение, но приходится допустить, что кто-то украл. Я даже допускаю, — прибавил К. К., — что со стороны митр. Антония был кто-либо подослан, чтобы забрать эти бумаги: уж очень они были неприличны, очень компрометировали его».

Дома, когда я вернулся из Министерства, я тщательно обыскал у себя все и тоже бумаг не нашел... Приходилось сделать заключение, что кто-то, кому было неудобно, чтобы эти бумаги оставались у нас, постарался их выкрасть. У нас с К. К. Мировичем сложилось убеждение, что виновников кражи надо искать в окружении м. Антония; те, кто безрассудно толкал его на нелепые и дерзкие выходки в мое отсутствие, когда я вернулся — испугались и решили выкрасть бумаги. Но было очевидно, что кто-то в Министерстве, хорошо знающий, где что хранится, находился в тайной связи с окружением м. Антония и мог произвести всю эту операцию... Естественно было — раз приверженцы м. Антония сами забрали — хотя бы и путем кражи — свои бумаги, [что] было бы очень трудно подымать дело по поводу «пропавших грамот». Я решил предать все это дело забвению — только противно мне стало после этого встречаться с м. Антонием — я решил избегать встреч, а в нужных случаях просить вместо себя К. К. Мировича. Но дело все вообще шло к развязке... *A la longe* я считал бы такой порядок, что Министр Исповеданий не желает встречаться с первосвятителем Украинской Церкви, — недопустимым. Но я знал — из ряда других обстоятельств — что я долго не останусь на министерском посту, — и мной овладело решительное равнодушие к тому, что думает или чего не думает обо мне митр. Антоний. Через несколько дней после моего возвращения из Крыма приехал Гетман из Германии, и в первое же свидание мое с ним он мне сказал, что м. Антоний подал возмутительную жалобу против меня, привел мне те несколько фраз о «неслыханных гонениях на Церковь», о которых я писал выше. На мою просьбу дать мне прочитать этот документ, чтобы ответить на те обвинения, которые в нем со-

держатся, Гетман сказал, что отвечать на все эти глупые и явно преувеличенные обвинения не нужно, ибо он не мог придать им никакого значения, а документ столь невыносим по тону, что он не хочет давать мне читать его... Тогда я рассказал Гетману о «пропавших грамотах» — о двух посланиях м. Антония и об их резком и недопустимом содержании, о принятом мной решении не отвечать ничего на эти документы — в виду того, что кто-то, связанный с окружением митр. Антония, выкрал документы. Гетман (как и Лизогуб, которому я тоже рассказал весь этот эпизод) вполне одобрил мое решение и прибавил, что ему очень трудно понять м. Антония. С одной стороны, он всегда очень лъстив, ласков, любезен, с другой стороны, — так явно выступают в нем черты интригана, что становится противно... Несколько позже, из комментариев Лизогуба я понял, что имел в виду Гетман в своих последних словах. Дней через 10, когда уже совершенно обозначился план Игоря Кистяковского о переходе к новому «национальному» министерству (с привлечением в состав Правительства членов партии социалистов-федералистов), Лизогуб неожиданно заговорил об этом со мной, осведомил меня о готовящейся перемене и стал просить меня войти в состав нового Правительства. При этом он мне сказал, что он совершенно одобряет всю мою «политику», мой образ действий в отношении к митр. Антонию и очень хотел бы, чтобы я дальше руководил Министерством Исповеданий. «Есть только одно препятствие, — добавил он, — м. Антоний успел наговорить против Вас немцам, жаловался им в тонах той жалобы, которую он подал на Вас Гетману. Вам необходимо было бы повидаться с ген. Гренером, чтобы рассеять все эти недоразумения, сгладить то неприятное впечатление, которое в них вызвал м. Антоний своими речами против Вас». Я вспыхнул от возмущения. «Неужели Вы серьезно предлагаете мне это, Федор Андреевич, — сказал я, — разве я нуждаюсь в том, чтобы оставаться Министром? Я вообще хотел бы оставить свой пост, который создает столько

трудностей для меня, но я еще понимаю, — если бы Вы просили меня войти в новое Правительство, я мог бы еще пересмотреть этот вопрос. Но идти к немцам и их убеждать в том, что я вовсе не враг Церкви, убеждать их, что я думаю о благе Церкви, а не о разрушении ее, — для того, чтобы остаться в Правительстве, — это я считаю абсолютно неприемлемым. Говорите сами, если находите нужным, я же ни за что не пойду убеждать немцев в своей церковной благонадежности, чтобы таким образом сохранить пост Министра». Лизогуб был очень огорчен моим решением, вновь сказал мне, что очень хотел бы меня видеть в составе нового Правительства, что он со своей стороны сделает все, что может, но думает, что без моего визита к немцам на благоприятный «исход» трудно надеяться...

Конечно, для меня не было тайной, что Лизогуб сам не составлял министерства, что он вообще никакого влияния на его состав не имел, что ключ к положению находился у немцев и у Кистяковского, который как раз с немцами и задумал всю перемену. Кистяковский не очень дорожил мной — ему было известно сопротивление мое и моих друзей по к. д. вступлению его в управление Мин<истер>ством Внутр<енних> Дел, в заседаниях Совета Министров мы постоянно имели с ним стычки, нередко очень серьезного характера. Но за меня стояли украинцы, которые видели, что я искренно и подлинно хочу помочь наладить церковную жизнь на Украине — и хотя они не были довольны «излишней» и «чрезмерной» моей корректностью в отношении к епископам, но все же дорожили мной. Кистяковский им не возражал, но когда я отказался идти к немцам, чтобы «расположить» их в свою сторону, он, конечно, никакого шага сам не сделал.

Из рассказа Лизогуба для меня ясно было, что митр. Антоний принимал все меры к тому, чтобы удалить меня с поста Министра Исповеданий (фактически он добился того, что меня сменил Лотоцкий, который ввел автокефалию Украинск<ой> Церкви!). О его мнении обо мне в это вре-

меня впоследствии узнал от о. С. Булгакова, с которым меня связала давняя дружба. В начале 1918 г. Булгаков принял сан священника и осенью выехал из Москвы, чтобы провести некоторое время в Крыму, в имении своей свекрови. Он пробыл целый месяц в Киеве, мы с ним виделись почти каждый день — и, естественно, постоянно беседовали на церковные темы (о. С. Булгаков состоял в Высшем Церковном Совете при патриархе Тихоне). Когда Булгаков ознакомился в подробностях с историей моих отношений к м. Антонию, со всеми моими действиями в качестве Министра Исповеданий, он пришел в ужас от тех «недоразумений», которые выяснились тут для него. Его мысль стала работать в том направлении, чтобы содействовать сближению моему и м. Антония. По-существу, это было уже ни к чему, так как приближались последние дни моего пребывания на посту Министра Исповеданий, но я не противился замыслу о. Булгакова. Но первая же попытка его говорить с м. Антонием была настолько неудачна, сопровождалась такими грубостями и даже оскорблениями по адресу самого Булгакова, что ему пришлось не только отказаться от роли «миротворца», но и самому прекратить свой визит м. Антонию. Из рассказа Булгакова (хотя он не захотел рассказывать мне все, что у него произошло с м. Антонием) я узнал, что м. Антоний глубоко уверен, что я подкуплен униатами, что вся моя деятельность имеет своей целью всячески содействовать разложению и разрушению Православия. Когда Булгаков стал защищать меня, м. Антоний грубо сказал: «Может быть и Вам заплатили? Сколько?»

В свете этого становится все понятно в отношении ко мне м. Антония с середины Августа м<есяца>...

Хотя дело шло уже к уходу моему, но в течение месяца своей последней работы в Министерстве Исповеданий я по-прежнему трудился над тем, что было задумано еще летом. К Ноябрьской сессии Украинского Собора (которую я уже не знал, — с ней имел дело мой преемник Лотоцкий — крайний националист, насильственно, против

воли Собора проведший «автокефалию» Украинской Церкви...) мы деятельно готовились — конечно в тонах той церковной автономии, которую я все время защищал. Самым трудным и основным вопросом оставался вопрос об отношении Церкви и государства. С одной стороны, Церковь нуждалась в свободе, в развитии в ней соборного управления; с другой стороны, — для меня было совершенно невозможно стать на точку зрения «отделения Церкви от государства» — столь понятную в границах европейских государств (в их отношении к католицизму). Православное сознание противится и слиянию Церкви с государством, которое превращает Церковь в «ведомство», — но так же противится и разъединению Церкви и государства. Формула о «свободной Церкви в свободном государстве», если только она практически не означает отделения Церкви от государства, должна быть проведена в конкретных формах, чтобы стать живой и творческой формулой. В следующих пунктах соотношение Церкви и государства получает конкретный характер: 1) финансовая поддержка Церкви и ее учреждений (особенно школ), 2) вопрос об участии Правительства в управлении Церковью (т. е. при выборах епископов, при установлении принципов управления — нужна ли «рецепция» государством или достаточно односторонних актов со стороны Церкви, что превращает Церковь, с государственной точки зрения, в частный институт, не могущий иметь «публичных» прав, 3) вопрос о государственном (гражданском) значении церковных актов (браки, разводы, записи о рождении). Сюда естественно примыкает вопрос о форме связи Церкви с государством — достаточно ли иметь один центральный Орган, поручая местные функции органам Министерства Внутр. Дел (в старой России «Департамент Инославных Исповеданий» входил в состав Минист. Внутр. Дел, чиновники которого и действовали на местах, как местные органы «Департамента Инославных Исповеданий»). Православная Церковь управлялась Синодом, в котором от Правительства былOber-

Прокурор, местными органами которого являлись Секретари Консисторий).

При том новом положении, которое для всей России было связано с падением царской власти, с уничтожением обер-прокуратуры, с созданием Министерства Исповеданий, с созывом Церковного Собора и, наконец, избранием патриарха, при этом новом положении в России вопрос о конкретном отношении власти светской и Церкви не вставал только потому, что власть находилась в руках большевиков. Они тогда еще не вступили на путь преследований и гонений, но декрет об отделении Церкви от государства, о приравнении Православной Церкви к частному обществу уже был издан. На Украине во всех областях гетманское правительство «восстанавливало» нормальный порядок, — конечно, не в буквальном смысле «реставрации», которой не могло быть просто потому, что дело шло о небольшой части России, становившейся пока на путь самостоятельной державы. И вопрос об отношении Церкви и государства должен был быть решен на Церковном Соборе, но не односторонними актами Собора, конечно, а вместе с государством, ибо дело шло об отношении двух сторон, — и обе стороны! должны были найти общее, взаимоприемлемое решение.

Замечу тут кстати, что у церковных писателей и мыслителей, даже в наши дни, часто есть сознательное или бессознательное упрощение вопроса об отношении Церкви и государства. Я имею в виду ту постановку вопроса, при которой Церковь берется как мистический организм, хотя и имеющий эмпирическое свое выявление, но, по-существу, как тело Христово, живущий независимо от эмпирических (исторических) условий. Надо прямо и категорически подчеркнуть, что при обсуждении вопроса об отношении Церкви и государства Церковь имеется в виду исключительно как историческое учреждение. Конечно, для понимания жизни, внутренних законов Церкви необходимо непременно считаться с понятием Церкви в ее пол-

ноте, т. е. считаться с учением о Церкви как мистическом организме, но государство может иметь реальные и конкретные отношения к Церкви лишь в ее исторической стороне; вмешательство в внутреннюю и сокровенную жизнь Церкви недопустимо для государства. Если византийские цари вмешивались в соборы и имели такое громадное влияние в внутренней жизни Церкви, то смысл этого, конечно, «исторического», т. е. преходящего в чисто эмпирическом плане вмешательства в внутреннюю жизнь Церкви может быть правильно истолкован лишь в церковной (византийской) концепции царя как «внешнего епископа», имеющего свой, так сказать, «чин» церковный. Царь мог и вмешиваться, но государство, как юридический институт, никоим образом не может вмешиваться в сокровенную жизнь Церкви, не искажая своей природы, не насилуя Церкви.

Но сложности и трудности в вопросе об отношении Церкви и государства, взятом для обеих сторон в чисто эмпирическом плане, все равно остаются велики, и правильное (для обеих сторон) их разрешение все равно нелегко. В тот последний месяц своей работы в качестве Министра Исповеданий я и считал необходимым возможно полную подготовку к ноябрьской сессии Украинского Церковного Собора. Конечно, мой уход, решительное изменение моим преемником Лотоцким основной линии, принятой мной, — совершенно запутали положение, свели ни к чему всю проделанную работу. Однако я утверждаю, что основные линии, намечавшиеся тогда в Министерстве Исповеданий, — остаются по существу верными доныне, т. е. являются приложимыми к русской жизни при всех условиях, в которых жизнь получит свободное и нормальное развитие. Не тот курс, который наметил А. В. Карташев, усвоивший позицию «пассивного покровительства» Церкви, считаю я правильным, а именно тот, который был намечен мной. Раскрыть в самых общих чертах основные свои мысли я считаю уместным на страницах этих мемуаров.

Конечно, прежде всего бесспорно, что государство должно давать церковной организации необходимую материальную поддержку. Уж если в Бельгии, при отделении Церкви от государства, Церкви (католическая, протестантская) получают (пропорционально количеству населения, примыкающего к одному или другому исповеданию) финансовую поддержку, то уж тем более в стране с преобладающим православным населением должен быть удержан этот порядок, должны ассигноваться необходимые кредиты, поступающие в высшее церковное управление для обслуживания нужд Церкви (жалование духовенства, иногда помощь храмам, содержание духовных учебных заведений — низших, средних, высших). Конечно, государство, ассигнуя средства, не может их давать «вслепую», т. е. совершенно не зная, куда эти средства идут; оно должно иметь перед собой смету, составленную высшим церковным управлением и проходящую через заключение Министра Исповеданий, — и вполне естественно, что государство захочет сообразоваться с реальными нуждами Церкви. Не буду доказывать положения о необходимости для государства ассигновать средства не в общей цифре, а соответственно реальным нуждам Церкви, выраженным в смете, — это мне кажется бесспорным. Церковь, конечно, может и должна иметь свои собственные источники доходов (от имущества, пожертвований, тех или иных церковных предприятий — свечных заводов, типографий и т. д.), и эти доходы должны быть показаны в смете. Я не мог бы назвать помощь Церкви делом «покровительства» Церкви со стороны государства; ведь средства государства слагаются из поступлений его граждан в виде разных налогов. Религиозная жизнь населения имеет такое же «право» на использование государственных средств, как культурная, здравоохранительная и т. п. Финансовая помощь Церкви есть прямой долг государства, которое собирает средства от населения, чтобы тратить их на его же нужды.

Таким образом, вопрос о финансовой поддержке Церкви со стороны государства не связан совершенно с труд-

ной проблемой отношения Церкви и государства: какую бы форму ни приняли эти отношения, эта финансовая поддержка все равно необходима и справедлива. Подлинная проблематика вопроса об отношении Церкви и государства встает лишь при 2-м) и 3-м) пункте из указанной выше программы. Чтобы не затягивать своего изложения, а вместе с тем высказать те основные мысли, которые я хотел положить в основу переговоров от имени Правительства с Церковным Собором, начну с 3-го пункта, как более простого и легкого.

Я исходил в своих предположениях о гражданском смысле церковных частных актов (церковного брака, записей о рождении) из сознания назревшей необходимости различать и разделять гражданскую и церковную сторону в этих актах, чтобы прежде всего 1) освободить Церковь от совершения ряда чисто гражданских функций и 2) открыть перед Церковью возможность возвращения ее верующих к более глубокому отношению к церковным актам. Скажу прежде всего о браке. Для государства должен быть совершенно достаточным чисто гражданский брак, сила которого, перед лицом государства, нисколько не должна становиться меньше оттого, что не был совершен церковный брак. С другой стороны, мне казалось совершенно бессмысленным и ненужным «гражданское бракосочетание», раз уже был совершен церковный брак. Лица, приносящие удостоверение о том, что они вступили в церковный брак, должны быть признаны состоящими уже в браке, о чем им должен быть выдан необходимый гражданский документ. Иначе говоря, перед лицом суда состояние в браке все же должно удостоверяться документами, выдаваемыми гражданскими властями, т. е. церковные документы сами по себе не должны иметь гражданской силы, но их совершенно однако достаточно, чтобы без гражданского бракосочетания было выдано гражданским учреждением свидетельство о пребывании в браке. К существующему в 3-й Западной Европе порядку вносилась та реформа, что гражданский акт не требо-

вал никакого дублирования «венчания», равным образом не должно было быть обязательным (как напр. это имеет место во Франции) заключения гражданского брака до совершения церковного брака. Для государства важно лишь одно — а именно то, чтобы заключение брака имело место в серьезной и компетентной обстановке. Для тех, кто не хочет вступать в церковный брак, необходимо, конечно, «гражданское бракосочетание» — и оно совершенно достаточно, чтобы обеспечить за вступившими в брак и их детьми все те права, какие им усвоены по существующему законодательству. С другой стороны, те, кто перед Церковью освятили свое вступление в брак церковным венчанием, должны быть и государством признанными состоящими в браке и не должны его дублировать. Полное уважение со стороны государства к церковному браку делает ненужным это второе, «гражданское» бракосочетание. При таком порядке государство относится с полным уважением к церковному браку и вместе с тем не считает его обязательным для гражданской силы брака (как это было в России до революции).

В моих предположениях, конечно, не было никакой «революции», никакого умаления прав и значения Церкви; наоборот, я считал и считаю, что прежний порядок, при котором признавался законным лишь церковный брак, насиловал совесть населения, насиловал Церковь, которая должна была совершать таинство брака над людьми, заведомо отошедшими от Церкви или даже враждебными ей.

Тот же порядок должен был получить место и для записи о рождении. Для государства совершенно необходимо вести эти записи, имеющие исключительное значение для тех гражданских действий каждого человека. Эти записи должны иметь место, конечно, в чисто гражданских учреждениях (полиции) — и в этих записях могут и должны потом вноситься записи о крещении или вообще включении ребенка в какую-либо религиозную общину — но конечно совершенно мыслимо и для государства не ставит никаких трудностей положение, при котором родители оставляют

дитя некрещеным или не записанным в церковную общину. Ничто так не важно в наше время для здоровой церковной жизни, как то, чтобы совершение или несвершение основных церковных актов (крещение, вступление в брак, участие в таинствах) было бы совершенно предоставлено свободе человека и не было связано с какими-нибудь формальными ограничениями или удобствами. Ничто так не повредило в истории делу Церкви, как то, что участие в ее жизни через совершение тех или иных церковных актов было необходимо для получения всех тех гражданских прав, которые без этого не могли быть реализованы...

Сказанным, как мне кажется, достаточно уже намечается основная перспектива в разрешении дальнейших, конечно, более трудных вопросов о связи Церкви с государством. Церковь должна перестать быть органом государства в регистрации гражданских актов состояния, но государство должно вместе с тем усваивать полную гражданскую силу церковным актам и составлять соответственные гражданские акты без их дублирования в своем «стиле»... Ясно также и то, что вопрос о разводах принимал новый характер. Лица, вступившие в церковный брак при условиях, только что описанных, должны были бы получить церковный же развод — за исключением случая заявления ими о выходе из церковной общины. Без этого заявления гражданский развод не мог бы расторгнуть брака — иначе получалось бы не просто неуважение к церковным законам, но недопустимое их трактование как пустых и бессодержательных. Ведь государство при таком порядке не обязует всех, записанных в церковные общины, непременно вступать в церковный брак! Но раз они в него вступили, он может быть расторгнут только той инстанцией, которая его заключила. В случае же выхода из церковной общины, церковная юрисдикция, конечно, теряла бы свое значение — и тогда мог бы быть достаточным гражданский развод. Конечно, могли бы сказать на это, что кое-кто ради облегчения развода объявил бы себя вышедшим из церковной общины — и это мог-

ло бы быть соблазнительным. Но неужели Церковь могла бы серьезно желать, чтобы те, кто ради обеспечения развода готов отречься от Церкви, оставались бы в ней *a tout prix*? Не думаю.

Но тут может быть поставлен совсем другой вопрос. Как бы ни оценивать ту систему, которую я предполагал к введению, но отвечала ли бы она уровню церковного сознания, общества, народа, могла бы она встретить поддержку со стороны высшего и низшего духовенства? Что касается церковного сознания общества, то думаю, что, за исключением небольшой группы традиционалистов *quand meme*, предлагаемый мной порядок, проникнутый истинным уважением к Церкви и вместе с тем освобождающий ее от навязанных ей историей чисто гражданских функций (всю тяжесть, всю неправду которых при прежней постановке дела испытывали столь многие!) мог бы рассчитывать на полное и искреннее сочувствие. А вот что касается духовенства — и особенно епископата, то я хорошо сознавал, что одобрения мой проект не встретит, что предстояла бы длительная, быть может, борьба. Я готов был идти на компромисс как переходную ступень к проведению в полноте основного замысла, — настолько мне казалась неизбежной реакция со стороны духовенства. Сломить его сопротивление чисто внешне — значило оказать медвежью услугу тому самому делу, которое я замыслил. Уж очень срослось у многих их церковное сознание с теми формами, которые исторически были связаны с ним.

Перехожу к самому трудному — второму пункту намеченной программы. После революции в нашем духовенстве (особенно епископате), а отчасти и у мирян появилась странная реакция против прежнего подчинения Церкви государству, выражавшаяся в странном «церковном анархизме», в отрицании за государством всякого права на вмешательство в церковную жизнь. Если раньше Церковь не имела никакой свободы, то теперь хотели такой свободы для Церкви, которая практически является или отрицанием и тушением государством,

или просто недостойной бравадой. Государство имеет свою религиозную ответственность, свою религиозную функцию, которая, конечно, не может никогда противопоставлять себя Церкви как мистическому организму, но которая неизбежно стоит выше Церкви как исторического установления — по той простой причине, что государственная власть определяет и регулирует те самые внешние формы жизни, которым неизбежно подчиняется Церковь. Так, если государство терпит политический, экономический или иной крах, этот крах неизбежно затрагивает Церковь как внешнее установление. Церковь в этом своем внешнем бытии включена в исторический поток, регуляцией которого как раз и занята государственная власть.

Нужно ли доказывать, что государству не может не принадлежать право контроля над составом клира? Что государство вправе отводить от занятий епископских или иных должностей тех лиц, которых она считает враждебными или опасными для себя? Церковь вправе выбирать своих епископов, но государство вправе отказываться иметь дело с теми епископами, с которыми оно по каким-либо основаниям не хочет иметь дела. Если бы епископы не были «князьями Церкви», не управляли бы церковным имуществом, не имели бы права церковного суда и т. д., то, конечно, государство гораздо меньше входило бы в то, что блюдет церковную жизнь. Но епископы всюду и везде были и останутся «князьями Церкви». Я считал и считаю, что моя политика, напр., в отношении к митр. Антонию — до его «узаконения» в киевской кафедре на церковном соборе — была совершенно правильной. Эту же точку зрения я считал нужным проводить и дальше. Не странно ли, что я, став Министром, стал «ограничительно» толковать тот сам[ый] принцип свободы Церкви, который раньше так горячо защищал? Не было ли здесь естественного «гипноза власти», известного хмеля, который опьянял мое сознание и искажал передо мной перспективу? Не думаю; мои взгляды сложились в окончательную формулировку, конечно, только

тогда, когда я стал у власти, — но мне кажется это совершенно естественным. Я реально и глубоко чувствовал свою церковную и свою государственную ответственность — и этим по-новому осветились для меня многие вопросы.

Из всего моего плана естественно вытекало то, что я решительно сочувствовал тому, чтобы епископские советы или епархиальные управления были бы свободны от всякого государственного контроля, т. е. чтобы прежние секретари консисторий, подчинявшиеся непосредственно обер-прокурору и бывшие проводниками его власти на местах, были бы с корнем уничтожены. Да, я сочувствовал этому, — но лишь при условии, если будет введена вся набросанная выше система; но сохранить за епархиальными управлениями и духовенством вообще те гражданские функции, какие они выполняли раньше, т. е. не произведя описанной выше реформы в самом законодательстве относительно брака, относительно актов гражданского состояния — как можно было оставить епархиальные советы без чиновника Правительства? Система церковной местной «автономии», т. е. свободы от правительственного контроля, правильна, но лишь при условии, что эти епархиальные советы не несут никаких гражданских функций. В этом и было упомянутое уже выше мое разногласие с митр. Антонием, который хотел совершенно явочным порядком, т. е. односторонним актом со стороны церковной власти ввести тот порядок конкретных отношений епархиальных учреждений и местной государственной власти, который вполне правильно намечался Всероссийским Церковным Собором при советском режиме, т. е. при отделении Церкви от государства. И я стоял за ту реформу, которая была намечена Всероссийским Церковным Собором, но в условиях той дружественной связи между Церковью и государством, которая вытекала из всего замысла режима, возникшего при «гетманщине», — нужно было совместно Церкви и государству внести новые начала и жизнь, продумав их до конца.

Конечно, готовясь к Собору и оформляя с помощью сотрудников те планы и предположения, которые только что мной были изложены, я хорошо чувствовал, что вся эта работа была ни к чему — я знал, что приходит конец моему пребыванию у власти. Я еще не знал только, кто меня сменит; если бы я предчувствовал, что моим преемником станет крайний «самостийник» и «автокефалист», озлобленный и резкий А. И. Лотоцкий, не знаю, может быть, я пошел бы на какие-нибудь компромиссы, чтобы остаться у власти и предохранить Церковь от тех жестоких и пагубных испытаний, каким она подверглась при Лотоцком. Но я не знал, кто меня сменит, — и добросовестно работал, чтобы оставить своему преемнику подготовленные материалы к Собору. Я следил все время за работой Ученого Комитета, которая развивалась очень успешно, радуя меня тем, что я вызвал к жизни это учреждение и отдал его под руководство проф. П. П. Кудрявцева. До прихода большевиков, т. е. еще два месяца после падения гетманской власти, Ученый Комитет работал очень напряженно, — а затем все было закрыто, разбито, — и от Ученого Комитета ничего на осталось: вся его работа погибла... В других отделах Министерства шла своя текущая работа, тоже имевшая в виду представить ряд проектов к Церковному Собору. Но уже приближался конец моего пребывания на посту Министра Исповеданий, вопрос шел только о том, когда весь состав Министерства подаст в отставку. Это случилось 19 Октября 1918 г.

Глава X

Отставка. Последний день
в Министерстве. Несколько
характеристик. Последние дни
гетманщины, ее отзвуки в моей
дальнейшей судьбе. Образование
«группы федералистов»

Лизогуб медлил с нашей общей отставкой потому, что им не было закончено — вместе с Иг. Кистяковским — формирование нового Совета Министров. Все мы знали о том, что нам должно уйти, и просто выполняли текущие дела; даже заседания Совета Министров проходили скучно и вяло — все торопились закончить проведение тех или иных существенных проектов. Наша группа (от которой за последние месяцы достаточно ясно отделился вправо А. К. Ржепецкий) собиралась несколько раз, чтобы обсудить создавшееся положение и обменяться мыслями. Наконец 18-го вечером Лизогуб предупредил нас о том, что на другой день состоится последнее заседание Совета Министров данного состава, и назначил на другой день это заседание в необычное время — днем. На заседании присутствовал Гетман. Лизогуб сказал небольшую речь «от имени всех», указав на то, что, выполняя в течение 5½ м<есяца> ответственные задачи по устройению жизни на Украине, «мы ныне сознаем, что обстоятельства требуют обновления власти, что мы хорошо сознаем, что успели мало сделать из «сего

того, что намечалось нами, но что мы уходим с сознанием того, что сделали все, что в данных условиях было возможно сделать», — а затем он обратился к Гетману с прощальным словом от имени уходящего состава Правительства. Гетман ответил Лизогубу коротко, но сердечно, благодарил всех за исключительно ценное сотрудничество по воссозданию нормальной жизни на Украине, выразил сожаление, что обстоятельства требуют серьезных перемен в составе правительства. С каждым из нас лично он простился — и мы все с смешанным чувством веселия — от свободы, которую мы вновь обретали, — и некоторой горечи, что работа наша прервалась, не будучи доведенной до конца, простились друг с другом. Вечером был опубликован новый состав Правительства, — откуда я узнал о том, что моим преемником назначен А. И. Лотоцкий. Утром на другой день, очень рано, я, сговорившись накануне с К. К. Мировичем, приехал, чтобы проститься с составом Министерства. Все были в сборе. В небольшом (сравнительно) зале Министерства собрались старшие и младшие чины Министерства, — и я как-то особенно сильно почувствовал, что в эти месяцы напряженной (в разных смыслах) работы я сроднился со многими из моих сотрудников. Но речь свою я посвятил не выражению своих чувств это было, конечно, неуместно, а настойчивому приглашению всех работать со всей силой для разрешения тех задач, перед которым стояло наше Министерство. Я указал на то, что общий уход Правительства вызван общими же политическими причинами и является «вынужденным», но что все, кто может, должны оставаться на своих местах, благодарил всех своих сотрудников за работу и просил их сохранить добрую память о нашей совместной деятельности. Прощальные речи, которые мне говорили, меня очень тронули — я чувствовал, что моим сотрудникам грустно со мной расставаться; особенно запомнилась мне речь руководителя отдела средней школы А. И. Максакова, который особенно сердечно благодарил за мужество, с которым я провел реформу средней духовной школы... Становилось уже тяже-

ло от скопившихся в душе чувств — распускаться было невозможно и нелепо. Наконец, этот неизбежный, но тяжелый момент прощания кончился, последний раз на казенном автомобиле я уехал домой — неожиданный, но творческий, тяжелый, но и полный ценного опыта период пребывания моего «у власти» кончился. Я передал все дела К. К. Мировичу, а с своим преемником, — который впрочем не нашел нужным сделать мне даже визит, — я так и не виделся. Я вернулся к своей профессорской работе, к своей «частной» жизни — и постепенно стал отвыкать от суетливой и напряженной жизни в месяцы пребывания у власти. Время от времени те или иные мелочи возвращали меня к делам Министерства — то отыскался след упомянутых выше «пропавших грамот» м. Антония (их, оказалось, выкрал и затем стремился на них нажиться некий о. И. Кречетович, талантливый, но уже с навыками проходимца человек, которого я пожалел, дав ему место в Министерстве, — он по-видимому рассчитывал выгодно продать эти документы. Сведение это, доставленное мне одним из сослуживцев по Министерству, не могу однако считать совершенно достоверным), то являлись ко мне бывшие сослуживцы, чтобы погоревать о новых порядках, которые наводил новый Министр Исповеданий, сразу поведший дело к насильственному введению автокефалии. Один из сослуживцев принес мне очень ценный подарок — икону собственного письма (очень хорошего), с трогательной надписью... Но все это со дня на день затихало, я все больше уходил в свою личную жизнь. Расскажу теперь лишь о том, что имеет связь с предыдущими страницами и может представить общий интерес.

В Ноябре собрался Церковный Собор — и на первом же собрании произошел у него резкий конфликт с Лотоцким, требовавшим соборного решения об автокефалии, не постеснявшимся подкрепить свое требование угрозой роспуска Собора. Но Собор решительно отказался подчиниться требованию Лотоцкого, за что и был распущен. Лотоцкий от имени Правительства и меньшинства Собора объявил (!) автоке-

фалию Церкви, независимость ее от Москвы. Духовенство не хотело принимать этого, продолжало почитать патр. Тихона (как все время и делалось при мне, — так как я защищал принцип автономии, а не автокефалии) — вскоре (уже при падении Гетмана и при диктатуре Петлюры и Винниченко) последовали репрессии, митр. Антоний и архиеп. (тогда) Евлогий, как старшие, были арестованы и почему-то заключены в галицийский (!) католический монастырь (очевидно, из боязни оставить иерархов в православной Украине). Лотоцкий, сохранивший свой пост Министра (первое время) при диктатуре (его сменил неистовый и нелепый Ив. Ив. Огиенко, б<ывший> прив<ат> доц<ент> Киевского Университета, малоодаренный, но с большими претензиями, озлобленный и мстительный), являлся к митр. Антонию и арх. Евлогию, чтобы заявить им, что «ничем не может помочь» (точно он хотел им помочь!) ввиду того, что они слишком враждебно относятся к Украине и противятся законно (!) проводимой автокефалии. Уже при Огиенко началось дальнейшее разложение церковной жизни; случайными людьми, не Собором, а просто собравшимися крайними украинскими церковниками был избран Киевским митрополитом (в виду заточения м. Антония) о. Василий Липковский. За отсутствием украинского епископата украинские церковные мудрецы вернулись к угасшему, но имевшему в древней Церкви способу хиротонии, — а именно: собравшиеся пресвитеры возложили друг на друга руки, — а последние с двух сторон возложили руки на о. Василия, который и был провозглашен «аксиос». Так начались т. наз. «самосвяты»; тем же способом хиротонисали о. Нестора Шараевского и еще кого-то. Украинцы-церковники буйствовали — благо пришло время большевиков, второй раз вошедших (в начале Февраля 1919 г.) в Киев, — а по отдельным церквам продолжалось поминание патр. Тихона. Начиналась и для Киева та эпоха «местных автокефалий», которая стала неизбежной в России при условиях гражданской войны, тех жестоких преследований, каким подвергалась Церковь (преимущественно в лице своего епископата).

Второе Министерство Лизогуба имело печальную привилегию бесславно завершить мирный период строительства жизни на Украине. 11 ноября было подписано прелиминарное перемирие у немцев с союзниками, война кончилась победой союзников — и этим радикально изменились все политические предпосылки жизни на Украине. А тут еще вспыхнула революция в Германии, имевшая все тенденции перейти в форму большевизма. Германия, как известно, преодолела эту опасность, но не сразу, а в результате тяжелой борьбы. В немецких войсках, стоявших на Украине, началось тоже брожение, повальное возвращение домой, дисциплина падала со дня на день — и, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы сохранить созданный немцами гетманский режим. В то же время дело восстания против Гетмана получило во всех этих обстоятельствах новый толчок; восстание было объявлено в середине Ноября — и украинское Правительство («национальное») попало в труднейшее положение, ибо у него не было по-существу воли к сопротивлению. В минуты, когда Украина покидалась немцами, украинские организации поворачивались против Гетмана и шли на союз с большевиками, не отдавая себе отчета в том, что тем самым навсегда губили Украину. Вместо того, чтобы в момент, когда Украина оставалась предоставленной сама себе перед лицом беспощадного врага ее — большевизма, — сплотиться вместе, создать власть «национального единения», как принято говорить на Западе, поставить свои условия Гетману (а Гетман, лишившись опоры немцев, конечно, пошел бы на все условия) и не разрушая создавшегося порядка (что было тактически исключительно важно, ибо за месяцы гетманского режима население привыкло к покою и свободе), т. е. охраняя инерцию порядка, защищать Украину от большевиков, национальные организации (не считая бессильной, «интеллигентной» — в дурном смысле слова — партии соц. федерал<истов>, стоявшей у власти и не сумевшей даже войти в переговоры с повстанцами!) обратились, вместе с большевиками, против Гетмана. Возможно,

что союз с большевиками был уже вынужденным, что большевики уже сами в это время готовили восстание, — но это не только не ослабляет вины украинских левых партий, а наоборот ее усугубляет ибо опасность большевизма в таком случае была уже явной и неотвратимой. Если украинские организации рассчитывали, что, взявши в руки власть при помощи большевиков, они смогут затем от них избавиться, «перехитрить» их, то и это показывает, что политического чутья, маломальской трезвости и понимания реальной обстановки в эти страшные и роковые для судеб Украины часы у них не было. Совершенно неизбежным, но уже запоздавшим шагом Гетмана было обращение к последней силе, которая оставалась неиспользованной, но к которой гетманское правительство (первого состава) всегда относилось благожелательно, — к русскому населению. Это требование новой «ориентации» со стороны Гетмана, что и последовало в передаче власти Гербелю, в манифесте с указанием на федерацию с будущей Россией. Я уже указывал выше, что фактически удалось собрать русские офицерские силы в одном лишь Киеве, что при таких условиях, конечно, не могло быть речи о том, чтобы серьезно отстоять гетманский режим, раз у него враги были с обеих сторон (большевики и украинские повстанцы). Гр. Келлер и его офицерские и юнкерские отряды героически продержались две недели — а затем 14 Декабря Киев пал... Помню тяжелые последние дни, когда со всех сторон Киев был окружен врагами. Ужасные морозы и ветер свирепствовали с небывалой силой, подвоз продукт<ов> необыкновенно упал, и когда утром с музыкой стали проходить с разных концов города «сичевые стрельцы», а потом торжественно въехал Петлюра, население, чуввавшее, что пришел конец свободному режиму, вздохнуло все-таки облегченно, что борьба все же кончилась. Первые же дни директории ознаменовались массовыми убийствами. В первый же день появления «петлюровцев» я получил неожиданно записку от Чеховского (он был директором Департ<амента> Общих Дел у меня в Министерстве), который оказался ныне

премьер-министром при Директории... Чеховский предупреждал меня, чтобы я первые дни не ночевал дома, что вообще мне ничего бояться не следует, но в первые дни нужно беречься. Я был тронут заботливостью нового премьера обо мне — тронут, что в первый же день вступления во власть он вспомнил обо мне. А вместе с тем как-то сразу почувствовал все бессилие новой власти, раз премьер-министру приходилось рекомендовать мне «не ночевать дома». Очевидно, «полнотой» власти он не обладал.

Опускаю подробности о новом режиме, который был невыносим по наглости солдатчины во главе с полковником Коновальцом, велевшим в три дня переделать все вывески на украинский язык. Об арестах митр. Антония и арх. Евлогия я уже упоминал. Убийства русских офицеров, расстрел тех, кто держался до последней минуты в Педаг<огическом> Музее, все новые декреты украинской директории — все это сразу возвращало к забытому на время стилю большевиков. Хотя беспардонные убийства прекратились через 7–10 дней, но преследование разных «Гетманцев» шло все время. Между директорией и большевиками очень скоро вспыхнули нелады — и уже через две недели после того, как в Киев вошла новая власть, стало ясно, что дни ее считаны.

В начале Февраля Киев действительно вновь — на этот раз более прочно — достался большевикам. Украинские власти успели убежать или, как тогда говорили, «отступить» по Киево-Ковельской ж. д. (т. е. на запад). Среди населения циркулировали пускаемые кем-то слухи, что украинские войска «отошли» не дальше ст. Коростень (верст 50 от Киева) и что к весне большевиков они «наверное» прогонят. Родные мои настояли, чтобы я скрылся, и я первый раз в жизни должен был жить под чужим паспортом. Я должен был сбрить свою небольшую бородку, засел на целый месяц у знакомых, ночуя в разных квартирах этого дома и совершенно не выходя на улицу. Сын дамы, приютившей меня, был председ<ателем> домового комитета, был поэтому в курсе всех тех внешних осложнений, которые в это время сыпались

десятками на обывателей. Томительно, скучно жилось мне в течение этого месяца; два раза пережил я поголовный обыск в доме, но оба раза в квартиру председателя домового комитета с обыском, из любезности, не заходили.

Киев тогда был центром «Украинской Советской Республики» — и тут неожиданно у власти оказалось несколько лиц, так или иначе близких мне. Так, некий Затонский (комиссар нар<одного> просвещ<ения>) оказался моим слушателем (хотя я его совершенно не помнил). Он передал кому-то, что знает обо мне, что считает совершенно возможным для меня перейти на легальное положение и даже советует поскорее сделать это, что он лично берет меня под свою охрану. Другие мои друзья по Институту Дошкольного Воспитания (Директором которого я все время оставался, даже когда был Министром) действовали через мою слушательницу по курсам — некую Ковалеву, сын которой оказался работником в Че-Ка. Как потом мне рассказывали, молодой Ковалев просто извлек все досье обо мне и спрятал у себя, так что «дело» обо мне на время исчезло. Мой ассистент по Псих<ологической> Лаборатории, д-р Лазерсен, оказался заведующим детским отделом в Комис<сариате> Соц<иального> Обеспечения и тоже настаивал, чтобы я начал легальное существование. В Марте м<есяце> я, в виду всех этих сведений, вновь водворился в свою квартиру и сразу оказался работающим в нескольких комиссариатах (нар<одного> просвещ<ения>, социальн<ого> обеспечения и народн<ого> здоровья — где меня тоже сразу вписали в число постоянных преподавателей врач<ебных> педагогических курсов), а немного позднее мой товарищ по гимназии (ныне прив<ат->доц<ент> Берлинского Университета) Л. М. Зайцев привлек меня в постоянный состав комиссии при Комис<сариате> Юстиции. Сверх того я работал, конечно, в Университете (и в рус<ском>, и укр<аинском>), в Инст<итуте> Дошк<ольного> Восп<итания> и в какой<-то> комиссии по трудовой школе. Среди советских деятелей я приобрел много знакомств — присматри-

вался к этим новым деятелям. Но время было, хотя и суетливо напряженно, но и беспокойное. С весны стали ползти слухи о какой-то «добровольческой армии» ген. Алексеева и ген. Корнилова, украинцы по-прежнему распускали слухи о готовящемся реванше со стороны Петлюры, будто бы вседвигающегося на Киев. В первых числах Июля схватили В. П. Науменко (состоявшего Министром Нар<одного> Просвещ<ения> при последнем — «русофильском» кабинете Гербеля) и посадили в Че-Ка (Че-Ка тогда заведывал известный своей жестокостью Лацис). Дочь Адел<аиды> Влад<имировны> Жекулиной, в качестве деятельницы Красного Креста (который входил, при общем руководстве Линниченко, в Комис<сариат> Соц<иального> Обесп<ечения>) знавшая разные секреты Че-Ка, послала мне своего брата Глеба (моего личного секретаря в бытность мою министром, вскоре убитого большевиками) передать, что надо мной нависла угроза, чтобы я скрылся. По-видимому, «дело» мое, спрятанное Ковалевым, все-таки всплыло наверх. Приходилось уезжать из Киева — но куда? Друзья мои по Дошк<ольному> Инстит<уту> (которые в эти годы и в последующие годы изгнания трогательно заботились обо мне, а потом о моей матери) устроили меня (дело ведь было летом) в украинской детской колонии, которой заведывал некто Р-ий, близкий мне по старому учитель (фамилии его не упоминаю, ибо он доньше еще работает в тех местах). Колония эта находилась в 25 верстах от Киева, в двух верстах от ст. Боярка, в лесу. Вечером, взявши с собой небольшой чемоданчик, простившись с родными, я выехал один из Киева, а на станции Боярка меня встретил Р-ий, который провел меня в колонию, жившую в нескольких домиках в лесу. Тут мне было суждено прожить 1½ м<есяца>. Скоро появились еще подпольные люди, уехавшие, чтобы быть подальше от Киева, а в начале Августа появился некто (фамилии не помню), украинский коммунист, тоже скрывшийся на время из-за какого-то дела из Киева. Он прямо мне заявил, что меня узнал, но не будет выдавать меня

и еще одного с<оциалиста>-р<еволюционер>а, скрывавшегося в той же колонии. Несколько позже, уже когда добровольцы овладели Киевом, до меня дошли сведения, что этот коммунист все же выдал меня и моего с<оциалиста>-р<еволюционер>а и приказ о нашем аресте уже был подписан, но его не успели привести в действие. В Киеве на мою квартиру являлись два раза из Ч-К, чтобы арестовать меня, и, не найдя меня, слава Богу, не арестовали никого из родных (упомянутый выше Глеб Жекулин был как раз арестован вместо его матери, которой не нашли, — и за день до своего отступления большевики его расстреляли...). Между тем добровольцы продвигались все дальше, овладели уже Екатеринославом, Харьковом, подходили к Киеву с востока и юга; большевикам приходилось уходить на север — и это давало возможность Петлюре с его небольшими отрядами тоже идти на Киев. Украинские войска меня как раз и спасли; они подошли за два дня до оставления большевиками Киева к Боярке; большевики медленно отступали, боясь быть отрезанными со стороны с<еверо>-востока, куда шла единственная на север ветка (на Нежин — Курск — Москву). Так избежался я от ареста со стороны Ч-К по доносу упомянутого украинского коммуниста...

19 Августа 1919 большевики покинули Киев, а рано утром мы втроем (я, знакомый мой с<оциалист>-р<еволюционер> и его жена) вышли пешком в Киев, куда и дошли, не без маленьких приключений, к 12 ч. дня. Я снова был дома, среди своих...

В общем, этот последний период свободы Киева длился немного более 3 месяцев. Рассказывать, что делалось в это время в Киеве, как жили мы под постоянной угрозой большевистского нападения (1—3 Окт<ября> большевики даже владели Киевом, но потом добровольцы их отогнали верст на 10—15), как ген. Драгомиров организовал нашу оборону, не стану. Упомяну только о двух обстоятельствах, связанных с моей политической деятельностью. Первое я считаю очень важным, хотя самый замысел и остался невоплощен-

ным. На квартире у Н. П. Василенко собралось несколько человек, задумавших по-существу создание такой русско-украинской группы, которая, связывая себя органически с тем положительным, что было задумано и сделано при Гетмане, широко пропагандировала бы идею русско-украинского сближения, в границах федерации. В слагавшуюся группу входили: Н. П. Василенко, его брат, член партии с.-д. меньшевиков, известный журналист Константин П. Василенко, проф. Богдан Кистяковский, Влад. Ив. Вернадский, проф. Константинович и я. Ближайшим поводом к нашему собранию был вопрос об издании серии книг под общим заглавием «Россия и Украина»; каждый из нас брался написать томик для этой серии — и первый томик был почти готов к печати; это была книга, приготовленная Влад. Ив. Вернадским и дававшая очерк работ той комиссии по общей школе, которой он ведал. Но обсуждая вопросы, связанные с общей идеей задуманного издания, мы все сошлись на том, что перед нашей группой стоит очень ответственная и очень важная задача влияния на русское и украинское общественное мнение, и быть может, если только политические условия будут благоприятны (а мы все тогда почему-то серьезно верили в ближайшее крушение большевизма при помощи Добровольческой Армии), формирование партии федерализма (в противовес укр<аинской> партии соц.-федералистов, ныне защищавших отделение от России!). Многие выдающиеся деятели Добровольческой Армии, после столкновения с Петлюрой возле Киева (я сейчас расскажу об этом) стали выражать самое недостойное пренебрежение к украинству вообще. Не следует забывать, что в окружении Деникина состоял в качестве Министра Земледелия Алекс. Дмитр. Билимович, женатый на сестре Вас. Вит. Шульгина; он — как и самый влиятельный в кругах Деникина В. В. Шульгин — был непримиримым врагом всякого украинского движения и влиял на взгляды Деникина (о чем достаточно ярко говорят различные страницы в книгах Деникина, посвященных «русской смуте»). Все это крайне раздражало ре-

шительно все украинские круги. К данному времени даже левые украинские группы пришли наконец к сознанию, что их злейший враг — большевики, и готовы были бы идти на сотрудничество или союз с Добровольцами. Огромный удар этому сближению, которое — как знать? — могло оказаться ценным для Добровольческой Армии, когда ее стали постигать неудачи, и даже спасти положение (я лично считаю это, учитывая все обстоятельства, не исключенным), нанесла ненужная распря с Петлюрой в день занятия Киева. Дело было так. С юго-востока к Киеву подходила армия ген. Бредова, которая стремилась отрезать коммуникационную связь большевиков по ж. дор. Киев — Курск. Именно эта угроза и решила судьбу Киева: дорожа единственным ж. д. путем, большевики вынуждены были оставить Киев. Обеспечив себя с севера, отряды ген. Бредова через Дарницю (первая станция к северу от Киева с лев<ой> стороны Днепра) вошли в Киев и около часу дня были на Печерске. Войска Петлюры двигались по двум железнодорожным линиям — по Киево-Ковельской дороге и Киево-Одесской линии. Петлюровские поиски вошли в Киев с юга утром, т. е. часов на 3—5 раньше добровольческих отрядов. Они заняли центр города, стали продвигаться к Печерску; на городской думе появился украинский флаг. В первое соприкосновение с добровольческими отрядами петлюровцы вошли на Печерске. По моим сведениям, Петлюра во что бы то ни стало хотел удержать за собой Киев, но решил действовать осторожно и даже идти на разные соглашения с Добровольцами — он хорошо сознавал, что большевики отошли от Киева только потому, что боялись быть отрезанными с севера. Петлюровские отряды, соприкоснувшиеся с добровольческими частями, согласно приказу, отошли назад, добровольческие части, естественно, более восторженно встреченные русским населением, чем Петлюровцы, спустились на Крещатик, к городской думе и водрузили рядом с украинским флагом национальный русский флаг. Небольшое время оба флага висели рядом, знаменуя некое единение

двух антибольшевистских сил. Но тут-то и произошло печальное событие срыва украинского флага; между отрядами, находившимися друг против друга, вспыхнула беспорядочная перестрелка, которая быстро стихла. Украинцы отступили на Лукьяновку (т. е. к югу, по направлению Киево-Ковельск<ой> ж. дороги); дня два они еще были в Киеве, но из главной ставки Добров. Армии пришел категорический приказ прервать переговоры с Петлюрой. Соглашения, которое так легко было достигнуть в это время (украинцы, дорожа тем, чтобы хотя бы «символически», но без власти, остаться в Киеве, пошли бы на самые принц<ипиальные?> уступки), достигнуто не было — так была совершена грубейшая трагическая ошибка. По-существу, самое соглашение, которое неизбежно должно было покоиться на унижении украинцев (ибо оставить Киев в руках украинцев — чего они добивались, обещая в дальнейшем доброжелательный нейтралитет, — действительно было невозможно для «добровольцев» в виду огромного стратегического значения Киева как крупного железнодорожного узла), но его нужно было бы добиться, чтобы иметь непосредственное соприкосновение с украинцами именно в Киеве. Для этого нужно было создать и максимально удерживать какую-нибудь «паритетную» комиссию, не владея вполне Киевом и не отдавая его всецело украинцам. Такое положение продолжилось бы не более нескольких месяцев — одна или другая сторона должна была бы уйти. А между тем за это время можно было бы добиться нового соглашения с Петлюрой, быть может, заключить даже серьезный союз и даже, в случае укрепления в других частях фронта, отдать им Киев, самим укрепившись непосредственно за Киевом (Дарница). Но в ставке Деникина уже был провозглашен лозунг «Единой Неделимой России» — лозунг верный, но демагогически направленный против украинцев, — говорю демагогически, потому что не все украинские группы к тому времени стояли так решительно за «самостийность». Создание той группы, о которой я уже упомянул, могло стать центром кристаллизации умерен-

ных украинских групп. Но ведь информация политическая об Украине была у ген. Деникина в руках Вас. Вит. Шульгина, Вал. Мих. Левитского и т. п. людей, на которых и лежит тяжкая ответственность за легкомыслие, проявленное Деникиным и его «Совещанием» в отношении к Украине. История еще раз свидетельствовала о том, какие огромные, почти непреодолимые трудности вставали между русскими и украинскими общественными силами, как актуальна была задача сближения русских и украинских политических сил. Стоит почитать очерки Деникина в частях, относящихся к Украине, чтобы человеку, осведомленному в положении Украины, лишний раз отдать себе отчет в этих безмерных недоразумениях, стоявших и стоящих стеной между Россией и Украиной...

Политическая ошибка, допущенная добровольцами, привела к тому, что украинцы отступили вглубь Украины, а между ними и добровольцами вдруг появились большевистские партизанские отряды. Кстати сказать, добровольцы, войдя в Киев, учредили особые контрольные комиссии для проверки «благонадежности» офицеров, оставшихся в Киеве до прихода добровольцев. Я готов допустить, что такие комиссии неизбежны и нужны, но то, как они работали, как они разбирали дела отдельных офицеров, часто напоминало большевиков, приемы Че-Ка. Отчасти это было связано с «состоянием гражданской войны», где так много всякой провокации, где трудно отличить, кто враг, а кто друг, а отчасти это было связано с непостижимым для меня доньше легкомыслием, политической самоуверенностью, царившими в кругах Добровольцев. Они были упоены легко достававшимися победами, казалось им, что вся Россия поднимается по их зову против большевиков, — а что в действительности происходило, они не замечали, да и не могли видимо заметить. Совершалась непостижимая с военной точки зрения ошибка — шли вперед, не укрепляя тыла. Когда Махно овладел Екатеринославом, разрушая все пути сообщения между разными частями Добровольческой Армии, Д. Армия так

и не смогла ликвидировать его. А между тем передовые отряды шли вперед, «летели, как орлы». Я человек штатский и стал вдумываться в военно-политические проблемы лишь со времени своего вступления в Министерство, но те беседы, которые я имел с представителями Д. Армии (я в Сентябре был приглашен Е. А. Елачиным, стоявшим тогда во главе З^{емско-}Гор^{одского} Союза при Бредове, заведывавшем детским отделом, — это предложение я охотно принял, благодаря чему находился все время в курсе военно-политической обстановки), все более убеждали меня в отсутствии всякой трезвости и реализма у деятелей Д. Армии.

Все, что они делали в Харькове, Киеве, на юге в Одессе, производит кошмарное впечатление по крайней небрежности, неделовитости; все было сшито белыми нитками, все делалось наспех, кое-как. Большевики тоже стояли немногим выше Добровольцев, но большевики умели властвовать, да сверх того располагали значительными верными и стойкими войсковыми частями, которые не боялись смерти и сумели отстоять свое дело. В Д. Армии, наоборот, не было умения властвовать, появились какие-то особые, нового гона карьеристы, какой-то большевизм наизнанку.. Но не буду говорить на эту тему, выходящую за пределы тех задач, которые я себе ставлю в данных мемуарах. Возвращаясь к Киеву, скажу, что обнажение украинцами фронта, появление между ними и Киевом партизанских большевистских отрядов (во главе которых стал, если не ошибаюсь, тот самый Затонский, который, как было указано выше, покровительствовал мне) — все это подтачивало положение Киева, особенно со стороны подвоза. Скоро Киев пришлось оставить...казалось, ненадолго, но увы — разложение в Д. Армии было сильнее, чем это всем казалось.

Несчастливая судьба Киева, все время переходившего из рук в руки, неслучайна, неслучайно то, что он попал между двух огней. Я считаю это неслучайным потому, что Киев стоит на рубеже России и Украины, что он есть и Россия и Украина в одно и то же время, есть живое воплощение их свя-

зи и их несоединенности, их единства и их разделения. Две стихии, русская и украинская, претендуют на Киев, потому что обе имеют право на него, потому что обе живут в нем. Если одной хорошо, это значит, что, к сожалению, неизбежно другой плохо — и обратно; такова история Киева, таков его фатум. Эти две стихии вступили, начиная со второй четверти XIX в. (а может быть, и чуть-чуть раньше) в глубокую, часто скрытую, но всегда острую борьбу, и эта борьба продолжается еще и в наши дни, т. е. дни советской власти. Неудивительно, что отдельные деятели одной или другой стихии оказывались во власти ее, не умели стать выше, подниматься и овладеть положением; русско-украинское примирение остается нерешенным ребусом, неразысканным кладом — и в Киеве это было и будет внутренней и глубокой причиной того, что нет в нем мира, что благо одной стороны ведет к резкому или смягченному, но по существу все равно тяжелому угнетению другой стороны. Но своими долготлетними страданиями Киев где-то в глубине своей накопил и силы для мира. Эти силы уже есть, они скрытые, связанные, они ждут того, что придут люди, которые сумеют их пустить в ход, дать им простор... А до тех пор — война идет и идет — явная или скрытая, острая или смягченная...

Недолго процарствовали Добровольцы в Киеве. После Октябрьского оставления на 3 дня Киева (драматические подробности этого не считаю нужным описывать, хотя лично меня они очень глубоко коснулись) уже не было до сдачи Киева ни одного дня, когда бы с утра не проносились пушечные выстрелы. Большевики стояли в 8–10 верстах от Киева (по Киево-Ков<ельской> ж. д.) путь на юг был свободен, на запад загражден. Мое участие в работе З<емско->Гор<одского> Союза, связанного с Добровольческой Армией, компрометировали меня гораздо больше, чем участие в гетманском правительстве, — и я понимал, что оставаться в Киеве мне будет невозможно. Моих «благодетелей» среди большевиков я естественно терял, и если во время моего пребывания в украинской детской колонии сам комиссар соц<иального>

обеспечения» (Зубков) передавал мне привет через Линниченко, т. е. зная, где я укрываюсь от большевиков, не выдавал, если тот же Зубков, во время обыска в моей квартире, которым он сам руководил (была, кажется, «неделя бедноты» или что-то вроде этого), искусно отвел сыщиков от моего кабинета, который так и остался необысканным, если Ковалев (чекист!) прятал dossye обо мне, а Затонский уговаривал меня перейти на легальное существование, то все эти «связи» мои не могли бы, конечно, спасти меня, раз я был участником антибольшевистской организации. Я решил ехать в Ростов-на-Дону. Меня взяли знакомые в вагон Киевского Земства, и 29 Ноября 1919 г. на рассвете мы покинули Киев... На Ростов-на-Дону поезд наш продвинуться не мог, — путь на Екатеринослав (через Фастов, Цветково и т. д.) был занят Махно, и мы двинулись на Одессу, куда через 10 дней и прибыли. Коротко расскажу о событиях здесь. В Одессе «царствовал» настоящий бездельник — ген. Шиллинг; русских офицеров было в Одессе больше 10 000, но в значительной своей массе это было уже разложившееся воинство, не способное ни к какому сопротивлению. Меня и в Одессе втянули в работу на Добр. Армию, — сделал это ныне уже покойный о. Константин Маркович Аггеев. Я еще в Киеве вошел в состав т. наз. «Союза Возрождения», — политического объединения, вобравшего в себя левых к.-д., нар<одных> соц<иалистов>, с.-р. и с.-д. оборонцев. В Одессе я бывал на заседаниях «Союза Возрождения», был связан с Д. М. Одинцом, который формировал или командовал «батальоном Союза Возрождения при Добровольческой Армии». О. Аггеев также как-то был связан со всем этим, — и он задумал издание небольшого бюллетеня для этого батальона. Дело он наладил, вовлек меня в качестве сотрудника, но неожиданно уехал, и на меня легла вся тяжесть ведения бюллетеня. Я слишком был связан еще по церковным делам с о. Константином, был связан с ним уже в Киеве в месяцы пребывания там Добр. Армии, в которой Аггеев по-видимому занимал какое<-то> место в «Осваге». Долголетние и добрые отношения к Аггееву поме-

шали мне отказаться от дела, которое он переложил на меня. Я стал единственным сотрудником и редактором Бюллетеня — чем создавал для себя, в случае падения Одессы, решительную невозможность оставаться там. А между тем падение Одессы было близко... Она и пала, кажется, 26 Января 1920 г., — причем при наличии не менее чем 10 000 офицеров ее захватили 2000 большевиков. Спасся я совершенно случайно — для меня все сцепление этих случайностей, невероятное, если бы его рассказывать подробно, останется истинным Божиим чудом — настолько все складывалось не в мою пользу и все же не уничтожило меня. Бог даровал мне снова жизнь — явно для какой-то новой задачи в жизни моей.

В Одессе я виделся несколько раз с митр. Платоном и еще ближе пригляделся тогда к его крайне безответственному отношению к церковным и политическим делам. Под его руководством между прочим находился какой-то «Священный орден во имя св. Николая», объединивший верующую и горящую любовью к России молодежь для борьбы с большевиками. Но митр. Платон относился ко всему этому равнодушно и безответственно. Такие люди, как он могли погубить всякую веру в Церковь, веру в Россию — столько пустой, безответственной болтовни и решительного эгоизма было в них и так мало любви к России, к молодежи. Но о митр. Платоне я расскажу отдельно, когда буду зарисовывать портреты иерархов, с которыми меня сводила жизнь.

Вернусь к своему рассказу. 26 Января я покинул на английском пароходе Одессу, покинул Россию. Моя политическая деятельность, в которую я был втянут помимо своей воли, заставила меня оторваться от родины, от своих родных, от всего дорогого, что было у меня, — чтобы отправиться неизвестно куда и неизвестно на что. И все же я не жалел о том, что был 5 1/2 месяцев «у власти». Я должен был как-то принять участие во всей этой мучительной борьбе, которая шла в России, и, если бы я не принял в свое время предложения войти в состав гетманского правительства, уверен — жизнь так или иначе втянула бы меня во что-нибудь другое. Я не жа-

лел и о том, что мне суждено было стать так близко к украинскому, а не общероссийскому делу, хотя душа моя всегда жила и всегда будет жить общерусскими темами. Мне лично проблема Украины была и остается чуждой, но как русский человек я понимал и понимаю, что в судьбах России, как бы она ни сложилась, вопрос о том, чтобы спасти Украину для России, есть неотвратимый и исключительно трудный вопрос. Кому же и браться за решение этого вопроса, кому и нести на себе бремя его, как не тем, кто, будучи украинцем по рождению, духовно живет Россией, кто таким образом носит в себе оба начала? Я сознавал и сознаю всю историческую незадачивость русско-украинской темы; всю ее, так сказать, неблагодарность, — и если бы мог я, для самого себя, найти другую форму служения России — это было бы такой радостью! Но я понимал и понимаю, что уклонение от русско-украинской темы было бы с моей стороны настоящим дезертирством. И не мог жалеть о том, что на мою долю достался такой неблагодарный, такой пока бесплодный и трудный подвиг: есть и глубокая радость в том, чтобы брать на себя самые трудные и непривлекательные задачи. То, что моя политическая деятельность оборвалась, что в эмиграции передо мной встала тоже огромная, тоже церковная, но совсем уже иная, форма деятельности, не лишает меня обязанности извлечь из пережитого те политические и исторические выводы, которые я мог сделать. Часть этих выводов и влагаю я в настоящие страницы.

Мне остается досказать кое-что из моей заграничной жизни, так или иначе связанное с моей работой как Министра Исповеданий, и набросать ряд характеристик некоторых представителей духовенства, — чтобы затем в заключительной части суммарно набросать общие выводы, к которым я пришел за свое пребывание «у власти».

Глава XI

Новые встречи с м. Антонием
и арх. Евлогием. Украинские встречи
(Дорошенко, Липинский, Скоропадский,
Шелухин, А. Шульгин). Мой разрыв
с украинцами. Характеристики
митр. Антония, Евлогия, Платона

За границей я сразу очутился в Белграде, где и пробыл первых три года своего эмигрантского существования. Первые месяцы было очень трудно мне в отношении к посещению церкви — русской службы тогда еще не совершалось, а сербская служба была долго мне очень тяжела. Я аккуратно ходил в сербскую церковь, постепенно привык к ней, а осенью 1920 г. уже начались первые русские церковные службы — первоначально в небольших двух комнатах (службы были разрешены первоначально для детей русских и их родителей), потом они были перенесены в зал одной сербской гимназии, — еще позже для русских служб отвели пустовавший сарай на старом кладбище (на этом месте находится теперь выстроенный русскими собственный храм). Мое усердие к Церкви естественно сближало меня с церковными людьми в Белграде; с другой стороны, судьба судила мне прожить два года в одной комнате с проф. С. В. Троицким, служившим раньше в Свят. Синоде, знавшим очень много архиереев — в том числе и тех, кто съехался в Сербию.

В Белграде я несколько раз встречался с арх. (тогда) Евлогием, который очень любезно всегда разговаривал со мной, встречался с митр. Платоном (у сербского патриарха, который после моего одного чтения среди сербской молодежи, благоволил ко мне, иногда звал к себе на обед). Вскоре появился в Белграде и митр. Антоний, но я всячески избегал встречи с ним, боясь какого-либо «скандала». Мне не в чем было раскаиваться в своем прошлом, я не стыдился его, не боялся дать ответ за него, но, конечно, я мог ожидать со стороны митр. Антония, очень вообще невожатанного и к тому же настроенного враждебно ко мне, как к «злейшему врагу Православной Церкви» (из бумаги м. Антония Гетману... см. выше), — какого-либо скандала. Но митр. Антоний сразу же поселился в Карловцах в покоях Сербского Патриарха, и мне не приходилось встречаться с ним.

Наблюдая духовное состояние русских и их обычную беспомощность в удовлетворении самых насущных нужд, я пришел к мысли о необходимости создать из более активных людей общество «попечения о духовных нуждах эмиграции». Я переговорил с Троицким, который был постоянно в общении с арх. Евлогием, мы вместе набросали проект устава — и арх. Евлогий созвал первое небольшое собрание инициативной группы, куда вошли Е. М. Кисилевский, член Цер<ковного> Собора А. В. Васильев, тоже член Цер<ковного> Собора проф. Погодин и еще кто-то. Получил, конечно, приглашение и я, как инициатор проекта, но, разумеется, на собрание я не пошел. Я вообще чувствовал себя в русской среде «изгоем»; ко мне очень дурно относились мои коллеги-профессора за мою «левизну» (я был один среди профессоров, сохранивший связи с к. д. партией, а тем более из входивших в «Союз Возрождения»), за мою деятельность в качестве Министра Исповеданий я не мог ожидать особенно благосклонного отношения к себе со стороны русских церковных людей. Поэтому, сделав все, что я считал нужным для удовлетворения церковных нужд русского общества, я не считал для себя удобным приходить в упомянутое

собрание. Но на собрании было постановлено категорически просить меня войти в состав общества и непременно придти на следующее собрание. Настоятель русской Церкви (достойнейший о. Петр Беловидов) стал к этому времени моим приятелем и даже другом. Троицкий (репутация которого была в тамошних церковных кругах безупречна) был моим сожителем и стоял за меня горой, проф. Погодин — когда-то ожесточенный враг мой (в бытность мою Министром Исповеданий он издавал в Харькове какую-то газету, в которой разделял меня самым беспощадным образом) узнал меня ближе за это время как организатора и секретаря объединения русских ученых в Югославии (мне пришлось оказать несколько услуг Погодину — и это его так изумило и совершенно изменило его личное отношение ко мне, что мы состояли просто в дружбе). В течение лета 1920 г. в Земуне организовалось Рел<игиозно->Фил<ософское> Общество, в котором я был Товарищем Председ<ателя> и принимал самое живое участие... Все это создавало такую атмосферу вокруг меня, что, хотя я очень берегся всяких церковно-общественных выступлений, но в виду настойчивых просьб я не считал возможным упорствовать и пришел на второе организационное собрание. Арх. Евлогий ласково попенял мне за то, что я не пришел на первое собрание. В конце заседания избрали комиссию из трех лиц для составления списка лиц, которые должны были быть приглашены в Правление общества. В эту комиссию кроме Е. М. Кисилевского, А. В. Васильева избрали и меня. При обсуждении состава будущего Правления я решительно отклонил предложение войти в состав Правления, откровенно объяснив присутствующим, что считаю неудобным входить в Правление общества, призванного объединить русских людей, так как знаю, что ко мне немало лиц относится недоброжелательно за мою «левизну». Тогда А. В. Васильев (крайний правый) стал усиленно убеждать меня, чтобы я вошел в состав Правления именно в целях объединения вокруг Церкви различных русских людей. После долгих споров я наконец дал свое согласие. Неохота, с которой

я давал согласие, была во мне, как оказалось через несколько дней, верным предчувствием, что этого не следовало делать. Действительно, в ближайшее воскресенье, на которое, после церковной службы, было назначено учредительное собрание указанного Общества, на которое были приглашены все желающие, о. Беловидов огласил устав Общества и примерный список членов Правления. Когда о. Беловидов огласил мое имя, я услышал недовольные голоса... Действительно, оказалось — за меня 13 голосов, против меня 19 голосов. Представьте себе мое удивление, когда я увидел в числе поднявших руку против меня того самого А. В. Васильева, который за несколько дней перед тем настойчиво убеждал меня — против моей воли — войти в состав Правления «для единения всех вокруг Церкви». Горько стало у меня на душе от такой провокации от человека, от которого я ничем не заслужил оскорбления, — и я вышел из храма. О дальнейшем знаю со слов лиц, оставшихся в храме. О. Беловидов был так поражен голосованием (кроме меня, «провалили» еще проф. В. Д. Плетнева, стоявшего во главе делопроизводства т. наз. «Державной сербской комиссии по делам русских беженцев» и очень не любимого русской эмиграцией за его крайне грубое обращение с теми, кто к нему обращался), что сразу растерялся. Тогда выступил арх. Евлогий, который сказал в мою защиту, что он давно знает меня как искреннего церковного человека, что если кто-либо осуждает меня за мою деятельность в качестве Мин<истра> Испов<еданий> при Гетмане, то он, как стоявший очень близко к церковным делам на Украине, должен взять меня под защиту, затем призывал оставить в Церкви наши разногласия и помнить лишь о благе для Церкви. Затем выступил очень мужественно [и] смело на защиту меня проф. Погодин, который заявил, что он, пока не знал меня лично, был моим непримиримым врагом, но, узнав уже в Белграде лично, совершенно переменяет свое мнение обо мне, считает крайне важным и ценным мое участие в Обществе, возникающем, кстати сказать, по моей же инициативе... О. Беловидов после этих речей, которые, каза-

лось ему, должны были рассеять враждебное ко мне настроение, поставил перед собранием вопрос — угодно ли собранию вновь вернуться к вопросу об избрании моем в состав Правления. Голосование дало те же результаты, что и в первый раз: 19 против, 13 за меня. Очевидно было, что голосовавшие против меня 19 человек сговорились раньше.

Совершенно неожиданно для меня я получил довольно скоро еще два, совершенно не заслуженных мной щелчка за мое «служение Украине». Оба случая так характерны, что я считаю полезным их здесь рассказать. Я упомянул о том, что я состоял секретарем объединения русских ученых в Югославии (председателем состоял проф. Е. В. Спекторский). Моя деятельность заключалась в том, чтобы хлопотать за русских ученых перед властями в целях улучшения их материального положения, добывать какую-либо помощь из-за границы (на мой призыв отозвался К. М. Оберучев, создавший в Нью-Йорке общество помощи русским литераторам и ученым). На одном из заседаний Ученого Общества, среди прений, проф. Антон Дм. Билимович (брат упомянутого выше крайне правого Алек. Д. Билимовича, сам крайний правый), возражая мне по какому-то вопросу, вдруг в запальчивости заявил: «я удивляюсь, как Вы, призвавший в свое время немцев на Украину и изменивший делу союзников, позволяете себе еще выступать здесь, в Сербии, так пострадавшей от тех немцев, которых Вы так любезно устраивали на Украине». Он еще добавил какие-то слова о «немецком сапоге», но за шумом, который раздался в комнате, я этих слов не расслышал. Грубые и оскорбительные слова Билимовича, не имевшие никакого отношения к тем спорам, которые у нас шли в Обществе, задела не меня одного: в зале находилось еще три человека, входивших в состав гетманского Правительства (М. П. Чубинский, Ю. Н. Вагнер, Г. Е. Афанасьев), тут же был проф. Ф. В. Тарановский, входивший в состав Украинской Академии Наук. Меня поразили не столько грубые слова и наглый тон Антона Билимовича, сколько то, что председатель собрания проф. Спекторский не счел нужным остановить Билимо-

вича и извиниться передо мной. Я решил ничего не говорить, а просто уйти из собрания — что и сделал. Но вместо меня заговорил очень ядовито и резко М. П. Чубинский, указавший на всю бессмысленность и несправедливость Ант. Билимовича, который в пылу борьбы выпалил, очевидно, то, что давно было у него на душе. Придя домой, я написал Спекторскому, что не могу больше выполнять обязанностей секретаря, а через несколько времени целая группа ученых во главе с проф. Тарановским тоже покинула Общество — и мы создали вторую академическую группу в Белграде... Отмечу тут же любопытный эпизод, в котором Ант. Билимович засвидетельствовал мне свое уважение. Он тоже любопытен, хотя совсем в другом смысле. Дело было в 1926 г. на ученом съезде в Праге. Когда съезд кончился, был устроен банкет, который проходил очень оживленно. Говорилось много разных речей, как вдруг встал Мякотин. Он сильно подвыпил и потому откровенно выпалил то, что у него было на душе. Все хорошо у нас было на съезде, говорил он, только вот зачем в начале съезда было объявлено о молебне? Какая-то старая забитая психология проявилась в этом. Кто хотел непременно отслужить молебен, тот мог это сделать, а объявления не следовало делать... Неожиданные слова Мякотина стали вызывать шум, Мякотин разгорячился, стал говорить еще более неудачные слова — и чувствуя, что большинство съезда его не одобряет, — сел. Тарановский заставил меня ответить Мякотину. Я отвечал в тоне иронии, говоря, что Мякотин проспал 10 лет, что снятся до сих пор официальные молебны, снится квартальный надзиратель, который требует его участия в молебне. Надо проснуться — уже давно никто никого в Церковь не тащит, нет никакого начальства, но произошел глубокий сдвиг в русской интеллигенции, в том числе и в русской профессуре. Пусть пойдет Мякотин в храм в субботу вечером — он удивится, сколько русских ученых ныне ходит в Церковь. И неужели объявление о том, что перед началом съезда будет отслужен молебен, все еще звучит для Мякотина в тонах старого официального распоряжения?

Моя спокойная ирония добила Мякотина, мою речь покрыли аплодисментами — и вдруг Антон Билимович встал с своего места и подошел ко мне, чтобы пожать руку и выразить мне свое уважение... Это было бы приятно даже, если бы в душе моей не встала картина, выше описанная.

Тогда же в Белграде, летом 1921 г., и митр. Антоний изрек обо мне «правое слово». В начале, кажется, Июня приехал из Константинополя еп. Вениамин, чтобы организовать Собор (который и состоялся осенью того же года в Карловцах — это знаменитый Карловацкий Собор). На первое же собрание, которое было организовано по просьбе еп. Вениамина русским посланником в Белграде В. Н. Штрадиманом, получил приглашение и я (по личному указанию еп. Вениамина). Второе собрание состоялось через 2—3 дня, но на него я не получил приглашения — и, хотя мой сожитель, проф. Троицкий, усиленно убеждал меня идти без приглашения, я все же не пошел. Осторожность моя оказалась не излишней. Троицкий обратился с вопросом к еп. Вениамину: случайно ли не послана мне повестка, и тот с присущей ему откровенностью сказал: «да, представьте, митр. Антоний против его участия, так что пришлось задержать посылку повестки проф. Зеньковскому». Я надеюсь это уладить, добавил еп. Вениамин и еще сказал: «а митр. Антоний сильно сердится на Зеньковского. Он даже сказал о нем — как он смеет показываться в церковных собраниях; я бы на его месте спрятался бы где-нибудь, чтобы никто не замечал меня...» Эти слова не вызвали у меня паники, но только подтвердили, что надо быть очень осторожным, что совсем не напрасно я уклоняюсь от церковно-общественной работы.

Между тем осенью 1921 г. произошло небольшое событие в Белграде, с которым связана была совсем новая страница в моей жизни. Студенты богослов<ского> факультета (на котором я преподавал философские предметы) создали, в числе 7 чел<овек>, кружок религ<иозно>-фил<ософский> и пригласили меня принимать участие в этом кружке. Это положило начало очень большому и творческому делу — Русскому Христианскому Студенческому Движению — которое ныне

чрезвычайно разрослось и бессменным председателем которого я состою. С осени 1922 г. Белградский кружок очень возрос, моя роль тоже стала очень значительной. Студенты, принимавшие участие в кружке и очень полюбившие меня, постоянно посещали митр. Антония, который вообще всегда очень любил молодежь и был с ней очень ласков. Вероятно, они не раз говорили ему обо мне, но я всегда тщательно избегал встречи с м. Антонием (памятуя его слова, переданные еп. Вениамином). В Январе 1923 г. студенты затеяли пригласить в кружок митр. Антония. Когда я об этом узнал, я собрал руководителей кружка и сказал им, что я очень рад за них, но что мне совершенно невозможно встретиться с митр. Антонием, что я просто не приду в данный вечер. Но оказалось, что студенты давно (очевидно, от митр. Антония) знали о моих давних трудностях с митр. Антонием и заявили мне, что без меня они не считают возможным принять у себя митр. Антония, что митр. Антоний совсем теперь иначе ко мне относится, что я непременно должен быть, когда он будет, что «все будет хорошо». Тогда я должен был рассказать им в общих чертах ту историю моих отношений к митр. Антонию, которая подробно изложена на предыдущих страницах. На студентов и это не действовало. Я не мог все же дать им согласия присутствовать на собрании с митр. Антонием, указывая, что, помимо возможных личных для меня неприятностей, которых я вправе и избегать (когда митр. Антоний служил напр. в русской Церкви в Белграде, то я не рисковал даже подойти к кресту, не будучи уверен, что не начнет вслух обличать меня...). ...Студенты уверили меня, что они еще раз переговорят с митр. Антонием, о котором они и сейчас знают, что он хочет меня видеть. На другой день я пошел в Церковь (было воскресенье), и у самого входа в Церковь меня задержал кто-то, — и неожиданно подошел митр. Антоний. Увидев меня, он приветливо сказал: «А, Василий Васильевич! Рад Вас видеть». Я подошел под благословение, митр. Антоний заявил мне: «я собираюсь на днях в Ваш кружок, надеюсь увидиться с Вами там». После этих слов митр. Антония мне уже ничего

не оставалось делать, как прийти на то собрание, на котором должен был быть митр. Антоний. На собрании митр. Антоний был сверхлюбезен со мной, постоянно говорил со мной, все озирался на меня и если не видел, то говорил: «а где Василий Васильевич». Видимо, студентам легче удалось то, чего хотел добиться еще в Октябре 1918 г. о. С. Булгаков, думаю даже, что они нарочно подстроили все это «примирение».

Конечно, я от души был рад ему. За всю свою деятельность в качестве Министра Исповеданий я никогда никакого зла к митр. Антонию не имел — это как раз он сердился и негодовал на меня, — и, если теперь он менял гнев на милость, тем приятнее это было для меня. Мне всегда было тягостно то несправедливое, недоброе отношение, которое было у многих на почве создавшейся легенды о том, что я «гнал и преследовал митр. Антония» (такой рассказ я сам однажды слышал) — и хотя я еще не был уверен в том, что настроение митр. Антония вполне переменялось, но был рад даже и тому, что он так мило и любезно меня встретил. Мне пришлось через два месяца оставить Белград — я был приглашен в Прагу читать лекции в Педагогическом Институте, но за эти два месяца я несколько раз виделся с митр. Антонием, был однажды приглашен им к завтраку (вместе с несколькими студентами из кружка) — и отношение ко мне м. Антония оставалось все таким же сердечным и любезным. Одна его проповедь привела меня в такое волнение, что как-то все большое, что еще оставалось у меня в душе, совершенно растаяло. Летом, когда я заехал в Сербию, я поехал к митр. Антонию в Карловцы, снова был чрезвычайно любезно принят им и, прощаясь с митр. Антонием, просил его простить меня, если чем его обидел. Он очень ласково и сердечно обнял и поцеловал меня. Но наше «примирение» на этом не кончилось. Бог судил мне еще такую встречу с митр. Антонием, которая навсегда остается в душе моей светлым воспоминанием. Р<усское> Христ<ианское> Студ<енческое> Движение решило устроить свой годичный съезд в мон<астыре> Хопово (возле Белграда). Конечно, мы послали приглашение и митр.

Антонию, который провел всю неделю с нами. В первый же день (все это было до того Карловацкого Собора, который осудил РСХ Движение за его связь с американской христианской организацией Y.M.C.A.). Митр. Антония выбрали почетным председателем съезда, а я был деловым председателем. Все неделю мы сидели рядом, естественно, много говорили — и между нами сложились замечательно дружеские отношения, которых так не хватало тогда, когда я был Министром. В последний день, когда кончился съезд, митр. Антоний сказал съезду, что он благословляет меня оставаться бессменно Председателем Движения, и заповедал молодежи никогда не отпускать меня с поста Председателя, подарил мне карточку с самой сердечной надписью... Года через два, когда я выпустил в свет непериодическое издание «Вопросы религ<иозного> воспит<ания> и образования», я получил очень нежное письмо от митр. Антония, превозносившего мою статью. Не знаю, что теперь думает обо мне митр. Антоний, но я всегда благодарю Бога за то, что мне дано было так благостно закончить самую тяжкую страницу в моей былой деятельности в М<инистерстве> Испов<еданий>.

Я не собираюсь здесь рассказывать о моей службе на пользу Православной Церкви в эмиграции, поэтому опускаю все те встречи с митр. Евлогием, которые были связаны с организацией Богословского Института в Париже, с арх. Феофаном Полтавским. Кое-что я скажу в дальнейшем, — где хочу дать несколько портретов-характеристик тех архиереев, с которыми пришлось мне ближе познакомиться. Обращусь поэтому к описанию других моих встреч — с политическими украинскими деятелями.

Первая встреча была еще в 1921 г. с одним из моих слушателей и учеников в Киевском Университете — Тимофеевым, увлекавшимся философией. Я потерял его из виду в год революции — оказывается, он был страстным украинцем, участвовал в Петлюровском восстании и был или Министром, или Товарищем Министра Продовольствия в Директории. Попад в эмиграцию, Тимофеев сильно эволюционировал

и стал защитником гетманского (монархического) принципа в том духе, в каком защищал идею гетманщины украинский писатель (бывший послом Украины в Вене) Липинский. Тимофеев как-то узнал мой адрес в Белграде, списался со мной, и мы условились, что я приеду к нему под Вену, где он жил, погостить на несколько дней. В годы своего пребывания в Белграде я проводил лето в Берлине (где стояла тогда, до стабилизации марки, необыкновенная дешевизна), чтобы научно работать. Возвращаясь из Берлина осенью 1922 г., я приехал в Вену, где меня встретил Тимофеев, и вместе с ним я отправился в чудное место Kueb (недалеко от Jemmering'a). Тимофеев всегда был привязан ко мне, тут же еще прибавилось его новое увлечение идеей самодержавия — гетманщины, как конструировал эту идею Липинский, давший оригинальнейший синтез славянофильского учения о самодержавии, учения Сореля и некоторых советских идей. Мы без конца говорили с Тимофеевым, который повел меня затем к Липинскому, жившему в нескольких верстах от Тимофеева. Липинский, которого я лично до того не встречал еще, оказался очень интересным и оригинальным человеком, большим и серьезным историком. Будучи католиком, он имел огромное влечение к Православию — и главной темой нашей беседы был разговор именно о Православии. Липинский исходил из той мысли, что промышленное развитие неизбежно разбивает население на «профессиональные» группы, чем наносится глубокий удар национальному единству. Это национальное единство должно быть охраняемо наследственным (а потому свободным от игры классовых и партийных разногласий) монархом, которого он вслед за славянофилами наделял атрибутами самодержавия, имея в виду, что совесть (а не воля) монарха должна быть выше «народной воли». Вместе с тем Липинский считал, что Россией должны править три русских «народа» — великороссы, украинцы, белоруссы. Они должны иметь трех монархов, образуя федерацию наподобие немецкой империи. Точкой единства должен быть, однако, патриарх, единый для каждой Руси, для всей «империи».

Это была полуфантастическая система, но мне очень близкая и интересная во многих мотивах своих. Меня поразило и очень обрадовало у Липинского то, что церковное единство он ставил в основание политического единства России. Его любимой мыслью было то, что Россия не есть создание одной Москвы, что «Россия» — т. е. то целое, какое мы имеем с XVII в., — именно как целое есть создание Москвы и Украины. Липинский поэтому не хотел отрекаться, во имя Украины, от России — и это был новый, дорогой для меня синтез русско-украинской стихии. Липинскому особенно важно было удостовериться в том, что он понимает дух Православия. Он даже с грустью о себе подчеркнул то, что на Украине, которая должна быть непременно православной (против унии он выразился очень резко), могут действовать плодотворно только православные.

Беседа моя с Липинским была очень продолжительна и оставила очень глубокое впечатление во мне. Я не разделял ряда идей, которые он высказывал, но меня до последней степени привлекло глубокое и серьезное стремление обосновать церковно нерушимую связь России и Украины. Я и сам считал и считаю, что единство православной веры является драгоценнейшим залогом нашего исторического единства. Липинский производил впечатление не только умного, но и глубокого человека, меня влекло к этому смелому и парадоксальному мыслителю, одинокому, головой стоящему выше и Гетмана, и всех «Гетманцев». Кто следит за эмигрантской украинской литературой, тот знает, что Липинский является духовным вождем всего «гетманского» движения. Сколько мне известно. Гетман, который, по-видимому, вывез из Киева солидные деньги, поддерживает Липинского, человека большого и, пожалуй, обреченного (благодаря туберкулезу) — но, кажется, он держится и до сих пор, хотя по-прежнему слаб. Но при всем искреннем уважении моем к Липинскому, искреннем влечении к нему, мне было почему-то жалко его. Позднее я понял это свое чувство, когда уже в Праге пришлось мне встречаться с другими украинскими политически-

ми деятелями (Дорошенко, А. Я. Шульгин и др.) Липинский был не только головой выше всех этих людей, необыкновенно провинциальных, — он был, по моему глубокому убеждению, не только крупным историком, но и высокоталантливым мыслителем — пожалуй, единственно ярко талантливым человеком, которого я вообще встречал среди украинцев. Его таланту просто не на чем было развернуться — и именно это ощущение несоответствия между большим талантом и маленькой, узенькой задачей, к которой его национальное чувство и историческая обстановка привязали целиком — и было, как мне казалось тогда, в основе моего грустного чувства, которым окрашено мое воспоминание о Липинском. Он весь ушел в выработку идеологии гетманщины — и, читая его статьи, я всякий раз испытывал то же грустное чувство от большого человека, упорно везущего маленькую телегу. Не оттого ли все крупные таланты уходили к простору великой России, что Украине суждено было историей остаться навеки лишь провинцией России! «Большому кораблю большое плавание», говорит пословица, которую любят применить иронически, но и в самом деле — в маленьких и скудных условиях провинциального бытия, на которое осуждена Украина, — что делать большому таланту? О, как я понимаю все остроту той горечи, всю жгучесть той любви, которую испытывают сыны Украины по своей «неньке Украине»? Любовь к Украине есть огромная и творческая сила, сила, которой никогда не смогут убить ни внешние притеснения, ни свободная «конкуренция» более сильной общерусской культуры: перед этой именно силой должно склониться русское сознание, — склониться с уважением и верой. Но никакая любовь, никакое одушевление и творческий порыв не могут сделать невозможного — превратить провинцию в великую державу. Липинский для меня есть самое яркое непререкаемое свидетельство именно провинциальности Украины: ему тесно в пределах темы об Украине именно потому, что это тема провинциальная, хотя все сердце, все вдохновение и любовь, весь огромный талант отдал он Украине. Но не цвести его большо-

му таланту на маленьком поле... и стоит мне представить рядом с Липинским таких бесспорно одаренных людей, как Дорошенко или Шульгин, таких сильных людей, как Чеховский или А. И. Лотоцкий, таких «вождей», как Петлюра или Скоропадский, таких «премьер-министров», как Лизогуб или Вяч. Прокопович, чтобы еще ярче почувствовать, как трудно было развернуться огромному таланту Липинского на мелководье, в котором его удержала пламенная любовь к Украине. В этом увядании талантов на узенькой и скудной полосе, отведенной историей Украине, есть нечто роковое? Да, но это надо понять и принять. Сам же Липинский превосходно выяснил, что украинский гений (а можно и должно говорить об украинском гении) явил себя в XVIII и XIX веке в творении великой России — и это значит, что украинский гений обретает свои крылья, обретает свою творческую силу, лишь когда перед ним открывается простор великой России. Не просто в «союзе» с Россией, но в слиянии с Россией, — том слиянии, которое имело место в XVIII и XIX веке — обретает и Украина свой путь, оставаясь в своей особенности, не теряя своего своеобразия, но входя в орбиту движения всей России. Это грустно? Конечно, ибо не цвести высшим цветам, где скудна почва, — они замирают и гложут. Но надо понять и принять то, что диктует история, — политика есть творчество лишь в том случае, если мы повинемся директивам истории. Фигура Липинского останется для меня всегда символическим осуждением — против воли, против всего творческого одушевления самого Липинского — претензии сынов Украины на самостоятельное, особое историческое бытие, осуждением неприятия ими горькой доли провинциальности, осуждением их стремления обойти историю. Творчество Липинского (не как ученого, а как историка) остается бесплодным... пока оно не свяжет себя со всей Россией.

Последний день перед отъездом Тимофеева меня неожиданно посетил тоже живший в соседстве... Шелухин! Тимофеев предлагал мне раньше повидаться с ним, но я отклонял это предложение — уж очень безвкусное, тяжелое впечатление

оставалось у меня от Шелухина. Но он сам пришел — и я должен был провести часа два с Шелухиным. Тут я впервые его узнал как человека. Впечатление от его «неумности» утвердилось в полной силе — и еще удивительнее показалось мне то, что его всерьез делали государственным человеком, назначили председателем комиссии по заключению «мирного» договора с большевиками. В Шелухине и теперь сохранилось гаерство и шутовство, но под этим я не мог не увидеть доброго и симпатичного обывателя. Да, он именно был таким «либеральным» украинским обывателем, — и в этих пределах он был даже достойным, порядочным и приятным человеком. Но судьба сыграла злую шутку с ним, превратив его в государственного деятеля... Шелухин, если не ошибаюсь, попал потом в профессора уголовного права в Украинском Университете. То-то, думаю, было жалкое зрелище. Ему бы оставаться членом окружного суда, чем он был в Одессе до революции.

Тимофеев, у которого я жил, был умный парень и, кажется, видел насквозь своих украинских приятелей, но его ум уходил в сферу практическую. Мне неожиданно привелось его встретить зимой 1926—27 г. в Чикаго, где он разыскал меня (я провел тот год в Америке и два раза был в Чикаго). По-прежнему хранил он любовь к Украине, остался по-прежнему «Гетманцем» (я серьезно думаю теперь, что для трезвых украинцев осталась только одна более или менее реализуемая перспектива — та самая, которая воплотилась в «гетманщине», — но об этом не стоит говорить); но вся его энергия уходила в «доллар»...

Встреча с Липинским не пропала даром; думаю, что он писал обо мне Скоропадскому и Дорошенку, потому что Дорошенко разыскал меня в Праге и убедительно просил меня, когда я буду в Берлине, навестить Скоропадского. Мне было любопытно и самому встретиться с Скоропадским; скоро я получил от него письмо, за первым письмом другое. Письма были любезны, интересны, и я обещал навестить его в его вилле в Wannsee (под Берлином). Первый раз я был у него один, мы «предавались» воспоминаниям, не вели никаких ответствен-

ных бесед. Но в следующей мой приезд в Германию случайно или не случайно тут же оказался и Дорошенко, который вообще уже в то время целиком связал себя с Гетманом. Я получил от Скоропадского приглашение приехать на обед — и застал у Гетмана и Дорошенко (который, кстати сказать, все время говорил Скоропадскому «пан Гетман», — хотя я обращался к нему по имени и отчеству; Дорошенко демонстративно подчеркивал, что для него Скоропадский не перестал быть Гетманом). После обеда со всей семьей Скоропадского мы остались втроем, и тут у нас началась неожиданная политическая беседа. Скоропадский попросил меня высказать мой взгляд на церковное положение на Украине (если память мне не изменяет, это было зимой 1925 года). Я был несколько *au courant* церковного положения, некоторых течений. И. И. Огиенко, последний украин<ский> Министр Исповеданий (при Директории), с которым я виделся в Варшаве еще в Январе 1921 г., время от времени присылал мне в Прагу разные свои издания, так что я мог следить и за этим течением (Огиенко был крайним автокефалистом). Выслушав меня, Скоропадский задал мне другой вопрос: а как я смотрю на возможность и пути церковного возрождения на Украине? Надо заметить, что к этому времени я уже три года состоял Председ<ателем> Рус<ского> Хр<истианского> Студ<енческого> Движения — и украинцы при встрече не переставали меня укорять за это — за то, что я «работаю на русских». Эта моя «активность», как я несколько раз убеждался, почему-то «беспокоила» украинцев, которые очевидно предпочитали, чтобы я ничего не делал, чем служил бы русскому делу. Уже не потому ли и возник у Дорошенко план завлечь меня в украинские дела и тем отвлечь от русских? Может быть, я напрасно так подозрителен, но появление Дорошенко в Берлине, когда я там был, и именно у Скоропадского, невольно наводило на подозрения. Когда я высказал Скоропадскому, как я гляжу на ближайшее будущее в церковных судьбах на Украине, в чем я вижу сейчас единственную плодотворную работу для укрепления Церкви (а именно — работу среди молодежи для развития и укрепле-

ния церковного сознания с целью подготовки поколения, могущего взять на себя задачу восстановления церковной силы), Скоропадский спросил меня, не взялся ли бы я работать в этом направлении среди украинцев и сосредоточить в себе все основные нити церковные (украинские). Я сразу же ему сказал, что не вижу реальной почвы для такой работы, что ничего из-за границы сделать в смысле влияния на церковное положение на Украине невозможно, что наконец я целиком ушел сейчас в работу среди русской молодежи и мне уже трудно сейчас что-либо делать дополнительное. Я говорил Скоропадскому и Дорошенко о тех бесплодных моих попытках вызвать к жизни религиозное движение среди украинской молодежи, какие имели место в Праге.

Разговор наш оборвался, я почувствовал, что и Скоропадский, и Дорошенко хотели меня привлечь ближе к «гетманской идее» — к чему у меня, по-существу, никогда не было влечения. Через год в Америку последовало мне еще одно «приглашение» — как раз в 1926 г. при содействии Гренера и немецких денег открылся Украинский Научный Институт с некоторым количеством платных кафедр (пока была занята одна лишь кафедра — Липинским). Меня Дорошенко запрашивал, соглашусь ли я вступить в состав Укр<аинского> Научн<ого> Инст<итута>. Я ответил ему, что из Америки затруднительно дать ему какой-либо ответ, потому что слишком удален сейчас от всего, что происходит в Европе, но добавил к этому, что если Научн<ый> Инст<итут> имеет в своей основе политическое, а не чисто научное задание, — что я в таком случае, по принципиальным соображениям, вступить в него не могу. По возвращении моем в Европу нового приглашения не последовало.

Этим, в сущности, исчерпываются мои встречи с украинскими политическими деятелями. Об русско-украинских беседах, организованных еще в 1923–1924 г. Дорошенко и мной, я уже рассказал в предисловии к настоящим мемуарам, упомянул и о том, что беседы наши, хотя были интересны, но были и решительно бесплодны — для обеих сто-

рон. С Дорошенкой тогда у меня было много встреч, мы стали даже, пожалуй, близки, — но после бесед у Скоропадского отношения наши совершенно увяли.

С Лотоцким (см. выше) я впервые познакомился в Праге на упомянутых беседах. Это был коренастый, сильный, упрямый человек — очень умный, но и обозленный, непримиримый враг России. При взгляде на него невольно вспоминались мне различные жестокие фигуры из украинской истории — такой человек не моргнувши глазом мог бы отправить на смерть. Что-то жестокое, беспощадное, — а в то же время трагическое чувствовалось в нем. То, что называют «сердитым бессилием», гневом от бессилия, но что у Лотоцкого было не гневом, а злобой, непримиримой и страстной, — все это говорило о муке его любви к Украине. Он любил ее горячо и фанатически и не мог простить России самого ее существования, самого факта ее величия; мучительная зависть, непрощаемая обида как-то «застряли» в нем. Мы с ним ни одного слова не говорили при встрече об украинской Церкви, но при внешней вежливости со стороны Лотоцкого, какой-то насильной для него любезности, я чувствовал в его отношении ко мне элемент обиды — и, конечно, никак не мог разгадать причины. Но в одной из бесед, в случайном слове Лотоцкого, сказанном об украинской интеллигенции, бросившей свою «страну» и ушедшей служить России, в его выразительном жесте, обращенном потом ко мне, я вдруг понял причину нелюбви Лотоцкого ко мне. Он не мог простить мне того, что, будучи украинцем, я служил и служу русскому делу. Уже много позднее, когда беседы наши оборвались, в случайной встрече Лотоцкий меня холодно спросил — «а Вы по-прежнему все заняты русскими делами?» Этот холодный вопрос звучал все тем же обвинением мне, которое я почувствовал раньше. Лотоцкий был ревнив к Украине, он не допускал ухода «на сторону» (т. е. в Россию!), принадлежа к той «старой гвардии», которая умирает, но не сдается.

В тех же Пражских русско-украинских беседах я ближе узнал и А. Я. Шульгина, тоже Министра Иностр. Дел, как и Доро-

шенко, но уже при Директории. Если Дорошенко всегда был немецкой ориентации, то Шульгин, ученик Н. И. Кареева, работавший у него по истории французской революции, был всегда французской ориентации. Поэтому он был послан в Париж (при Директории, т. е. когда победа союзников стала уже совершившимся фактом, — и до сих пор является «полномочным министром» Украинского Республиканского Правительства (последнего состава, когда Чеховского сменил Вяч. Прокопович), ездит в Лигу Наций защищать интересы украинцев. Это очень живой, корректный и выдержанный, умный и эластичный, но в то же время страстный человек, безгранично и всецело преданный украинской идее. В нем как-то не ощущается солидности — и это очень ослабляет то в общем ценное впечатление, которое получаешь от беседы с Шульгиным. На самом деле, насколько я могу судить, это самый широкий и умный (хотя тоже не талантливый, как и Дорошенко) человек среди украинской политической интеллигенции. На нем легла печать столичного «лоска», в нем нет ни мужиковатой, но зато прямой, грубости Лотоцкого, нет приторности Дорошенко, у которого всегда ясно ощущаешь хитрого человека. Шульгин тоже своего заветного не выдает сразу, но у него есть политический темперамент, отсутствие которого так понижает все дела и выступления Дорошенко. У Шульгина не хватает ума, чтобы иметь продуманную и ясную систему политических идей, его защита тех или иных положений больше действует ее эмоциональной окраской, чем убедительностью аргументов. Шульгин был бы очень хорошим «вторым лицом» в какой-нибудь делегации, а для того, чтобы быть первым лицом, у него недостаточно данных.

В Праге же я встречал и Швеца — одного из членов Директории, которого я знал по Украинскому Народ<ному> Университету. Это был типичный украинский попович, импонировавший своим огромным ростом, физической силой, какой-то стихийной силой, которую ему некуда было девать, в компании «добрый малый», решительный в словах и в действиях, но совершенно глупый во всех общих вопросах, не-

образованный и некультурный. Ему бы родиться в век Тараса Бульбы, а не быть специалистом по минералогии, каковым он по игре случая был. Каким образом он оказался в составе Директории при таком явном умственном ничтожестве, не берусь объяснить, вероятно, представлял свою партию (украинских с-р).

Раз говорю я об украинских политических деятелях, вернусь еще раз в двум главным деятелям современного эмигрантского украинства — Скоропадскому и Дорошенко. Я называю их главными деятелями, хотя хорошо знаю, что на украинском Олимпе живет много отставных богов — как Прокопович, Левитский, Лотоцкий, Шульгин, Шаповал и tutti quanti. Но все эти деятели разного калибра и разной политической ловкости, умеющие пристраиваться к тем или иным правительствам (польскому, чешскому, французскому), — они могут еще немало намотить, они, как разрушительная сила, могут еще не раз внести свою долю участия в разные беспорядки и неустройства, но все они какие-то подбитые, бессильные, нетворческие. Петлюра убит — а он был человек не очень большого ума, но с большим характером, с большой силой волевой концентрации; Саликовский умер — а он был умный, широкий и порядочный человек, с большим моральным весом. Остались либо «дельцы» (Шаповал — совершенно невыносимая фигура, Левитский, Огиенко и т. п.), либо прибитые романтики, как Прокопович. Более свежие и умственно еще творческие примыкают к Скоропадскому; главным мотивом этого сосредоточения вокруг Скоропадского является то, что гетманский период в судьбах Украины после русской революции был действительно периодом удачного и положительного строительства, творческого подъема во всех сферах жизни, а еще что важнее — единственным периодом порядка. Правда, этот порядок был связан с тем, что на Украине были в это время немцы; противники гетманщины на это и указывают. Но факт остается фактом: в течение 7¹/₂ месяцев гетманской власти создавалось и крепло чувство украинской державности. И если переживавшим различные перипетии в ходе жизни на Украине есть

что вспомнить как реальное явление украинской силы, творчества и политической независимости, — то это именно гетманский период, с иностранными послами, с парадами, с цветением и культурной, и экономической, и церковной жизни. И то, что «Гетман» не то монарх, не то президент республики, эта неясность его конституционного положения — только способствует росту популярности гетманского периода. Я уже говорил, что идеологом гетманщины является единственно талантливый писатель и мыслитель — Липинский. Его благоговейно и любовно слушает во всем Дорошенко, его глубоким речам поддается и Скоропадский, доньше еще не вполне сознающий, где он играет «роль», навязанную ему историей, а где он «на самом деле» уже украинец. Скоропадскому ведь ничего и не остается сейчас, как продолжать играть ту игру, в которую засадили его играть 14 лет назад, благо, его происхождение действительно, а не мнимо (как у разных мелких его соперников вроде Полтавца-Остраницы) дает ему известное право на «гетманский престол». Но он — сужу по всем своим встречам вплоть до последних, бывших в 1926 г. — все еще не может до конца стать украинцем, поэтому старательно играет в украинство — и как неизбежно бывает с такими простодушно-хитрыми (*sit venia verbo*) натурами — переигрывает, ибо не знает того, где он имеет право быть «самим собой». У меня осталось впечатление, что Скоропадский в эмиграции как-то выцвел, даже поглупел, измелечал, обленился. И правду сказать — где же ему набираться вдохновения в растянувшемся монотонном досуге? Если бы не было Дорошенко, который, как старательный художник, все работает над ним, как над картиной, все «пишет» и «стилизует», внушает и подсказывает, если бы не было этой неутомимой «мухи», которая изо всех сил старается будить Скоропадского от сна, в который он все время опускается, которая вечно внушает Скоропадскому, что он «исторический деятель», что Украина его «ждет», «возлагает на него надежды», — Скоропадский совсем бы опустился и превратился в типичного обывателя, благо он захватил с собой очень солидные суммы денег.

Правда, говорят, что Скоропадский при какой-то финансовой операции потерял около 50.000 dollar'ов, но судя по всему эта потеря не особенно чувствительно отозвалась на его благосостоянии. Прекрасный человек — его жена, сумевшая сохранить здравый ум и настоящее благородство души во все периоды ее многострадальной жизни, сумевшая хорошо воспитать своих дочерей, она является ангелом-хранителем Скоропадского, его надежнейшим советником, постоянно умеряющим его порывы. Собственных политических комбинаций у Скоропадского давно нет — за него думает и хлопочет Дорошенко, поражающий неутомимостью своей любви к Гетману и к гетманской идее. Как Дон Кихот, верен Дорошенко этой идее; с настойчивостью и неутомимостью изо дня в день работает он на пользу этой идеи — пишет, говорит, интригует (среди немцев). Это идеалист, самый привлекательный из всех романтиков украинской идеи, верный проводник и истолкователь всех глубоких и мечтательных идей Липинского. Возможно, что история еще раз улыбнется Украине — и тогда Дорошенко будет наиценнейшим человеком. Но я сомневаюсь, чтобы история улыбнулась Украине, хотя не сомневаюсь, что враги великой России, враги возрождения России (а не врагами являются, по-моему, одни лишь американцы) будут долго еще играть на украинской теме — да только ведь никогда не сговорятся, ибо все это хищники... Дорошенко, под влиянием Липинского, строит свои политические планы на связи с Россией; но я мало доверяю его руссофильству — оно у него не от трезвого учета исторической обстановки, а от некоторой зачарованности идеями Липинского. Липинский же, при всей своей глубине, тоже Дон Кихот, хотя и самый замечательный и глубокий среди своих товарищей по судьбе.

Мне остается в этой последней главе набросать общие характеристики тех представителей русской Церкви, с которыми я имел возможность познакомиться за свое пребывание у власти. Я ограничусь немногими лицами — и, давая свои характеристики, буду считаться не только с тем материа-

лом, какой накопился у меня за время управления Министерством Исповеданий, но и после того.

Скажу прежде всего о митр. Антонии. Его репутация так прочно создалась, так документально обрисована с опубликованием его различных писем, что было бы излишним с моей стороны говорить об этом. Мне хочется дать некоторую общую характеристику м. Антония как человека и как иерарха, в нем я вижу образ трагический — и с точки зрения его собственной судьбы, и с точки зрения судеб русской Церкви. Будучи большим талантом, с глубокой и редкой богословской ученостью, м. Антоний являл пример великого и неутомимого церковного деятеля, отдавшего всю свою незаурядную энергию на церковную работу. Его центральная идея, как мне кажется, всегда заключалась в вере, что подлинное и чистое христианство осуществимо лишь в монашестве. Пребывание в миру сладостно нам по естеству — а что м. Антоний хорошо понимал всю «естественную сладость жизни в миру, это видно из его очень метких, колких и ядовитых замечаний о жизни «по естеству», что хорошо знают все собеседники м. Антония, — но эта естественная сладость не приближает нас по его сознанию к правде Христовой, а наоборот удаляет. Для естественного нашего зрения закрыта правда Христова, как красота и утоление нашей духовной жажды — и потому, кто понял это, тот должен освободиться от мира, т. е. уйти в монашество. В этом еще нет презрения к миру, поэтому есть у м. Антония очень много подлинной и даже нежной снисходительности к грехам («пребывая в миру, можно ли не грешить в смысле подвластности страстям» — так бы я формулировал это основное положение в практической этике м. Антония), но он не уважает мира, не верит в него. В этом смысле и Церковь для м. Антония не семя обновления жизни в мире, в истории, а некий Ноев ковчег, со всех сторон окруженный бурными водами. Правда в мир не входит и не может войти — и единственно, что может справиться с миром, это не Церковь, а светская власть. Светская власть есть от Бога данная, естественная, но и постоянно благословляемая свыше сила на обуздание природ-

ного хаоса, природной неправды; поэтому Церковь потонула бы в миру, если бы с мира были сняты оковы, налагаемые на него властью (!). Отсюда для м. Антония вытекает тезис, который по-существу ужасает своим неверием в Церковь, который определяет все церковно-политическое мировоззрение м. Антония, — а именно его глубокое убеждение, что Церковь нуждается для своего мирного и плодотворного развития в монархии. Но м. Антоний слишком глубоко и горестно перестрадал тот плен Церкви государству, какой был при нашей монархии. Поэтому искренно и непоколебимо защищая идею монархии, м. Антоний столь же твердо стоит за свободу Церкви, за соборное ее управление, за патриаршество. Возрождение патриаршества на Руси есть по-преимуществу заслуга м. Антония, неутомимо защищавшего эту идею в течение нескольких десятилетий.

М. Антоний более смел и даже радикален в церковных вопросах, чем это про него думают. Он никогда бы не мог, если бы стал патриархом, получить тот ореол чистоты и правды, который привлекает русские сердца к образу патр. Тихона, но в смысле уступок большевикам и даже всего того, что ныне делает митр. Сергей, м. Антоний мог бы пойти даже дальше и смелее. Он до известной степени воспитатель всего русского епископата, умевший замечать огонь в душах тех, кто уходил в монашество, — его действительно чтут и глубоко ценят почти все русские (да и не одни русские) епископы. И вместе с тем именно в силу своей глубины и цельности м. Антоний был и остается самой роковой фигурой в русском епископате — не столько даже в силу его назойливой и неумной «политики», его игры с разными монархистами (которых, впрочем, он видит насквозь и совершенно не уважает!), а в силу его общего принципиального неумения, фатальной неспособности понять то, что если Церковь лишь уходя от мира может быть верной Христу, то этим она неизбежно отдает мир во власть Сатане, отрекается от своей спасительной задачи в мире. Односторонность понимания христианства, как она проявила себя в нашем монашестве (хотя, конечно, монашество не по-

крывается этим моментом, оно глубже и религиозно действительнее его), есть роковая и страшная «ересь чувства», говоря термином Хомякова, ересь в исходной установке. Ничто так не иссушало и не губило Церковь, как отрешенный и отворачивающийся<ся> от жизни, а потому и односторонний, и болезненный, и несправедливый мистицизм. Роковое значение усваиваю я м. Антонию именно как наиболее яркому и одаренному, наиболее глубокому и влиятельному представителю такого одностороннего, внежизненного понимания христианства. Вся неправда этого направления в Церкви, помимо чисто догматического искажения, которым оно страдает, обнаруживается в том, что, отворачиваясь (по- существу) от жизни, оно неизбежно утеривает основную христианскую стихию любви, не может любовно и светло глядеть на мир, а полно презрения, злобы, осуждения. Неблагозвучность душевного типа, здесь создающаяся, есть решающее свидетельство его неистинности.

Я не хочу винить митр. Антония — он не был выше своего времени, он отдал лучшие силы своей богатой и разносторонней души на то, чтобы максимально возвысить то направление, в котором, вслед за эпохой, видел «суть» христианства — и, конечно, не понял, не почувствовал того, куда должна идти христианская сила... Из всего сказанного единственно и можно понять странный, почти мозаичный, если угодно — гротескный склад личности митр. Антония. С одной стороны, он на редкость бескорыстный и добрый, отзывчивый и сердечный человек. Особой любовью его всегда пользовалась молодежь — и даже в последние годы его одряхления он по-прежнему ее любит и сердечно ласков с молодежью. Он тонок и умен, имеет поразительную память, прямодушен и не лукав, глубоко религиозен и даже мистичен. А в то же время он невыносимо циничен в своих речах, ни о ком не скажет доброго слова (это мучительное для собеседника свойство митр. Антония; я лично много раз был доводим им до невыразимой тоски...), часто груб, неприличен в своих суждениях, бестактен и невыносим в своих беседах. И все это — и положительное,

и отрицательное — живет вместе; противоречий у митр. Антония так много, что порой возникает вопрос — да где же он «настоящий»? У меня всегда было впечатление, что у митр. Антония не только перестали действовать (ко времени, когда я его знал) задерживающие центры, но что у него вообще ослабела или недостаточно развилась та сила логического мышления, которая, помимо нашей воли, ведет к единству в мысли. Впечатление какой-то богатой руды, в которой драгоценный слой быстро сменяется низким и ненужным, над которой никакая сила не возвышается, чтобы отделить ценное от ненужного, — вот что всегда чувствовал я в митр. Антонии. И еще одна существенная черта (по крайней мере, для того времени, когда я знал митр. Антония) должна быть здесь отмечена. Митр. Антоний был, по-видимому, всегда очень доверчив и очень легко поддавался чужому влиянию. Мрачная фигура Махараблидзе, который вертел митр. Антонием, как игрушкой, подсказывал ему, что надо говорить и делать, как-то странно стояла долгие годы рядом с митр. Антонием, — который в то же время, как мне кажется, всегда был низкого мнения о Махараблидзе, но считал его дельцом и потому терпел его возле себя и даже подчинялся ему.

Перейду к другой яркой фигуре — митр. Евлогию. Еще до знакомства личного с митр. Евлогием я знал о нем немало со стороны его школьного товарища проф. Кудрявцева, который был всегда (говорю о времени после 1906—1907 г.) недоброжелательным к митр. Евлогию, считая его карьеристом, продавшим себя правым ради карьеры, вообще лишенным нравственной стойкости. Еще в 1926 г. проф. Экземплярский, тоже хорошо знавший — с детства — митр. Евлогия, сам человек кристальной чистоты и честности, бывши в Праге, куда он приезжал на месяц из Сов<етской> России, говорил мне раз — как Вы можете верить митр. Евлогию? Сколько бы хороших вещей он теперь ни делал — а я должен признать, говорил Э<кземплярский>, что митр. Евлогий действительно ведет себя достойно и умно, — все равно верить ему нельзя. Если жизнь поставит его перед альтернативой выбирать

между правдой и выгодой — он не устоит... Это резкое мнение я никогда не разделял, но деятельность митр. Евлогия в Государственной Думе, в Галиции (я судил, конечно, на основании тех сведений, какие я слышал от других) вызывала у меня и недоверие, и даже антипатию. Первые мои встречи с архиеп. (тогда) Евлогием, когда я уже стал Министром, убеждали меня в том, что это очень умный и глубокий человек, но все же «лукавый царедворец», на которого положиться нельзя. Впечатление доброты и мягкости, какого-то личного очарования уже тогда ясно определились у меня — и тем холоднее выдвигал рассудок отмеченные неприятные черты.

Уже в эмиграции я стал очень близко к митр. Евлогию и думаю, что знаю его довольно хорошо. То недоверие, которое у меня сложилось, смягчилось, но все же не рассеялось, — но оно в то же время совершенно потонуло в живом впечатлении от редких свойств митр. Евлогия — от широты его понимания, от светлой силы его духовного зрения, умения быстро и правильно схватывать самую суть вещей, от его благодности, постоянного и искреннего желания мира и наконец от неожиданных, но глубоких и твердых проявлений в нем творческой воли, — которая сделала митр. Евлогия не только исключительным, но и единственным русским иерархом, понимающим современность и стремящимся по мере сил идти ей навстречу. На моих глазах митр. Евлогий сделался одним из крупнейших деятелей русской церковной истории — не только умным и смелым, не только глубоким, но и творческим. Нужно знать в подробностях все, что делал и делает митр. Евлогий в сфере междухристианских связей, в Богословском Институте, в отношении его к Рус<скому> Хр<истианскому> Студ<енческому> Движению, чтобы признать митр. Евлогия не только достойнейшим из иерархов, но и настоящим украшением русской Церкви. Если бы к прекрасным свойствам митр. Евлогия присоединилась бы крепкая воля, то это еще больше, конечно, увеличило бы историческое значение его.

Последнюю характеристику свою хочу посвятить митр. Платону. Талантливый, тонкий, умный митр. Платон стал мне

ближе известен с 1917 года, — но это были уже годы редких вспышек его таланта и все усиливающихся проявлений тяжелых свойств — мелкого эгоизма, кажется, большого корыстолюбия (общий голос говорил об этом) и абсолютной небрежности к интересам Церкви. Еп. Феофил, занимавший место викария митр. Платона в Чикаго, один из замечательнейших русских архиереев, каких я встречал, в откровенной беседе со мной очень горько, с большой обидой жаловался на то, что митр. Платон ничего не делает для огромной, переживающей большой духовный и организационный кризис Американской Церкви, что все попытки подвинуть на какие-либо мероприятия разбиваются о решительное нежелание митр. Платона думать об интересах Церкви. Он стремится только удержаться на своем посту (против него борются в Америке «карловчане» и советские обновленцы) — и на это одно у него еще осталось сил. Но он мог не работать сам, мог бы дать простор работать другим... — но не хочет. Боюсь, что у него есть опасение, что еп. Феофил, весьма популярный в разных кругах, может стать соперником его...

Эти три портрета скорбно глядят на нас. Кроме одного митр. Евлогия нет никого в русской иерархии, кто понимал бы запросы времени и умел бы идти навстречу нуждам Церкви. Великий критический период проходит русская православная Церковь — и в свете всего того, что вижу я и наблюдаю в церковной жизни за последние годы — те замыслы и планы, которые я лелеял, став Министром Исповеданий, и о которых я лишь частично рассказал в настоящих мемуарах, кажутся мне и ныне верным и отвечающим интересам Церкви, ее основным проблемам, которые перед ней поставила история.

ЧАСТЬ II

РУССКО-УКРАИНСКАЯ ПРОБЛЕМА В ЕЕ СУЩЕСТВЕ И ПУТИ ЕЕ РАЗРЕШЕНИЯ

Глава I

Русско-украинская проблема

Русско-украинский спор исторически достаточно «стар», но в той форме, в какой он предстает ныне, он возникает лишь в XIX в. В XVIII в. закончилось самостоятельное существование Украины (если только можно то, что происходило в течение двух столетий — XVI—XVII — серьезно называть «самостоятельным» существованием Украины как государства) — и что бы ни утверждали украинские историки (из которых я больше всего считаю с Липинским, написавшим замечательную работу о Переяславском договоре) — 1654 г. положил конец существованию Украины, которая вошла в состав Московского царства и тем положила начало всей России в том новом ее смысле, который обычно (и удачно) называют периодом «императорской» России. XVIII век был тусклым в истории украинской культуры, — но он был тусклым и в истории России, хотя и очень плодотворным. Но XIX век, положивший начало самостоятельной и оригинальной русской культуры, не только не поглотил украинской культуры (чего было бы, с внешней точки зрения, естественно ожидать), а наоборот, как-то глубоко оплодотворил украинский гений. Украина отдавала своих лучших сынов России, тем создавала Россию — и прав Липинский,

что не должно отрекаться украинцам своих прав на Россию, которая создана не одними великороссами, но и украинцами. Но, отдавая свои лучшие силы России, Украина не умирала, а, наоборот, расцветала в своем своеобразии. Чрезвычайно любопытно следить за силой и жизненностью украинской стихии в Гоголе, который, отдав себя целиком России, войдя в историю русской культуры как один из важнейших ее деятелей, все время хранил любовь к Украине, ее фольклору и столько страниц посвятил в своих произведениях украинской природе, украинской старине. Но не один Гоголь жил, отдав себя России и Украине, — целая плеяда молодых талантов были такими же, как Гоголь. Не искусственно, не во имя отвлеченного принципа или оппозиции, а естественно, скорее скромно, чем выдвигая себя вперед, робко и стыдливо, но неизменно росло и крепло украинское сознание. Вот факт, которого никакая история зачеркнуть не может, не может его ослабить, наоборот, должна взять его во всей исторической данности и его культурно-политической проблематике. Естественным ростом украинского сознания не за счет вовсе России, а именно в связи с ее ростом — перед политической и культурной мыслью ставилась серьезнейшая проблема культурного дуализма. Правда, вся Россия еще не знала политической жизни — а поскольку узнавала, то увы в форме подполья и заговоров. Украинское движение пострадало и в силу общерусских условий, но особенно пострадало оно благодаря соседству с Польшей. Такая уж горькая историческая доля выпала на Украину — страдать и от собственных грехов, и от чужих. Польские восстания, исторически неизбежные и оправданные для Польши, увенчавшиеся в конце концов созданием уже в наши дни польского государства, ложились и на Украину тяжким ярмом, не суля однако ничего в будущем. Все украинское бралось под подозрение и угнеталось... Я уже говорил вначале о разных ступенях в развитии украинской проблемы, о роли Австрии в создании питомника антирусского украинского движения.

Факт, с которым русская революция встретила украинскую проблему, в основном и существенном сводится к тому, что украинское сознание в своем развитии как-будто органически включает антирусскую установку; столь же основным фактом является та отравка русского сознания, которая явилась в итоге гонений на украинство и которая раздавила былые братские чувства и у русских: за «культурную свободу» Украины у нас стояли и стоят лишь те, кого к этому обязывают их общие принципы — живого императива, непосредственного ощущения реальности исторической силы украинской культуры нет и у левых русских кругов. Ничто так не затрудняет русско-украинское объединение, как это духовное равнодушие к Украине у русских, расценка ими украинской культуры как чего-то глубоко провинциального. Я готов сказать даже резче — в глубине украинского сознания сохранилось до сих пор влечение к России, — если сбросить все то, что исторически какой-то плесенью оседало в украинской душе, если по-братски подойти к украинцам — вы легко вызовете то, что живет в глубине души — искреннюю любовь к России, некую неотменимость темы о России в украинской душе. Замечательнейший, наводящий на глубокие историософские размышления парадокс в украинской душе (говорю, конечно, о тех, кто вырос в России) состоит в том, что они любят Россию в глубине души даже тогда, когда искренно и глубоко отталкиваются от нее в верхних слоях души. Ведь любовь к России в украинской душе — любовь без взаимности, и вся горечь неразделенного чувства, вся тревожная и мучительная острота положения оборачивается тем, что энергия любви к России в процессе подсознательного сдвига уходит в ненависть. Ведь так и в диалектике индивидуальной любви, ненавидят часто только потому, что любят, ненавидят потому, что любовь не имеет возможности расцвести и проявить себя. Надо до самой глубины понять и почувствовать это парадоксальное положение в украинской душе, чтобы стать лицом к лицу к основным фактам, мимо которых не может проходить политическая мысль, серьезно глядящая в проблемы будущей России.

Совсем иначе в русской душе! Украина может быть мила, забавна, любопытна, но в русской душе нет ни братского чувства, ни братского интереса к Украине. Роль Украины в истории России так забыта, что нужно было бы немало специальных исследований, чтобы внедрить в русское сознание отчетливое понимание того, что такое украинский гений.

Ужасно мешало и мешает правильному пониманию положения вещей то обстоятельство, что русско-украинский вопрос сближает вообще с так наз. национальным вопросом в России. Внешне это, конечно, правильно — и такая книга, как книга Станкевича «Народы России» как бы совершенно оправдывает постановку вопроса об Украине рядом с вопросом о Латвии, Эстонии и т. д. Между тем это совершенно неверная постановка вопроса ни в его существе, ни в его истории. Москва и Украина были и остаются родными по самому происхождению и еще более родными по общей истории, и самое главное — по общей вере. Для русской души, глубоко религиозной доньше, последнее обстоятельство имеет совершенно исключительное значение. Ведь Киев для русских такой же русский город, как для украинцев он украинский, и обе стороны здесь правы, ибо Киев не есть ни русский, ни украинский, а русско-украинский город, в живом сочетании объединивший обе стихии. Конечно, внешнее угнетение украинской культуры совершенно аналогично тем преследованиям, каким подвергалась, напр., Латвия — но насколько различны внутренние причины и действующие силы этих преследований! В истории угнетения Латвии колоссальную роль играли все время немцы (хорошо известно, как поплатился за раскрытие этого юный Самарин, когда он впервые столкнулся с этим фактом), — но украинцев преследовали именно специфически за стремление к обособлению, как за преступление против России *quand teme*. Не здесь ли таится ключ к тому, что украинское сознание как таковое мыслит себя органически связанным с антирусским настроением? Что фактически там мало людей типа Н. П. Василенко, В. П. Науменко? Не странно ли, что даже у Богдана Кистяковского (между

прочим, редактора сочинений Драгоманова) были элементы «самостийничества»? Что чаще всего (до 90%) украинцы встречаются либо с доминирующим русским сознанием (при полном выветривании украинского), или с доминирующим украинским сознанием (при враждебности к России)? Потому я и считаю оправданной свою формулу, выражающую, по моему мнению, самую сердцевину украинской проблемы: надо спасти Украину для России, надо достичь того, чтобы не по внешним политическим или иным соображениям украинцы шли на федерацию с Россией, не со вздохом, как вздыхают люди перед лицом неотвратимой неизбежности, не с горечью от исторической неудачи в замысле своей державности, — а так, чтобы они чувствовали себя богаче, полнее и свободнее, более способными к творчеству в союзе с Россией. Теперь принято — и, на мой взгляд, справедливо — противопоставлять французскую колонизацию, при которой колонии чувствуют себя обогащенными, английской (в первой стадии колонизации, до получения свободы путем борьбы), при которой колонии ненавидят англичан. Вот и русско-украинская проблема может быть сформулирована так в соответствии с этими двумя типами колонизации: необходимо добиться того, чтобы украинцы, будучи подлинными украинцами (а не теми надуманными и ходульными, которых хочет нам выдвинуть в лице «малороссов» Вас. Вит. Шулгин), сознавали себя и русскими, не отрекались бы от России, а любили и гордились ей.

Не является ли однако это все простым политическим сентиментализмом? Может быть, только думаю, что ни малой доли сентиментализма здесь нет, а есть лишь настоящий политический реализм! Я не верю в те соединения народов, при которых один народ оказывается угнетенным другом, втайне мечтает о свободе и независимости. Как тирания внутри государства не может быть прочной и надежной базой политического строя, так и угнетение целого народа не может дать надежной основы для государственного единства. Украина слишком выросла, слишком созрела в своем наци-

ональном сознании, чтобы можно было не считаться с фактом особой украинской культуры. В том и заключается здесь политическая проблема — возможно ли, при созревшем национальном сознании, вольно и глубоко сознавать себя принадлежащим и к другому целому (более широкому) целому, — да не только сознавать, но и дорожить этим? Говоря иначе — разрешима ли поставленная проблема так, чтобы при зрелом и углубленном украинском сознании было в то же время и сознание себя русским? Признаем *a priori*, что, если бы это было возможно, это дало бы единственное исторически ценное и плодотворное решение вопроса, — иначе говоря, признаем это пока как абстрактное, но зато и полное и настоящее решение русско-украинского вопроса. Я думаю, что в такой (пока *априорной*) постановке вопроса все согласятся, что при наличности такого своеобразного двойственного национального сознания было бы найдено необходимое равновесие. Признаем еще одно, что тоже *a priori* может быть принято: что только такое решение вопроса может быть названо настоящим и плодотворным решением. Ведь всякое иное означало бы или 1) насильственное сохранение связи украинцев с русскими или 2) ослабление у украинцев их национального сознания. Не отрицая возможности и такого вырождения, если бы это случилось, это было бы огромным несчастьем для России, ибо это означало бы угасание той творческой силы в украинском гении, которая так много дала России. Ведь развитие украинского сознания совсем не есть «выдумка» австрийцев, которые вообще лишь с 80-х годов прошлого столетия впервые задумались над украинским вопросом, — а есть совершенно органический процесс, глубочайше связанный с ростом самой России, как это было уже указано выше.

Теоретики национального вопроса создали учение, ныне проводимое в жизнь, о национально-культурной автономии. Многое из того, что здесь дала теория и практика, ценно и в нашем вопросе, но следует иметь в виду, что при национально-культурной автономии мы не име-

ем двойного национального сознания, а имеем национальное сознание (связанное с национально-культурной автономией) и государственное сознание (относимое к тому целому, в пределах которого действует данная национально-культурная автономия). Гораздо ближе подходил бы к нашему вопросу пример Швейцарии, где мы действительно имеем дело с прочным и исторически очень окрепшим двойственным национальным сознанием. Каждый швейцарец сознает себя прежде всего именно швейцарцем, а затем у него есть сознание своей сопринадлежности к французскому, или немецкому, или итальянскому национальному целому. Но пример Швейцарии, хотя он уже открывает новые перспективы и в нашем вопросе, тоже не вполне подходит для нас, так как в Швейцарии три языковых группы взаимно равноправны и различны по удельному весу не внутри Швейцарии, а вне ее. Между тем в русско-украинском вопросе самым больным для украинского сознания является то, что Украина является младшим и притом исторически обездоленным братом. Великороссия слилась с понятием России, и поэтому ее положение, неодинаковое с Украиной, для украинского сознания всегда является больным, задевающим самые нежные движения в национальном самочувствии то положение, что великоросс во всем отождествляет себя с Россией, тогда как украинец в своем украинстве обособляется от России. Швейцарец-француз находится, по-существу, внутри Швейцарии в таком же положении, как и швейцарец-немец, и швейцарец-итальянец, — и именно этого условия, которое обеспечило Швейцарии простоту в разрешении национальной проблемы, нет налицо в русско-украинской проблеме.

Дело идет о какой-то новой двойственности национального сознания, причем вся тяжесть выработки этого нового сознания ложится только на украинцев, которым не только дана более тяжкая историческая доля, но от которых требуется какой-то небывалый духовный труд. Не является ли поэтому весь замысел, здесь развиваемый, чистейшей, решительно неосуществимой утопией? Я не думаю этого —

просто потому, что XIX век дал нам много образцов такой естественно возникающей двойственности национального сознания. Я вовсе не хочу Гоголя возводить в какой-то идеал, знаю хорошо, что современные украинцы никак не могут простить Гоголю того, что он «ушел» в Россию, — и все же должен констатировать, что как тип Гоголь вовсе не является единственным, что и в наши дни такой психологический тип возможен. Та украинская группа федералистов, о начале формирования которой я рассказал выше, почти сплошь состояла из людей такого двойственного национального сознания. Я не считаю поэтому фикцией или утопией идею, которую здесь развиваю, хотя и сознаю все практические трудности в осуществлении и историческом упрочении указанного типа. О практических путях к осуществлению такого решения русско-украинского вопроса поговорим ниже, а теперь обратимся еще к существу дела.

Если предположить, что жизнь даст выход тому типу двойственного национального сознания, о котором идет сейчас речь, то каковы должны быть исторические предпосылки его жизненного влияния и творческого действия?

Общим принципом, который должен определить тот строй, при котором Украина свободно и творчески оставалась бы в составе России, должна быть реальная свобода в развитии украинской культуры. Ударение делаю я на слове реальная свобода. Дело идет не о формальной свободе, ибо нормальное развитие украинской жизни было настолько стеснено во второй половине XIX века и до революции в XX в., что необходима особая забота со стороны власти о развитии украинского культурного творчества. И дело идет не только о денежной сугубой поддержке культурных начинаний украинской интеллигенции, а о создании ряда таких учреждений, каким был, напр., Ученый Комитет при Министерстве Исповеданий, отчасти комиссия по высшей школе при Министерстве Нар<одного> Просвещения. Такие специальные комитеты содействия развитию украинской культуры, концентрируя всех выдающихся деятелей в определенной области, долж-

ны были бы охранять украинскую культуру от тех поспешных и по-существу вредных и ядовитых начинаний, которые в таком изобилии проявились за годы революции. Все поспешные и недостаточно продуманные начинания не только дискредитируют дело украинской культуры, но и просто способны оттолкнуть от нее живые и творческие силы народа. Реальная свобода для развития украинской культуры должна быть охраняема и осуществляема теми, кто искренно любит и верит в украинскую культуру и кто в то же время свободен от стремления к дешевым, чисто театральным эффектам. Украина должна чувствовать, что ей действительно открывается дорога для продуктивного движения вперед.

Но это неизбежно выдвигает и другой существенный момент — свободу языковую, т. е. признание украинского языка за государственный. При включенности Украины в состав России, при признании общегосударственным языком русского языка это привело бы к установлению государственного двуязычия. Я не знаю, нужно ли расширять значение этого принципа для других «областей» России, но для Украины во всяком случае это необходимо. Соответственно этому и школы, содержимые за счет государства и местных самоуправлений, должны включать в качестве обязательных оба государственных языка — русский и украинский. Господство того или иного языка (при преподавании общих предметов) должно определяться составом населения, — но там, где русский язык лежит в основе преподавания, должны быть обязательны уроки украинского языка и литературы, там, где украинский язык лежит в основе преподавания, должны быть обязательны уроки русского языка и литературы.

Самый трудный вопрос в затронутой нами теме о предпосылках того строя в отношении России и Украины, который мы считаем единственно разрешающим русско-украинский вопрос, — это вопрос о политической стороне. О том, что система конфедерации не может быть здесь применима, не буду распространяться: если с точки зрения Украины это вполне допустимая (а для многих и желательная и, может

быть, даже единственно приемлемая) форма связи Украины со всей Россией, то для России это немыслимо и совершенно непроводимо. Вопрос может идти только о том, что разумнее и исторически продуктивнее — система автономии или федеративных отношений. Дело идет не о частностях, ибо между автономией и федеративной системой нет отношения низшей и высшей ступени: система автономии легко может быть выше в частных своих положениях федеративной системы, как и наоборот. Иначе говоря — развитие местной культуры, реальное обеспечение свободы для нее не связано с принципиальным различием автономии или федеративной системы, а всецело связано с подробностями в законодательстве, одинаково осуществимыми в обеих системах. Различие этих двух систем сводится к вопросу об участии в центральном правительстве: при автономии отдельные области не принимают никакого участия в центральном правительстве, связь с которым поддерживается особым лицом, назначаемым из центра (самый типичный образец этого мы имеем в управлении английскими доминионами), при федеративном строе центральное правительство складывается из представителей от отдельных «областных» единиц. С точки зрения развития украинской жизни следовало бы, конечно, предпочесть систему автономии, а с точки зрения интересов России необходимо ввести систему федерации. Вот какие соображения побуждают меня к такому выводу.

Система автономии освобождает от ответственности за государственное целое, дает полную возможность всецело уйти в свою местную жизнь, если угодно — обособиться в ней. При громадных размерах России, при сложности международной обстановки, при запутанности политических, экономических, духовных проблем современности — насколько «выгоднее» для Украины в годы своего национального возрождения стоять в стороне от большой дороги русской истории и всецело уйти в строительство украинской культуры. Под охраной большого государства, пользуясь всеми ценными сторонами этого, жила бы украинская «провинция»

тем, что одно ей уделено историей: ведь о политической полной свободе, т. е. о независимости и самостоятельности нечего говорить. Поэтому пусть те, у кого есть политический зуд, уходят в общероссийскую жизнь — и это питание России украинскими силами не только естественно и неизбежно, но и желательно с украинской точки зрения, а для Украины как таковой оставалась бы тихая, но плодотворная, свободная от текущего политического дня и тем более творческая жизнь как «провинции».

Но в такой системе обособления как раз и таится та опасность, которой избежать в интересах России. Связь Украины и России не должна быть только «внутренней», «подпольной», так сказать, и потому не воспитывающей чувства исторической ответственности Украины за Россию. Именно это чувство активного творческого участия, чувство ответственности за судьбы России нужно всячески воспитывать, чтобы стала реальной, а не пустой, не словесной чисто та двойственность национального сознания, о которой выше шла речь. Надо бояться того — как было уже сказано выше, — чтобы в украинском сознании вся сила национального вдохновения отдавалась бы этой Украине, а принадлежность к России определяло бы лишь «государственное сознание». Я уже говорил, что вся эта система национально-культурной автономии не годится для Украины потому, что она усиливает обособление от России, создает чисто внешнее восприятие связи с Россией, т. е. разрушает то, что нужно созидать. Кровная связь с Россией не может ощущаться, если Украина будет «автономией», — пример Финляндии, которая, по совести говоря, кроме последних 20 лет до революции не знала притеснений и имела то, чего не имела вся Россия, убедительно говорит об этом. Уж если ставить серьезно вопрос об укреплении внутренней связи Украины и России, о развитии упомянутой выше «двойственности национального сознания», то совершенно необходимо, по моему пониманию, создание федеративной связи Украины и России. Только при таком решении политической проблемы Украины возможно развитие и укрепле-

ние связи Украины со всей Россией — участие в центральном правительстве создает неизбежно и чувство ответственности за судьбы России вообще — и творческое устремление живых сил к строительству России.

Конечно, необходимо признать, что введение федеративной связи для Украины в отношении к России в целом заключает в себе огромные трудности, которые иной раз кажутся прямо неразрешимыми. Ведь только «окраины» России (Кавказ, Украина — не говоря о лимитрофах, политическая судьба которых стоит под большим вопросом) могут выдвигать начало федерации — а вся огромная Россия настолько политически однородна, — те отдельные народности, которые в ней живут, так мало могут претендовать (несмотря напр. на все старания большевиков вызвать к жизни разные национальные республики) на самостоятельное (в пределах даже федерации) бытие, — что получается крайняя неравномерность, нарушающая самую структуру в федерации: огромная (основная и политическая цельная) часть России, с одной стороны, и Украина, Кавказ, с другой (лимитрофы, б<ыть> м<ожет>), образующие меньше $\frac{1}{5}$ всей остальной России. Очень трудно в таких условиях конструировать федеративную систему — или нужно несоответственно «раздуть» долю участия частей, федеративно построенных, с остальным массивом России, не построенным федеративно, — или же доля участия напр. Украины будет так мала, так ничтожна, что творческого простора она не может открыть, что чувства ответственности развить она не может. Украина будет — *sit venia verbo* — плестись в хвосте огромной России, как маленькая лодочка, привязанная к большому кораблю, — что ценного это может дать. Правда, доля участия в федеративном центральном управлении может определяться не территорией, а количеством народонаселения. Украина, территориально будучи «малой Россией», по количеству населения — как бы скромно ни определять размера Украины — составляет очень значительную часть всего населения России (уж никак не менее $\frac{1}{8}$). Это вносит значительную поправку в проблему федеративно-

го устройства России, но территориальный момент не может быть тоже игнорируем. Не годится ли тогда для России такое искусственное разделение на политические единицы, какое мы напр. находим в С<еверо->Американских Соединенных Штатах? Если наделить всю Россию, руководствуясь различными признаками (по их совокупности), на области, то получится возможность федерального парламента. Да, это уж есть решение вопроса — но признаем: все же неудовлетворительное — ибо есть чрезвычайно существенная удельная неравномерность между «штатом», скажем, Самаро-Саратовским — и Украиной! То, что выше говорилось об особом участии Украины в жизни России, как родного и «равночестного» «младшего» брата Москвы, не должно быть забываемо.

Все эти затруднения, возникающие при введении в жизнь федеративной системы, подчеркивают ее не только сложность, но, быть может, некоторую надуманность. Элементы доктринерства, столь опасного всегда для живой политической работы, не входят ли в самый замысел федеративного связывания Украины и России?

Я признаю всю основательность и всю серьезность этих сомнений, признаю всю трудность «естественного», т. е. вытекающего из исторических и иных предпосылок решения вопроса о форме политической связи Украины и России, — и все же по-прежнему стою за применение сюда принципа федерации. Уже тогда, когда я был министром и особенно живо и интенсивно размышлял на темы русско-украинского сближения, у меня сложилось убеждение, что только в федеративном принципе может быть найдена основа для правильного, исторически плодотворного развития отношений Украины и России. За годы, прошедшие после моего министерского служения (уже почти 13 лет), это убеждение не только не ослабело у меня, а, наоборот, стало еще тверже и определеннее. Здесь совсем не место выдвигать те или иные дополнительные мотивы и построения, с помощью которых, как мне кажется, могут быть парализованы различные трудности в построении федеративной системы. Достаточно сказать, что только

при ней можно серьезно говорить о таком срастании Украины и России, которое, обеспечивая для Украины свободу ее национально-культурного развития, в то же время укрепляло бы и углубляло бы связь Украины и России и содействовало тому оформлению и развитию русско-украинской близости, которое, в соответствии с тем, что уже дал нам XIX и XX век, вело бы к прочному и исторически ценному выражению и углублению двойственного (русско-украинского) национального сознания.

Глава II

Пути разрешения русско-украинской проблемы. Вопросы об Украинском Учредительном Собрании

В этой последней главе мне хотелось бы коснуться вопроса чисто практического, стоящего в глубокой связи с тем, что было сказано выше, — и вместе с тем очень актуального по тому значению, какое оно имеет в современном украинском политическом сознании — вопроса об Украинском Учредительном Собрании, о его необходимости и возможности, о его целесообразности и его значении с различных точек зрения. Вопрос этот вовсе не надуман, наоборот, мы найдем его во всех украинских политических чаяниях. Для политической украинской интеллигенции, даже готовой идти на федеративную связь с Россией, быть может, готовой перейти к системе автономии, этот вопрос является *conditio sine qua non*. Украина, в лице своей политической интеллигенции, хочет непременно иметь свое Учредительное Собрание — отдавая ему в руки право решить судьбу Украины. Как бы ни склонялась украинская политическая мысль перед суровыми данными действительности, но она глубоко и повелительно чувствует, что не имеет права сказать ни «да», ни «нет» любому строю Украины — не получив голосования правильно избранных представителей Украины. Здесь не утопия «*volonte generale*», не миф о «*vox*

poruli», а просто неотвратимое сознание, что огромную, веками выдвинутую проблему Украины как целого не вправе решить никакие конгрессы политических партий. Сама Украина, в лице своих представителей, свободно и трезво должна решить свою судьбу — и перед волей народа должна будет склониться всякая ответственная политическая мысль. Можно, конечно, вовсе не спрашивать свободного мнения Украины, можно простым путем принуждения заставить ее принять тот или иной режим — это, разумеется, можно. Но тогда невозможно не только рассчитывать на «сближение» России и Украины, но даже на простое сотрудничество с украинской интеллигенцией. Ей, быть может, и придется подчиниться, — но только для того, чтобы уйти в подполье и подготавливать восстание...

Необходимо считаться с этой политической психологией украинской интеллигенции. Насколько я ее понимаю, она совсем не есть «выдумка», игра или фанатическая одержимость — она уходит своими корнями очень глубоко в особое чувство, которым так богата украинская интеллигенция, — чувство неразрывной связи с народом. Украинская интеллигенция не оторвана от своего народа, как это мы видим в российской интеллигенции, и ее близость к народу сделала невозможным и ненужным что-либо аналогичное российскому народничеству, — по той простой причине, что «народнической» украинская интеллигенция всегда была по самому существу своему, по особенностям своей социальной истории. Без народа, без его голоса политическая украинская интеллигенция — кроме политических шарлатанов — никогда не возьмется решать основной вопрос об Украине, об ее дальнейшем существовании. Обращение к народу — хотя бы и не в форме учредительного собрания — совершенно и категорически обязательно для нее. Хорошо ли это или плохо, но это так, — я утверждаю всю реальность и значительность этого тезиса со всей настойчивостью и серьезностью. Насколько я знаю психологию украинской интеллигенции, я категорически утверждаю свой тезис.

Но обращение к народу не может быть допущено в форме референдума, как это теперь — после Версальского мира — стало модным. Необходимо гласное обсуждение всех основных сторон в русско-украинском вопросе — и не только для того, чтобы дать «выговориться», но гораздо больше для того, чтобы дать диалектическую возможность найти решение, которое разумно и трезво взвесит все моменты в вопросе, учтет все различные течения. Всякий парламент, созданный для этой цели, неизбежно станет «учредительным собранием», ибо от его свободной воли будет зависеть утверждение или отклонение связи с Россией, формулирование той или иной системы, в которую эта связь будет приведена. Многих пугает или отталкивает самое слово «учредительное собрание», с которым у многих связана тяжелая ассоциация. Но что делать — иного способа узнать «волю народа» — если вообще хотеть ее узнавать, как только дать свободу парламенту высказаться по существу вопроса, т. е. усвоив ему учредительные функции, невозможно.

Но Учредительное Собрание должно предшествовать определению взаимных отношений Украины и России — а до тех пор какой же должен быть режим на Украине? Она должна оставаться самостоятельной? Но если так, то есть ли гарантия, что те власти, которые будут управлять Украиной, дадут свободу Учредительному Собранию выразить голос народа, что не будет обычного давления на избирателей? Жизнь не решит ли вопроса — или, по крайней мере, не заострит ли его раньше, чем Учредительное Собрание выразит волю украинского народа? Ведь если Украиной, по ходу событий, будет управлять общероссийская власть, то не будут ли украинцы заранее опорачивать и бойкотировать Учредительное Собрание, созданное под покровительством общероссийской власти? Ведь те или иные злоупотребления и ошибки, даже при самом искреннем желании центральной власти, всегда возможны на местах? Не является ли поэтому идея учредительного собрания простой идиллической мечтой, неосуществимой в наше «военно-полевое время»?

Одновременно возникает вопрос: если предоставить Украинскому Учредительному Собранию решить вопрос о формах отношений к России, то почему это определение должно быть односторонним? Почему нужен голос одной Украины и не должен быть спрошен голос России? Ведь если серьезно относиться к идее Украинского Учредительного Собрания, то надо быть готовым к тому, что это Учредительное Собрание объявит не федерацию и даже конфедерацию с Россией, а просто провозгласит Украину суверенным, независимым государством, которое с Россией вступит как с соседкой в такие же договорные отношения, как и с Польшей и Румынией и т. д. Возможность такого решения не только не исключена, а, наоборот, довольно даже вероятна — как ввиду прямых заявлений украинских партий, действующих ныне, так и потому, что идее «суверенной Украины» так «серьезно» сочувствует Германия, быть может, Чехия, быть может, Румыния и даже Англия и Франция. Как же русскому политическому сознанию идти на Учредительное Собрание, стоя перед возможностью отрыва Украины от России. Или, объявляя себя сторонником Украинского Учредительного Собрания, русские политические деятели должны заранее оговорить, что это Учредительное Собрание не может вотировать суверенности Украины? Конечно, такая оговорка означала бы превращение самого Учредительного Собрания в комедию: ведь весь же смысл его, даже с русской точки зрения, в свободном волеизъявлении. Нельзя же сказать так: мы не допустим никогда отрыва Украины от России, но даем свободу украинскому народу сказать свое слово лишь об форме его связи с Россией; в случае же, если Учредит. Собрание провозгласит отрыв от России, русские политические течения свободны от всяких обязательств и свободны стоять за те меры, какие они найдут необходимым для восстановления единства Украины и России? Говорить так значит угрожать войной в случае отрыва от России, т. е. не только не способствовать росту мирных и доброжелательных к России чувств на Украине, а, наоборот, заострять и ухудшать положение. Вообще

можно так формулировать смысл всех тех возражений, которые только что приведены: идея Учредительного Собрания таит в себе такие неразрешимые трудности, что выбраться из них едва ли будет возможно — и потому лучше отказаться совсем от идеи Украинского Учред. Собрания и помимо него искать способов соглашения с украинской политической интеллигенцией.

Это, конечно, очень легко сказать, но я лично думаю, что это просто нереальный проект. Найти соглашение с украинской политической интеллигенцией или думать ее игнорировать, рассчитывая на то, что народ не с ней, — совершенно невозможно: тогда нужно тоже быть готовым к войне и следовать Вас. В. Шульгину с его упрощенной схемой управления Украиной в духе старых генерал-губернаторств. Я вообще готов сказать, что возможность войны между Россией и Украиной — в форме ли обычной войны, или в форме восстания (в случае если Украина силой событий окажется под эгидой общероссийской власти) — чрезвычайно велика. Я не склонен даже очень бояться ее, но при одном условии — если у русских политических партий будет все же готова и мирная программа для Украины — вплоть до Украинского Парламента с учредительными функциями. Это звучит парадоксально и противоречиво — я согласен, но попробую объяснить и выяснить, как я смотрю на пути осуществления той мирной программы русско-украинского сближения, поисками которой мы сейчас заняты.

Русское политическое сознание едва ли будет управлять событиями, из которых сложится — сразу или в несколько этапов — освобождение России от власти большевизма. События эти будут определяться различными историческими силами как внутрироссийского, так и международного характера. При этом возможны два варианта — что в ходе этих событий Украина окажется внутри общерусского целого (при попытках оторваться от нее) или же она оторвется от этого целого и тем вызовет у общерусской власти неизбежность войны за включение Украины в Россию. Весь этот период, конеч-

но, не будет «парламентским» — хотя бы парламент и был налицо; по стилю своему он неизбежно будет военным, если угодно — диктаторским. К этому периоду не может относиться идея Украинского Учредит. Собрания, которое предполагает стабилизацию положения Украины внутри России (иначе ведь ни к чему и предлагать оторвавшейся Украине то, что она и без России сможет осуществить). Иными словами, включение Украины в состав России есть логическая предпосылка лозунга «Украинское Учредит. Собрание» — и потому, что этот лозунг вне этой предпосылки бессмысленен и пуст, — и потому, что Россия не может и не должна терять Украину. Украина должна это знать — хотя бы это знание далось ей в итоге кровавой войны; «уступить» Украину кому-нибудь другому (а реальное независимое существование Украины вне России вообще невозможно) Россия не должна — и лозунг Учредит. Собрания, как я выдвигаю его, не имеет ничего общего с пресловутым принципом «самоопределения народностей». Вопрос о необходимости Украине быть в составе России имеет для России такой категорический и безусловный характер, что просто не может быть и речи о том, чтобы ждать от Учредит. Собрания, захочет ли оно, как Богдан Хмельницкий, соединиться с Россией или нет. Украина должна считаться с тем, что Россия ни за что никому не уступит Украину — как бы ни складывались исторические обстоятельства, какова ни была воля самой Украины. Даже против воли Украины она должна быть в составе России — и это должны твердо и раз навсегда понять украинские политики, если они хотят понимать реальную историческую обстановку. Это не каприз, не «Wille zur Macht» со стороны «Московии» — это суровая и глубокая необходимость, с которой должна считаться украинская политическая мысль. Россия не может быть без Украины — по политическим и экономическим причинам, для нее (России) это суровый императив ее истории, ее судьбы. Тут просто нет вопроса — и как бы ни возмущались этим украинские политические деятели, но перед неотвратимостью этого как раз и должна смириться трезвая и раз-

умная украинская политическая мысль. Если Украине будет угодно воевать с Россией — пусть воюет, — но чего бы России ни стоила война с Украиной, она будет ее вести «до победного конца». Вопрос, который стоит на очереди, заключается поэтому не в том, быть или не быть Украине в составе России — вопроса здесь нет потому, что это пребывание Украины в составе России есть неотвратимая историческая необходимость; вопрос идет только о том, как ей быть в составе России. Самая неотвратимость пребывания Украины в составе России вовсе не предreshает формы ее вхождения — и со стороны России должно быть все сделано для того, чтобы в этом вопросе (т. е. вопросе о том, в какой форме должна Россия включать в себя Украину) была дана свобода «самоопределения» для украинского народа. Основной темой для Украинского Парламента с учредительными функциями был бы вопрос о выборе между федеративной системой или автономией — и хотя с точки зрения России выгоднее федеративная система, но она не должна быть навязываема Украине. Политическое сознание Украины должно иметь свободу осознать границы своего самоопределения; зная, что Россия не допустит отрыва от России, политическая мысль Украины должна иметь свободу в диалектическом изживании основных трудностей, связанных с проблемой русско-украинских отношений. Парламенту должна быть дана полная свобода в выявлении и «самостийнических» течений; весь смысл Учредительного Собрания (с русской точки зрения) заключается в том — не найдется ли в украинском политическом сознании достаточно трезвости и выдержки, чтобы понять, что отрыв от России невозможен, что он приведет к жестокой и ненужной борьбе. Ставка на трезвость и рассудительность означает желание со стороны России найти точку опоры в добровольном и трезвом подходе к русско-украинской проблеме, — ибо если этот подход может быть найден, может одержать верх в Учредительном Собрании, — тогда откроется возможность не просто мирного, но и творческого соучастия в общей жизни. Русская политическая мысль в лозун-

ге Учредительного Собрания обратилась бы к тем течениям украинским, которые сознают всю реальную историческую обстановку и освободились бы от напрасной и нереализуемой мечты о независимости, — ища в этих течениях отзвука на свой призыв к совместному строению России, как строилась она совместно в XVIII и XIX век.

Но не назовут ли украинские политики такой подход к ним насмешкой и издевательством? К чему говорить о свободе на Украине, раз заранее этой свободе не уделяется места? Если русские с своей стороны предрешают то, что Украине должно оставаться в составе России, не спрашивая об этом самой Украины, — какой смысл выдвигать лозунг Учредительного Собрания? Уж если дело идет о насилии, следует ли говорить о свободе — иначе как издевательством не могут звучать такие речи... Я совершенно уверен, что в ответ на лозунг об Учредительном Собрании будут раздаваться такие именно речи со стороны украинских деятелей, весь вопрос в том — не послышатся ли и другие голоса? Если история принуждает Россию к тому, чтобы Украина оставалась в ее составе, если неотвратимая неизбежность этого диктует повелительно твердость и определенность в данном вопросе — то неужели этим исключается возможность братских отношений и братского сотрудничества, возможность призыва разделить ответственность за Россию? Если Украина уклонится от того, чтобы разделить эту ответственность и предпочтет пассивно принять, как акт насилия, то, что необходимо России, — это, конечно, ее воля, но это будет таким историческим безумием, таким безответственным, скажу резче — предательским актом со стороны политической интеллигенции в отношении к Украине, которого ей никогда не простит история. И долг России — до последней возможности искать мирного, свободного соглашения (в пределах, диктуемых суровыми историческими условиями), — этого свободного соглашения и должно добиваться через Учредительное Собрание. Если Украинское Учредительное Собрание вотирует отрыв от России, это будет значить объявление войны России — иного смысла такой

вотум не может иметь. Но, помня тяжкое положение украинской политической интеллигенции, Россия должна дать максимальные условия для того, чтобы украинская политическая мысль сама, свободно пришла к неотвратимости, к неизбежности пребывания в составе России и, похоронив нереальную и бесплодную мечту об украинской суверенности, перешла к подлинному вопросу, который перед ней стоит, — к вопросу о форме связи с Россией. Пока не угасла надежда, что трезвость и ответственность за судьбы Украины победят романтику и мечтательность в украинском политическом сознании, до тех пор Россия должна мужественно и терпеливо ждать вотума Учредительного Собрания. Обращение к украинскому народу через созыв Украинского Парламента с учредительными функциями с предоставлением ему полной свободы в прениях есть обращение к его историческому инстинкту, есть доверие к его политическому реализму, есть призыв к мирному сотрудничеству и слиянию.

На этом я бросаю свое эскизное изложение тех выводов, к каким я пришел, размышляя о русско-украинской проблеме еще в бытность мою Министром Исповеданий. Мне кажется, что я тогда имел возможность понять украинскую стихию во всей ее глубине — и никогда у меня при этом не исчезала надежда на возможность разумного и свободного, достойного сговора России с Украиной. Я знал и знаю, что на обеих сторонах есть нетерпеливые политики, заменяющие мудрость страстностью, реализм — темпераментом, есть политики, для которых не существует в истории ее указаний, которые не хотят считаться с тем, чтобы устроить взаимные отношения так, чтобы не ронялось ни одной стороной ни достоинство, ни верность своей национальной стихии. Мы — говоря об обеих сторонах — обязаны, после трагических лет большевизма, — искать мирного разрешения трудных вопросов, мы должны идти на всевозможные уступки, поскольку они допускаются историческими условиями, мы должны искать сговора. Союз России и Украины неразрывен — и тщетно было бы [пытаться] разорвать его, но должно всемерно стремить-

ся к тому, чтобы сознание этой «неотвратимости» не принижало и не угнетало более слабой стороны, а выступало лишь как объективная историческая необходимость. В лозунге «Учредительного Собрания» заключено уважение к свободе украинского политического сознания, хотя при этом вовсе не отменяется то, что диктуется историей, — ибо не от воли русских политиков зависит изменить суровые итоги истории.

На этом кончаю свою «программу», которую я вложил в мои записки лишь для того, чтобы до конца договорить то, что в намеках было высказано раньше.

Заключение

Мне остается сказать в заключение лишь несколько слов.

Большевизм вошел в историю России не только как разрушительная сила, но и как положительный фактор, ибо только при нем до конца обнажились те проблемы, от неразрешенности которых страдала русская жизнь. Я держусь взгляда, что таких нерешенных старой русской жизнью проблем было две — национальная и социальная; я думаю также, что до тех пор, пока не насытится жажда русской жизни в правильном решении этих двух задач, — не будет достигнуто равновесие в русской жизни. И если большевизм падет как политическая система, но революционные процессы будут не «разрешены» и загнаны в подполье — желанной «органической» эпохи в России все равно не наступит. В украинской проблеме, близко стать к которой пришлось мне, войдя в состав гетманского правительства, перед нами с особой напряженностью встает именно национальная проблема будущей России — конечно, не во всем своем объеме, но во всей своей глубине. Россия без Украины быть не может, Украина России нужна так глубоко и так разнообразно, что от правильного, т. е. исторически плодотворного, несущего с собой мир и творчество решения зависит и судьба России. Если

Украина останется в России, но не найдет для себя мирного исхода, творческая сила Украины, Украина будет очагом заразы, источником длительных потрясений, могущих потрясти окончательно существование России. Русская политическая мысль должна сознать это со всей силой.

Мне кажется, что та система культурного параллелизма, которую проводил Василенко в школьном деле, та система в церковной жизни, которую проводил я в своей области, — намечают путь такого разрешения вопроса, при котором может быть удовлетворена основная и главная потребность Украины — потребность творческого развития украинской культуры. Украина духовно еще не потеряна для России, еще не поздно духовно срастись России с Украиной — и тот факт, что украинское сознание в подавляющем проценте развивается обычно в тонах антирусских, еще не стал фатальным и непоправимым. Должны быть сделаны навстречу Украине те шаги, какие были сделаны нами в гетманский период, должна быть проявлена смелость и мудрость вплоть до созыва Украинского Учредительного Собрания с полной свободой суждений, но с категорически ясным заявлением, что Россия не может допустить отрыва от нее Украины.

Гетманский период в истории русско-украинских отношений не должен быть забыт. Не нужно его возвеличивать или разукрашивать, но должно быть изучено все то положительное, что было сделано или что было начато, — для того, чтобы из этого можно было извлечь надлежащий урок для будущего. Значение же гетманского периода в том и заключается, что он счастливо сочетал в себе искреннюю и подлинную любовь к Украине, подлинное желание помочь ей подняться и окрепнуть — с глубоким сознанием неразрывной связи с Россией. О себе лично скажу, что считаю своей заслугой, которая исторически погасла благодаря тому, что произошло после меня, но которая в своем смысле остается неизменной — то, что пути украинской церковной жизни я направлял столько же на блага ее для Украины, сколько и для России.

И. Ю. Сапожникова

КОММЕНТАРИИ

Написанные в 1931 г. воспоминания о 1918-м неизбежно содержат большое количество фактических неточностей и ошибок. Но если автору настоящего комментария не составило труда установить, что Зеньковский неверно указал состав делегации Временного правительства, выехавшей в 1917 г. в Киев для переговоров с Центральной радой, то выявить и исправить иные ошибки оказалось гораздо сложнее. Например, Зеньковский посадил в президиум Всеукраинского Церковного Собора «черниговского викария Алексея». Лишь случайная подробность — характерная травма лица этого человека — позволила установить, что в работе Собора принимал участие епископ Черниговский Пахомий (Петр Петрович Кедров). Часть пояснений сопровождается оговорками «по-видимому, Зеньковский имел в виду», «скорее всего, речь идет о» и т. п. Например, профессор Зеньковский, весьма далекий от армии, не был осведомлен относительно военной политики Украинской державы, вербовочной деятельности Добровольческой армии на Украине и о формировании прогерманских армий на Юге России. Поэтому, например, очень трудно понять, что министр исповеданий имел в виду, говоря о формировании на территории Украины корпуса, который должен был, по имеющимся у него сведениям, спасти Москву и всю Россию от большевизма.

Представленный ниже реальный и контекстуальный комментарий к тексту воспоминаний Зеньковского имеет своей целью первоначальное историческое описание «мира Зеньковского» и является лишь одним из возможных вариантов работы с источником, далеко не исчерпывающим возможностей его изучения и использования. В нём по ходу текста комментируются факты, персоналии, биографические данные и прямые цитаты, упоминаемые В. В. Зеньковским и требующие пояснения. Лица, о которых дополнительных к тексту воспоминаний данных не найдено, не комментируются.

Совет министров при Гетмане... — *Гетманат, гетманщина* — «Украинская держава», политический режим, существовавший на территории 9 западных и юго-западных губерний бывшей Российской империи с 29 апреля по 14 декабря 1918 г. Режим возник как прямое следствие сепаратного Брест-Литовского мира, заключенного между странами Четверного союза, большевистской делегацией и представителями Центральной рады в феврале — марте 1918 г. Условиями двух договоров — «украинского Брестского мира» и Брестского мира — были одновременно обеспечены легитимация УНР (Украинской народной республики) и оккупация территории 9 губерний России немецкими и австро-венгерскими войсками. Начало режиму было положено решением германского императора Вильгельма II отказаться от поддержки социалистической Центральной рады, принятым 26 апреля 1918 г. 29–30 апреля 1918 г. был совершен гетманский переворот, и структуры УНР были распущены. Падение режима гетманата обусловили Ноябрьская революция в Германии, отречение кайзера от власти 9 ноября 1918 г. и подписание 11 ноября 1918 г. Компьенского перемирия между странами Антанты и Германией. Фактическая денонсация Брестского мира привела к выводу с Украины оккупационных войск, аннулированию Брестского мира Советом народных комиссаров РСФСР и наступлению на Киев войск украинской Директории, во главе которой стояли социалистические активисты В. К. Винниченко и С. В. Петлюра. 14 декабря 1918 г. гетман П. П. Скоропадский официально отрекся от власти и бежал в Германию.

Совет министров — название правительства Украинской державы гетмана П. П. Скоропадского. Первое советское правительство Украины — Народный комиссариат, а также Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Советов Украины, созданные в Харькове и работавшие с января 1918 г. в Киеве, теряли власть согласно условиям Брестского мира. Центральная рада, ее исполнительный комитет Малая рада и правительство — Совет народных министров, проработавшие в Киеве

два неполных месяца, 29 апреля 1918 г. были распущены. Новые основы украинской государственности были провозглашены в двух документах, подписанных Скоропадским: «Грамоте ко всему украинскому народу» и «Зако́не о временном государственном строе Украины», составленном по образцу «Основных законов» Российской империи. До созыва Сейма (Учредительного собрания) законодательная и исполнительная власть, а также функции главы государства принадлежали гетману. Он, в частности, назначал главу правительства — Совета министров, а после его формирования утверждал его состав. Гетманом последовательно были назначены 4 председателя Совета министров: Н. Н. Сахно-Устимович (не сформировал кабинет), Н. П. Василенко (не сформировал работоспособный кабинет), Ф. А. Лизогуб, С. Н. Гербель. За 8 месяцев гетманата сменилось 3 состава правительства, два из которых были сформированы Лизогубом, последнее — Гербелем. Лишь первое правительство Лизогуба, в состав которого входил Зеньковский, проработало пять с половиной месяцев, два других — по месяцу.

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — потомок гетмана И. И. Скоропадского (XVIII в.), генерал-лейтенант, гетман Украинской державы, лидер украинской прогерманской эмигрантской группы «гетманцев». Дворянин, помещик, собственник крупных имений в Черниговской и Полтавской губерниях. Окончил Пажеский корпус. Кавалергард. Флигель-адъютант. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1910 занимал должность командира полка — 20-го драгунского Финляндского, затем лейб-гвардии Конного полка, с которым вступил в войну. Позднее командир 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, командующий 5-й кавалерийской, 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. С января 1917 г. — командир 34-го армейского корпуса (АК). Генерал-лейтенант. После Февральской революции и объявления Временным правительством политики украинизации воинских частей — командир 1-го Украинского корпуса

Центральной рады, преобразованного из 34-го АК. На съезде вольного казачества в Чигирине избран Главнокомандующий войсками Центральной рады. Находился в оппозиции как к Генеральному секретариату Центральной рады, который принял решение о расформировании его корпуса, так и к новому Главнокомандующему, назначенному СНК РСФСР, — Н. В. Крыленко. 29 декабря 1917 г. подал в отставку. Возглавил офицерскую организацию «Украинская народная громада», в которую вошли старшины Вольного казачества и бывшие офицеры ранее подчиненного ему 1-го Украинского корпуса. Участвовал в подготовке и проведении переворота, свергнувшего власть Центральной рады. 29 апреля 1918 г. на съезде хлеборобов в Киеве избран гетманом Украины. Глава Украинской державы, «Ясновельможный пан Гетман всей Украины». В сентябре 1918 г. совершил поездку в Германию, где встречался с Вильгельмом II. 14 декабря 1918 г. официально отрекся от власти и уехал в Германию. Поселился на вилле Ванзее близ Берлина. Возглавлял одну из группировок украинской эмиграции (т. н. «гетманцев»), ориентированную на союз с Германией. Он и его сын Даниил использовались группой националистов-монархистов как символы исторической «украинской монархии». Участвовал в создании Украинского научного института при Берлинском университете. В годы Второй мировой войны стал «пораженцем», т. е. сторонником поражения Советского Союза. В апреле 1945 г. выехал из Берлина на юг Германии. Был смертельно контужен во время англо-американской авиабомбардировки. Оставил написанные в 1919 г. «Спогади» («Воспоминания»), посвященные событиям на Украине, происходившим с конца 1917 г. по декабрь 1918 г.

А. И. Деникин в своих «Очерках русской смуты»... — В трехтомном труде *Антон Иванова Деникина (1872–1947)* «Очерки русской смуты» Зеньковский был упомянут единожды: «Зависимость Украины и полная подчиненность ее германской общей и экономической политике при гетмане не только не ослабли, но даже возросли. Национальный шовинизм

и украинизация легли в основу программы и гетманского правительства. Сам гетман в официальных выступлениях торжественно провозглашал самостийность Украины на вечные времена и поносил Россию, “под игом которой Украина стонала в течение двух веков...” Кадетское министерство не отставало в шовинистических заявлениях и в прямых действиях: министр внутр. дел Кистяковский вводил закон об украинском подданстве и присяге; министр нар. просвещения Василенко приступил к массовому закрытию и насильственной украинизации учебных заведений; министр исповеданий Зеньковский готовил автокефалию украинской церкви... Все вместе в формах нелепых и оскорбительных рвали связь с русской культурой и государственностью» (А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Том 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Глава пятая. Украина).

...несколько закрытых собраний русских и украинских политических деятелей... — Участники этих дискуссий «с русской стороны» не были представителями какого-либо одного политического течения и не играли существенной роли в партийно-политической жизни эмиграции. Это были люди, которых объединяли педагогические интересы. В 1920-е гг. все они в той или иной мере принимали участие в создании и развитии системы русских учебных заведений в странах пребывания русских беженцев. Случайным был и состав «украинской» группы. Это были, в основном, представители «УНР в изгнании», главой которой был С. В. Петлюра, воспринявший власть из рук украинской Директории. Партию «гетманцев» представлял лишь Д. И. Дорошенко.

Юренев Петр Петрович (1874–1943) — инженер-железнодорожник, либеральный общественный и политический деятель, министр Временного правительства. В 1897 г. окончил Институт инженеров путей сообщения. Председатель железнодорожного отдела Московского технического общества. Руководил разработкой проекта Московского метро. С 1904 г.

участвовал в либеральном движении, в 1906 г. вступил в партию кадетов, с 1911 — член ЦК. Депутат 2-й Государственной думы (избран от Черниговской губернии), входил в состав бюджетной и финансовой комиссий. В годы Первой мировой войны работал в земских структурах: член Московского комитета Союза городов, Главного комитета по снабжению армии (с 1915), товарищ председателя отдела путей сообщения (с 1917). Гласный Московской городской думы, с 1915 г. — член управы, с 1917 г. — товарищ городского головы. Член Московского Военно-промышленного комитета. После Февральской революции с июля по август 1917 г. — министр путей сообщения во Временном правительстве, сменил Н. В. Некрасова. На посту министра предпринимал шаги к сохранению системы железнодорожного сообщения, не поддерживал требований профсоюза железнодорожников о повышении зарплаты. Отказался передать обращение А. Ф. Керенского к железнодорожникам о противодействии генералу Л. Корнилову. Не сумев совместить профессиональные и политические интересы, подал в отставку. Был избран в Предпарламент от партии кадетов. После Октябрьской революции — глава Московского отделения Всероссийского союза инженеров. В октябре 1918-го уехал в Харьков, затем в Одессу. Возглавил местное отделение антибольшевистского Национального центра. В 1919 г. — председатель организации Союза городов при Добровольческой армии в Ростове-на-Дону. С 1920 г. в эмиграции. В Константинополе открыл русскую гимназию. Руководил сетью средних учебных заведений и приютов для детей эмигрантов в Болгарии, Югославии, Чехословакии. Входил в Земско-городской комитет и Союз русских инженеров. Жил в Сербии, Чехословакии и Франции. Переехав во Францию, пытался вести крестьянское хозяйство, бедствовал (занимался стиркой белья, был сторожем и огородником). В годы Великой Отечественной войны проявил себя патриотом. Оставил «Воспоминания».

Маклецов Александр Васильевич (1884–1948) — юрист, криминалист, общественный деятель. Член партии кадетов.

Приват-доцент Харьковского университета. Профессор законоведения Ново-Александрийского института сельского хозяйства в Харькове. Один из составителей систематического комментария к «Уставу уголовного судопроизводства» (1916). После революции — в эмиграции. Ординарный профессор университета Короля Александра I в Любляне (Югославия). Читал курс уголовного права на Русском Юридическом факультете, открытом в 1922 г. при Карловом университете в Праге. Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, в 1924—1925 гг. состоял в его правлении. Принимал участие в деятельности кадетской партии, примыкал к ее правому крылу.

Жекулина Аделаида Владимировна (1866—1950) — педагог, общественный деятель. Из дворянской семьи. Создатель и директор частной женской гимназии в Киеве, в которой преподавание с 1906 г. велось по программе мужских средних учебных заведений. Организатор Высших женских вечерних курсов. Инициатор создания Киевского Педагогического общества. Активно сотрудничала с земским движением. Член педагогического Фребелевского общества. С марта 1920 в эмиграции. В Константинополе при содействии Всероссийского союза городов создала русскую гимназию; вела переговоры с представителями чехословацких властей о переводе гимназии в Прагу. С 1922 г. в Чехословакии. В г. Моравская Тржебова в помещениях, оставшихся от лагеря для военнопленных, основала русскую гимназию. Сотрудничала с Земгором (Объединением земских и городских деятелей в Чехословакии) и Объединением русских эмигрантских организаций, которые оказывали помощь учебным заведениям. Одна из основателей Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей (1922). Председатель Объединения русских учительских организаций за границей (1923—1928). Принимала участие в работе Педагогических съездов. Сотрудничала с Русским свободным университетом в Праге, при котором в 1932 г. было создано Педагогическое общество. Принимала

ла участие в педагогических изданиях «Русская школа за рубежом», «Русская школа», «Вестник педагогического бюро» и др. Инициировала акцию «День русского ребенка», проведенную в 14 странах для оказания помощи детям эмигрантов. С 1948 г. жила в Бельгии. Изучала новаторский метод проблемного обучения бельгийского педагога О. Декроли.

Бем Альфред Людвигович (1886–1945) — филолог, литературовед, педагог, общественный и политический деятель, один из лидеров Трудовой крестьянской партии. Родился в Киеве в семье германских подданных. Поступил на литературное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1911 г. был исключен из университета и выслан из Петербурга за участие в студенческих волнениях. В 1912 г. сдал выпускные экзамены. Участник Пушкинского семинария (студенческая работа «К вопросу о влиянии Шатобриана на Пушкина» была опубликована в академическом издании). Член Петербургского Общества Толстовского музея, работал в Рукописном отделении Российской Академии наук над изучением архивов Л. Н. Толстого, редактировал сборник «Толстой, памятники творчества и жизни». Один из составителей и редакторов многотомного издания «Обозрение трудов по славяноведению». Приветствовал Февральскую революцию. После Октябрьской революции переехал в Киев. Работал в Земгоре. Вместе с войсками Добровольческой армии переехал в Одессу. С 1920 г. в эмиграции (Белград, Варшава, Прага). В Белграде работал в структурах Земгора. В Варшаве сотрудничал в газете «Свобода», основанной Б. Савинковым, работал в Русском комитете. В Праге жил с 1922 по 1945 г. Преподавал в Карловом университете (1922–1939), в русском Педагогическом институте, в воскресной школе «профессорского дома». Член русского Педагогического бюро (секретарь); организатор и участник Педагогических съездов; сотрудник журналов «Вестник русского педагогического бюро» и «Русская школа за рубежом». При Русском свободном университете открыл Семинарий по изучению творчества Ф. М. До-

стоевского (секретарь). При Карловом университете в 1930 г. организовал Общество Достоевского. С 1931 г. — член Славянского института, с 1933 г. — Пражского лингвистического кружка. Создал объединение молодых поэтов «Скит». Публицист, критик, полемист; в 1930-е гг. участвовал в общественно-политической и литературной дискуссии между пражскими и парижскими литераторами. Печатался в периодических изданиях многих стран Европы. В 1930—1943 гг. писал статьи для энциклопедического словаря «Отто». С 1922 г. публиковался в периодическом сборнике «Крестьянская Россия» (С. С. Маслов, А. А. Аргунов, П. А. Сорокин, П. Н. Милюков и др.). Участвовал в работе издательства «Крестьянская Россия» и одноименной организации, создавшей сеть ячеек в странах Европы и нелегальных групп в Советской России. В 1927 г. принимал участие в съезде «Крестьянской России», на котором организация была преобразована в Трудовую крестьянскую партию (ТКП), вошел в состав ЦК. В 1920—1930-е гг. принадлежал к радикальной группе ТКП, занимал непримиримую позицию по отношению к советской власти, выступал за необходимость вооруженного восстания и иностранной интервенции. В годы Второй мировой войны остался в занятой гитлеровцами Праге, преподавал русский язык в чешской гимназии. В мае 1945-го арестован советскими властями.

Дорошенко Дмитрий Иванович (1882—1951) — историк, публицист, общественно-политический деятель, министр иностранных дел в правительстве П. П. Скоропадского. Родился в Вильно. Учился на историко-филологических факультетах Варшавского, Петербургского и Киевского университетов. В 1903 г. основал в Петербурге украинскую студенческую громаду (общество). Член Революционной украинской партии (РУП), Товарищества украинских прогрессистов (ТУП). Член редколлегии газеты «Рада»; печатался в местных и российских изданиях — «Украинская жизнь», «Украинский вестник», «Украина», «Южная Заря», «Приднепровский край» и др. Педагогическую деятельность начал в Киеве, продолжил в Екате-

ринославе, где жил с 1909 по 1913 г. Учитель истории в Коммерческом училище им. Николая II и женском епархиальном училище, библиотекарь в историческом музее Екатеринослава. Зампред Екатеринославского общества «Просвита» (Просвещение), редактор губернского издания «Днепровские волны». Вел научную и архивную работу в рамках краеведения, ученик местного историка Б. Д. Гринченко. В годы Первой мировой войны работал в структурах Земгора: заместитель председателя Товарищества помощи населению Юга России, член комитета Юго-Западного фронта. После Февральской революции — помощник Киевского губернского комиссара Временного правительства, краевой комиссар Галиции и Буковины с правами генерал-губернатора. В конце лета 1917 г. перебрался в Киев. В 1917 г. — член последовательно ТУПа, Союза украинских автономистов-федералистов, Украинской партии социалистов-федералистов. Избран в состав украинской Центральной рады. Возглавлял Генеральный секретариат Центральной рады, но ушел в отставку из-за разногласий с М. А. Грушевским. До конца 1917 г. был губернским комиссаром Черниговщины. С приходом к власти гетмана Скоропадского вошел в состав правительства Ф. А. Лизогуба в должности министра иностранных дел. Содействовал ратификации «украинского Брестского мира». Выступал посредником в переговорах между гетманом Скоропадским и УНС, в результате чего было сформировано второе правительство Лизогуба. Предпринимал попытки вступить в переговоры с представителями Антанты в Берне. После краха гетманата оставил политическую деятельность, работал приват-доцентом на историческом факультете в новом украинском Каменец-Подольском университете. С 1920 г. в эмиграции. Гетманец. Вместе с В. К. Липинским создал «Союз украинских державников», издавал партийный журнал «Хлеборобская Украина». Преподавал украинскую историю и право в Украинском свободном университете в Праге, Украинском педагогическом институте им. М. Драгоманова в Вене. Член Украинского историко-филологического товарищества, созданного в Праге. В 1926—1931 гг. возглавлял Украинский на-

учный институт (УНИ) в Берлине, созданный при содействии президента Гинденбурга, бывшего командующего оккупационными немецкими войсками генерал-лейтенанта Гренера и Скоропадского. В 1931 г. по идейным соображениям покинул пост директора УНИ. С 1936 г. возглавлял кафедру православного факультета Варшавского университета. В 1939–1945 гг. жил в оккупированной гитлеровцами Праге, в конце войны перебрался в Мюнхен. С 1946 г. — президент Украинской вольной академии наук в Аугсбурге. Переехал в Канаду, с 1947 г. — профессор колледжа св. Андрея в Виннипеге. Умер в 1951 г., похоронен в Мюнхене. Оставил обширную историографию, политически *ориентированную* на утверждение украинской независимости и прогерманской *ориентации*. Период гетманата описал в сочинениях «Война и революция на Украине» и «Мои воспоминания о недавнем прошлом».

Лотоцкий Александр Игнатович (1870–1939) — историк церкви, общественный и политический деятель, министр Украинской державы и Директории. В 1896 г. окончил Киевскую духовную академию. Находился на государственной службе; в 1900–1917 гг. занимал должность государственного контролера. Принимал активное участие в украинском движении, член «украинского лобби» в Петербурге. Глава Петербургской Украинской национальной рады (1917), которая вела переговоры с Временным правительством от имени Украины. Затем вошел в состав киевской Центральной рады; генеральный писарь. Член Украинской партии социалистов-федералистов. В 1918 г. — державный контролер в правительстве В. Голубовича. Во 2-м правительстве П. П. Скоропадского занимал должность министра исповеданий (сменил Зеньковского). Один из создателей Украинской автокефальной церкви. При Директории в течение месяца был временным министром по делам культа. С января 1919 г. — посол УНР в Турции. Остался в эмиграции. Был членом правительства УНР в изгнании. В 1930–1939 гг. — директор Украинского научного института в Варшаве. Оставил воспоминания.

Тимошенко С. Н. — член УСДРП, возглавлял Министерство путей сообщения в правительстве УНР периода Директории (1919).

Шульгин Александр Яковлевич (1889–1960) — писатель, историк, общественный и политический деятель, министр иностранных дел в правительстве УНР. В 1908 г. окончил 1-ю Киевскую гимназию. Учился в Санкт-Петербургском университете: на юридическом, физико-математическом и, наконец, историко-филологическом факультетах. Оставлен на кафедре всеобщей истории профессорским стипендиатом. Одновременно преподавал в Тенишевском училище. Специализировался по истории Великой французской революции. Активный участник украинского движения. В 1917 г. вернулся на Украину. Член Центральной рады. Один из лидеров партии социалистов-федералистов. С декабря 1917 г. по январь 1918 г. в секретариате Центральной рады занимал пост секретаря иностранных дел. В январе 1918 г. — министр иностранных дел УНР; подал в отставку вместе с главой Совета министров В. К. Винниченко. При гетманате был направлен послом в Болгарию (1918). Остался за границей. В 1919 г. представлял делегацию УНР на Парижской мирной конференции. Входил в состав правительства УНР в изгнании, которое действовало на основании законодательства Директории 1919–1920 гг. В 1920-е гг. установил связь с Лигой Наций, где основал неофициальное украинское представительство — Украинское общество Лиги наций. До 1946 г. руководил внешнеполитическими связями УНР, возглавлял дипломатическую миссию во Франции. В 1939–1940 гг. — председатель Совета Народных Министров УНР в изгнании. Состоял в Украинской радикально-демократической партии (бывшая партия социалистов-федералистов). Один из организаторов инициированного Польшей в 1920–1930-х гг. антисоветского и антирусского «прометейского движения», объединявшего эмигрантские организации Кавказа, Туркестана, Дона и Кубани. Возглавлял Головную эмиграционную раду, которая коор-

динировала действия украинских эмигрантских организаций ориентации УНР. Занимался сбором материалов и свидетельств убийства С. Петлюры в 1926 г., что послужило основой для создания архива УНР. Профессор Украинского свободного университета в Праге. Оставил воспоминания. Автор многочисленных работ по украинской тематике, среди которых: «Без территории», «Погромы в Украине», «Государственность или гайдаматчина?», «Украина против Москвы» и др.

Формально началом русской революции считают последние числа февраля и первые дни марта 1917 г... — Зеньковский имеет в виду события, получившие в историографии наименование Февральской революции: 23 февраля — женская демонстрация, антивоенные митинги, забастовки; 24–25 февраля — всеобщая забастовка; 25–26 февраля — привлечение полиции и войск для подавления забастовочного движения; 26 февраля — захват восставшими арсенала, требование председателя Государственной думы М. В. Родзянко Николаю II создать новое правительство, роспуск на два месяца Николаем II Государственной думы; 27 февраля — переход Петроградского гарнизона на сторону восставших, захват вокзалов, мостов, правительственных учреждений, создание Временного исполнительного комитета членов Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и его Исполкома; 28 февраля — вооруженные столкновения, арест и заключение в Петропавловскую крепость царских министров; ночь с 1 на 2 марта — создание Временным исполнительным комитетом Государственной думы и Исполкомом Петроградского совета Временного правительства во главе с Г. Е. Львовым; 2 марта — отречение Николая II в пользу брата Михаила; 3 марта — отказ вел. кн. Михаила Александровича «от восприятия Верховной власти впредь до установления в Учредительном Собрании образа правления и новых Основных Законов Государства Российского».

...убийство Распутина — *Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1865–1916)* — крестьянин села Покровское Тобольской гу-

бернии. Обрел славу «святого старца» и в 1907 г. сумел проникнуть в царское окружение. Благодаря умению воздействовать на течение болезни наследника Алексея и психологическое состояние его матери императрицы Александры Федоровны обрел статус «друга» императорской семьи. Вмешивался в вопросы государственного управления, в частности влиял на состав правительства, частая перемена которого получила именованья «министерская чехарда» и «кувырк-коллегия». Оказал губительное воздействие на морально-психологический и политический климат в стране, вступившей в Первую мировую войну. Был удобной мишенью для критики политики императора, правительства и военного руководства со стороны правых, либеральных и левых партий (от разоблачения «распутинщины» оппозиционные партии перешли к культивированию темы «измены»). По некоторым источникам, касательство к заговору против Распутина (как общей идее избавления страны и императорской семьи от «старца») имели члены императорской фамилии, кабинета министров и депутаты Государственной думы. Заговор, участники которого ставили себе целью убийство Распутина, был осуществлен в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. В нем принимали участие думский лидер монархистов В. М. Пуришкевич, племянник царя великий князь Дмитрий Павлович, муж царской племянницы князь Ф. Ф. Юсупов. Убийство было совершено во дворце князя Юсупова. По свидетельству В. М. Пуришкевича и другим источникам, Распутин сначала был отравлен, затем получил несколько огнестрельных ран в область груди и головы, рану черепа вследствие удара, а уже затем был утоплен в проруби.

Лимитрофы (limitrophus — пограничный, от лат. limes — граница, гр. trophos — питающий) — первоначально пограничные области Римской империи, которые должны были содержать войска, стоявшие на границе. В 20–30-х гг. XX в. — общепринятое название государств, образовавшихся на западных окраинах бывшей Российской империи после 1917 г., а именно Латвии, Литвы, Эстонии, Польши и Финляндии.

Временное правительство — орган революционной (демократической, переходной) власти в России, созданный 1–2 марта 1917 г. Временным комитетом 4-й Государственной думы и Исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Высший орган одновременно законодательной и исполнительной власти. Согласно замыслу создателей, Временное правительство сохранялось до созыва Всероссийского Учредительного собрания, которое должно было решить вопрос о социально-политическом строе и национально-государственном устройстве страны, а также разрешить крестьянский, рабочий и национальный вопросы. Временное правительство действовало в условиях фактического двоевластия, то есть параллельно с системой Советов. За восемь месяцев Временное правительство пережило апрельский, июньский, июльский кризисы, в результате чего сменилось четыре его состава. Основная тенденция смены состава — увеличение числа представителей социалистических партий. Первое и второе правительство возглавлял Г. Е. Львов. Вследствие июльского кризиса руководство правительством перешло к А. Ф. Керенскому. Правительство было свергнуто в результате вооруженного восстания 25 октября 1917 г., организованного Петроградским Советом и созданным им Военно-революционным комитетом. 26 октября в 2 часа 10 минут члены Временного правительства были арестованы.

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, земский деятель, первый председатель Временного правительства. Родился в имении Поповка Тульской губернии. В 1885 г. окончил юридический факультет Московского университета. Активный общественный деятель Тульской губернии: член присутствия по крестьянским делам в Епифани, Туле и Москве, гласный Алексинского уездного и Тульского губернского земств, с 1901 г. — председатель Тульской земской управы. В 1904–1905 гг. организовал борьбу с последствиями голода в Тульской губернии. Всероссийскую известность получил во время русско-японской войны как организатор земской кампании

помощи русским войскам в Манчжурии. В 1905 г. избран депутатом 1-й Государственной думы от Тульской губернии. Вступил в партию кадетов, которую затем покинул. Летом 1906 г. возглавил правительственный Врачебно-продовольственный комитет. В 1907 г. был организатором широкомасштабной помощи крестьянам-переселенцам на Дальнем Востоке. В 1914 г. стал руководителем Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, а в 1915 г. — главой Объединенного комитета Земско-городского союза (Земгора). По поручению отрекающегося от власти Николая II и при поддержке Временного комитета Государственной думы возглавил Временное правительство. В период июльского кризиса передал полномочия главы правительства А. Ф. Керенскому. В 1918 г. покинул Россию. Пытался оказать помощь Белому движению в России. Принимал участие в создании антисоветского Русского политического совещания. Возглавил Земгор в изгнании — уже для помощи русским эмигрантам. Умер 7 марта 1925 г. в Париже. Оставил «Воспоминания».

...большевики разогнали Учредительное собрание... — Созыв Учредительного собрания предусматривался манифестом об отречении вел. кн. Михаила Александровича и был провозглашен основной задачей Временного правительства, что было закреплено в присяге, приносимой министрами. Положения избирательного закона о выборах в Учредительное собрание были разработаны и приняты Особым Совещанием летом 1917 г. Выборы были назначены на сентябрь 1917 г., однако правительством А. Ф. Керенского они были перенесены на ноябрь. Выборы, назначенные Временным правительством и одобренные Советом народных комиссаров, начались 12 ноября 1917 г. В итоге было избрано 715 депутатов. За партию эсеров проголосовало 44,4% избирателей, за большевиков — 24%, за кадетов — 4,7%, за меньшевиков — 2,6%, за прочие партии — 28,3% (правые партии были разгромлены в результате Февральской революции). Учредительное собрание открылось в Таврическом дворце в Петрограде 5 января 1918 г.,

на заседании присутствовали 410 депутатов. Большевики приняли ряд превентивных мер, подготовивших разгон Учредительного собрания, среди которых: 1) декрет СНК о ликвидации прежней системы права, 2) публикация ленинских «Тезисов об Учредительном Собрании», 3) декрет СНК об аресте «вождей гражданской войны», направленный против кадетов, 4) подготовка «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Одним из пунктов Декларации значилось, что «Учредительное Собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества». С организационной точки зрения разгон Учредительного собрания стал возможным благодаря передаче охраны Таврического дворца анархически настроенным солдатам и матросам и, что наиболее важно, расколу фракции эсеров. Я. М. Свердлов, начавший заседание после «борьбы за колокольчик» с представителем эсеров, зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Собранию было предложено одобрить Декларацию и признать декреты советской власти, принятые на II Всероссийском съезде Советов. Депутаты ответили отказом, избрали председателем эсера В. М. Чернова, а не предлагаемую большевиками и левыми эсерами М. А. Спиридонову, отменили октябрьские декреты СНК, противопоставили «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» идею плебисцита (референдума), а затем приступили к обсуждению эсеровских проектов законов о мире и о земле. 6 января 1918 г. после фракционного совещания большевики огласили декларацию о своем уходе с Учредительного собрания, вместе с ними заседание покинули левые эсеры. Работу Учредительного собрания прервал начальник охраны Таврического дворца матрос А. Железняков (Железняк), произнесший фразу «Караул устал». В ночь с 6 на 7 января 1918 г. ВЦИК принял решение о роспуске Учредительного собрания. Его полномочия присвоил III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшийся 10 января 1918 г. К нему присоединился III Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

Объединенный съезд выполнил ряд функций Учредительного собрания: объявил Россию Советской Федеративной Социалистической республикой (РСФСР) и поручил ВЦИК разработать ее конституцию.

...жалкая власть, именем Временного правительства управлявшая Киевом... украинцами и большевиками совместно... — Собственно представителями Временного правительства были губернские и поветовые (уездные) комиссары, а также комиссары по отдельным вопросам административного управления. Более важным обстоятельством было подчинение Временному правительству командования Киевского военного округа. В Петрограде в ночь на 26 октября был создан Комитет спасения Родины и революции, в который входили представители городской думы, советов, предпарламента, Центрофлота и др. Комитет провозгласил задачу воссоздания Временного правительства и созыва учредительного собрания (позднее он был преобразован в Комитет защиты Учредительного собрания). В Киеве события развивались аналогичным образом, но имели свою специфику. 25 октября 1917 г. был создан Комитет по охране революции. В его состав вошли представители общероссийских и украинских социалистических партий: российские и украинские социал-демократы и эсеры, украинские социалисты-федералисты, члены Бунда и партии Поалей-Цион. Большевиков в Комитете представляли В. Затонский, Г. Пятаков и И. Крейсберг. Два дня спустя в состав Комитета вошли представители съезда казачества, городской думы и военного округа. В итоге появились три центра власти: Центральная рада с ее исполнительными органами — Малой радой и Генеральным секретариатом, Комитет по охране революции и командование КВО. Штаб Киевского ВО ввел в город дополнительные войска, которые подавили выступление рабочих стратегического военного завода «Арсенал». В этих условиях интересы большевистского ВРК и Генерального секретариата, давно стремившегося избавиться от опеки Петроградского Временного правительства, совпали. Многопартийный Коми-

тет по охране революции самораспустился 28 октября 1917 г., и большевики создали Военно-революционный комитет. ВРК создал реальную вооруженную силу, противостоящую правительственным войскам КВО, объединив красногвардейские отряды и солдат российских и украинизированных частей. В итоге свержение власти Временного правительства стало результатом соединения усилий большевиков и «украинцев»: ВРК захватил штаб КВО, а Центральная рада провозгласила 3-й Универсал о создании Украинской народной республики, находящейся в федеративных (!) отношениях с Россией. Соглашение между командованием Киевского ВО и Генеральным секретариатом завершило переворот.

Государственное совещание (Московское Государственное Совещание) — орган, созданный по инициативе нового главы Временного правительства А. Ф. Керенского с целью консолидации сил, поддерживающих идею парламентской демократии и действующего кабинета после июльского кризиса, вызванного полумиллионной демонстрацией в Петрограде под лозунгом «Вся власть Советам!» и агитацией к вооруженному свержению Временного правительства. Государственное совещание работало в Москве 12–15 августа 1917 г. На Совещании присутствовало около 2500 участников: 488 депутатов Государственной думы всех созывов, 129 представителей от Советов крестьянских депутатов, 100 — от Советов рабочих и солдатских депутатов, 147 — от городских дум, 117 — от армии и флота, 313 — от кооперативов, 150 — от торгово-промышленных кругов и банков, 176 — от профсоюзов, 118 — от земств, 83 — от интеллигенции, 58 — от национальных организаций, 24 — от духовенства и т. д. Большевики бойкотировали Государственное совещание и организовали в Москве в день его открытия забастовку. Председателем Совещания был Керенский. С докладами выступили министр финансов Н. В. Некрасов, министр торговли и промышленности С. Н. Прокопович, генерал А. М. Каледин, П. Н. Милоков, В. В. Шульгин и многие другие. В этих и других речах

предлагались меры к спасению революционной демократии от радикализма масс: ликвидация Советов, упразднение общественных организаций в армии, возвращение смертной казни и др. Наиболее ярким было выступление Верховного главнокомандующего генерала Л. Корнилова, потребовавшего восстановить «железную дисциплину на фронте и твердую власть в тылу». Керенский, усмотревший в такой позиции покушение на власть Временного правительства, ответил выпадом: «Какие бы и кто бы мне ультиматумы ни предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе ее». Государственное совещание не привело к консолидации сил общества вокруг идеи демократии. Оно, напротив, повлияло на укрепление идеи военной диктатуры и правого переворота. В итоге Временное правительство оказалось перед угрозой справа — от «партии порядка», а также угрозой слева, исходившей от Советов, приступивших к созданию Военно-революционных комитетов.

Предпарламент (Временный совет Российской республики) — созданный Демократическим совещанием совещательный орган при Временном правительстве, призванный обеспечить развитие России по пути парламентской демократии. Действовал с 20 сентября по 25 октября 1917 г. Этот орган появился как следствие партийно-политического компромисса после подавления Корниловского мятежа объединенными силами Советов и Временного правительства. Контролировавшие Советы меньшевики и эсеры оказались перед выбором: либо поддерживать Временное правительство и входящих в его состав кадетов, либо — большевиков и их идею передачи власти Советам. В этих условиях ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполком Советов крестьянских депутатов инициировали созыв Всероссийского Демократического совещания, которое работало 14–22 сентября 1917 г. 1582 делегата Демократического совещания представляли Советы, профсоюзы, организации армии и флота, городские думы, земства, кооперация, национальные органи-

зации и др. Среди делегатов было 532 эсера, 172 меньшевика, 136 большевиков, 55 трудовиков. 19 сентября 1917 г. Демократическое совещание разработало резолюцию, в которой выражало поддержку Временному правительству. Однако были приняты поправки, запрещавшие включать в правительство кадетов и всех замешанных в Корниловском мятеже (т. н. цензовые организации). Но резолюция не прошла: ее по разным основаниям не поддержали ни правые, ни большевики. Демократическое совещание зашло в тупик. И тогда президиум принял решение выделить из состава Демократического совещания на пропорциональных началах (по 15%) представителей всех групп и фракций в постоянный орган — предпарламент численностью 313 человек, которому и передало свои функции. Открытие предпарламента состоялось 7 сентября 1917 г. в Мариинском дворце, его председателем был избран эсер Н. Д. Авксентьев. Образованное 25 сентября 1917 г. новое коалиционное Временное правительство ограничило права и функции предпарламента и изменило его состав: в предпарламент были включены представители цензовых организаций (партии кадетов, торгово-промышленных объединений и др.). Число членов предпарламента увеличилось до 555-ти. По неполным данным, в него вошли 135 эсеров, 92 меньшевика, 30 народных социалистов, 75 кадетов, 58 большевиков. ЦК РСДРП(б) принял решение о выходе большевиков из предпарламента и приступил к непосредственной подготовке восстания. Еще 24 октября 1917 г. предпарламент пытался остановить восстание в Петрограде, приняв решение немедленно издать декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и разработать предложения союзникам о начале мирных переговоров. Днём 25 октября (7 ноября) революционные войска окружили Мариинский дворец и Петроградским ВРК предпарламент был распущен.

Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — врач, земский, политический и государственный деятель, кадет, министр Временного правительства. Всероссийскую известность получил

благодаря своей книге «Вымирающая деревня» (1901), в которой доказывал тезис об «обнищании» крестьян. Член «Союза освобождения» (1904). Один из основателей кадетской партии. Председатель Воронежского комитета партии кадетов. С 1908 г. — член ЦК партии к.-д. Депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственной думы, главный оратор кадетов по финансовым вопросам. С 1915 г. — председатель военно-морской комиссии Думы. Гласный Петроградской городской думы. В августе 1915 г. — член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Во Временном правительстве первого состава занял пост министра земледелия. Возглавил Продовольственную комиссию. Провел закон о хлебной монополии. После апрельского кризиса, отставки П. Н. Милюкова и формирования 1-го коалиционного правительства — глава кадетской группы в кабинете министров. С 5 мая по 2 июля 1917 г. — министр финансов, инициатор «Займа Свободы». 2 июля по решению ЦК партии заявил о выходе из Временного правительства, выступил против проекта соглашения с Центральной Радой, провозгласившей автономию Украины. Поддерживал идею военной диктатуры. Член предпарламента. На выборах в Учредительное собрание был выставлен кандидатом от 17 губернских комитетов.

Кокошкин Фёдор Фёдорович (1871–1918) — юрист, земский, политический и государственный деятель, министр Временного правительства. Один из основателей партии кадетов, член ЦК. Депутат 1-й Государственной думы. В кадетской партии был авторитетом в области государственного права и национальных проблем. После Февральской революции 1917 г. — председатель учреждённого Временным правительством Юридического совещания. С мая 1917 г. — председатель Особого совещания по изготовлению проекта Положения о выборах в Учредительное Собрание. Отказался утверждать соглашение с украинской Центральной Радой о предоставлении ей автономии. После июльского кризиса вошел в состав 2-го коалиционного Временного правительства (государственный контро-

лер), лидер кадетской группы. Сторонник военной диктатуры и Л. Корнилова. Подал в отставку 27 августа 1917 г. после присвоения А. Ф. Керенским диктаторских полномочий. Покинул Юридическое совещание. После Октябрьской революции активно участвовал в подготовке к выборам в Учредительное Собрание. Шингарев и Кокошкин были арестованы 28 ноября 1917 г. на квартире С. В. Паниной, где проходило заседание кадетского ЦК, сразу же после принятия СНК декрета, объявившего кадетов «партией врагов народа». Вместе с другими арестованными кадетами Шингарев и Кокошкин содержались в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. 6 января 1918 г. Шингарев и Кокошкин, здоровье которых ухудшилось, по ходатайству председателя Красного Креста были переведены в Мариинскую тюремную больницу. Покушение на В. И. Ленина 1 января, начало работы Учредительного собрания 6 января 1918 г. спровоцировали призывы расправиться с контрреволюцией. Они нашли отклик у солдат и матросов Петроградского гарнизона, в том числе и у охранников арестованных кадетских лидеров. Охрана Шингарева и Кокошкина привела с улицы матросов. В общей сложности в расправе над ними участвовали около 30 человек. Кокошкин погиб от выстрелов в голову и сердце. Тяжело раненный Шингарев умер спустя полтора часа. По поручению В. И. Ленина была создана следственная комиссия, однако участники убийства наказаны не были. Шингарев и Кокошкин, похороненные рядом на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, стали первыми в «демократическом пантеоне» жертв революции. Шингарев в заключении вел дневник, опубликованный в 1918 г. под названием «Как это было: Дневник А. И. Шингарева».

...германская революция выдвинула Эберта и Носке... — Зеньковский имеет в виду способность германских правых социал-демократов к решительному силовому подавлению революции, предотвращению гражданской войны и хаоса, а также их приверженность национальным и государственным интересам. Этот путь видится ему альтернативой победившему

в России коммунизму и интернационализму. Ему также импонирует развитие Германии по пути создания парламентской республики.

Эберт Фридрих (Friedrich Ebert, 1871–1925) — германский политический и государственный деятель. Из рабочих. Правый социал-демократ. Член СДПГ с 1889 г. С 1905 г. — Генеральный секретарь СДПГ, с 1913 г. — председатель партии. С 1912 г. — депутат рейхстага, а с 1916 г. — глава социал-демократической фракции. Во время Первой мировой войны занимал националистические позиции. 9 ноября 1918 г., т. е. в день отречения от престола императора Вильгельма II, по просьбе принца Макса Баденского занял пост канцлера (премьер-министра). 10 ноября сформировал социалистическое правительство — Совет народных уполномоченных, получившее поддержку от Советов рабочих и солдат. Тогда же заключил соглашение с представителями германского военного командования о введении в Берлин воинских частей. В начале 1919 г. избран первым президентом Веймарской республики. Согласно поправкам к Веймарской конституции, выборы президента были временно отменены, что продлило полномочия Эберта до 1925 г. Проводил центристскую линию: сумел подавить как выступления коммунистов, так и правые Капповский (1920) и Пивной (1923) путчи. Умер в Берлине 28 февраля 1925 г.

Носке Густав (Gustav Noske, 1868–1946) — немецкий общественный и государственный деятель, представитель правого крыла СДПГ. После начала Первой мировой войны занимал националистические позиции. Во время Ноябрьской революции — член Совета народных уполномоченных (правительства). Организовал отряды, подавившие выступления коммунистов и левых социал-демократов, которые стремились провозгласить советскую власть. По этому поводу произнес фразу: «Кто-то должен быть кровавой собакой, и я не боюсь ответственности». Министр обороны с февраля 1919 г. по март

1920 г. Ушел в отставку после подавления Капповского путча. С 1920 г. по 1933 г. — Верховный президент Ганновера, уволен с поста нацистами. В 1944 г. после покушения на Гитлера отправлен в концлагерь. После окончания войны деятели СДПГ препятствовали его возвращению в политику.

Муссолини Бенито (Benito Amilcare Andrea Mussolini, 1883–1945) — в октябре 1922 г. организовал государственный переворот (т. н. «поход на Рим»), после которого король Италии Виктор-Эммануил III поручил ему сформировать и возглавить правительство. Помимо исполнения обязанностей главы кабинета министров, в разное время занимал посты министра иностранных дел, военного министра, морского министра, комиссара ВВС, министра авиации, министра внутренних дел, министра колоний, министра по делам Итальянской Восточной Африки. Провел реформу избирательной системы, а также ряд законов, имевших следствием установление в 1926 г. фашистской диктатуры (при сохранении формальной монархии высшая власть в стране принадлежала Большому фашистскому совету и премьер-министру). Автор работы «Доктрина фашизма», в которой отстаивал идею тождества государства, нации, культуры и личности: «Государство является гарантом безопасности как внешней, так и внутренней, но оно также страж и передатчик духа народа, как он прорастал через века в языке, обычаях и вере...». В 1929 г. подписал Латеранские соглашения с Ватиканом, обеспечившие фашистскому государству поддержку католической церкви. Зеньковский в 1931 г., как и другие русские эмигранты ещё ранее, обратил свои симпатии в сторону Муссолини по понятным причинам. Фашистская идеология Муссолини и созданное им фашистское государство обеспечили к тому времени Италии подавление коммунистического движения, принятие ряда социальных законов, ограничение крупного капитала, легальную деятельность массовых организаций, лояльных государству, защиту национальных интересов и, наконец, политическую и социальную стабильность. Фашизм — как термин и как дви-

жение — в 1931 г. не был наполнен априорно негативным содержанием, в том числе и для русских эмигрантов. Эту ситуацию прекрасно иллюстрирует не самый значимый, но яркий факт: в 1928 г. в Харбине вышла адресованная «православной молодежи» книга под весьма характерным названием: «Первый русский фашист Петр Аркадьевич Столыпин». Автор этой книги утверждал, что «Петр Аркадьевич Столыпин был... даже гениальнее современного Бенито Муссолини».

...и когда в Феврале был подписан Брестский мир с немцами... — Имеется в виду «Брест-Литовское соглашение», или иначе — «украинский Брестский мир», заключенный странами Четверного союза с делегацией Центральной рады 9 февраля 1918 г. Представители Центральной рады сначала присутствовали в Брест-Литовске в качестве наблюдателей. Затем делегации УНР был придан законный статус. Наибольшую активность в переговорах проявили В. А. Голубович, А. А. Севрюк, Н. Левитский и Н. М. Любинский. Украинский Брестский мир сыграл важную роль в определении окончательных условий Брестского мирного договора, подписанного с делегацией СНК РСФСР 3 марта 1918 г. Одним из условий делегаций стран Четверного союза, выдвинутым к представителям Центральной рады, был отказ от федеративных отношений с Россией, закрепленных 3-м Универсалом. В январе 1918 г. был принят 4-й Универсал о суверенитете УНР. Сразу после подписания с представителями ЦР отдельного мирного договора Германия предъявила советской делегации ультимативные требования, которые были приняты, и РСФСР в итоге потеряла территорию площадью 1 млн км². Украинский Брестский мир, который рассматривался воодушевленными национальной идеей молодыми украинскими политиками как шанс на создание суверенной Украинской народной республики при поддержке стран Четверного союза, не привел к ожидаемым результатам. Во-первых, представители Германии отказались поддерживать идею самоопределения оккупированных странами Четверного союза российских областей.

Во-вторых, УНР были навязаны колониальные условия, в соответствии с которыми Украина была обязана предоставить ослабленным войной и переживающим продовольственный и сырьевой кризис Германии и Австро-Венгрии большое количество сельхозпродуктов, скота и сырья. В-третьих, соглашения с украинской делегацией относительно создания «сборной» (единой) Украины не были выполнены. Обещанная передача УНР Холмщины, оккупированной австрийцами, не состоялась. Создание из австрийских Восточной Галиции, Южной Буковины и Закарпатской Руси особого «коронного края», записанное в секретном соглашении, было забыто под предлогом того, что документ получил огласку (а текст секретного соглашения австрийской стороной был даже сожжен). Украинский Брестский мир создал условия не только для германо-австрийской оккупации 9 российских губерний, но и для установления на Украине германофильского гетманского режима, описанию которого и посвящены воспоминания В. В. Зеньковского. Ноябрьская революция в Германии, подписание Компьенского перемирия стран Антанты с Германией и денонсация в ноябре 1918 г. Брестского мира Советом народных комиссаров РСФСР определили короткий срок действия условий и украинского, и советского договоров.

Центральная рада (укр.: Центральный совет) — один из многочисленных органов революционной власти, действовавших на Украине после свержения самодержавия и создания Временного правительства. Центральная рада была создана в Киеве 7 марта 1917 г. на собрании нескольких десятков представителей киевских и провинциальных украинских организаций: партий, кооперативов, студенческих союзов, научного и педагогического товариществ, профессиональных объединений техников и агрономов. Ведущую роль среди этих объединений играло Товарищество украинских прогрессистов (ТУП) во главе с профессором Львовского университета М. С. Грушевским. Название — Центральная рада — стало следствием развития украинской политической идеи:

во Львове с 1914 г. действовала Головная украинская рада во главе с К. Левицким, объединившая украинские партии Галиции. Националистическая и социалистическая идеология ее лидеров позволила Центральной раде возглавить украинское движение в 1917 — первой половине 1918 г. Первоначально Центральная рада исполняла роль городской киевской власти. Для руководства структурно не организованной Центральной рады был избран председатель (Грушевский) и его заместители. Принцип представительства в раде не был четко определен, ее создатели и члены не прошли процедуру выборов, что было типично для стихийно складывавшейся системы Советов. На т. н. Всеукраинском национальном конгрессе, проходившем в апреле 1917 г., были предприняты попытки легитимировать Центральную раду как всеукраинский представительно-законодательный орган, а также определить ее цели и структуру. Конгресс переизбрал состав Центральной рады и увеличил его до 118 человек. По свидетельству одного из участников конгресса, преобладание в новом составе ЦР украинских депутатов было достигнуто наделением представителей националистических партий при голосовании несколькими (10, 15, 20) голосами. Кроме того, ЦР получила право кооптации, в результате чего уже летом 1917 г. ее численность увеличилась в несколько раз. По этой причине установить количество членов Центральной рады невозможно (в различных исследованиях приводятся данные: более 600, более 700, более 800, и даже более 1 500 человек). Центральная рада была разделена на Большую раду и дееспособную Малую раду численностью в 30 человек (прежний Комитет ЦР), которая выполняла исполнительно-распорядительные функции и фактически выступала от имени ЦР. В июне 1917 г. Малой радой был создан Генеральный секретариат — прообраз правительства. В январе 1918 г. был создан Совет народных министров — правительство УНР. В январе — апреле 1918 г. Центральная рада, вытесненная из Киева большевиками, работала на Волини — в Житомире и Сарнах. Делегация Центральной рады принимала участие в сепаратных переговорах в Брест-

Литовске. Провозглашенная ею Украинская народная республика (УНР) была признана участниками переговоров — Германией, Австро-Венгрией, Турцией, Болгарией и Советской Россией. Деятели Центральной рады вернулись в Киев в начале марта вместе с наступающими германскими войсками. 29 апреля 1918 г. в ходе гетманского переворота все структуры Центральной рады были разогнаны оккупационными властями. Попытка восстановить режим и структуры Центральной рады после антигетманского восстания, предпринятая Грушевским и его сторонниками, не увенчалась успехом. УНР с тех пор представляла Директория и созданные ею правительства.

В Петербурге жило несколько видных членов революционных украинских партий, которые стали входить в сношения с Временным правительством на предмет установления автономии Украины... — Зеньковский, по всей видимости, имеет в виду деятельность А. И. Лотоцкого и его сторонников. А. И. Лотоцкий был членом Петроградской украинской громады (общества), которая в марте 1917 г. преобразовалась в Украинскую национальную раду. Эта рада взяла на себя функции выражения интересов «Украины» в столице (причем в Киеве одновременно начала работу аналогичная Центральная рада). Лотоцкий стал главой Исполнительного комитета Украинской национальной рады (иначе — Украинский комитет). В марте 1917 г. ее делегация во главе с Лотоцким встречалась с министрами Временного правительства. Во время встречи были озвучены требования относительно назначения на административные посты в «украинские» губернии украинцев, использования украинского языка в системе управления, образования, судопроизводства, предоставления самостоятельности Православной Церкви на Украине и перевода богослужения на украинский язык.

Генеральный секретариат — протоправительство, квазиправительство, орган переходной власти, взявший на себя некото-

рые исполнительные функции в период конкурентной борьбы Центральной рады с Временным правительством. ГС был создан Комитетом Центральной рады 15 июня 1917 г. после принятия 1-го Универсала, объявившего автономию Украины. В «Декларации», написанной по этому случаю В. Винниченко, была предпринята попытка легализовать власть украинской ЦР, провозгласив создание постоянного органа «революционной власти» — Генерального Секретариата. Первыми генеральными секретарями стали: Винниченко — председатель, генсекретарь внутренних дел, Х. Барановский — генсекретарь финансов, С. Ефремов — генсекретарь по межнациональным делам, Б. Мартос — генсекретарь земельных дел, С. Петлюра — военных дел, В. Садовский — юстиции, М. Стасюк — продовольственных дел, И. Стешенко — образования. Также была введена должность генерального писаря. Переговоры представителей Центральной рады и делегации Временного правительства, состоявшиеся в Киеве в июне—июле 1917 г., ограничили полномочия Генерального секретариата, но, тем не менее, самим фактом «признания» и «переговоров» придали дополнительную легитимность этому прообразу украинского правительства. Однако очень скоро обнаружились противоречия, касающиеся, в том числе, и функций Генерального секретариата (ГС). Украинская сторона разработала «Устав высшего управления Украиной» (иначе — Устав Генерального секретариата), который привезла в Петроград специальная делегация во главе с Винниченко. Требование созыва отдельного Всеукраинского Учредительного собрания и объявление ГС «высшим органом» власти вызвали серьезные возражения. Ответом стало принятие 4 августа 1917 г. «Инструкции Временного правительства Генеральному секретариату», в которой ГС трактовался как местный административный орган, подчиненный Временному правительству и его губернскому комиссариату. В августе и октябре 1917 г. состав Генерального секретариата, в котором шла ожесточенная межпартийная борьба по вопросу отношения к Временному правительству, существенно менялся, председательское место

переходило от Винниченко к Д. Дорошенко и обратно. После Октябрьского переворота 1917 г. и принятия 3-го Универсала Генеральный секретариат, освобожденный от договоренностей с Временным правительством, взял на себя функции правительства Украинской народной республики. В январе 1918 г. Генеральный секретариат был сменен новым органом — Советом министров, т. е. правительством, что соответствовало новому статусу УНР, объявленному согласно 4-му Универсалу суверенным государством.

Универсалы (от лат. *universalis* — всеобщий) — манифесты, декларации, издаваемые Центральной радой. Названы согласно польской политической традиции, в соответствии с которой универсалами именовались указы и грамоты польского короля. С универсалами обращался к народу и главам государств и «князь» Богдан Хмельницкий. УЦР в 1917 г. продекларировала четыре Универсала. Их особенностью была не только содержательная часть, но и своеобразная стилистика. 1-й Универсал Центральной рады от 10 июня 1917 г. составлен членами Комитета Центральной рады и оглашен В. К. Винниченко на Втором Всеукраинском войсковом съезде. Вопреки политике Временного правительства, отодвигавшего решение национально-территориального вопроса до Учредительного собрания, в 1-м Универсале была провозглашена автономия Украины. 2-й Универсал, принятый 3 июля 1917 г. после посещения Киева делегацией Временного правительства, стал результатом компромисса между Петроградом и УЦР. 2-й Универсал поддержал призыв Временного правительства к единству и отодвинул решение вопроса об автономии до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Его авторы обращались уже не к «народу украинскому» (1-й Универсал), а к «гражданам земли украинской». В 3-м Универсале, принятом 7 ноября 1917 г., т. е. после Октябрьского переворота в Петрограде, была вновь озвучена идея окончательного решения вопроса о территориальном устройстве страны на Учредительном собрании. Но в качестве цели фигурировало создание фе-

деративного государства — Украинской народной республики (УНР) в составе России. Поскольку федеративная тема была сформулирована очень невнятно и не был прописан механизм заключения федеративного договора с Россией, это давало повод трактовать 3-й Универсал как документ о провозглашении самостоятельной УНР. Последний, 4-й Универсал, принятый Малой радой 11 января 1918 г. под давлением германской и австрийской делегации на Брест-Литовских мирных переговорах, провозгласил независимость УНР.

...в июне 1917 выставили идею «самостийной Украины»... — Имеется в виду 1-й Универсал УЦР, содержащий призыв «организоваться и приступить к немедленному созданию основ автономного устройства на Украине».

В Киев от Временного правительства направлены Керенский, Терещенко, Некрасов... — Делегация Временного правительства в составе министров А. Ф. Керенского, М. И. Терещенко и И. Г. Церетели (Зеньковский ошибочно указал Н. В. Некрасова) прибыла в Киев 29 июня 1917 г. Создание Украинской Центральной рады и провозглашение в ее 1-м Универсале автономии Украины ставило Временное правительство перед фактом стихийной суверенизации. Малочисленная делегация Временного правительства, во главе которой стоял военный министр Керенский, не имела полномочий решать вопрос о национально-территориальном устройстве Украины. И аналогично — самопровозглашенная Центральная рада, от имени которой вел переговоры генеральный секретарь В. К. Винниченко, не имела права и полномочий решать вопрос о национально-территориальном устройстве России до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Целью переговоров стало преодоление этого юридического казуса и выработка единой демократической платформы. Наибольшую активность в переговорах проявили В. К. Винниченко и И. Церетели, обнаружившие взаимную склонность к компромиссу. Основными пунктами общих договоренностей ста-

ли: 1) принятие 2-го Универсала, согласованного с Временным правительством, в котором УЦР и ее структуры объявлялись областными органами местного самоуправления на территории 5-ти губерний, 2) включение в состав Центральной рады и Генерального секретариата представителей «нацменьшинств» (русских, евреев и поляков), 3) признание Временного правительства высшим исполнительно-распорядительным органом в стране вплоть до созыва Учредительного собрания. Требование Керенского убрать из Генерального секретариата пост секретаря по военным делам не было удовлетворено. Эти идеи помимо 2-го Универсала нашли выражение в «Декларации Временного правительства к Украинской Раде» и «Инструкции Временного правительства Генеральному секретариату». Но компромисс оказался спорным с юридической точки зрения и, главное, не был обеспечен реальными ресурсами в условиях возраставшей политической нестабильности. Юристы из числа кадетов, работавшие в Юридическом совещании, называли выше названные документы «нелепыми» и «безграмотными», поскольку не была определена территория «Украины», не прописана процедура принятия решений, не оговорены способы урегулирования спорных вопросов и т. д. Этот политико-юридический компромисс имел последствия и в России, и на Украине. Кадеты — члены Временного правительства — в большинстве своем не одобрили итоги миссии Керенского, что послужило одним из поводов июльского правительственного кризиса. На Украине стала формироваться оппозиция к Центральной раде, состоящая из общероссийских, еврейских и польских партий. В начале июля в Киеве началось восстание одного из «украинизированных» полков им. Полуботка, активное участие в котором принимал генеральный секретарь С. Петлюра. Подавить «полуботковщину» удалось лишь при помощи войск, присланных Временным правительством. Стремление Центральной рады «переиграть» Временное правительство в «перетягивании» полномочий из центра в регионы привело к тому, что УЦР фактически поддержала большевиков в дни октября 1917 г., создав на основе

коалиции с киевскими большевиками Краевой комитет защиты революции (см. выше).

Петлюра Симон (Семен) Васильевич (1879–1926) — военный, политический и государственный деятель, военный министр и глава УНР. Родился в Полтаве в мещанской семье. Учился в Полтавской духовной семинарии, был исключен. С 1901 г. — член Революционной Украинской партии. В Екатеринодаре создал отделение РУП, за что в 1903 г. был арестован, но выпущен на поруки. Перебрался во Львов (Австро-Венгрия). Определился вольнослушателем Львовского университета. Вернувшись в Россию, работал бухгалтером в «Восточном Транспортном товариществе». Помещал статьи в журналах «Общественная мысль», «Рада», «Слово», «Свободная Украина». Участвовал в работе II съезда РУП, на котором она была переименована в УСДРП. Член ЦК УСДРП. В 1907 г. переехал в Петербург, затем в Москву, служил бухгалтером в страховом обществе «Россия». Был активным членом украинского сообщества, входил в националистические группы и кружки. С 1912 г. — редактор московской газеты «Украинская жизнь». Во время Первой мировой войны — председатель главной контрольной комиссии Земгора на Западном фронте. В апреле 1917 г. возглавил Украинский комитет войск Западного фронта. В мае 1917 г. на I-м Всеукраинском военном съезде избран председателем Генерального военного комитета при Центральной Раде. В июне 1917 г. вошел в состав Генерального секретариата ЦР (генеральный секретарь по военным делам). Проводил политику украинизации частей Юго-Западного фронта. Избран в Учредительное собрание. В ноябре 1917 г. вошел в состав Краевого комитета по охране революции, объединившего противников Временного правительства. В ноябре 1917 г. назначен генеральным секретарем военных дел в новом правительстве УНР. Объявил о переподчинении военных частей на территории Украины Центральной Раде, разоружил русские военные части, находившиеся на Украине, вступил в военное сотрудничество с донским атаманом А. М. Каледи-

ным, содействовал переправке фронтовых частей на Дон. Расформировал и отправил на фронт 1-й Украинский корпус ген. П. П. Скоропадского и поддержавшее его Вольное казачество. В конце декабря 1917 г. подал в отставку из-за решения Центральной рады о начале переговоров с Германией. В начале января 1918 создал «Украинский гайдамацкий кош слободской Украины», который вместе с сечевыми стрельцами принимал участие в подавлении восстания рабочих на заводе «Арсенал» и в оказании сопротивления наступавшему на Киев советскому отряду М. А. Муравьева. После захвата Киева большевиками в январе 1918 г. вместе с лидерами Центральной рады бежал на Волынь. Вернулся в Киев в марте 1918 г. после оккупации Украины немцами. В апреле 1918 г. избран главой Киевского губернского земства и Всеукраинского союза земств. В июле 1918 г. был арестован властями Украинской державы по обвинению в антиправительственном заговоре, освобожден под честное слово. В ноябре 1918 г. выехал в Белую Церковь, где с другими лидерами Украинского национального союза возглавил антигетманское восстание. Член Директории и головной атаман Украинской народной армии. После оставления Киева, который вновь был занят Красной армией, возглавил Директорию, сместив ее председателя В. К. Винниченко. Вышел из УСДРП. На подчиненной территории установил своеобразный режим, называемый «петлюровщиной». В марте 1919 г. пытался получить помощь Антанты для борьбы с большевиками. После наступления Красной армии на запад с частью армии прорвался в Галицию, где объединился с силами ЗУНР — Западно-Украинской народной республики, образовавшейся в ноябре 1918 г. Летом 1919 г. после наступления армии Деникина на Украину вернулся с Галицийским корпусом ЗУНР и занял часть Правобережной Украины. 30 августа на один день завладел Киевом, но не достиг соглашения с Деникиным. В сентябре — октябре 1919 г. со своими отрядами вел партизанскую войну против белых. В октябре — декабре 1919 г., когда Красная армия разбила и вытеснила Добровольческую армию с Украины, с остатками войск отступил

в Польшу, где они были позже интернированы. В апреле 1920 г. заключил с главой Польши Ю. Пилсудским Варшавский договор о совместной борьбе против Советской России, согласившись на присоединение к Польше Восточной Галиции, Западной Волыни и Полесья в обмен на признание независимости Украины (это привело к его разрыву с ЗУНР). Во время наступления польских и петлюровских войск на Украину обосновался вместе с правительством Директории в Виннице. После контрнаступления Красной армии и освобождения большей части территории Украины от польских войск пытался организовать партизанское движение. Искал союзника в лице Врангеля. В ноябре 1920 г. после разгрома Железной дивизии петлюровцев и взятия Каменца-Подольского Красной армией эмигрировал с правительством УНР в Польшу. Осенью 1921 г. пытался при поддержке Польши и Румынии организовать новый поход на Украину. В 1923 г. переехал из Польши в Венгрию, в 1924 г. — в Австрию, затем в Швейцарию. С конца 1924 г. жил в Париже. Как глава Директории возглавлял УНР в изгнании. Пытался объединить украинскую эмиграцию вокруг издания «Тризуб». В мае 1926 г. был убит в Париже Шоломом Шварцбардом. (Парижский суд оправдал Шварцбарда, учитывая обвинения Петлюры в антисемитизме и еврейских погромах.) Похоронен на кладбище Монпарнас в Париже.

...С. В. Петлюра сохранил звание военного министра (атамана) — Одним из итогов переговоров делегации Временного правительства с руководителями Центральной рады стало сохранение в составе Генерального секретариата поста военного министра, который занимал Петлюра. «Украинизация» армии была составной частью политики Временного правительства и началась после распоряжения нового Верховного главнокомандующего Л. Корнилова. Однако при проведении украинизации обнаружились противоречия между Петроградом и Киевской Центральной радой. Причиной этого конфликта стало отсутствие четкой юридической базы и идеологического обеспечения этой акции: не было определено, на основе ка-

кого принципа — этнического или территориального — будут создаваться «украинские» военные подразделения, какие органы гражданской и военной власти ответственны за ее осуществление, каковы конечные цели «украинизации» и т. д. Ключевым эпизодом борьбы Временного правительства с ЦР стало сохранение генеральным секретарем по военным вопросам Петлюрой своего поста. Первые его шаги не выходили за рамки деструктивной политики демократического Временного правительства: при штабах фронтов и ниже создавались «украинские комитеты», на кораблях Черноморского флота поднимались желто-голубые знамена, украинизация была очередным поводом к отказу идти в бой или дезертировать. Из многочисленных дезертиров, скопившихся в Киеве, были сформированы Первый украинский имени Богдана Хмельницкого полк и Полк имени гетмана Павла Полуботка. Весьма характерно, что ни одна «украинская» часть не поддержала Центральную раду в период первого наступления большевиков в январе 1918 г. Большевицкий СНК первоначально поддержал «украинизацию» армии, и 9 тыс. военнослужащих Петроградского гарнизона выехали на Украину. Однако 11 ноября 1917 г. последовал призыв Петлюры к военнослужащим-украинцам не подчиняться распоряжениям Петроградского СНК и немедленно возвращаться на Украину. Отношение к УЦР как органу буржуазно-националистической контрреволюции сложилось у СНК после извещения Петлюрой советского главнокомандующего Н. В. Крыленко о выводе Юго-западного и Румынского фронтов из-под управления Ставки и формировании Украинского фронта, после запрета на перемещения воинских частей без согласования с Генеральным секретариатом УЦР и, что особенно важно, после отказа пропустить на Дон большевистские части. Методы «украинизации», избранные руководством Центральной рады: увольнение в «отпуск» русских военнослужащих, разоружение неукраинизированных частей в Киеве, захваты «украинскими комитетами», «украинскими радами» и «украинскими комиссарами» военных штабов не только Юго-Западного и Румынского,

но и Северного и Западного фронтов, аресты и расстрелы членов большевистских ВРК — привели к разрыву отношений между СНК и Генеральным секретариатом.

Атаман (отаман) — украинизированное название ряда должностей в период Центральной рады, гетманата и Директории. Премьер-министр, например, именовался «отаман-министром».

Юго-Западный край — одной из мер по ликвидации последствий польского восстания 1830—1831 гг. стало распоряжение Николая I относительно нового именования территорий, некогда входивших в состав Речи Посполитой. Так появились Северо-Западный край и Юго-Западный край, в состав которого входили Киевская, Волынская и Подольская губернии.

Оберучев Константин Михайлович (1864—1929) — генерал, эсер, общественный деятель. Выпускник Михайловской артиллерийской академии. С 1889 г. по 1906 г. на военной службе. С 1906 г. в отставке. Собираатель документальных материалов о Т. Шевченко, печатался в «Киевской старине», «Украинской жизни». Участник кооперативного движения. Член партии эсеров. Подвергался арестам и ссылке за политическую деятельность. В 1913 г. выслан за границу. Жил в Швейцарии. В 1914 г. — первый секретарь Центрального комитета помощи российским гражданам, застигнутым войной за границей (Лозанна). В январе 1917 г. вернулся в Россию. После Февральской революции военным министром эсером А. Ф. Керенским был назначен командующим войсками Юго-Западного фронта. В сентябре 1917 г. участвовал в работе международной конференции по обмену военнопленными в Копенгагене. После Октябрьской революции в Россию не возвращался, жил в США. Председатель Фонда помощи русским писателям и учёным в США. Один из основателей и преподаватель Русского народного университета в Нью-Йорке. Представитель Административного центра внепартийного объединения

в США. Оставил воспоминания «В дни революции», в которых описывал результаты «украинизации» воинских частей: «Чуть только я посылал в какой-нибудь запасный полк приказ о высылке маршевых рот на фронт в подкрепление тающих полков, как в жившем до того мирной жизнью и не думавшем об украинизации полку созывался митинг, поднималось украинское желто-голубое знамя и раздавался клич: пойдем, но только под украинским знаменем! И затем — ни с места. Проходят недели, месяцы, а роты не двигаются. Ни под красным, ни под желто-голубым знаменем».

Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951) — писатель и драматург, общественный и политический деятель, председатель Генерального секретариата, глава Совета министров УНР и Директории. Из крестьян Херсонской губернии. В 1901 г. поступил в Киевский университет. В том же году стал одним из основателей РУП. В 1904 после преобразования РУП вошел в состав УСДРП (Украинской социал-демократической рабочей партии). В 1903 г. арестован и исключен из университета. Дважды бежал из заключения, эмигрировал. С 1906 г. по 1914 г. жил во Франции, Швейцарии, Италии, Австро-Венгрии (Львов). Занимался издательской работой и доставкой нелегальной литературы в Россию. С 1907 г. — член ЦК УСДРП. В 1914 г. вернулся в Россию, жил в Москве, сотрудничал в журнале «Украинская Жизнь». После Февральской революции 1917 г. переехал в Киев. Заместитель председателя Центральной рады М. С. Грушевского, член Малой рады. Автор или соавтор подавляющего большинства документов, вышедших из недр Центральной рады, в том числе четырех Универсалов. Руководил работой Украинского национального конгресса, а также Всеукраинских военных, крестьянского и рабочего съездов, проходивших в 1917 г.; выступал с докладами, обеспечивая проведение линии Центральной рады. Лидер УСДРП и главный редактор ее органа — «Рабочей Газеты». В 1917 г. возглавлял делегации Центральной рады, выезжавшие в Петроград для ведения переговоров с Временным

правительством. Руководил несколькими составами Генерального секретариата УЦР, одновременно занимая пост генерального секретаря внутренних дел. В июне 1917 г. вел переговоры с делегированными в Киев министрами Временного правительства А. Ф. Керенским, М. И. Терещенко и И. Церетели. В конце 1917 г. избран делегатом Учредительного собрания от Киевского округа. Не принял Октябрьскую революцию в Петрограде. После провозглашения независимости УНР (4-й Универсал) возглавил правительство — Совет народных министров. После очередного межпартийного кризиса подал в отставку. В период гетманата оставался в руководстве УСДРП, редактировал «Рабочую газету». Был арестован, но через день освобожден по личному распоряжению гетмана. В сентябре 1918 г. был избран председателем УНС (Украинского национального союза). Одновременно вел переговоры: с гетманом — о формировании «украинского» правительства, с руководителем советской мирной делегации Х. Раковским — о совместных действиях против гетмана и его режима и с С. В. Петлюрой — о подготовке восстания против оккупантов и гетмана. 14 ноября 1918 г. стал главой чрезвычайной Директории. В феврале 1918 г. отстранен Петлюрой от власти и ушел с поста председателя Директории. Выехал в Австрию, занялся литературным творчеством. В конце 1919 г. вышел из УСДРП и организовал в Вене Заграничную группу украинских коммунистов. В мае 1920 г. приехал в Москву, а затем в Харьков. В результате переговоров с Л. Д. Троцким, Л. Б. Каменевым, Г. Е. Зиновьевым и др. получил пост заместителя председателя Совнаркома УССР и наркома иностранных дел УССР. Но уехал за границу, не получив ожидавшегося членства в Политбюро ЦК КП (б) У. В 1925 г. вновь обратился в советское полпредство за разрешением вернуться на Украину. С середины 1920-х гг. отошел от политической деятельности. Умер в Париже. Автор трехтомного труда «Возрождение нации. История украинской революции (март 1917 — декабрь 1919 г.)», написанного в 1919 г., а также художественных произведений.

...небольшой отряд Муравьева осадил Киев... — *Муравьев Михаил Артемьевич (1880—1918)* — военный и политический деятель периода революции и гражданской войны, эсер. Участник русско-японской и Первой мировой войн, полковник. Воевал на Юго-Западном фронте. После Февральской революции находился в Одессе, затем переехал в Петроград, где стал командиром охраны Временного правительства. Выступил с инициативой создания добровольческих ударных батальонов («батальонов смерти»). После подавления Корниловского мятежа встал в оппозицию к Временному правительству, примкнул к левым эсерам. В октябре 1917 г. предложил свои услуги большевикам. Вместе с В. А. Антоновым-Овсеенко и др. принимал участие в разработке и осуществлении плана вооруженного восстания в Петрограде. Член Штаба Петроградского ВРК и начальник обороны Петрограда в период наступления на город войск Керенского-Краснова. Назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа, но покинул пост после отзыва левыми эсерами своих представителей из органов власти. В декабре 1917 г. назначен начальником штаба Антонова-Овсеенко — наркома по борьбе с контрреволюцией, а затем главнокомандующего советскими войсками Юга России. Принимал участие в разработке военных операций для предотвращения переправки казачьих частей на Дон к А. М. Каледину. Руководил разработкой и проведением военных операций на Юге России в декабре 1917 — феврале 1918 г., обеспечивших короткое существование первой Советской республики Украины со столицей в Харькове. В январе—феврале 1918 г. командовал группой войск, действовавших на направлении Полтава-Киев. Использовал тактику быстрого продвижения войск по железной дороге, в результате чего его отряд, располагавший, по разным данным, от 2000 до 7000 бойцов, овладел Киевом 26 января 1918 г. Установил в городе режим революционной диктатуры. От представителей харьковского ЦИКа и Народного секретариата получил обвинения в жестокости и несоразмерности террора. Продолжил наступление, обеспечившее бегство

и фактическую самоликвидацию Центральной рады. Назначен командующим Румынским фронтом, руководил наступлением на Бендеры и Кишинев. После контрнаступления немецких, австро-венгерских войск и поддержавших их украинских частей руководил войсками Одесской советской республики. В апреле 1918 г. был отозван в Москву и арестован по обвинению в злоупотреблении властью. Освобожден. В июне 1918 г. назначен командующим Восточным фронтом. Выступил против заключения Брестского мира. После левоэсеровского мятежа в Москве 6—7 июля 1918 г. и убийства германского посла Мирбаха поднял мятеж в Симбирске, арестовал ряд советских и партийных работников, в том числе командующего 1-й армией М. Н. Тухачевского. Телеграфировал об объявлении войны Германии. СНК РСФСР декретом от 11 июля квалифицировал его действия как контрреволюционные и объявил его вне закона. 11 июля Муравьев был убит при сопротивлении аресту.

Голубович Всеволод Александрович (1885—1939) — инженер, политический деятель, глава правительства УНР. Из семьи священника Подольской губернии. Окончил духовную семинарию, затем Киевский политехнический институт. Инженер-железнодорожник, с 1915 г. по 1917 г. работал по специальности. В политическом движении с 1903 г. С 1912 г. — член киевской группы УПСР (Украинской партии социалистов-революционеров). В 1917 г. — председатель Одесского комитета УПСР, гласный Одесской думы. Избран членом ЦК УПСР и кооптирован в состав Центральной рады. Назначен в Генеральный секретариат: генеральный секретарь путей сообщения, затем — торговли и промышленности. Избран депутатом Всероссийского Учредительного собрания от Херсонской губернии. С января 1918 г. — председатель Совета народных министров УНР, сменил на этом посту В. К. Винниченко (смена была обусловлена борьбой между украинскими социал-демократами и эсерами). В конце января 1918 г. незадолго до занятия города советским отрядом Муравьева вые-

хал на автомобиле из Киева в Житомир. Возглавил делегацию УНР на переговорах в Брест-Литовске. Вернулся в Киев в начале марта 1918 г. вместе с немецкими войсками. Потерял все посты после гетманского переворота 29 апреля 1918 г. и разгона Центральной рады. 18 июня 1918 г. был арестован и приговорен к 2 годам заключения по делу банкира Добро-го. Освобожден в декабре 1918 г. В 1920 г. после установле-ния советской власти был арестован по делу украинских эсе-ров, в 1921 г. освобожден. Работал в СНК Украинской ССР, где возглавлял отдел капитального строительства. В марте 1931 г. арестован по делу «Украинского национального центра». Умер в заключении.

...немцы заставили большевиков признать факт «независи-мой Украины»... — Первым шагом признания «независимой Украины» было согласие советской делегации признать офи-циальный статус делегации УЦР. Попытка СНК РСФСР про-тивопоставить ей делегацию Украинской советской республи-ки, командированную ЦИКом и Народным комиссариатом (Е. Медведев, В. М. Шахрай и др.), встретила противодействие других участников переговоров. 6-я статья мирного договора, подписанного делегацией СНК РСФСР со странами Четвер-ного союза, предусматривала признание Советской Россией мирного договора Центральной рады с Германией и ее союз-никами, заключение РСФСР мирного договора с правитель-ством Центральной рады, определение границ между Россией и Украиной.

...«мирные переговоры» украинцев с большевиками... — Пред-варительные консультации относительно мирных переговоров между РСФСР и УНР, предусмотренные 6-й статьей Брестско-го мирного договора, начались в Курске. Но затем перегово-ры были перенесены в Киев и велись уже с представителями правительства П. П. Скоропадского. Российскую делегацию возглавлял деятель международного коммунистического дви-жения Х. Раковский, украинскую — С. П. Шелухин. Несмо-

тря на то, что данные переговоры не имели серьезного международного значения, они существенным образом повлияли на административно-государственные границы, установленные в 20-е гг. XX в. между УССР и РСФСР. К Украине было отнесено не 5 губерний, на которые в 1917 г. претендовала Центральная рада, а фактически вся зона немецкой оккупации, включавшая Слобожанщину и Новороссию (находившийся в 1918 году в зоне немецкой оккупации Крым будет присоединен к Украине в 1954 г.). В ходе мирных переговоров члены делегации Раковского вошли в контакт с украинскими социалистами, отстраненными от власти в результате гетманского переворота. Встречи и договоренности между российской делегацией и украинскими социалистами (непосредственное участие в них принимал, например, В. К. Винниченко) касались условий союза, заключаемого против гетмана: закрепления прав украинского языка, разрешения деятельности на территории Украины коммунистических организаций и т. д. Переговоры о границах между Украинской державой и Советской Россией прекратились 7 ноября 1918 г., поскольку денонсация Брестского договора означала прекращение выполнения обязательств по этому договору.

Раковский Христиан Георгиевич (Крыстю Станчев) (1873–1941) — деятель международной социал-демократии, член РСДРП(б), советский политический деятель и дипломат. Родился в г. Котел (Румыния, ныне Болгария). Этнический болгарин, значительную часть жизни жил по румынскому паспорту. Из семьи торговца, принадлежавшего к «зажиточнейшему классу в городе» (автобиография). Учился в гимназии Варны (Болгария), из которой дважды исключался за революционную деятельность. В 1890 г. переехал в Швейцарию, где сошелся с немецкими (Р. Люксембург и др.) и российскими социал-демократами (Г. В. Плеханов и др.). Три года обучался на медицинском факультете Женевского университета. В 1893 г. организовал Второй Международный конгресс социалистических студентов в Женеве. В 1893 г. был делега-

том Цюрихского конгресса II Интернационала, встречался с Ф. Энгельсом. В 1893 г. поступил на медицинский факультет Берлинского университета. Жил в русской колонии в Берлине. Выслан. Один семестр проучился в Цюрихе, затем переехал в Монпелье (Франция), где и закончил образование, защитив диссертацию «Причины преступности и вырождения». Женился на русской социалистке из окружения Плеханова Е. П. Рябовой. В 1896 г. был делегатом Лондонского конгресса II Интернационала. Принимал участие в обсуждении территориальных проблем Восточной Европы, в 1897 г. издал книгу «Россия на Исток» («Россия на Востоке»), «которая годами давала пищу не только болгарской социалистической партии против русского царизма, но и всем так наз. русофобским течениям в Болгарии и на Балканах» (автобиография). Некоторое время работал доктором в Румынии. В 1899—1900 гг. служил в румынской армии в качестве военного врача. С 1903 г. по 1917 г. выполнял роль посредника между фракциями РСДРП, с 1899 по 1902 г. трижды приезжал в Россию. Публиковался в русских социал-демократических изданиях (псевдонимы Инсаров и Григорьев). В 1902 г. записался студентом на юридический факультет в Париже, имел намерение получить французское гражданство. С началом русско-японской войны выступил на митинге в Париже, в своей речи выразил пожелание поражения России в войне. В 1904 г. как представитель Болгарии и Сербии участвовал в работе Амстердамского Конгресса II Интернационала. С 1905 г. в Румынии. В 1905 г. возглавил кампанию по оказанию помощи матросам броненосца «Потемкин», оказавшимся в Румынии. За участие в акции по поставке нелегального оружия в Россию и за участие в подготовке вооруженных крестьянских выступлений в Румынии был арестован и выслан из страны. С 1908 г. жил в Австро-Венгрии. В 1912 г. с разрешения властей вернулся в Румынию. Член ЦК Социал-демократической партии Румынии, один из организаторов Балканской социал-демократической федерации. Представлял СДПР на международных съездах и конференциях (Штутгарт, Копенгаген, Белград, Константинополь). В 1914—1916 гг.

отстаивал нейтралитет Румынии, боролся со сторонниками прогерманской и пророссийской ориентации. В 1915 г. — один из организаторов Циммервальдской конференции, в 1916 г. — участник Бернской конференции левых социал-демократов (циммервальдцев). В августе 1916 г. арестован румынским правительством по обвинению в распространении пораженческих настроений и шпионаже, отбывал наказание в Бухаресте и Яссах. В мае 1917 г. освобожден русским гарнизоном города Яссы. Некоторое время жил в Одессе, переехал в Петроград, затем Кронштадт. В 1917 г. вступил в РСДРП (б). В качестве эмиссара правительства РСФСР был направлен на Юг России. Один из руководителей 1-й Советской республики на Украине. В начале 1918 г. направлен в Курск для ведения переговоров с делегацией УНР. Руководил советской делегацией в переговорах об установлении границ между Россией и Украиной с правительством П. П. Скоропадского. «В Киеве задача руководимой мною мирной делегации заключалась в том, чтобы перед рабочими и крестьянскими массами Украины выяснить истинную политику советской власти, противопоставляя ее политике Скоропадского, Центральной Рады и других агентов германского империализма и русских помещиков» (автобиография). В сентябре 1918 г. был направлен во главе чрезвычайной миссии в Германию для продолжения переговоров с германским правительством о мирном договоре с Украиной. В Берлине вместе с Иоффе и Бухариным был арестован и выслан. С 1918 г. — член ВЦИК РСФСР, затем ЦИК СССР. В 1918—1923 гг. — председатель СНК и Наркоминдела Украинской ССР. Одновременно председатель Политуправления Реввоенсовета Республики, член Реввоенсовета Южного фронта, председатель ЧК и ряда других чрезвычайных органов на Украине. В 1922 г. — участник советской делегации на Генуэзской конференции. В 1919—1927 гг. — член ЦК РКП (б), с 1924 г. — член ЦК коммунистической партии Украины. В 1923—1925 гг. — полпред РСФСР в Великобритании, в 1925—1927 гг. — полпред во Франции. В 1927 г. исключен из партии на XV съезде ВКП (б) как участник троцкистской оппозиции. В 1928 г. выслан в Астрахань, за-

тем в Барнаул. В 1935 г. после раскаяния возвращен из ссылки и восстановлен в ВКП(б). Начальник управления средних медицинских учебных заведений Наркомата здравоохранения РСФСР, председатель советского Общества Красного Креста. В 1937 г. арестован, проходил по процессу «Антисоветского правотроцкистского блока». Приговорен к 20-ти годам тюремного заключения и 5 годам поражения в правах. В 1941 г. приговорен Коллегией Верховного суда СССР к смертной казни. Расстрелян.

Шелухин Сергей Павлович (1864–1938) — юрист, поэт, общественный и политический деятель, министр УНР. Из дворян Полтавской губернии. Закончил юридический факультет Киевского университета. Следователь, прокурор, член окружного суда в Одессе. В политике и украинском движении с 1905 г. Редактор журнала «Украинская хата» (1909–1914), публицист. В 1917 г. — председатель Одесского Ревкома. Член ЦК партии социалистов-федералистов (УПСФ). Член Центральной рады, избран от Херсонской губернии. В январе 1918 г. — член Генерального суда УНР. В феврале — апреле 1918 г. — министр юстиции УНР. При гетманате — глава украинской делегации на переговорах с РСФСР относительно установления межгосударственных границ, член Генерального суда. В 1920–1921 гг. — член делегации УНР на Парижской мирной конференции. С 1921 г. в эмиграции. После переезда в Прагу преподавал в Украинском институте им. М. Драгоманова. Принимал активное участие в деятельности украинской диаспоры. Автор ряда историко-правовых работ, среди которых «Варшавский договор между поляками и С. Петлюрой».

Рорбах Пауль (Paul Rohrbach, 1869–1956) — остзейский (прибалтийский) немец, теолог, публицист, общественный и политический деятель периода двух мировых войн. В Германии имел репутацию знатока России и ее народов, а также эксперта по вопросам немецкой колониальной политики. Сторонник доктрины «Drang nach Osten» и геополитической концеп-

ции «Срединной Европы», обосновывающей доминирование Германии в Центральной и Восточной Европе. Концепция «Срединной Европы» не исключала различных течений, по-разному трактовавших механизм и средства обеспечения германского доминирования. Рорбах был одним из самых активных проводников идеи «Восточной Европы», подразумевающей отделение от Российской империи значительных территорий (Финляндии, Польши, «Балтикума», Бессарабии, Украины, а также Кавказа и Туркестана) и создание вдоль границ России государственных образований, находящихся под германским контролем. Основное внимание Рорбах уделял Украине и внес значительный вклад в дело популяризации «украинского вопроса» не только в среде ученых, но и среди германских политиков. «План Рорбаха» включал помимо прочего: распространение тезиса об искусственном характере Российского государства и союза народов, населяющих Россию; культивирование идеи расовой, культурной, языковой и религиозной отдельности и даже противоположности великороссов и малороссов; поддержку национального движения на Украине, нацеленного на отделение Украины от России и ее переориентацию на центральные державы; восстановление «разграничительной линии между Москвией и Украиной»; создание независимого от России украинского государства, дружественного Германии. Рорбах сотрудничал с германским МИДом, по согласованию с которым в 1918 г. непосредственно перед гетманским переворотом приезжал на Украину, где помимо иных целей налаживал связи с националистическими кругами. Поездка на Украину описана им в письмах того периода: «Вскоре после нашего прибытия, Шмидт и я четко поняли, что германская политика была на неверном пути, потому как важность различия между московитской Россией и Украиной не была понята. Скоропадский... был в сердце более русским, чем украинцем; большинство украинцев имело к нему мало отношения. Было бы верным сотрудничать с украинскими радикалами, независимо от того, были ли они социалистами или не были. Они безапелляционно были

за независимость, в то время как у Скоропадского была только маленькая группа буржуазных интеллектуалов, поддерживающих его. Каждый день мы наблюдали то, как подозрительные типы всех сортов пытались посетить барона фон Мумма и высшие военные кабинеты в Киеве, пытаясь поощрить размышления об Украине как о естественной части Великой России. Когда мы общались с послом (который знал о России и Украине столь же много, как и китобойном промысле), он слушал со смешанным выражением доброжелательности и высокого самомнения, явно желая нашего раннего отбытия из Киева. Таким образом, наша миссия осталась безрезультатной, хотя мы были отлично приняты украинцами. Я вспоминаю с веселым удивлением интервью с русско-еврейским журналистом с панроссийскими, социал-демократическими убеждениями.., который позже описал меня как “графа Рорбаха”, создателя Украины, приехавшего пронаблюдать за своим созданием!» Идеи Рорбаха оказали существенное влияние на геополитику Третьего рейха. Украинскими националистами Рорбах оценивается как «друг Украины».

Randstaaten (*Randstaaten, нем.*) — окраинные государства, пограничные провинции; исторически — прибалтийские лимитрофы (Литва, Латвия, Эстония).

...немцами были воссозданы Польша, Литва, Латвия, Эстония как самостоятельные государства... — Польша (вместе с Литвой составившая Речь Посполитую по Люблинской унии 1569 года) была независимым государством до её разделов между Пруссией, Австрией и Россией в конце XVIII в. В период немецкой оккупации (1915–1918) на территории Царства Польского, входившего в состав Российской империи, было образовано Варшавское генерал-губернаторство. В ноябре 1916 г. в Варшаве был создан Регентский совет, находившийся под немецким контролем. Немцы заявили о своих планах создания на бывших российских территориях польского государства с конституционно-монархической формой прав-

ления, в 1918 г. это образование получило название — Королевство Польша.

Литва была независимым государством до Люблинской унии 1569 г. с Польшей. Литва, оккупированная в 1915 г., также входила в зону управления немецкой администрации. В Германии рассматривались проекты присоединения литовских земель к Германии, создания монархического литовского государства, управляемого представителем дома Гогенцоллернов и передачи литовских земель новой Польше, находящейся в зависимости от Германии. Осенью 1917 г. с согласия немецких властей был создан Совет Литвы (Тариба), который принял решение об образовании Литовского государства и его вхождения в состав Германии в качестве союзного государства.

Эстония (Эстляндия) до XX в. не была национальным независимым или автономным государственным образованием. Эстонские этнографические земли бывшей Российской империи были оккупированы немцами в феврале 1918 г., и ряд прогерманских эстонских деятелей опубликовали манифест «О независимости Эстонии». Передача управления в руки Временного правительства Эстонии произошла лишь в ноябре 1918 г. — после ноябрьской революции в Германии.

Латвия до XX века также не была национальным независимым или автономным государственным образованием. Рига пала в сентябре 1917 г., и часть Ливонии (Латвии) была оккупирована немцами. В феврале 1918 г. латвийские этнографические территории бывшей Российской империи были оккупированы полностью, контроль над территорией находился в руках немецкой военной администрации. В ноябре 1918 г. одновременно образовались два органа — Народный Совет Латвии и советское Временное правительство Латвии, объявившие о самостоятельности нового государства.

...первые вспышки... добровольческого движения... — Имеются в виду события на Дону, связанные с именем генерала А. М. Каледина, в июне 1917 г. избранного на войсковом круге атаманом Войска Донского. В октябре 1917 — феврале 1918 г.

произошли события, квалифицируемые советской историографией как «калединщина» и «контрреволюционный мятеж». На Дону было восстановлено казачье самоуправление. Начался массовый исход на Дон групп офицеров и рядовых, не поддержавших большевистский переворот и не принявших усугубившееся разложение русской армии. В Новочеркасск прибыли ген. Л. Г. Корнилов, М. В. Алексеев, А. И. Деникин, началось формирование первых частей Добровольческой армии. Активные военные действия между казачьими соединениями, Добровольческой армией и частями сформированного большевиками Южного фронта под командованием В. А. Антонова-Овсеенко развернулись в декабре 1918 г. и закончились победой большевиков, поддержанных Донским казачьим ВРК. Части Добровольческой армии и поддерживавшие их казаки, оставив Новочеркасск и Ростов, отступили на Кубань (1-й Кубанский, или Ледяной поход). На Дону была образована Донская советская республика. Атаман Каледин, сложивший свои полномочия, застрелился.

...переворот в Сибири, закончивший период Комитета Учредительного собрания, Собрания и Директорий... — После разгона большевиками Учредительного собрания сторонники парламентской республики продолжали политическую борьбу под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» и создали «Союз защиты Учредительного собрания». В июне — сентябре 1918 г. на территории Среднего Поволжья и Приуралья была установлена власть «Комуча» (Комитета членов Учредительного собрания), работавшего в Самаре. Комуч уступил власть Уфимской директории, или Временному Всероссийскому правительству. При Директории Комуч был переименован в Съезд членов Учредительного собрания. В октябре 1918 г. Уфимская Директория переехала в Омск. В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. Директория передала власть адмиралу А. В. Колчаку, который был провозглашен Верховным Правителем Российского государства. Съезд членов Учредительного собрания был ликвидирован в декабре 1918 г. Зеньковский

ошибается, эмоционально и хронологически связывая начало немецкой оккупации Украины и переворот, совершенный в Омске Колчаком. «Переворот в Сибири» произошел практически одновременно с военным поражением Германии, окончанием немецко-австрийской оккупации Украины и отречением гетмана Скоропадского.

...немцы привезли в plombированном вагоне Ленина с его друзьями... — Речь идет о ныне общеизвестном факте возвращения в Россию группы русских политических эмигрантов в марте — апреле 1917 г. После отказа союзников по Антанте Англии и Франции пропустить в Россию эмигрантов-социалистов, представители большевиков, меньшевиков, эсеров и бундовцев на общем совещании приняли решение вступить в переговоры по этому вопросу с Германией. Составленные ими условия проезда были переданы посреднику — швейцарскому социалисту Ф. Платтену, который вручил их германскому посланнику в Швейцарии. Условия, основным из которых было соблюдение экстерриториальности (закрытого с внешней стороны с наложением формальных «пломб», гарантирующих от несанкционированного вскрытия) вагона, были приняты. Группа социалистов-эмигрантов во главе с В. И. Лениным прибыла в Петроград 3 апреля 1917 г. Ироничный тон Зеньковского («Ленин с его друзьями») соответствует возобладавшему и сегодня отношению к этому авантюристическому эпизоду русской революции, антураж которого соответствует «теории заговора» и формуле «пятая колонна»: этому отвечали и условия проезда политэмигрантов, установленные ныне факты финансирования российских революционных партий официальными органами власти Германии, участие в организации проезда международного авантюриста А. Парвуса, партийная принадлежность пассажиров plombированного вагона (члены РСДРП, эсеры, анархо-коммунисты, польские социалисты, социал-демократы Королевства Польского и Литвы, сионисты-социалисты, члены партии Поалей Цион) и иные обстоятельства.

Духонин Николай Николаевич (1876–1917) — генерал-лейтенант, в 1917 г. — и. о. верховного главнокомандующего. Из семьи дворян Смоленской губернии, имевшей военные традиции. Выпускник киевского Владимирского кадетского корпуса, 3-го Александровского военного училища в Москве. В 1902 г. окончил Академию Генштаба. Проходил службу при штабе Киевского военного округа. С начала 1-й мировой войны — старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии, курировал вопросы разведки. Командовал 165-м пехотным Луцким полком. И. д. генерала для поручений при главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта. После производства в генерал-майоры — помощник, затем генерал-квартирмейстер Юго-Западного фронта. Один из ближайших помощников главкома А. А. Брусилова в период подготовки «Брусиловского прорыва». Награжден орденами св. Георгия IV и III степеней. Принял Февральскую революцию. В мае 1917 г. — и. д. начальника штаба армий Юго-Западного фронта, с августа 1917 г. — генерал-лейтенант, начальник штаба главнокомандующего армиями Западного фронта. С сентября 1917 г. — начальник штаба при верховном главнокомандующем А. Ф. Керенском, сменил на этом посту ген. М. В. Алексеева. «Он внес большой вклад в быструю и планомерную реорганизацию армии в соответствии с новыми идеалами» (Керенский). В октябре 1917 г. предпринял ряд превентивных мер по поддержке Временного правительства. 25 октября обратился к армии: «...Под влиянием агитации большевиков большая часть Петроградского гарнизона... примкнула к большевикам... Священный долг перед Родиной... требует от армии сохранения полного спокойствия самообладания и прочного положения на позициях, тем самым оказывая содействие правительству и Совету Республики...». В первые дни после большевистского переворота координировал действия фронтов, пытаясь сохранить их дееспособность и верность Временному правительству. В ночь на 1 ноября после провала похода на Петроград войск Керенского — П. Н. Краснова назначен Главковерхом вместо сложившего полномочия Керен-

ского. Отказался выполнить приказ СНК РСФСР от 8 ноября о немедленном вступлении в переговоры с командованием Германии и Австро-Венгрии по формальным основаниям недостатка полномочий. 9 ноября 1917 г. смещен с должности, но оставлен исполнять прежние обязанности до приезда в Ставку нового, советского Главковерха Н. В. Крыленко. Пытался вести переговоры с Центральной радой о переезде Ставки в Киев. В сложной обстановке (признание командованием двух фронтов власти СНК, развал Ставки, неясная позиция союзников) остался в Ставке. Издал распоряжение об освобождении заключенных в Быховской тюрьме ген. Л. Г. Корнилова и его соратников. 20 ноября после прибытия в Могилев Крыленко был арестован и доставлен на вокзал для отправки в Петроград в распоряжение СНК. Убит на вокзале разъяренной толпой солдат и матросов. По разным данным, Духонин был или застрелен в вагоне, или сброшен на штыки со ступеней вагона, или растерзан толпой. Крыленко позже писал: «Было бы правильнее, пожалуй, со стороны новой власти приказать тут же расстрелять Духонина». Убийство и. о. Главковерха Духонина сразу же приобрело символический характер. Для сторонников новой власти выражение «отправить в штаб к Духонину» стало символом беспощадной борьбы с контрреволюцией, для ее противников — символом жестокости, варварства и глубокого морального падения: «Было величайшее в мире поспешное и бесчестие всех основ человеческого существования, начавшегося с убийства Духонина и “похабного мира” в Бресте и докатившееся до людоедства» (И. А. Бунин). Могила Н. Н. Духонина находится в Киеве.

...хищничество... тылом Юго-Западного фронта... — «Украинский Брестский мир» предполагал заключение дополнительных экономических соглашений между УНР и странами Четверного союза. Исполнение этих соглашений началось при Центральной раде и было продолжено при гетманате. Украина должна была поставить Германии и Австро-Венгрии 60 млн пудов зерна и продуктов его переработки, 2 750 тыс. пу-

дов крупного рогатого скота, 400—500 млн шт. яиц, 1,5 млн пудов картофеля, 37,5 млн пудов железной руды и т. д. Германия и Австро-Венгрия, в свою очередь, обязывались поставить уголь, нефть, сельхозинвентарь и мануфактуру. Однако это был неэквивалентный обмен: цены на украинские продукты были занижены, а на импорт — завышены. Кроме того, был определен невыгодный для украинской стороны курс валют. Помимо этого «грабеж» принимал формы штрафов и реквизиций, которые, не будучи предусмотренными соглашениями, активно применялись австро-германскими войсками и поощрялись командованием. Реквизиции коснулись военного имущества, хранящегося на складах, банковских ценностей и проч. Не самым крупным, но самым зримым актом «хищничества» стала отправка немецкими военнослужащими посылок в Германию. Солдаты и офицеры имели право ежедневно отправлять домой посылки до 12 фунтов весом. Транспортные и почтовые услуги при этом должна была оплачивать украинская сторона. В Киеве работали специальные магазины, где продавали уже заготовленные ящики для посылок. Позднее немецкое командование подняло вопрос об участии Украины в выплате «государственных долгов» Российской империи и «компенсации» германским и австро-венгерским подданным за понесенные из-за войны потери и неудобства. Разрабатывались и новые экономические планы, касающиеся использования черноморских портов, железных дорог и т. д.

...крупная буржуазия была по существу русской... — Прежде чем вступил в свои права крупный финансовый и промышленный капитал, русской была средняя и мелкая буржуазия на Украине, о чем еще в середине XIX в. в «Исследовании о торговле на украинских ярмарках» писал И. С. Аксаков. Анализируя развитие этого процесса, П. Б. Струве в 1912 г. отмечал: «Этот мирный промышленный набег, это постоянное вторжение деятельной, живой великорусской стихии не только продолжается и поныне, но ещё и усиливается, с тою разницей, что бродячее торговое великорусское племя наконец

оседает. По свидетельству купцов, городские центры лет уже сорок тому назад стали возрастать: число капиталов в городах увеличивается. Но кто же усиливает эти городские центры в Малороссии? Великорусские торговцы. Если проследить происхождение всех сколько-нибудь значительных торговцев украинских городов, то окажется, что все они родом из Калуги, Ельца, Тулы и других число великорусских мест... И большинство новороссийского купечества составлено из них. Не говорим про Сумы и Харьков, города, созданные русскими торговцами, но и в Полтаве, в Лохвицах, в Лубнах — везде ворочают торговлей “фундаментальной”, по купеческому выражению, русские; мелкой, розничной — евреи». Эта тема — составная часть проблемы социальной «неполноты украинской нации».

...социалисты-федералисты — Украинская партия социалистов-федералистов (УПСФ) появилась в результате партийного строительства и идеологического размежевания в июне 1917 г. Предыстория ее появления связана с малочисленной Украинской радикально-демократической партией (УРДП). УРДП была создана в 1905 г., объединив Украинскую демократическую партию (УДП) и Украинскую радикальную партию (УДП). Во главе УРДП стояли представители активной украинской интеллигенции — историки Б. Д. Гринченко и М. С. Грушевский, филолог С. А. Ефремов, литератор М. Ф. Левицкий. После революции 1905–1907 гг. деятельность этой маловлиятельной партии практически сошла на нет, и в 1908 г. её бывшие члены организовали Товарищество украинских прогрессистов (ТУП). ТУП было одним из немногочисленных культурно-просветительских объединений, сохранившим некую структуру к 1917 г. Именно ТУП сыграло решающую роль при создании Центральной рады. В марте 1917 г. ТУП было преобразовано в Союз украинских автономистов-федералистов. В апреле — мае 1917 г. из Союза выделилась группа во главе с С. Ефремовым, которая в июне была преобразована в Украинскую партию социалистов-

федералистов (УПСФ). УПСФ можно квалифицировать как социал-либеральную партию, близкую по идеологии к российским кадетам. Партия выступала за развитие парламентской демократии и широкую автономию Украины в составе России. УПСФ объединяла в своем составе наиболее образованную часть украинской интеллигенции. Главой партии стал Ефремов. В ее состав входили Д. Дорошенко, М. Кушнир, А. Лотоцкий, Ф. Матушевский, И. Огиенко, В. Прокопович, П. Стебницкий, В. Шелухин, А. Шульгин и др. Печатным органом партии стала газета «Нова Рада», которую выпускало «Общество содействия украинской литературе, науке и искусству», возглавляемое Ефремовым. Члены УПСФ входили в состав исполнительных органов Центральной рады (Малая рада, Генеральный секретариат, Совет министров), Украинской державы гетмана Скоропадского и Директории. При гетманате УПСФ принимала участие в создании оппозиционных режиму Украинского национально-державного союза и Украинского национального союза (УНС). В 1920 г. УПСФ прекратила свое существование. Эмигранты из числа УПСФ в 1923 г. создали за границей Украинскую радикально-демократическую партию во главе с Лотоцким, которая к концу Второй мировой войны также прекратила свою деятельность.

...русские октябристы — «Союз 17 октября» (октябристы) — праволиберальная партия, служившая основной небюрократической опорой режиму конституционной монархии в 1905—1917 гг. «Союз» был создан в ноябре 1905 г. и сначала действовал в Москве и Петербурге. В число его организаторов и активистов входили гр. П. А. Гейден, Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, А. И. и Н. И. Гучковы, Н. А. Хомяков, М. В. Родзянко и др. «Союз» был ведущим политическим объединением праволиберального толка, объединявшего имевших управленческий опыт деятелей земского движения, промышленников, финансистов, юристов, профессоров. Программа партии октябристов была принята на 1-м съезде в феврале 1906 г. и существенно переработана на 2-м съезде, состоявшемся в мае

1907 г. Основными требованиями партии были: сохранение целостности государства, установление в России конституционной монархии, народное представительство, обеспеченное двухпалатным парламентом, демократические свободы в рамках Манифеста 17 октября, гражданское равенство, ряд мер по разрешению аграрного и рабочего вопроса. Октябристская фракция в 1-й Государственной думе составляла 16 депутатов, во 2-й — 54, в 3-й — 154, в 4-й — 98 депутатов. Октябристы являлись самой крупной фракцией в 3-й Государственной думе. Опорой партии служили земства и созданные ими Союзы (Городской и Земский, объединенные в Земгор), а также промышленно-финансовые объединения. В период между двумя революциями 1905–1907 гг. и 1917 г. партия раскололась на три фракции: левых октябристов, правых октябристов и земцев-октябристов. В годы Первой мировой войны партия активно работала в земском движении и Военно-промышленных комитетах, созданных частным капиталом. К 1915 г. партия полевела и фактически передала свои функции Прогрессивному блоку. Деятельность партии в 1917 г. ограничивалась тем, что ее представители вошли в состав Временного комитета 4-й Государственной думы (председатель Родзянко) и первый состав Временного правительства (военный и морской министр А. И. Гучков, государственный контролер И. В. Годнев). Летом 1917 г. партия прекратила свою деятельность. В 1918 г. на местах действовали отдельные активисты партии, что, собственно, и описал Зеньковский.

...русские к.-д. — *Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы, к.-д., кадеты)* — ведущая партия леволиберального (социал-либерального) толка в 1905–1917 гг. Конституционно-демократическая партия была создана в октябре 1905 г. на 1-м учредительном съезде в Москве. Основу партии составили члены социал-либерального Союза освобождения и либерального Союза земцев-конституционалистов. Во главе партии стоял ЦК, разделенный на Петербургский и Московский отделы. Работой на местах руководи-

ли губернские и уездные комитеты. Партийным органом была газета «Речь» и некоторое время еженедельник «Вестник Партии Народной свободы». Символическим цветом партии стал зеленый. В целом структура партии была аморфной, а стиль руководства — авторитарным. Так как съезды регулярно не собирались, то основные решения принимал ЦК, в который входили 10–15 человек. Основная роль в определении курса партии принадлежала высшим слоям петербургской и московской интеллигенции: историкам, юристам, экономистам, публицистам. За 12 лет в кадетском ЦК работали 44 интеллигента и 11 помещиков. Председателем партии и ее лидером был бывший приват-доцент Московского университета П. Н. Милюков. Заметными идеологами и организаторами партии были кн. Петр и Павел Долгоруковы, кн. Д. И. Шаховской, В. И. Вернадский, М. М. Винавер, В. М. Гессен, А. С. Изгоев, А. А. Кизеветтер, А. А. Корнилов, С. А. Котляревский, В. А. Маклаков, С. А. Муромцев, В. Д. Набоков, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, П. Б. Струве, А. И. Шингарев и др. Партия объединяла в основном представителей российского «среднего класса»: интеллигенцию, служащих, среднюю и мелкую буржуазию, часть помещичьего класса. Лишь в периоды революций она пополнялась за счет социальных «низов». Первый пик активности партии пришелся на революцию 1905–1906 гг., а второй — на февраль — октябрь 1917 г. В период Февральской революции партия объединяла 70 тыс. человек, работавших в 380-ти местных комитетах. Программа партии, принятая на 1-м съезде в 1905 г., была основана на либеральной идеологии и воспроизводила основные ее догматы: правовое государство и конституционализм, парламентская демократия, разделение властей, независимости суда, обеспечение демократических прав и свобод, равенство перед законом, развитие местного самоуправления и т. п. Характерной для либеральной идеологии была и структура программы, которая начиналась разделом «Основные права граждан». Программа включала также разделы о государственном строе России, местном самоуправ-

правлении, суде, финансовой и экономической политике, рабочем и аграрном законодательстве, вопросах просвещения. Оригинальность кадетской программы наиболее ярко проявилась в требованиях, отразивших специфику России. Так, в разделе «Основные права граждан» содержались положения об отмене ограничений прав поляков и евреев, отмене цензуры, паспортной системы и свободном выезде за границу. Был провозглашен лозунг «свободного культурного самоопределения» народов империи, и в соответствии с этим русский язык объявлялся лишь «языком центральных учреждений, армии и флота». Программа политического переустройства предполагала, что «Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией». Ясности относительно структуры парламента не было, лишь было указано, что он должен существовать «в виде одной или двух палат». Четко были сформулированы требования относительно автономного устройства Царства Польского и восстановления конституции Финляндии. Право на образование автономных единиц в иных регионах объявлялось безусловным, но механизм его реализации не был прописан. В разделе о развитии местного самоуправления ставилась задача создания «мелких самоуправляющихся единиц», которые должны были финансироваться из бюджета и решать все вопросы, «включая позицию безопасности». В разделе «Суд» было указано, что «смертная казнь отменяется, безусловно, навсегда». Аграрная программа, помимо прочего, предусматривала отчуждение государственных и частновладельческих земель. Прогрессивным было предложенное рабочее законодательство (8-часовой рабочий день, охрана труда и т. д.). Уже в 1905 г. кадетская партия требовала созыва Учредительного собрания и принятия конституции, выдвигала требование создания либерального правительства. В 1-ю Государственную думу кадеты провели 179 депутатов, и ее председателем стал кадет С. А. Муромцев. После роспуска 1-й Думы кадеты инициировали подписание «Выборгского воззвания» о начале кампании гражданского непови-

новения (неуплата налогов, отказ от рекрутской повинности и т. д.). На выборах во 2-ю Государственную думу кадеты получили 98 мест, председателем Думы вновь стал кадет — Ф. А. Головин. Партийные депутаты составили оппозицию премьер-министру П. А. Столыпину и заблокировали принятие аграрного закона, разработанного правительством. В 3-й Думе работали 54 кадета, и основной их тактикой было голосование против правительственных законопроектов и выделения средств на аграрную реформу, на нужды Департамента полиции, МВД и проч. В 4-ю Думу кадеты провели 59 депутатов. Тактическая линия их поведения в Думе не изменилась: они по-прежнему голосовали против утверждения бюджета. В начале 1914 г. кадетская партия выдвинула лозунг «оздоровления власти» и «изоляции правительства», но вступление России в войну привело к тому, что кадеты впервые проголосовали за военный бюджет, приступили к активной работе в межведомственных комиссиях и правительственных совещаниях. В этот период возросло влияние кадетов на земское движение (Земский и Городской союзы, с 1915 г. — Земгор). В 1915 г. кадеты стали инициаторами создания Прогрессивного блока в Думе, объединившего более половины думских депутатов и выдвинувшего лозунг создания «министерства доверия», то есть не бюрократического, а политического правительства из числа думских и общественных деятелей. Фактическим руководителем Прогрессивного блока стал Милюков. В 1916 г. Милюков произнес с думской трибуны провокационную речь «Глупость или измена?», означавшую отказ кадетской партии от роли лояльной оппозиции. Эта речь, в которой прозвучали обвинения царского двора и правительства в подготовке сепаратных переговоров с Германией, сыграла немаловажную роль в политической дестабилизации царского режима. Февральская революция и последовавшие события были во многом вызваны тактикой кадетов, приведшей к революционной смене власти. Кадеты имели непосредственное отношение к созданию Временного Комитета Государственной думы, в который не были допущен-

ны правые партии, к отречению Николая II, отказу от власти вел. кн. Михаила Александровича, «подвесившему» вопрос о власти вплоть до созыва Учредительного собрания, созданию на базе соглашения с Петросоветом Временного правительства. В первый состав Временного правительства вошли кадеты Милюков (министр иностранных дел), А. И. Шингарев (министр земледелия), Н. В. Некрасов (министр путей сообщения) и А. А. Мануйлов (министр просвещения), управляющим делами правительства был назначен член ЦК партии В. Д. Набоков, Экономический департамент в составе МИД возглавил кадет П. Б. Струве. На 7-м съезде партии, проходившем в марте 1917 г., партия отказалась от конституционно-монархической ориентации и выставила требование установления в России республиканского строя. В апреле после «ноты Милюкова» союзникам по Антанте о готовности России к продолжению войны разразился первый министерский кризис, вызванный антивоенной демонстрацией в Петрограде. Летом 1917 г., когда в Петрограде прошла июльская демонстрация и были предприняты попытки вооруженного противостояния Временному правительству, кадеты возглавили алармистское правое движение, объединившее сторонников сохранения российской государственности, и поддерживали идею военной диктатуры. К августу 1917 г. часть кадетов вернулась к идее монархии. Кадеты активно работали в Государственном совещании, Демократическом совещании, предпарламенте — чрезвычайных органах, пытавшихся сохранить перспективу перехода России к парламентской системе. Но поражение Корниловского мятежа, на который делали ставку кадеты, фактически поставило их в положение контрреволюционной партии. Поэтому одной из первых мер Совета Народных Комиссаров стало принятие декрета, согласно которому кадеты (как наиболее влиятельная альтернативная радикальным социалистам политическая сила) были объявлены «вне закона». В 1918—1920 гг. кадеты входили в антибольшевистские органы центральной власти, организации, участвовали в работе региональных правительств. Но развал

Российской империи, иностранная интервенция, гражданская война — все это привело к ликвидации единой структуры кадетской партии, обострению проблемы внешнеполитической ориентации (на Антанту или Германию?), ослаблению роли партии в политической жизни страны. В воспоминаниях Зеньковского нашли отражение некоторые тенденции и эпизоды политической деятельности кадетов: разрыв между Московским ЦК и Киевским комитетом партии, участие кадетов в гетманском правительстве, деятельность «Союза освобождения России», создание кадетского правительства в Крыму.

Лизогуб Федор Андреевич (1851–1928) — земский деятель, председатель Совета министров Украинской державы. Из дворян Черниговской губернии, крупный землевладелец. В 1888–1897 гг. — гласный Городнянской, затем Черниговской губернской земской управы. В 1901–1915 гг. — председатель Полтавской губернской земской управы. В 1915–1917 гг. — член Совета по введению земского самоуправления при наместнике Кавказа. После Февральской революции — начальник отдела иностранных подданных МИД России. Член партии октябристов. После Октябрьской революции переехал на Украину. В мае — ноябре 1918 г. — председатель Совета министров Украинской державы гетмана Скоропадского, с мая по июль — министр внутренних дел. Сложил полномочия премьера после опубликования Скоропадским «Грамоты Гетмана всей Украины ко всем украинским гражданам и казакам Украины», в котором было заявлено о смене политического курса и стремлении установить федеративные отношения с небольшевистской Россией. С 1920-х гг. в эмиграции, занимал пост начальника канцелярии вел. кн. Николая Николаевича. Умер в 1928 г. в Белграде.

Василенко Николай Прокопович (1866–1935) — историк, правовед, и. о. премьер-министра и министр просвещения Украинской державы. Родился в Черниговской губернии в се-

мье служащих. Окончил Полтавскую гимназию. Поступил на историко-филологический факультет Юрьевского (Дерптского) университета. После защиты работы «Критический обзор литературы по истории земских соборов» — кандидат российской истории. Преподаватель ряда киевских гимназий. Председатель исторического общества Нестора-летописца, сотрудник Архива старинных актов, соредактор «Киевской старины». В 1903—1905 гг. — сотрудник Киевского губернского статистического комитета. В 1905—1907 гг. — редактор газеты «Киевские отклики». За поддержку антиправительственных акций в редактируемой им газете в 1905 г. был осужден к году тюремного заключения, которое отбывал в петербургских «Крестах». Во время заключения изучил право и экстерном сдал экзамен по программе юридического факультета Новороссийского университета. В 1909 г. избран приват-доцентом Киевского университета, в 1910 г. получил ученую степень магистра права. Член Киевской громады, ТУПа, Научного общества им. Т. Шевченко. В 1910 г. вступил в партию кадетов. После Февральской революции был приглашен на видный пост в Центральную раду, от которого отказался. Принял назначение Временным правительством на место куратора Киевского школьного округа. Сторонник сохранения русских школ и постепенной украинизации системы образования. Подвергался критике со стороны националистической ЦР и радикальных учительских съездов. С 19 августа 1917 г. — товарищ министра образования Временного правительства в Петрограде. После Октябрьской революции вернулся в Киев. Преподавал украинскую историю и право в ряде вузов, профессор. В январе 1918 г., незадолго до бегства лидеров Центральной рады, избран членом коллегии Генерального суда УНР. 3 мая 1918 г. был назначен гетманом Скоропадским на пост и. о. председателя Совета министров Украинской державы. На краевом съезде партии кадетов, состоявшемся в Киеве 8—11 мая 1918 г., вошел в состав Главного комитета. С 3 по 20 мая 1918 г. временно исполнял обязанности министра иностранных дел Украинской державы. С 3 мая 1918 г. — министр просвеще-

ния. С 8 июля 1918 г. — глава новообразованного Государственного Сената. Принимал деятельное участие в создании Украинской академии наук, украинских университетов в Киеве и Каменце-Подольском, Национальной библиотеки и т. п. После падения гетманата — на научной работе в УАН. Одновременно преподавал в вузах Киева. С 1920 г. — академик ВУАН, глава социально-экономического отдела. Возглавил Товарищество правоведов УССР. В 1921 г. избран президентом ВУАН, но не утвержден правительством УССР. В 1924-м осужден к 10 годам лишения свободы по делу «Киевского областного центра действий», в конце 1924 г. освобожден. Страдал тяжелым нервным заболеванием, с 1929 г. отстранен от работы в АН УССР. Умер в Киеве в 1935 г.

Я тогда не принимал участия в партии к.-д., но стоял близко к ней и очень интересовался ее позицией... — Описываемый Зеньковским период с мая по ноябрь 1918 г. совпал с расколом в кадетской партии по вопросу о выборе внешнеполитической ориентации. Неудачи первых антибольшевистских вооруженных выступлений на Дону и Урале поставили кадетов перед необходимостью поиска союзника за рубежом. Московская конференция кадетов, состоявшаяся 13–15 мая 1918 г., избрала ориентацию на союзников по Антанте, осудив попытки войти в соглашение с немцами. Однако ряд местных организаций (Казань, Киев, Самара, Омск) избрали прогерманскую ориентацию. В Киеве, с начала марта уже оккупированном немцами, за сотрудничество с Германией высказались находившиеся здесь члены ЦК партии, среди которых был лидер партии П. Н. Милюков и поддержавший их Киевский комитет партии во главе с Д. Н. Григоровичем-Барским.

...всеукраинский съезд партии к.-д... — Съезд, состоявшийся 8–11 мая 1918 г., обострил проблему вертикальных связей между московским ЦК партии и ее областными комитетами. Немалую роль в этом сыграли члены ЦК, находившиеся в Киеве, главным образом председатель ЦК П. Н. Милюков.

На Киевском съезде был образован автономный Главный комитет партии, противопоставивший себя московскому ЦК. Съезд одобрил участие партии в правительстве гетмана, и в соответствии с этим решением Н. П. Василенко, С. М. Гутник, А. И. Бутенко, А. К. Ржепецкий вошли в состав первого правительства Ф. А. Лизогуба. Согласно другому решению съезда, Милюков и Главный комитет вошли в сношения с представителями оккупационного командования в Киеве на предмет выработки программы совместных антибольшевистских действий. После того как ЦК партии в Москве подтвердил неприемлемость создания в России «национальной государственной власти при содействии германской коалиции», Милюков в знак протеста сложил с себя полномочия председателя ЦК партии.

Ржепецкий Антон Карлович — предприниматель, политический и государственный деятель. Член Конституционно-демократической партии. Председатель Общества взаимного кредита в Киеве. Гласный Киевской городской думы, член ревизионной комиссии и комиссии о нуждах и пользах. Член организационного комитета и один из инвесторов Всероссийской выставки в Киеве в 1913 г. В годы 1-й мировой войны — глава Татъяновского комитета помощи беженцам. Министр финансов в правительстве Н. П. Василенко и Ф. А. Лизогуба при гетманате. Проводил активную политику по нормализации денежного обращения, созданию условий для работы банков. При Директории был арестован. О дальнейшей судьбе неизвестно.

С. М. Гутник к.-д. от Одессы... — *Гутник Сергей Михайлович* — предприниматель, государственный деятель. До революции 1917 г. — председатель Одесского биржевого комитета. Член партии кадетов. В первом правительстве Ф. А. Лизогуба занимал пост министра промышленности. С 1920 г. в эмиграции. В 1920–1922 гг. находился в Константинополе, входил в группу партии кадетов.

Левитский Валерий Михайлович — юрист, киевский судья, в эмиграции работал в Русском общевоинском союзе (РОВС).

Ефимовский Евгений Амвросиевич (1885–1964) — историк, адвокат, журналист, общественный и политический деятель. Закончил исторический и юридический факультеты Московского университета. В начале политической карьеры испытал влияние кадетов — профессоров и преподавателей Московского университета: А. А. Кизеветтера, П. И. Новгородцева, П. Н. Милюкова и др. Председатель студенческой фракции кадетов. С началом 1-й мировой войны — доброволец. Разошелся с кадетами после 7-го мартовского съезда 1917 г., провозгласившего целью создание в России республики. Сторонник идеи славизма, конституционный монархист. Участник общеславянского движения. В период гетманата жил в Киеве, где сблизился с националистом и монархистом В. В. Шульгиным. Участник Белого движения. Весной 1919 г. по поручению А. И. Деникина выезжал в Югославию и Болгарию. Эмигрант, жил в Праге, Берлине, Париже. Редактор газеты «Славянская заря» (Прага). Печатался в изданиях «Русский путь», «Русское Воскресенье», «Возрождение», «Русская газета», «Грядущая Россия» и др. Основатель и руководитель Союза народно-конституционных монархистов (Народно-монархического союза). Оставил мемуары «Встречи на жизненном пути».

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) — писатель, публицист, политический деятель. Сын В. Я. Шульгина, профессора истории Киевского университета и основателя газеты «Киевлянин». Пасынок Д. И. Пихно — профессора политэкономии, редактора «Киевлянина». Выпускник 2-й Киевской гимназии. Окончил юридический факультет киевского Университета св. Владимира. С 1900 г. — земский гласный, почетный мировой судья. Ведущий автор «Киевлянина» (с 1911 г. — редактор). Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. призван в армию, служил в 14-м саперном батальоне, в бое-

вых действиях не участвовал. В 1907—1917 гг. — депутат 2-й, 3-й, 4-й Государственной думы от Волынской губернии, член монархической фракции националистов. Выступал с правых позиций: за поддержку политики П. А. Столыпина, против отмены смертной казни, за решительное противодействие революционерам. В 1913 г. был приговорен к трехмесячному заключению за критические оценки действий прокуратуры и следствия в «деле Бейлиса». В начале 1-й мировой войны — доброволец, воевал в составе 166-го Ровенского полка. После ранения — начальник передового перевязочно-питательного отряда при Юго-Западной областной земской организации. В 1915 г. отошел от правого лагеря. Основал в Думе фракцию «прогрессивных русских националистов», позднее преобразованную в Прогрессивный блок, выступавший за создание «правительства народного доверия». Член Особого совещания по обороне. 27 февраля 1917 г. избран в состав Временного комитета Государственной думы. Принимал участие в формировании первого состава Временного правительства, отказался от поста министра юстиции. Комиссар Временного комитета Госдумы и Временного правительства. 2 марта 1917 г. вместе с А. И. Гучковым выехал в Псков, где от имени Временного комитета принял манифест об отречении Николая II (принимал участие в составлении и редактировании документа). 3 марта в Петрограде участвовал в переговорах с вел. кн. Михаилом Александровичем, закончившихся его отказом от престола вплоть до разрешения вопроса о власти на Учредительном собрании. Принимал участие в работе Совещания общественных деятелей в Москве 8—10 августа 1917 г., избран членом постоянного Совета общественных деятелей. Участник Московского Государственного совещания. Сторонник «партии порядка» и Л. Корнилова. В начале октября 1917 г. переехал в Киев. Во время Корниловского мятежа был арестован киевским Комитетом охраны революции. В октябре 1917 г. основал в Киеве Русский национальный союз. Отказался войти в Предпарламент. Выдвинут кандидатом в Учредительное собрание от Монархического союза Крыма. Октябрь-

ский переворот не принял, в ноябре 1917 г. основал в Киеве монархическую организацию «Азбука» (позднее действовала в Одессе), сыгравшую определенную роль в формировании разведывательных органов Белого движения. Возобновил издание «Киевлянина», где выступал с резкой критикой политики Центральной рады. В ноябре—декабре 1917 г. выехал в Новочеркасск — первый центр формирования Белого движения, встречался с М. В. Алексеевым и Л. Г. Корниловым. В январе 1918 г. арестован в Киеве большевиками, избежал казни благодаря заступничеству большевика Г. Л. Пятакова. Не поддерживал идею и итоги украинского Брестского мира. После занятия Киева немецкими войсками в марте 1918 г. прекратил издание «Киевлянина». Находясь в Киеве в первые месяцы гетманата, поддерживал контакты с руководством Добровольческой армии и московским антибольшевистским Национальным центром. С августа 1918 г. — на Юге России у А. И. Деникина. Вместе с ген. А. М. Драгомировым разработал «Положение об Особом совещании при верховном руководителе Добровольческой армии». Идеолог правого крыла Белого движения, редактор и автор газеты «Россия» («Великая Россия»). Основал Южнорусский национальный центр. С ноября 1918 г. — в Одессе, возглавил Комиссию по национальным делам при Особом совещании. В августе 1919 переехал в Киев, занятый белыми. Возобновил издание «Киевлянина», выступал против насилия над мирным населением. После разгрома войск А. И. Деникина осенью 1919 г. вернулся в Одессу. После занятия Одессы Красной армией перебрался в Крым к ген. П. Н. Врангелю. В ноябре 1920 г. эвакуировался в Константинополь. Жил в Югославии, в г. Сремски Карловцы. В 1921—1922 гг. входил в состав Русского совета — правительства Врангеля в изгнании. Сотрудничал в журнале П. Б. Струве «Русская мысль». С 1924 г. — член Русского общевоинского союза (РОВС). В 1925—1926 гг. тайно посетил Киев, Москву и Ленинград в поисках сына, пропавшего без вести в Советской России. До 1939 г. испытывал симпатии к итальянскому и германскому фашизму, резко изменил пози-

цию после начала Второй мировой войны. В октябре 1944 г., когда советские войска заняли Югославию, арестован СМЕР-Шем. В январе 1945 г. отправлен в СССР. Приговорен к 25-ти годам тюремного заключения, которое отбывал во Владимирской тюрьме. После освобождения в 1956 г. жил во Владимире. В начале 1960-х гг. обратился с двумя письмами к русской эмиграции, в которых призывал отказаться от враждебного отношения к СССР. Был гостем на XXII съезде КПСС (1961). В 1965 г. в роли себя самого участвовал в съемках документального фильма Ф. Эрмлера «Перед судом истории».

Григорович-Барский Дмитрий Николаевич (1871–1958) — юрист, лидер киевских кадетов. Адвокат, председатель Совета присяжных поверенных Киевской судебной палаты. Защитник обвиняемого М. Бейлиса в процессе об убийстве А. Ющинского; в заключительной речи предостерегал присяжных от обвинительного приговора, используя тезис о том, что обвинение еврея Бейлиса в ритуальном убийстве христианского мальчика — это обвинение целого народа. В 1917 г. — председатель Киевской судебной палаты. Председатель Киевского областного комитета партии к.-д. С 1922 г. — в эмиграции (Берлин, Париж). Председатель объединения русских адвокатов в Париже. С 1939 г. — в США, товарищ председателя Чикагского комитета Толстовского фонда.

...гетманский переворот, весьма недурно инсценированный при помощи немцев... — «Инсценировка» включала комплекс мер военно-политического, организационного, идеологического характера. Непосредственным предлогом к перевороту послужило т. н. «дело банкира Доброго». В Киеве неожиданно пропал директор «Русского для внешней торговли банка» Добрый. Делу была придана широкая огласка. Банкира обнаружили в Харькове, в расположении украинской военной части. Немецкие власти провели следствие, в ходе которого выяснилось, что похищение банкира было организовано министром внутренних дел Ткаченко, военным министром Жуков-

ским при одобрении премьер-министра Голубовича. Согласно материалам дела, они хотели обезопасить режим от влияния «контрреволюционеров», оппозиционной социалистической политике Центральной рады и Совета народных министров УНР. Фельдмаршалом Эйхгорном был издан приказ о недопущении незаконных действий. 26 апреля были разоружены составленные из бывших военнопленных украинцев дивизии «синезупанников» и «серозупанников». 28 апреля германский лейтенант явился на заседание Малой рады, заставил ее членов поднять руки вверх, провел обыск и арестовал членов правительства, подозреваемых в похищении банкира Добро-го. После этого унижительного акта следующее заседание Малой рады 29 апреля, на котором был спешно принят проект конституции УНР и были внесены изменения в земельный закон, уже не имело смысла. Проходивший 28 апреля представительный (около 7 000 делегатов) Всеукраинский съезд земельных собственников (иначе — съезд хлеборобов), созданный по инициативе Украинской народной громады и Союза земельных собственников, единогласно избрал П. П. Скоропадского гетманом Украины. Это решение поддержал проходивший отдельно Съезд объединения хлеборобов-демократов. Новой власти был придан «исторический», «монархический», «православный» антураж: епископ Никодим благословил гетмана, на Софийской площади состоялся молебен. Была оглашена «Грамота ко всему украинскому народу». Сторонники гетмана быстро заняли все правительственные и административные здания. На защиту режима Центральной рады встали лишь галицийцы — сечевые стрелки Е. Коновальца.

Чеховский Владимир Мусиевич (Моисеевич) (1876–1937) — общественный, политический и государственный деятель, глава Совета министров Директории. Из семьи сельского священника. Закончил Киевскую духовную академию. Занимал должность помощника инспектора Каменец-Подольской духовной семинарии, преподавал. Политикой стал заниматься в студенческом кружке социал-демократов-драгомановцев,

затем вступил в Революционную украинскую партию (РУП), после раскола которой в 1905 г. — в Украинскую социал-демократическую рабочую партию, членом которой был до 1919 г. Депутат 1-й Государственной думы, член украинской фракции. После роспуска 1-й Госдумы в 1906 г. был сослан в Вологодскую губернию. В 1907 вернулся в Киев, в 1908 г. переехал в Одессу. С марта 1917 г. возглавлял Одесский комитет УСДРП, был редактором издания «Украинское слово». В апреле 1917 г. избран в Центральную Раду. Окружной инспектор Одесского школьного совета, глава Одесского филиала Всеукраинского учительского союза. Летом 1917 г. избран гласным Одесской городской думы от украинских партий. Возглавлял Херсонский губернский совет объединенных гражданских организаций, а в октябре — ноябре 1917 г. — Одесский ревком. С ноября 1917 г. политический комиссар Одессы и губернский комиссар просвещения Херсонщины. В начале 1918 г. избран членом ЦК УСДРП. С апреля 1918 г. (т. е. после возвращения ЦР в Киев после немецкой оккупации) — директор департамента исповеданий с правами товарища министра при режиме Центральной рады. При гетманате работал в департаменте общих дел при Министерстве исповеданий. Параллельно занимался партийной работой в УСДРП. Был сторонником и участником антигетманского переворота: избран председателем Украинского ВРК, организовавшего 14—15 декабря 1918 г. вооруженное восстание против режима гетмана П. П. Скоропадского. 26 декабря 1918 г. возглавил первое правительство Директории — Совет министров, также занимал должность министра иностранных дел. Провел закон об установлении автокефалии Украинской церкви (УАПЦ), во главе которой встал «самосвят» Василий Липковский. Как глава правительства инициировал консультации с Местоблюстителем Патриаршего престола в Константинополе о признании украинской автокефалии. Был противником политики С. В. Петлюры, выступавшего за союз с Антантой против Советской России. По его признанию: «Собственно моего кабинета не существовало, я его не организовывал и за него не отвечал. Это был ка-

бинет директоральный. В международной политике он определялся тем, что стоял на абсолютно иной позиции, чем я». Направил делегацию представителей правительственных партий в Москву. Был смещен с поста главы Совета министров, который возглавил сторонник проантантовской ориентации С. Остапенко. Во время второй Советской Украинской республики (начало 1919 г.) покинул Киев. Преподавал в Украинском государственном университете в Каменец-Подольском. В 1920 г. стал одним из лидеров Украинской коммунистической партии (независимых). Одновременно советник «митрополита» УАПЦ В. Липковского. В 1921 г. попал в поле зрения Следственной комиссии при Совнарком УССР, однако обвинения в «петлюровщине» не были доказаны. В 1920-х годах работал на историко-филологическом отделении ВУАН, был профессором медицинского и политехнического институтов в Киеве. В 1929 г. арестован по делу «Союза освобождения Украины». Приговорен к смертной казни, которую заменили 10-летним заключением. Отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения. В 1936 г. срок заключения был увеличен на 3 года. 3 ноября 1937 г. расстрелян по приговору тройки УНКВД Ленинградской области.

Из 9-ти русских губерний сложилась силой немецкой оккупации... — В зону австро-германской оккупации в 1918 г. входили: Волынская, Екатеринославская, Киевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Черниговская губернии.

«Директория» — чрезвычайный социалистический, националистический режим, установленный в Киеве после падения режима гетманата. Восстановление УНР было провозглашено 14 ноября 1918 г. в г. Белая Церковь на съезде бывших членов Центральной рады. В Директорию, возглавившую УНР, входили: В. Винниченко (глава), С. Петлюра, Ф. Швец, П. Андриевский, А. Макаренко. Ядром военных сил Директории стал полк сечевых стрельцов Коновальца и гайдамацкий кош

Петлюры. Общее командование было поручено С. М. Петлюре. Легкий захват Киева силами Директории 19 декабря 1918 г. был обусловлен многими причинами: развалом дисциплины в оккупационной германской армии, решением немецкого Солдатского совета поддержать революционную социалистическую Директорию, переходом на сторону последней немногочисленных гетманских частей, а главное, недовольством широкой крестьянской массы социально-политической политикой гетмана. Начало режима Директории в Киеве и других городах и местечках ознаменовалось волной грабежей и погромов, направленных против офицеров, чиновников, собственников, священников, евреев и просто разговаривавших на русском языке. Два месяца режима Директории в Киеве привели к разрушению системы управления, дисциплины, хозяйственной деятельности. После занятия Киева Красной армией Директория «кочевала» из города в город («в вагоне Директория, под вагоном — территория»). За время существования Директории были сформированы четыре состава правительства, реальная власть которых была весьма ограниченной. Однако в период Директории (в январе 1919 г.) на некоторое время произошло «воссоединение» двух украинских республик — Украинской народной республики (УНР, территория бывшей Российской империи) и Западно-Украинской народной республики (ЗУНР, территория бывшей Австро-Венгрии), оформленное решением Трудового конгресса. Политические группы, поддерживавшие Директорию, раздирали непримиримые противоречия. Это касалось вопроса о политическом устройстве УНР: одна группа (М. Грушевский, В. Голубович и др.) выступала за восстановление парламентской системы и выборы правительства, другая (Петлюра и др.) — за военизированное правительство и чрезвычайное управление. Другим поводом к расколу послужил неизбежный в условиях наступления красных и белых выбор союзника: В. Чеховский, Винниченко и др. ратовали за союз с Советской Россией (последний возглавил посольство в Москве для ведения переговоров с СНК), Петлюра — за союз с Антантой и Белым дви-

жением. Петлюра отстранил Винниченко, который вскоре эмигрировал, с поста главы Директории. Очень быстро последовал развал Директории на ряд самостоятельных вооруженных групп, возглавляемых атаманами Махно, Зеленым, Григорьевым и др. Войска Директории, возглавляемые Петлюрой, участвовали в военных столкновениях с Польшей, с Красной Армией, с Добровольческой армией. Формально концом Директории считается 15 ноября 1919 г., когда она передала свои полномочия Петлюре. Но фактически ее крах связывают с уходом остатков армии Петлюры в Польшу в 1920 г., где они были интернированы.

...«правды» или «неправды»... — Возможно, аллюзия на книгу бывшего военного атташе российского посольства в Риме кн. А. Волконского «Историческая правда и украинофильская пропаганда», которая была опубликована в 1920 г. в Италии.

Кирилло-Мефодиевское братство — тайное общество, основанное в декабре 1845 — январе 1846 г. в Киеве. Инициаторами его создания были Н. И. Костомаров, Н. Гулак и Н. М. Белозерский. Первоначально братство включало 12 членов из числа студентов киевского Университета св. Владимира и учителей. Весной 1846 г. к обществу присоединился Т. Шевченко. Идеиные основы и цели общества изложены в документах: «Закон божий (Книга бытия украинского народа)» (автор — Н. Костомаров) и «Устав славянского общества св. Кирилла и Мефодия» (автор — Н. Белозерский). Они также нашли отражение в воззваниях «Братья украинцы!» и «Братья великороссияне и поляки!». На образование и деятельность Кирилло-Мефодиевского братства оказали влияние новые тенденции развития европейской и русской общественно-политической мысли. Среди них: развитие демократической и республиканской идеологии (как следствие французских революций), распространение революционного романтизма с его поэтизацией «народности», переход к апологетике национального принципа образования государства в противовес

династическому и имперскому и, как следствие, появление идеологии славянофильства и др. Термин «украинофильство» (калька со «славянофильства») получил распространение в связи с деятельностью Кирилло-Мефодиевского братства. Кроме того, Кирилло-Мефодиевское братство было продолжением заговорщической традиции декабристских обществ. Весьма показательно, что одновременно с ним в Петербурге было образовано общество «петрашевцев». Заметное влияние на братство оказала идеология польского национализма, в соответствии с которой Малороссия трактовалась как «украина» польского государства и органичная его часть. Не случайно Кирилло-Мефодиевское братство образовалось при киевском университете, который стал центром польского подполья после закрытия Виленского университета. Деятельность общества ограничивалась распространением воззваний и сочинений Шевченко. Программные требования включали создание общеславянской федерации, достижение идеалов свободы, равенства и братства, ликвидацию национального неравенства, отмену крепостного права и сословий. Общество было ликвидировано весной 1847 г. Участники общества активно сотрудничали со следствием, Н. Костомаров, например, давал полные показания. И представители власти со своей стороны не были заинтересованы в применении жестких наказаний к членам братства, так как это сблизило бы малороссов с поляками. В записке III отделения прямо говорилось: «Строгие меры сделают для них еще дороже запрещенные мысли и могут малороссиян, доселе покорных, поставить в то раздраженное против нашего правительства положение, в каком находится, особенно после мятежа, Царство Польское». По итогам следствия члены братства были приговорены к ссылке во внутренние губернии России, а Шевченко за стихотворение, оскорбляющее членов императорской семьи, был сдан в солдаты. Работами историка М. С. Грушевского, исключившего Кирилло-Мефодиевское братство из европейского, общероссийского и польского контекста, было положено начало его использования как части «украинского национального

мифа». Именно так оценивает Кирилло-Мефодиевское братство и Зеньковский.

Эпоха Александра II наносит тяжкий удар всему этому движению... — В первые годы александровского царствования украинофильское движение получало поддержку киевских и столичных властей. В Петербурге в этот период было опубликовано шесть версий словаря украинского языка, в том числе составленных участниками Кирилло-Мефодиевского братства Кулишом и Шевченко. Костомаров получил место профессора в Петербургском университете. Кулиш открыл в столице собственную типографию, он же по поручению властей перевел на украинский язык Положение о крестьянах 1861 г. Началось издание учебников для начальных школ на малороссийском языке, финансируемое из российского бюджета. В 1861 г. вышел первый номер украинского журнала «Основа». В Киеве по инициативе генерал-губернатора Дондукова-Корсакова был открыт отдел Русского Географического общества, объединивший опекаемых губернатором украинофилов (М. Драгоманов, П. Чубинский, А. Антонович и др.). Появилась первая Киевская украинская громада (т. н. Старая громада). «Малороссы», считавшие народ, населявший Украину, русским, напротив, не находили поддержки у киевских властей. Рост народнического движения и польское восстание 1863—1864 гг. потребовали корректировки либеральной политики в украинском вопросе. Выработка нового курса соединила усилия и интересы нескольких ведомств: Военного Министерства, Министерства внутренних дел, III отделения Е. И. В. канцелярии, Министерства народного просвещения, Главного Комитета по делам печати, а также Киевского генерал-губернаторства. Причем в бюрократическом сообществе не было единства, противников украинофильства возглавил военный министр Д. А. Милютин, а сторонников мягкой линии объединил кружок вел. кн. Константина Николаевича, в который входил министр внутренних дел П. А. Валуев. Большую активность проявили киевские «малороссы», возмущен-

ные поддержкой из Петербурга сепаратистского движения. В процессе выработки согласованной политики по украино-фильскому вопросу был составлен *Циркуляр министра внутренних дел П. А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 (т. н. Валуевский циркуляр)*. Непосредственным поводом к составлению циркуляра послужило увеличение числа и номенклатуры распространяемых в России книг для народного чтения: «...Ныне же приверженцы малороссийской народности обратили свои виды на массу непросвещенную, и те из них, которые стремятся к осуществлению своих замыслов, принялись, под предлогом распространения грамотности и просвещения, за издание книг для первоначального чтения, букварей, грамматик, географий и т. п.». Снимая с себя инициативу выработки документа, Валуев указывал на то, что «...самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может и что наречие их, употребляемое простонародием, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши...» Как министр внутренних дел, которому подотчетны цензурные комитеты, он отметил, что, «большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков». На этом основании Валуев издал осторожное распоряжение, удовлетворявшее две партии российской бюрократии и общественности: до «окончательного разрешения в законодательном порядке» и впредь до соглашения с заинтересованными ведомствами «сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться». Последовавшие меры также свидетельствовали

о попытке сохранить украинофильское движение как анти-тезу польского национализма. Петербургский журнал «Основа» был закрыт, но его сотрудники, бывшие братчики Кулиш, Белозерский и Костомаров, получили предложение занять видные посты в Варшаве. Костомаров получил степень доктора наук. Киевский отдел Русского Географического общества продолжил работу. Развитие народнического движения и т. н. «хождение в народ» (1874) способствовали дальнейшей корректировке внутренней политики. В 1875 г. было создано особое Совещание по украинофильскому вопросу, включавшее глав и представителей МВД, Министерства народного просвещения и других ведомств, призванное приостановить рост революционных и связанных с ним сепаратистских настроений в Малороссии. Итоговые документы Совещания стали основой Указа Александра II, подписанного им 18 мая 1876 г. во время заграничной поездки в Эмс-Бадене (*Эмский указ*). Эмский указ стал результатом компромисса между сторонниками и противниками решительной борьбы с украинофильством. Эмский указ предписывал приостановить работу киевского Географического общества в прежнем составе вплоть до особого распоряжения императора, запретить ввоз литературы на украинском языке из-за границы, ввести цензуру для всех изданий на украинском языке со стороны Главного управления по делам печати, выявить украинофильствующих преподавателей, запретить театральные представления на украинском языке и др. Непоследовательная политика русских властей в украинофильском вопросе имела негативные последствия. Всего было выявлено и уволено около 10 неблагонадежных преподавателей. М. Драгоманов при содействии киевского генерал-губернатора получил паспорт и выехал в Австрию. П. Чубинский выехал из края, работал в Министерстве путей сообщения в Петербурге и через несколько лет вернулся в Киев. Издание литературы на украинском языке не было прекращено и даже существенно ограничено. Репрессии царского правительства, отличавшиеся мягкостью и непоследовательностью, привели к романтизации украин-

ской темы. На некоторое время нелояльность или оппозиционность по отношению к властям приняли форму нарочитой украинофилии.

Украинская Громада — *Громады* (громада — общество, мир, община) — украинофильские культурно-просветительские общества, кружки интеллигенции, существовавшие в различных городах Российской империи в 60–90-е гг. XIX в. Наибольшим влиянием пользовались Старая Киевская громада и Петербургская громада, объединившая бывших членов Кирилло-Мефодиевского братства. В столичную громаду входили Н. Костомаров, П. Кулиш, Т. Шевченко, В. Белозерский, В. Каховский, А. Кистяковский и др. На средства помещиков-украинофилов В. Тарновского и Г. Галагана громада издавала журнал «Основа», ставший центром собирания украинофильских сил. Аналогичные общества-громады были созданы в Харькове, Чернигове, Полтаве, Екатеринославе и др. В 1870–1890-е гг. первенство принадлежало Киевской громаде, в которую входили приблизительно 70 человек, в том числе В. Антонович, М. Драгоманов, П. Чубинский, А. Русов, М. Ковалевский, Я. Шульгин и др. Ее печатным органом была газета «Киевский телеграф». Члены Киевской громады принимали активное участие в открытии и работе Киевского отдела Русского Географического общества. После Эмского указа и отъезда М. Драгоманова и др. за границу деятельность Старой громады не приостановилась. В 1886 г. наступил разрыв между членами киевской Старой громады с М. Драгомановым. Во главе Громады встал В. Антонович, а центром собирания украинофильских сил стала редакция журнала «Киевская старина», который выходил до 1906 г. Многие из лиц, упомянутых Зеньковским, были членами украинских громад, например С. Ефремов, М. Левицкий, А. Лотоцкий и мн. др.

Австрия создает во Львове возможность концентрации украинских культурных сил (80-е гг. XIX в.)... — Еще в ходе рево-

люции 1848 г. в противовес польскому национальному движению в Австро-Венгрии были созданы Головная Русская рада и львовская Матица. Во Львовском университете была открыта кафедра русского (русинского, «рутенского») языка. В 1860-е гг. во Львове было создано общество «Просвита» (Просвещение). В 1870-е гг. появились Общество им. Шевченко, газеты «Правда», «Слово» (субсидировалась русским правительством). В 1880-е гг. из России в Галицию выехали многие украинофилы, в том числе М. Драгоманов, П. Кулиш и др. Зеньковский описывает эти события по «украинской» схеме, тогда как этнические, языковые, культурные процессы, определявшие идентификацию русинов-галицийцев в конце XIX — начале XX в., были гораздо сложнее. Зеньковский, собственно, описывает события с точки зрения «народовцев» — части галицийской интеллигенции, избравшей проавстрийскую ориентацию. Но в Галиции действовала и русофильская (москвофильская) «партия», для которой галицийская идентичность была русской (русинской).

Женева (Драгоманов!) — *Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895)* — общественно-политический деятель, историк, публицист, фольклорист. Из мелкопоместных дворян г. Гадяч Полтавской губернии. Закончил Гадячскую гимназию экстерном благодаря покровительству попечителя Киевским учебным округом Н. Пирогова. В 1859–1863 гг. — студент историко-филологического факультета киевского Университета св. Владимира. После окончания университета определен учителем во 2-ю киевскую гимназию. С 1864 г. — приват-доцент по кафедре античной истории киевского университета. В 1869 г. защитил магистерскую диссертацию «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит». В 1870–1873 гг. посетил Львов, Берлин, Рим, Вену, Гейдельберг, Цюрих, Прагу. С 1873 г. — штатный доцент кафедры античной истории киевского университета. Сотрудничал с газетой «Петербургские ведомости». После введения земства на левобережной Украине сблизился с земскими деятелями Черниговской губернии,

заинтересовался идеей организации начальных школ, где преподавание велось бы на народном языке. Вступил в Киевскую громаду, занимался публикацией книжек для народа. Активный деятель Юго-Западного отделения Русского Географического общества, опекаемого киевским генерал-губернатором. В 1875 г. уволен из университета по подозрению в политической неблагонадежности, помещен под негласный надзор полиции. В 1876 г. эмигрировал. Имел поручение от Киевской громады организовать работу вольной типографии за границей. После того как в Вене его издания были конфискованы, переехал в окрестности Женева. С 1878 г. издавал сначала сборник, а затем журнал «Громада». Опубликовал два тома переписки А. И. Герцена и Н. П. Огарева, сочинения Т. Г. Шевченко, В. Г. Белинского. Печатался в английской, немецкой, французской и итальянской прессе. Оказал влияние на творчество И. Франко и своей племянницы Леси Украинки. С 1882 г. редактировал из-за границы газету Земского союза «Вольное слово», легально издававшуюся в России. После того как в 1886 г. Старая громада Киева прекратила финансирование его типографии, переехал в Болгарию (1889), получил место профессора всемирной истории в Софийском университете. Умер в 1895 г., похоронен в Софии. Драгоманов имел широкий круг интересов, о чем свидетельствуют его многочисленные публикации: от римской истории, становления принципа свободы слова в Европе XVI–XVII вв. до украинских «политических песен» — исторических и современных. Взгляды Драгоманова трудно поддаются определению и кодификации. Его научное творчество и публицистика — попытка встраивания украинской проблематики в общероссийский и общеевропейский контексты в период смены общественно-политического дискурса. «Сам украинец по происхождению, и видя в Киеве немало того, о чем в остальной России понятия не имели, я во многом разделял сомнения и идеи украинских националистов, и во многом они мне казались реакционными: я не мог разделять равнодушия их к русской литературе, которую считал более развитой теперь, нежели украинская,

и более полной общеевропейских интересов (я далеко больше находил политически воспитывающего в “Колоколе” и “Современнике”, нежели в “Основе”» (М. П. Драгоманов). Политические взгляды Драгоманова соединяли народнические, социалистические, демократические, либеральные тенденции. Как сторонника культурно-национальной автономии Малороссии в составе России, его можно назвать автономистом, как проводника идеи общеславянской федерации — федералистом, как апологета земского движения как пути к демократическому самоуправлению — либералом и демократом. Особым образом сочетались в его филологических работах украинофильство и космополитизм: будучи сторонником «теории заимствований» в фольклоре, он подчеркивал общность основных мотивов и сюжетов и интернациональный характер народного творчества. Аморфность и зачаточные формы политической программы Драгоманова позволяют давать ей различные оценки в зависимости от используемого контекста и партийно-политической ориентации исследователя. Для участников украинского движения более ценен сам факт появления фигуры «украинца» Драгоманова, жившего и работавшего в Европе. В этой связи и показателен отзыв Зеньковского, оценившего его вклад характерной репликой — «Женева (Драгоманов!)».

Когда в XVII в. Украина соединилась с Россией... — Речь идет об освободительной борьбе русских казаков и крестьян — подданных Польской Короны — в 1648–1654 гг., направленной против национального, сословного и религиозного гнета со стороны польской шляхты. Военно-политическая ситуация, сложившаяся к концу 1653 — началу 1654 г., привела к двум встречным движениям — очередной просьбе со стороны гетмана Б. Хмельницкого о включении подчиненных ему территорий в состав России «со всеми городами» и судьбоносному решению московского правительства о вступлении в войну с Речью Посполитой. Юридически воссоединение было оформлено решением Земского собора 1 октября 1653 г.

об объявлении войны Польше и присоединении Левобережной Украины, решением Переяславской рады 8 января 1654 г. и принятием «мартовских статей» — договора об условиях вхождения Левобережной Украины в состав России. Польша признала этот факт в 1667 г., заключив с Россией Андрусовское перемирие. В данном случае интересно, что Зеньковский демонстрирует приверженность концепции «воссоединения» русских земель. Эта концепция была разработана в первой половине XVII в. представителями светской и духовной киевской элиты и лишь затем была воспринята окружением царя Алексея Михайловича. Интересно, что тогда в трудах киевских богословов впервые возникла идеологическая тема «братской» связи народов России и Малороссии, а «воссоединение» трактовалось как родственное и семейное. Для аналогии «воссоединения» был использован библейский сюжет об Иосифе Прекрасном, богатом и удачливом правителе Египта, который простил, принял и наградил предавших его братьев, а особенно — младшего брата Вениамина. Концепция «воссоединения», но уже отдельных «Украины и России» стала официальной в советской историографии, о чем свидетельствует трехтомное юбилейное издание «Воссоединение Украины с Россией», изданное Академией наук СССР в 1953 г. и Тезисы ЦК КПСС «О праздновании 300-летия воссоединения Украины с Россией» 1954 г.

Харлампович Константин Васильевич (1870–1932) — историк Церкви. Из семьи священника. Образование получил в Литовской духовной семинарии (Вильно) и Санкт-Петербургской духовной академии. Кандидат богословия. Преподаватель Казанской духовной семинарии и Казанского университета. Член ряда исторических, археологических, краеведческих обществ и комиссий. С 1916 г. — чл.-корр. Петербургской АН. С 1919 г. — академик Украинской АН. Член, а в 1922–1924 гг. — председатель Казанского Общества археологии, истории и этнографии. В 1924–1928 гг. был репрессирован, отбывал ссылку в Сибири и Казахстане. После ссылки жил на Украине.

Сфера научного интереса — развитие церковного просвещения Западной и Юго-Западной Руси в XVI–XVII вв. Зеньковский имеет в виду главный труд Харламповича — первый том исследования *«Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь»* (1914). Автор задумал написание трехтомного труда, но из-за подорванного здоровья и ограничений, касающихся его научной и архивной работы в советское время, не смог завершить работу.

...нерасцветший гений Украины... — Возможно, образ «нерасцветшего гения» навеян ранним творчеством русского символиста Константина Бальмонта. Большую роль в создании символической эстетики Смерти у раннего Бальмонта играли образы цветов: «...С чистою Грёзой цветок обручается, Грёзу любя, он со Смертью венчается». В стихотворении «Неясная радуга», вошедшем в сборник «Тишина» (1898), был использован образ «цветов нерасцветших»: «Неясная радуга. Звезда отдаленная. / Долина и облако. И грусть неизбежная. / Легенда о счастье, борьбой возмущенная. / Лазурь непонятная, немая, безбрежная. // Зарница неверная. Печаль многострунная. / Цветы нерасцветшие. Волнение бесцельное. / Мечта заповедная, туманная, лунная. / И Море бессонное, как сон — беспредельное. // Виденья прозрачные и призрачно-нежные. / Стыдливого ангела признания несмелые. / Стремление к дальнему. Поля многоснежные, / Застывшие, мертвые, — и белые, белые».

...закордонная литература отошла от строгого и ответственно-го либерализма и федерализма Драгоманова... — В конце XIX в. факт образования двунациональной Австро-Венгрии спровоцировал рост национальных движений других народов, входивших в число подданных империи, за получение не только культурных, но и политических прав. Австро-Венгрия, стараясь сохранить политическую стабильность на территории Прикарпатья и Галиции, была вынуждена несколько раз менять политику, поддерживая то польский национализм,

то в противовес ему — русинское (русское) движение. Постепенно австро-венгерские власти перешли к культивированию «украинской» темы. Это, с одной стороны, отделяло австрийских русинов от поляков и, с другой стороны, позволяло трактовать русское население Австро-Венгрии не как составную часть русского народа, а как отдельный этнический, культурный, языковой субъект (т. е. украинский народ). Выработка новой украинской самоидентификации у населения Галиции и Прикарпатья решала две политические задачи: ограничивала стремления русского населения к объединению с Россией и, что оказалось очень действенным, способствовала росту сепаратизма в западных и юго-западных губерниях самой Российской империи. Именно об этом факте активизации украинства и последовавшей его трансформации в политический украинский сепаратизм свидетельствует и Зеньковский. Украинскими активистами это время было названо «новой эрой». Политическая литература украинского толка конца XIX в., издаваемая в Австро-Венгрии, приобрела новые черты. Она перешла к пропаганде политического радикализма, выдвинув требование создания «самостоятельной» Украины (под которой подразумевалась и территория Российской империи), стала культивировать тему этнической, культурной, языковой, исторической отдельности и даже противоположности малороссов и великороссов (именно тогда в украинских сочинениях появились русофобские мотивы). Ориентация на Австро-Венгрию была признана путем скорейшего достижения политической независимости. А Галиция в сочинениях украинцев приобрела статус «украинского Пьемонта», т. е. центра формирования единой украинской нации. (Область Пьемонт стала центром объединения Италии в 60-е гг. XIX в. Польские националисты активно разрабатывали тему «польского Пьемонта», которым также считали Галицию.) В 1890 г. в Галиции была создана Украинская радикальная партия, активно проводившая политическую линию «новой эры». Российский подданный Н. Михновский опубликовал в австрийском Львове статью «Самостийная Украина», в которой поставил задачу

формирования «одной, единой, неделимой, свободной, самостоятельной Украины от Карпат до Кавказа». Эту же идеологию «интегрального национализма» развивал Д. Донцов. Один из активных членов УРП Ю. Бачинский опубликовал в 1895 г. работу «Независимая Украина», в которой заявил о перспективе независимости «украинского народа». Движение «новой эры» достигло значительных результатов. Накануне 1-й мировой войны украинские партии Галиции признали Россию «величайшим врагом Украины».

Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) — историк, писатель, общественный и политический деятель, глава Центральной рады. Родился в г. Холме Люблинской губернии Российской империи (Холмщина) в семье директора семинарии, автора учебника по церковно-славянскому языку. Детство провел в Ставрополе, Владикавказе и Тифлисе, где отец получил должность краевого смотрителя народных школ. Окончил Тифлисскую гимназию. В 1886–1890 гг. обучался на историко-филологическом факультете киевского Университета св. Владимира. Ученик В. Б. Антоновича. Через год после окончания университета принят на кафедру истории для приготовления к профессорскому званию. Печатался в «Киевской старине», «Записках научного общества имени Шевченко»; принимал участие в издании «Архива юго-западной России». Член Киевской громады. В 1894 г. защитил магистерскую диссертацию «Барское староство. Исторические очерки» (докторской диссертации не защищал). В 1896 г. по рекомендации Антоновича, отказавшегося возглавить новую кафедру «всеобщей истории со специальным акцентом на историю Восточной Европы» в австрийском Львовском университете, занял это место. Сохранил российское подданство. С 1897 г. — глава Львовского Научного общества им. Т. Шевченко; редактор «Научных записок». Инициировал создание журнала «Литературно-научный вестник» и украинского издательства. Пропагандировал и популяризировал идею отдельности и противоположности российской и украинской истории (народа, языка, культуры). На-

писал многотомную «Историю Украины-Руси», где предложил оригинальную схему украинской истории: доисторический период Украины (от «первых следов человека» до великого переселения народов) — анты, украинские племена — Киевская Русь — Галицко-Волынское княжество — пребывание Украины в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой — «Казацкая эпоха», гетманщина — «Украинское возрождение», начавшееся после присоединения Галиции и Буковины к Австрии. Ратовал за создание украинского университета во Львове (Львовский университет был польским). Внес вклад в разработку одной из версий литературного украинского языка (галицийской). Демонстрировал лояльность по отношению к Австро-Венгерской монархии, т. к. украинские организации получали дотации из австрийской казны. В 1899 г. — один из организаторов умеренной Национальной демократической партии в Галиции. За 20 лет пребывания в Галиции заработал солидный капитал, вложенный в недвижимость (Львов, Закарпатье, Киев). В 1906 г. приехал в Петербург, где основал журнал «Украинский вестник», сблизился с членами местной Громады и украинской фракции 1-й Государственной думы, издал сборник своих работ «Освобождение России и украинский вопрос». Через год переехал в Киев, где возглавил Киевское Научное общество им. Т. Шевченко и редактировал «Записки» общества. Перенес в Киев издание «Литературно-научного вестника». В 1908 г. стал одним из лидеров Товарищества украинских прогрессистов (ТУП). Получил звание почетного профессора Харьковского университета. Выставил свою кандидатуру на занятие должности профессора русской истории в киевском Университете св. Владимира, которая была отклонена по решению университетской профессуры. Вернулся в Австро-Венгрию. В 1913 г. подал в отставку с поста главы Научного общества им. Т. Шевченко, поскольку не был переизбран. Начало Первой мировой войны встретил в своей усадьбе в Криворовне в Закарпатье. Переехал в Вену. Из Австрии через Италию и Румынию перебрался в Россию. В 1914 г. был арестован русскими властями как сторонник сепаратизма и про-

водник проавстрийской политики. В 1915 г. был выслан в Симбирск. По ходатайству ряда ученых Российской АН получил разрешение переехать в Казань, а через год — в Москву. После Февральской революции жил в Киеве. При создании Центральной рады в марте 1917 г. был заочно избран ее председателем. Примкнул к партии украинских эсеров (УПСР). С марта по январь 1917 г. — один из лидеров и идеологов украинского движения, оформленного социалистической идеологией Центральной рады. Принимал участие в работе Киевского губернского кооперативного съезда, а также нескольких Украинских военных и крестьянских съездов. Участвовал в украинской манифестации 19 марта 1917 г. Написал ряд работ программного характера: «Откуда появилось украинство и к чему оно идет», «Только ли для украинцев Украина?» и мн. др. Руководил работой Украинского конгресса, изменившего статус и порядок формирования Центральной рады, избран ее председателем («головой») и главой Малой рады. Как глава УЦР принимал участие в создании Генерального секретариата ЦР, в переговорах с делегацией Временного правительства, в составлении 4-х Универсалов ЦР. В январе 1918 г. вместе с другими членами Центральной рады бежал на Волынь, спасаясь от наступления красных на Киев. Вернулся в марте 1918 г. с немецкими войсками. Формально оставался главой УНР, написал статью «Поворота не будет». 29 апреля 1918 г. — в первый день гетманского переворота и ликвидации УНР — принимал участие в последнем заседании Малой рады. При гетманате жил в Киеве. Активной политической деятельностью не занимался. В конце 1918 после свержения гетманата пытался возродить режим Центральной рады, но не получил одобрения у сторонников чрезвычайной Директории. В феврале 1919 г. вместе со многими деятелями УНР перебрался в Каменец-Подольский, редактировал газету «Голос Подолии», занимался составлением учебника по украинской истории. В 1919 г. выехал в Галицию, затем в Австрию. Из Вены перебрался в Прагу. В 1922 г. покинул УПСР, отошел от политики. Принимал участие в создании Украинского социологического института

(Вена, затем Прага). В 1923 г. заочно был избран в АН УССР. В 1924 по собственной инициативе и с разрешения советских властей вернулся в Киев. С 1924 г. состоял председателем секции истории Украины исторического отделения АН УССР, возглавлял несколько комиссий (историко-географическая, культурно-историческая, фольклорная). Конфликтовал с академиком С. Ефремовым (также украинофилом и украинцем). Редактировал журнал «Украина». В 1920-х гг. принимал активное участие в советской украинизации — местном варианте политики «коренизации» советской власти, объявленной XII съездом РКП (б) и реализованной под руководством И. В. Сталина и Л. М. Кагановича. В 1929 г. был избран действительным членом АН СССР. В период свертывания украинизаторской политики (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) отстранен от работы в АН УССР. В марте 1931 г. арестован по делу «Украинского национального центра». После освобождения жил в Москве. Умер в Кисловодске, где находился на лечении. Похоронен с почестями на Байковом кладбище в Киеве.

...программа в польском, финляндском вопросе... в украинском вопросе... — Зеньковский верно отметил тот факт, что различными партиями малороссийский вопрос рассматривался лишь в контексте общих принципов территориального устройства России, и Малороссия была включена в общий перечень условно понимаемых «народов», «народностей», «языков», «территорий», «областей», «местностей» и т. д. Программа *конституционно-демократической партии*, выработанная на учредительном съезде партии в 1905 г., предусматривала автономное устройство Царства Польского, восстановление конституции Финляндии и расширение местного самоуправления. Воззвание «*Союза 17 октября*» (1905) содержало требование «сохранения единства и нераздельности Российского Государства», исключением была лишь Финляндия, для которой предусматривалась автономия. Съезд *Прогрессистов* (1912) выдвигал на повестку дня следующий вопрос: «Устранение посягательств на национальные осо-

бенности, культурную самобытность, родной язык и религию входящих в состав Империи народностей». В Программе *партии социалистов-революционеров* 1906 г. содержалось требование: «...Возможно более широкое применение федеративного начала к отношениям между отдельными национальностями; признание за ними безусловного права на самоопределение». В 1917 г., исходя из приоритета «широкой международной федерации» демократических наций, партия высказалась «в принципе для России за форму федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей и с обеспечением основными законами страны как прав национальных меньшинств в местностях со смешанным населением, так и вообще публичных прав для всех языков, на которых говорят трудящиеся массы в России». Программа РСДРП, принятая на 2-м съезде в 1903 г., содержала пункты: «Широкое местное самоуправление; областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения», и одновременно — «Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Меньшевистская фракция РСДРП на майской конференции 1917 г. поставила вопрос о «широкой автономии для областей, отличающихся как национальными и этнографическими, так и культурно-историческими и социально-экономическими особенностями». Большевистская фракция на Апрельской конференции 1917 г. провозгласила принцип «права на свободное отделение и образование самостоятельного государства», ограничив его «целесообразностью» и приоритетом «интересов классовой борьбы за социализм». В качестве тактической цели была избрана территориальная автономия (перечень территорий, однако, не прилагался).

Русов Александр Александрович (1847–1915) — земский статистик, этнограф, краевед. Родился в Киеве в семье военного врача из Костромы. Закончил историко-филологический факультет Киевского университета. Учитель гимназии. Украинско-

фил, член Киевской громады, испытал влияние М. Драгоманова и П. Чубинского. Увлёкся этнографией и фольклором, пропагандировал кобзарское искусство. В 1876 г. по поручению Киевской громады и на собранные ею средства напечатал в Праге двухтомник «Кобзаря» Т. Шевченко. Работал в статистическом отделении Черниговской губернской земской управы, занимался земской статистикой в Херсонской и Полтавской губерниях. В 1881 г. после убийства Александра II народовольцами был арестован, находился под надзором полиции по подозрению в связях с революционными кругами. Участвовал в работе украинских громад (Екатеринослав, Одесса и др.). Сотрудничал с Юго-Западным отделением Русского Географического общества, был награжден за труды по этнографии и статистике. Во время поездок увлёкся археологией, принимал участие в раскопках курганов в Причерноморье. С 1903 г. по 1908 г. — в Петербурге, статистик страховой компании «Надежда». Участвовал в работе Вольного экономического общества. Активист Петербургской украинской громады, предоставлял свою квартиру для заседаний ее актива. Был связан с украинской фракцией в 1-й и 2-й Государственной думе. Занимался изданием украинской прессы. С 1908 г. — в Киеве, работал внештатным преподавателем в Коммерческом институте. Занимался разработкой методики «оценочной статистики». Возглавлял статистически-экономическую комиссию при исторической секции Украинского научного общества. Умер в 1915 г., похоронен в Киеве.

Русова Софья Федоровна (1856–1950) — педагог, писательница, общественный деятель, жена А. А. Русова. Родилась в с. Олешня Черниговской губернии в семье помещика Линдфорса. Закончила Фундуклеевскую гимназию в Киеве. Организатор первого детского сада в Киеве. Принимала участие в издании и доставке в Россию двухтомника Т. Г. Шевченко, напечатанного в Праге. Вместе с мужем жила в Черниговской, Полтавской и Херсонской губерниях; занималась педагогикой, литературным творчеством, библиотечным делом

и акушерской практикой. В Харькове возглавляла «Общество грамотности». После переезда семьи в Петербург стала активным членом украинского общества. Написала и издала одну из версий украинского букваря. После возвращения в Киев в 1908 г. — глава местного комитета учителей, редактор педагогического журнала на украинском языке «Свитло» (1910—1914). В соответствии с популярной в педагогических кругах идеей, согласно которой ребенок проходит те же стадии развития, которые прошел его народ, выступала активной сторонницей дошкольного и школьного образования на народном языке. Автор концепции «национального воспитания». Преподаватель Коммерческого института, Фребелевского Института дошкольного воспитания, Высших женских курсов А. В. Жекулиной. После Февральской революции — член Центральной рады. При гетманате — глава отдела внешкольного образования и дошкольного воспитания в Министерстве образования Украинской державы, активный идеолог и проводник политики дерусификации и украинизации дошкольного и школьного образования. В начале 1919 г. вместе со многими деятелями Центральной рады, гетманата и Директории переехала в Каменец-Подольский, преподавала в Каменец-Подольском украинском университете. Глава Национального женского совета (1920—1938). В 1920 г. советскими властями была приглашена работать в Институт им. Б. Гринченко. В 1922 г. эмигрировала. Жила в Праге. Профессор педагогики в Украинском педагогическом институте им. М. Драгоманова. Принимала участие в европейском феминистском движении и в политической жизни украинской диаспоры. Пропагандировала идею политической независимости Украины. Умерла и похоронена в Праге. Оставила мемуары «Мои воспоминания» (1939).

Австрия... подготавливала план формирования воинских частей из украинцев... — При германском генштабе с 1897 г., а при австрийском с 1905 г. были сформированы специальные отделы для работы с украинцами. В 1912 г. в Австро-Венгрии был

создан «Украинский сечевой союз». Его основой стали полувойенные патриотические формирования («Пластуны», «Сokol», «Сечь» и др.), объединявшие украинофильскую молодежь австрийской Галиции. В первые дни мировой войны Галицийская Головная рада, объединявшая партийные группы различных направлений, и «Сечевой союз» поддерживали Австро-Венгрию в войне против России. Это позволило рассеять сомнения австрийских властей в лояльности русинских (политически — украинских) подданных. В августе 1914 г. указом императора Франца-Иосифа галицийцам было разрешено сформировать Украинский легион сечевых стрельцов. Позднее к нему присоединились полки сечевых стрельцов, созданные по инициативе украинских политических и общественных деятелей и своей численностью превысившие лимит, предписанный для Украинского легиона.

Скоропись-Йолтуховский А. Ф. (1880—?) — социал-демократ, участник украинского движения, агент австрийского генштаба в годы 1-й мировой войны. Член «Спилки» — (Украинского социал-демократического союза), образовавшегося после раскола первой украинской партии РУП в 1905 г. Как член «Спилки» вошел в состав РСДРП (меньшевиков). Депутат 1-й Государственной думы. Вместе с Д. Донцовым, В. Дорошенко, М. Меленовским, Н. Зализняком и А. Жуком возглавил Союз освобождения Украины (СОУ), созданный 4 августа 1917 г. Представитель СОУ в Берлине (СОУ взяла на себя функции представлять интересы «Великой Украины» в столицах стран Четверного союза). Как руководитель СОУ и агент австрийского генштаба принимал активное участие в агитационно-пропагандистской работе в лагерях русских военнопленных, среди русин австрийской Галиции, а также населения оккупированных территорий России в годы Первой мировой войны. Характеристика, данная Зеньковским деятельности Скоропись-Йолтуховского, подтверждается, в том числе, содержанием воззвания «К общественному мнению Европы» от 25 августа 1914 г., подписанного лидерами СОУ:

«...В полном сознании своей исторической миссии защищать свою древнюю культуру от азиатского варварства московитов, Украина всегда была открытым врагом России, и в своих освободительных стремлениях она всегда искала помощи у Запада, особенно у немцев. Гетман Богдан Хмельницкий, Дорошенко и Орлик обращались к немцам, Мазепа к Швеции. Даже во времена Екатерины II украинское дворянство искало при прусском дворе защиты против московского деспотизма. Демонстрации, происходившие в прошлом году в Киеве во время юбилея Шевченко, когда раздавались крики: “Да здравствует Австрия!”, “Долой Россию!” — доказывают, что украинская политическая мысль снова идет по пути старинных исторических традиций. Мы, украинцы России, соединившиеся в Союз освобождения Украины, употребим все силы для окончательного расчета с Россией. В это тяжелое по своим последствиям время, когда наша нация по обе стороны границы готовится к последней борьбе с исконным врагом, мы обращаемся с этим воззванием ко всему цивилизованному миру. Пусть он поддержит наше правое дело. Мы взываем к нему в твердом убеждении, что украинское дело есть также дело европейской демократии. Никогда Европа не достигнет покоя, никогда она не освободится от угрозы нашествия царизма, никогда не будет покойна за свою культуру, пока в обширных путях Украины не создастся оплот против России. Великие жертвы, принесенные нашим народом в его многовековой борьбе с Россией, дают нам нравственное право требовать внимания и участия со стороны цивилизованного мира к нашему делу, то есть независимости Украины. Чтобы полное значение нашего дела не осталось неизвестным Европе в то время, как судьба ее народов решается на полях, обогренных кровью тысяч украинцев, мы обращаемся с этим воззванием к общественному мнению всех наций, политические интересы которых совпадают в эту минуту с интересами свободы и цивилизации».

Томаш Гарриг Масарик (Tomáš Garrigue Masaryk, 1850–1937) — первый президент Чехословакии. Доктор философии, профес-

сор философии Пражского университета. Автор концепции самостоятельного развития чешской культуры. Член старочешской, затем младочешской партии. В 1887 г. впервые посетил Россию (Варшава—Петербург—Москва—Киев—Крым—Одесса). В 1890 г. основал либеральную Партию реалистов. С 1891 г. — депутат австрийского рейхсрата, с 1892 г. — депутат Богемского ландтага; выступал за расширение автономии Чехии в составе Австро-Венгрии; из-за разногласий с руководством Партии реалистов сложил с себя депутатские полномочия. В 1900 основал новую Народную (позднее Прогрессивную) партию, выступавшую за расширение чешской автономии, равенство языков, союз между славянскими народами — чехами и словаками. Отстаивал эту программу в рейхстрате, куда вновь был избран. В 1913 выпустил книгу «Россия и Европа». В августе 1914 г., сразу после начала Первой мировой войны, активизировал борьбу за освобождение Чехии и Словакии от Австро-Венгрии. Участвовал в создании в Париже Чешско-го (затем Чехословацкого) Совета, который взял на себя функции представительства чехословацких интересов в странах Антанты. Представитель Чехословацкого Совета в Лондоне. За годы Первой мировой войны помимо Англии и Франции посетил Швейцарию, США и Россию. Приветствовал Февральскую революцию в России, был свидетелем Октябрьского переворота. 14 ноября 1918 г. после провозглашения Чехословацкой республики стал первым президентом Чехословакии. Трижды переизбирался, оставил пост в 1935 г. Один из инициаторов «Русской акции» (с 1921 г.) — государственной программы помощи Чехословакии русским эмигрантам.

...манифест к полякам, изданный Вел. Кн. Николаем Николаевичем... — 1 августа 1914 г. Германия объявила войну России, а 6 августа к ней присоединилась Австро-Венгрия. В тот же день император Николай II издал Высочайший Манифест о вступлении России в войну, в котором проводилась мысль о единстве славянских народов, а также была выражена надежда на то, «что на защиту Русской Земли дружно и самоот-

верженно встанут все верные Наши подданные». 14 августа 1914 г. вел. кн. Николай Николаевич выпустил Воззвание Верховного Главнокомандующего к полякам, в котором была высказана идея объединения разделенной между Россией, Германией и Австро-Венгрией Польши «под скипетром Русского царя». Одной фразой была емко высказана мысль о предоставлении объединенной Польше большей самостоятельности: «Под скипетром этим воссоединится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении». Польские депутаты Государственной думы заявили о своей верности России. В польских землях, принадлежавших Германии и Австро-Венгрии, в начале войны усилились позиции москвофилов. В противовес польским легионам под командованием Ю. Пилсудского, создаваемым в Австро-Венгрии, Россия приступила к формированию польского Добровольческого легиона в Пулавах. Намерение России предоставить Польше полную автономию было подтверждено в заявлении премьер-министра Горемыкина в 1915 г. и в царском указе 1916 г.

...не нашло ничего лучше, как воспретить все издания на украинском языке — Галицийское общество во второй половине XIX — начале XX в. разделилось по политическому принципу на русофилов (этнически идентифицировавших себя в качестве галицийских русинов, русских) и австрофильских народовцев, считавших себя украинцами. В конце XIX в. под давлением австрийских властей значительная часть русофильской элиты, которую поддерживали российские власти, покинула Галицию и переехала в Россию. Накануне войны русофильское движение в Галиции, Буковине и Закарпатье подверглось разгрому со стороны австрийских властей (а после отступления русской армии летом 1915 последовали акты геноцида, репрессии военно-полевых судов и создание концентрационных лагерей для русинов в Талергофе и Терезиенштадте). В итоге общественное мнение в русских провинциях Габсбургской монархии осталось за политическими украинцами. Это и объясняет принятие русским военным командованием и граж-

данской администрацией антиукраинских мер в Галиции и Буковине, занятых русскими войсками в результате успешного контрудара в августе — сентябре 1914 г. В частности, были введены ограничения на издания, выходившие на украинском языке (в его литературной галицийской версии), закрыты многие украинские типографии, библиотеки, учебные заведения. Была приостановлена деятельность Научного общества имени Т. Г. Шевченко, организованного австрофильской партией украинцев. Антиукраинская политика русских властей в 1914—1915 гг. была обусловлена и планами России относительно послевоенного устройства Галиции, согласно которым западная ее часть перешла бы Царству Польскому (в составе России), а восточная была бы административно преобразована в российские губернии. Поэтому ограничение украинства сопровождалось поддержкой поляков и их устремлений. Поляки назначались чиновниками, продолжали работать польские типографии, культурные организации и учебные заведения, были сохранены институты католической церкви. Политика русских властей в Галиции в 1914—1915 гг. подвергалась критике с различных позиций. Зеньковский демонстрирует, как негативно оценивали антиукраинские меры украинофилы в России. Но не менее резко высказывались по отношению к России и деятельности русской администрации галицийские русины, которые были более последовательны и радикальны, чем русские власти, в стремлении очистить Галицию от польского и австрийского влияния, а также от влияния католической и греко-католической церквей.

...при Генерал-Губернаторе — Д. И. Дорошенко был членом комитета Земгора при штабе Юго-Западного фронта при царском режиме, а Временным правительством, теснейшим образом связанным с Земгором и земскими активистами, был назначен краевым комиссаром Галиции и Буковины. А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» так описывал это назначение Дорошенко: «Правительство, как я уже говорил, проявляло полнейшее игнорирование Верховного главнoko-

мандующего даже в таких вопросах, которые непосредственно затрагивали его компетенцию, как управление областями театра войны... Точно так же без ведома Верховного главнокомандующего состоялось назначение комиссаром Галиции и Буковины Дорошенко и без всякого участия Ставки разрабатывалась «схема управления» этими областями, хотя комиссар в военном отношении был подчинен главнокомандующему Юго-Западного фронта. Такое игнорирование верховного командования вызвало подражание со стороны второстепенных агентов правительства: тот же Дорошенко, вызванный генералом Алексеевым в Могилев, отказался приехать за недосугом и проследовал непосредственно в Киев для согласования своих действий с украинскими кругами».

Союз Городов — *Всероссийский союз городов* был создан 8—9 августа 1914 г. в Москве на съезде городских голов. 30 июля 1914 г. на съезде уполномоченных губернских земств был образован Всероссийский земский союз. Руководство союзами осуществляли Главные комитеты. Структура Городского и Земского союзов состояла из уездных, губернских, фронтовых и областных комитетов. Финансирование осуществлялось как государством, так и за счет взносов местных организаций и частных пожертвований. Сначала Союзы оказывали помощь больным и раненым, затем стали принимать участие в снабжении армии обмундированием, оказании помощи беженцам. Поражения армии и отступление войск из Галиции летом 1915 г. поставило на повестку дня вопрос об оказании помощи армии в поставках вооружения. 10 июля 1915 г. произошло объединение двух союзов, в результате чего был создан единый Земско-городской союз (Земгор). Земгор работал в тесном контакте с Военно-промышленными комитетами, созданными частным капиталом, и в рамках задач, которые ставили государственные Особые совещания. С 1915 г. Земгор стал площадкой для политической борьбы. Царское правительство применило ряд репрессивных мер по отношению к Земгору и его отдельным членам. С другой стороны, неред-

ки были случаи прямого саботажа со стороны Земгора (поставки на фронт пустых ящиков для оружия, некачественного обмундирования и продовольствия). Земгор принял активное участие в подготовке и совершении Февральской революции, и премьер-министром Временного правительства стал глава Объединенного комитета Земско-городского союза князь Г. Е. Львов. Земгор был упразднен 17 января 1918 г. декретом СНК, его имущество было передано ВСНХ (Высший Совет народного хозяйства).

...при гр. Г. А. Бобринском... — С сентября 1914 г. по июль 1915 г. на территории, занятой русскими войсками, было образовано Галицийское генерал-губернаторство. Военным генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант граф *Георгий Александрович Бобринский (1863–1928)*, разместивший свою канцелярию во Львове. В составе Галицийского генерал-губернаторства были выделены Львовская, Тернопольская, Перемышльская и Черновицкая губернии. В конце марта 1915 г. инспекцию генерал-губернаторства провел император Николай II.

...церковные мероприятия по обращению униатов галичан в Православие... — Зеньковский верно указал на политические и националистические мотивы униатского противостояния православию в Галиции. Однако его негативная оценка «обращения униатов» также является производной от либерально-националистической позиции. Более сложная картина разработки и осуществления планов гражданской администрации и Православной церкви в Галиции предстает в мемуарах управляющего церковными делами в Галиции архиепископа Волынского Евлогия (Георгиевского) «Путь моей жизни», впервые опубликованных в Париже в 1947 г. Они свидетельствуют не о насильственном обращении русин в православие, а, напротив, о недостатке согласованности и решительности в действиях русской стороны. Евлогий (Георгиевский) сокрушался по поводу отсутствия продуманной и последова-

тельной политики в Галиции, ссылаясь на высочайшее повеление относительно «осторожного разрешения религиозного вопроса в Галиции» и указания передавать приход в ведение православной церкви лишь в случае согласия 75% населения, указывал на наличие двух партий в правительственных кругах, выступавших соответственно «за» и «против» деятельности Православной церкви в Галиции, отмечал критическое отношение к русской политике в Галиции со стороны русской же либеральной общественности (оказавшей поддержку, например, униатскому митрополиту Шептицкому) и на многие другие проблемы. Процедура, с помощью которой решался вопрос о принадлежности приходов и храмов, была описана Евлогием следующим образом: «Я приехал во Львов... Квартира представляла проходной двор: двери целый день не закрывались, в комнатах с утра до ночи была толчея — приезжие священники, военные, мужики с запросами, с требованиями... “Дайте православного священника! довольно нам бритых! Мы хотим — наших! С волосами, с бородой...” — сколько раз приходилось выслушивать подобные заявления. Стали мы с генерал-губернатором вырабатывать условия, какими следовало руководствоваться при назначении священников в присоединившиеся приходы. Было решено удовлетворять просьбы при наличии 75 процентов присоединившихся. Но тут возник вопрос: как в военное время процентное отношение устанавливать? Генерал-губернатор заявил, что этим будет весть специальная комиссия из его чиновников — уездных начальников и др. Лишь по получении удостоверения от комиссии церковное управление может посылать в села священников, а если разрешения не последует, приходы должны оставаться униатскими. Распоряжению генерал-губернатора я подчинился. Вот как комиссия принялась за дело. В село выезжали власти в сопровождении жандармов и приступали к баллотировке. Населению раздавали горошинки, которые должны были играть роль баллотировочных записок. Тотчас же возникали недоразумения. Бабы горошинки теряли, в ожидании своей очереди их сгрызали; случалось, что самый факт баллотировки горохом

вызывал протест: “Как можно на горохе мою веру ставить!”, “Мы хотим «батьюшку», а они с горохом пристают...”. И некоторые недовольные и оскорбленные этой административной процедурой галичане приходили ко мне жаловаться, плакались, когда “по гороху” оставались в меньшинстве. Если было трудно установить, сколько крестьян тяготеет к православию, то не менее трудно было решить вопрос, кому отдавать бывший приходский униатский храм, если село перешло в православие. Генерал-губернатор постановил: униатам. Но как же оставаться православному приходу без храма? Стоит храм посреди села, а его не дают. После долгих обсуждений комиссия постановила: если число православных в селе 90 процентов, храм — их; если меньше, — пусть служат по хатам...»

Евлогий (Георгиевский Василий Семёнович) (1868–1946) — митрополит. Родился в Тульской губернии в семье священника. Окончил духовное училище в г. Белёв, затем Тульскую семинарию. Поступил в Московскую Духовную академию, которую возглавлял архимандрит Антоний (Храповицкий). В 1892 г. закончил Академию, защитил магистерскую диссертацию о Тихоне Задонском. Кандидат богословия. В 1893 г. — помощник смотрителя Ефремовского духовного училища, в 1894 г. преподаватель Тульской духовной семинарии. В 1895 г. — пострижен в монашество, рукоположен во иеромонахи. Назначен инспектором Владимирской семинарии, где проработал два года. В 1897 г. возведен в сан архимандрита. С 1897 г. по 1902 г. — ректор Холмской духовной семинарии в Люблинской губернии (ныне — Польша). В 1903–1905 гг. — епископ Люблинский, с 1905 г. — епископ Холмский и Люблинский. Противостоял католической экспансии на Холмщине и в Подляшье, усилившейся после обнародования Манифеста Николая II о веротерпимости. Добился выделения самостоятельной Люблинской и Седлецкой епархии, где большинство населения было православным. Избран депутатом 2-й, а затем 3-й Государственной думы от православного населения Люблинской и Седлецкой губернии. В Думе примкнул к умеренно-

правым, затем к группе монархистов-националистов. Член ряда думских комиссий, председатель комиссии по делам вероисповеданий. Способствовал разрешению т. н. «Холмского вопроса»: в течение нескольких лет отстаивал проект образования Холмской губернии из русских уездов Привислинского края и выделении ее из состава Царства Польского (проект утвержден правительством 23 июня 1912 г.). С 1912 г. — архиепископ Холмский и Волынский. От депутатства в 4-й Государственной думе отказался. С мая 1914 г. — архиепископ Волынский и Житомирский. С 1914 г. — один из руководителей Союза русского народа. После успешной военной кампании 1914 г. по инициативе Николая II назначен управляющим делами Русской православной церкви на оккупированных территориях (1914—1916). В 1915 г. награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. После Февральской революции и последовавшего «низвержения епископов» остался архиепископом Волынским и Житомирским по решению 1-го Епархиального съезда Волынского духовенства. Кроме того, получил во временное управление Холмскую и Люблинскую епархии. Участвовал в работе Предсоборного присутствия и Всероссийского Церковного собора 1917—1918 гг.; председатель Отдела богослужения, проповедничества и церковного искусства; избран одним из шести членов Святейшего Синода. По поручению патриарха Тихона выехал в Киев для борьбы со сторонниками автокефалии. 4 декабря 1918 г. арестован правительством УНР и вместе с Антонием (Храповицким) и Никодимом (Кротковым) был помещен в униатский базилианский монастырь. В 1919 г. в период войны между УНР и Польшей арестован уже польскими властями и направлен во Львов. По требованию стран Антанты освобожден после 9 месяцев заключения. В августе 1919 г. через Буковину и Константинополь был переправлен в Екатеринодар к генералу Деникину. Работал в Высшем Церковном Управлении Юга России в Новочеркасске и Екатеринославе. С 19 января 1920 г. — в эмиграции. В мае 1921 г. принимал участие в работе монархического съезда в Рейхенгалле (Бавария); высшим мо-

нархическим советом избран заместителем почетного председателя митрополита Антония. Участник Всезаграничного Русского Церковного собора в Сремских Карловцах (1921); отказался голосовать за принятие политического обращения Собора к правительствам держав — участников Генуэзской конференции, провозгласившего целью восстановление царствования дома Романовых; вместе с 34 делегатами подал особое мнение. В январе 1922 г. патриархом Тихоном, признавшим акты Всезаграничного Церковного собора в Сремских Карловцах не выражающими официальной позиции РПЦ, был возведен в сан митрополита. После упразднения патриархом Тихоном заграничного Высшего Церковного управления получил в ведение все заграничные русские православные приходы. В конце 1922 г. перевел Епархиальное управление в Париж, сформировал Епархиальный Совет. В Париже обустроил Сергиевское подворье. В 1925—1946 гг. — ректор Свято-Сергиевского Православного Богословского института в Париже. Оказывал поддержку Русскому студенческому христианскому движению (РСХД). По решению карловацкого Архиерейского Собора был ограничен в управлении заграничными приходами, в его ведении остался лишь Западно-европейский церковно-административный округ. В 1924 г. сделал заявление о том, что не подчиняется этому решению Собора и остается верным указам патриарха. В 1926 г. разорвал отношения с карловацким крылом РПЦЗ во главе с Антонием; в 1927 г. созвал первый Епархиальный съезд духовенства и мирян, поддержавший его действия. Остался в юрисдикции РПЦ, возглавляемой Заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола Сергием (Страгородским); по его требованию подписал обязательства о лояльности Советскому правительству. После заявления митрополита Сергия (Страгородского) в 1930 г. иностранным журналистам о том, что в СССР гонений на церковь нет, принял участие в молениях о «страждущей Русской Церкви» в Лондоне. 10 июня 1930 г. уволен Сергием от управления русскими приходами в Западной Европе и запрещен в служении. В 1931 г. перешел под юрисдикцию Кон-

стантинопольского патриарха, основал особый митрополичий округ с центром в Париже (с приходами во Франции и частично в других странах Европы). Во время Второй мировой войны поддерживал Великую Отечественную войну советского народа. В 1945 г. вернулся под юрисдикцию Московского Патриархата, был назначен экзархом в Западной Европе, оставаясь одновременно экзархом Вселенского Константинопольского патриарха. В 1945 г. получил советский паспорт. Скончался 8 августа 1946 г. Погребен в Париже на кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

Шептицкий Андрей (Роман Александр Мария Шептицкий) (1865–1944) — униатский Галицкий митрополит с 1901 г. по 1944 г. Родился в поместье Прилбичи (недалеко от Львова) в польской католической семье графа Яна Шептицкого. Обучался в гимназии им. Франца Иосифа во Львове и гимназии св. Анны в Кракове. Вступил в 1-й Австрийский уланский полк, оставил службу по болезни. Страдал тяжелым заболеванием лимфосистемы (т. н. слоновья болезнь). Обучался во Вроцлавском и Краковском университетах; с 1888 г. — доктор права. Во время встречи с Римским папой Львом XIII получил разрешение перейти из католической церкви в униатскую. В 1888 г. принят в послушники Добромыльского базилианского монастыря. Продолжил изучение богословия в коллегии ордена иезуитов в Кракове; доктор богословия и философии. С 1892 г. — пресвитер (священник) в Перемышле, затем Добромилах. В 1896 г. возглавил монастырь св. Онуфрия во Львове. В 1899 г. назначен австрийским императором и номинирован Римским папой епископом Станиславова. С января 1901 г. — униатский митрополит Галицкий, архиепископ Львовский, епископ Каменец-Подольский. Депутат Галицкого сейма, член австрийской Палаты господ. Крупный земельный собственник, предприниматель, благотворитель. После указа Николая II о веротерпимости (1905) активизировал связи в России, добивался разрешения униатской церкви во всей Российской империи, с этой целью пы-

тался приобрести несколько имений в российских губерниях. В 1907 г. получил от Римского престола тайные чрезвычайные полномочия и был назначен папским Администратором «митрополии Киевской и всея Руси, а также архиепархий Владимирской, Полоцкой, Смоленской». В следующем, 1908 г. был утвержден примасом (главным епископом национальной церкви) католиков восточного обряда Российской империи. Получал от папы подтверждения своих чрезвычайных полномочий в 1909, 1910 и 1914 гг. Осенью 1908 г. под видом коммивояжера велосипедной фирмы тайно посетил Россию, встречался с греко-католиками в Петербурге и Москве. В марте 1914 г., накануне Первой мировой войны, направил тайное послание Николаю II, в котором назвал его «объединителем славянства». Для австрийских властей в июле 1914 г. подготовил секретные рекомендации (меморандум) относительно политики Австро-Венгрии на случай оккупации западных губерний Российской империи. Поддерживал формирование подразделений украинских «сечевых стрельцов» в составе австрийской армии. Имел связи с деятелями Союза освобождения Украины (СОУ). В начале Первой мировой войны обратился к пастве с призывом сохранять верность австрийскому кесарю. После занятия русскими войсками Львова распространял проавстрийские воззвания, в августе 1914 г. во время церковной службы произнес проповедь антироссийского содержания. Через месяц был выслан в Киев. Из Киева направил письмо Николаю II, в котором выражал удовлетворение по поводу «успехов российской армии и воссоединения Галичины с Россией, за что трехмиллионное население Галичины с радостью приветствует российских солдат, как своих братьев». После обнаружения в 1915 г. его тайного архива и ознакомления с его содержанием Николая II был помещен в тюрьму суздальского Спасо-Ефимиева монастыря. Освобожден в марте 1917 г. по решению министра юстиции Временного правительства А. Ф. Керенского. В мае 1917 г. созвал в Петрограде Собор Российской Греко-католической церкви, на котором был учрежден экзархат Греко-католической

церкви в России. В 1917 г. в Киеве встречался с руководителями Центральной рады. В начале лета 1917 г. прибыл в Вену, где за «священное, патриотическое поведение» был награжден большим крестом ордена Леопольда с украшением. В сентябре 1917 г. вернулся во Львов, занятый австрийской армией, занимался восстановлением унии в Галиции. В феврале 1918 г. выступал в австрийском парламенте по поводу Брест-Литовских переговоров, пытался добиться включения бывших территорий России — Холмщины и Подляшья — в состав УНР. В октябре 1918 г. был избран членом Национальной рады ЗУНР. В ходе польско-украинской войны 1919—1920 гг. был интернирован польскими военными властями в митрополичьих палатах. В ноябре 1919 г. освобожден из заключения после вмешательства Рима, выехал в Европу. Как визитатор украинских греко-католиков посетил Американский континент. В 1922 г. пытался на международном уровне противодействовать закреплению Восточной Галиции в составе Польши, за что был вновь арестован польскими властями и помещен под домашний арест. Освобожден по личной просьбе папы. В сентябре 1925 г. после подписания конкордата между Польшей и Ватиканом присягнул на верность Польской республике. В 1940 г. после присоединения Западной Украины (Восточной Галиции) к СССР призвал ее население сотрудничать с коммунистической властью. 1 июля 1941 г. — на следующий день после вступления во Львов германских войск — поддерживал приход гитлеровцев и провозглашение УНР украинскими националистами во главе с Я. Стецко («правительство УНР» было вскоре арестовано). Организовал 15-тысячную демонстрацию в поддержку гитлеровской армии. Ввел в богослужение новый элемент — провозглашение многолетия немецкой армии и украинскому народу. После взятия Киева 23 сентября 1941 г. направил А. Гитлеру поздравительное письмо. При нацистском оккупационном режиме, будучи прикованным к инвалидному креслу, передал часть своих функций заместителю — архиепископу Иосифу Слепому. Установил непосредственный контакт с Берлином: летом 1942 г. И. Слепой

встречался с рейхсминистрами Гиммлером и Розенбергом. Благословил И. Слепого на посредничество в ведении переговоров между Гиммлером и Центральным проводом ОУН о создании украинских военных формирований. Добивался создания украинской армии вне РОА, а также права посылать униатских священников на оккупированную территорию Украины. В 1943 г. поручил И. Слепому примирить в Берлине два течения в ОУН-УПА — мельниковцев и бандеровцев. Санкционировал участие униатских священников в деятельности проводов ОУН и военных подразделений УПА. В 1943 г. принял непосредственное участие в формировании дивизии «СС-Галичина», соединив усилия с УЦК (Украинским центральным комитетом, созданным во Львове) и гитлеровскими властями. Благословил И. Слепого на совершение торжественного богослужения по поводу создания дивизии в кафедральном соборе св. Юра. Наладил службу униатских капелланов в дивизии «СС-Галичина» (капелланы принимали воинскую присягу и становились офицерами СС). После того, как в августе 1944 г. советские войска освободили Львов, 10 октября 1944 г. направил письмо на имя И. В. Сталина, в котором, в частности, писал: «За осуществление заветных желаний и стремлений украинцев, которые веками считали себя одним народом и хотели быть соединенными в одном государстве, приносит Вам украинский народ искреннюю благодарность». Умер 1 ноября 1944 г. Похоронен в кафедральном митрополичьем соборе св. Юра во Львове. В настоящее время идёт беатификация А. Шептицкого — причисление к лику блаженных католической церкви. В связи с этим он именуется «Слуга Божий».

...«создание Украинского Народного университета» зимой 1917 г... — 17 сентября 1918 г. Украинский народный университет прекратил свое существование, поскольку в соответствии с реализацией курса на украинизацию системы образования был создан Киевский Государственный украинский университет.

Фребелевские общества, создававшиеся в России с 70-х гг. XIX в., ставили своей целью объединение усилий теоретиков и практиков дошкольного воспитания, работающих по педагогической системе Ф. Фребеля. Ф. Фребель — представитель течения в педагогике, основанного на антирелигиозных ценностях французского Просвещения и, в частности, натуралистической философии Ж.-Ж. Руссо. Согласно взглядам Руссо, ребенок — средоточие высших достижений природы, которые педагогика должна раскрыть, а все негативное в человеке — от неправильно организованного социума. Фребель, соединивший руссоизм и немецкий идеализм, полагал, что правильное дошкольное воспитание — единственное средство уничтожения общественного зла и улучшения нравов. Фребель предложил систему «детских садов», где дети рассматривались как «цветы», а воспитательницы — «садовницы». «Садовницы» должны были создавать условия для наиболее полного раскрытия умственных, физических, психологических способностей ребенка. Помимо этого Фребель разработал игровую методику воспитания, поскольку, по его мнению, в игре одновременно развиваются органы чувств, мускулатура, навыки речи и мышления. Он предложил использовать в «детских садах» разнообразный дидактический материал: мячики, шарики, кубики, брусочки, палочки, камешки, песок, глину, бумагу и т. д. Влиятельные Фребелевские общества были созданы в Петербурге, Киеве, Харькове, Одессе и Тифлисе. Они занимались созданием частных (платных), а также народных благотворительных детских садов, организацией педагогических курсов и иных форм подготовки педагогических кадров, издательской деятельностью. Петербургское и Киевское Фребелевские общества достигли наибольших успехов. В 1908 г. в Киеве был создан женский Педагогический институт (называемый также Дошкольный, Фребелевский) с трехгодичным обучением, при котором работали педагогические и психологические лаборатории, опорные детские сады. Помимо этого регулярно проводились публичные лекции, консультации, работали летние курсы, издавалась педагогическая литература.

В течение только одного учебного года (1910–1911) в Педагогическом институте обучались 217 женщин-педагогов, на курсах — 550. «Фребелички» отличались высокой культурой, дисциплиной и стремлением к подвижнической деятельности.

Зеленко Александр Устинович (1871–1953) — архитектор, педагог, организатор внешкольного образования. В 1894 г. окончил Институт гражданских инженеров в Петербурге. В 1897–1900 гг. служил городским архитектором в Самаре. После переезда в Москву работал вместе с архитекторами А. И. Фоминым, Ф. О. Шехтелем над крупными проектами. После поездки в Америку в 1903–1904 гг. увлекся идеей сеттльменов — поселений интеллигенции среди бедных слоев населения. По приезде в Россию пропагандировал концепцию «свободного воспитания» (самостоятельный выбор педагогом программы и методики обучения, индивидуальный подход к ребенку и т. п.). В 1905 г. вместе с С. Т. Шацким организовал первую летнюю детскую трудовую колонию (коммуну) в Щелкове Московской области. В том же году создал первый в России клуб для детей. В 1906 г. вместе с Шацким создал общество «Сеттльмен» со слесарными, столярными и швейными мастерскими для воспитанников; строил для него здание в стиле модерн. В 1908 г. два месяца находился под арестом по политическим обвинениям. Выехал в США. В 1910 г. вернулся в Россию. Развивал идею воспитания детей в кружках и клубах, сотрудничая с обществом «Детский труд и отдых», журналами «Свободное воспитание» и «Для народного учителя», с народным университетом А. П. Шанявского. Внес большой вклад в развитие идеи специальной архитектуры для детей, спроектировал детский сад на Большой Пироговской улице. В годы Первой мировой войны работал в структурах Земгора. При советской власти совмещал архитектурное творчество и работу педагога, работал в структурах Наркомпроса и Академии педагогических наук.

...грубые и шовинистические заявления П. Б. Струве против украинского движения... — Речь идет о дискуссии по нацио-

нальному вопросу, развернувшейся в прессе в период между двумя революциями в 1908—1917 гг. В дискуссии приняли активное участие Н. А. Бердяев, М. М. Винавер, В. С. Голубев, В. Жаботинский, М. О. Меньшиков, П. Н. Милоков, Д. Муретов, А. Л. Погодин, В. В. Розанов, П. Н. Савицкий, *Струве Пётр Бернгардович (1870—1944)*, Е. Н. Трубецкой, Н. В. Устрялов и мн. др. Струве написал ряд статей: «Великая Россия», «Интеллигенция и национальное лицо», «Два национализма», «Великая Россия и святая Русь», «Национальное начало в либерализме», «Национальный эрос и идея государства», «Австро-германское “украинство” и русское общественное мнение» и др. В редактируемом им журнале «Русская Мысль» (№ 1 за 1912 г.) Струве поместил обширную статью «Общерусская культура и украинский партикуляризм». Она была ответом на статью «К вопросу о самостоятельной украинской культуре», подписанную псевдонимом «Украинец» (Б. А. Кистяковский), в № 5 «Русской мысли» за 1911 г. С одной стороны, Струве раскритиковал реакционную политику царской администрации в отношении малорусского языка, отверг позицию русских националистов (М. Меньшикова). С другой стороны, подчеркнул, что в противовес «тупой» реакции самодержавия формируется «тупое» политическое украинство. По этому поводу Струве, в частности, высказал следующие идеи: «Я не отрицаю вовсе того, что в известном смысле существует “самостоятельная малорусская культура”, и я не желаю вовсе исчезновения малорусского языка... Я глубоко убежден, что — наряду с общерусской культурой и общерусским языком — культура малорусская или украинская есть культура местная, областная. Это положение “малорусской” культуры и “малорусского” языка определилось всем ходом исторического развития России и может быть изменено только с полным разрушением исторически сложившегося уклада не только русской государственности, но и русской общественности... Я не сомневаюсь, однако, в том, что политическое заострение областных культурных стремлений сможет внести много нежелательного и прямо-таки разрушительного в русскую

жизнь. Если, например, малорусская интеллигенция будет нести в народ систематическую проповедь, что культурная гегемония общерусского языка держится только политическим насилием, “панским” господством, есть бюрократическое измышление, — этим будет натворено много вреда». Статья заканчивалась призывом в широкой общественности: «Я лично полагаю, что, будучи по традиции украинофильским (по новейшей терминологии), русское прогрессивное общественное мнение должно энергично, без всяких двусмысленностей и поблажек, вступить в идейную борьбу с “украинством”, как с тенденцией ослабить и отчасти даже упразднить великое приобретение нашей истории — общерусскую культуру».

Зеньковский, осуждавший Струве за резкость, по всей видимости, не знал, что история этой журнальной дискуссии имела неожиданное продолжение. После ареста М. С. Грушевского, последовавшего после его приезда в Россию из Австрии в ноябре 1914 г., Струве получил письмо за подписью «Мазепинцы». Письмо, судя по стилю, было написано молодыми, не очень образованными, но фанатично настроенными украинцами. Оно содержало выражения «ваше бесстыдство», «ослабленное и глубоко деморализованное сифилитическое великорусское племя», «все эти черви» (по отношению к либеральной русской интеллигенции). Заканчивалось письмо не только политическим манифестом украинства, но и прямыми угрозами физического устранения «врагов», в том числе и самого Струве: «Мы... делаем свое дело исторической важности, дело, результаты которого почувствуете и вы на своей шкуре. Час расплаты близок. А за наше семейное горе и за Грушевского рассчитаемся с вами на днях. Мышьяк — сами убедитесь — действует верно и даст время для размышлений. Но и другим передайте, что национально-политическая гегемония в Западной Европе будет у пруссаков, в Восточной Европе — у украинцев, вне Европы — у англичан. Эти три великих племени призваны историей совершить великое дело обновления человечества... Не культурой поэтому мы будем бороться с вами, а тем, что наиболее понятно для монгольского черепа москвитов:

“апельсинами” (по всей видимости, самодельными бомбами. — *Сост.*). Даем право вам и в печати обсудить наше письмо и если в силах, то оправдаться в своей неприкосновенности к аресту Грушевского, даем вам неделю срока...» Аналогичные письма, подписанные характерными псевдонимами, получили и другие либеральные издатели.

Иную позицию отстаивал председатель кадетской партии П. Н. Милуков, находившийся в переписке с Грушевским. Милуков поддерживал идею украинского автономизма, но и за это подвергался резкой критике с элементами шантажа со стороны украинских деятелей от Грушевского до Петлюры.

...дом Терещенко... — По всей видимости, речь идет об особняке, купленном основателем династии сахарозаводчиков *Николаем Артемьевичем Терещенко* в 80-е гг. XIX в. Особняк располагался по адресу: Киев, Бибиковский бульвар, 12 (ныне бульвар Шевченко, 12), т. е. в непосредственной близости от Киевского университета св. Владимира. В 1917 г. в доме одиноко жила дочь Н. А. Терещенко — меценатка и благотворительница В. Н. Ханенко, похоронившая мужа. В настоящее время в особняке Терещенко располагается Национальный музей Т. Шевченко.

Лобода Андрей Митрофанович (1871–1931) — этнограф, фольклорист, литературовед. В 1894 г. окончил Киевский университет. С 1896 г. — приват-доцент, с 1904 г. — профессор Киевского университета. С 1906 г. — профессор Высших женских курсов в Киеве. С 1915 г. — главный редактор «Университетских известий». Член Исторического общества Нестора-летописца при Киевском университете (секретарь), «Историко-литературного общества», киевского Научного товарищества им. Т. Шевченко. В 1921–1930 гг. — глава Этнографической комиссии УАН. С 1922 г. — академик УАН по специальности «этнография». С 1923 г. — член-корреспондент РАН. В 1925–1930 гг. — главный редактор «Этнографического вестника».

Граве Дмитрий Александрович (1863–1939) — математик, создатель алгебраической школы. Родился в г. Кириллове Вологодской губернии. Окончил Санкт-Петербургский университет. Ученик П. Л. Чебышева. В 1889 г. защитил диссертацию на степень магистра чистой математики. С 1890 г. преподавал высшую математику в Институте инженеров путей сообщения, с 1902 г. — на Высших женских курсах. В 1896 г. защитил диссертацию на степень доктора математики «Об основных задачах математической теории построения географических карт». Профессор математики в Горном институте в Петербурге. С 1897 г. — профессор Харьковского, а с 1899 г. — Киевского университетов. Создатель алгебраической школы. При советской власти принимал участие в реформе высшей школы и организации науки. С 1919 г. — академик ВУАН (затем АН УССР), с 1929 г. — почетный член АН СССР. Член Киевского горсовета. С 1934 г. возглавлял Институт математики ВУАН (АН УССР). Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Кистяковский Богдан (Федор) Александрович (1868–1920) — правовед, философ, социолог. Родился в Киеве в семье профессора права, криминалиста, автора учебника по уголовному праву А. Ф. Кистяковского. В 1888 г. поступил на историко-филологический факультет Киевского университета. Через два года был исключен за участие в нелегальной деятельности. Продолжил образование в Юрьевском (Дерптском) университете. За связи с социал-демократами был исключен. Выехал за границу. В 1895–1897 гг. изучал философию и социологию в Берлинском, Страсбургском, Гейдельбергском университетах. В 1898 г. в Германии защитил диссертацию «Общество и личность». В 1902 г. принимал участие в сборнике «Проблемы идеализма». Член «Союза освобождения». В 1906 г. вернулся в Россию. Сдал магистерский экзамен. По приглашению П. И. Новгородцева преподавал государственное и административное право в Московском коммерческом училище, а также на Высших женских курсах. В 1908 г. редактировал московское издание сочинений М. П. Драго-

манова. В 1907–1910 гг. — соредактор журнала «Критическое обозрение». В 1909 г. — приват-доцент юридического ф-та Московского университета. В 1909 г. принял участие в сборнике «Вехи», автор статьи «В защиту права (интеллигенция и правосознание)», в которой критиковал правовой нигилизм интеллигенции и отсутствие правовых основ в жизни русского народа. Протестуя против ограничения университетской автономии, оставил Московский университет. С 1911 г. работал в Ярославском Демидовском юридическом лицее, редактировал «Юридический вестник». В 1917 г. в Харькове защитил докторскую диссертацию. С мая 1917 г. — профессор юридического факультета киевского Университета св. Владимира. В 1918 г. при гетманате стал профессором и деканом юридического факультета нового Украинского государственного университета. Участвовал в создании Украинской Академии наук, с 1919 г. — действительный член УАН по кафедре социологии. Умер в Екатеринодаре в 1920 г. во время поездки к А. И. Деникину для переговоров о судьбе УАН.

Константинович В. Н. — ученик выдающегося врача, эпидемиолога, основателя Общества борьбы с заразными болезнями и Киевского бактериологического института, заведующего кафедрой патологической анатомии В. К. Высоковича. Вместе со своим учителем внес значительный вклад в борьбу с эпидемиями холеры и тифа в России.

Билимович Александр Дмитриевич (1876–1963) — экономист, общественный и политический деятель, член Особого совещания. В 1900 г. окончил киевский Университет св. Владимира с золотой медалью. Оставлен при университете, занял должность приват-доцента. Ученик Д. И. Пихно — профессора кафедры экономических наук, члена Государственного совета, редактора «Киевлянина», члена «Союза русского народа». В 1909 г. защитил магистерскую диссертацию, до 1915 г. — экстраординарный профессор. Как сторонник частной собственности на землю, поддерживал столыпинскую аграрную

реформу. В 1915 г. в Петербурге защитил докторскую диссертацию, главным оппонентом при защите которой выступал П. Б. Струве. В 1915–1918 гг. — ординарный профессор киевского Университета св. Владимира, возглавлял кафедру политической экономии и статистики. Один из лидеров киевской экономической школы; основная сфера научного интереса — экономика отечественного земледелия. В 1917 г., находясь в Киеве, политической деятельностью не занимался. В период гетманата поддержал программу СГОР (Совет государственного объединения России), созданного в октябре 1918 г. и объединившего бывших представителей государственных структур Российской империи и финансово-промышленных кругов. После падения гетманата выехал в Екатеринодар, затем в Новороссийск. Занимал должность ректора Новороссийского университета. Глава Комиссии по национальным делам в составе Особого совещания при А. И. Деникине. Автор проекта «Деление Южной России на области», в основу которого был положен не национальный, а экономический принцип (предложил разделить Юг России на Новороссийскую или Таврическую, Киевскую, Харьковскую области, Дон и Кубань). На городских выборах 1919 г. в Севастополе, Харькове и Ставрополе входил в состав «Русского избирательного блока», созданного по инициативе В. В. Шульгина. Возглавил Управление земледелия и землеустройства при Особом совещании (ОСО). Участвовал в разработке одного из двух вариантов аграрного законопроекта ОСО. В феврале 1920 г. эмигрировал в Югославию. Был председателем совета эмигрантской «Русской Матицы», руководил изданием одноименного альманаха. В 1920-х гг. вел полемику с П. Б. Струве по экономическим вопросам. С 1920 г. по 1944 г. руководил кафедрой политической экономии Люблянского университета. Член-корреспондент Югославской АН. Непримируемый противник советской власти. Сотрудничал с праворадикальным НТСНП — Национально-трудовым союзом нового поколения (позднее НТС — Народно-Трудовой союз), публиковал работы в издательстве «Посев». Идеальный вдохновитель НТС, чле-

ны которого опирались на его идеи кооперации и солидаризма. С 1945 г. по 1947 г. — декан экономического и юридического факультета русского Мюнхенского университета. В 1948 г. переехал в США. Вел семинар в Институте славяноведения при Калифорнийском университете «Пятилетний план Югославии по сравнению с советским пятилетним планом». В начале 1960-х гг. опубликовал исследование «Экономический строй освобожденной России», в которой рассмотрел возможные варианты развития СССР, среди которых «коренная перестройка» политической системы и экономического строя. Полагал, что «сметая советский социализм, население освобожденной России не пожелает получить вместо него и частного капитализма, не ограничиваемого государственной властью, без справедливого регулирования отношений между трудом и капиталом, грозящего новыми повторениями социальных конфликтов и социальных бурь». Предложил развернутую программу преодоления переходного периода.

Спекторский Евгений Васильевич (1875—1951) — философ, культуролог, правовед. Родился в г. Остроге Волынской губернии. После окончания гимназии поступил на юридический факультет Варшавского университета. Ученик профессора А. Л. Блока (отца поэта А. А. Блока). За работу «Жан-Жак Руссо как политический писатель» получил степень кандидата права. Оставлен на кафедре государственного права. В 1901 г. командирован за границу, работал в библиотеках Берлина, Геттингена, Гейдельберга и Парижа. С 1913 г. — профессор Киевского университета. Возглавил Киевское философское общество. Член Исторического общества при Московском университете. В 1918 г. — декан, а затем ректор Киевского университета. В 1919 г. в период кратковременного занятия Киева Добровольческой армией назначен попечителем Киевского учебного округа, а затем товарищем главноуправляющего народным просвещением, но вступить в должность не успел. Некоторое время находился в Одессе. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, получил место профессора Белградского уни-

верситета. В 1924—1927 гг. — профессор и декан Русского юридического факультета при Карловом университете в Праге. Участник Русской академической группы, председательствовал на 2-м и 3-м съездах Русских академических организаций. В 1930—1945 гг. — ординарный профессор университета в Любляне (Югославия). В 1930—1945 гг. — председатель «Русской Матицы» и Словенского общества философии права и социологии в Любляне. В 1945 г. по политическим мотивам покинул Югославию (с 1945 г. — Демократическая Федеративная Югославия). Перешел итальянскую границу, два года находился в лагерях для перемещенных лиц, подвергался опасности репатриации. В 1947 г. был приглашен в Нью-Йорк; принимал участие в создании Свято-Владимирской православной Духовной академии, где занял должность профессора. С 1948 г. — председатель Русской академической группы в США, редактор «Записок Русской академической группы». Преподавал русскую историю и литературу на вечерних курсах для русской молодежи. Член-корреспондент Сербской академии наук и целого ряда научных и общественных организаций.

...необходимость создания особого русского «секретаря» или министра (для защиты русских)... — Зеньковский имеет в виду урегулирование отношений между Временным правительством и Центральной радой во время поездки на Украину министров Керенского, Терещенко и Церетели. Важным пунктом договоренностей было решение о введении в состав Центральной рады и Генерального секретариата представителей «нацменьшинств», в том числе — русских. Надо согласиться с Зеньковским, что форма разрешения этого противоречия была довольно комичной и абсурдной: в Генеральном секретариате была введена должность «генерального секретаря по национальным делам», а его заместителями с правом решающего голоса должны были быть русский, еврей и поляк. Кроме того, Малая рада приняла решение о введении 30%-й «национальной квоты», ограничивающей представитель-

ство в Центральной раде неукраинцев. Украинский комиссар, в свою очередь, появился и при Временном правительстве, им был назначен П. Стебницкий. Позднее, когда Временное правительство возглавил А. Ф. Керенский, комиссары по украинским делам появились при Ставке Верховного Главнокомандующего и в штабах фронтов.

Одинец Дмитрий Михайлович (1883–1950) — историк-правовед. Окончил Петербургский университет. Преподаватель средних учебных заведений, Высших женских курсов, юридического факультета Психоневрологического института. Председатель учебного отдела Петербургского общества народных университетов. Член ЦК Трудовой группы (позднее — Трудовой народно-социалистической партии), работал в думской фракции трудовиков. Летом 1917 г. по поручению Временного правительства выехал в Киев, чтобы, по его словам, «сделаться там министром по великорусским делам в целях защиты русских людей от возможного проявления украинского шовинизма». Должность называлась «заместитель генерального секретаря национальных дел», затем «министр великорусских дел». После прихода к власти гетмана Скоропадского и разгона всех структур УНР оставил этот пост. При гетманате — председатель киевского отдела «Союза Возрождения России». Вместе с Добровольческой армией оказался в Одессе. В 1920 г. перешел границу Румынии. Интернирован в Сербию. В 1920–1921 гг. — директор гимназии в Белграде. Переехал в Варшаву, где работал в русской школьной комиссии. В Варшаве некоторое время сотрудничал с антисоветским комитетом Б. В. Савинкова, но разошелся с ним по политическим вопросам. С 1921 г. по 1948 г. жил в Париже. Генеральный секретарь Русского академического союза во Франции, председатель Русского педагогического союза во Франции, заведующий учебной частью Русского народного университета, председатель правления Тургеневской библиотеки. Преподавал в Русском народном университете, французском лицее, Франко-русском институте. В 1923–1940 гг. — профессор

русской истории и истории русского права в Сорбонне. После оккупации Парижа помещен в лагерь для русских эмигрантов Роменвиль, затем переведен в лагерь для гражданских лиц Компьен. Участник французского Сопротивления, член «Союза русских патриотов» (член ЦК, редактор подпольной газеты, с 1947 г. — председатель). В 1946 г. получил советское гражданство. После запрета французскими властями деятельности «Союза», называвшегося теперь «Союз советских граждан во Франции», в марте 1948 г. был депортирован из Франции в советскую зону оккупации Германии. Получил направление в Казанский университет, где работал на кафедре истории СССР. Преподавал латинский язык. Умер в 1950 г.

Липинский Вячеслав (Вацлав) Казимирович (1882—1931) — историк, философ, публицист, общественный и политический деятель. Родился на Волыни. Из польской шляхетской семьи, владевшей крупными имениями. Во время обучения в киевской гимназии посещал лекции В. Б. Антоновича. В 1905 г. закончил польский Ягеллонский университет в Кракове (Австро-Венгрия). В 1909 г. вернулся в Россию. В 1912 г. составил сборник научных трудов и документов «Из истории Украины». Переписывался со многими деятелями украинского движения. Политический украинец, поляк-кресовянин или, как он сам себя называл, «представитель той группы людей, кто, принадлежа по происхождению своему к ополяченному шляхетно-украинскому обществу, считают себя украинцами». Член Украинского научного общества им. Т. Шевченко. Принимал участие в распространении украинской литературы, издаваемой в Австро-Венгрии. В 1917—1920 гг. — один из лидеров Украинской демократическо-хлеборобской партии (т. н. хлеборобы-демократы). При гетманате с июня 1918 г. — посол в Вене. Продолжил исполнять обязанности посла при Директории, но ушел в отставку из-за политических разногласий с ее руководством. Остался за границей. В 1920 г. возглавил эмигрантский Украинский союз хлеборобов-державников. Публиковался в журнале «Хлеборобская Украина». Один

из основателей Украинского университета в Праге. В 1926–1927 гг. — профессор Украинского научного института в Берлине, который курировали немецкие эксперты. Не принял политизацию УНИ, превращение его в инструмент идеологической борьбы с СССР и переход под прямой контроль структур Германии. В 1930 г. поссорился с П. П. Скоропадским и разошелся с откровенно прогерманским крылом гетманцев. Основал консервативно-монархическое «Братство Украинских классов, монархистов, гетманцев». Умер в Австрии от тяжелой болезни. Оригинальность метода и выводов политических трудов Липинского заключается в том, что, в отличие от большинства украинской интеллигенции, избравшего социалистическую ориентацию и опиравшегося на методологию марксизма, избрал альтернативный научный метод социологии М. Вебера и др. Сторонник «теории элит» и инструменталист: полагал, что не нация порождает государство, а государство формирует нацию. Признавал необходимость «национального мифа», с помощью которого элита сплавливает массы и формирует полноценную нацию. Противник этнического шовинизма, сторонник территориального принципа формирования нации. Апологет частной собственности как основы нации. Эта методология определила его оценку ситуации на Украине. Полагал, что к началу XX в. не было полноценной украинской нации. Негативно относился к украинской интеллигенции, монополизировавшей власть. Отмечал неготовность Украины к демократии. В условиях «неполноты нации» считал необходимым «классократию» — режим господства сознательного и подготовленного сословия крупных и средних земельных собственников. Оптимальной для Украины формой правления считал конституционную монархию, ограниченную парламентом и правительством. Опираясь на тезис о важности «национального мифа», сделал ставку на Скоропадского как потомка двух малороссийских гетманов. Зеньковский неоднократно возвращался в своих мемуарах к работам Липинского, находя в них подтверждение многим своим выводам и догадкам. Влияние харизмы и методологии Липинского

на Зеньковского можно легко заметить, обратившись к текстам «украинского Вебера»:

«Нации украинской еще нет и — пока не будет на Украинской Земле отдельного и суверенного государства — ее не может быть. Ни одна нация в мире — нация, как факт реальный, а не идеологический — не родилась ранее государства: всегда сначала было государство, а потом была нация. Точно также и украинская нация не может начать родиться с конца, так как такие “рождения” и “возрождения” существуют только в фантазиях беллетристов. Эти — которые сегодня зовут себя “украинской нацией” — это только часть местного украинского общества, причем часть как раз к строительству государства наименее пригодная». «Для вас не социалист — не украинец. Вы же, украинские националисты, отождествляете понятия нации с языком, верой, племенем. И в этом хаосе, который господствует в ваших националистических мозгах, для одних украинцем является только тот, кто разговаривает на “українській мові” и ненавидит “не українців”; другие добавляют, что он еще должен обязательно быть православный, не униат и не латинник; третьи — обязательно униат, но не латинник и не православный, а со временем появятся и четвертые, которые будут требовать от него “русько-малоросійської” чистокровности с фамилией на “юк” или на “енко”...».

Киевское Религиозно-философское общество, или Общество по изучению религии и философии было официально зарегистрировано 23 января 1908 г. Его учредителями выступили профессор КДА В. З. Завитневич, и. д. доцента КДА П. П. Кудрявцев, профессор киевского Университета св. Владимира П. Тихомиров и приват-доцент университета А. Одарченко. Образцом послужили Петербургское Религиозно-Философское Общество (1907, председатель А. В. Карташев) и Московское Религиозно-Философское Общество памяти Вл. Соловьева (1905, председатель С. Н. Булгаков, затем Г. А. Рачинский). Первым председателем Киевского РФО стал преподаватель кафедры истории философии

Киевской духовной академии Кудрявцев. Товарищами председателя были избраны доцент КДА В. Д. Попов и и. о. доцента Университета св. Владимира Зеньковский. РФО избирало Совет, имело секретаря и казначея. В 1912 г. Св. Синод издал указ, согласно которому профессора и преподаватели духовных учебных заведений не могли состоять в обществах, не одобренных специальным решением Св. Синода. После ухода преподавателей КДА руководящий состав Киевского РФО изменился. Уволенный за статью о Л. Н. Толстом из КДА профессор В. И. Экземплярский стал новым председателем Киевского РФО, товарищами председателя были избраны Зеньковский и историк М. П. Истомин. В 1917–1919 гг. председателем Киевского РФО был Зеньковский. Киевское РФО не имело своего помещения, его заседания проходили в зданиях Киевского общественного собрания, Украинского клуба, в Педагогическом музее, Университете св. Владимира и гимназии А. В. Жекулиной. На его заседаниях выступали представители Московского (В. П. Свенцицкий, Н. А. Бердяев) и Петербургского (Д. С. Мережковский, Д. В. Filosoфoв, П. Б. Струве, К. М. Агеев) РФО. В 1915–1917 гг. РФО издавало журнал «Христианская мысль», где печатались материалы Киевского, Петербургского и Московского Религиозно-Философских Обществ. Издателем и редактором журнала был Экземплярский. Редакция журнала так заявила о целях данного издания: «Новый журнал ставит своей задачей отвечать на духовные запросы современного общества и содействовать повышению темпа религиозной жизни в России. Являясь органом православного самосознания, “Христианская мысль” имеет в виду также следить и знакомить читателей с различными религиозными исканиями и настроениями как в России, так и за ее пределами. Содержание будущего журнала определяется тем, что в нем принимают участие как представители богословской науки и философской мысли в России, так и многие из известных русских писателей по религиозным вопросам». Зеньковский опубликовал на страницах «Христианской жизни» статьи

«Россия и Православие», «Н. В. Гоголь в его религиозных исканиях». Общество прекратило свое существование в конце 1918 — начале 1919 г.

Экземплярский Василий Ильич (1875–1933) — богослов, религиозный философ и публицист. Родился в семье И. Т. Экземплярского, архиепископа Варшавского. В 1904 г. защитил диссертацию «Библейское и святоотеческое учение о сущности священства», магистр богословия. Профессор по кафедре нравственного богословия Киевской духовной академии. Публиковался в журнале «Труды Киевской духовной академии». В 1908–1917 гг. — член Киевского РФО, с 1912 г. — его председатель. Занимался фотографией и собирал коллекцию репродукций с изображением Иисуса Христа. Сторонник партии кадетов, защитник академической автономии, противник «официального богословия». Выступал против смертной казни. В 1910 г. после смерти отлученного от Церкви Л. Н. Толстого по просьбе студентов произнес с кафедры Духовной академии речь в его память. В 1911 г. выпустил брошюру «Гр. Л. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых», за которую в 1912 г. был уволен из Киевской духовной академии. В том же году выпустил две брошюры, адресованные студентам и широкой общественности: «Прощальное слово профессора нравственного богословия к своим бывшим слушателям» и «За что меня осудили», в которых признал свои формальные ошибки (поддержка еретика), но настаивал на правильности нравственной позиции Л. Н. Толстого. В 1915–1917 гг. — издатель и редактор журнала «Христианская жизнь». После Февральской революции был восстановлен в должности профессора Киевской Духовной академии, где работал до ее закрытия в 1919. В начале 1920-х гг. ослеп. Не принял обновленчества. Не поддержал декларацию заместителя местоблюстителя патриаршего престола Сергия (Страгородского) 1927 г. По некоторым источникам, имел отношение к образованию первых общин катакомбной церкви в Киеве. Умер в 1933 г.

Липковский Василий Константинович (1864–1937) — митрополит УАПЦ. Родился в Киевской губернии в семье священника. Закончил Уманскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию (1889). В Академии для продолжения образования не оставлен, назначен преподавателем закона Божия в прогимназию г. Черкассы. В 1891 г. рукоположен в священники. С 1891 г. по 1902 г. — священник в г. Липовце, председатель школьного комитета и инспектор духовных школ. В 1903–1905 гг. переведен в Киев, где назначен директором училища, готовившего учителей для церковно-приходских школ. В 1905 г. принимал активное участие в общественной жизни, выступал за радикальную церковную реформу. С 1905 г. — священник в одном из пригородов Киева, учитель закона Божия в ряде киевских школ. Сотрудничал с газетами «Сельский священник», «Киевские новости» и др. В 1917 г. — активный автокефалист. Участник Киевского епархиального съезда 12–18 апреля 1917 г., избран в Киевский епархиальный совет. При гетманате принимал участие в создании Кирилло-Мефодиевского братства, объединившего сторонников автокефалии. В 1919 г. проводил в церквях «украинские службы». В июле 1919 г. при большевиках стал настоятелем Киевского Софийского собора. В октябре 1921 г. на не признанном митрополитом и большинством священства Всеукраинском Православном соборе был вне канонических правил рукоположен в епископы и получил титул «митрополита Киевского и всея Украины» УАПЦ. В октябре 1927 г. на 2-м аналогичном соборе был лишен митрополичьего сана. В 1937 г. приговорен к расстрелу постановлением тройки УНКВД как «руководитель националистической фашистской организации украинских церковников».

...церковно-общественный комитет... — Временное правительство и Св. Синод, возглавляемый новым обер-прокурором В. Н. Львовым, санкционировали радикальное реформирование церковного управления. Согласно распоряжениям Св. Синода в епархиях должны были создаваться «исполнительные ко-

митеты духовенства и мирян», в задачу которых входил созыв епархиальных съездов. В соответствии с этими новациями, епархиальные съезды представляли высшую власть в епархии и, в том числе, избирали епископов. Такая практика соответствовала духу и императивам революции, но никоим образом не отвечала каноническими нормам. В Киеве «исполнительный комитет духовенства и мирян» был создан 7 марта 1917 г.

Владимир (Василий Никифорович Богоявленский) (1848–1918) — митрополит Киевский и Галицкий, священномученик. Родился в 1848 г. в семье сельского священника в Тамбовской губернии. Выпускник Тамбовской духовной семинарии. В 1874 г. закончил Киевскую Духовную академию, кандидат богословия. Назначен преподавателем в Тамбовскую семинарию; преподавал также в женском епархиальном училище и женской гимназии. В 1882 г. рукоположен в священники. Служил в г. Козлове. В 1886 г. принял монашеский постриг, возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем тамбовского Троицкого монастыря, затем переведен в Новгородский Антониев монастырь. С 1888 г. — епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии. В 1891 г. назначен епископом Самарским; создал епархиальный комитет, который занимался благотворительной деятельностью в период голода и эпидемии холеры. В 1892 г. назначен архиепископом Карталинским и Кахетинским, экзархом Грузии, вошел в состав Священного Синода. Построил в Закавказье более ста храмов, создавал церковно-приходские школы. В 1895 г. получил первую награду — бриллиантовый крест для ношения на клобуке. С 1897 г. состоял почетным членом Казанской духовной академии. С 1898 г. — митрополит Московский и Коломенский, а также священноархимандрит Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Как член Священного Синода подписал в 1901 г. постановление об отлучении Л. Н. Толстого от Русской Церкви, об открытии мощей св. Серафима Саровского и т. д. Духовный наставник вел. кн. Елизаветы Федоровны. В первое десятилетие XX в. и особенно в годы первой революции 1905–1907 гг.

проявил себя как один идеологов и практиков монархического консерватизма. Помогал становлению современной версии монархизма, оказывал помощь его идеологам — Тихомирову, Грингмуту и др. Поддерживал монархические организации — Союз русского народа и Русский народный союз им. Михаила Архангела. Принимал участие (очно и заочно) в работе съездов Русских людей (1906, 1909, 1912 гг.) и съезде Объединенного Русского народа (1907). В 1912 г. назначен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским, священноархимандритом Свято-Троицкой Александро-Невской лавры и первенствующим членом Святейшего Синода. В 1915 г. приветствовал Петроградское и Новгородское совещания монархистов. Был участником борьбы элитных группировок, которая обострилась вследствие возросшего влияния на царскую семью и двор Г. Распутина. В 1915 г. переведен в Киев с сохранением звания первенствующего члена Святейшего Синода. В 1915—1917 гг. — митрополит Киевский и Галицкий. С 1915 г. — доктор богословия. В 1917 г. поддержал Временное правительство, но составил оппозицию новому обер-прокурору В. Н. Львову. В апреле 1917 г. указом Временного правительства был освобожден от присутствия в Синоде. В своей митрополии пытался противостоять новым структурам церковного управления и сторонникам украинской автокефалии. В августе 1917 г. выпустил последнее архипастырское послание, в котором, в частности, писал: «Великое несчастье нашего времени — более всего в том, что считают высшим достоинством быть либеральными в вопросах веры и нравственности. Многие находят особую заслугу в том, чтобы вселить в души русских людей такое либеральное отношение к вере и нравственности... Против свободы веры и совести никто не возражает. Но не нужно забывать, что христианская вера не есть человеческое измышление, а божественные глаголы, и не может она изменяться сообразно с человеческими понятиями...» Участник Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг., почетный председатель Собора, председатель Отдела о церковной дисциплине. 21 ноября 1917 г. возглавлял чин интронизации

Святейшего патриарха Тихона. Убит 25 января 1918 г. в Киеве. Погребен в Ближних пещерах Киево-Печерской лавры в Крестовоздвиженской церкви. Смерть 79-летнего владыки стала одним из символов революционного террора. Существует несколько версий убийства, которое приписывается «красным» из отряда Муравьева, сторожу Лавры и его родственнику, монастырской братии, сторонникам украинской автокефалии и сторонникам радикальной церковной реформы. В 1992 г. Архиерейский Собор РПЦ причислил митрополита Владимира (Богоявленского) к лику священномучеников.

...митр. был в Киеве... — Революционные преобразования в Киевской митрополии застали митрополита Владимира в Петрограде. Он вернулся в Киев 24 марта 1917 г. Уже 5 апреля участвовал в собрании духовенства и мирян, где заявил о незаконности его исполкома, но благословил созыв епархиального съезда, назначенного на 12 апреля 1917 г. Затем он отбыл в Петроград и в заседании епархиального съезда участия не принимал. 14 апреля 1917 г. прежний состав Св. Синода был разогнан. Указом Временного правительства от присутствия в Синоде были освобождены: митр. Киевский Владимир (первенствующий член Синода), арх. Новгородский Арсений, арх. Литовский Тихон, арх. Гродненский Михаил, арх. Нижегородский Иоаким, арх. Черниговский Василий, протопресв. Александр Дернов, протопресв. Георгий Шавельский. Другая часть членов Синода была временно оставлена «на летнюю сессию».

епархиальный съезд — Киевский епархиальный съезд проходил 12–18 апреля 1917 г.

Никодим (Николай Васильевич Кротков) (1868–1938) — архиепископ Костромской и Галичский, священномученик. Родился в Костромской губернии в семье священника. В 1889 г. окончил Костромскую духовную семинарию. В 1890 г. рукоположен во священника, служил сельским священником, был

учителем приходской школы. В 1896 г. поступил в Киевскую Духовную академию. В 1899 г. принял монашеский постриг. В 1890 г. закончил академию, получив степень кандидата богословия. Направлен смотрителем Владикавказского духовного училища. В 1893 г. — инспектор Кутаисской духовной семинарии. В 1905 г. — ректор псковской Духовной семинарии. В 1907 г. хиротонисан во епископа Аккерманского, викария Кишиневской епархии. С 1911 г. — епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии. В годы Первой мировой войны выезжал в боевые части. Монархист, один из идеологов консервативного лагеря. В декабре 1916 г. подал на Высочайшее имя докладную записку, в которой предлагал ряд мер для предотвращения революции, в том числе — роспуск Государственной Думы. После Февральской революции был удален Св. Синодом под руководством обер-прокурора В. Н. Львова из Киевской епархии и переведен на место епископа Петровского, второго викария Саратовской епархии. В июне 1917 г. по ходатайству духовенства и мирян Киева и при поддержке экзарха Грузии Платона (Рождественского) был возвращен на Чигиринскую кафедру. Благословил П. П. Скоропадского перед переворотом 29—30 апреля 1918 г. В месяцы гетманата стоял в оппозиции к министру исповеданий Зеньковскому, принадлежал к консервативно-охранительной группе митрополита Антония. При Директории был арестован и вместе с Антонием (Храповицким) и Евлогием (Георгиевским) был заключен в униатский монастырь в Галиции, затем перевезен в Польшу. По ходатайству стран Антанты освобожден, вернулся в Киев, занятый войсками А. И. Деникина. Отказался от предложения митрополита Антония следовать за ним. С 1921 г. — епископ Таврический и Симферопольский. В 1922 г. указом Святейшего патриарха возведен в сан архиепископа. Арестован симферопольским трибуналом по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей. На пути в Нижегородскую тюрьму заболел тифом, был помещен в тюремную больницу. Амнистирован в 1926 г. Вновь арестован, с 1929 г. по 1932 г. находился в ссылке в Туркестанском крае (по другим сведениям, отбывал

заключение в Соловецком лагере). После освобождения лишен права проживать в крупных городах и в УССР. В 1932–1936 гг. был управляющим Костромской епархией. Спас образ Феодоровской Божьей Матери. В том же году награжден правом ношения креста на клобуке. В 1936 г. вновь арестован, приговорен к высылке в Красноярский край. Умер в Ярославской (по другим сведениям, в Костромской) тюрьме в 1938 г. В 1995 г. канонизирован в Костромской епархии как местно-чтимый святой. В 2000 г. причислен к лику святых новомучеников и исповедников на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви.

Димитрий (Максим Андреевич Вербицкий) (1869–1932) — архиепископ Киевский. Родился в Полтавской губернии, В 1889 г. окончил Полтавскую духовную семинарию. В 1890 г. рукоположен в иерея. В 1895 г. поступил в Киевскую Духовную академию, с 1899 г. — кандидат богословия. В 1896 г. принял монашеский постриг. С 1899 г. — миссионер в Кишиневской епархии. В 1901 г. — смотритель Единецкого духовного училища. В 1902 г. — смотритель Киево-Софийского духовного училища. В 1904 г. возведен в сан архимандрита. В 1910 г. хиротонисан в епископа Уманского, викария Киевской епархии. Активный участник событий 1917 г., имел репутацию украинофила. Участник епархиальных съездов 1917 г., член Предсоборной комиссии (созданной в апреле), но вышел из ее состава после отказа Св. Синода дать согласие на созыв Украинского Собора. Участник Всеукраинского Церковного Собора 1918 г. На Епархиальном собрании 1918 г. его кандидатура рассматривалась при выборах Киевского митрополита (им стал Антоний). В 1919 г. вошел в состав временного органа управления — Конторы Священного Собора епископов Украины, созданного по причине ареста митрополита Антония, архиепископа Евлогия и епископа Никодима властями Директории. С 1921 г. — епископ Белоцерковский. В 1923 г. арестован, находился в Бутырской тюрьме, сослан на два года в г. Ижма Зырянского края. С 1924 г. — епископ Уманский. В 1925 г. воз-

веден в сан архиепископа. С 1930 г. — архиепископ Киевский. Скончался в 1932 г. в Киеве.

Капралов Евгений Зотикович — протоиерей, магистр богословия, учитель закона Божия Киевского Алексеевского инженерного училища.

...Съезд назвал себя «украинским епархиальным собранием»... — В 1917 г. украинизация церкви и стремление к украинской автокефалии коснулись лишь Киевской, Полтавской и Подольской епархий, что показали епархиальные съезды. Наиболее радикальные решения были приняты как раз на Киевском епархиальном съезде, собравшемся в отсутствие митрополита Киевского и Галицкого Владимира. Руководство съездом перешло в руки исполкома духовенства и мирян. Президиум съезда возглавлял его член — рядовой священник автокефалист В. Липковский. Сторонники РПЦ и ее канонических правил, возмущенные риторикой автокефалистов, покинули заседание. Все это объясняет тот факт, что съезд провозгласил себя «Украинским киевским епархиальным съездом духовенства и мирян», принял решение о созыве Всеукраинского Церковного Собора, создал комиссию по созыву Собора во главе с епископом Уманским Димитрием (Вербицким) и избрал Киевский епархиальный совет. Зеньковский, не покинувший съезд, в своем выступлении безуспешно пытался убедить собравшихся в том, что нельзя смешивать церковно-религиозную жизнь с политикой. Аналогичный съезд в Волынской епархии описал в своих воспоминаниях «Путь моей жизни» Евлогий. Отсутствие автокефалистской партии на Волыни объясняет иные результаты его работы: «В первую очередь встал вопрос обо мне. Матросы и солдаты яростно напали на меня: “Черная сотня”, “старорежимник...” и т. д. Дебаты длились целый день. Секретарь обещал известить меня, как только резолюция будет проголосована. Я прождал оповещения до полуночи и, взволнованный неизвестностью, лег спать. Среди ночи меня разбудил келейник: “Со Съезда деле-

гация...” В первую минуту я решил, что сейчас услышу весть недобрую... Делегация прибыла в составе о. Саплина, диакона, псаломщика и Н. И. Оржевской. К моему удивлению, постановление Съезда оказалось прямо противоположным тому, к чему я приготовился. Н. И. Оржевская торжественно прочитала следующее постановление Съезда:

“Господину Обер-Прокурору Святейшего Синода. Первый Свободный Епархиальный Съезд Волынского духовенства и мирян в открытом заседании своем, состоявшемся 14 апреля 1917 года, по выслушании ораторов, осветивших политическую и церковно-общественную деятельность Архиепископа ЕВЛОГИЯ, в связи с возбужденным Городским Исполнительным Комитетом ходатайством об удалении его из Волыни, после всестороннего обсуждения вопроса нашел предъявляемые к Архиепископу обвинения недоказанными, а основания Комитета для ходатайства об удалении Архиепископа, как лица, угрожающего общественному спокойствию, недостаточными и наоборот, считает постановление Городского Исполнительного Комитета об удалении Архиепископа ЕВЛОГИЯ производящим большое смущение в среде населения не только Житомира, но и всей Епархии и голосованием своим, почти единогласным (196—6), выразил доверие Архиепископу и постановил: просить Святейший Синод, а в Вашем лице Временное Правительство, об оставлении Архиепископа ЕВЛОГИЯ на Волыни как Архипастыря любимого, уважаемого и искренно-православным людям желанного. Председатель Съезда Священник Захарий Саплин”.

Съезд прошел бурно. В результате — куча сумбурных протоколов и всякого рода постановлений: об уравнивании псаломщиков в каких-то правах и проч. Весь этот материал мне был доставлен, я принял его к сведению, — этим дело и кончилось...»

...съезд выбрал большой «епископский совет»... — В состав Киевского епархиального совета входили священники, учителя закона Божия, один псаломщик и Зеньковский. Большинство

совета принадлежало к сторонникам автокефалии. Среди них: И. Ботвиновский, В. Липковский, Е. Капралов, Ф. Поспеловский, П. Тарнавский, С. Филиппенко, Г. Ходзицкий и др.

Карташев Антон Владимирович (1875–1960) — богослов, историк церкви, библиист, церковный и общественный, обер-прокурор Св. Синода, министр исповеданий Временного правительства. Родился в г. Кыштыме (около Екатеринбурга) в семье бывшего крепостного крестьянина, волостного писаря и земского гласного, позднее члена земской управы. Обучался в Екатеринбургском духовном училище и Пермской духовной семинарии. В 1899 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, защитил выпускную работу «Славянские переводы творений св. Иоанна Златоуста». Кандидат богословия. Оставлен в Академии на кафедре истории русской Церкви, в 1900 г. защитил магистерскую диссертацию. Заведующий кафедрой русской церковной истории на положении и. о. доцента. Входил в круг Д. Мережковского и З. Гиппиус, участвовал в Религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг., позже — в работе Петербургского Религиозно-философского общества. Печатался в журнале РФС «Новый путь». В 1905 г. после того, как ректору СПбДА Сергию (Страгородскому) и Св. Синоду стало известно о его деятельности, покинул Духовную Академию. В 1906–1917 гг. — сотрудник Императорской Публичной библиотеки, занимался комплектованием богословского отдела. В 1906–1918 гг. — доцент, профессор, заведующий кафедрой истории религии и Церкви на Высших женских курсах. Активно печатался в журналах «Страна», «Слово», «Русское слово», «Речь». С 1909 г. — председатель Петербургского Религиозно-философского общества. Зарекомендовал себя как сторонник идеи «свободной церкви». После Февральской революции вступил в партию кадетов, избран членом ЦК. Входил в правое крыло партии. В июле 1917 г. вошел в состав второго коалиционного Временного правительства, обер-прокурор Святейшего Синода. Через несколько дней выступил инициатором ликвидации поста обер-прокурора,

с августа по сентябрь 1917 г. — министр по делам исповеданий Временного правительства. Один из организаторов и участников Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг. От имени Временного правительства приветствовал его открытие: «То, чего не могла дать Русской национальной Церкви власть старого порядка, с легкостью и радостью предоставляет новое Правительство, обязанное насадить и укрепить в России истинную свободу... Временное Правительство сознает себя, впредь до выработки Учредительным Собранием новых основных законов, стоящим в тесной близости к делам и интересам Православной Церкви». Выступал за восстановление Патриаршества. Избран членом Высшего Церковного Совета. В конце лета 1917 г. примкнул к «партии порядка», поддерживал Л. Г. Корнилова. В сентябре 1917 г. подал А. Ф. Керенскому записку об отставке. 25 октября 1917 г. арестован вместе с другими членами Временного правительства, помещен в Петропавловскую крепость. Освобожден в начале 1918 г. Переехал в Москву для работы во второй сессии Всероссийского Поместного Собора. Вошел в состав антибольшевистского Национального центра. В начале 1919 г. по поручению Национального центра перешел границу с Финляндией. Избран председателем Особого комитета, готовившего формирование Северо-Западного правительства. Вице-председатель и министр иностранных дел Политического совещания при Н. Н. Юдениче. Поддерживал контакты с А. В. Колчаком, А. И. Деникиным, Российским Политическим совещанием в Париже. В 1920 г. эмигрировал во Францию. Член Русского Национального комитета в Париже. В 1921 г. содействовал объединению РНК и армии Врангеля, находившейся в Галлиполи (позднее РОВС — Русский общеинский союз). До 1940 г. — участник Белого движения в эмиграции. В 1928 г. поддержал генерала А. П. Кутепова, отдавшего приказ о проведении террористических актов на территории СССР. С 1921 г. читал лекции в Русском народном университете в Париже. С 1922 г. — профессор русского отделения историко-филологического факультета Парижского университета. С 1921 г. — председа-

тель Союза русских студентов во Франции, принимал активное участие в создании и деятельности РСХД. С 1922 г. — член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, поддержал выдвижение кандидатуры И. А. Бунина на присуждение Нобелевской премии. С 1929 г. — участник Русской Академической группы в Париже. Печатался в журналах «Путь», «Православная мысль», «Вестник РСХД», «Возрождение», «Доброволец», «Борьба за Россию». Принимал активное участие в создании Свято-Сергиевского Богословского института в Париже; с 1925 г. — профессор кафедры истории Церкви и позднее — кафедры Ветхого Завета. Евлогиевец, член Епархиального совета. В 1931 г. поддержал переход митрополита Евлогия под юрисдикцию Константинопольского патриарха. Принимал участие в экуменическом движении и, в частности, в работе экуменических конгрессов в Оксфорде и Эдинбурге. В 1945 г. выступил против решения митрополита Евлогия о присоединении Русского Западноевропейского Экзархата к Московскому Патриархату. В 1950 г. работал в библиотеке Ватикана, участвовал в работе конгресса византологов в Палермо. В 1951 г. участвовал в конференции православных и протестантских богословов около Парижа. Умер в 1960 г.

...в состав предсоборного присутствия... — Имеется в виду Предсоборный совет, созданный 11 июня 1917 г. по решению Священного Синода во главе с обер-прокурором В. Н. Львовым. Предсоборный совет опирался на материалы, подготовленные Предсоборным присутствием 1906 г. и Предсоборным совещанием 1912 г. Предсоборный совет 1917 г. состоял из членов Синода, лиц, кооптированных Синодом, архиереев, представителей духовных учебных заведений, монашества, а также группы делегатов Всероссийского съезда духовенства и мирян, проходившего в начале июня 1917 г. Свои предложения относительно работы Совета вносило и Временное правительство. Предсоборный Совет подготовил созыв Всероссийского Церковного Собора, а именно: назначил дату созыва Собора, определил процедуру выборов, составил перечень

основных вопросов и проекты решений. На рассмотрение Собора выносились следующие вопросы: преобразование высшего церковного управления, организация епархиального управления, реформа церковного суда, благоустройство приходов (организация приходской жизни), правовое положение РПЦ в государстве и др. Совет подготовил ряд законопроектов для обсуждения на Соборе. Законопроект об отношениях между Церковью и государством, помимо прочего, включал положения о первенствующем месте Русской Православной Церкви в государстве, об объявлении главных православных праздников выходными днями, об обязательной принадлежности главы государства и министра по делам исповеданий к православной религии.

Всероссийский собор — *Священный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. (Всероссийский Церковный Собор, Всероссийский Поместный собор)* проходил в августе 1917 — апреле 1918 г. Первая сессия Собора работала с августа по декабрь 1917 г., вторая — с января по апрель 1918 г., третья — с июня по сентябрь 1918 г. Собор работал в Успенском соборе Московского Кремля и храме Христа Спасителя. Участники Собора делились на три категории: «по должности», «по избранию» и «по приглашению». В состав Собора, соответственно, вошли: епархиальные архиереи, протопресвитеры Московского Успенского собора, протопресвитеры военного и морского духовенства, наместники 4-х лавр (Киево-Печерской, Троице-Сергиевой, Почаевской, Александро-Невской), настоятели монастырей (Соловецкого, Валаамского, Оптиной пустыни, Саровского), 5 выбранных представителей от каждой епархии (по 2 клирика и три мирянина), 10 человек от монашествующих, 10 — от единоверцев, по 3 представителя от каждой из четырех Духовных Академий, по одному — от Академии Наук и одиннадцати Университетов, 15 человек от Государственного Совета и Государственной Думы, члены Святейшего Синода и Предсоборного Совета в полном составе, а также представители Восточных патриархов и Православных Авто-

кефальных Церквей. Всего на Собор были избраны и назначены 564 делегата, из которых 265 представителей от белого и черного духовенства и 299 мирян. Председателем Собора был избран митрополит Московский Тихон (Белавин). Почетным председателем стал старейший архиерей митрополит Киевский Владимир (Богоявленский). В состав Соборного Совета (президиума) вошли архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), протопресвитеры Любимов и Шавельский, проф. кн. Е. Н. Трубецкой, М. В. Родзянко (его заменил А. Д. Самарин). Предварительное обсуждение и подготовка законопроектов были возложены на 22 отдела и три совещания. Устав о Соборе, разработанный Предсоборным Советом, предотвратил возможность образования организованных партий и фракций: проект документа, подготовленный одним из отделов, обсуждался на пленарном совещании, а затем передавался в Епископский совет, который и принимал окончательное решение. По идейным основаниям делегаты съезда делились на две группы: «либералов» и «консерваторов». Созыв Собора был обусловлен как радикальными изменениями политической системы после Февральской революции, так и внутренними потребностями РПЦ. Работа Собора совпала со временем нарастания социально-политической напряженности в стране, Октябрьским переворотом и первыми проявлениями гражданской войны. Это обусловило политическую направленность ряда его акций (делегация к Московскому ВРК во время московского восстания и обстрела Кремля, призыв Собора ко всеобщему покаянию, определение дня поминовения «скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках», послание Патриарха Тихона об анафематствовании советской власти и проч.). Главным результатом работы Собора стало восстановление Патриаршества. Предсоборный совет не предопределял такого решения (либеральная партия его отклонила), к этому решению подтолкнули настроения участников Собора. Этот вопрос рассматривался сначала в отделе Высшего церковного управления, а затем на пленарных заседаниях.

ях с различных точек зрения: канонической, исторической, политической. В результате противостояния либеральной и консервативной партий, которые разошлись относительно выбора принципа организации Церкви (коллегиальность, выборность, демократизм, соборность или — иерархичность, традиционность и единоначалие), 4 ноября 1917 г. было принято компромиссное определение:

«1. В Православной Российской Церкви высшая власть — законодательная, административная, судебная и контролирующая — принадлежит Поместному Собору, периодически, в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян. 2. Восстанавливается патриаршество, и управление церковное возглавляется Патриархом. 3. Патриарх является первым между равными ему епископами. 4. Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору».

Собором была разработана и принята процедура избрания, опирающаяся на исторические прецеденты и сочетавшая выборы и жребий. На конечном этапе процедуры были определены 3 кандидата, набравшие максимальное количество голосов: архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) и митрополит Московский Тихон (Белавин). 5 ноября в храме Христа Спасителя жребий пал на Тихона. Его наставление (интронизация) состоялось 21 ноября в Успенском соборе в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. В итоге была установлена соборно-патриаршая форма управления. Властные и управленческие функции принадлежали Поместному Собору, Патриарху, Святейшему Синоду, Высшему церковному совету. Их полномочия, порядок избрания и прочие вопросы были прописаны в отдельных определениях Церковного Собора. Миряне входили в состав как Поместного Собора, так и работавшего между его созывами Высшего церковного совета. Вторым важным вопросом, решенным Собором при сочетании либеральной и консервативной позиций, был вопрос о епархиальном управлении. Несмотря на захват власти в епархиях коллегиальными органами и «низвержение епи-

скопов» весной 1917 г., Собор принял определение в следующей формулировке: «Епархиальный Архиерей, по преемству власти от святых Апостолов, есть предстоятель местной Церкви, управляющий епархией при соборном содействии клира и мирян». Собор принял определение «О правовом положении Церкви в государстве», предусматривающее первенствующее публично-правовое положение РПЦ, независимость Церкви от государства (при условии согласования светского и церковного законодательства), необходимость православного исповедания для главы государства, министра по делам исповеданий и министра просвещения, невозможность изъятия церковного имущества и т. д. Помимо этого Собор принял большое количество определений: о православном приходе (иначе — Приходской устав), о монастырях и монашествовавших, о гражданских браках и их расторжении, о церковно-приходских школах, о духовных учебных заведениях, о старобрядчестве, о церковном проповедничестве, о более широком привлечении женщин к участию в жизни приходов и т. д. Проект положения о временном высшем управлении Православной Церковью на Украине предусматривал расширение ее автономии. Развитие революции за стенами Успенского собора повлияло на принятие ряда решений: об избрании трех местоблюстителей патриаршего престола (на случай непредвиденных событий), об охране церковных святынь от поругания, о поминовении новых исповедников и мучеников. Та же причина привела к тому, что Собор эволюционировал от либерализма к консерватизму, что отразилось на принятых им документах. Решения Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг., большей частью оставшиеся на бумаге или существенно откорректированные ввиду новых политических обстоятельств, в той или иной форме предопределили основные тенденции развития Русской Православной Церкви в XX в. и не теряют своей актуальности и в настоящее время.

Всероссийский съезд духовенства и мирян — *Всероссийский съезд духовенства и мирян* проходил в здании Московско-

го Епархиального дома 1–12 июня 1917 г. Среди 1268 делегатов съезда практически не было представителей епископата. Съезд поднял большое количество насущных вопросов: отношение к новой власти и церковной иерархии, реформа церковного управления, новации в богослужении и проч. Выступления на съезде свидетельствовали о борьбе двух тенденций: революционно-обновленческой и консервативно-охранительной, а также о попытке поиска новых форм их сочетания. Съезд высказался в поддержку Временного правительства и нового строя «народоправия», объявил свободу вероисповеданий и культов при сохранении приоритетного положения Православной Церкви, поддержал либеральное направление новой редакции «Церковного вестника» (переданного от Св. Синода Московской Духовной академии). Большинство участников съезда высказалось за передачу власти в епархиях из рук архиереев «епархиальным соборам», где представители епископата и прихожане имели бы равный статус. Съезд выслушал декларацию украинских делегатов (от нескольких епархий) об объявлении автокефалии. С другой стороны, в ряде выступлений звучали призывы восстановления православной монархии, сохранения незыблемых основ православной жизни, а также осуждение безответственности революционной интеллигенции. Призывами наполнить демократическое движение, возникшее в Церкви и стране в целом, христианским содержанием, отличались речи философов Е. Н. Трубецкого «Церковь и государство» и С. Н. Булгакова «Церковь и демократия». Поводом для объединения делегатов на основе общих корпоративных интересов послужили сведения о намерении Временного правительства передать церковно-приходские школы (их было 37 тысяч) светскому Министерству народного просвещения.

Зеньковский указывает на то, что через неделю покинул съезд, «поспешил в Киев и очень скоро уехал в деревню». Каковы бы ни были причины его спешного отъезда, ясно, что, составляя текст воспоминаний, он старался отделить свое имя от украинской делегации 10-ти епархий, представивших Все-

российскому съезду духовенства и мирян декларацию об автокефалии Украинской церкви, необходимости созыва Всеукраинского Собора и украинизации богослужения.

Львов Владимир Николаевич (1872–1934) — общественный и политический деятель, обер-прокурор Св. Синода при Временном правительстве, живоцерковник. Дворянин, крупный землевладелец Бугурусланского уезда Самарской губернии. Окончил юридический и историко-филологический факультеты Московского университета. Вольнослушатель Московской духовной академии. Изъявлял намерение стать монахом. В 1905 г. — октябрист, принимал участие в создании отделения «Союза 17 октября» в Самарской губернии. Сотрудник газеты «Голос Самары». Гласный Бугурусланской уездной и Самарской губернской земских управ. Депутат 3-й и 4-й Государственной думы («Львов 2-й»). В 3-й думе состоял во фракции октябристов, затем — независимых националистов, в 4-й думе — председатель фракции центра. Председатель думской комиссии по делам Русской Православной Церкви. В августе 1915 г. вошел в Прогрессивный блок. 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы. Со 2 марта по 25 июля 1917 г. — член Временного правительства, обер-прокурор Святейшего Синода. 3 марта 1917 г. принимал участие в переговорах с вел. кн. Михаилом Александровичем. На посту обер-прокурора провел ряд решений, определивших новый статус РПЦ в немонархическом государстве. Был сторонником созыва Всероссийского Церковного Собора как средства ограничения власти епископата. В период Корниловского мятежа посредничал в переговорах между Л. Г. Корниловым и А. Ф. Керенским (его роль и степень влияния недостаточно ясны). Выдвигал свою кандидатуру на место депутата Учредительного собрания, но не был избран. До 1920 г. находился в Бугуруслане. В январе 1920 г. выехал в Японию, затем во Францию. В 1921 г. примкнул к движению «сменовеховцев», в 1922 г. издал брошюру «Советская власть в борьбе за русскую государственность». В 1922 г.,

оставив семью за границей, вернулся в советскую Россию. Обновленец, активный участник движения «Живая церковь». В 1922–1927 гг. работал в Высшем церковном управлении (ВЦУ) — органе обновленческой церкви. Участник Поместного Собора 1923 г. (1-й обновленческий), на котором был низложен Патриарх Тихон. Член Союза воинствующих безбожников. В 1927 г. арестован по уголовному делу, сослан в Томск на 3 года. Остался в Томске, где и умер. Оставил воспоминания. Зеньковский, как и другие свидетели тех событий, отметил своеобразные личные качества Львова. Его характеризовали как «странного, дикого человека», «сволочь», «шалого человека», «не вполне нормального фантазера», подчеркивали его склонность к нервозности, экзальтации и истерии, подзревали в помутнении рассудка или в его симуляции, в талантливом актерстве, способности к интриге и склонности к авантюризму. Львов интересен постольку, поскольку в его деятельности обнаружились все противоречия «переходного периода» в жизни церкви, с которыми позднее столкнулся Зеньковский, заняв должность министра исповеданий. Реализация принципа «свободной Церкви в свободном государстве» неизбежно приводила к разрушению прежней системы их взаимодействия и, как следствие, к беспрецедентному вмешательству государства и должностного лица (обер-прокурора, министра) в дела Церкви и ее управления, фактически — к возникновению «революционного» цезарепапизма. Ober-прокурор Львов, в частности, назначал и смещал членов Св. Синода. В Российской империи это было правом православного монарха, которым он пользовался весьма ограниченно. Следует напомнить, что членство в Синоде было пожизненным. В период ober-прокуратуры Львова Св. Синодом и Временным правительством были проведены мероприятия, ярко характеризующие методы революционного цезарепапизма: вынос из зала заседаний Св. Синода царского трона; решение о замене возгласения в храмах многолетия царскому дому возгласением многолетия «Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному правительству»; утверждение текста новой

присяги, из которой была исключена формула «За веру, царя и Отечество», а включены слова «Обязуюсь повиноваться Временному Правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею Народа при посредстве Учредительного Собрания»; увольнение из состава Св. Синода иерархов-«распутинцев» и смещение с кафедр старейших иерархов — митрополита Московского Макария (Невского) и митрополита Санкт-Петербургского Питирима (Окнова); внесение изменений в перечень богослужений и исключение «царских дней»; ревизия Московской духовной академии и увольнение ее ректора; передача официального органа Св. Синода «Церковные ведомости» новой редколлегии из числа преподавателей Московской духовной академии и т. п. Помимо этого Временным правительством были приняты решения о свободе совести, о передаче церковно-приходских школ и учительских семинарий в ведение Министерства народного просвещения, исключение закона Божия из числа обязательных предметов. По замечанию А. В. Карташева, сторонника революционных преобразований в Церкви, эти мероприятия имели «острый привкус нелегальности».

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — в 1901–1906 гг. — профессор Киевского Политехнического института, приват-доцент киевского Университета св. Владимира. В начале июня 1917 г. избран делегатом Всероссийского съезда духовенства и мирян, выступил с речью «Церковь и демократия». В мае 1917 г. решением Св. Синода включен в состав Предсоборного совета. Принимал участие в работе Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. Осуждал принцип отделения Церкви от государства. Был сторонником восстановления патриаршества. Избран членом нового органа — Высшего Церковного совета. В июне 1918 г. в Москве в Даниловом монастыре Патриархом Тихоном рукоположен в священники, участвовал в сборнике «Из глубины». С июля 1918 г. — в Крыму. Профессор политической экономии и богословия Таврического университета в Симферополе. Протоиерей Ялтинского собора.

17 декабря 1922 г. арестован советскими властями и выслан из России в Константинополь. В 1923–1925 гг. — профессор церковного права и богословия на юридическом факультете Русского Научного института в Праге. В 1925–1944 гг. — профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже; преподаватель догматического богословия, Ветхого Завета и некоторое время — христианской социологии. С 1931 г. занимал должность инспектора, в 1940–1944 гг. — декана Свято-Сергиевского Богословского института. Один из основателей и куратор Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД).

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) — правовед, общественный и политический деятель, один из лидеров кадетской партии. Родился в г. Бахмуте Екатеринославской губернии в семье купца 2-й гильдии. Был выпущен из Екатеринославской гимназии с золотой медалью. В 1888 г. окончил юридический факультет Московского университета. Оставлен при кафедре философии и права для приготовления к получению профессорского звания. С 1890 г. по 1899 г. работал над диссертацией в Берлине и Париже. С 1896 г. — приват-доцент Московского университета. В 1897 г. защитил магистерскую диссертацию «Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба», в 1902 г. — докторскую диссертацию «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве». С 1903 г. — экстраординарный профессор, с 1904 г. — ординарный профессор Московского университета по кафедре энциклопедии права. В 1902 г. — один из составителей и редактор сборника «Проблемы идеализма», автор статьи «Нравственный идеализм в философии права». Член Московского психологического общества, автор журнала «Вопросы философии и психологии». С 1904 г. — член совета «Союза Освобождения», с 1905 г. — член партии кадетов, в 1906 г. кооптирован в состав ЦК. В 1906 г. избран депутатом 1-й Государственной думы от Екатеринославской губернии, активно работал в кадетской фракции. 10 июля 1906 г. подписал «Выборгское воззвание», за что осужден по ста-

ть Уголовного Уложения, приговорен к 3-м месяцам тюрьмы. В 1907—1911 гг. читал лекции в Московском университете на правах приват-доцента. В 1906 г. был избран директором Московского коммерческого училища (до 1918 г.). Одновременно преподавал философию на Высших женских курсах. В годы Первой мировой войны работал в структурах Всероссийского Союза городов. Принадлежал к правому крылу кадетской партии. После Февральской революции — участник съездов кадетской партии, член ЦК. Принимал участие в выработке ее стратегии и тактики в 1917 г. Летом — осенью 1917 г. выступал за насильственные меры противодействия большевикам и Советам. Избран депутатом Учредительного собрания от Москвы. Участник запрещенного к изданию сборника «Из глубины» (1918). В мае — марте 1918 г. вместе с А. В. Кривошеиным и П. Б. Струве руководил нелегальным объединением «Правый центр». Весной — летом 1918 г. возглавил московскую организацию кадетов, находившуюся на нелегальном положении. В октябре 1918 г. покинул Москву и переехал на Юг России. Сотрудничал с Особым совещанием при генерале А. И. Деникине, принимал участие в составлении ряда законопроектов. В 1919 г. — участник конференций кадетской партии в Екатеринодаре и Харькове. В 1920 г. жил в Крыму и преподавал в Симферопольском университете. С 1920 г. в эмиграции, жил в Берлине, сотрудничал в газете «Руль». В последние годы жизни отошел от политической деятельности. В 1921 г. был первым председателем Русской Академической группы — объединения русских ученых за границей. Весной 1922 г. основал и возглавил Русский юридический факультет при Пражском Карловом университете (официальный статус факультет получил лишь в 1928 г. после смерти Новгородцева). Инициировал создание в Праге студенческого Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева.

...о. **Боцяновский** — Митрополит Антоний (Храповицкий) в 1918 г. вел разбирательство по делу участников автокефалистской Временной Православной Церковной Рады

(ВПЦР), обвиненных в травле убитого митрополита Владимира (Богоявленского) и нарушении дисциплины. По этому делу проходило два характерных персонажа, подходящих под описание Зеньковского: священник из г. Смелы Яков Ботвиновский и дьякон Бутвиненко, служивший на Байковом кладбище Киева.

...и поэтому созывать его не намерен... — Зеньковский отметил напряжение в отношениях митрополита Владимира и Епархиального совета, возникшее в конце лета — начале осени 1917 г. Контекст этого противостояния был более сложным, нежели это показано в воспоминаниях Зеньковского — одного из членов Епархиального совета. После предъявления украинскими делегатами декларации об украинской автокефалии на Всероссийском съезде духовенства и мирян (июнь 1917 г.) события разворачивались стремительно. В июне 1917 г. Св. Синод отверг идею созыва Всеукраинского Собора, сославшись на то, что готовится Всероссийский Собор. Отказываясь подчиниться решениям Синода, Киевский епархиальный совет, состоявший в основном из автокефалистов, назначил проведение Всеукраинского Собора на конец июля 1917 г. Новый обер-прокурор (позднее — министр вероисповеданий) А. В. Карташев, используя свои неограниченные полномочия, запретил созыв Всеукраинского Собора по прежним основаниям. Св. Синод, руководствуясь запиской митрополита Владимира, принял решение о переизбрании Киевского епархиального совета и назначении сроков созыва нового — легитимного — епархиального съезда на август 1917 г. Киевский епархиальный совет направил Св. Синоду протест. В начале августа митрополит Владимир составил пастырское послание, в котором не только резко высказался против украинской автокефалии, но и связал опасность разделения Церквей с тревожными тенденциями развития революции (в Петрограде в июле 1917 г. уже была предпринята попытка вооруженного свержения Временного правительства). Второй (августовский) Киевский епархиальный съезд, находившийся под влиянием автоке-

фалисткой группы В. Липковского, подтвердил все решения апрельского съезда и одобрил деятельность епархиального совета. И лишь после этих событий 15 августа 1917 г. митрополит Владимир отбыл в Москву для участия во Всероссийском Церковном Соборе. Из воспоминаний Зеньковского складывается впечатление, что он либо не принимал участия в работе епархиального совета, в состав которого был избран, и августовского съезда, либо умалчивает об этом.

...украинская церковная рада — *Всеукраинская Православная Церковная Рада (ВПЦР)* — один из самопровозглашенных органов, созданный в конце ноября 1917 г. комитетом, избранным 3-м Войсковым (Военным) съездом. 3-й Войсковой съезд, прошедший в конце октября 1917 г. по инициативе политических организаций украинизированных войсковых частей («Войсковое товарищество им. гетмана Полуботка», «Союз украинской державности» и т. д.), помимо прочего, провозгласил автокефалию Украинской Церкви и необходимость ее украинизации. Войсковой съезд избрал комитет, который, в соответствии со своеобразной революционной логикой, и должен был созвать Всеукраинский Церковный Собор. Этот военный комитет и несколько групп сторонников автокефалии, объединившихся в «Братство Воскресения Христа», и создали так называемую Всеукраинскую Православную Церковную раду (ВПЦР). ВПЦР, опираясь на решения 3-го Войскового съезда и используя 3-й Универсал Центральной рады о политической автономии Украины, объявила себя главным исполнительным органом (буквально — «правительством») по делам Православной Церкви на Украине. В ее состав входили рядовые священники, дьяконы, псаломщики, военные и иные миряне (всего 66 человек). Среди них: священник А. Марычев (председатель), полковник В. Цивчинский, священники и протоиереи В. Липковский, Ф. Поспеловский, Н. Шараевский, П. Тарнавский, П. Погорилко и др. Почетным председателем ВПЦР стал архиепископ Алексий (Анемподист Яковлевич Дороницын), лишенный Владимирской кафедры (Владимир-

на-Клязьме) решением епархиального съезда и живший на покое в Киево-Печерской лавре. Его привлечение имело целью придать хоть какую-то легитимность новому органу. Создание ВПЦР стало важным этапом развития автокефалистского движения на Украине. Среди мероприятий ВПЦР выделяются: 1) воззвание к украинскому народу о необходимости разрыва с Московской Патриархией и созыва Всеукраинского Церковного Собора, 2) запрет на поминание во время богослужений Патриарха Московского, 3) назначение в консистории (исполнительные органы епархиального управления) своих комиссаров, среди них были не только священники, но и военные — поручики, прапорщики, 4) грубые послания митрополиту Владимиру и иные меры давления на епископат, 5) направление к Патриарху Тихону делегации от ВПЦР во главе с Марычевым, 6) назначение даты созыва Всеукраинского Церковного Собора и определение нормы представительства. И членство в ВПЦР, и участие в предстоящем Соборе предоставлялось лишь «украинцам». Созыв Собора планировался на декабрь 1917 г. Нормы представительства на Всеукраинском Церковном Соборе должны были обеспечить принятие решения об автокефалии. Например, каждую епархию должен был представлять один архиерей, а воинские части Киевского гарнизона — по три представителя. Уникальную атмосферу противостояния епископата и ВПЦР передает доклад о пребывании в Киеве уполномоченного Всероссийского Собора и Патриарха Митрополита Платона (Рождественского): «После посещения преосвященного Алексия (Дородницына. — *И. С.*) я с владыкой митрополитом Киевским отправился в консисторию, где в 1 час дня было назначено соединенное заседание всего наличного в Киеве епископата и членов консистории для решения вопросов, имевших отношение к созыву Украинского Собора, и для выяснения множества других вопросов, вызываемых требованиями открытия Собора именно в Киеве. В начале 2-го часа открылось заседание под председательством митрополита Владимира; были преосвященные Евлогий, Пахомий, я и киевские викарии. Минут через пять

в заседание является комиссар священник Пашевский, берет благословение у владыки Владимира и спрашивает: “Що се за собрание? Чому мене не пригласили? И чи можно мені бути присутным тут?” Владыка Владимир смотрит на меня. Я спросил комиссара: “А Вы получили приглашение?” Он ответил: “Нет”. “Ну, значит, — сказал я, — вы сейчас не нужны, а когда понадобится, тогда вас позовут”. Раскланявшись, этот священник вышел. Минут через 10 буквально бурей врывается в зал полковник Сивчинский (Цивчинский, член ВПЦР — *И. С.*). Не приняв ни от кого благословения, он бьет по столу кулаком и кричит: “Що се за собрание? Чи мають бути тепер таємні собрания? Тепер мусить бути все отверто. А то скаже вояцтво, що митрополити збираються на потаємні (конспиративные) собрания. Козацтво волнується, і я должен заспокоїти його”. Я спрашиваю полковника: “Кто вы? Кто дал вам право врывать в собрание епископов, кто дал вам право обвинять митрополитов, что они занимаются конспирацией, оскорблять нашего отца — митрополита? О всем, что вы сказали и сделали здесь, мы составим протокол и отправим в суд”. После того Сивчинский сразу сбавил тон и спрашивает: “Хіба то ваш батько?” Он в самом деле подумал, что владыка Владимир — мой отец, и продолжал: “Тож благословіте!” Получил благословение и с словами: “Выбачайте, я вже піду”, удалился. Об этом я говорю, чтобы показать, какая тяжелая атмосфера окружала бедного страдальца митрополита Владимира...»

...депутация от Собора Московского в лице кн. Григ. Ник. Трубецкого и проф. С. А. Котляревского... — Всероссийский Церковный Собор рассматривал вопрос об отношении к ВПЦР в контексте общей дискуссии о созыве Украинского Собора еще до приезда в Москву ее представителей во главе с А. Марычевым. На пленарном заседании 24 ноября кн. Н. Трубецкой предложил послать на Украину делегацию. Главой делегации стал митрополит Тифлисский Платон (Рождественский), знавший украинский язык. В состав делегации вошли проф. С. А. Котляревский, кн. Г. Н. Трубецкой и, по некоторым све-

дениям, два украинца из числа участников Собора. Целями делегации были: 1) отзыв из Киева архиепископа Алексия (Дородницына) и 2) «проведение широких переговоров и обеспечение каноничности созываемого Собора». Доклад, сделанный митрополитом Платоном на Всероссийском Церковном Соборе после поездки в Киев, свидетельствует о том, что Платон и иные члены делегации действовали раздельно. Это подтверждает и Зеньковский, который отделяет деятельность С. А. Котляревского и кн. Г. Н. Трубецкого от миссии митрополита Платона. Митрополит Платон, прежде всего, пытался выполнить первое поручение и направить в Москву для разбирательства архиепископа Алексия (Дородницына). Тот сопротивлялся, отказывался от встречи, не являлся на вокзал (хотя билеты для него уже были куплены), предоставлял медицинские справки... В итоге патриарху Тихону пришлось принять решение в его отсутствие и лишить его сана. Вторым важным шагом было формирование Предсоборного совета. Большую роль при этом сыграли архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (Георгиевский) и епископ Черниговский и Нежинский Пахомий (Кедров), которые в отличие от митрополита Владимира (Богоявленского) пошли на сотрудничество с ВПЦР. Им удалось ввести архиереев в состав Предсоборного совета, а также председательствовать на его заседаниях. ВПЦР, члены которой вошли в Предсоборный совет, получила право в полном составе (66 человек) присутствовать на Всеукраинском Соборе. На заседании Предсоборного совета, на котором впервые присутствовал митрополит Платон, членами ВПЦР было предложено рассматривать Патриарха Московского как «почетного гостя» предстоящего Всеукраинского Собора. Кроме того, участники вели себя так, что Платон счел себя оскорбленным и покинул заседание.

Ответной мерой стало заявление Митрополита Платона: «Ввиду того, что Церковная рада высказалась за автокефалию Украинской церкви и тем подчеркнула неизбежность, по ее мнению, разрыва с Православною русскою церковью, и, при-

нимая во внимание намерение Рады пригласить на Церковный собор представителя Грузинской церкви, вопреки протеста епископата, а также наличность признания ею представителя всероссийского Патриарха только гостем на Соборе, а не полноправным членом, митрополит Платон, как представитель Патриарха, не считает для себя возможною совместную работу с Церковною радюю.

Митрополит Платон, экзарх Кавказский. К сему присоединяюсь: Владимир, Митрополит Киевский; Евлогий, архиепископ Волынский; Пахомий, епископ Черниговский и Нежинский».

ВПЦР сделала ответное заявление, в котором отказалась приглашать на Собор представителей Грузинской Церкви (вне канонов объявившей автокефалию), признала Платона представителем Патриарха и, соответственно, членом предстоящего Собора, признала право объявления автокефалии за Собором, а не за Войсковым съездом, как ее члены полагали ранее. Митрополит Платон организовал в Михайловском соборе собрание приходских советов, на котором получил поддержку. Прихожане не только выразили верность Патриарху, но и поставили вопрос о правомочности членов ВПЦР. Они выразили намерение провести на Собор от приходов не менее 66 человек, чтобы противостоять военизированной делегации ВПЦР. ВПЦР выразила озабоченность в связи с деятельностью митрополита Платона, поставив под сомнение его право встречаться с представителями приходов. После этого митрополит Платон опубликовал программное заявление, в котором содержались следующие тезисы:

1) он уполномочен Священным Поместным Собором Всероссийской Церкви и Патриархом представлять их на предстоящем Украинском областном церковном Соборе и содействовать его созыву на канонических основаниях;

2) руководящая роль на Соборе должна принадлежать епископату, а избрание на Собор клириков и мирян должно пройти на тех же условиях, на каких избирались участники Всероссийского Собора;

3) необходимо обеспечить *равное* участие в работе Собора ВПЦР, приходам и иным церковным организациям;

4) провести проверку членов ВПЦР на их соответствие каноническим требованиям.

По поводу объявленной Войсковым съездом и иными способами автокефалии Платон высказался резко и недвусмысленно: «А между тем автокефалии Украинской церкви я не уполномочен признавать и не могу признать по следующим основаниям: а) каноническом, ибо Украинская церковь не имеет авторитета апостольского основания ее, что давало бы ей бесспорное право на автокефалию, б) историческом, ибо Украинская церковь никогда не пользовалась правами автокефалии, в) юридическом, ибо для признания юридического права за Украинскою церковью на автокефалию безусловно необходимо предварительное выполнение многих важных требований церковного законодательства, в том числе особенно необходимо, по условиям переживаемого момента, свободное волеизъявление всего православного населения украинских епархий по данному важнейшему вопросу...»

Заявление заканчивалось в соответствии с позицией Патриарха, высказанной в Москве делегации ВПЦР: «Но я совершенно высказываюсь за предоставление Украинской церкви прав полной автономии с самым широким внутренним самоуправлением применительно к местным условиям края».

Воспоминания Зеньковского содержат ценный материал о том, каким образом члены московской делегации пытались найти себе союзников в среде «русских церковно-общественных кругов», в том числе среди членов Религиозно-философского общества. Но их апатия, слабость либеральной умеренной украинофильской позиции, неспособность к организации и активным действиям — все это объясняет ведущую роль при созыве Всеукраинского Собора сторонников автокефалии. Итоги миссии Платона в этой связи оцениваются неоднозначно. С одной стороны, он обеспечил формальное соответствие Всеукраинского Собора каноническим нормам. С другой стороны, его дея-

тельность привела к легитимации итогов деятельности автокефалистов.

Трубецкой Григорий Николаевич (1874–1930) — дипломат, публицист, общественный и политический деятель. Князь; брат Сергея и Евгения Николаевичей Трубецких. Окончил Московский университет. В 1896–1906 гг. занимал дипломатические посты в Вене, Берлине, Константинополе. Работал в архивах Константинопольской патриархии. В 1906–1910 гг. вместе с Е. Н. Трубецким редактировал журнал «Московский Еженедельник». В 1912–1915 гг. — посланник в Сербии. В годы Первой мировой войны исполнял обязанности директора Дипломатической канцелярии Верховного главнокомандующего. Участник Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг., избран от действующей армии. В правительстве А. И. Деникина занимал должность начальника Управления по делам исповеданий. В 1919 г. участвовал в работе организационного Юго-Восточного Русского Церковного Собора в Ставрополе. В составе правительства П. Н. Врангеля был заместителем П. Б. Струве, главы Управления внешних сношений. С 1920 г. в эмиграции. Сначала жил в Австрии, в г. Бадене организовал православный приход. В 1921 г. избран на Карловацкий Всеаграничный Русский Церковный Собор (на заседания не прибыл). Затем переехал во Францию. Содействовал обустройству Сергиевского подворья в Париже. Член учредительного комитета Свято-Сергиевского Богословского института. Евлогианец. Принимал активное участие в жизни православного прихода в г. Кламар близ Парижа. Поддерживал РСХД. Сотрудничал с рядом изданий круга Струве, в том числе «Возрождение», «Россия и славянство», «Россия». Член-основатель общества «Икона».

Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) — юрист, историк, общественный и политический деятель, член ЦК партии кадетов. В 1894 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. Оставлен в университете для получе-

ния профессорского звания; приват-доцент по кафедре истории. В 1901 г. получил степень магистра всеобщей истории за диссертацию «Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках», в 1904 г. — степень доктора за работу «Ламеннэ и современный католицизм». Затем сдал экзамены на юридический факультет Московского университета. В 1908 г. получил степень магистра государственного права за работу «Конституционное государство: Опыт политико-морфологического обзора», в 1910 г. — степень доктора государственного права за диссертацию «Правовое государство и внешняя политика». Экстраординарный, затем ординарный профессор государственного права юридического факультета Московского университета. Гласный Балашовского уездного и Саратовского губернского земств. В 1905 г. участвовал в земских съездах. Тогда же стал одним из учредителей и членом ЦК партии кадетов (1906—1908). Принадлежал к правому крылу партии. В 1906 г. избран депутатом 1-й Государственной думы от Саратовской губернии. После роспуска Государственной думы подписал «Выборгское воззвание», за что был арестован и заключен в тюрьму. С 1908 г. отошел от активной политической деятельности. В 1912 г. вышел из партии кадетов. Сотрудничал в газете «Русские Ведомости». После Февральской революции — директор Департамента духовных дел в МВД, комиссар Временного правительства по инославным исповеданиям, товарищ обер-прокурора Синода и министра исповеданий. Член Предсоборного совета. Участник Всероссийского Церковного Собора 1917—1918 гг. В 1918 г. участвовал в сборнике «Из глубины». В 1918—1920 гг. был участником антибольшевистского подполья, в том числе членом Правого центра и Национального центра. В 1920 г. был арестован по делу Тактического центра, получил условный срок. Занимался советской научной работой, преподавал. В 1919—1930 гг. — профессор юридического отделения факультета общественных наук МГУ. В 1939 г. расстрелян.

Крупнов С. Д. — кадет, член Киевской областной организации партии. Возглавлял кадетскую фракцию Центральной рады.

Платон (Порфирий Федорович Рождественский) (1866–1934) — митрополит. Родился в Курской губернии в семье священника. В 1886 г. окончил Курскую духовную семинарию. В 1887 г. рукоположен в священники. В 1887–1891 гг. — приходской священник и учитель церковно-приходских школ в Курской епархии. В 1891 г. поступил в Киевскую духовную академию, которую закончил в 1895 г. В 1894 г. принял монашеский постриг. Оставлен в Академии профессорским стипендиатом для подготовки к занятию кафедры. С 1896 г. — и. д. доцента по кафедре нравственного богословия. В 1898 г. защитил магистерскую диссертацию «Древний Восток при свете Божественного Откровения»; магистр богословия. С 1898 г. — помощник инспектора, инспектор, экстраординарный профессор КДА в сане архимандрита. С 1902 г. — епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии. В 1902–1907 гг. — ректор Киевской Духовной академии, настоятель Киевского Братского монастыря. С 1906 г. издавал журнал «Церковь и народ». В 1907 г. избран депутатом 2-й Государственной думы от Киева. В 1907–1914 гг. — архиепископ Алеутский и Северо-Американский. В 1909 г. вызван в Св. Синод для присутствия. С 1915 г. — член Священного Синода. В 1914 г. — архиепископ Кишиневский и Хотинский. В 1915–1917 гг. — архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии (до объявления неканонической автокефалии Грузинской Церкви). Почетный член Петербургской и Казанской духовных академий. Участник московского Государственного совещания 1917 г. Участник Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. На Соборе избран Председателем отдела внешних и внутренних миссий и членом ряда других отделов. Во время октябрьских боев в 1917 г. в Москве вёл по поручению Собора переговоры с Военно-революционным комитетом. В 1917–1918 гг. — митрополит Тифлиский и Бакинский, Экзарх Кавказский. Уполномоченный Всероссийского Церковного Собора и Патриарха Тихона на Украине. Участник Всеукраинского Собора 1918 г. В 1918 г. на Епархиальном съезде был избран митрополитом Херсонским и Одесским. С 1920 г. в эмиграции. В 1921 г.

принял управление Северо-Американской епархией. В 1922 г. на Питтсбургском Американском церковном соборе был признан правящим архиереем и утвержден митрополитом всея Америки и Канады. В 1923 г. получил подтверждение своего избрания от Патриарха Тихона, назначен управляющим Северо-Американской и Аляскинской епархией. В 1924 г. после объявления самостоятельности Северо-Американской епархии уволен от ее управления Патриархом Тихоном и Св. Синодом. В 1924 г. участвовал в работе Карловацкого Архиерейского Собора, запрашивал у Собора грамоты для подтверждения своих прав и полномочий. В 1926 г. вместе с митрополитом Западно-Европейским Евлогием (Георгиевским) вышел из состава Заграничного Архиерейского Синода (Карловацкого). Отрешен от должности Карловацким Архиерейским Синодом в 1927 г. Находясь вне как Московской патриархии, так и Карловацкой РПЦЗ, в 1933 г. — объявил автономию Американской Церкви. В 1933 г. заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) и Св. Синод отменили объявление автономии Американской Церкви, постановили предать Платона суду архиереев с запрещением в священнослужении впредь до раскаяния или до церковно-судебного решения. (Правящим архиереем Северо-Американской епархии был назначен Вениамин (Федченков).

Антоний (Алексей Павлович Храповицкий) (1863—1936) — митрополит, богослов и писатель. Родился в семье помещика Новгородской губернии, генерала в отставке. Окончил 5-ю Петербургскую гимназию с золотой медалью. Посещал лекции В. С. Соловьева и публичные выступления Ф. М. Достоевского. Поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, что было нетипично для дворянина. В 1885 г. рукоположен в иеромонаха. Оставлен в Академии в качестве профессорского стипендиата. В 1885—1886 гг. исполнял обязанности помощника инспектора Академии. В 1886 г. назначен преподавателем гомилетики, литургики и каноники в Холмской духовной семинарии. В 1887 г. избран исполняющим должность доцен-

та Петербургской духовной академии по кафедре Св. Писания Ветхого завета. В 1888 г. получил степень магистра богословия после защиты диссертации «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности». В том же году утвержден в звании доцента Академии. В 1889 г. — и. д. инспектора Петербургской Духовной академии. В 1890 г. назначен ректором Петербургской духовной семинарии, возведен в сан архимандрита. В том же году переведен ректором Московской Духовной академии, которую возглавлял до 1895 г. Преподавал пастырское богословие, собрал в Академии уникальный профессорско-преподавательский состав. Сотрудничал с целым рядом церковных изданий. Всероссийскую известность идеолога Русского Православия приобрел в 1890—1894 гг. во время дискуссии с Л. Н. Толстым и его сторонниками. В 1895 г. — ректор Казанской Духовной академии. В 1897 г. хиротонисан в епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, с сохранением должности ректора (после административной реформы — епископ Чистопольский, первый викарий Казанской епархии). В 1900—1902 гг. — епископ Уфимский и Мензелинский. В 1902—1914 гг. — епископ Волынский и Житомирский, священноархимандрит Почаевской Успенской лавры. В 1905 г. один из основателей Союза русского народа. Активно поддерживал монархическое и патриотическое движение. Придерживался правых взглядов, идейный антисемит. В 1906 г. возведен в сан архиепископа. В 1906—1907 гг. — член Государственного Совета от монашеского духовенства, ушел в отставку. В 1907 г. был избран в Государственную думу. С 1909 г. приглашен присутствовать на заседаниях Св. Синода. В 1911 г. был награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. С 1912 г. — член Св. Синода. В 1913 г. получил степень доктора богословия. В 1914 г. был назначен архиепископом Харьковским и Ахтырским. В 1917 г. в период «низвержения епископов» уволен на покой согласно прошению, выехал в Валаамский монастырь. Через несколько месяцев избран Епархиальным собранием архиепископом Харьковским и Ахтырским. Участник Всероссийского Цер-

ковного Собора 1917—1918 гг. При выборах патриарха после четырех туров голосования остался в числе трех кандидатов, набрал наибольшее количество голосов (по жребию был избран Тихон). В конце 1917 г. — начале 1918 г. участвовал в работе Украинского Церковного Собора. После окончания его первой сессии был избран Епархиальным собранием митрополитом Киевским и Галицким. В период гетманата руководил сессиями Всеукраинского Собора, принявшего решение об автономии. Пытался восстановить управление епархией, противостоял министру исповеданий Зеньковскому. В период Директории был арестован, помещен в униатский монастырь в Галиции. По требованию государств Антанты был освобождён, вернулся в Киев. В 1919 г. переехал в Новочеркасск, стал во главе Высшего церковного управления Юга России. После эвакуации из Новороссийска был вывезен на Афон. Затем вернулся в Крым, сотрудничал с П. Н. Врангелем. С 1920 г. в эмиграции. Из Константинополя выехал в Сербию. В 1921 г. — председатель Русского Всеаглического Церковного Собора в г. Сремски Карловцы, избравшего целью восстановление в России правления дома Романовых. Возглавлял Высшее Церковное управление за границей до его упразднения в 1922 г. патриархом Тихоном. Противостоял митрополиту Евлогию (Георгиевскому), которому Московская патриархия передала в управление все аглические приходы РПЦ. В 1926—1936 гг. — председатель Архиерейского Собора и Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). Занял непримиримую позицию по отношению к политике Заместителя Местоблюстителю Патриаршего Престола Сергия (Страгородского), выступившего в 1927 г. с декларацией о лояльности к советской власти. В 1934 г. запрещен в священнослужении Московской Патриархией. В последние годы жизни тяжело болел. Умер в 1936 г. Погребен в Белграде в склепе Иверского храма.

...6 января открылся собор очень торжественно и очень церковно... — Всеукраинский Церковный Собор начал работу

7 (20) января 1918 г., т. е. уже после свержения Временного правительства и в последние дни режима Центральной рады. Собор дважды прерывал работу и, соответственно, собирався на три сессии. Если открытию Всероссийского Церковного Собора предшествовала подготовительная работа, которая велась с 1905 г., то созыв Всеукраинского Собора был следствием радикальных политических изменений после Февральской революции и активизации движения «политического украинства». Поэтому Устав Собора, подготовленный Предсоборной радой (где большинство составляли члены ВПЦР), епископам приходилось корректировать непосредственно перед заседаниями. Первая сессия была короткой — с 7 по 19 января 1918 г. На Соборе присутствовали 279 человек (епископат, члены ВПЦР, представители воинских частей и выборные от уездов). Такой состав обеспечивал большинство сторонникам украинской автокефалии. Но присутствие архиереев позволило удерживать собрание в канонических рамках. Кроме того, представители епископата оттягивали принятие важных решений, ожидая скорого падения Центральной рады. Вторая и третья сессии проходили в период режима гетмана П. П. Скоропадского. ВПЦР привлекла новых членов и преобразовалась в Кирилло-Мефодиевское братство. Но Киевская митрополия к тому времени вновь обрела главу — митрополитом Киевским и Галицким стал Антоний (Храповицкий). Основным итогом работы Собора стало принятие решения об автономии Украинской Церкви, что соответствовало позиции патриарха Тихона и решению Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. Мнению Зеньковского о «торжественном» открытии Собора несколько противоречит свидетельство митрополита Платона (Рождественского):

«28 декабря Собор не собрался. Приехало не более 70 человек. Отложили открытие его до 2 января. Я разослал приглашение на Собор, выпустив слова “прихильных до Украины”. Еще 26 декабря я выступил в Софийском соборе с проповедью на тему: “Се, что есть добро и что красно, но еже жити нам, братие, вкупе” (Пс. 132, 1). Слушатели с добрым внима-

нием и сочувствием отнеслись к моему призыву. Я видел слезы на глазах многих из них. Все исстрадались, все измучились и видели спасение в согласии и единстве, а не в разделении и раздоре, и открыто выражали недовольство теми, которые якобы заботились о благе Церкви, а довели ее до такого состояния... А за стенами собора, в то время как я служил в нем, шел митинг, где слез не было, но раздавались речи по моему адресу. В день Нового года состоялось заседание по вопросу об открытии Собора... Стали обсуждать вопрос: можно ли завтра — 2 января — открыть Собор. “Конечно нельзя, — заявил я, — кворума нет”. Поднялся шум. Один воин стал обвинять меня в том, что не хочу Собора. С резкою речью против него выступил какой-то офицер. Экспансивность южан сказывалась во всем. Приходилось не всякое лыко ставить в строку. Большинство высказывалось за открытие Собора. Я попросил слова и рассказал, как состоялось открытие Собора в Москве. Кто видел эту массу хоругвей и святых икон, этот сонм шествующих попарно святителей, тот не забудет этого до конца жизни, а у вас в Киеве, говорил я, может получиться один конфуз, но большинство однако стояло за открытие Собора... Секретарь Рады заявил, что если мы не откроем завтра Собора, явится войско и курени, и откроют Собор без епископата. Я пригласил епископов в особую комнату, и там мы составили “положение” относительно открытия Собора 2 января следующего содержания: “Ввиду того, что епископов приехало только два, что членов должно быть на Соборе около 900, а явилось пока только, как говорят, 140.., — епископат находит невозможным открытие Собора завтра. Если нельзя отменить военного парада завтра, то совершить на Софийской площади моление митрополитом Киевским с другими епископами”. Возвращаемся из комнаты в залу заседания. Ко мне подходит священник Маричев и говорит: “Я проголосовал, и оказалось, что большинство за открытие Собора”. Я заявил, что голосование это не имеет никакого значения.

На другой день в Софийском соборе литургию совершал епископ Балтский Пимен и после литургии молебствие на Со-

фийской площади служил владыка митрополит. Я в служении не участвовал и послал узнать: есть ли войска на площади. Оказалось — нет. В час дня тоже. Я спросил посланного: “А курени?” “Какие курени? Ничего там нет. Стоит один аналой на площади”. Я видел из окна, как прошел крестный ход на Софийскую площадь. Прошло духовенство, и во главе его старец — митрополит, народу человек 50, и ни одного солдата. Совершили молебствие, и все епископы собрались у меня. Я видел митрополита убитым: он был взволнован и расстроен. “Что же это такое? Это издевательство”, — повторял он. Впоследствии выяснилось, что один из членов Рады воздействовал на войска, и они отказались от участия в параде. Это был выпад против епископата...

7 января последовало открытие Всеукраинского Церковного Собора. С внешней стороны торжество открытия имело сходство с нашим Московским. Не скажу, что порядка при открытии Собора было много. По этому поводу покойный владыка митрополит выразил свое неудовольствие преосвященному Агапиту. В день открытия Собора литургию в Софийском соборе служили все епископы. Слово сказал митрополит Харьковский Антоний. И сказал то, что нужно. На площади говорил свящ. Шараевский, и говорил прекрасно с большим подъемом и воодушевлением, но как истый украинец, не мог не говорить “о срібле”, “пеньне” и т. п. На Соборе первую речь приветствия сказал владыка митрополит Владимир. Затем говорил я...

Последовали приветствия от Духовной академии, от Университета, от воячества, почему-то одного Уманского... На другой день состоялись выборы президиума. Я должен сказать, что еще до Собора мы заметили, как нарастает новое настроение, назревает некоторый поворот. В день открытия я вышел из соборной залы. Подходит ко мне Масюкевич. “Простите, я вас обидел, называл украинофобом”. Поговорили немного. Стали ко мне обращаться за советами, приходили визитеры. Слава Богу. Я стал надеяться, что все повернется к лучшему. При выборах кандидатов в председатели митрополит Антоний

получил свыше 100 голосов — не помню точно сколько, епископ Пимен — 11. Избрали Пимена. Все были удивлены. Президиум выбирали очень долго и составили очень громоздкий, ввели представителей от дьяконов, от воячества, более чем полагается по Уставу Собора. Очень скоро и ясно сказалась спешность созыва Собора. Выборы были прямые, одноактные, и на Собор прошли даже и неграмотные. Общий облик Собора симпатичный: много добродушия, малороссийского юмора, умения петь... Работа, впрочем, стала налаживаться...»

О первой сессии Всеукраинского Собора писали также Митрополит Вениамин (Федченков) в воспоминаниях «На рубеже двух эпох» и Митрополит Евлогий (Георгиевский) в воспоминаниях «Путь моей жизни».

Ясинский Михаил Никитич (1862—?) — историк русского права. Окончил юридический факультет киевского Университета св. Владимира. Приват-доцент. Член Киевской археографической комиссии, подготовил к изданию материалы по истории судопроизводства Великого Княжества Литовского. В 1901 г. защитил диссертацию на степень магистра, назначен профессором по кафедре истории русского права. Член Исторического общества Нестора-летописца при киевском Университете св. Владимира (секретарь). Преподавал законоведение в Киевском кадетском корпусе.

Митрофан (Абрамов) — епископ Сумский, викарий Харьковской епархии.

Пимен (Пегов Павел Григорьевич) (1875—1942) — архиепископ Подольский и Брацлавский, в обновленческой церкви — митрополит. Из крестьянской семьи. В 1875 г. окончил Уфимскую духовную семинарию. Назначен надзирателем за учениками Уфимского духовного училища. В 1897 г. поступил в Казанскую Духовную академию. В 1898 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона. В 1900 г. рукоположен в иеромонаха. В 1901 г. закончил академию, за работу «Буддийское

учение о страдании сравнительно с христианским учением о том же» получил степень кандидата богословия. Назначен учителем Уфимского духовного училища. С 1902 г. — председатель Уфимского отделения Епархиального училищного совета. В 1903 г. — помощник смотрителя Уфимского духовного училища, смотритель Соликамского духовного училища. В 1904 возведен в звание соборного иеромонаха Московского Донского Ставропигиального монастыря. В 1906 г. — смотритель Бугурусланского духовного училища. С 1907 г. — ректор Тифлисской духовной семинарии и член Синодальной конторы. В 1907 г. возведен в сан архимандрита. В 1911 г. — епископ Бакинский, викарий экзарха Грузии. В 1912 г. — епископ Эриванский, викарий Грузинской епархии. В 1914 г. временно управлял Грузинским экзархатом. С 1915 г. — епископ Балтский, викарий Подольской епархии. С 1918 г. — епископ Подольский и Брацлавский. В 1921 г. возведен в сан архиепископа. С 1922 г. по 1935 г. — вне РПЦ, участник обновленческого движения, поддержанного советской властью. В 1923 г. возведен в сан митрополита и назначен митрополитом Харьковским, после перенесения столицы УССР в Киев — митрополитом Киевским и всея Украины (обновленческим). Глава т. н. Украинской Автокефальной Православной Синодальной Церкви. Преподаватель Высшей Украинской Богословской школы. Председатель Всеукраинского Св. Синода. Участник 3-го (2-го обновленческого) Всероссийского Собора. Принимал участие в работе Всероссийского Св. Синода. Организатор Украинских Соборов 1925 и 1928 г. Однако не поддерживал ряд установлений обновленческого Поместного Собора 1923 г. (уравнение белого и монашеского епископата, разрешение на второй брак). В феврале 1935 г. уволен за штат. В 1935 г. перешел в каноническое православие, принес покаяние, принят в общение, назначен архиепископом Подольским и Брацлавским.

...черниговский викарий Алексей — Зеньковский ошибся, в президиум Собора был избран епископ Черниговский Па-

хомий (Кедров). *Пахомий (Кедров Петр Петрович) (1876–1937)* — архиепископ Черниговский. Выпускник Казанской Духовной академии. Кандидат богословия. С 1899 г. — иеромонах. В 1911 г. — епископ Новгород-Северский, викарий Черниговской епархии. С 1916 г. — епископ Стародубский, первый викарий Черниговской епархии. С 1917 г. — епископ Черниговский, избран Епархиальным съездом, сменил «монархиста» Василия (Богоявленского). Участник Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. В январе — феврале 1918 г. выехал в Киев, где принимал участие в работе Всеукраинского Церковного Собора. Был избран в члены Президиума. Вернувшись в Москву, выступил перед участниками Всероссийского Собора с докладом о работе Всеукраинского Собора. В 1922 г. арестован, осужден и выслан за пределы Черниговской епархии. В 1923 г. возведен в сан архиепископа. В 1923–1925 гг. без права выезда жил в Киеве и Москве. В 1925 г. арестован в Москве, находился в тюрьме, в 1926 г. выслан на три года в Коми-Зырянский край. Не принял декларацию митрополита Сергия 1927 г. По возвращении в Чернигов вновь арестован, приговорен к пяти годам лишения свободы. Заключение отбывал на Соловках, в 1931 г. работал на строительстве Беломорканала. В 1932 г. был помещен в инвалидный лагерь. В последние годы жил в родном городе Яранске у брата — священника Николая Кедрова. Умер в больнице г. Котельнич Вятской области. Пахомий имел характерную травму лица (ожоги, отсутствие левого глаза), которая в последние годы развилась в паралич.

...вскоре появился известный Лацис... — Зеньковский ошибается, утверждая, что М. И. Лацис прибыл на Украину в январе 1918 г. — в период первого занятия Киева большевиками. М. И. Лацис прибыл на Украину в 1919 г., получив должность председателя Всеукраинского ЧК. Но, возможно, фраза «скоро стала действовать чека, вскоре появился известный Лацис» у Зеньковского имеет символический смысл и относится к развитию политической ситуации в России в целом.

Лацис Мартын Иванович (Судрабс Ян Фридрихович) (1888–1938) — советский партийный и государственный деятель. Родился в Лифляндской губернии. Из семьи батрака. Окончил приходское училище. С 1905 г. — член Социал-демократии Латышского края (СДЛК). В годы революции 1905–1907 гг. — пропагандист Рижского комитета и ЦК СДЛК, организатор и участник вооруженных крестьянских выступлений. В 1908 г. сдал экзамен на народного учителя. С 1912 г. жил в Москве. Слушатель Народного университета А. Л. Шанявского. В 1915 г. занимался созданием «латышской группы» при Московском комитете РСДРП. В 1915 г. сослан в Иркутскую губернию, в 1916 г. бежал. В 1916 г. введен в состав Петроградского комитета РСДРП. После Февральской революции возглавлял организацию большевиков Выборгской стороны. Делегат 7-й (апрельской) конференции РСДРП (б). Один из организаторов Красной Гвардии Выборгского района. Член Петроградского ВРК и руководитель Бюро комиссаров ВРК. Один из организаторов Октябрьского переворота. Первое назначение на государственную должность — член коллегии Наркомата внутренних дел, руководитель отдела местного управления. С мая 1918 г. — член коллегии ВЧК, начальник отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией, председатель ЧК и Военного трибунала 5-й армии Восточного фронта, член РВС Восточного фронта. В июле 1918 г. руководил подавлением левоэсеровского мятежа в Москве. В 1919–1921 гг. — председатель Всеукраинской ЧК («В марте 1919 г. начинаю работать на Украине в качестве председателя Всеукр. Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией». — Автобиография). Первый историограф ВЧК; в 1921 г. составил отчет о 4-летней деятельности ВЧК, написал ряд статей и брошюр, среди которых «Два года борьбы на внутреннем фронте» и «Чрезвычайные комиссии в борьбе с контрреволюцией». С 1921 г. на хозяйственных должностях, более не избирался делегатом партийных съездов. С 1932 г. — директор Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. В 1937 г. арестован по обвинению в принадлежности

к контрреволюционной националистической организации, приговорен к расстрелу.

...вторым кандидатом... оказался я... — Факт выдвижения активистами автокефалистской ВПЦР кандидатуры Зеньковского на место Киевского митрополита свидетельствует о его устойчивой репутации «украинца». К сожалению для Зеньковского, этот и другие факты послужили поводом для его идентификации с автокефалистами (см. выше отзыв А. И. Деникина).

Сахно-Устимович Николай Николаевич (1863–1918) — землевладелец Полтавской губернии, инженер-технолог, член Украинской народной громады. Назначен временным премьер-министром Украинской державы П. П. Скоропадского, вел переговоры с различными партиями и группами для формирования кабинета, которые закончились безрезультатно. После отказа партии социалистов-федералистов войти в состав правительства подал в отставку. Погиб на улице от рук сторонников Директории во время антигетманского восстания в конце 1918 г.

...ген. Рогоза — *Рогоза Александр Федорович (1858–1919)* — командующий 4-й армией Румынского фронта (1915–1917), участник крупных боевых операций Первой мировой войны, военный министр Украинской державы.

Любинский Всеволод Юрьевич (1840–1920) — фармаколог, министр народного здоровья и попечительства в первом правительстве Украинской державы гетмана Скоропадского. Украинизатор системы здравоохранения. Во главе департаментов министерства (медицинского, санитарного, общего, судебной экспертизы, демобилизационного) поставил украинцев. При министерстве действовала комиссия по созданию украинской медицинской терминологии. Принципы работы министерства под руководством Любинского были использованы Директорией.

Колокольцов Василий Григорьевич (1867–1934) — крупный помещик, земский деятель, министр земледелия в правительстве П. П. Скоропадского. Выпускник кадетского корпуса. Поступил в Петровскую сельскохозяйственную и лесную академию в Москве, что было нетипично для дворянина. После ее окончания занимался благоустройством собственного имения и активно работал в земстве. В имении создал детский приют, земскую больницу, конно-почтовую станцию, школу садоводства и огородничества, двухклассное училище и т. д. Председатель Волчанской земской управы Харьковской губернии. Благодаря его деятельности и финансированию Волчанский уезд Харьковской губернии по количеству земских школ, библиотек, медицинских пунктов и проч. вышел за 1910–1913 гг. на второе место в Российской империи по темпам благоустройства. В годы Первой мировой войны отдал собственный дом под госпиталь. В 1918 г. — министр земледелия в правительстве гетманской Украинской державы. В 1919 г. поддержал приход в Киев армии А. И. Деникина. В 1920 г. эмигрировал в Грецию. Переехал в Сербию, работал по специальности, полученной в Петровской академии. В 1923 г. переехал в Берлин. С 1925 г. жил в Париже, работал на заводе «Рено». После тяжелой болезни покончил с собой.

Афанасьев Георгий Емельянович (1848–1925) — историк. Окончил Новороссийский университет в Одессе. В 1884 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1892 г. — докторскую диссертацию. С 1888 г. читал лекции в Новороссийском университете. Сфера научных интересов — история Франции XVIII–XIX вв., история Ирландии. С 1896 г. — управляющий Киевской конторой Государственного банка. В 1918 г. — министр иностранных дел правительства Украинской державы.

Вагнер Юлий Николаевич (1865–1945/1946) — ученый-биолог, общественный и политический деятель. Сын профессора Петербургского университета зоолога Н. П. Вагнера. Окончил Петербургский университет. Работал на Соловецкой, Севасто-

польской и Неаполитанской зоологических станциях. Доктор зоологии. Профессор Киевского политехнического института. С 1917 г. — председатель секции труда в Киевском военном-промышленном комитете, член Киевского исполкома. Член партии народных социалистов. С мая 1918 г. — министр труда Украинской державы. Эмигрировал.

Чубинский Михаил Павлович (1871–1943) — юрист, педагог, общественный и политический деятель. Сын этнографа П. П. Чубинского — украинофила и автора текста «Ще не вмерла Украина». Окончил Киевскую коллегию Павла Галагана и киевский Университет св. Владимира. Оставлен в университете для получения профессорского звания, читал лекции в должности приват-доцента, командирован за границу для продолжения образования. В 1900 г. защитил в Москве магистерскую диссертацию «Мотив преступной деятельности и его значение в науке уголовного права» Назначен профессором Демидовского лицея в Ярославле. С 1902 г. — профессор по кафедре уголовного права в Харьковском университете. В 1918 г. — министр юстиции в правительстве Украинской державы.

Бубнов Николай Михайлович (1858–1929) — историк-медиевист. Воспитывался в семье отчима, писателя Н. С. Лескова. В 1881 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Оставлен в университете для получения профессорского звания, направлен за границу для продолжения образования. За работу «Сборник писем Герберта (983–997) как исторический источник», представленную как магистерская диссертация, получил степень доктора всеобщей истории. В 1893 г. награжден премией Академии наук. В 1890–1891 гг. преподавал на Высших женских курсах. С 1891 г. — профессор по кафедре древней истории, с 1903 г. — по кафедре средней истории киевского Университета св. Владимира. С 1905 г. — декан его историко-филологического факультета. С 1894 г. по 1902 г. — гласный Киевской городской

думы. Основная сфера научного интереса — историческая преемственность научных знаний европейской цивилизации. Издал многоотомную серию «Исследований по истории науки в Европе».

Георгий Георгиевич де Метц (1861–1947) — физик, организатор науки, общественный деятель. Окончил физико-математический факультет Новороссийского университета. Защитил магистерскую и докторскую диссертации. Профессор киевского Университета св. Владимира и Киевского Политехнического института. С 1906 г. — редактор журнала «Физическое обозрение». Автор многочисленных научных трудов в сфере оптики. Член ряда научных обществ. В 1905–1918 гг. — глава Киевского отделения Российского Технического общества. Противник украинизации науки, в 1917 г. подал в отставку с должности главы Киевского отделения Российского технического общества в период режима Центральной рады. С 1919 г. — ректор Киевского Политехнического института.

Реформатский Сергей Николаевич (1860–1934) — русский и советский химик, специалист по металлорганическому синтезу. В 1882 г. окончил Казанский университет. Защитил диссертацию на степень магистра. Командирован за границу. Докторскую диссертацию защитил в Варшавском университете. С 1891 г. — профессор химии в Университете св. Владимира в Киеве. Председатель Физико-химического общества при Киевском университете. В 1906–1919 гг. — профессор Киевских высших женских курсов. В советское время — профессор химии в Киевском университете, председатель Физико-химического общества, член-корреспондент АН СССР (с 1929 г.).

Стороженко Андрей Владимирович (1857 — после 1918) — историк, этнограф, литературовед, публицист, общественный деятель. С 1882 г. — редактор «Славянского ежегодника». В 1886–1892 гг. — глава Переяславского земства. Противник

украинофилии и «мазепинства» (политического украинства). Лидер созданного в Киеве Клуба русских националистов. С 1905 г. — член Союза русского народа. В 1902–1910 гг. издавал «Фамильный архив», сохраняя тем самым документы по истории старых казацких родов. Автор работ по истории Древней Руси, Великого Княжества Литовского, днепровского казачества («Стефан Баторий и днепровские козаки»). В историко-публицистических работах демонстрировал свою приверженность концепции единого русского народа. Происхождение «Украины» и «украинского народа» связывал с политическими программами возрождения «великой Польши» или пангерманизма («Происхождение и сущность украинофильства», «Малая Россия или Украина?»). Выступал сторонником русского литературного языка: «Теперь воздух насыщен украинским туманом. Но все-таки глядит отовсюду Малая, исконная Русь, и сияет золотыми куполами Киев... По новейшим диалектологическим исследованиям, русский язык имеет девятнадцать говоров, отличающихся друг от друга и произношением звуков, и словарными особенностями. Повторилось бы столпотворение вавилонское, если бы на основе подбора в каждом из говоров несходного с другими и пополнения недостающего из иностранных языков образовалось девятнадцать литературных языков и девятнадцать местных литератур. Всякая культура сделалась бы невозможной.... А раз жив Киев и жив русский язык, то наши надежды еще не потеряны. Украинский туман должен рассеяться, и русское солнце взойдет!»

Дорошенко Петр Яковлевич (1857–1919) — врач, коллекционер, общественный и политический деятель. Медицинское образование получил в Киевском университете. Земский деятель Черниговской губернии, член губернской архивной комиссии. Краевед, украинофил. Собиратель редких книг, предметов искусства, исторических артефактов, относящихся к Малороссии. Входил в круг семейных связей гетмана П. П. Скоропадского. С 1908 г. — директор Черниговско-

го дворянского пансиона. С 1917 г. — директор Черниговской Украинской гимназии. При гетманате в 1918 г. получил должность Головы Управления по делам искусства и национальной культуры Министерства народного образования. Погиб на улице Одессы в 1919 г. по трагическому стечению обстоятельств — большевики убили его, перепутав с его племянником Д. И. Дорошенко.

Тихон (Василий Иванович Белавин или Беллавин) (1865–1925) — патриарх Московский и Всея Руси. В июне 1917 г. съездом мирян и духовенства Московской епархии избран архиепископом Московским и Коломенским. В августе 1917 г. возведён в сан митрополита, митрополит Московский. Участвовал в подготовке Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. Избран председателем Собора и членом Соборного совета. 5 ноября 1917 г. в храме Христа Спасителя избран патриархом Московским и Всея Руси (интронизация состоялась 21 ноября 1917 г. в Успенском соборе Кремля). В 1989 г. причислен Архиерейским Собором Русской Православной Церкви к лику святых, новомученик и исповедник.

Кудрявцев Петр Павлович (1868–1937) — профессор, общественный и политический деятель. Родился в Тульской губернии в семье священника. В 1892 г. окончил Киевскую Духовную академию, кандидат богословия. Оставлен при Академии для получения профессорского звания. С 1893 г. преподаватель Подольской семинарии и женского епархиального училища. С 1897 г. — и. д. доцента Киевской академии. В 1908 г. защитил магистерскую диссертацию по богословию на тему «Абсолютизм или релятивизм?». Доцент, экстраординарный профессор (с 1909 г.), ординарный профессор (с 1918 г.) Киевской Духовной академии по кафедре истории философии. Член Киевского педагогического общества. С 1908 г. — член Киевского Религиозно-философского общества (первый председатель). Сторонник академической автономии, поставил свою подпись под манифестом «Правда о Киевской Духовной Ака-

демии» (1910). С 1914 г. — член, а затем товарищ председателя Научно-Философского общества при Университете св. Владимира. Сотрудничал в журнале «Христианская жизнь». Февральскую революцию приветствовал статьями «В добрый путь» и «Слава Богу». Сторонник церковной реформы, в том числе — широкого привлечения мирян в дела церковного управления. Участник апрельского Епархиального съезда в Киеве, на котором был избран членом Епархиального совета. Участник Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг., противник восстановления патриаршества. Избран заместителем члена Высшего Церковного совета. В 1918 г. при гетманате — председатель учрежденного министром исповеданий Зеньковским Ученого комитета. Благодаря поддержке министра провел новый Устав Киевской духовной академии. Как председатель Ученого комитета руководил работой по переводу Библии и богослужебных книг на украинский язык и проч. украинизаторскими программами. В 1919 г. выехал в Крым. В 1919–1921 гг. — преподаватель философии в Таврическом университете, участник Религиозно-философского общества Симферополя. В период советской украинизации 1920-х гг. работал в Постоянной комиссии по изданию биографического справочника украинских деятелей, в Еврейской исторической комиссии, в Комиссии по изучению истории Киева, Византологической комиссии при ВУАН. Арестован и осужден к исправительно-трудовым работам. Умер после тяжелой болезни, похоронен в Киеве.

Мищенко Федор Иванович (1874–?) — писатель, специалист по церковному праву. Окончил Киевскую духовную академию. В 1907 г. защитил магистерскую диссертацию «Речи святого апостола Павла в книге Деяний Апостольских». Профессор Киевской Духовной академии по кафедре церковного права. Участвовал в работе Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг., вместе с С. Н. Булгаковым готовил проект определения «О правовом положении Российской православной церкви». Умеренный украинофил. Принимал участие

в работе Всеукраинского Церковного Собора 1918 г., выступал за предоставление Украинской церкви широкой автономии. При советской власти работал в УАН. В 1928 г. в период очередной волны украинизации был исключен из УАН как «москвофил».

façon de parler, c'est une façon de parler (*фр.*) — это так только говорится; не надо придавать этому значения.

Кистяковский Игорь Александрович (1876–1940) — юрист, общественный и политический деятель. Сын известного юриста, профессора Киевского университета и украинофила А. Ф. Кистяковского, брат Б. А. Кистяковского. Окончил юридический факультет Киевского университета. В 1900 г. защитил магистерскую диссертацию «Долговая ответственность наследника в римском праве». Приват-доцент Киевского, с 1903 г. — Московского университета. Читал курс гражданского процесса. В 1911 г. оставил университет, протестуя против ограничения университетской автономии. Преподавал в Московском коммерческом институте. Практиковал как адвокат по гражданским делам, долгое время был помощником адвоката С. А. Муромцева. В конце 1917 г. вернулся в Киев. В правительстве Украинской державы занимал должность державного секретаря (с мая 1918 г.). В июле 1918 г. был назначен министром внутренних дел. Эмигрировал. С 1921 г. в Париже. Член Союза русских адвокатов за границей. Член общества «Икона». Умер в 1940 г. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

au fond (*фр.*) — по существу, в сущности.

Selbstironie (*нем.*) — самоирония.

Департамент исповеданий — С января 1918 г. Департамент исповеданий Министерства внутренних дел УНР при режиме Центральной рады возглавлял Николай Бессонов — бывший

епископ Енисейский и Красноярский Никон. Н. Бессонов известен тем, что уже 3 марта 1917 г. направил председателю Государственной думы Родзянко, председателю Совета министров Львову и военному министру Гучкову личную телеграмму: «Христос воскрес! Искренно рад перемене правительства, ответственному министерству. Долго терпели...». В том же году он обвенчался с ученицей подведомственного ему духовного заведения и в августе 1917 г. был лишен сана и монашества. Перебравшись на Украину, стал работать журналистом. Статьи, которые он помещал в различных киевских изданиях, были подписаны «бывший епископ Никон — Микола Бессонов». Факт его назначения главой Департамента исповеданий возмущал иерархов. Но Николай Бессонов имел репутацию демократа и украинофила, и это импонировало сторонникам Центральной рады. В целом же правительство Центральной рады в 1917 г. было равнодушно к церковной политике. Поэтому неудивительно, что в апреле 1918 г. должность директора Департамента исповеданий с правами товарища министра занял член УСДРП В. М. Чеховский — «предшественник» министра Зеньковского.

Мирович Константин Константинович (ок. 1867—?) — кандидат богословия, помощник смотрителя Киево-Подольского духовного училища, участник Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. (избран от мирян Киевской епархии).

Глеб Сергеевич Жекулин — Сын Аделаиды Владимировны Жекулиной (1866–1950) — директрисы частной женской гимназии и организатора Высших женских курсов в Киеве. Известно, что у А. В. Жекулиной, рано потерявшей мужа, была большая семья. Жекулину и Зеньковского объединяли общие педагогические интересы. Они сотрудничали и в России, и в эмиграции.

...идеи о свободной церкви, которые впервые зародил в мою душу Вл. Соловьев... — *Владимир Сергеевич Соловьев (1853–*

1900) — учение о «свободной Церкви» было изложено В. С. Соловьевым в ряде работ, в том числе «Россия и Вселенская Церковь», в которой показывалось преимущество свободной от государства католической Церкви перед «казенным православием» в России: «Никакая Церковь никогда не смотрела равнодушным оком на распространение чуждых ей верований, грозивших оторвать от нее верных. Дело лишь в том, каким оружием должна пользоваться Церковь для борьбы с своими врагами: должна ли она ограничиваться духовными средствами убеждения или имеет право *прибегнуть к Государству*, чтобы воспользоваться его материальным оружием — принуждением и гонением? Эти два способа бороться с врагами Церкви не исключают друг друга безусловно. Можно различать (если имеешь необходимые к тому способности) интеллектуальное заблуждение от злой воли и, действуя на первое убеждением, защищаться от второго лишением его средств наносить вред. Но есть одно совершенно необходимое условие для того, чтобы духовная борьба была возможна: это чтобы сама Церковь владела *церковной* свободой, чтобы она не была подчинена Государству. Тот, у кого связаны руки, не может защищаться собственными средствами, ему поневоле приходится полагаться на чужую помощь. Государственная Церковь, окончательно поработанная светской властью и существующая только по доброй ее милости, тем самым отрекается от своего духовного могущества и может быть защищена с некоторым успехом лишь материальным оружием... В прошлые века римско-католическая Церковь (уделом которой всегда была церковная свобода и которая никогда не была Церковью государственной), не прекращая борьбы со своими врагами духовным оружием наставления и проповеди, разрешала католическим Государствам защищать мирским мечом дело религиозного единства. В настоящее время нет уже более католических Государств: Государство на Западе атеистично, и римская Церковь продолжает существовать и процветать, опираясь исключительно на меч духовный, на нравственный авторитет и свободную проповедь своих начал. Но иерархия,

отдавшаяся в руки светской власти и доказавшая тем свое внутреннее бессилие, как может она проявить моральный авторитет, от которого она отказалась. Наше современное церковное управление отдалось исключительно интересам Государства, получая взамен обеспечение своего существования, находящегося под угрозой старообрядчества. При такой чисто материальной цели и средства не могут носить другого характера. Меры принуждения и насилия, изложенные в русском Уложении о наказаниях, — вот в сущности единственное оборонительное оружие, которое наше *казенное православие* умеет противопоставить как местным староверам, так и представителям чуждых исповеданий, желающим оспаривать у него власть над душами. Если некоторые церковные деятели и пытались в последнее время вести борьбу с сектантами при помощи полупубличных собеседований, то слишком очевидная недобросовестность этих прений, где одна сторона осуждена во что бы то ни стало оставаться неправой и смеет говорить только то, что ей позволяют ее противники, только еще яснее выставила все нравственное бессилие этой господствующей Церкви, слишком искательной перед земными властями и слишком беспощадной к душам. И ее-то нам хотят выдать за свободное единение душ в духе любви.

Славянофилы в своей антикатолической полемике постарались смешать церковную свободу со свободой религиозной. А так как католическая Церковь не всегда была терпима и не допускает в принципе безразличия в вопросах веры, то и весьма нетрудно было разглагольствовать о римском деспотизме, обходя молчанием великое преимущество *церковной* свободы, которое один только католицизм всегда сохранял среди всех христианских исповеданий. Но когда дело идет о нас самих, то совершенно бесполезно смешивать эти две свободы, ибо совершенно очевидно, что мы не имеем ни той, ни другой...».

...«начальник не без ума меч носит»... — Цитата из Послания Апостола Павла Римлянам: «Всякая душа да будет покорна

высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть слуга Божий, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое...» (Рим. 13:1-4).

...«князь Церкви» — «Князь Церкви» — термин, применяемый в рамках католической традиции для обозначения высших церковных должностей (папы, епископов, кардиналов и проч.). Данный термин имеет смысл в рамках концепции цезаризма (папоцезаризма), согласно которой иерарх Церкви — это глава общества и законный носитель функций государства. Папоцезаризм — следствие исторического развития Западного христианства, которое при распаде Западной Римской империи сохранило церковную структуру, соперничавшую со светской властью варварских королевств.

...выписал архиепископа Евлогия в Киев... — Архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский) приехал в Киев по поручению патриарха Тихона, который, вызвав Евлогия из епархии в Москву, поручил тому проведение выборов Киевского митрополита. «Около Пасхи (вскоре после утверждения Скоропадского) я получил от Патриарха указ — поехать в Киев и провести выборы Киевского митрополита вместо убиенного митрополита Владимира. Всероссийский Церковный Собор принял следующее постановление о выборах архиереев: каждая епархия имела право выбирать своего кандидата; Патриарх утверждал его, а если кандидатуру считал неприемлемой, то он присылал своего кандидата. Вскоре после Пасхи я отправился в Киев. По приезде я устроил несколько предвыборных собраний, дабы ознакомиться с возможными кандидатурами и их обсудить...» (Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни).

Василий (Дмитрий Иванович Богдасhevский) (1861–1933) — ректор Киевской ДА, архиепископ. Родился в Волынской губернии в семье священника. Окончил Мелецкое духовное училище, Волынскую духовную семинарию и в 1886 г. — Киевскую духовную академию. В 1890 г. получил степень магистра богословия за работу «Лжеучения, обличаемые в первом послании св. ап. Иоанна». Утвержден в должности доцента по кафедре философии, затем профессора по кафедре Священного Писания. С 1909 г. — инспектор Киевской духовной академии. В 1910 г. рукоположен в священство. В том же году стал редактором журнала «Труды Киевской Духовной Академии». В 1913 г. принял монашество, возведен в сан архимандрита. С 1914 г. — ректор Киевской Духовной Академии, настоятель Братского монастыря, епископ Каневский, викарий Киевской епархии. Почетный член Московской, Петроградской и Казанской Духовных Академий. Товарищ председателя Киевского религиозно-просветительского общества. Член Комиссии по научному изданию славянской Библии. Награжден государственными наградами Российской империи. В 1917 г. при режиме Центральной рады противостоял идее украинизации учебного процесса в КДА. Поддерживал политику Временного правительства, в том числе курс на автономию Украины и противодействие сепаратизму. После падения Временного правительства был вынужден открыть три украинских кафедры в КДА. Однако, стоя на канонических позициях, не поддержал деятельность афтокефалистской ВПЦР и отказался от предложения ее лидеров возглавить Киевскую митрополию после убийства митрополита Владимира (Богоявленского). В январе 1918 г. был вынужден закрыть Академию. Участвовал в отпевании и погребении митрополита Владимира. В 1918 г. принимал участие в работе трех сессий Всеукраинского Церковного Собора, возглавлял Учебную комиссию. В период гетманата сначала составлял оппозицию министру исповеданий Зеньковскому. Однако, под влиянием обстоятельств (КДА не финансировалась с 1917 г.) пошел на компромисс с гетманом и министром исповеда-

ний, поддержав «Временный устав КДА». Вместе с Зеньковским выступил с идеей создания богословских факультетов при университетах. Назначен Председателем Переводческого комитета при Киевской митрополии. После ареста Антония, Евлогия и Никодима властями Директории вошел в состав временного исполнительного органа — Конторы Священного Собора епископов Украины. Принимал экстренные меры к сохранению КДА (в 1920 г. академия выпустила 8 человек). В 1920-е гг. сохранил верность каноническому православию. В 1923 г. был арестован, содержался в Бутырской тюрьме, приговорен к ссылке в Зырянском крае. После освобождения в 1926 г. назначен епископом Прилуцким, затем Каневским. В том же году возведен в сан архиепископа с правом ношения креста на клобуке. Скончался в Киеве.

...официальных кандидатов было два: митр. Антоний и еп. Димитрий... — На совещании епископов, проведенном архиепископом Евлогием, обсуждались четыре кандидатуры: митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий), митрополит Одесский Платон (Рождественский), митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) и епископ Уманский Димитрий (Вербицкий). После обсуждения наибольшее число голосов собрали Антоний и Димитрий.

...на 7 голосов больше еп. Димитрия... — В мемуарах и исследовательских работах используются разные данные о численности епархиального собрания и о результатах выборов митрополита. Так, например, епископ Евлогий утверждал, что Антоний был избран «подавляющим числом голосов».

Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) — философ, правовед, общественный деятель. В 1885 г. окончил юридический факультет Московского университета. Друг В. С. Соловьева (знакомство произошло в 1886 г.). В 1882 г. за работу «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Мирозозерцание блаженного Августина» получил

магистерскую степень. В 1897 г. защитил докторскую диссертацию «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI в. Миросозерцание папы Георгия VII и публицистов — его современников». Преподавал в Демидовском лицее в Ярославле. В 1897—1905 гг. — профессор Киевского университета. Принял участие в сборнике «Проблемы идеализма» (1902). С 1906 г. возглавлял кафедру энциклопедии и истории права в Московском университете. В 1906—1910 гг. редактировал журнал «Московский Еженедельник». Один из организаторов Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, Психологического общества при Московском университете и книгоиздательства «Путь». Не принимал радикальных новаций и выводов В. С. Соловьева: пантеизма, увлечения католицизмом и идеей всемирной теократии. В 1917 г. покинул Москву. Примкнул к Добровольческой армии. Умер незадолго до эвакуации русских войск в Новороссийске 23 января 1920 г.

«Общественный центр» — По-видимому, речь идет об одной из антибольшевистских организаций, ставивших своей целью объединение и координацию антибольшевистских сил — Правом или Национальном центре. Правый центр был создан в Москве в марте 1918 г. В его создании приняли участие члены кадетской партии, Совета общественных деятелей, Торгово-промышленного комитета и Союза земельных собственников. Руководителями Правого центра были А. В. Кривошеин, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве и др. Организация распалась из-за идейных противоречий и тактических разногласий. Большинство членов Правого центра вошло в Национальный центр. Национальный центр, созданный в Москве в мае — июне 1918 г., был составлен на основе более широкой коалиции: в него вошли деятели Правого центра, кадеты, октябристы, правые эсеры, меньшевики-оборонцы. Во главе организации стояли Д. Н. Шипов, М. М. Федоров, Н. Н. Щепкин и др. Осенью 1918 г. руководство Национального центра переехало на Юг России, а московское и петроградское отделения

были разгромлены. Тактический центр, объединивший Национальный центр и Союз Возрождения России, был создан в 1919 г., т. е. значительно позже описываемых событий.

...издательство «Путь»... — Книгоиздательство «Путь» было основано в 1910 г. меценаткой М. К. Морозовой и кн. Е. Н. Трубецким. Ранее на ее средства выпускался журнал «Московский еженедельник» (1906—1910). М. К. Морозова принимала активное участие в работе Московского Религиозно-философского общества, заседания которого проходили в ее доме в Глазовском переулке. Близость М. К. Морозовой с философом Е. Н. Трубецким, круг их интересов и общения предопределили идейную направленность издательства — религиозную философию, сочетавшую идеи либерализма и христианскую догматику, богоискательство и богостроительство, оригинальное неославянофильство.

...при издании существовавшей всего 8 дней церковно-социалистической газеты «Народ»... — Газета «Народ» выходила в Киеве со 2 по 10 апреля в 1906 г. Придерживалась религиозно-социалистической и революционной ориентации. Была закрыта властями. Основные материалы были предоставлены С. Н. Булгаковым и Зеньковским.

Карловацкое движение (Карловацкая церковь, карловацкий раскол) — название, прилагаемое к Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ), отколовшейся от Московского Патриархата в ноябре — декабре 1921 г. согласно решению 1-го Всезаграничного Русского Церковного Собора, проходившего в г. Сремски Карловцы (Югославия). В годы гражданской войны было создано Высшее Церковное Управление Юга России (ВЦУ), действовавшее с согласия Патриарха Тихона. Архиереями, покинувшими Россию в 1920 г. и оказавшимися в Константинополе, было принято решение о сохранении ВЦУ. Председателем ВЦУ был митрополит Антоний (Храповицкий), а управление русскими приходами в Европе

было передано архиепископу Евлогию (Георгиевскому). Эти организационные решения были согласованы с Московским Патриархатом. В ноябре 1921 г. в г. Сремских Карловцах (городе, где находилась резиденция Сербского Патриарха и где нашли приют многие русские архиереи) открылось Общецерковное заграничное собрание, которое вскоре было переименовано в Всеаграничный Русский Церковный Собор. На Соборе присутствовали не только епископы и представители белого и черного духовенства, но и посланцы от приходов, политических и военных эмигрантских организаций. Деятельность Собора приобрела политический характер (показательно, что с заседаний был изгнан бывший министр Временного правительства М. В. Родзянко). Собор обратился к народам Европы и мира с воззванием об оказании помощи русскими эмигрантам в деле вооруженного свержения «большевизма, этого культа убийства, грабежа из России и всего мира». Во втором послании Собора была поставлена цель восстановления в России монархии и возвращения престола династии Романовых. Тридцать четыре члена Собора, среди которых были 12 священников во главе с архиепископом Евлогием (Георгиевским), высказались против этого воззвания, указывая на тяжелое положение Церкви в Советской России и опасность, грозящую Патриарху Тихону. И действительно, решения Собора, в которых его участники ссылались на благословение Тихона, были использованы советскими властями для обвинения Церкви и Патриарха в контрреволюции в период проведения кампании по изъятию церковных ценностей. Карловацкий Собор принял важные организационные решения. Было образовано Высшее Церковное Управление за границей, состоявшее из Архиерейского Синода и Церковного Совета. Председателем ВЦУ за границей стал митрополит Антоний. Однако в мае 1922 г. Св. Синодом и Высшим Церковным Советом под председательством Патриарха Тихона было вынесено постановление о том, что Карловацкий собор не имеет канонического значения и не выражает официальный голос Русской Церкви. Высшее Церковное

Управление за границей было упразднено. В сентябре 1922 г. в г. Сремски Карловцы состоялся Архиерейский Собор, на котором ВЦУ было упразднено согласно решению Патриарха. Но остались иные органы управления, в частности — Архиерейский Синод. Евлогий, управлявший русскими приходами, не согласился с политикой Архиерейского Синода и переехал в Париж, где основал Епархиальное управление. Архиерейские Соборы 1923 и 1924 гг., проходившие в тех же Сремских Карловцах, усугубили разногласия между Антонием и Евлогием и их сторонниками. Обе стороны конфликта ссылались на единство Русской Церкви и Московского Патриархата. К разрыву между карловчанами и евлогианцами подтолкнуло решение Архиерейского Собора 1924 г. об упразднении автономии Западноевропейской митрополии, находившейся в ведении Евлогия. На Архиерейском Соборе 1926 г. Евлогий предложил рассмотреть вопрос об управлении Русской Православной Церковью за границей и после отказа в его требовании покинул Собор. Покинул Собор и митрополит Платон (Рождественский), управлявший Северо-Американской митрополией. Архиерейский Собор 1927 г. запретил Евлогия и его сторонников в священнослужении, а последний объявил это собрание неканоничным. Окончательное идейное оформление Карловацкого движения произошло в 1927 г. — после известной декларации Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола Сергея (Страгородского) о лояльности советской власти. Такой же лояльности Синод в Москве потребовал и от зарубежных иерархов. И если Евлогий откликнулся на это требование, то Антоний, напротив, выступил с гневной отповедью: «Ныне повсюду пропечатаны в газетах и читаются во многих храмах, которые еще недавно были православными, два послания моих, увы, когда-то единомышленников и любимых учеников — митрополитов Сергея и Евлогия, ныне отпавших от спасительного церковного единства и связавшихся с врагами Христа и Святой Церкви, — гнусными богохульниками большевиками, подчинившимися во всем представителям еврейского лжеучения, ко-

торое известно под именем коммунизма или материализма...» Таким образом, основополагающими принципами Карловацкого движения стали: монархизм, неприятие советской власти, ставка на вооруженное вмешательство с целью свержения коммунистического режима в СССР, требование раскаяния от Московского патриархата, который пошел на компромисс с безбожной властью, претензия на право выражать волю русского народа... История расколов и воссоединений евлогиянцев, карловчан и иных групп Русской Церкви в эмиграции, оформленных в Митрополии, Экзархаты, Митрополичьи округа и т. д., продолжалась на протяжении всего XX в. Не закончилась она и поныне. Ирония истории заключается, однако, в том, что готовность к объединению в 2007 г. проявили РПЦ Московский Патриархат и РПЦЗ — наследник консервативного антисоветского Карловацкого движения.

...газета «Киевлянин», выходившая под каким-то новым названием, но во главе с тем же В. В. Шульгиным... — Весной 1918 г. под редакцией В. В. Шульгина в Киеве начал выходить альманах «Малая Русь» (вышло два номера). Издание газеты «Киевлянин» Шульгин прекратил практически сразу после прихода немцев в марте 1918 г. В последнем номере газеты он следующим образом объяснил свое решение: «...Так как мы немцев не звали, то мы не хотим пользоваться благами относительного спокойствия и некоторой политической свободы, которые немцы нам принесли. Мы на это не имеем права... Мы были всегда честными противниками. И своим принципам не изменим. Пришедшим в наш город немцам мы это говорим открыто и прямо. Мы — ваши враги. Мы можем быть вашими военнопленными, но вашими друзьями мы не будем до тех пор, пока идёт война. У нас есть только одно слово. Мы дали его французам и англичанам, и пока они проливают свою кровь в борьбе с вами за себя и за нас, мы можем быть только вашими врагами, а не издавать газету под вашим крылышком». Издание «Киевлянина» было возобновлено в августе—декабре 1919 г.

...«жена В. В. Шульгина»... — Скорее всего, речь идет о первой жене В. В. Шульгина — Екатерине Григорьевне (в девичестве Градовской). Во время эвакуации из Крыма супруги Шульгины, потерявшие двух сыновей (один был убит в 1918 г., другой ранен в боях на Перекопе), расстались. Шульгин, формально находившийся в законном браке с Екатериной Григорьевной, в первые годы эмиграции уже жил с Марией Дмитриевной Сидельниковой. В 1923 г. Шульгин развелся с первой женой и в следующем году обвенчался с Марией Дмитриевной, которая сопровождала его до конца своей жизни (умерла во Владимире в 1968 г.). Екатерина Григорьевна Шульгина, по некоторым сведениям, покончила жизнь самоубийством в 1934 г.

Скрынченко Дмитрий Васильевич (1875–1947) — церковный, общественный и политический деятель. Родился в Воронежской губернии в семье псаломщика. Окончил Воронежское духовное училище, затем Воронежскую духовную семинарию. С 1897 г. по 1901 г. учился в Казанской духовной академии. В 1901 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Ценность жизни по современно-христианскому и философскому учению», кандидат богословия. С 1901 г. преподавал в Пермской духовной семинарии, был переведен в училище в Старой Руссе. С 1913 г. преподавал в Минской духовной семинарии. В 1905–1912 гг. редактировал «Минские епархиальные ведомости» и газету «Минское слово». Странник концепции западнорусизма, основанной на признании единства русского народа. Зарекомендовал себя как противник полонизации и католизации края. Ратовал за повышение роли Православной церкви, предлагал опираться на Православные братства Западного края, имевшие опыт противостояния католицизму и униатству. Принимал участие в подготовке и проведении выборов в 1-ю и 2-ю Государственную думу. Член «Русского Крайнего союза». В 1908 г. принимал участие в съезде представителей Православных братств Западного края, где выступил с докладом «Трагедия народа». Обратился к депутатам

Государственной думы с письмом «У нас своя Босния», предостерегая от опасности аннексии края. Активно занимался изучением истории Западного края (Виленское православное братство, деятельность К. К. Острожского и проч.) с целью сохранения русских основ его культуры. Содействовал открытию Церковно-археологического музея, участвовал в раскопках в Турове. Редактор еженедельника «Минская старина». В 1912 г. покинул Минск, переехал в Житомир. С 1913 г. — в Киеве, преподаватель во 2-й Киевской гимназии. Печатался в газетах «Киевлянин» и «Киев». Член Клуба русских националистов. В период гетманата принимал участие в Епархиальном собрании, избравшем Киевским митрополитом Антония (Храповицкого). Участник Всеукраинского Церковного Собора 1918 г., выступал против автокефалии и украинизации церкви. Покинул Киев с войсками Деникина в 1919 г. С 1920 г. в эмиграции в Сербии. В 1921 г. принимал участие в работе Русского Всезаграничного Церковного Собора в г. Сремски Карловцы. В 1927–1941 гг. — председатель новосадского отделения культурно-просветительского общества «Русская Матица» в Югославии. В 1934 г. помог организовать встречу Антония и Евлогия, в результате чего было восстановлено молитвенное общение между карловчанами и евлогианцами. В 1941 г. после оккупации г. Новый Сад союзными с Гитлером венграми работал директором русской гимназии. В 1944 г. после вступления советских войск на территорию Югославии остался в г. Новый Сад. С 1945 г. работал библиотекарем при «Обществе по культурному сотрудничеству Воеводины с СССР», которому передал библиотеку «Русской Матицы».

Холмищина, Холмская Русь, Забужье — историческая область на левобережье Западного Буга, население которой сохранили к началу XX в. русскую (русинскую) идентичность. Вошла в состав России как часть Царства Польского в 1815 г. в соответствии с решениями Венского конгресса, ликвидировавшего последствия наполеоновских войн. После революции 1905–1907 гг. 3-я Государственная Дума в нескольких чтениях

рассматривала законопроект о выделении Холмщины в отдельную административно-территориальную единицу в целях сохранения и поддержания русской православной культуры края (инициатором решения «Холмского вопроса» был архиепископ Евлогий). В результате в 1912 г. была образована Холмская губерния с административным центром в Холме, которая была передана в подчинение Киевскому генерал-губернаторству. К 1916 г. Холмщина была оккупирована Австро-Венгрией. Февральская революция и последовавший за ней распад Российской империи обострили вопрос о принадлежности Холмской губернии. На нее помимо Австро-Венгрии претендовали Польша, входившая тогда в зону немецкой оккупации, и сторонники реализации проекта «Соборной Украины». Австро-Венгрия встала на путь поддержки польской администрации края. Начались этнические депортации русского населения из Холмщины. Одним из условий подписания Украинского Брестского мира между делегациями УНР и германского блока (февраль 1918 г.) было признание Холмщины частью Украинской народной республики. Но эта договоренность не была выполнена, и положение русского населения Холмщины не изменилось. Австро-Венгрия препятствовала возвращению на родину русского населения, способствовала насаждению католицизма. На Холмщину не допускались православные священники, закрывались православные храмы, конфисковалось церковное имущество, было запрещено совершать богослужения и таинства. Степень и формы насилия над русским православным населением Холмщины позволяли и позволяют галицким русинам ставить вопрос о геноциде. Министр исповеданий Украинской державы Зеньковский пытался решить Холмскую проблему, обратившись к австрийскому послу графу Форгачу. Он добился возвращения в Холмщину 50 православных священников и получил разрешение на финансирование Православной церкви в Холмщине за счет украинского бюджета. В 1919 г. в ходе польско-советской войны Холмщина отошла к Польше. И если в 1939–1940 гг. к УССР были присоединены Восточная Галиция и Северная Буковина, а в 1945 г. —

Закарпатье, то Холмщина осталась в составе Польши. После этого русинское население края было депортировано и ассимилировано польскими властями.

Шараевский Нестор (1865–1929) — сторонник автокефалии Украинской церкви, архиепископ УАПЦ, липковец, самосвят. Священник. Член Всеукраинской Православной Церковной рады, созданной в ноябре 1917 г. сторонниками автокефалии. Входил в состав делегации ВПЦР, выдвинувшей митрополиту Киевскому и Галицкому Владимиру требование покинуть Украину. Как член ВПЦР участвовал в работе Всеукраинского Церковного Собора 1918 г. Весной 1919 г. после занятия Киева большевиками вместе с В. Липковским и П. Тарнавским вошел в состав т. н. Всеукраинской Православной рады, в ведение которой были переданы многие православные храмы, в том числе Софийский собор. В 1921 г. — участник Всеукраинского Собора, на котором методом наложения рук был посвящен в митрополиты Липковский. Рукоположен Липковским первым из 17 новых епископов УАПЦ. Участник Всеукраинского Собора 1927 г.

С. Филиппенко — один из активных членов автокефалистской группы В. Липковского. В УАПЦ, однако, епископского сана не получил.

Мухин Николай Федосеевич (1868–1919) — историк, писатель. Окончил Киевскую духовную академию. В 1897 г. защитил диссертацию на тему «Послание св. Апостола Павла к Колоссянам». Профессор истории западнорусской церкви (по другим сведениям, древней гражданской истории) в Киевской духовной академии. Принадлежал к сторонникам обновления церковной жизни; в 1917 г. вместе с группой преподавателей КДА составил проект открытия в Киеве Высших богословских курсов для женщин. Сторонник украинизации учебных заведений, в том числе КДА. В период гетманата работал в подкомиссии Учебной комиссии Всеукраинского цер-

ковного Собора 1918 г., занимавшейся подготовкой принятия нового Устава КДА. Входил в состав Ученого Комитета при Министерстве исповеданий.

Иннокентий III (1160/1161–1216) — римский папа с 1198 г. Известен тем, что в период ослабления папской власти боролся за реализацию принципа верховенства Церкви над светскими королями. Утверждал, что «Королевская власть подчинена папской. Первая властвует только на земле и над телами, вторая — на небе и над душами. Власть королей простирается только на отдельные области, власть Петра охватывает все царства, ибо он — представитель Того, Кому принадлежит вселенная». Попытался вывести итальянские города-коммуны из-под подчинения императору Священной Римской империи и поставить их под контроль папской власти. Активно вмешивался в династическую борьбу в Европе и в Англии. В итоге заставил английского короля Иоанна Безземельного и некоторых других монархов признать себя его вассалами. Инициатор Четвертого крестового похода и похода против альбигойцев. В российской истории известен как инициатор крестовых походов против «язычников» — прибалтийских народов и русских православных христиан. Именно с его идейным наследием — экспансией католических орденов — пришлось бороться кн. Александру Невскому.

...полковник Ханыков — Вероятно, *Ханыков Николай Николаевич* (1889–1967) — полковник, участник гражданской войны, офицер Дроздовского полка, член «Общества Галлиполийцев» в эмиграции.

Корольков Иоанн Николаевич — протоирей, профессор по кафедре греческого языка и словесности в Киевской духовной академии (сведения до 1900 г.).

Консистории — государственно-церковные органы с административными и судебными функциями. Появились в 1744 г.

согласно синодальному указу об унификации местного церковного управления. Консистории заменили архиерейские домовые правления. Первый Устав духовных консисторий был принят в 1841 г., а изменен в 1883 г. Устав определял основные положения о консисториях, вопросы, подлежащие их рассмотрению, процедуру и полномочия епархиального суда, состав консистории и порядок ведения дел. Распоряжения консистории вступали в силу лишь после резолюции архиерея. Лишь его отсутствие по ряду причин допускало окончательное разрешение дел членами консистории. В штат консисторий входили представители белого и черного духовенства. Руководил же их работой секретарь, назначаемый обер-прокурором.

Феофан (Василий Дмитриевич Быстров) (1873—1940) — архиепископ Полтавский и Переяславский. Родился в семье священника Санкт-Петербургской губернии. Окончил Петербургскую духовную семинарию, в 1896 г. — Петербургскую Духовную академию. Оставлен в академии профессорским стипендиатом, назначен и. о. доцента академии по кафедре библейской истории. В 1898 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха. С 1901 г. возведен в сан архимандрита, назначен и. д. инспектора академии. В 1905 г. за работу «Тетраграмма, или ветхозаветное Божественное имя Яхве» получил степень магистра богословия, назначен профессором академии, утвержден в должности инспектора. В 1909 г. — ректор Санкт-Петербургской академии, епископ Ямбургский, четвертый викарий Санкт-Петербургской епархии. Противостоял распространению в СПбА либеральных идей и научных (позитивистских) методов исследования. Отрицательно относился к религиозной философии (Соловьев, Булгаков, Флоренский и др.) и богоискательству, отвергая возможность рационального понимания вопросов веры. Обладал уникальными качествами, которые привлекли к нему внимание императрицы Александры Федоровны. Был духовником императорской семьи. Ввел в окружение царской семьи Г. Распутина. С 1910 г. — епископ Таврический и Симферополь-

ский. В 1912 г. — епископ Астраханский. В 1913 г. — епископ Полтавский и Переяславский, возведен в сан архиепископа. В 1917 г. участвовал в работе Всероссийского Церковного Собора 1917—1918 гг. В 1919 г. в Полтаве отказался служить панихиду по Ивану Мазепе. В 1919 г. — член Высшего Церковного Управления Юга России. С 1920 г. в эмиграции. В 1921 г. принимал участие в Русском Всеаграничном Соборе в Сремских Карловцах. Состоял членом Архиерейского Синода РПЦЗ до 1926 г. Разорвал отношения с Карловацкой церковью из-за толкования догмата об Искуплении веры митрополитом Антонием (Храповицким). Не поддержал движение монархистов. Негативно относился к Свято-Сергиевскому Богословскому институту и его профессорами, не имевшим богословского образования. Однозначно негативно относился к декларации митрополита Сергия 1927 г., считал советскую власть антихристианской. В 1925 г. переехал в Болгарию, отошел от дел, до минимума ограничил общение с внешним миром. В 1931 г. уехал во Францию, стал затворником.

Болотов Василий Васильевич (1853—1900) — историк церкви. Родился в семье дьячка Троицкого собора г. Осташкова Тверской губернии. Окончил Осташковское духовное училище, Тверскую духовную семинарию. В 1879 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию, защитил магистерскую диссертацию «Учение Оригена о Св. Троице». С 1879 г. преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии, с 1885 г. — профессор древней церковной истории. С 1893 г. — член-корреспондент Императорской Академии наук. В 1896 г. по совокупности трудов получил степень доктора церковной истории. Заслужил не только общероссийское, но и международное признание. Правительством и Церковью привлекался в качестве эксперта в деле разрешения ряда вопросов; член старокатолической комиссии, комиссии по переводу богослужебных книг на финский язык и др. В конце жизни состоял членом комиссии при астрономическом обществе, разрешавшей проблему согласования старого стиля с новым. Несмотря

на тяжелую болезнь и связанные с нею физические ограничения, продолжал активно работать. Работая с первоисточниками по истории церкви, применял методику сравнительного языкознания; владел греческим, латинским, арабским, еврейским, сирийским, коптским, персидским и иными языками. Из современных европейских языков владел немецким, французским, английским, итальянским, читал на голландском, датско-норвежском, португальском и др. В научных работах использовал новаторские методы, производные от синтеза точных, естественных и гуманитарных наук.

Тураев Борис Александрович (1868–1920) — востоковед, основоположник отечественной школы истории и филологии Древнего Востока, в том числе египтологии и эфиопистики. Родился в Новогрудке. Выпускник 1-й Виленской гимназии. В 1891 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Ученик О. Э. Лемма. Для продолжения образования направлен за границу. Работал в музеях и библиотеках Берлина, Лондона, Парижа и городов Италии, слушал лекции востоковедов и филологов А. Эрмана, Масперо, Э. Шрадера и др. С 1896 г. — приват-доцент, с 1904 г. — экстраординарный, с 1911 г. — ординарный профессор Петербургского университета. В 1898 г. защитил магистерскую диссертацию «Бог Тот. Опыт исследования в области древнеегипетской культуры». С 1912 г. хранитель собрания египетских древностей Музея изящных искусств в Москве. Собираатель и публикатор древних рукописей по истории Востока, хранившихся в музейных и частных коллекциях. С 1918 г. академик РАН. Основал научную школу отечественного востоковедения, среди его учеников — В. В. Струве. Основной труд — фундаментальная «История Древнего Востока» (1911), признанная мировой научной общественностью в качестве одного из крупнейших исследований по теме.

Ключевский Василий Осипович (1841–1911) — историк. Родился в Пензенской губернии в семье приходского священни-

ка. Учился в Пензе в приходском духовном училище, духовном уездном училище и в духовной семинарии. Готовился к поступлению в Духовную академию, однако выбрал иной путь. В 1861 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. За выпускное сочинение «Сказания иностранцев о Московском государстве» награжден золотой медалью и оставлен в университете для получения профессорского звания. В 1872 г. защитил магистерскую диссертацию «Древнерусские жития как исторический источник», проанализировав более пяти тысяч агиографических источников. Преподавал курс всеобщей истории в Александровском военном училище, на Высших женских курсах, в Училище живописи, ваяния и зодчества. С 1871 г. по 1906 г. читал курс истории в Московской духовной академии. В 1882 г. защитил докторскую диссертацию «Боярская дума Древней Руси». С 1879 г. — приват-доцент, с 1882 г. — профессор русской истории Московского университета. С 1889 г. — член-корреспондент Петербургской АН, с 1900 г. академик истории и древностей русских, с 1908 г. — почётный академик по разряду изящной словесности. После смерти С. М. Соловьева — глава московской школы историков. Инициатор чтения публичных лекций по истории в Политехническом музее. Учитель всеобщей истории наследника престола вел. кн. Георгия Александровича, брата Николая II. Автор «Похвального слова» Александру III. Не поддерживал революционные выступления студенчества, а также революцию 1905–1907 гг. В 1905 г. входил в комиссию по выработке проекта нового цензурного устава. Участвовал в совещаниях по разработке проекта закона о Государственной думе. В 1905 избран в состав Государственного совета от Академии наук и университетов, но добровольно покинул эту должность. Неудачно баллотировался в состав Государственной думы. Похоронен на кладбище Донского монастыря.

Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937) — богослов и историк, церковно-общественный деятель. Родился в Вологодской губернии в семье сельского священника. Окончил

Кобыльскую церковно-приходскую школу, Никольское духовное училище, Вологодскую духовную семинарию. В 1889 г. окончил Московскую духовную академию первым учеником. Ученик профессоров А. П. Лебедева и Е. Е. Голубинского. Профессорский стипендиат. Направлен преподавателем в Воронежскую духовную семинарию. В 1890 г. защитил магистерскую диссертацию «Блаженный Феодорит, епископ Киррский: его жизнь и литературная деятельность», за которую получил от Св. Синода полную Макариевскую премию. Уже в то время получил признание российской и европейской науки. Его метод отличался фундаментальностью, сочетанием богословского, исторического и филологического подходов. В 1891 г. по настоянию ректора переведен на кафедру Священного Писания в Петербургскую духовную академию. В 1898 г. защитил докторскую диссертацию «Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу», которая легла в основу фундаментального трехтомного труда по этой теме. За работу «Благовестие св. Апостола Павла и иудейско-раввинское богословие» (1896) второй раз удостоен Макариевской премии. Экстраординарный, затем ординарный профессор СПбДА. Одновременно преподавал в Петербургском университете. По поручению Св. Синода занимался исправлением славяно-русского перевода Евангелий (его подготовительные материалы оказали влияние на текст перевода Нового Завета К. П. Победоносцева). Редактировал журналы «Церковный вестник» и «Христианское чтение». С 1905 г. по 1911 г. — редактор Православной Богословской энциклопедии, автор ряда статей. В 1905 г. избран членом епархиальной комиссии по подготовке к Поместному Собору Русской Православной Церкви, работал в Комиссии по выработке нового устава духовных академий созданного в 1906 г. Предсоборного присутствия. В 1907–1908 гг. работал в особых Совещаниях по вопросу о реформе Духовных школ и органов церковного управления. Предлагал создать факультеты православного богословия в российских университетах для повышения уровня исследований. В 1909 г. принимал участие

в особом совещании при Св. Синоде для выработки проекта положения о поводах к разводу. С 1911 г. — постоянный член Училищного Совета при Святейшем Синоде. С 1909 г. член-корреспондент Императорской АН по Отделу русского языка и словесности. Принимал участие в работе над составлением «Словаря русского языка». Активный участник экуменического движения. С 1914 г. по поручению Св. Синода редактировал «Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету». В 1918 г. читал лекции в Стокгольмском университете, встречался с патриархом Тихоном, предлагая проект слияния Петроградской духовной академии с Петроградским университетом. В 1919 г. — профессор Петроградского богословского института (созданного после закрытия в 1918 г. Петроградской духовной академии). С 1919 по 1921 гг. исполнял должность архивиста, архивариуса и редактора в Едином государственном архивном фонде (бывшем Синодальном архиве), занимал должность младшего ассистента в Петроградском университете. С 1921 г. в эмиграции (Финляндия, Германия, Чехословакия, Югославия, Болгария). В 1922 г. занял должность профессора Белградского университета. С 1923 г. — профессор кафедры Священного Писания Нового завета Богословского факультета Софийского университета, в создании которого принимал активное участие. В 1925 г. был избран чл.-корр. Болгарской АН. Выступал как представитель Болгарской церкви. Поддерживал отношения и сотрудничал как с карловчанами, так и с евлогианцами. В 1925, 1928—1929 гг. читал лекции в Свято-Сергиевском Богословском институте. Принимал участие в жизни РСХД. В 1934 г. вошел в состав Ученого комитета под руководством Антония (Храповицкого), учрежденного при Архиерейском Синоде РПЦЗ. Скончался в Софии. Архив Н. Н. Глубоковского недавно возвращен в Россию.

...предсоборное совещание 1906—7 года... — реформирование Духовных академий, живших по консервативному Уставу 1884 г., было предметом рассмотрения Комиссии 1905 года,

V Отдела Предсоборного Присутствия (созданного в 1906 г.), Комиссий 1909, 1911 и 1917 гг. В 1905 г. свой проект Устава представили все четыре Духовные Академии. Но в основу работы V Отдела легли «Отзывы» епархиальных архиереев. В период реакции, наступившей как следствие революции 1905—1907 гг., победу одержала партия «охранителей» — сторонников сохранения Академий в структуре церкви и подчинения Академий епархиальным архиереям. Свидетельство тому — Устав Духовных академий 1910 г. По новому Уставу, Советы Академий лишались возможности назначать преподавателей, Св. Синод получил право увольнять преподавателей и назначать проверяющих на экзаменах, а епархиальный архиерей не только утверждал все решения Совета, но мог и отменить их.

...КДА подверглась специальной ревизии... — В 1908 г. ревизии подверглись все четыре Духовные Академии — Московская, Санкт-Петербургская, Казанская и Киевская. По итогам ревизии Св. Синод принял Указ, в котором, в частности, говорилось: «Согласно ревизорским отчетам, Святейший Синод усматривает, что жизнь наших Духовных Академий, подвергавшаяся за последние десятилетия частым колебаниям, а также некоторому общему ослаблению в отношении научной энергии и церковной дисциплины, отразила на себе противоцерковные влияния революционных годов». В КДА обнаружили сторонники как право-монархической, так и либеральной и революционно-демократической идеологии, вступившие друг с другом в противостояние. Оценка событий в КДА 1910 г., данная Зеньковским, обусловлена его политическими взглядами, научными пристрастиями и близостью к профессорам и преподавателям КДА, которые были его единомышленниками по Киевскому РФО. Профессор КДА М. Э. Поснов в письме к профессору Н. Н. Глубоковскому высказывался о деятельности либералов («кадетов») в Академии несколько иначе: «У них происходят частые конспиративные собрания. Разумеется, постановления и решения их для всех тайна. Слышно только, что особенную нетерпи-

мость и озлобленность к лицам некадетской партии обнаруживает В. И. Экземплярский». Г. В. Флоровский позднее проанализировал ситуацию в КДА и других Академиях и пришел к следующим выводам: «Вопрос о церковных преобразованиях оставался слишком тесно связанным с общим течением политической жизни. И обратный ход в политике сразу же повторился и в церковном управлении. Вопрос о реформах был отложен, если и не вовсе снят. Кое-что, впрочем, продолжали разрабатывать в порядке специальных комиссий. В 1908 г. была назначена ревизия духовных Академий и после нее восстановлен полностью устав 1884 г. Академии обозревали по поручению Синода: Санкт-Петербургскую и Московскую — Димитрий (Ковальницкий), тогда арх. Херсонский, Киевскую — арх. Антоний Волинский, Казанскую — Арсений Стадницкий, тогда епископ Псковский. Ревизия не была беспристрастной, особенно в Киевской академии. Но в очень многом заключения ревизоров были верны и справедливы. В академиях, действительно, было слишком много «светского» духа и церковного «либерализма», церковности было недостаточно, и дисциплина упала. Только противопоставлять этому нужно было церковное творчество, а не школьные шаблоны, побеждать духовной силой, а не формализмом...

В новом академическом уставе, изданном в 1910 г. (изменен в 1912-м), немало удачных подробностей, — увеличение числа кафедр, расширение преподавательского персонала, введение практических занятий или семинариев, введение новых предметов (напр., особая кафедра по истории византийской и славянских Церквей). Но в целом весь Устав построен в духе властного формализма. В нем совсем не чувствуется подлинного вдохновения...

И все-таки во внутренней жизни духовных Академий с начала века наблюдается несомненный подъем. Оживление чувствуется и в богословской литературе. Правда, это сказывается больше в издании ученых монографий, чем в заявлении новых идей. Однако, и эти ученые исследования очень убедительно свидетельствуют о богословской чуткости и наблю-

дательности, о росте богословской культуры. В особенности это относится к работам по церковной истории. Здесь не только собирался новый материал, но уже готовился и новый синтез...» (Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Часть II. На пути к катастрофе).

Феодосий (Олтаржевский Петр Наркисович) (1867–1914) — епископ Оренбургский и Тургайский. Окончил Уманское духовное училище, Киевскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию (1893). Кандидат богословия. Определен учителем в Уманское духовное училище. В 1895 г. принял монашеский постриг, рукоположен во иеромонаха. Назначен смотрителем Киево-Подольского духовного училища. В 1898 г. — инспектор Киевской духовной семинарии. С 1899 г. — архимандрит, ректор Волынской духовной семинарии. В 1900 г. за сочинение «Палестинское монашество в IV–VI веках» получил степень магистра богословия. С 1901 г. — ректор Киевской духовной семинарии. В 1903 г. хиротонисан в епископа Елисаветградского. В 1905 г. назначен епископом Прилуцким, викарием Полтавской епархии. В 1907 г. избран на должность ректора Киевской духовной академии. В том же году утвержден епископом Уманским, вторым викарием Киевской епархии. Преподавал в КДА каноническое право. С 1910 г. — епископ Оренбургский и Тургайский. Почетный член Киевской духовной академии.

...группа «Пути» — В 1912 г. издательство «Путь» выпустило сборник «О религии Льва Толстого», в который вошли статьи: С. Н. Булгакова «Л. Н. Толстой», Зеньковского «Проблема бессмертия у Л. Н. Толстого», кн. Евг. Трубецкого «Спор Толстого и Соловьева о государстве», В. И. Экземплярского «Гр. Л. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых», С. Н. Булгакова «Простота и опрощение», Андрея Белого «Лев Толстой и культура», Н. А. Бердяева «Новый и Ветхий Завет в религиозном сознании Л. Толстого», А. С. Волжского «Около Чуда (о Тол-

стом»), Вл. Эрн «Толстой против Толстого». Тема творчества Льва Толстого нашла отражение в более поздних работах Зеньковского.

...с св. Иоанном Златоустом — Статья В. И. Экземплярского «Гр. Л. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых» была построена на цитировании Л. Н. Толстого и во второй части — И. Златоуста. Автором был использован публицистический прием — критика социальных, политических «недугов» России («...крепостного права, и телесных наказаний, и роскоши богатых, и смертной казни, и насилия над совестью людей, и многого, многого другого...») посредством призыва к буквальному пониманию Нагорной проповеди и произведений христианских авторов первых столетий распространения и утверждения христианства. (На этом основании представители партии «охранителей» называли религиозных публицистов либерально толка «протестантами» и «баптистами»). Типичным для светской религиозной философии был и другой прием, использованный Экземплярским: противопоставление «казенного православия» и свободного творчества Л. Н. Толстого, для которого характерны «горячая вера и убежденная защита... жизненного значения Евангельского нравственного учения», «гениальная проницательность», «искренность и честность», «выстраданность», «общечеловеческая правда» и т. д. Автор нашел много общего в учении Л. Н. Толстого и И. Златоуста. Оба, по его мнению, были сторонниками непосредственного приложения к жизненным ситуациям заповедей Христа, призывали к непротивлению злу насилием. Кроме того, «они согласно смотрят на основы права собственности, в частности на то, что земля не должна входить в частное владение, одинаково отрицают клятву в христианской жизни, согласно смотрят на преимущества бедности, на ненормальности жизни в городе, преимущества рабочей трудовой жизни, на характер христианской жизни, как бы по природе страннической и т. д.». Проповедь И. Златоуста и Л. Н. Толстого, по мнению Экзем-

плярского, была следствием верного истолкования христианского учения, в то время как Церковь исказила его. Интересно, что Зеньковский позднее оценил такое идейное течение как «сознательное противопоставление себя историческому христианству». Экземплярский был уволен из Академии в 1912 г. (согласно Уставу Духовных академий 1910 г. Св. Синод имел право увольнять профессоров и преподавателей без соответствующего решения Совета Академии), а восстановлен в 1917 г.

Буткевич Тимофей Иванович (1854–1925) — писатель, богослов, протоиерей. Родился в семье сельского священника. В 1869 г. окончил Харьковское духовное училище, в 1875 г. — Харьковскую духовную семинарию, в 1879 г. — Московскую Духовную академию. В 1878 г. рукоположен в священники. Служил сельским священником, затем в городах Старобельске и Харькове. В 1884 г. переведен в Харьковский кафедральный Успенский собор. Активно публиковался, выступая против возросшего влияния протестантизма в России. За работу «Жизнь Господа нашего Иисуса Христа. Опыт исторического изложения евангельской истории с опровержением возражений, указываемых отрицательной критикой новейшего времени» в 1884 г. получил степень кандидата богословия. С 1893 г. — протоиерей. В 1894–1906 гг. — профессор богословия в Харьковском университете, настоятель университетской церкви. В 1893 и 1897 гг. избирался в Харьковскую городскую думу. Получил известность в Харькове как церковный и общественный деятель, член Епархиального учительского совета, Комитета по сооружению храма на месте крушения императорского поезда близ станции Борки, Харьковского комитета Православного Миссионерского общества и др. Сотрудничал с журналом «Вера и разум», в котором в 1896 г. поместил две статьи с критикой учения Л. Н. Толстого. В 1904 г. получил степень доктора богословия за работу «Религия, ее сущность и происхождение (обзор философских гипотез)». Активный участник монархического движения. Один из 6-ти

почетных членов Харьковского отдела Союза русского народа. С 1906 г. — член Государственного совета от белого духовенства. В 1906 г. на заседании Госсовета произнес речь в защиту смертной казни, в том же году в Харькове вышла его брошюра «К вопросу о смертной казни». В полемике с противниками смертной казни помимо прочего использовал доводы: при рассмотрении этой проблемы христианская религия используется как средство решения социальных и политических вопросов; в Евангелии нет прямого указания против смертной казни; в иудаизме и Ветхом Завете, признаваемом христианами, смертная казнь не только признается, но и считается необходимой и обязательной. Член столичной монархической организации Русского Собрания, где выступал с докладами: «Как Госдума решила аграрный вопрос», «О вторжении евреев в лоно Церкви Христовой», «Законопроект о свободном переходе из одного вероисповедания в другое», «О так называемом мазепинском движении в Малороссии» и др. В 1911—1917 гг. — член Совета Русского Собрания. В 1913 г. подготовил доклад по поводу дела Бейлиса «О смысле и значении кровавых жертвоприношений в дохристианском мире и о т. н. ритуальных убийствах». Преподавал в Военно-Юридической Академии в Петербурге. После Февральской революции вернулся в Харьков, где с 1918 г. был настоятелем Свято-Николаевской церкви. В 1919 г. — член временной коллегии, созданной в Харькове в чрезвычайных обстоятельствах (не было архиерея). В 1920 г. был избран и утвержден Патриархом Тихоном в качестве председателя Харьковского Епархиального Совета.

...Всероссийский Церковный Собор (1917—1918), на нем была создана специальная Комиссия по реформе высшей школы — Февральская революция внесла в процесс реформирования высшего духовного образования существенные коррективы. В июле 1917 г. Временное правительство утвердило Временный Устав духовных академий, подготовленный Комиссией 1917 г., свои пожелания которой представили профессора и преподаватели Духовных Академий. Этот документ был всецело «ав-

тономистским»: в Академиях вводилось самоуправление, ликвидировалась зависимость Академий от архиереев, основные функции передавались Совету профессоров, куда входили все (даже младшие) преподаватели, вводились выборы ректоров и инспекторов, которые ныне могли не иметь священного сана. Всероссийский Церковный Собор в 1918 г. одобрил проект Нормального (т. е. не Временного) Устава духовных академий. Он содержал положения о выборности должностных лиц и профессорско-преподавательского состава. Но, с другой стороны, Академии остались в подчинении епархиальных архиереев и Высшего Церковного Совета (нового органа, созданного Собором). Это был компромисс между «охранителями» и «автономистами». Существенным изменениям подверглись учебные планы Академий, по замыслу авторов проекта Нормального Устава, приближавшие Академии к светским университетам и вводившие специализацию:

«1) Академии не отрываются от взрастившей их почвы, не выходят из стихии Церкви и сохраняют исторически сложившийся тип, оставаясь Православными Духовными Академиями.

2) Академии служат Православной Церкви стоящею на уровне века богословскою наукой, почему в Уставе Академия определена как учено-учебное учреждение, и, таким образом, на первом месте решительно поставлены научно-образовательные задачи высшей богословской школы. В соответствии с этим и для обеспечения возможно полного осуществления намеченных целей в проекте Нормального Устава широко развернуты учебные планы введением целого ряда новых предметов как специально-богословского, так и общеобразовательного характера и произведено коренное переустройство в самой постановке учебного дела... В тех же целях и для использования результатов, достигнутых во всех, необходимых для самостоятельного и основательного развития богословской науки, областях знания, признано было желательным придвинуть Академии к университетам, приглашая для преподавания некоторых наук специалистов из универси-

тетов и посылая в университеты студентов, избравших определенную специальность для изучения вспомогательных предметов».

...недовольства выработанным уставом со стороны того же митр. Антония... — Антоний (Храповицкий) возглавлял партию «охранителей», боровшихся со стремлением профессуры получить независимость от архиереев и Св. Синода. В конце 1905 г., например, епископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий) в докладной записке Св. Синоду так отзывался о причинах требования автономии со стороны профессорско-преподавательского состава: «Не имея возможности заинтересовать своим залежалым литературным товаром, профессора-либералы не сытым оком взирают на Трубецких, Соловьевых и Лебедевых, и особенно на профессоров тюбингенцев... Сколько заманчивого материала для плагиата, для рукоплесканий... Вот почему этим мыслителям, всю жизнь подвизавшимся на плагиатировании, так хочется автономии преподавания..., конечно речь не о всех профессорах и не о большинстве, но наиболее настойчивые претенденты на автономию и являются такими бездарными и непросвещенными импотентами ученой мысли».

...подписал в июле... — Как и Нормальный устав, одобренный на Всероссийском Церковном Соборе, Временный Устав КДА предусматривал выборность должностных лиц, профессоров и преподавателей, а также каноническую зависимость КДА от правящего архиерея (Киевского митрополита). Однако имелся и ряд особенностей: в КДА вводились обязательные курсы украинского языка, литературы, права и истории и предусматривалось открытие соответствующих кафедр.

...при Свящ. Синоде вышли начатки перевода Нового Завета на украинском языке... — В 1906 г. согласно указу Св. Синода был опубликован текст трех Евангелий на украинском языке (четвертое Евангелие было опубликовано несколько

позже). Редактором этой публикации был епископ Подольский и Брацлавский Парфений (Левицкий). В основу издания был положен ряд текстов, в основном перевод Четвероевангелия, осуществленный в 1861 г. учителем математики, инспектором Нежинской гимназии Ф. С. Морачевским. Рукописи Ф. С. Морачевского хранились в архиве Императорской (Петербургской) Академии наук, куда их передал переводчик-энтузиаст. Морачевский перевел на украинский язык (в данном случае — на полтавский диалект малороссийского наречия) четыре Евангелия, Деяния Апостолов и Псалтырь. Увлечение идеологией народничества наложило отпечаток на данную версию перевода, максимально приближенную к т. н. «народной» лексике. Например, Морачевский использовал принятые в народной среде имена — Исус, Захар, Гаврило, Лизавета, слова «жид», «жидівський», «піп» (священник), оборот «батько ваш небесний» и др. Этим отличались и иные переводы книг Библии на украинский язык (М. Лободовского, П. Кулиша, И. Пулюя и И. Нечуй-Левицкого), в которых встречались фразы: «Блаженна утроба, носивша тебе, и цыцьки, годувавши тебе», «Сын твій, прогайнувавший маюток свій з курвами» и проч. Переводчики стремились дополнить недостаток народной лексики как заимствованием польских слов, так и изобретением новых. Примером может служить перевод П. Кулиша, в версии которого, например, фраза из псалмов «Да уповаєт Израиль на Господа» представляла собой подстрочник с польского и звучала как «Хай дуфає Сруль на Пана». Эта фраза стала анекдотом и вошла в обиход противников самостоятельности украинского языка. Несколько позднее архиепископ Евлогий (Георгиевский) возмущался тем фактом, что возглас на старославянском «Радуйся, Невесто Неневестная» звучал на украинских службах как «Грегочи, Дивка Непросватанна». Публикация Евангелий в переводе Морачевского сопровождалась скандалом. Св. Синод, сотрудничавший в этом вопросе с Императорской Академией Наук, в 1905 г. получил от группы членов Академии наук записку, озаглавленную «Об отмене стеснений малорусского пе-

чатного слова» и отпечатанную в академической типографии. Научный авторитет ее составителей, статус комиссии, причастной к ее разработке, соотношение научных выводов и политических тезисов в данном документе до сих пор вызывают противоположные оценки. Сторонники политического украинства с уважением отзываются о научном авторитете членов академической комиссии, прежде всего, инициаторов составления записки — академика Ф. Е. Корша, специалиста по греческой, римской и персидской литературе, публиковавшего работы и по истории русской словесности, и молодого академика А. А. Шахматова, возглавившего в 1905 г. Отделение русского языка и словесности Императорской АН. Противники украинского сепаратизма, напротив, указывают на тот факт, что в состав комиссии АН входили зоолог В. В. Заленский, историк А. С. Лаппо-Данилевский, востоковед С. Ф. Ольденбург и ботаник А. С. Фаминцын, не имевшие возможности составить профессиональное мнение по предмету работы комиссии. Более того, академик Ф. Ф. Фортунатов, специалист в области сравнительного языкознания, от работы в комиссии устранился. Другой академик — А. И. Соболевский, крупнейший специалист по изучению русского языка, — публично заявил о своей непричастности к работе комиссии и несогласии с ее выводами. «Украинская партия» склонна трактовать содержание записки как официальное признание самостоятельного статуса малороссийского языка со стороны Российской Академии Наук и российской науки в целом, указывая на солидный список авторов записки. Но этому тезису противоречат данные о том, что записка не имела статуса официального документа, не рассматривалась и не была одобрена Отделением русского языка и словесности, а содержала частное мнение группы академиков. Публикация же записки в академической типографии не означала автоматического признания за ней официального статуса. Записка «Об отмене стеснений малорусского печатного слова» была составлена в период проведения цензурной реформы, ставшей составной частью радикальной политической реформы 1905 г., и выра-

жала мнение либеральной интеллигенции, использовавшей украинофилию как одно из средств борьбы с самодержавием за расширение гражданских и политических прав. И привлечение членами «украинского лобби» в Петербурге Коршем и Шахматовым к работе комиссии деятелей украинского движения — П. Я. Стебницкого, А. И. Лотоцкого, М. А. Славинского, А. А. Русова, С. Ф. Русовой, В. П. Науменко, В. М. Леонтовича и др. — оценивается по-разному. Продолжателями украинской политической традиции эти лица признаются крупными и авторитетными знатоками малороссийской истории и филологии. А ее противники рассматривают деятелей украинского движения как членов узкополитической группы, объединенной кружковыми интересами, чье мнение было предсказуемо и ни в коей мере не было связано с выводами академической науки. Составители записки и приложений к ней поддержали идею публикации текстов Библии на украинском языке и дали высокую оценку переводу Морачевского. Украинское Четвероевангелие было разрешено к использованию в богослужениях лишь в Малороссии, но и там широкого распространения не получило. Среди причин, помешавших украинизации языка библейских текстов и богослужения в начале XX в., была и упомянутая Зеньковским оппозиция православного духовенства и прихожан. Помимо того, критическое отношение к этому переводу Евангелий было вызвано тем фактом, что Синод использовал при публикации Евангелий фонетическое правописание, внедрявшееся в систему образования Галиции, Буковины и Прикарпатской Руси правительством Австро-Венгрии, сделавшим ставку на украинизацию местного русинского (русского) населения.

Парфений (Памфил Андреевич Левицкий) (1858–1921/1922) — архиепископ Полтавский и Переяславский. Родился в Полтавской губернии в семье священника. Окончил Полтавскую духовную семинарию, в 1884 г. — Киевскую Духовную Академию. Кандидат богословия. В 1884 г. назначен помощником смотрителя Переяславского духовного училища. В 1894 г. при-

нял монашеский постриг, рукоположен во иеромонаха, назначен смотрителем Звенигородского духовного училища, затем инспектором Вифанской духовной семинарии. С 1897 г. — ректор Московской духовной семинарии. В 1899 г. хиротонисан в епископа Можайского, викария Московской епархии. С 1901 г. — первый викарий Московской епархии. С 1902 г. — сверхштатный член Московской Синодальной Конторы. Надзирал за переводом и публикацией Четых миней Димитрия Ростовского (Даниила Савича Туптало) — митрополита Ростовского и Ярославского XVII — нач. XVIII в., выходца из Малороссии. С 1904 г. — епископ Подольский и Брацлавский. В 1906 г. по поручению Св. Синода редактировал тексты Евангелий на украинском языке, а затем надзирал за их публикацией. Поддерживал идею преподавания в церковноприходских школах народного языка. С 1908 г. — епископ Тульский и Белевский. В 1911 г. возведен в сан архиепископа. С 1920 г. — архиепископ Полтавский и Переяславский. Умер в Полтаве.

Стефан Пермский (ок. 1345—1396) — святитель, православный миссионер в землях коми (зырян, пермяков), первый епископ новообразованной Пермской епархии (Пармской епархии; от Пармы — именованная отрогов Верхнего Урала). Родился в Устюге Великом в семье соборного клирошанина. Рано обнаружил большие способности и стремление к знаниям. Получил образование в монастыре Григория Богослова в Ростове Великом, обладавшем обширной библиотекой; здесь же постригся в монахи. Владел русским, греческим и зырянским языками. Составил зырянскую азбуку из 24 букв, используя местное письмо — денежные знаки на деревянных палочках, которыми зыряне пользовались при торговле. Перевел на зырянский язык ряд богослужебных текстов и частично Священное Писание. По благословению митрополита Алексия и с охранный грамотой великого князя Дмитрия Ивановича (позже — Донского) в 1379 г. направился в зырянскую землю для проповеди христианства. Начав путешествие с Пыраса (ныне Котлас), прошел не менее тысячи километров. Пре-

одолеел неверие язычников и сопротивление местных волхвов, неоднократно угрожавших ему смертью. Достиг больших успехов силой слова, не опираясь на московскую или новгородскую администрацию и военную силу. Разрушив языческие кумирни, возвел в зырянском поселении Усть-Вымь церковь, создав тем самым кафедральный центр епархии. В 1383 г. с согласия Московского великого князя и митрополита Пимена стал Пермским епископом. Создал сеть школ для подготовки местного духовенства и церковнослужителей. Основал ряд монастырей, странноприимных домов и богаделен. Иконописец. Богослов, автор полемических сочинений против ереси стригольников. Стал фактическим правителем Пермского края, представлявшим здесь московские интересы: от московского князя Дмитрия Донского получил право распоряжаться частью собираемых доходов, беспошлинной торговли в русских землях и сбора пошлин с приезжающих в край купцов и промышленников. Предпринимал меры к отражению нападений соседних племен и новгородских разбойников (ушкуйников). Посещал Великий Новгород, ранее собиравший дань с этих земель, для ведения переговоров. Как и Сергей Радонежский, с которым Стефан встречался во время посещения обители св. Троицы, способствовал становлению русской национальной идеи и укреплению русской государственности в период укрепления Московского княжества и борьбы с Золотой Ордой. Участник Собора 1390 г. Умер в Москве, похоронен в кремлевском монастыре Спаса-на-Бору. «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа» было написано знавшим его Епифанием Премудрым. В XVI в. Стефан Пермский был причислен к лику святых в чине святителя.

Апелляция Зеньковского к наследию Стефана Пермского в контексте противостоянии «имперскому универсализму» и «насиленной русификации» неоригинальна для представителей религиозной философии. Отказ от русской национальной идеи, «смирение» русского национального духа перед национализмами малых народов парадоксальным образом

трактовались богоискателями как истинная национальная русская идея, как подлинный универсализм, бывший главным содержанием русской национальной идеи. В этой связи личность и подвиг Стефана Пермского — русского христианина, «зырянского апостола» — приобрели особый масштаб и символическое значение. Особенно близкой русским либеральным интеллигентам была идея ненасильственного расширения ареала русского православия и культуры, которая трактовалась как реальная альтернатива московскому государственному экспансионизму. Создание русским умом, верой и волей из иного языческого и неоформленного племени полноценного народа и нации — именно в этом ключе религиозными философами в начале XX в. были истолкованы идеи, изложенные в житии Стефана Пермского. Г. П. Федотов в отдельной главе своей книги «Святые Древней Руси» (1931), посвященной Стефану Пермскому, отстаивая эту трактовку его подвига, писал:

«...Культурно-миссионерский труд, связанный с делом любви, покрывает все. Особенный интерес представляет попытка Епифания оправдать смелое деяние Стефана: основание национальной пермской Церкви с зырянским богослужением и письменностью. Материалами для историко-философских размышлений Епифания служат пролог Нестора к житию Бориса и Глеба и повесть болгарского черноризца Храбра “о письменах”. Все, что древние авторы говорят в защиту славянской письменности и религиозного призвания русского народа, Епифаний относит к пермской азбуке и народу. Пермь, как и русские славяне, — “работники одиннадцатого часа”, призванные Богом в конце времен, за сто двадцать лет до преставления мира. Их азбука славнее греческой, ибо она, как и славянская, есть создание святого. Размышления Нестора могли быть истолкованы как проявление юной национальной гордости, как выражение скрытого грекофобства. Епифаний (то есть, конечно, сам Стефан, идею которого выражает биограф) смирил себя и свое национальное сознание перед национальной идеей другого — и сколь малого — на-

рода. Только теперь религиозное обоснование национальной культуры, завещанное Нестором Руси, получает свой глубокий универсальный смысл. Чуждая Греческой церкви, как и Римской, национально-религиозная идея является творческим даром русского православия. Идеально-реалистический образ “пермской Церкви”, скорбящей о Стефане, дает метафизическое обоснование национальной идее. Только славянофилы и В. Соловьев в XIX в. разовьют и философски укрепят идею Стефана — идею Древней Руси, искаженную в Москве XV столетия византийской реакцией универсального царства. Пусть дело Стефана как раз в этой части своей — создание национальной зырянской Церкви — оказалось нежизненным, за слабостью культурных сил нового христианского народа. Идея его оказывается насущно жизненной для нас, в XX веке, как принцип нового построения разрушенного единства православного мира».

Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919) — историк-славист, филолог, публицист. Родился в Санкт-Петербурге в семье протоиерея Петропавловского собора, магистра богословия и историка церкви Д. И. Флоринского. С золотой медалью окончил 3-ю Петербургскую гимназию. Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1876); за выпускную работу «Критический разбор свидетельств Константина Порфирородного о южных славянах» получил золотую медаль. Ученик профессоров В. И. Ламанского и В. Г. Васильевского. Оставлен в университете профессорским стипендиатом. В 1881 г. защитил магистерскую диссертацию «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века». В 1880–1882 гг. преподавал на Высших женских курсах. С 1882 г. — приват-доцент киевского Университета св. Владимира. В 1888 г. защитил докторскую диссертацию «Памятники законодательной деятельности Душана». Профессор и декан историко-филологического факультета киевского Университета св. Владимира. Читал курс славянских языков, истории и литературы. Товарищ председателя Киев-

ского славянского общества, с 1884 г. — редактор «Славянского ежегодника». Член-корреспондент Петербургской АН с 1898 г. За труды по истории славянства был неоднократно награжден премиями Императорской Академии наук и Императорского Русского Географического общества. В 1899 г. поместил в газете «Киевлянин» статью «Малорусский язык и украинско-русский литературный сепаратизм», вышедшую позднее отдельным изданием. С 1908 г. — член-учредитель, почетный член и один из руководителей Клуба русских националистов в Киеве. В 1915 г. — товарищ председателя Комитета «Киев — галичанам». В мае 1919 г. расстрелян в Киеве большевиками в числе других членов Клуба русских националистов в Киеве.

...рангом ниже — Статья Т. Д. Флоринского «*Малорусский язык и «українсько-руський» литературный сепаратизм*» открыла длительную научную и общественно-политическую дискуссию об определении статуса малороссийского языка. В этой статье место малороссийского языка было определено следующим образом: «Малорусский язык есть не более как одно из наречий русского языка, или, другими словами, он составляет одно целое с другими русскими наречиями. Выразюсь теперь еще точнее: малорусское наречие наряду с великорусским и белорусским народными наречиями и общерусским литературным языком принадлежит к одной русской диалектической группе, которая лишь в полном своем составе может быть противопоставлена другим славянским диалектическим группам соответствующего объема, как-то: польской, чешской, болгарской, сербохорватской, словенской и другим. Тесная внутренняя связь и близкое родство между малорусским языком, с одной стороны, и великорусским, белорусским и общерусским литературным языками — с другой, настолько очевидны, что выделение малорусского из русской диалектической группы в какую-либо особую группу в такой же степени немыслимо, в какой немыслимо и выделение, например, великопольского, силезского и мазурского наречий из польской диалектической группы, или моравского наречия — из чеш-

ской диалектической группы, или рупаланского наречия — из болгарской диалектической группы. В полном соответствии с этими выводами сравнительного славянского языкознания находится и не подлежащее спору основное положение славянской этнографии: «Малорусы в этнографическом отношении представляют не самостоятельную славянскую особь (в противоположность, например, чехам, полякам, болгарам или сербохорватам), а лишь разновидность той обширной славянской особи, которая именуется русским народом. В состав ее входят наряду с малорусами великорусы и белорусы. В частных сторонах и явлениях своей жизни, в языке, быте, народном характере и исторической судьбе малорусы представляют немало своеобразных особенностей, но при всем том они всегда были и остаются частью одного целого — русского народа».

Помимо этого Т. Д. Флоринский обосновывал тезис об этнической общности русского, малороссийского и белорусского народов: «Народы различаются между собой прежде всего по языку и на основании большего или меньшего сходства своей разговорной речи распределяются в те или иные этнические группы. С этой стороны близкое племенное родство великорусов, малорусов и белорусов, как уже было разъяснено выше, не подлежит никакому спору: современная наука точно установила факт целостности и единства всех русских наречий в смысле принадлежности их к одной и той же лингвистической категории — русскому языку. Но столь же, несомненно, единство всех трех ветвей русского народа в отношении других этнических черт, как-то: народных преданий, повестей, сказок, поверий, песен, обрядов, быта семейного и общественного, свойств физических и душевных и т. п. Конечно, каждая из русских народностей во всех этих отношениях представляет и свои индивидуальные черты, так как иначе нельзя было бы и говорить о существовании каких-либо разновидностей данного народа или племени; но вместе с тем у великорусов, малорусов и белорусов наблюдается такое множество общих этнических особенностей, что на все три народности нельзя смотреть иначе как на части одного целого — русско-

го народа. Последнее положение давно уже стало аксиомой в жизни и науке».

Важной составляющей дискуссии была постановка вопроса о месте, происхождении, истории и особенностях русского литературного языка, который украинофилами противопоставлялся языку «народному»: «Развитие общерусского литературного языка имеет свою длинную историю, главные фазисы которой находят себе соответствие в тысячелетнем ходе политической и культурной жизни русского народа. Русский книжный и образованный язык создавался постепенно в течение длинного ряда столетий, при живом участии всех ветвей русского народа, из которых каждая внесла из своего диалектического разнообразия свою лепту в общерусскую духовную сокровищницу».

Научные выводы Т. Д. Флоринского в основной своей части разделяли профессор, член-корреспондент Санкт-Петербургской АН А. С. Будилович, профессора и академики А. И. Соболевский, В. И. Ламанский, И. В. Ягич и др.

Яснопольский Леонид Николаевич (1873–1957) — экономист, публицист, общественный и политический деятель. Родился в семье профессора Киевского университета экономиста Н. П. Яснопольского. Закончил юридический факультет Киевского университета. Преподавал в киевском св. Владимира и Харьковском университетах. Приват-доцент, затем профессор. Специалист в сфере бюджетного права, банковского дела, налоговой политики. Автор многочисленных научных работ, редактор «Банковой энциклопедии». Кадет. Депутат 1-й Государственной думы. Был в числе подписавшихся под «Выборгскими воззванием» после роспуска Государственной думы. Сотрудничал с рядом периодических изданий, в том числе с «Русскими Ведомостями». В советский период — действительный член АН СССР, известный ученый и организатор науки.

Огиенко Иван Иванович (в монашестве Иларион) (1882–1972) — общественный, политический деятель, митрополит

УАПЦ. Родился в г. Брусилове Киевской губернии. Из крестьян. В 1903 г. сдал экзамен за курс классической гимназии в Остроге. В 1909 г. окончил историко-филологический факультет киевского Университета св. Владимира. Член филологической секции Научного Товарищества им. Т. Шевченко, общества «Просвита». Работал учителем русского языка и литературы в одной из киевских гимназий и Коммерческом училище. Занимался составлением словарей и методических пособий по русскому языку для начальной и средней школы. Заинтересовался реформированием украинской орфографии и разработкой украинской научной терминологии. В 1911–1912 гг. учился на Высших педагогических курсах. В 1915–1918 гг. — приват-доцент киевского Университета св. Владимира. Профессор кафедры украинского языка Высших женских курсов Жекулиной, лектор курсов по повышению квалификации педагогов. В 1917 г. — член партии социалистов-федералистов. В 1917 г. — профессор Украинского Народного университета. В 1918 г. в период режима гетмана Скоропадского — профессор Киевского Государственного украинского университета. Первый ректор второго украинского университета — Каменец-Подольского (ныне носит его имя). Член Комиссии по разработке нового Устава для украинских университетов, глава Правописной комиссии. Участник Всеукраинского Церковного Собора 1918 г., где произнес речь в защиту автокефалии. В конце 1918 г. поддержал Директорию, занял пост министра просвещения в правительстве Директории. Издал приказ о придании украинскому языку статуса государственного и о преподавании в низших, средних и высших учебных заведениях «украинским языком». В 1919–1920 гг. — министр по делам национальностей в правительстве С. В. Петлюры. Переехал в Каменец-Подольский, где в 1920 г. на краткое время обосновалось правительство УНР. После бегства ее лидеров был назначен «главным уполномоченным» правительства УНР в Каменец-Подольском, занятом польскими войсками. В 1920 г. переехал на территорию Польши, где основал издательство «Украинская Автокефальная Цер-

ковь». До 1924 г. — член украинских эмигрантских структур — Совета республики, правительства УНР в изгнании. Член Научного Товарищества им. Т. Шевченко во Львове. В 1922 г. опубликовал украинский перевод литургии св. Иоанна Златоуста. Преподавал украинский язык в Львовской учительской семинарии. Профессор Львовского университета, затем Православного отделения теологического факультета Варшавского университета (1926—1932). Был уволен. В 1930-е гг. редактировал украинские журналы «Рідна мова» и «Наша культура». По заказу Британского Библейского общества и по просьбе украинских протестантов работал над переводом Нового завета на украинский язык. В 1940 г. пострижен в монахи главой Польской Православной Церкви Дионисием, получил имя Иларион. В том же году на Соборе украинских епископов был избран епископом Холмским и Люблинским Польской Автокефальной Православной Церкви. В 1940 г. возведен в сан архиепископа. Состоял в переписке с униатским митрополитом А. Шептицким. В годы Второй мировой войны относился к Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ), восстановленной на территории Рейхскомиссариата «Украина», публично и печатно приветствовал Адольфа Гитлера. С 1944 г. — митрополит УАПЦ. В 1942 г. опубликовал «Новий Заповіт і Псалтир» (полный перевод «Біблії або книг св. Письма старого і Нового Заповіту» вышел в Лондоне в 1962 г.). В 1944 г. эмигрировал в Словакию, затем в Швейцарию. В 1947 г. переехал в Канаду. В 1951 г. на Чрезвычайном Соборе Украинской Греко-Православной Церкви в Канаде в Виннипеге был избран ее предстоятелем с титулом митрополита. В своих работах Огиенко настойчиво развивал ряд тезисов, среди которых — тезис о раннем крещении украинцев: «Все то, что имеем, красноречиво свидетельствует нам, что христианство появилось в Украине в большей или меньшей мере очень рано, наверное, еще где-то в апостольское время и держалось здесь в малом числе вплоть до официального крещения украинского народа во времена князя Владимира...» Не менее важна в системе взглядов Огиенко мысль об Украине, принесшей

православие в Россию: «Киеву, вообще Украине выпала величественная историческая роль окрестить все северные земли государства Владимира и Ярослава, то есть те земли, которые составили позже Московское княжество».

...хотя бы и с недостаточным стажем... — *Первая книга Моисея. БЫТИЕ (в переводе И. И. Огиенко, издание 1962 г.):*

«Буття 1

- ¹ На початку Бог створив Небо та землю.
- ² А земля була пуста та порожня, і темрява була над безоднею, і Дух Божий ширяв над поверхнею води.
- ³ І сказав Бог: Хай станеться світло! І сталося світло.
- ⁴ І побачив Бог світло, що добре воно, і Бог відділив світло від темряви.
- ⁵ І Бог назвав світло: День, а темряву назвав: Ніч. І був вечір, і був ранок, день перший.
- ⁶ І сказав Бог: Нехай станеться твердь посеред води, і нехай відділяє вона між водою й водою.
- ⁷ І Бог твердь учинив, і відділив воду, що під твердю вона, і воду, що над твердю вона. І сталося так.
- ⁸ І назвав Бог твердь Небо. І був вечір, і був ранок день другий.
- ⁹ І сказав Бог: Нехай збереться вода з-під неба до місця одного, і нехай суходіл стане видний. І сталося так.
- ¹⁰ І назвав Бог суходіл: Земля, а місце зібрання води назвав: Море. І Бог побачив, що добре воно.
- ¹¹ І сказав Бог: Нехай земля вродить траву, ярину, що насіння вона розсіває, дерево овочеве, що за родом своїм плід приносить, що в ньому насіння його на землі. І сталося так.
- ¹² І земля траву видала, ярину, що насіння розсіває за родом її, і дерево, що приносить плід, що насіння його в нім за родом його. І Бог побачив, що добре воно.
- ¹³ І був вечір, і був ранок, день третій.
- ¹⁴ І сказав Бог: Нехай будуть світила на тверді небесній для відділення дня від ночі, і нехай вони стануть знаками, і часами умовленими, і днями, і роками.

- ¹⁵ І нехай вони стануть на тверді небесній світилами, щоб світити над землею. І сталося так.
- ¹⁶ І вчинив Бог обидва світила великі, світило велике, щоб воно керувало днем, і світило мале, щоб керувало ніччю, також зорі.
- ¹⁷ І Бог умістив їх на тверді небесній, щоб світили вони над землею,
- ¹⁸ і щоб керували днем та ніччю, і щоб відділювали світло від темряви. І Бог побачив, що це добре.
- ¹⁹ І був вечір, і був ранок, день четвертий.
- ²⁰ І сказав Бог: Нехай вода виройть дрібні істоти, душу живу, і птаство, що літає над землею під небесною твердю.
- ²¹ І створив Бог риби великі, і всяку душу живу плазуючу, що її вода виройла за їх родом, і всяку пташину крилату за родом її. І Бог побачив, що добре воно.
- ²² І поблагословив їх Бог, кажучи: Плодіться й розмножуйтеся, і наповнюйте воду в морях, а птаство нехай розмножується на землі!
- ²³ І був вечір, і був ранок, день п'ятий.
- ²⁴ І сказав Бог: Нехай видасть земля живу душу за родом її, худобу й плазуюче, і земну звірину за родом її. І сталося так.
- ²⁵ І вчинив Бог земну звірину за родом її, і худобу за родом її, і все земне плазуюче за родом його. І бачив Бог, що добре воно.
- ²⁶ І сказав Бог: Створімо людину за образом Нашим, за подобою Нашою, і хай панують над морською рибою, і над птаством небесним, і над худобою, і над усею землею, і над усім плазуючим, що плазує по землі.
- ²⁷ І Бог на Свій образ людину створив, на образ Божий її Він створив, як чоловіка та жінку створив їх.
- ²⁸ І поблагословив їх Бог, і сказав Бог до них: Плодіться й розмножуйтеся, і наповнюйте землю, оволодійте нею, і пануйте над морськими рибами, і над птаством небесним, і над кожним плазуючим живим на землі!
- ²⁹ І сказав Бог: Оце дав Я вам усю ярину, що розсіває насіння, що на всій землі, і кожне дерево, що на ньому плід деревний, що воно розсіває насіння, нехай буде на їжу це вам!

- ³⁰ І земній усій звірині і всьому птаству небесному, і кожному, що плазує по землі, що душа в ньому жива, уся зелень ярин-на на їжу для них. І сталося так.
- ³¹ І побачив Бог усе, що вчинив. І ото, вельми добре воно! І був вечір, і був ранок, день шостий».

Рыбинский Владимир Петрович (1867–1944) — библеист, историк, писатель, общественный деятель. Родился в семье священника Тамбовской губернии. В 1891 г. окончил Киевскую духовную академию, оставлен для приготовления к профессорскому званию. В 1892 г. за работу «Древнееврейская суббота» получил степень магистра богословия. И. д. доцента, доцент, экстраординарный (1904), затем ординарный профессор (1913) по кафедре Священного Писания Ветхого Завета КДА. Доктор богословия. В 1906–1910 гг. — редактор «Трудов Киевской Духовной Академии». В КДА читал курс по историческим книгам Ветхого завета. Принимал участие в составлении «Толковой Библии», а также «Православной богословской энциклопедии». Участник Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг., избран от КДА. Член Комиссии по изменению Устава КДА, но вышел из ее состава из-за несогласия с концепцией реформы Академии. В советское время в 1920-е гг. работал в еврейском отделе Украинской АН. Был вынужден отказаться от специализации, занимался переводами с английского языка. Умер в Баку. Принадлежал к сторонникам историко-критического (позитивистского) метода изучения Библии; при исследовании библейских текстов соотносил данные современной ему науки — археологии, филологии, истории.

Лукьяненко Александр Митрофанович (1879–1974) — языковед, славист и педагог. В 1903 г. окончил историко-филологический факультет киевского Университета св. Владимира. Затем там же — доцент, затем профессор кафедры славянской филологии. В 1920–1922 гг. — доцент, затем профессор Таврического университета в Крыму. В 1925–1934 гг. —

профессор Крымского педагогического института. Читал курс общего языкознания на украинском языке. В 1934—1941 гг. — профессор Саратовского педагогического института. С 1937 г. — доктор филологических наук. В 1941—1963 гг. — заведующий кафедрой славяно-русского языкознания Саратовского университета. В 1963—1973 гг. — профессор-консультант Саратовского университета.

Светлов Павел Яковлевич (1861—1941) — богослов и духовный писатель. Окончил Рязанскую духовную семинарию, затем Московскую духовную академию. В 1893 г. защитил магистерскую диссертацию «Значение Креста в деле Христовом: опыт изъяснения догмата искупления». Профессор богословия в Киевском университете и Нежинском историко-филологическом институте. С 1902 г. — доктор богословия Московской духовной академии. Автор многочисленных работ по догматическому и нравственному богословию, апологетике и библейской истории. Автор классического учебника по апологетическому богословию. Принимал активное участие в дискуссиях о реформе духовного образования, о необходимости образования богословских факультетов в университетах, о духовной цензуре, об отделении церкви от государства и его последствиях, о концепции «свободной церкви» и др. Противник метода «критического богословия» и идеологии светского гуманизма. Отрицательно относился к религиозной философии и богоискательству. В 1918 г. — член Ученого комитета при Министерстве исповеданий Украинской державы. Лишившись кафедры в советские годы, продолжал писать работы по апологетике. Умер в Киеве в 1941 г.

...Гетману всей Украины и его правительству... — Митрополит Антоний (Храповицкий) действительно с весны до осени 1918 г. изменил свое отношение к гетману Скоропадскому и Украинской державе, что видно на основе его резолюций по делам, отнесенным к ведению консистории. В июле 1918 г., во время проведения второй сессии Собора, он весьма хо-

лодно отзывался о Скоропадском: «Я почти не знаком с паном Гетманом: виделся с ним только 4 раза. И совет могу дать Вам только один: напишите докладную записку о своих трудах военному министру». Причины видимой оппозиционности Антония, не признанного правительством Скоропадского в качестве Киевского митрополита, понятны. Однако обстоятельства вынуждали его приспосабливаться к украинской государственности. Так, на одном из прошений, также написанном в июле 1918 г., он оставил резолюцию: «Если я это письмо передам министру, то никогда ничего не получите. Нужно писать не о Царе и о России, а об Украине. Подайте ему прошение на украинском языке, пояснив, что Вы уроженец Холмской епархии, а упоминание обо мне может только повредить Вам». Всеукраинский Собор утвердил форму поминания на службах государства и главы его: «О богохранимой державе нашей Украине и о благоверном Гетмане ея Павле». И в сентябре 1918 г. в резолюциях митрополита уже встречается формула официального обращения к гетману (титул): «Прошение Ваше доложено мною Пану Гетману, и Ясновельможный обещал принять участие».

...той фальсификации, которую проводил Лотоцкий... — Имеется в виду провозглашение автокефалии новым министром исповеданий Украинской державы А. Лотоцким и деятелями ВПЦР на третьей сессии Всеукраинского Собора 1918 г.

...живоцерковники и обновленцы — *Обновленчество (обновленцы)* — общее название движения в РПЦ, возникшего после Февральской революции 1917 г. и приведшего, в конечном счете, к церковному расколу. Идейные истоки обновленчества разнообразны: это и стремление к возрождению древней соборности, и распространение протестантских идей, и популярность идеи «свободной церкви» в среде последователей философии Вл. Соловьева, и стремление соединить христианство с идеями революции, демократии и социализма и т. д. Феномен обновленчества в первой половине XX в. объясня-

ется соединением двух тенденций: внутрицерковным движением по направлению к реформе и внешними политическими обстоятельствами, возникшими в постмонархический период. Сразу после Февральской революции сторонники радикальных реформ выступили за обновление культа, структуры, управления Церкви в соответствии с новыми политическими условиями. Именно в этом направлении действовал созданный в 1917 г. и поддержанный обер-прокурором В. Н. Львовым Всероссийский Союз демократического православного духовенства и мирян. На Всероссийском Церковном Соборе 1917–1918 гг. обновленчество не получило поддержки, но ряд решений Собора соответствовал стремлениям духовенства и мирян к глубокому реформированию Церкви (выборность, повышение роли мирян и рядового духовенства, реформа духовного образования и проч.). В 1922 г., когда был арестован Патриарх Тихон, началось организационное оформление обновленчества. Возникли группы «Живая церковь», во главе которой стоял протоиерей В. Д. Красницкий, «Союз церковного возрождения», созданный епископом Антонином (Грановским), «Союз общин Древнеапостольской Церкви», возглавляемый А. И. Введенским, и др. Обновленцы активно сотрудничали с советской властью и, в частности, с ГПУ, в деле устранения патриарха Тихона. В итоге арестованный Патриарх под давлением делегации обновленцев временно передал власть Ярославскому митрополиту. Усилиями обновленцев при поддержке советского законодательного органа ВЦИК был создан новый церковный орган — Высшее Церковное Управление (ВЦУ), во главе которого стал епископ Антонин (Грановский), возведенный в сан митрополита. ВЦУ заняло Троицкое подворье — резиденцию Патриарха. Уже в 1922 г. большинство храмов и монастырей перешло под управление ВЦУ. Организационное оформление обновленчества совпало с кампанией по изъятию церковных ценностей 1922 г., арестами и судами над священнослужителями, массовыми репрессиями, что уже в самом начале подорвало доверие к идее «коммунистического христианства» со сторо-

ны прихожан. В 1923 г. в храме Христа Спасителя начал работу 2-й Поместный Церковный Собор (1-й обновленческий). На Соборе была озвучена основополагающая обновленческая идея: единство революционных и христианских идеалов. Собор высказался в поддержку советской власти и низложение патриарха Тихона, за лишение его сана и монашества (резолюция по этому вопросу начиналась словами: «Так как Патриарх Тихон вместо подлинного служения Христу служил контрреволюции...»). ВЦУ было преобразовано в Высший Церковный Совет. На Соборе был введен институт белого (женатого) епископата. Обсуждались и иные вопросы: разрешение второбрачия для священников, признание нетленности мощей фальсификацией, переход на григорианский календарь, отлучение от Церкви эмигрировавших священнослужителей и т. п. После Собора были предприняты меры к организационному укреплению обновленческого движения: ранее самостоятельные группы были объединены в «Обновленческую церковь» («Живая Церковь» не подчинилась этому решению), вместо ВЦС был создан Синод. В 1925 г. — после смерти Патриарха Тихона — прошел 3-й (2-й обновленческий) Поместный Собор, закончившийся окончательным расколом между обновленцами и тихоновцами. Но в 1927 г. году Местоблюститель Патриаршего престола Сергей (Страгородский) выступил с Декларацией о признании советской власти, что изменило направление церковной политики Советского государства. Влияние обновленцев стало падать; в 1935 г. созданный ими Синод перестал действовать, наступил период единоличного правления А. И. Введенского. В 1943 г. советская власть легализовала РПЦ, Местоблюститель Сергей стал Патриархом. В 1944 г. начался массовый переход приходов в РПЦ, к концу войны обновленческим остался лишь один приход. После смерти Введенского в 1946 г. организационно оформленное обновленчество прекратило свое существование.

«Живая Церковь», или живоцерковники — группа внутри обновленческого движения, созданная в 1922 г. Отличалась стро-

гой дисциплиной и фактически партийной структурой управления (во главе стоял ЦК, имевший президиум из 3-х человек). В ее состав входили бывший обер-прокурор В. Н. Львов и проф. Б. В. Титлинов. Группа издавала журнал «Живая Церковь». Одной из идей живоцерковников было освобождение Церкви от власти монахов, т. е. черного духовенства, и «свободный доступ к епископскому сану». «Живая Церковь» принимала активное участие в подготовке 1-го обновленческого Поместного Собора, предварительно созвав Всероссийский съезд белого духовенства. Имела самое большое представительство на Поместном Соборе 1922 г. Ее лидер В. Д. Красницкий и ЦК полностью не признавали власть ВЦУ и позднее не подчинились решению о самороспуске обновленческих групп и их объединении в единую Обновленческую церковь. «Живая церковь» постепенно теряла влияние и приходы, а после смерти В. Д. Красницкого в 1936 г. фактически распалась. Окончательно прекратила свое существование в 1946 г.

...это ни есть ни фашизм... — Зеньковский, писавший воспоминания в 1931 г., использует термин «фашизм» применительно к идеологии, возникшей в Италии в 1920-е гг. В соответствии с ней государство признавалось высшей ценностью и той формой, в которой сосредоточены и сохранены все исторические завоевания народа: язык, культура, религия, национальный дух, личность.

А. И. Максаков — А. И. Максаков был казначеем Киевского Религиозно-философского общества.

...выработан в комиссии гр. Игнатьева... — Речь идет о неудавшейся попытке проведения реформы низшего и среднего образования в 1916 г., предпринятой министром народного просвещения (1915–1916) графом Павлом Николаевичем Игнатьевым. П. Н. Игнатьев (1870–1926) был выпускником Киевского университета, председателем Киевской губернской земской управы и киевским губернатором. Принадлежал к ли-

беральному лагерю. Для разработки и проведения реформы гр. Игнатъев создал Особое совещание по реформе средней школы, Совет по делам высших учебных заведений и межведомственный Совет по делам профессионального образования. Министр провел два совещания попечителей учебных округов и несколько съездов педагогической общественности. По итогам предварительного обсуждения был издан сборник «Материалы по реформе средней школы» (1915). Программа реформы включала комплекс мер по 1) унификации и 2) демократизации системы образования (создания т. н. «единой школы»). В основу программы были положены модные педагогические теории и система образования в США, Франции и Великобритании. Единая система начального образования уравнивала 1–3 класса высшего начального училища или гимназии (в городах) и 1–4 классы народной школы (в сельской местности). Средняя ступень образования унифицировалась полностью: вместо разнообразных форм учебных заведений вводилась единая система гимназий с 7-летним обучением (1 ступень: 1–3 классы, 2 ступень — 4–7 классы). После 4-го класса гимназии учащиеся, по замыслу реформаторов, разделялись на специализированные потоки: новогуманитарный, гуманитарно-классический, реальный. Предполагалось, что такая система создаст условия как для продолжения образования (дальнейшее поступление в университеты), так и для подготовки к получению профессионального образования. Получив начальное образование, ученик мог поступить в ремесленное училище и выйти из него квалифицированным рабочим. После окончания первой ступени гимназии можно было поступить в профессиональное училище, готовившее мастеров. Выпускники технических училищ в дальнейшем могли поступить в высшие технические и специальные школы, обособленные от университетов. Реформа профобразования была вызвана низкой грамотностью рядового состава армии и недостатком квалифицированных кадров, который обнаружился в годы войны. Другой составляющей реформы гр. Игнатъева было усиление патриотического воспитания (надо

помнить, что реформа разрабатывалась в годы Первой мировой войны). С этой целью увеличивалось количество учебных часов по курсам русского языка и литературы, истории и географии России. Предусматривалось введение нового устава средних учебных заведений. Наряду с традиционными педагогическими советами в школах, училищах и гимназиях должны были работать комитеты из представителей общественности (попечительские советы) и родительские комитеты. Педсоветы получали право самостоятельно составлять учебные планы и программы, а также определенную свободу хозяйственной деятельности. В общей сложности, $\frac{1}{5}$ часть учебного плана должна была формироваться самой школой с учетом мнения родителей и попечителей. В учебные планы вводился «региональный компонент»: предусматривалось право нерусских народов на изучение родного языка и культуры. Однако проект гр. Игнатьева был отклонен правительством по ряду объективных причин, и министр подал в отставку.

...по вопросу о консисториях... — Двойное подчинение служащих консистории обер-прокурору и правящему архиерею, сложившееся в синодальный период, стало причиной острой борьбы между митрополитом Антонием и министром Зеньковским. Должность обер-прокурора после Февральской революции была ликвидирована, вместо нее и в России, и на Украине появились министерства исповеданий. Министр исповеданий Зеньковский переподчинил чиновников консистории себе и занялся их назначением. Секретарь консистории Лузгин занял сторону министра исповеданий. Дело осложнялось тем, что вплоть до второй сессии Украинского Собора митрополит Киевский Антоний признавался гетманом и его правительством лишь в качестве Харьковского митрополита. Правовой и идеологический парадокс заключался в том, что консистории — наследие синодального управления — стали орудием борьбы светской исполнительной власти, представленной либеральным министром, за свои прерогативы. Митрополит же Киевский, известный консервативными взглядами, напротив,

был заинтересован в реформировании системы управления и выполнении решений Всероссийского Церковного Собора, который ликвидировал консистории и передал их функции епархиальным советам, подчиненным лишь местному архиерею. В конце июля 1918 г. Антоний вынес по поводу расхождения с Министерством исповеданий резолюцию:

«Убедительно прошу членов Епархиального Совета не покидать деятельности, к которой они призваны избранием Киевской поместной Церкви и в которой их утвердил Святейший Патриарх. При сем долг имею пояснить, что 1) Епархиальный Совет является правопреемником Духовных Консistorий, а они будут действовать как члены Епархиального Совета, руководствуясь неотменёнными статьями Устава Духовных Консistorий и определениями Соборов Всероссийского и Всеукраинского, принявшего все определения первого. 2) Мною Министр Исповеданий уведомлен о том, что по уставу Духовные Консistorии и канцелярия вовсе не мыслятся как органы Государственной власти, а как органы церковно-государственные, совершенно наравне с членами Консistorии и всеми церковными чинами вообще, причём секретарю Консistorии предоставлены лишь секретные отношения с обер-прокурором. 3) В сношениях с Государственной властью, которая еще не признала во всей полноте новых положений о церковном управлении, выработанных двумя соборами, Епархиальный Совет и его члены могут без всякого стеснения совести действовать в пределах прежней компетенции Духовных консисторий, как члены Консistorии, и так себя именовать, прописывая в скобках и свое новое звание (членов Епархиального Совета). 4) Мною дано предложение о том, что прежние члены Консistorии уже освобождены от исполнения своих обязанностей, а прежний секретарь остается впредь до утверждения Патриархом секретарем новоизбранного г-на Браиловского, который пока должен посещать заседания как слушатель, ознакомляясь с делопроизводством».

Конфликт был затяжным и не привел к выработке общей позиции. Митрополит Антоний в следующей резолюции на-

стаивал на выполнении закона о епархиальном управлении, принятом на Всероссийском Церковном Соборе. В качестве уступки он предлагал придерживаться Устава духовных консисторий 1883 г. вплоть до признания решений Всероссийского Собора правительством Скоропадского. Интересным маневром митрополита следует признать его угрозу провести ревизию старой консистории, что согласно Уставу, действительно, было его прерогативой.

...это детище Победоносцева... — Реформы Александра II изменили соотношение светского и церковного начального образования: появилась широкая сеть светских начальных училищ, финансируемых как государством, так и земствами («Положение о начальных училищах» 1864, «Положение о городских училищах» 1872, «Положение о начальных народных училищах» 1874). Приходские же школы, которых осталось всего несколько тысяч на всю Россию, государственного финансирования не получили, хотя после реформы они оказались в ведении Министерства народного просвещения. Но к пересмотру статуса приходских школ подтолкнули не только утилитарные проблемы финансирования и подчинения, но и негативные с точки зрения общественной нравственности и идеологии последствия либеральных реформ. В 1880-е гг. в царствование Александра III возникла дискуссия о церковно-приходских школах. Активное участие в инициировании дискуссии приняли обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев и публицист М. Н. Катков. По мнению Победоносцева, «церковно-приходские школы, по самим условиям существования в них обучения и надзора, представляют собой гораздо больше гарантий для правильного и благонадежного в церковном и народном духе образования, нежели другие виды народных школ, и потому заслуживают особых со стороны правительства поддержки и поощрения».

В результате в 1884 г. Александр III подписал «Правила о церковно-приходских школах». Согласно «Правилам», церковно-приходские школы были приравнены к иным на-

чальным училищам. Была определена их цель — «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания». Были определены источники финансирования церковно-приходских школ: средства прихода, пособия от местных обществ, попечительств и братств, земств, частных учреждений и лиц, местной епархии, Св. Синода и поступления из казны. Открытие и закрытие церковно-приходской школы, утверждение, увольнение, поощрение учителей относилось к ведению местного архиерея. Для руководства школами создавался епархиальный училищный совет. Учебные программы, продолжительность обучения и поддержание уровня светских начальных училищ были оговорены в §5 «Правил»: «Церковно-приходские школы могут быть одноклассные с двухлетним и двухклассные с четырехлетним курсом. В них преподаются: 1) закон божий, а именно: а) изучение молитв, б) священная история и объяснение богослужения, в) краткий катехизис; 2) церковное пение; 3) чтение церковной и гражданской печати и письмо; 4) начальные арифметические сведения. В школах двухклассных преподаются, сверх сего, начальные сведения из истории церкви и отечества... Объем преподавания сих предметов и распределение их по тем и другим школам устанавливаются особыми программами с утверждения Святейшего Синода. При сем наблюдается, что в одноклассных школах состав учебных предметов был не менее определенного в положении о начальных народных училищах 25 мая 1874 г.». Учителями в церковно-приходских школах могли быть священники, иные члены причта или учителя, подготовленные преимущественно в системе духовного ведомства (епархиальные училища и др.). Их права были приравнены к правам учителей светских начальных училищ. Общее руководство системой церковно-приходских школ было отнесено к ведению Св. Синода. Однако добровольное финансирование не покрывало нужд церковно-приходских школ, и уже в 1886 они были отнесены к государственным учебным заведениям. В 1902 г. был принят новый документ — «Положение о церковных шко-

лах Ведомства православного исповедания», в котором были проработаны меры по созданию единой системы православного образования и исправлены обнаружившиеся недостатки. В итоге деятельности Победоносцева была создана широкая сеть начальных школ для народа: с 1884 г. по 1894 г. количество приходских школ увеличилось с 4640 до 31 835, а к 1904 г. их численность достигла 44 421. В младшем поколении крестьянства число грамотных уже составляло большинство.

В ходе подготовки и проведения реформы начального образования Победоносцев проявил себя и как теоретик педагогики. В числе прочих им была высказана идея, признанная позднее прогрессивной и либеральной, соответствующей этапу промышленной модернизации, — о подготовке учеников школы к «жизни». Кроме этого, он высказывался в пользу индивидуального подхода к ребенку, необходимости воспитания учителя-подвижника, создания особой атмосферы учебного заведения, проблемного метода обучения (в противовес школьной схоластике и дисциплине), непрерывности образования и т. д.

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — правовед, публицист, обер-прокурор Св. Синода. Внук священника, сын профессора российской словесности Московского университета. В 1846 г. окончил училище правоведения в Санкт-Петербурге. Вернулся в Москву, поступил на службу в сенатский департамент, проявил себя как юрист. В 1860–1865 гг. — профессор юридического факультета Московского университета по кафедре гражданского права. С 1861 г. преподавал законоведение наследникам престола цесаревичам — Николаю Александровичу, после его кончины — Александру Александровичу и другим великим князьям, позднее — наследнику Николаю Александровичу. С 1865 г. — член консультации Министерства юстиции. С 1868 г. — сенатор. С 1872 г. — член Государственного совета. В 1880–1905 гг. — обер-прокурор Св. Синода. Почетный член Российской Академии наук, Московского, Санкт-Петербургского, Киевского св. Владимира,

Казанского и Юрьевского университетов, четырех российских Духовных академий, Французской Академии наук и т. д.

Оказал существенное влияние на формирование правительственного курса в эпоху контрреформ Александра III. Автор манифеста 29 апреля 1881 г. «О незыблемости самодержавия». Влияние его харизмы обнаруживается как в развитии русской общественно-политической и религиозной мысли, так и в литературе. Начав государственную и публицистическую деятельность как либерал, изменил свои воззрения после убийства Александра II. Антизападник, критиковал европейские принципы гуманизма и рационализма. Противник парламентской партийной системы. Консерватор, обосновывал основополагающую роль традиций (в том числе политических и религиозных) в сохранении и поддержании общества и государства. В трактовке позитивного права исходил из наличия в его основе традиций, а также «разумной силы и разумной воли». Подал в отставку спустя два дня после издания Манифеста 17 октября 1905 г. Похоронен согласно завещанию, у церкви во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, находившейся в Свято-Владимирской церковно-учительской женской школе.

Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) — ботаник, педагог, общественный деятель, создатель сети народных школ. Родился в родовом имении в с. Татево Смоленской губернии. Окончил Московский университет. Служил в Архиве Министерства иностранных дел. Продолжил образование в Германии. В 1856 г. начал работу на кафедре ботаники при Московском университете. В 1858 г. защитил магистерскую диссертацию «О движении высших растений» в Московском университете. В 1866 г. защитил докторскую диссертацию «О некоторых химических превращениях растительных тканей», получил место ординарного профессора Московского университета. Перевел труд Ч. Дарвина «О происхождении видов». В московском салоне Рачинских познакомился с Л. Н. Толстым, П. И. Чайковским. Принимал активное

участие в издании «Русского вестника», сблизился со славянофилами. В 1868 г. подал в отставку. В 1872 г. уехал в родовое имение. В 1875 г. в с. Татеве построил школу и занял место народного учителя. Основал около двадцати народных школ, часть из которых — на собственные средства. Отстаивал идею единства образования, духовно-нравственного развития и трудового воспитания («ребенок, приобретающий в несколько дней способность писать “Господи, помилуй” и “Боже, милостив буди мне грешному”, заинтересовывается делом несравненно живее, чем если вы заставите его писать “оса”, “усы”»). Существенно расширил перечень предметов для народных школ: ввел курсы геометрии, физики, черчения, географии, естествознания. Ходил с детьми в походы по святым местам. Создал при школе художественную мастерскую, обучал детей музыке и хоровому пению. Использовал методику трудового воспитания (школьные мастерские, пасека, огород). Вел переписку с К. П. Победоносцевым. Член-корреспондент Академии наук. Был убежденным сторонником передачи начального образования в руки священства. Один из начинателей трезвеннического движения; основал при Татевской школе Общество трезвости, которое затем при поддержке священства охватило Смоленскую и Тверскую губернии. Среди выпускников его школы — народные учителя, художник Н. П. Богданов-Бельский (на его хрестоматийной картине «Устный счет» изображена сцена из жизни народной школы Рачинского). Идеи С. А. Рачинского получили широкое распространение в России, в том числе были использованы Победоносцевым при подготовке и проведении реформы начального образования и создании сети церковно-приходских школ. Обер-прокурор обращался к императору Александру III с просьбой об оказании помощи учителю Рачинскому, «который, оставив профессорство в Московском университете, уехал на житье в свое имение... и живет там безвыездно вот уже более 14 лет, работая с утра до ночи для пользы народной. Он вдохнул совсем новую жизнь в целое поколение крестьян, сидевших во тьме кромешной... основал и ведет с помощью че-

тырех священников пять народных школ, которые представляют теперь образец для всей земли».

Русское студенческое христианское движение (РСХД) — эмигрантская организация, созданная для решения образовательных, материальных и духовных проблем молодежи первой волны русской эмиграции. История РСХД берет начало от первых христианских кружков, возникших в 1921 г. в Королевстве СХС (Югославии), Чехословакии, Франции, в Китае и др. РСХД организационно оформилось в 1923 г. на конференции представителей студенческих религиозных групп и объединений в г. Пшерове (Чехословакия), созванной при содействии Всемирной Христианской Студенческой Федерации (ВХСФ) и Young Mens Christian Association (YMCA) — Христианской ассоциации молодежи. РСХД позиционировало себя как православную культурно-просветительскую организацию, противодействующую денационализации русской молодежи в эмиграции. Христианское движение отражало эмигрантскую тенденцию «воцерковления русской интеллигенции». Работой движения руководил Совет (до 1925 г. — Бюро), в который входили: председатель, товарищ председателя, священник-куратор, председатели местных объединений, центральные и местные секретари и несколько активистов. Основные вопросы решались на съездах РСХД. Текущей работой руководил секретариат движения, располагавшийся на бульваре Монпарнас, 10 в Париже. Печатные органы движения — «Духовный мир студенчества» (до 1925 г.) и «Вестник РСХД». Деятельность РСХД освещалась в издаваемом Н. А. Бердяевым журнале «Путь».

РСХД, представленное местными объединениями, кружками и братствами, не было единым ни в понимании цели движения, ни в вопросе о взаимоотношении с Церковью, ни в тактических вопросах. Достаточно сказать, что лидеры и участники движения определяли его как «церковное», «религиозное», «христианское» и просто «духовное». На состояние РСХД оказывали влияние общие проблемы русской эмиграции: иде-

ологические расхождения (от монархизма до социализма), раскол в Церкви, материальные трудности, социальная неоднородность эмиграции, проблема поколений и т. д. РСХД соединило в своих рядах три группы эмигрантов: 1) представителей интеллигентского либерализма, идеологов и последователей русской религиозной философии кон. XIX — нач. XX в., 2) разнообразных по социальному составу участников Белого движения и русских беженцев и 3) протестантов, в той или иной мере связанных с Россией и русскими.

В 1926 г. Архиерейский Синод Карловацкой Церкви под руководством митрополита Антония подверг резкой критике РСХД, поддерживающее тесные связи с протестантскими международными организациями. Но митрополит Евлогий — ректор Богословского института в Париже, финансируемого за счет международных экуменических организаций, — поддерживал движение. Идеологами движения в первые годы его существования стали религиозные философы, преподававшие в Свято-Сергиевском институте: о. Сергей Булгаков, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, С. Л. Франк и др. Председателем движения с 1923 г. по 1962 г. был Зеньковский, сумевший благодаря гибкости своей позиции сохранить движение на долгие десятилетия. РСХД не входило в ведение Церкви (Патриархатов, Экзархатов, митрополий и т. д.), не подчинялось местным архиереям. Движение явилось формой декларируемого русской интеллигенцией принципа «свободной Церкви» — свободной от государства, от церковной иерархии, от политики. РСХД занималось организацией воскресных и четверговых школ, курсов, лекций, летних лагерей и проч., а также социальной деятельностью. В итоге РСХД эволюционировало в сторону идеологии светского национализма, призванного защищать интересы русской диаспоры. В 1930-е, т. е. в период роста европейского национализма и фашизации Европы, РСХД раскололось на два течения: социально ориентированное «Православное дело» и русское национальное движение, сблизившееся с образованным в 1930 г. Национально-Трудовым Союзом (НТС). РСХД оказало существенное влияние на на-

ционально ориентированную часть советского диссидентского движения, чему способствовало нелегальное распространение в СССР книг издательства «УМСА-Press». В настоящее время РСХД прекратило свое существование.

Тарановский Н. — бывший и. о. директора департамента духовных дел Министерства внутренних дел, исполнявший аналогичную должность в правительстве УНР.

Форгач Иоганн (Johann Graf Forgách von Ghymes und Gács, 1870–1935) — граф, австро-венгерский посланник в Киеве (в период УНР и Украинской державы). До этого австро-венгерский посланник в Сербии.

Баиов Владимир Константинович (1880 — после 1920) — полковник, с ноября 1917 г. — начальник штаба 4-й армии. С августа 1919 г. — начальник военно-цензурного отделения и отдела связи штаба Главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте.

«Имяславцами»... почитание имени Божьего... — *Имяславие (имябожие)* — духовное течение начала XX в., возникшее в русских монастырях на горе Афон в Греции. Имяславцы следовали формуле «Имя Божие есть Бог» и полагали, что человек как существо греховное должен славить не Бога, а Его имя. В основе имяславия — приверженность древнему мистико-аскетическому течению исихастов (последователей Паламы), которые полагали, что спасение достигается непрерывным повторением молитвы Иисусовой («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»). Идеологи имяславия — схимонах Иларион, автор книги «На горах Кавказа» (он перебрался с Афона на Кавказ), и иеросхимонах Антоний (Булатович), написавший книгу «Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус». Некоторое время имяславие оставалось незамеченным, а книга Илариона была популярной в России. Но в 1912 г. идейный спор последова-

телей и критиков имяславия привел к взаимному обвинению в ереси (противники имяславия стали именоваться «имяборцы»). «Имяборцев» возглавил архиепископ Антоний (Храповицкий). В 1913 г. имяславие было осуждено Св. Синодом Русской Церкви. Негативное отношение к имяславию высказали митрополит Владимир (Богоявленский), архиепископ Никон (Рождественский), архиепископ Сергей (Страгородский), старцы Оптиной пустыни, профессор С. В. Троицкий и др. Согласно решению Св. Синода имяславцы были запрещены в служении. Патриарх Константинопольский также выступил с осуждением имяславия как ереси. По требованию греческих монахов имяславцы были изгнаны из афонских монастырей. Выселением имяславцев с Афона руководил архиепископ Никон (Рождественский), вывезших несколько сот приверженцев этого учения в Россию. После допросов в Одессе монахи были отправлены по месту жительства каждого. В 1914 г. Николай II после встречи с делегацией имяславцев призвал Св. Синод забыть распри. Св. Синод выразил желание к примирению, но имяславцы приняли решение «отложиться от всякого духовного общения с Всероссийским Синодом». Синод занял компромиссную позицию: не соглашаясь с основанием их учения, разрешил имяславцам служить, жить в монастырях, носить монашескую одежду и т. д. Всероссийский Церковный Собор 1917–1918 гг. намеревался рассмотреть вопрос об имяславии, но не успел этого сделать. В 1918 г. Патриарший Синод заявил, что «не изменяет прежнего суждения о самом заблуждении», принял решение об осуждении имяславия и вторичном запрете на служение. Дальнейшая судьба имяславцев неизвестна. Существуют различные версии «рассеяния» имяславцев. Схимонах Иларион умер на Кавказе в 1916 г. Лидер имяславцев Антоний Булатович был сослан в родовое имение в Харьковской губернии, где жил с 1914 г. по 1919 г. Идеи имяславия были использованы религиозными философами — П. Флоренским («Мысль и язык», «Об имени Божиим», «Имена»), С. Булгаковым («Философия имени»), А. Лосевым («Философия имени»,

«Диалектика мифа», «Имяславие»). *Флоренский Павел Александрович (1882–1937)*.

...филетизм — т. е. слишком тесное срастание национальных и религиозных начал... — В 1872 г. Константинопольский патриарх признал филетизм (от греч. «люблю» и «народ, племя») ересью в связи с решением Болгарской Церкви об автокефалии. Под филетизмом понимается тенденция Поместных Церквей приносить соборные интересы в жертву национально-политическим. Одна из форм филетизма — переход на национальный язык богослужения и запрет служить на языке той Церкви, от которой отложились вне канонических правил новая автокефальная Церковь.

fait accompli (*фр.*) — свершившийся факт.

Губерниальные старосты — Губернские старосты назначались из числа крупных помещиков, промышленников, земских деятелей и чиновников Российской империи. Имели фактически неограниченные полномочия (в условиях оккупации) после ликвидации городских дум и старых земских структур.

sit venia verbo (*лат.*) — с позволения сказать.

Гербель Сергей Николаевич (1856–?) — министр продовольствия, затем премьер-министр правительства гетмана Скоропадского. Из купеческой семьи. Родился в Санкт-Петербургской губернии. Окончил реальное училище. Некоторое время находился на военной службе. С 1883 г. — земский деятель Херсонской губернии: гласный губернской думы, почетный мировой судья, член училищного совета. С 1889 г. — член комитета Херсонского отделения Государственного банка. В 1900 г. возглавил Херсонскую губернскую земскую управу. С 1901 г. — статский советник. С 1902 г. — помощник Харьковского губернатора, в 1903–1904 гг. — Харьковский губернатор. В 1904–1912 гг. начальник одного

из управлений МВД, член Государственного совета. В 1918 г. — представитель председателя Совета министров Украинской державы при Главном штабе австро-венгерских войск в Одессе. С июля 1918 г. — министр продовольствия в правительстве Ф. А. Лизогуба. После провозглашения гетманом «Федеративной грамоты» (о федерации Украины с Россией) возглавил новый — и последний — кабинет министров Украинской державы. В декабре 1918 г. арестован Директорией и помещен в Лукьяновскую тюрьму. В январе 1919 г. освобожден, выехал в Одессу. Участвовал в Белом движении, занимался продовольственным обеспечением армии А. И. Деникина. С 1919 г. в эмиграции в Германии.

...объявлявшего федерацию с Россией... — 14 ноября 1918 г. гетман П. П. Скоропадский обнародовал «Грамоту о федерации Украины с Россией»:

«Перемир'я між Німеччиною й Державами Згоди заключено. Найкривавіша війна скінчилась, і перед народами всього світу стоїть складне завдання утворити основи нового життя. Серед решти частин багатострадалної Росії на долю України випала порівнюючи більш щаслива доля. При дружній допомозі Центральних Держав вона зберегла спокій аж до нинішнього дня. Ставлячись із великим почуттям до всіх терпінь, які переживала рідна їй Великоросія, Україна всіма силами старалась допомогти своїм братам, оказуючи їм велику гостинність і піддержуючи їх всіма можливими засобами в боротьбі за відновлення в Росії твердого державного порядку. Нині перед нами нове державне завдання. Держави Згоди були приятелями колишньої єдиної Російської Держави. Тепер, після пережитих Росією великих заворушень, умови її майбутнього існування повинні, безумовно, змінитися. На інших принципах, принципах федеративних повинна бути відновлена давня могутність і сила всеросійської держави. В цій федерації Україні належить зайняти одне з перших місць, бо від неї пішов порядок і законність краю і в її межах перший раз свobodно віджили всі припинені та пригноблені большевиць-

ким деспотизмом громадяни бувшої Росії. Від неї ж вийшла дружба й єднання з славним Всевеликим Доном і славними Кубанським і Терським Козацтвами. На тих принципах, які — я вірю — поділяють усі союзники Росії, Держави Згоди, а також яким не можуть не співчувати без винятку інші народи не тільки Європи, але й усього світу, повинна бути збудована майбутня політика нашої України. Їй першій належить виступити в справі утворення всеросійської федерації, якої кінцевою метою буде відновлення великої Росії. В досягненні цієї мети лежить заповідь добробуту як усієї Росії, так і забезпечення економічно-культурного розвитку цілого українського народу на міцних підставах національно-державної самобутності. Глибоко переконаний, що інші шляхи були б загибеллю для самої України, я кличу всіх, кому дорога її майбутність, тісно зв'язана з будучиною і щастям всієї Росії, з'єднатися біля мене і стати грудьми на захист України й Росії. Я вірю, що цій святій патріотичній справі ви, громадяни й козаки України, а також і решта людности, дасте сердечну й могутню підтримку. Новосформованому нами кабінетові я доручаю найближче виконання цього великого історичного завдання. Павло Скоропадський 14 листопада 1918 р. Місто Київ».

Мумм фон Шварценштайн Альфонс (Alfons Mumm von Schwarzenstein, 1859–1924) — німецький дипломат, барон. В 1898 г. посланник в Люксембурзі. В 1900 г. — посланник в Пекіні. В 1906–1910 гг. — посол в Токіо. С марта 1918 г. — тимчасовий дипломатический представитель Германии в Києве.

Грёнер Вильгельм (Karl Eduard Wilhelm Groener, 1867–1939) — германский военный деятель, генерал-лейтенант, писатель. В армии с 1884 г. В 1893–1896 гг. учился в Военной академии. С 1897 г. делал успешную военную карьеру. С 1912 г. — начальник отдела железных дорог Генерального штаба. В 1914–1918 гг. — начальник полевого управления железными дорогами Верховного командования, руководил переброской войск на Восток. В 1915 г. возглавил службу снабжения. В 1916 г. про-

вел переброску войск на Румынский фронт. В 1916–1917 гг. — начальник Военного управления, курировал вопросы военной промышленности, заместитель прусского военного министра. С августа 1917 гг. командовал дивизией и корпусом на Западном, затем Восточном фронтах. С марта 1918 г. по октябрь 1918 г. начальник штаба группы армий «Киев» генерала фон Эйхгорна. С октября 1918 г. по июнь 1919 г. — генерал-квартирмейстер, руководил отступлением германской армии. Настаивал на немедленном вступлении в переговоры с Антантой во избежание полного поражения. В 1919 г. покинул пост в знак протеста против Версальского договора, уволен в отставку. В 1920–1923 гг. — министр путей сообщения. В 1928–1932 гг. — военный министр.

***piéd a terre* (фр.)** — буквально «нога на земле»; помещение для временного пребывания.

...завету Бисмарка о необходимости незыблемой немецко-русской дружбы... — *Бисмарк Отто фон Шенхаузен (Otto Eduard Leopold von Bismarck-Schönhausen, 1815–1898)* — государственный деятель, министр иностранных дел и министр-президент Пруссии, первый рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890 гг. В 1859–1862 гг. — прусский посланник в России. Во внешней политике пытался предотвратить создание антигерманского блока, для чего использовал тактику подписания отдельных соглашений с Францией, Англией и Россией, при этом устанавливая союзнические отношения с Австро-Венгрией и Италией. В 1873 г. инициировал подписание русско-австрийско-германского соглашения (т. н. «Союз трех императоров»). В 1879 г. Бисмарк заключил тайный союз с Австро-Венгрией. В 1882 г. инициировал создание Тройственного союза, включавшего Германию, Австро-Венгрию и Италию. В 1887 г. заключил с Россией т. н. «договор перестраховки», а также Средиземноморское соглашение с участием Англии. Система международных договоров, созданная Бисмарком, распалась, однако миф о Бисмарке как «друге России» сохранился.

Украинский Научный Институт — Украинский научный институт был открыт в Берлине в 1926 г. при поддержке министра ген. В. Грёнера и по инициативе П. П. Скоропадского. УНИ стал центром сосредоточения гетманцев — приверженцев про-германской политики, разделявших идеологию «украинского монархизма», «украинского державничества». Директором института с 1926 г. по 1931 г. был Д. И. Дорошенко, а с 1931 г. — И. Мирчук. Кураторами УНИ со стороны немецкого правительства были последовательно Грёнер, Пальме и Гериллис. Институт финансировался из германского бюджета, а также из поступлений от общественных немецко-украинских организаций. УНИ был заявлен как орган для изучения украинского этноса, украинской культуры, истории украинской государственности, исторических и иных связей украинского народа с народами Европы и, прежде всего, Германии. В УНИ работали: Д. Дорошенко, В. Липинский, И. Мирчук, З. Кузеля, Б. Крупницкий, Р. Диминский, М. Антонович, В. Кубийович и др. В институте велась научная работа, действовала библиотека, работала типография, обучались студенты. Институт организовывал публичные лекции, занятия по изучению украинского языка, выставки в Германии и других странах Европы. С 1938 г. выходил периодический сборник «Вести Украинского научного института». С 1931 г. УНИ перешел в ведение Министерства просвещения Германии, потеряв статус общественного учреждения. Помимо открытой научной и преподавательской деятельности, УНИ занимался и исполнением его главной задачи с точки зрения интересов Германии — исполнением государственных заказов в области военного дела и пропаганды: здесь издавались словари для различных родов войск Германии, печатались карты территории СССР (геодезические, географические, плотности населения и т. д.), издавалась пропагандистская литература, в том числе «Моя борьба» А. Гитлера.

Альвенслебен Константин фон (Constantin von Alvensleben, 1866–1943) — капитан, выходец из старинного немецкого

графского рода. По свидетельству другого участника событий на Украине в 1918 г. главнокомандующего кн. А. Н. Долгорукова, «этот Альвенслебен — бывший дипломатический чиновник германского министерства иностранных дел. В эпоху гетманства он, будучи призван по мобилизации, состоял при главнокомандующем Эйхгорне, а затем — Кирбахе. Бабушка его была русская, как он сам говорил, кажется, графиня Киселева. Он был вхож в русские круги и считался монархистом и русофилом». Русские связи Альвенслебенов объясняются и тем фактом, что прусский дипломат Фридрих Иоганн Альвенслебен с 1901 г. занимал должность германского посла в Петербурге. Константин фон Альвенслебен фигурировал как участник переговоров между русскими монархическими кругами и германскими властями о возможном освобождении Николая II и его семьи.

Вильгельм II (Фридрих-Вильгельм-Виктор-Альберт Гогенцоллерн) (Wilhelm II., Friedrich Wilhelm Viktor Albert von Preußen, 1859—1941) — последний германский император (кайзер) и прусский король с 1888 по 1918 гг. Сосредоточил в своих руках всю полноту власти, остранив рейхсканцлера О. фон Бисмарка. Активно содействовал укреплению армии и созданию германского флота (т. н. «дредноутная лихорадка»). С 1914 г. принял на себя звание Верховного главнокомандующего германской армии и флота, уступив затем свои функции Гинденбургу и Людендорфу. Согласно 227 ст. Версальского договора, ответственен за развязывание мировой войны. Во время ноябрьской революции в Германии 1918 г. бежал в Нидерланды, где жил до самой смерти. 28 ноября 1918 г. отрекся от престола. Приветствовал приход нацистов к власти. Располагал огромными капиталами, часть которых вложил в развитие германской промышленности перед Второй мировой войной.

Милоков Павел Николаевич (1859—1943) — с 1907 г. по 1918 г. — председатель партии кадетов, участник всех ее съездов. После Октябрьского переворота выехал в Москву, а по-

сле победы большевиков в Москве выехал в Новочеркасск. Вошел в состав Донского гражданского совета, действовавшего при командовании Л. Корнилова. Написал программную декларацию Добровольческой армии. Из-за разногласий с Корниловым переехал в Киев, где вступил в переговоры с представителями германских оккупационных властей для выработки плана совместных действий против большевиков. Не получив поддержки других членов кадетского ЦК, оставил пост председателя партии. После поражения Германии в войне признал германофильскую позицию ошибочной. В конце 1918 г. покинул Россию, выехав в Яссы (Румыния) на совещание стран Антанты с представителями антибольшевистских сил.

...концентрировавшегося в Черниговской губернии... — Из приведенных Зеньковским здесь и далее данных не удалось установить, что в данном случае он имеет в виду. Возможно, речь идет не о формированиях, входящих в состав вооруженных сил Украинской державы (среди них было несколько корпусов), а о добровольческих офицерских корпусах. Среди них — Особый корпус, Сводный корпус Национальной гвардии, офицерские добровольческие дружины. Возможно, Зеньковский имеет в виду эпопею по созданию прогерманской Южной армии, создание которой субсидировалось правительством гетмана.

...ген. Рогоза — скопились в главных пунктах... — Формирование офицерских военных подразделений началось уже осенью 1917 г., что было реакцией на развал фронта и Октябрьский переворот. Первые офицерские подразделения были созданы в 1917 г. на Дону ген. М. В. Алексеевым. Ими стали Сводно-офицерская рота, Юнкерская рота, Михайловско-Константиновская батарея. Позднее офицерские части действовали в составе сил Л. Корнилова, Н. Н. Юденича, А. В. Колчака, Вооружённых сил Юга России (ВСЮР) П. Н. Врангеля. Для привлечения офицеров в состав формирующейся Добровольческой армии и для организации этого

стихийного процесса создавались вербовочные центры. К началу лета 1918 г. был создан Военно-политический отдел Добровольческой армии, который проводил работу по вербовке офицерских кадров на Украине, в Крыму, на Северном Кавказе и на Дону. На Украине крупные вербовочные центры действовали в Киеве, Харькове, Одессе. Ситуация изменилась к концу лета 1918 г., когда начал действовать договор между Германией и Советской Россией, дополнявший условия Брестского мира, согласно которому обе стороны обязывались противодействовать Добровольческому движению и союзникам по Антанте. Вербовочные центры Добровольческой армии в зоне немецкой оккупации были вынуждены перейти на нелегальное положение. А на Украине и в соседних губерниях началось формирование Южной армии, идеологами создания которой были германофилы из числа офицеров. В июле 1918 г. в Киеве начал работу штаб Южной Армии (начальник штаба ген. Шильдбах), занимавшийся вербовкой добровольцев. Части Южной армии были расквартированы в Воронежской губернии, Миллерове, Черткове и Богучаре. Гетман П. П. Скоропадский передал Южной армии несколько воинских подразделений, поскольку они не были востребованы в армии Украинской державы, опиравшейся на оккупационные силы. Он помог Южной армии и денежными средствами. Предполагалось, что Южная армия будет действовать вместе с Донской армией атамана П. Н. Краснова, избравшего, как известно, прогерманскую ориентацию. Но, как оказалось, к октябрю 1918 г. Южная армия могла выставить лишь 3,5 тыс. человек. В конце месяца после реорганизации Южная армия имела 9 тыс. штыков, тогда как в ее тылу действовало несколько десятков штабов и иных учреждений в составе 20 тыс. человек. Аналогичными были т. н. Астраханская и Саратовская армии, к формированию которых был причастен гетман Скоропадский. Астраханская армия насчитывала 3 тыс. чел. пехоты и 1 тыс. — конницы. Ее состав пополнился после 1-го Кубанского похода и неудач Добровольческой армии на Дону, но уже через месяц численность сократилась более чем в пять

раз. Саратовская армия, действовавшая на севере Донской области, по численности была лишь бригадой. В сентябре 1918 г. атаман Краснов провел реорганизацию этих армий. Из них была сформирована Особая Южная армия под командованием ген. Н. И. Иванова, состоящая из трех корпусов: Воронежского, Астраханского и Саратовского. Особая Южная армия насчитывала более 20 тыс. человек, из них на фронте находились всего 3 тыс. После понесенных потерь Особая Южная армия была переформирована и вошла в состав ВСЮР.

...«синежупанники» — украинско-галицийские части... — *Синежупанники* — «казаки» 1-й и 2-й Украинских дивизий, сформированных Австро-Венгрией и Германией из числа военнопленных Российской армии в конце 1-й мировой войны по этническому признаку. Поводом к формированию дивизий послужило подписание «Украинского Брестского мира» и дополнительных соглашений стран Четверного союза с УНР. Германия и Австро-Венгрия обязывались сформировать украинские военные части и передать их в помощь УНР, оказавшейся бессильной против наступления большевиков в январе 1918 г. В обмен на это УНР обязывалась обеспечить Германии и Австро-Венгрии поставки продовольствия. Синежупанники прибыли в Киев в марте 1918 вместе с оккупационными войсками. Обмундирование Украинских дивизий соответствовало идее возрождения исторических казацких традиций. Мундир был заменен на жупан — длиннополую верхнюю мужскую одежду типа кафтана, или охабня. Жупан имел стоячий воротник, застегивался спереди на крючки, имел пришивную юбку, собранную сзади в крупные складки. Шапка (папаха, кучма) имела небольшой шлык, закрепленный круглой сине-желтой кокардой. Вместо узких военных брюк «казаки» носили широкие штаны типа шаровар, заправляемые в укороченные сапожки. Знаки отличия помещались на воротнике. *Серожупанники* — военнослужащие 1-й Казацко-стрелецкой дивизии. Ее формирование затянулось, и на Украину она прибыла только летом 1918 г. Обмундирование серожупанников было бо-

лее дешевым и непрактичным: в Австро-Венгрии закончилось качественное сукно. Синежупанники и серожупанники не проявили себя на фронтах 1-й мировой войны и не оказали существенного влияния на политическую ситуацию на Украине в период УНР и гетманата. Но в период Директории, петлюровщины и атаманщины они стали органичной частью военных формирований. Согласно приказу Директории, обмундирование серожупанников стало полевой, а синежупанников — парадной формой войск УНР. В этот период (1919—1920) обмундирование синежупанников и серожупанников дополнялось и изменялось по направлению ко все более творческому развитию украинской идеи.

...с «сичевыми стрельцами» Коновальца — «Сечевые стрельцы» — первоначально участники созданного осенью 1917 г. в Киеве Галицко-Буковинского Батальона Сечевых Стрельцов (руководитель — Р. Дашкевич). Идея создания батальона по образцу австро-венгерского «Легиона сечевых стрельцов» принадлежала идеологам «интегрального национализма» Н. Михновскому и Д. Донцову и была поддержана правительством УНР. Согласно этой идее, из земель, где проживают «украинцы», довольно сильно отличающиеся друг от друга по языковому, культурному, религиозному признаку, следовало создать «соборную» (единую) Украину, основой интеграции которой и должен был стать галицийский компонент. Во исполнение этой идеи выходцы из австрийских земель, оказавшиеся на территории России, сформировали Галицко-Буковинский батальон. К началу 1918 г. Галицко-Буковинский батальон, насчитывавший приблизительно пятьсот человек, помог Центральной раде подавить восстание рабочих на заводе «Арсенал», оказал сопротивление большевикам в период их стремительного наступления на Киев в январе 1918 г. и организовал спешную эвакуацию в Житомир лидеров УЦР. В этот период военный министр С. В. Петлюра присвоил Е. Коновальцу звание полковника, а батальон был преобразован в Первый пехотный полк сечевых стрельцов под его началом. В мар-

те 1918 г. сечевые стрельцы вернулись в Киев вместе с оккупационными войсками. В период гетманского переворота сечевые стрельцы оказали сопротивление П. П. Скоропадскому, и полк был расформирован. Однако вскоре был создан Отдельный отряд сечевых стрельцов, который был размещен в г. Белая Церковь под Киевом. Командиры Отдельного отряда вошли в сношение с УНС — союзом украинских националистов, недовольных национальной и социальной политикой гетманата. Во время антигетманского восстания в октябре 1918 г. сечевые стрельцы составили Осадный корпус и захватили Киев, где установили новый режим — Директорию. Вновь была проведена реорганизация, и была создана Группа сечевых стрельцов. Весной 1919 г. лидеры сечевых стрельцов, в том числе Коновалец, заявили о своем уходе с Украины. Коновалец объяснял это тем, что малороссийское население Украины воспринимало сечевиков как чужестранных и чужеродных галицийцев, было равнодушным к предлагаемой галицийцами национальной программе. Группа сечевых стрельцов самораспустилась.

Коновалец Евгений Алексеевич (Евген Коновалец) (1892–1938) — один из лидеров вооруженных формирований украинских националистов. Родился на Львовщине (Австро-Венгрия), в семье сельских учителей. В 1909 г. окончил Академическую гимназию во Львове. С 1909 г. учился на юридическом факультете Львовского университета, слушал лекции М. С. Грушевского. Член главной управы Украинского Студенческого союза, боровшегося за украинизацию системы образования в Галиции. С 1912 г. — секретарь львовского филиала «Просвиты». С 1913 г. — член Украинской Национально-Демократической Партии, возглавляемой лидером галицкого украинства К. Левицким. В 1914 г. мобилизован в австрийскую армию. Получил чин прапорщика. Воевал в одном из подразделений «сечевых стрельцов». В 1915 г. попал в плен в бою с частями Русской армии под горой Маковкой (Галиция). В 1915–1916 гг. находился в лагерях для военнопленных в Черном Яре

(под Царицыном) и Царицыне. В сентябре 1917 г. бежал, добрался до Киева. В октябре — ноябре 1917 г. совместно с Р. Дашкевичем и др. членами Галицко-Буковинского Комитета сформировал из бывших пленных галичан Галицко-Буковинский батальон (курень) Сечевых Стрельцов в составе полка им. Дорошенко. В январе 1918 г. военным министром С. В. Петлюрой был возведен в чин полковника сечевых стрельцов, оказавших сопротивление наступлению большевиков на Киев в январе 1918 г. Вернулся на Украину в марте 1918 г. — после подписания Украинского Брестского мира. В период гетманата возглавил Отдельный отряд сечевых стрельцов. В октябре 1918 г. руководил Осадным корпусом сечевых стрельцов, установившим в Киеве режим Директории. Произведен в атаманы. В период Директории и петлюровщины возглавил Группу сечевых стрельцов, которая самоликвидировалась в конце 1919 г. по настоянию Петлюры. В 1919—1920 гг. находился в польском лагере для военнопленных в Луцке. После освобождения переехал в Чехословакию. В 1920 г. в Праге участвовал в создании националистической террористической организации — УВО (Украинское войсковое объединение). В 1921 г. переехал в Польшу (во Львов), где возглавил Начальную Команду УВО. В 1922 г., после окончательного признания Антантой Восточной Галиции частью Польши, переехал в Германию. Впоследствии жил в Германии, Чехословакии, Швейцарии и Италии. С 1923 г. придерживался прогерманской ориентации, сотрудничая сначала со спецслужбами Веймарской республики, а затем Третьего Рейха. Содействовал созданию террористической сети УВО на территории Советской Украины и Польши, а также центров УВО в Европе и Америке. Руководил организацией терактов, курировал вопросы разведки и внешнеполитических связей УВО. В 1929 г. участвовал в работе Первого конгресса украинских националистов, на котором была создана ОУН (Организация украинских националистов), в состав которой вошла УВО. Возглавил Провод (комитет) украинских националистов — руководящий и координирующий орган ОУН. Вступил в конфликт с более радикальной группой в ОУН, воз-

главляемой С. Бандерой. Убит в Роттердаме в 1938 г. советским разведчиком Павлом Судоплатовым, внедрившимся в оуновскую организацию.

Эйхгорн Герман фон (Hermann von Eichhorn, 1848–1918) — германский генерал-фельдмаршал (с 1917 г.). Военную карьеру начал в период Австро-прусской войны 1866 г. Участник Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Затем служил в Генштабе. С 1904 г. — командир 18-го Армейского корпуса. С 1912 г. — генерал-инспектор. Вышел в отставку, но в августе 1914 г. зачислен в резерв. В 1915 г. назначен командующим сформированной в Пруссии 10-й армией. Участвовал в зимнем сражении у Мазурских болот, закончившемся поражением частей 10-й русской армии ген. Ф. В. Сиверса и потерей русскими войсками значительной территории. Во главе группы армий «Эйхгорн» летом 1917 г. захватил Ригу. В конце 1917 г. — начале 1918 г. руководил наступательными действиями германских войск в Прибалтике, Белоруссии, Псковской и Новгородской губерниях. С марта 1918 г. — командующий группой армий «Киев». Руководил оккупацией Южной Белоруссии, Украины и Юга России. Возглавил администрацию оккупированных областей. В его ведении находились Украина (5 из 9 оккупированных губерний бывшей Российской империи), Крым, Таганрог, районы Белоруссии, Донской области, части Воронежской и Курской губерний и др. Убит левым эсэром Б. М. Донским. Во время гитлеровской оккупации Киева в 1941–1943 гг. улица Крещатик называлась Эйхгорн-штрассе.

...было делом с.-р... — Генерал-фельдмаршал фон Эйхгорн был убит в Киеве 30 июля 1918 г. Его убийство было спланированной акцией партии левых эсеров, не согласившихся с подписанием Брестского мира. Заключение сепаратного мира с империалистической державой расценивалось ими как предательство интересов революции и трудового крестьянства. Поэтому партия приняла решение о возобновлении террористической деятельности. В состав Боевой организации партии

эсеров, подготовившей и осуществившей покушение на Эйхгорна, вошли Г. Смолянский, Б. Донской и И. Каховская. Боевую группу, прибывшую из Москвы, дополнили украинские эсеры — М. Залужная, И. Бондарчук и С. Терлецкий. Была создана и вторая группа, готовившая покушение на гетмана П. П. Скоропадского. Кандидатура Эйхгорна была выбрана не случайно. Глава оккупационного корпуса олицетворял грабительскую и репрессивную политику империалистической Германии по отношению к революционной России. Теракт был хорошо подготовлен. Эсеры, разместившиеся на конспиративных квартирах, вели долгую слежку за Эйхгорном, пытаясь определить маршруты его передвижения. Поскольку Эйхгорн практически не покидал района Липки, традиционно бывшего центром сосредоточения правительственных и финансовых учреждений, была использована единственная возможность застать фельдмаршала во время его короткой прогулки от квартиры до офицерского собрания штаба, где он традиционно обедал в час дня. Единственное, что не удалось левым эсерам в Киеве, — это придать убийству Эйхгорна общероссийский и мировой масштаб. 6 июля 1918 г. в Москве их товарищами по партии был убит германский посол В. фон Мирбах. Смерть дипломата была не столь символической, нежели убийство главы оккупационного корпуса, виновного в подавлении крестьянских выступлений, применении немецких военно-полевых судов и восстановлении помещичьей собственности на землю. Однако теракт не был отменен, и 30 июля на перекрестке Екатерининской улицы, где располагалась квартира фельдмаршала, и Липского переулка его встретил Б. Донской. Под ноги Эйхгорна и его адъютанта Дресслера он бросил самодельную бомбу. На шум взрыва выбежали многочисленные чиновники и военные, в их числе был и П. П. Скоропадский, описавший позднее эту кровавую картину в своих воспоминаниях. Адъютант Эйхгорна Дресслер, которому оторвало ноги, умер в тот же день, а сам фельдмаршал, получивший множественные ранения, — на следующий. Б. Донской добровольно сдался, чтобы под-

черкнуть политический характер акции. Гетман в тот же день обнародовал грамоту к украинскому народу, в которой назвал убитого «искренним и убежденным нашим приверженцем и другом украинского народа», целью которого было «создание самостоятельного Украинского Государства». На 1 августа была назначена панихида по Эйхгорну. После панихиды тело Эйхгорна и Дресслера пронесли торжественной процессией через главные улицы города к Киевскому вокзалу. Вскоре были задержаны И. Каховская и И. Бондарчук. Во время следствия 24-летний Б. Донской, подвергавшийся пыткам, сообщил лишь о личных данных и цели теракта, совершенного им против «душителя революции» и «сторонника буржуазии» Эйхгорна. Эсерам-террористам Донскому и Каховской был вынесен смертный приговор. Донской был публично повешен на Лукьяновской площади 10 августа 1918 г. Труп, над которым была прибита доска с надписью «Убийца генерал-фельдмаршала Эйхгорна», провисел несколько часов. Для казни женщины требовалось разрешение кайзера, но вскоре произошла Ноябрьская революция, и кайзер отрекся от престола. В 1919 г. Каховская и Бондарчук вышли из тюрьмы. После установления советской власти на Украине прошел трибунал по делу участников казни Донского, и надзирателю Лукьяновской тюрьмы и исполнителю казни были вынесены смертные приговоры.

Кирхбах Гюнтер фон (Gunther von Kirchbach, 1850–1925) — генерал-полковник германской армии (с 1918 г.). Из семьи потомственных военных. В 1868 г. окончил Берлинский кадетский корпус и зачислен в гвардейский фузилерный полк. Участник франко-прусской войны 1870–1871 гг. С 1907 г. — командир 5-го Армейского корпуса. С 1911 г. — президент Имперского военного суда. В 1914 г. мобилизован и переведен в действующую армию, командир 10-го резервного корпуса. В 1914 г. получил тяжелое ранение. В 1916 г. после выздоровления назначен командиром ландверного корпуса. С апреля 1917 г. — командующий армейским управлением «D» («Дина-

бург») на Восточном фронте. С декабря 1917 г. — командующий 8-й армией. После гибели генерал-фельдмаршала фон Эйхгорна 31 июля 1918 г. возглавил группу армий «Киев». После падения монархии в Германии и подписания Компьенского перемирия руководил эвакуацией германских войск.

Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (около 1595—1657) — гетман Запорожского казачества, возглавивший народное восстание в Малороссии против сословного, экономического и религиозного гнета польской шляхты (1648—1654). Благодаря серии побед над польским войском получил определенную самостоятельность во внешнеполитических делах. Однако после заключения невыгодного для казаков Белогородского мира (1651) с Польской Коронай был вынужден искать союзника. Неоднократно обращался к русскому царю Алексею Михайловичу с просьбой о присоединении подконтрольной гетману территории к Русскому государству, что и произошло в 1654 г. Противостояние России, Польши, Швеции, Турции и её вассала Крымского ханства обеспечили определенную субъектность т. н. «гетманщины».

...различные правительства вели и до сих пор ведут разговоры и переговоры с украинскими деятелями. Польша, Чехия, одновременно Румыния, Германия, Франция и даже... Англия субсидируют донныне украинские организации... — Комментирование этого тезиса Зеньковского требует, по меньшей мере, монографического исследования. Ниже приведены выдержки из аналитического доклада источника ГУГБ НКВД СССР «Художника», содержащего сведения о положении украинской эмиграции в Германии. Документ относится к 1940 г., когда Чехословакия и Польша уже находились в составе Рейха. Выбор этого документа определяется тем простым фактом, что приведенные здесь материалы перекликаются с содержанием мемуаров Зеньковского и освещают деятельность Украинского научного института в Берлине, положение украинских эмигрантов 1-й волны.

«ДОКЛАД О РЕЗУЛЬТАТАХ РАБОТЫ, ПРОВЕДЕННОЙ
МНОЮ В БЕРЛИНЕ. НЕМЕЦКО-УКРАИНСКИЙ ВОПРОС

...Всего под немецким протекторатом в генералитете и в немецкой империи находится около миллиона украинцев, из них бежавших с Западной Украины насчитывается 32 тыс. чел. (это так называемая 2-я эмиграция, которая прибыла нелегально в период арестов укр. нац. в Западных областях Украины). В первую эмиграцию — около 15–16 тыс. чел. с Украины ушло с немцами. Эта группа наиболее обеспечена и занимает все правительственные должности в Кракове, Вене, Праге и Варшаве.

Ввиду того, что в завоеванных немцами областях коренное население — поляки и чехи — являются коренными врагами немцев и наличие немецких военных оккупационных войск сведено к минимуму, то вся политическая, охранная служба и весь аппарат управления оккупированных областей передан в руки украинцев, которые в благодарность за свое “освобождение” от поляков, венгров, чехов получили все эти преимущества и верно служат своим хозяевам немцам.

Украинская интеллигенция получает в оккупированных местах большое жалованье, даже по сравнению с немцами. Например: художник КОЗАК, который в Кракове заведует художественной частью пропагандного отдела, получает в м-ц 1 000 марок. Такие же деньги получает и другой художник ДЯДЕНЮК, работающий там же.

Часть украинцев еще осталась в лагерях. Это население лагерей не организовано и не входит ни в какие организации.

Вся же украинская интеллигенция, представляющая какой бы то ни было интерес для украинских институтов, быстро вызывается в центры (Прага, Краков, Берлин), где дается соответствующая работа... В лагерях украинцев остается уже очень мало, так как они заинтересованы поскорее вступить в организации, главным образом в УНО. Через эти организации украинцы и получают желаемую работу в любом городе и почти на любом заводе Германии. Характерно, что в крупнейших предприятиях, работающих сейчас на оборону Гер-

мании, “Сименса и Гальске” (имеющих постоянную деловую связь с Советским Союзом) почти весь технический персонал и рабочие из украинцев. Украинцы допущены даже на секретные авиационные и химические заводы.

Отношение немцев к украинцам за последнее время чрезвычайно изменилось в лучшую сторону. Сейчас достаточно сказать, что вы украинец, и вы получаете определенные преимущества. Украинец в своем правовом и рабочем положении не имеет никаких отличий от немцев, в то время как отношение к русской эмиграции презрительное и никаких преимуществ она не имеет. Даже нелегальный переход границы, совершенный украинцем, остается безнаказанным.

В городах, где объявлено военное положение, как, например, в Варшаве, после 9 часов жизнь замирает. Однако украинцам разрешается ходить по улицам. 100 тысяч украинцев, взятых в плен Германией при разгроме польской армии, сейчас все на работе, а некоторые украинцы из числа комсостава приняли немецкое подданство и служат теперь в немецкой армии. Только в Берлине около четырехсот студентов-украинцев получают стипендию 110 марок в м-ц. Это молодежь, главным образом, из Холмщины, Карпатской Руси, но в последнее время многие галичане едут в Берлин из Кракова. В Праге существует один украинский институт, тогда как чешские и словацкие закрыты...

По всему протекторату открыто 80 средних украинских школ. В ближайшее время около Кракова открывается украинский университет. В Холме отремонтирован и передан украинцам Холмский православный собор, имеющий символическое освободительное значение.

Большое значение уделяют немцы украинским научным институтам. В середине 1939 года берлинский украинский институт перешел в немецкие руки. Назначен немецкий комиссар института. Отпущены большие средства. Открывается институт, или уже открылся в Праге, в Кракове.

До последнего времени нами недооценивалось значение украинских научных институтов. До известной степени это

мозг украинской эмиграции. Вся научная идеологическая работа, проводимая под указкой немцев, воспринимается всеми украинскими эмигрантскими организациями. Сотрудники украинского института (Украинский Научный Институт в Берлине, работавший под патронажем ген. Гренера. — *Сост.*) также принадлежат теперь к различным организациям, в то время как раньше они были только гетмановцами.

Громадную работу производят институты в издательской и пропагандистской лекционной работе... Значение института усиливается с каждым днем, учитывая его будущую роль в “украинском национальном освобождении”.

Первой неотложной задачей института, по приказанию немцев, является издание военных словарей. Характерно, когда у меня был разговор о будущих взаимоотношениях с СССР, то КУЗЕЛЯ (сотрудник Украинского научного института. — *И. С.*) убежденно и горячо сказал: “Я имею отношение к выдающимся немецким деятелям и говорю прямо: война за Украину будет. Мы ко всему этому готовимся”. Мы спускаемся этажом ниже, и он мне показывает в специальных комнатах издания института за 1939—1940 гг.: Словарь немецко-украинский и украинско-немецкий военный для пехоты и артиллерии; Словарь украинско-немецкий и немецко-украинский для военных летчиков (эти словари мною пересланы сюда).

Кроме того, в подготовке в гранках (я их сам видел) имеются словари: военный украинско-польский, военный венгерско-украинский, военный чешско-украинский. В подготовке краткие словари для службы связи. Краткий словарь новых советских слов, употребляемых в русском и украинском языках... Издан самоучитель украинско-немецкого языка полный и сокращенный. Подготавливается к печати академический большой словарь украинско-немецкий и немецко-украинский. Сделан перевод немецкой книги ГИТЛЕРА “Моя борьба”, но пока не издается.

Издан ряд географических и геодезических карт административного деления, карт плотности населения, железных до-

рог. Частичный каталог этих карт переслан мною сюда. Что же касается военных карт, то работа над ними ведется с большим успехом при министерстве иностранных дел. Корректирует эти карты КУЗЕЛЯ и РУДНИЦКИЙ. Имеются воздушные фотографии городов Советской Украины...

Подготавливается к печати ряд изданий на немецком языке “Мазепа” — профессора РУДНИЦКОГО, “Украинская освободительная борьба” КУЗЕЛИ и т. д.

Характерно, что читая всю литературу украинской эмиграции в Германии, вы в ней не найдете ни одного выпада против Советского Союза. Это объясняется тем, что немцами даны директивы всем организациям заниматься своим внутренним профессиональным делом и ни в коем случае не касаться своих взаимоотношений с Советским Союзом. КУЗЕЛЯ говорит: “Мы сейчас работаем в 10 раз больше, чем раньше, но наша работа сейчас, фактически, в “подполье”, так как это необходимо немцам и нам, теперь ни в коем случае нельзя обострять наши взаимоотношения с Советским Союзом. Мы все это великолепно понимаем”. Советский Союз сейчас не должен иметь никаких оснований для предъявления требований Германскому правительству в том, что оно даже косвенным образом поощряет борьбу украинских эмигрантов против советской власти.

Характерно, что военные словари, вышедшие в начале 1940 года, т. е. значительно позже после взаимного договора, имеют вставные введения, которые были сделаны для того, чтобы там только поставить дату 29 июля 1939 г., т. е. за 2 недели до подписания взаимного договора...

Для постоянной связи украинской эмиграции и немецким официальным учреждением существует так называемое “место доверия” — “Украинше фертрауэн штелле”. Это бюро, во главе которого стоит Роман СУШКО и неофициально СЕВРЮК. Бюро ведает регистрацией прибывающих вновь в Берлин эмигрантов, проверяет их политическую благонадежность, и в сопровождении с особой доверительной бумагой эти украинцы уже принимаются немцами в различные

учреждения и предприятия. Политической работы эта организация не ведет.

В Берлине находятся различные украинские эмигрантские организации. По поводу взаимоотношений этих организаций КУЗЕЛЯ говорит: “По своей программе они как будто бы внешне враждебны и различны, но по существу это различие может быть изменено одним словом немцев, за которым последует необходимое им единодушие. Это различие существует для внешнего вида, так как это сейчас необходимо немцам, чтобы показать Советскому Союзу, что эти организации разобщены между собой и враждебны друг другу, что в них нет единения. Это единение, несомненно, зависит от немцев, так как цель одна и хозяин один” ... Это проскальзывает и в украинских эмигрантских газетах. Так, например: в последнем номере газеты УНО за май месяц “Украинский вестник” помещены два портрета националистических “героев” ПЕТЛЮРЫ и КОНОВАЛЬЦА...

Учитывая свой опыт неудачной колонизации Украины 1918 г., немцы... на случай будущего захвата ими Украины, используют зарубежную украинскую эмиграцию, как основу своей полицейской и управленческой организации. Практическая подготовка к этому ведется по управлению Польши и Чехословакии. Таким образом, здесь будет создана видимость, что Украина будет украинской, так как во главе всего управленческого аппарата будут стоять украинцы, но которые фактически являются орудием в руках немцев. Немцами были организованы украинские легионы в борьбе против Венгрии за Прикарпатскую Украину. Ими была проделана большая работа в части обучения военным специальностям украинцев. Эти украинские войска были разгромлены венграми, но основную свою силу они сохранили. Основная оставшаяся масса этих войск, молодежь главным образом, теперь находится в УНО.

Отношение немцев более искренно к галичанам, чем к наднепрянцам. Это объясняется тем, что среди галичан имеется молодежь, которой легче орудовать, тогда как среди наднепрянцев больше пожилых людей.

В целях более выгодной маскировки украинских организаций, в последнее время в Берлине заметна некоторая децентрализация. Многие украинцы из Берлина, как, например, КОЖЕВНИКОВ, переехали в Рим, часть уновцев в Прагу или в Краков. В силу своего географического расположения, Краков сейчас является украинским центром, в противовес Львову, и есть предположение, что все централизованное немецкое управление по украинским делам будет перенесено в Краков. В пограничных немецких войсках на Западной Украине находится много украинцев, принявших немецкое подданство и теперь служащих в немецкой армии. Почти все из них члены УНО, знающие в большинстве случаев в совершенстве немецкий язык, служат переводчиками, многие из этих украинцев были в пограничных немецких комиссиях во Львове, Перемышле и других городах. Это одна из реальных связей Западной Украины с Германией.

Общая тенденция украинских организаций не оставить ни одного украинца вне своей организации. Оставшийся, сравнительно малокультурный, слой населения привлекается экономическими преимуществами, как, например: кооперативным снабжением, облегчением правового порядка и т. д. Впоследствии они будут обработаны в нужном духе данной организации...» (ЦА ФСБ России. Ф. 100. Оп. 11. Д. 7. Л. 3—18).

Эйхельман Оттон Оттонович (Отто Оттович) (1854—?) — профессор Киевского университета, специалист по международному праву. Из прибалтийских немцев. В 1875 г. окончил Дерптский (Юрьевский) университет, специализировался по кафедре государственного и международного права. За работу «О международно-правовых сношениях при Петре Великом» получил степень кандидата права. Принадлежал к Дерптской юридической школе проф. Бульмеринга. В 1878 г. защитил магистерскую диссертацию, посвященную вопросам военного права, и получил должность штатного доцента государственного и административного права в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. В 1880 г. защитил в Киеве

докторскую диссертацию на тему «Военное занятие неприятельской стороны», получил звание экстраординарного профессора Демидовского лицея. В 1882 г. избран экстраординарным профессором Киевского университета по кафедре истории международного права. В 1884 г. возглавил кафедру. Был противником абсолютизации юридических оснований так называемого общего международного права, призывал изучать международное право с учетом исторических и иных особенностей государства.

...**plus royaliste que roi** — *être plus royaliste que le roi (фр.)* — быть больше роялистом, чем сам король.

...**bona fide** (лат.) — буквально «по доброй воле»; по совести, вполне искренно, чистосердечно, без всякого умысла.

Штейнгель Федор Рудольфович (1870–1946) — общественный и политический деятель, дипломат. Родился на Волынщине. Дворянин, землевладелец. Выпускник Киевского университета. Занимался археологией и этнографией, на родине в с. Городок основал музей. С 1906 г. — член партии кадетов, с 1916 г. — член ЦК. В 1906 г. — депутат 1-й Государственной думы от Киева, член аграрной комиссии. Подписал «Выборгское воззвание», за что был осужден. С 1914 г. — член Украинского научного общества Т. Шевченко в Киеве. С 1915 г. — председатель Юго-Западного комитета Всероссийского союза городов. Член Товарищества украинских прогрессистов. С 1917 г. — член Украинской партии социалистов-федералистов. В период гетманата — посол Украинской державы в Берлине. Эмигрировал. Жил в Германии.

Шишманов Иван Димитров (1862–1928) — болгарский литературовед, фольклорист и историк культуры. Учился в университетах Йены, Женевы и Лейпцига. С 1894 г. — профессор Софийского университета. С 1902 г. — член Болгарского литературного общества. В 1903–1907 гг. — министр просвещения

Болгарии. Заложил основы болгарского научного литературоведения. Изучал вопросы взаимного влияния русской, украинской и болгарской культуры и литературы.

Каледин Алексей Максимович (1861–1918) — 29 января 1918 г. после поражения Войска Донского, свержения его правительства и образования Донского казачьего ВРК сложил с себя полномочия Войскового атамана и застрелился в Новочеркасске. В сношения с гетмановским правительством, а также военными и дипломатическими представителями Германии вступил новый Донской атаман Петр Николаевич Краснов.

Черячукин Александр Васильевич (1872–1944) — генерал-майор Генштаба. Родился в станице Богоявленской. Окончил Донской кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Служил в чине хорунжего в 6-й лейб-гвардии Донской батарее гвардейской конно-артиллерийской бригады. После окончания академии служил в аппарате Генерального штаба в Киевском военном округе. С 1902 г. — обер-офицер для особых поручений при штабе 12-го армейского корпуса. С 1904 г. по 1910 г. — начальник строевого отделения, а затем и. д. начальника штаба Кронштадтской крепости. С 1908 г. — полковник. В 1910 г. — начальник штаба 10-й кавалерийской дивизии. Затем командир 11-го Донского казачьего полка, с которым вступил в Первую мировую войну. Отличился в Галицийском сражении. С 1915 г. — генерал-майор. Командир 2-й Заамурской конной бригады. Начальник штаба 4-го кавалерийского корпуса. Командир 2-й Сводной казачьей дивизии, с которой в 1917 г. прибыл на Дон. Генералом А. М. Калединым назначен командующим Западным фронтом для обороны Новочеркасска от наступления красных войск. После поражения армии Каледина и его самоубийства скрывался на Дону. В мае 1918 г. был послан Донским атаманом генералом П. Н. Красновым в Киев. Постоянный представитель Всевеликого Войска Донского при правительстве гетмана П. П. Скоропадского (т. н.

атаман Донской зимовой станицы). Среди его функций: обсуждение вопроса о разграничении границ между Украинской державой и территорией Войска Донского (договор подписан 25 июля 1918 г.), вербовка добровольцев, отправка на Дон боеприпасов и вооружения, изыскание денежных средств в Германии и на Украине для помощи Дону и формируемым прогерманским армиям. С 1918 г. — генерал-лейтенант. В конце 1918 г. вернулся на Дон, в начале 1919 г. новым Донским атаманом генералом Богаевским был назначен начальником Донского кадетского корпуса. В 1920 г. эвакуирован с Донским кадетским корпусом в Египет, возглавлял корпус до его расформирования в 1923 г. С 1923 г. в Париже, работал на автомобильном заводе. До 1930 г. — председатель Союза донских артиллеристов в Париже. Заместитель Донского атамана Богаевского, в 1935 г. был одним из кандидатов при избрании нового Донского атамана. В конце 1930-х гг. был участником комиссии при редколлегии «Атаманского вестника» по сбору материалов по истории казацких войск. С началом войны переехал в Ниццу, где умер в 1944 г.

...наш украинский Бисмарк... — Зеньковский не имеет в виду сравнение масштаба личности и политического веса Д. И. Дорошенко и рейхсканцлера Отто фон Бисмарка. Он лишь напоминает о том, что Бисмарк в свое время занимал пост министра-президента и министра иностранных дел Пруссии (с 1862 г.).

Украинская Академия Наук — ведущая роль в организации Украинской Академии Наук принадлежит В. И. Вернадскому. Вернадский принял предложение министра Н. П. Василенко на том условии, что он сохранит российское гражданство и будет работать на Украине в качестве эксперта — представителя Российской АН. В Киев он прибыл в мае 1918 г. из Полтавы, где жил у родственников после бегства из Петрограда. Вернадский возглавил три специальные комиссии при министерстве Василенко: Комиссию по выработке законопроекта об осно-

вании Украинской Академии Наук и ее устава, Временный комитет по основанию библиотеки при УАН и Комиссию по высшим учебным заведениям и ученым академическим учреждениям. Создание УАН сопровождалось скандалом, связанным с притязаниями М. С. Грушевского на право создания академии и определения ее идеологии. Грушевский видел в качестве основы УАН Украинское научное общество им. Т. Шевченко, созданное в Киеве по образцу аналогичного Львовского общества. Положенная Грушевским в основу образования УАН антимосковская, антирусская идеология не могла быть реализована по простой причине — отсутствия украинских научных кадров. Позднее — в эмиграции — Грушевский объяснил неудачу своего предприятия нежеланием работать с гетманским режимом. А в период Директории Грушевский на заседании УНО им. Шевченко ставил вопрос о ликвидации УАН, созданной при гетманате усилиями Вернадского. Вернадский опирался главным образом на русских ученых, работавших в Киевском университете, отделениях Российских научных обществ или бежавших на Украину после Октябрьской революции. «Среди украинских деятелей очень немного — особенно среди резких националистов — людей положительной культурной ценности», — объяснял он данный феномен. Был разработан Устав, согласно которому УАН состояла из трех отделов: историко-филологических наук, физико-математических наук и социальных наук. Поскольку Вернадский был сторонником теснейшей связи науки с государственной практикой, то структура УАН должна была обеспечивать запросы украинского народа (история, культура, язык) и потребности украинской экономики. В основу образования УАН был положен опыт Российской Императорской АН, при которой, следуя логике развития науки, открывались профильные институты, лаборатории и кафедры. В результате Вернадскому, объединившему вокруг себя коллектив ученых, удалось заложить основы ряда академических структур, среди которых: Институт прикладной механики, Геодезический институт, Физический институт, Институт эксперименталь-

ной ботаники, Ботанический музей и ботанический сад, кафедра медицинской биологии, кафедра отдела прикладной науки, кафедра прикладной ботаники и лесная опытная станция, музей антропологии и этнографии. В период гетманата были сделаны первые шаги по организации УАН. Первое заседание УАН состоялось 27 ноября 1918 г. В 1919-м Вернадскому пришлось пережить многократную смену власти в Киеве. И если власти 2-й Советской республики отнеслись благосклонно к деятельности Вернадского, выдав ему «Охрannую грамоту», то руководство Добровольческой армии увидело в УАН одну из националистических организаций, и Вернадскому пришлось вести сложные переговоры по этому поводу. Подлинный размах деятельность Вернадского по созданию структуры УАН (с 1921 г. — ВУАН, с 1936 г. — АН УССР) и системы высшего образования на Украине приобрела в советский период. Способствовала тому политика советской украинизации.

Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) — в 1906 г. избран членом Государственного Совета от академической курии, подал в отставку в знак протеста против роспуска Государственной думы. В 1908 г. вновь избран в Государственный Совет. В 1911 г. по политическим мотивам (поддержал студенческие волнения, возникшие после похорон Л. Н. Толстого) подал в отставку с должности профессора Московского университета, исключен из Государственного Совета. С 1915 г. — вновь в составе Государственного Совета; в феврале 1917 г. подписался под коллективной телеграммой Николаю II, содержащей требование отречься от престола. После Февральской революции вернул должность ординарного профессора Московского университета. Назначен председателем ученого комитета при Министерстве земледелия. Включен в Комиссию по реформе высших учебных заведений при Министерстве просвещения. С августа 1917 г. — товарищ министра народного просвещения, возглавил отдел высшей школы и государственной организации научных исследований. Поднимал вопрос о создании Академий наук Грузии и Украины.

В период июльского кризиса выступал против выхода кадетов из Временного правительства. Выдвинут в Учредительное Собрание от Петрограда и Алтая, но избран не был. Октябрьскую революцию не поддержал. В конце 1917 г. выехал в Москву, затем в своё имение в Полтаву. Откликнулся на предложение министра просвещения гетманского правительства Н. П. Василенко и переехал в Киев. Возглавил три комиссии по реформе науки и системы образования в Украинской державе. Заложил основы Украинской Академии Наук, академической библиотеки и ряда вузов. Первый президент УАН. В 1919 уехал в Ростов, затем в Крым. В 1920 г. занял должность профессора и ректора Таврического университета в Симферополе. В 1921 г. вернулся в Петроград, был арестован и освобожден. В 1921 г. создал и возглавил Радиевый институт, директором которого был с 1922 по 1939 г.

Украинский Национальный Совет — *Украинский Национальный союз*, или УНС (до августа 1918 г. — Украинский национально-державный союз), представлял собой объединение партий и профессиональных объединений, находившихся в оппозиции гетманскому режиму. Главой УНС был украинский социал-демократ В. К. Винниченко. В УНС входили украинские социал-демократы, украинские эсеры, социалисты-самостийники, социалисты-федералисты, хлеборобы-демократы, члены Трудовой партии, Союза железнодорожников, Почтово-телеграфного союза. Сочетая националистические и социалистические идеи, УНС требовал создания коалиционного правительства, состоящего из представителей украинских левых партий, проведения аграрной реформы в духе эсеровской программы, немедленных выборов в законодательный парламент, обеспечения демократических свобод, т. е. фактически восстановления УНР и партийного режима социалистической Центральной рады. Гетман пошел на уступки УНС и сформировал очередное правительство, куда вошли члены УНС социалисты-федералисты Лотоцкий, Стебницький, Славинский и др. Однако затем он это прави-

тельство распустил и сформировал новое, ориентированное на союз с Россией. УНС возглавил антигетманское восстание, которое закончилось бегством гетмана и утверждением Режима Директории во главе с Винниченко.

Украинский Сенат — *Государственный Сенат* — высший судебный орган — был учрежден в июле 1918 г. согласно закону «О Государственном Сенате». Инициатором создания Сената явился председатель Генерального Суда и Генеральный прокурор Украинской державы М. П. Чубинский. Функции и порядок формирования украинского Сената были определены, исходя из законодательства Российской империи. Возглавил Сенат Н. П. Василенко.

Келлер Федор Артурович (1857–1918) — граф, генерал от кавалерии. Из дворян Смоленской губернии. Окончил приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища. В 1877 г. был принят нижним чином в 1-й лейб-драгунский Московский Е. И. В. полк. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., награжден боевыми орденами. В офицерский чин произведен Высочайшим указом в 1878 г. Сдал экзамен в Тверском кавалерийском училище, дававший право на производство в следующие офицерские чины. В 1889 г. окончил Офицерскую кавалерийскую школу. С 1894 г. — подполковник, с 1901 г. — полковник. В 1905 г. во время исполнения обязанностей Калишского генерал-губернатора (Польша) был ранен террористом, бросившим в него бомбу. В 1907 г. произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту Е. И. В. Первую мировую войну встретил будучи командиром 10-й Кавалерийской дивизии. Отличился в боях у Ярославлицы, в Галицийской битве, в Заднепровском сражении. С 1915 г. — генерал-лейтенант, командир 3-го кавалерийского корпуса; награжден Орденом св. Георгия 4-й и 3-й степеней и Георгиевским оружием. С 1917 г. — генерал от кавалерии. Был одним из двух командующих корпусами, которые на запрос ген. М. В. Алексеева о поддержке Временного правительства от-

казался признавать отречение императора Николая II и присягнуть Временному правительству; послал царю телеграмму: «Третий конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрёкся от престола. Прикажи, Царь, придём и защитим Тебя». Отстранен от командования корпусом «за монархизм», в апреле 1917 г. переведен в резерв при штабе Киевского военного округа. Обращался к Временному правительству с просьбой сопровождать Николая II в заключении и ссылке. В начале формирования Добровольческого движения не поддержал его революционной демократической идеологии. Вынашивал идею создания Северной монархической армии. В 1918 г. переехал в Киев, собирал вокруг себя русских офицеров. Отказался возглавить прогерманскую Южную армию. С 5 ноября 1918 г. — командующий «всеми вооруженными силами на территории Украины». 13 ноября после заявления о переходе к нему всей власти до восстановления в России законной монархии был отставлен с поста главнокомандующего, передал полномочия кн. А. Н. Долгорукову. Возглавил оборону Киева от наступающих отрядов С. В. Петлюры, но был вынужден распустить вооруженные отряды. Арестован петлюровцами в Михайловском монастыре вместе с двумя адъютантами. 8 декабря 1918 г. расстрелян на Софийской площади. Похоронен в Покровском монастыре в Киеве.

Тарановский Федор Васильевич (1875–1936) — юрист, историк права, специалист по славянскому праву. Родился в русско-польской семье в г. Плонске. Окончил Варшавскую гимназию. Окончил юридический факультет Варшавского университета с золотой медалью, оставлен при кафедре истории русского права. В 1899 г. сдал магистерский экзамен, и. д. доцента по кафедре энциклопедии юридических и политических наук. В 1902–1903 гг. стажировался в университетах Германии и Франции. В 1904–1905 гг. — секретарь юридического факультета Варшавского университета. В 1905 г. в Петербургском университете защитил магистерскую диссертацию «Юридический метод в государственной науке. Очерк развития его в Гер-

мании: Историко-методологическое исследование». В 1908 г. избран на должность экстраординарного профессора по кафедре истории русского права в Демидовском Юридическом лицее Ярославля. В 1911 г. в Петербургском университете защитил докторскую диссертацию «Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке». В 1912 г. допущен к работе в Государственном архиве. Избран на должность ординарного профессора кафедры истории русского права в Петербургском университете, но не был утвержден. Избран на аналогичную должность в Юрьевском университете. Преподавал на Высших женских курсах. После Февральской революции переехал в Петроград и занял место приват-доцента русского права в столичном университете. В конце 1917 г. выехал на Юг России. В 1918 г. был избран в состав УАН по отделу социальных наук. С 1920 г. в эмиграции. Основался в Сербии. В 1920–1936 гг. — профессор энциклопедии права и истории славянских прав Белградского университета. Возродил кафедру истории славянского права. Председатель правления Русского научного института в Белграде. В 1933 г. избран в члены Сербской Королевской Академии наук. Опровергая тезис о культурной и правовой отсталости славянских народов, в том числе России, доказывал, что славянская государственность основывалась не на субъективных договорных началах, а на основе объективного и всеобщего права.

Липский Владимир Ипполитович (1863–1937) — ученый, ботаник. В 1886 окончил киевский Университет св. Владимира. Оставлен в университете, в 1887–1894 гг. работал в ботаническом кабинете. С 1894 г. по 1917 г. работал в Императорском ботаническом саду в Петербурге, где в 1902 г. занял место главного ботаника. Занимаясь систематикой и географией высших растений, совершил поездки в Бессарабию, на Кавказ, в Среднюю Азию, Северную и Южную Америку, на Цейлон, в Японию и др. В 1918 г. стал одним из организаторов УАН; в 1921–1922 гг. — вице-президент, а в 1922–1928 гг. — прези-

дент академии. С 1928 г. — член-корреспондент АН СССР. В 1928—1937 гг. — директор Ботанического сада в Одессе.

Крымский Агафангел (Агатангел) Ефимович (1871—1942) — востоковед, тюрковед и семитолог, писатель и переводчик. Родился во Владимире-Волынском. В 1892 г. окончил Лазаревский институт восточных языков в Москве, в 1896 г. — историко-филологический факультет Московского университета. Два года прожил в Ливане. Затем двадцать лет проработал в Лазаревском институте восточных языков профессором кафедры словесности и истории мусульман. Один из организаторов УАН в 1918 г., действительный член академии (ВУАН, АН УССР). В 1918—1941 гг. заведовал кафедрой тюркологии Киевского Госуниверситета. Директор Научного института языкознания. В 1941 г. арестован и сослан в Казахстан.

...dii minores (*лат.*) — младшие боги.

...делал доклад о положении флота... — Установить «какого-то капитана» не представляется возможным. Однако эта часть «Воспоминаний» Зеньковского перекликается с «Воспоминаниями» П. П. Скоропадского, написанными в 1919 г.: «...В первые же дни явился ко мне моряк Максимов, исполнявший при Раде, кажется, должность начальника Морского штаба. Он был в курсе дел и производил впечатление работающего и знающего свое дело человека. Я приказал ему вызвать из Одессы наиболее опытных и пользующихся во флоте хорошей репутацией адмиралов. Через несколько дней адмиралы явились, я вкратце рассказал о положении дела, указал им на свою неосведомленность и просил мне выработать штат морского управления. Я теперь не помню всех фамилий адмиралов, но припоминаю, что там был адмирал Покровский, назначенный мной в скором времени после этого главным начальником портов, затем был адмирал Ненюков, остальных не помню. Я обратился также с просьбой, на кого они могли бы указать мне как на кандидата для замещения должно-

сти товарища морского министра. У нас предполагалось тогда не создавать отдельного морского министерства, а соединить военное и морское министерство в один орган, ограничиваясь для морского дела одним лишь товарищем министра, подчиненным военному министру. Адмиралы мне рекомендовали одного адмирала, живущего, кажется, в Таврической губернии, я его вызвал, он был у меня, но не согласился на принятие должности, указывая на свое расстроенное здоровье, но я думаю, что причиной тут была скорее неопределенная для него политическая ориентация. Лично я не настаивал. Я ужасно боюсь генералов и адмиралов. Если с генералами я еще сам, зная дело, могу справиться, несмотря на их важность, то с адмиральским апломбом я чувствую себя совсем неловко. Я продолжал искать морского товарища министра. Максимов же фактически пока исправлял эту должность, наконец, он так долго оставался при исполнении этой должности, что я решил его утвердить. Несмотря на его недостатки, я не жалею, что его назначил. Этот человек был искренне преданный своему делу и выбивался из сил, чтобы как-нибудь собрать остатки того колоссального имущества, которое еще так недавно представлял наш Черноморский флот. Наша главная деятельность заключалась в том, чтобы добиться передачи флота нам, что и было достигнуто, к сожалению, лишь осенью и то на очень короткий срок. Пока же приходилось заботиться о возможном сохранении офицерских кадров и того имущества, которое так или иначе не перешло в другие руки. Я боюсь, не имея под рукой материала, впасть в какую-нибудь крупную ошибку, и поэтому я не буду подробно говорить о том, что министерством было сделано в общем мало, что является не его виной, а общим положением дела, так как мы не знали, перейдет ли флот к нам или нет, все действия носили характер предварительной работы. Немцы же вели в отношении флота политику захвата и, скажу, захвата самого решительного. С кораблей все вывозилось, некоторые суда уводились в Босфор, в портах все ценное ими утилизировалось. Наконец, дело дошло до того, что в Николаеве были захвачены все наши ко-

раблестроительные верфи с строящимися там судами, между прочим, там было несколько судов небольшого типа, называемого “эльпидифор”, немцы особенно хотели им завладеть. Я решительно протестовал, и верфи эти нам вернули. Вообще, все время приходилось шаг за шагом отвоевывать морское добро. На флоте у нас положение было ужасное, так как не было матросов, за малым исключением, все прежние сделались большевиками. Решено было произвести и для флота осенью набор новобранцев. Хотя у нас флота фактически не было, но расходы именно в предвидении, что этот флот вернется, были очень велики. Наши министры не особенно любили ассигнования на это дело и, скрепя сердце, соглашались обыкновенно только после разговора со мной. Неопределенное положение с флотом еще усугублялось неизвестностью о том, что будет с Крымом и Севастополем, т. е. отойдут ли они к Украине или, по крайней мере, в среду ее влияния. Без разрешения этого вопроса нельзя было разрешить и окончательный вопрос о роде нужного нам флота. Что касается Крыма, как я уже говорил, в Брест-Литовском договоре о нем не упоминается. Положение Крыма было самое неопределенное, хозяйничали там немцы, чего они хотели достигнуть, нам было неизвестно, турки же вели пропаганду среди татар...».

А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» описал деятельность «выборного адмирала» Максимова: «Были и обратные явления: Верховный главнокомандующий, генерал Алексеев, долго и тщетно делал попытки сместить стоявшего во главе Балтийского флота выборного командующего адмирала Максимова, находившегося всецело в руках мятежного исполнительного комитета Балтийского флота. Необходимо было фактическое изъятие из окружающей среды этого принесшего огромный вред командующего, так как комитет его не выпускал, и Максимов на все предписания прибыть в Ставку отвечал отказом, ссылаясь на критическое положение флота... Только в начале июня Брусилову удалось избавить от него флот, ценою... назначения начальником морского штаба Верховного главнокомандующего!..»

Если принять во внимание тот факт, что «украинизация» по версии военного атамана С. В. Петлюры предполагала переподчинение Генеральному секретариату Черноморского флота и отдельных кораблей Балтийского флота, то можно предположить, что авантюрный «выборный адмирал» Балт-флота Максимов, «моряк Максимов», представлявший Черноморский флот при гетманском правительстве, и «какой-то капитан» — одно и то же лицо.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) — юрист, политический деятель, один из лидеров партии кадетов, управляющий делами Временного правительства. Потомственный дворянин, сын Д. Н. Набокова — министра юстиции при Александре II. Окончил 3-ю классическую гимназию в Петербурге. В 1890 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Во время учебы за участие в студенческих волнениях на несколько дней был помещен в тюрьму. В 1891 г. зачислен в лейб-гвардии Конный полк. Проходил стажировку в Германии, изучал уголовное право. С 1895 г. — профессор уголовного права в Училище правоведения. В 1894–1899 гг. находился на службе в Государственной канцелярии при Государственном совете, камер-юнкер. С 1901 г. числился на службе по ведомству императрицы Марии, член Попечительного комитета Елизаветинской клинической больницы. В 1904–1915 гг. — председатель уголовного отделения Петербургского Юридического общества, редактор газеты «Право», сотрудник профессиональных изданий «Вестник права», «Журнал уголовного права и процесса», «Юридический вестник». Сторонник либерализации уголовного законодательства, в частности отмены уголовного преследования за гомосексуализм. В 1902 г. — гласный Петербургской думы. Участник земских съездов 1904–1905 гг. В 1904 г. за демонстративные акции (обвинения правительства в организации антисемитского погрома в Кишиневе, отказ на банкете поднять тост за царя, осуждение Кровавого воскресения и проч.) лишён звания камер-юнкера, исключен из придворных списков и уволен из ведомства имп.

Марии. Один из создателей «Союза Освобождения» (1904). С 1905 г.— член ЦК кадетской партии (товарищ председателя). Для заседаний кадетского ЦК предоставлял свой особняк. Издатель-редактор печатного органа партии — журнала «Вестник Партии Народной Свободы», соредактор газеты «Речь». Депутат 1-й Государственной думы от Петербурга. Подписал «Выборгское воззвание», за что был осужден и отбыл трехмесячное заключение в «Крестах». В 1913 г. за корреспонденции в «Речи» по делу М. Бейлиса был привлечен к суду и приговорен к 100 руб. штрафа. В Первую мировую войну офицер ополчения — адъютант в 318-й пешей новгородской дружине, полковой адъютант в 431-м пехотном полку. С 1915 г. — делопроизводитель в Главном Штабе в Петрограде. Приветствовал Февральскую революцию, уволился с места службы. Уже 3 марта 1917 г. назначен управляющим делами Временного правительства. Соавтор акта об отречении вел. кн. Михаила Александровича. Сторонник продолжения войны и введения смертной казни за антивоенную пропаганду. Вошёл в состав Комиссии по выработке закона об Учредительном собрании. Член Юридического совещания и Комиссии по пересмотру и введению в действие Уголовного Уложения. В период июльского кризиса выступил против решения о разрыве правительственной коалиции и отставки министров-кадетов. Принадлежал к левой фракции кадетов, но отказался от предложения А. Ф. Керенского занять место министра юстиции во Временном правительстве в качестве частного лица. Направлен послом в Англию. Участник Московского Государственного совещания. После Корниловского мятежа и отъезда из столицы П. Н. Милюкова фактически возглавлял ЦК партии. В составе кадетской фракции вошёл в Предпарламент; член Совета старейшин, товарищ председателя комиссии по иностранным делам и товарищ председателя Предпарламента. По заданию ЦК партии кадетов вступил в переговоры с лидерами эсеров и меньшевиков для предотвращения захвата власти большевиками. После Октябрьской революции вошёл в Комитет спасения Родины и Революции. В ноябре 1917 г. арестован, но че-

рез несколько дней освобожден. Опасаясь повторного ареста, возможного после объявления партии кадетов вне закона, выехал в Крым. Избран в Учредительное собрание от Петрограда (в работе не участвовал). С 15 ноября 1918 г. по апрель 1919 г. — министр юстиции Крымского краевого правительства С. С. Крыма. С 1919 г. в эмиграции. В Лондоне вместе с Милюковым издавал журнал «New Russia». В 1920 переехал в Берлин, принимал активное участие в создании и работе русских эмигрантских организаций. Принадлежал к правой фракции кадетской партии, соредaktor газеты «Руль». Погиб при покушении на Милюкова.

Винавер Максим Моисеевич (1862/1863–1926) — юрист, адвокат, политический деятель. В 1886 г. окончил юридический факультет Варшавского университета. С 1886 г. — помощник присяжного поверенного, с 1904 г. — присяжный поверенный. Председатель гражданского отделения Петербургского Юридического общества, соредaktor «Вестника права». Один из основателей кадетской партии. Член Центрального и Петербургского комитетов партии. Депутат 1-й Государственной думы. Подписал «Выборгское воззвание», отбыл трехмесячное заключение. Активный член «Союза для достижения равноправия евреев» и «Общества для распространения просвещения среди евреев», создатель «Еврейской народной группы». Принимал участие в изданиях журнала «Еврейская старина» и газеты «Новый Восход». Гласный городской думы. После Февральской революции введен в состав Сената. Член Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное собрание. После апрельского кризиса Временного правительства входил в состав левой фракции партии кадетов. В период июльского кризиса выступал против отставки кадетских министров. Требовал введения смертной казни за антивоенную пропаганду. Содействовал отстранению П. Н. Милюкова от руководства партией и его отъезду в Крым. Член Предпарламента, товарищ председателя кадетской фракции, товарищ председателя комиссии по борьбе с анархией. Избран в Учредительное

собрание от Петрограда. Был арестован Петроградским ВРК, но вскоре отпущен. В октябре 1918 г. — участник съезда партии кадетов в Екатеринодаре, сторонник проантантовской ориентации. Министр внешних сношений в Крымском краевом правительстве С. С. Крыма. От имени Крымского правительства вел переговоры с представителями союзного командования о совместной защите Севастополя. С 1919 г. в эмиграции. Возглавил Парижский комитет кадетов. В январе 1921 г. принимал участие в работе совещания членов Учредительного собрания. Участвовал в издании газеты «Последние Новости». Инициировал создание Русского университета при Сорбонне, читал курс русского гражданского права.

Оболенский Владимир Андреевич (1869–1950) — политический деятель. Князь, крупный землевладелец. Родился в Санкт-Петербурге. В 1891 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Поступил на юридический факультет, два года обучался в Берлинском университете, но оставил учебу. Находясь под впечатлением голода 1891 г., в 1893 г. поступил в Министерство земледелия и государственных имуществ, где служил в отделе сельской экономики и сельскохозяйственной статистики. С 1896 г. служил земским статистиком в Псковской губернии. Затем заведующий статистическим бюро Орловской губернской земской управы. С 1903 г. занимался земской деятельностью в Крыму. Гласный Ялтинского уездного земства и Таврического губернского земского собрания. Редактор и издатель газеты «Жизнь Крыма». Участник «Союз Освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов», за что по решению МВД был уволен от должности гласного губернского земства. С 1905 г. — член партии кадетов. С 1906 г. — председатель Таврического губернского комитета кадетской партии. Создатель и редактор газеты «Жизнь Крыма». Депутат 1-й Государственной думы от Таврической губернии. Подписал Выборгское воззвание, за что в 1907 г. привлекался к суду и был выслан из Крыма на 2 года. С 1910 г. жил в Петербур-

ге, служил в Министерстве путей сообщения. С 1910 г. — член ЦК партии кадетов. Принадлежал к левому крылу партии. Несколько лет был товарищем председателя Петербургского комитета кадетской партии. В 1914—1915 гг. заведовал Петроградским санитарным отрядом Всероссийского союза городов при Северо-Западном фронте. С 1915 г. — член Петроградского комитета Земгора. В 1916—1917 гг. — председатель Петроградского комитета Союза городов. После Февральской революции — секретарь ЦК партии кадетов. Читал лекции на курсах по общественно-политическим вопросам, организованных кадетской партией. После Апрельского кризиса голосовал в ЦК за участие кадетов в коалиционном правительстве. В июле 1917 г. избран гласным Петроградской Городской думы. С августа 1917 г. — редактор кадетской газеты «Свободный Народ». Участник Московского Государственного совещания. От партии кадетов вошел в состав Предпарламента. Выдвигался кандидатом в члены Учредительного собрания от Псковской губернии. В ночь на 26 октября 1917 г. избран от кадетской фракции Городской думы членом «Комитета спасения Родины и Революции». Активно выступал против большевиков, осуществлял связь ЦК партии кадетов с ЦК партии эсеров. 15 декабря уехал в Крым. В апреле 1918 г. избран председателем Таврической губернской земской управы. Поддержал создание Крымского краевого правительства С. С. Крыма, сотрудничал с А. И. Деникиным. С ноября 1920 г. в эмиграции. Жил в Париже, работал в Российском Земско-Городском комитете помощи русским гражданам за границей. После окончания Второй мировой войны принимал участие в выработке устава и программных документов «Союза борьбы за свободу России».

Богданов Николай Николаевич (1875—?) — депутат 2-й Государственной думы от Рязанской губернии, в 1917 г. — председатель Таврического губернского земства, глава Таврического губревкома, комиссар Временного правительства, член партии кадетов, затем — министр внутренних дел в Крымском прави-

тельстве С. С. Крыма (1918–1919). В 1919 г. не отбыл за границу, как большинство министров правительства С. С. Крыма. Вступил в действующую армию. Гражданскую войну закончил во Владивостоке в 1922 г.

Крым Соломон Самуилович (1867–1936) — агроном, общественный и политический деятель, глава Крымского правительства 1918–1919 гг. Родился в Феодосии в караимской семье. Отец — крупный землевладелец и предприниматель, городской голова Феодосии. Окончил Феодосийскую гимназию. Поступил на юридический факультет Московского университета, перевелся в Петровскую лесную и сельскохозяйственную академию. Ученый-агроном. Возглавлял сельскохозяйственное общество в Крыму, был членом Таврического сельскохозяйственного совета и Императорского общества садоводства, Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, а также активным участником Таврической Ученой Архивной Комиссии. Возглавлял Таврическое губернское земство. Почетный мировой судья. Депутат 1-й и 4-й Государственной думы от Таврической губернии. Член Государственного Совета. Кадет. Совладелец Феодосийского банковского дома «Братья Крым», крупный землевладелец Феодосийского уезда. Благотворитель (открытие публичной библиотеки Феодосии, содержание больниц, передача городу картинной галереи Айвазовских, помощь селекционеру Симиренко и проч.). Инициатор создания Таврического университета. С ноября 1918 г. по апрель 1919 г. — глава Крымского краевого правительства. Эмигрировал. Скончался в собственном имении «Крым» под Тулоном.

...крымское правительство, во главе которого стоял татарин-генерал... Сулейман Сулькевич не имело никакого веса... — Первое Крымское краевое правительство было создано 25 июня 1918 г. В его состав входили: М. А. Сулькевич — премьер-министр, Дж. Сейдамет, кн. С. В. Горчаков, граф В. С. Татищев, Т. Г. Рапп, Л. М. Фриман, В. С. Налбандов. Роль основопола-

гающего правового документа играла Декларация «К народам Крыма», в которой Крым провозглашался самостоятельным государством (с собственными гражданством, атрибутикой, денежными знаками и проч.). Режим Сулькевича походил на украинский гетманат: германские войска обеспечивали военную поддержку правительства, а правительство, в свою очередь, помогало снабжению Германии и германской армии продовольствием и сырьем. Режим Сулькевича не был прочным и по иной причине: его раздирали межнациональные противоречия. Крымско-татарские националистические круги вели переговоры в Берлине относительно создания Крымского ханства, находящегося под протекторатом Германии и Турции. Русские деятели видели перспективу в объединении Украины и Крыма. После ухода с полуострова немецких оккупационных войск правительство Сулькевича добровольно сложило с себя полномочия и передало власть новому Крымскому краевому правительству С. С. Крыма, созданному на съезде земских деятелей 15 ноября 1918 г.

Сулькевич Мацей (Матвей) Александрович (в Крыму — Сулейман или Сулейман-паша Сулькевич; в Азербайджане — Мухаммед Сулькевич) (1865—1920) — генерал Русской армии, политический деятель, глава Крымского правительства 1918 г. Из литовских татар, принадлежал к семье потомственных дворян Виленской губернии, католик. Получил военное образование в Михайловском Воронежском кадетском корпусе, Михайловском артиллерийском училище и Николаевской Академии Генерального штаба (1894). С 1883 г. в армии. Некоторое время служил в Одесском военном округе, совершал служебные поездки в Крым, Херсон, Елисаветград и др. Выполнял особые поручения Генштаба. Отмечен государственными наградами, в том числе золотым Георгиевским оружием. Участник русско-японской войны 1904—1905 гг., принимал участие в Мукденском сражении. С 1910 г. — генерал-майор, с 1915 г. — генерал-лейтенант. Службу в Русской армии завершил в начале 1918 г. на посту командующего 1-м Мусуль-

манским корпусом. Премьер-министр первого Крымского краевого правительства, созданного в условиях германской оккупации (1918), одновременно исполнял обязанности министра внутренних дел и военного министра. После ухода немцев и падения коллаборационистского правительства — начальник генштаба армии Азербайджана. Расстрелян большевиками в Баку в мае 1920 г.

...позднее действительно стали у власти... — В ноябре 1918 г. — после поражения стран Четверного союза в войне — в Яссах прошло совещание между дипломатами стран Антанты и российскими политическими и земскими деятелями. На совещании было принято решение о начале интервенции союзнических армий на территорию России. Черноморский бассейн, Кавказ, Крым и Юг России были поделены между странами Согласия. Крым вошел в зону влияния Франции. В соответствии с решениями Ясского совещания в Севастополь прибыла антантовская эскадра. В ноябре 1918 г. на Симферопольском съезде губернских гласных, представителей городов, уездных и волостных земств было создано новое Крымское краевое правительство (ноябрь 1918 г. — апрель 1919 г.). В его состав вошли: С. С. Крым — председатель Совета министров и министр земледелия и краевых имуществ; В. Д. Набоков — министр юстиции; М. М. Винавер — министр внешних сношений; Н. Н. Богданов — министр внутренних дел; А. А. Стевен — министр продовольствия, торговли и промышленности, и. о. министра путей сообщения, почт, телеграфа и общественных работ; А. П. Барт — министр финансов; П. С. Бобровский — министр труда, краевой секретарь и контролер; С. А. Никонов — министр народного просвещения. Правительство С. С. Крыма, называемое кадетским, пыталось воплотить на деле либерально-демократическую программу партии. Оно выступало за «единую неделимую Россию», свободную деятельность местных органов самоуправления, созыв второго Учредительного собрания (в Крыму — созыв сейма), обеспечение демократических свобод. Идея объединения юж-

ных регионов России (Крыма, Украины, Кубани, Дона), возникшая в 1918 г. и к осуществлению которой оказался причастным В. В. Зеньковский, не была осуществлена. К ноябрю 1918 г. было достигнута договоренность относительно проведения совещания в Симферополе представителей Украинской державы, Крымского правительства С. С. Крыма и Добровольческой армии. Но 14 декабря 1918 г. гетманский режим пал, и Украина, где установился режим социалистической Директории, более не принимала участия в проектах объединения сил Юга России. Крымское правительство С. С. Крыма, оберегавшее свою независимость от Добровольческой армии А. И. Деникина и организовавшее оборону полуострова с помощью местных дружин, пало под ударами частей Красной армии в апреле 1919 г., стремительно захвативших Перекоп. Члены правительства С. С. Крыма спешно эмигрировали.

...поездка Гетмана в Германию... — П. П. Скоропадский выехал в Берлин 4 сентября 1918 г. и вернулся в Киев через две недели.

...a tout prix (фр.) — во что бы то ни стало, любой ценой, чего бы то ни стоило.

...quand meme (фр.) — все-таки, вопреки всему.

Иосиф (Кречетович) (?–1933) — обновленческий митрополит. Выпускник Московской Духовной академии. Преподаватель Саратовской семинарии. Инспектор Оренбургского епархиального женского училища. Ректор Екатеринославской Духовной семинарии. В 1917 г. — священник села Ромашки Рождянского уезда Киевской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. С 1924 г. — епископ Изюмский. В том же году возведен в сан архиепископа и назначен архиепископом Полтавским и Прилуцким. Выступал за украинизацию Церкви на Украине. С 1926 г. — митрополит Белорусский, а с 1928 г. — митрополит Крымский.

...за что был распушен... — Речь идет о третьей и последней сессии Всеукраинского Церковного Собора. Интересно, что архиепископ Евлогий (Георгиевский) описывает объявление автокефалии А. И. Лотоцким иначе: «На Соборе борьба партий, украинской и русской, определяла все дебаты. Министром Исповеданий при гетмане был В. В. Зеньковский. Украинец из умеренных, он держался непримиримо по отношению к сторонникам крайнего украинского лагеря... Его место занял кандидат Киевской Духовной Академии Лотоцкий — ярый украинец. Борьба за автокефалию продолжалась. Я горячо стоял за «единую, неделимую Русскую Церковь», признавая, однако, что некоторые уступки украинцам сделать можно. Мои противники, украинцы, на меня яростно нападали. В конце концов мы победили: Лотоцкий был уволен. Я сказал на Соборе: «Пал министр — пала и автокефалия. Будем теперь спокойно заниматься делами...» От этих слов украинцы были вне себя». Лотоцкий был министром исповеданий в новом правительстве Ф. А. Лизогуба, которое работало с 25 октября по 14 ноября 1918 г. В правительстве С. Н. Гербея, работавшем с 14 ноября по 14 декабря 1918 г., министром исповеданий был Михаил Воронович (т. е. Лотоцкий был действительно уволен). Затем Лотоцкий около месяца исполнял должность временного министра по делам культа при Директории.

Митрополит Антоний и архиеп. Евлогий были арестованы и почему-то заключены в галицийский католический монастырь — Базилианский монастырь в г. Бучач в Галиции.

Уже при Огиенко... о. Василий Липковский... — Зеньковский преувеличивает реальную власть министра исповеданий при С. В. Петлюре И. И. Огиенко и приписывает ему организацию Собора 1921 г. «Хиротония» Василия Липковского состоялась 23 октября 1921 г. на т. н. Всеукраинском Церковном Соборе в Киеве. Особенностью данного собрания было практически полное отсутствие епископата, отказ Киевского митрополита признать правомочность Собора и уход большей

части священников. Липковский прочел перед собравшимися доклад, в котором доказывал, что священники, отказавшись присутствовать на Соборе, тем самым отлучили себя от церкви. После этого Собор признал себя каноничным. Большую роль в работе Собора сыграл бывший министр исповеданий УНР В. М. Чеховский, который предложил Собору рукоположить епископов не на основе 1-го Апостольского правила, согласно которому епископа поставляют два или три епископа, а используя древнюю практику первых лет христианства. Процедура рукоположения, примененная на Соборе, не совсем ясна. По одним источникам, на Липковского положили руки священники. По другим, в «рукоположении» принимали участие все собравшиеся в Софийском соборе: миряне положили руки на плечи друг другу, затем на диаконов, диаконы — на священников, священники — на Липковского. В дополнение этой процедуры на голову Липковского положили мощи свмч. Макария.

«Аксиос» (*греч.*) — буквально «достойн»; в православном обряде рукоположения епископа, священника или дьякона — слово, произносимое поочередно всеми участниками данного обряда.

11 ноября было подписано предварительное перемирие у немцев с союзниками... — *Компьенское перемирие* было подписано 11 ноября 1918 г. в Компьенском лесу в 70 км от Парижа в салоне-вагоне маршала Фоша. Его подписали Германия с одной стороны, и Франция, Великобритания и США — с другой. Согласно условиям перемирия, военные действия прекращались, и Германия была обязана обеспечить вывод войск с оккупированных территорий, сдачу оружия и проч. 22 июня 1940 г. Гитлер заставил французов подписать капитуляцию в том же вагоне и в том же Компьенском лесу.

...шли на союз с большевиками... — «Союз с большевиками» — эта формула упрощает сложившуюся на Украине си-

туацию после краха гетманата. Большевизация принимала стихийные и разнообразные формы. Во-первых, Директория опиралась на украинские социалистические партии, чья программа мало отличалась от стратегии РСДРП(б), — УСДРП, УПСР и др. Прошедшие после изгнания гетмана съезды этих партий показали, что значительная часть украинских социалистов выступает за советскую власть. Трудовой конгресс, организованный Директорией, также высказался за переход власти к рабочим и крестьянам. Во-вторых, «большевизмом» можно назвать и массовые настроения участников восстания, многие из которых очень быстро покинули военные части и отправились домой ликвидировать последствия германской аграрной политики — отменять частную собственность, делить землю, громить имения и проч. В-третьих, «союзом с большевиками» можно считать стремление части лидеров Директории установить тесные связи с Советской Россией (например, В. К. Винниченко), а не ориентироваться на Антанту. В-четвертых, вооруженные силы Директории очень быстро стали распадаться на отдельные формирования под командованием атаманов. Часть из них в этот период встала на сторону большевиков (например, Махно). В результате территория, контролируемая Директорией, стремительно сокращалась, и уже через месяц большая часть Украины находилась вне ее власти.

Гр. Келлер и его офицерские и юнкерские части героически продержались две недели... — а затем Киев 14 декабря пал — А. Ф. Келлер лишь несколько дней был главнокомандующим, назначенным гетманом. После бегства гетмана П. П. Скоропадского и нового главнокомандующего А. Н. Долгорукова события развивались драматично. Келлер не взял на себя официальных обязательств по защите Киева и Украинской державы, сторонником которой он не был. По этому поводу им были сказано: «Пусть кто хочет, тот эту Украину и защищает, а я ухожу». Но, как свидетельствуют воспоминания Зеньковского, многие современники связывали неорганизо-

ванную защиту города офицерами и юнкерами входившими в состав добровольческих дружин, с именем Келлера.

...в три дня переделать все вывески на украинский язык... — Фраза «на украинский язык» не передает всего драматизма и комизма ситуации, сложившейся после приказа Е. Коновальца переделать все вывески в три дня. Во-первых, единого литературного украинского языка не существовало, и право филологической экспертизы, т. е. выбора окончательной редакции новых вывесок, было передано в руки военных патрулей, следивших за исполнением приказа. Во-вторых, большинство вывесок было составлено с использованием неизвестного киевлянам галицийского варианта «украинского языка» (галицкий жаргон, галицко-польский жаргон, галицка говирка). Киевляне не понимали букв и апострофов, применяемых в галицкой орфографии, называемой по имени их составителей «кулишовкой» или «желиховкой».

...в начале Февраля Киев... — на этот раз более прочно — **достался большевикам...** — В начале 1919 г. был создан Украинский фронт (ликвидирован в июне 1919 г.), командование которым было передано В. А. Антонову-Овсеенко. В январе — феврале 1919 г. войска Украинского фронта заняли Харьков, Киев, Левобережную Украину и вышли к Днепру. Киев был взят 5 февраля 1919 г. В результате этого крупного наступления войска Директории отошли к Днестру и Галиции. На юге войска Украинского фронта оттеснили Добровольческую армию в Крым. Под влиянием наступления Красной армии на Парижской мирной конференции в марте 1919 г. было принято решение о выводе союзнических войск из Крыма. Большевики удерживали Киев до 31 августа 1919 г.

Затонский Владимир Петрович (1888–1938) — политический и государственный деятель, академик АН УССР. Родился в семье волостного писаря в Подольской губернии. В 1912 г. окончил физико-математический факультет Киевского уни-

верситета. Преподавал физику в Киевском политехническом институте. В 1905 г. вступил в РСДРП, меньшевик. После Февральской революции перешел в большевистскую фракцию РСДРП. С мая 1917 г. — член Киевского комитета РСДРП (б), с ноября 1917 г. — его председатель. Член Ревкома. С декабря 1917 г. — народный секретарь просвещения Украины Харьковского правительства. С марта 1918 г. — председатель ЦИК Украины. Возглавлял делегацию ЦИК Украины на 4-м Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, поддержал заключение Брестского мира. В период гетманата в апреле — июле 1918 г. — член т. н. «повстанческой девятки», руководившей подпольной работой, член Оргбюро ЦК КП(б) Украины. В июле 1918 г. участвовал в подавлении левоэсеровского мятежа в Москве. В ноябре 1918 — январе 1919 г. входил в состав Временного рабоче-крестьянского правительства Украины. В 1919—1920 гг. — на военно-политической работе: член Всеукраинского ревкома, член РВС 12-й, 13-й, 14-й армий Юго-Западного фронта и РВС Южного фронта. Принимал участие в военных действиях против армии Деникина, Врангеля, петлюровских формирований и Польши. В 1919 г. — член Зафронтового бюро ЦК КП(б) У. В июле — августе 1920 г. — председатель Галицийского ревкома. В 1921 г. — участник ликвидации Кронштадтского мятежа. В 1920—1930-е гг. занимал ряд постов в УССР: в 1922 и 1933—1938 гг. — нарком просвещения УССР, секретарь ЦК КП(б) У, председатель Центральной контрольной комиссии КП(б) У, нарком Рабоче-крестьянской инспекции УССР, член Президиума ВУЦИК. С 1929 г. — академик АН УССР. Делегат X—XVII съездов ВКП(б), член ЦК ВКП(б), на XVII съезде избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Был членом Президиума ЦИК СССР. В 1937 г. арестован, в 1938 г. приговорен к смертной казни. Расстрелян.

...какой-то добровольческой армии» ген. Алексеева и ген. Корнилова — по-видимому, Зеньковский передает представления киевлян о военно-политической обстановке 1919 г. Командующий Добровольческой армией Л. Корнилов погиб в боях

за Екатеринодар в апреле 1918 г. В октябре 1918 г. умер от болезни верховный руководитель Добрармии М. В. Алексеев. В январе 1919 г., т. е. ко времени описываемых Зеньковским событий, Добровольческая армия вошла в состав Вооруженных сил Юга России под командованием А. И. Деникина. В дальнейшем Добровольческая армия в результате переформирований несколько раз меняла название. Командование армией осуществляли П. Н. Врангель, В. З. Май-Маевский и затем опять П. Н. Врангель. В 1920 г. остатки Добровольческой армии вошли в состав Русской армии барона Врангеля.

Линниченко Платон Константинович (1884–1937) — земский деятель, сотрудник Красного Креста. Окончил Киевский университет. Служил в Балтской земской управе. Член правления Киевского товарищества западных земств. Уполномоченный Киевского губернского комитета Всероссийского земского союза. В годы Первой мировой войны — заведующий врачебно-питательным отрядом Юго-Западного фронта, затем уполномоченный главного комитета Всероссийского земского союза по Юго-Западному фронту, работал в Галиции. С 1915 г. — член Главного комитета Всероссийского Земского союза. Отмечен государственными наградами. С 1919 (1918?) г. — сотрудник Красного Креста. В советский период — один из основателей Красного Креста УССР, заместитель председателя. Член редколлегии «Вестника Красного Креста УССР». Был участником процесса по делу убийства С. В. Петлюры, для чего выезжал в Париж. Репрессирован, выслан в Казахстан. Расстрелян.

...между тем добровольцы продвигались все дальше, овладели Екатеринославом, Харьковом, подходили к Киеву... В марте 1919 г. началось наступление ВСЮР на воронежском и царицынском направлениях, и к маю 1919 г. белые войска заняли Донскую область, Донбасс, Харьков, Белгород. В июле-октябре наступление охватило Центральную Украину (Киев занят 31 августа), Курскую, Воронежскую и Орловскую губернии.

1—3 октября 1919 большевики даже владели Киевом... — 1—3 октября 1919 г. Киевом овладела 58-я дивизия под командованием И. Ф. Федько (через несколько дней он был освобожден от занимаемой должности). В боях принимала участие также 45-я стрелковая дивизия Южной группы войск.

Драгомиров Абрам Михайлович (1867–1928) — генерал от кавалерии, участник Белого движения. Сын генерала и военного теоретика М. И. Драгомирова, брат генерала В. А. Драгомирова. С 1885 г. на военной службе. В 1887 г. окончил Пажеский корпус, в 1893 г. — Николаевскую академию Генерального штаба. С 1912 г. — генерал-майор. С 1914 г. — генерал-лейтенант. С 1916 г. — генерал от кавалерии. Участник Первой мировой войны: командир Сводной кавалерийской дивизии, командир Сводного кавалерийского корпуса, командир 9-го армейского корпуса, командующий 5-й армией, командующий Северным фронтом. После Февральской революции уволен в отставку, т. к. не одобрил политику Временного правительства в армии, в частности принятие Декларации прав военнослужащих. В конце 1917 г. переехал на Дон. Помогал ген. М. В. Алексеву в формировании Добровольческой армии. В июле 1918 г. назначен помощником Верховного руководителя Добровольческой армии М. В. Алексева. После смерти Алексева в октябре 1918 г. назначен председателем Особого совещания (правительства) при Главкоме А. И. Деникине, возглавлял Гражданское управление ОСО. В Вооруженных Силах Юга России — главноначальствующий Киевской области и командующий группой войск киевского направления (с июля 1919 г. до января 1920 г.). Летом 1919 г. вел в Париже переговоры с правительствами А. В. Колчака и стран Антанты о помощи Югу России. С ноября 1919 г. по май 1920 г. отвечал за связи с Антантой в штабе Главкома. В марте 1920 г. — председатель Военного совета при избрании преемника А. И. Деникина в Крыму. В апреле — ноябре 1920 г. служил в штабе Главнокомандующего Русской армией генерала П. Н. Врангеля, генерал для поручений. В сентябре 1920 г. назначен председателем Комитета orde-

на св. Николая Чудотворца, заместитель председателя Комиссии по эвакуации Новороссийска. С осени 1920 г. в эмиграции. В 1920–1924 гг. — генерал для поручений при главнокомандующем Русской армии. Жил в Сербии, Австрии и Франции. Генерал для поручений при председателе РОВС Г. Миллере. Во время Второй мировой войны поддерживал движение ген. А. А. Власова, в начале 1945 г. был назначен в резерв чинов при штабе РОА. Умер в Ганьи, под Парижем.

Бредов Николай Эмильевич (1883–1945?) — генерал-лейтенант Генштаба, участник Белого движения. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище и в 1901 г. — Николаевскую академию Генерального штаба. С 1908 г. — полковник, с 1915 г. — генерал-майор, с 1917 г. — генерал-лейтенант. Служил в штабе Киевского ВО. Участник русско-японской войны, отмечен государственными наградами, в том числе Золотым оружием. В годы Первой мировой войны — начальник штаба 44-й пехотной дивизии, командир полка, генерал-квартирмейстер штаба армий Северного фронта, командующий 21-м армейским корпусом. С апреля по ноябрь 1918 г. на службе у гетмана П. П. Скоропадского, участвовал в создании добровольческих отрядов в Киеве. В Белом движении с конца 1918 г., включен в резерв ВСЮР. В период наступления ВСЮР 1919 г. назначен командиром пехотной дивизии, участвовал во взятии Царицына. С июля 1919 г. перешел в подчинение А. М. Драгомирова, участвовал во взятии Полтавы. В составе Полтавского отряда вел наступление на Киев. Отказался от сотрудничества с войсками С. В. Петлюры, одновременно вступившими в Киев; во время переговоров заявил: «Киев никогда не был украинским и не будет». После отступления ВСЮР с Украины возглавил Киевскую группу войск, которая после неудач в Одессе и отказа Румынии в пропуске на свою территорию двинулась по узкому коридору в район Каменец-Подольска на соединение с польскими войсками (т. н. «Бредовский поход»). После длительных переговоров с польским командованием

в августе 1920 г. вывел остатки войск из Польши через Румынию в Крым, где поступил в распоряжение Главнокомандующего П. Н. Врангеля. С 1920 г. в эмиграции, в распоряжении председателя РОВС. Жил в Болгарии, занимал должность заведующего Русским инвалидным домом на Шипке. В 1945 г. арестован советскими органами безопасности.

Когда Махно овладел Екатеринославом, разрушая все пути сообщения... Добровольческая армия так и не смогла ликвидировать его... — первый раз Н. И. Махно захватил Екатеринослав в декабре 1918 г. Н. И. Махно, организовавший партизанские выступления против режима Скоропадского, Директорию не поддержал и выбил петлюровский гарнизон из города. Однако войска Директории вернули город, и Махно отступил в Гуляй-поле. Наступление войск ВСЮР на Украину в 1919 г. привело к тому, что Махно согласился на оперативное подчинение его отрядов Красной армии. В июне 1919 г. белые захватили Гуляй-поле — «столицу» анархистского «государства». В июле — декабре 1919 г. Махно создал Революционно-повстанческую армию Украины, которая развернула партизанскую войну против войск ВСЮР. В сентябре 1919 г. Махно, вновь заключивший союз с большевиками, прорвал фронт белых и прошел по тылам Белой армии, захватив Гуляй-поле, Бердянск, Никополь, Мелитополь и Екатеринослав, за что был награжден орденом Красного Знамени. (По всей видимости, Зеньковский имеет в виду сентябрьский захват Екатеринослава.) Лишь в декабре 1919 г. белый 2-й армейский корпус под командованием ген. Я. А. Слащева выбил Махно из Екатеринослава, но общее отступление ВСЮР под напором Красной Армии лишило эту кратковременную победу Белой армии над Махно.

Махно Нестор Иванович (1888–1934) — военный и политический деятель, один из лидеров анархистского движения. Родился в с. Гуляй-поле Екатеринославской губернии в крестьянской семье. В 1900 г. окончил церковно-приходскую

школу. С 1906 г. вступил в группу украинских анархистов-коммунистов. Участвовал в бандитских нападениях и террористических актах. В 1910 г. за убийство военного чиновника приговорен к смертной казни, замененной каторгой. После Февральской революции освобожден, вернулся в Гуляй-поле. В апреле 1917 г. избран председателем местного комитета Крестьянского союза. В июле 1917 г. провозгласил себя комиссаром Гуляй-польского района. Осудил мятеж Корнилова, возглавил местный Комитет защиты революции. Выступал за конфискацию частновладельческих земель без выкупа, за переход власти к крестьянским советам, не поддерживал идею Учредительного собрания и, с другой стороны, националистический режим Центральной рады. После германской оккупации Украины создал партизанский Гуляй-польский батальон, но был вынужден распустить его в апреле 1918 г. В мае 1918 г. вел переговоры в Москве с лидерами анархистов и большевиков (встречался с В. И. Лениным, Я. М. Свердловым). В августе 1918 г. вернулся на Украину, развернул партизанскую борьбу против режима П. П. Скоропадского. После падения режима Скоропадского отказался признавать власть Директории. Создал вокруг Гуляй-поля «вольную федерацию» самоуправляющихся коммун. В 1919 г. его отряды в качестве 3-й отдельной бригады Заднепровской дивизии вошли в состав Красной армии. Весной 1919 г. потерпел поражение от белых, бежал в Гуляй-поле. В мае 1919 г. после решения советских органов Украины о ликвидации махновщины разорвал союз с большевиками. В июне выбит деникинскими войсками из Гуляй-поля. Заключил союз с атаманом Н. А. Григорьевым, но уже в июле расстрелял его и его штаб. Создал Революционно-повстанческую армию, которая в июле — декабре 1919 г. вела партизанскую борьбу против войск ВСЮР. В сентябре 1919 г., вновь заключив союз с большевиками, совершил рейд по тылам белых войск. В июле 1920 г. вел переговоры с П. Н. Врангелем о совместных действиях. Однако в сентябре 1920 г. подписал соглашение с командованием Южного фронта Красной армии, участвовал в боях в Северной Таврии

и в Крыму. В ответ на действия Красной армии по ликвидации махновских отрядов в Крыму и в Гуляй-поле вступил в партизанскую борьбу с красными. В августе 1921 г. с остатками своей армии перешел границу Румынии. В 1922 г. уехал в Польшу, где был арестован. В 1923 г. перебрался во Францию. Работал в типографии, на киностудии, в сапожной мастерской. Умер от туберкулеза, похоронен на кладбище Пер-Лашез.

Елачич Евгений Александрович (1880–1945) — педагог, детский писатель. Потомственный дворянин, титулярный советник. Составитель пособий по организации детского чтения. Деятель земского движения. Эмигрировал. Погиб в 1945 г. в Югославии.

Шиллинг Николай Николаевич (1870–1946) — генерал-лейтенант, участник Белого движения. Окончил Николаевский кадетский корпус, в 1890 г. — 1-е Павловское военное училище. До 1913 г. служил в лейб-гвардии Измайловском полку. Участник Первой мировой войны: вступив в войну командиром стрелкового полка, закончил ее командиром 17-го гвардейского корпуса. Награжден орденом св. Георгия и Георгиевским оружием. С 1909 г. — полковник, с 1915 г. — генерал-майор, с 1919 г. — генерал-лейтенант. В 1918 г. находился в Киеве, служил в армии П. П. Скоропадского. В ноябре 1918 г. не поддержал распоряжение главнокомандующего А. Н. Долгорукова об аресте представителя Добровольческой армии в Киеве Ломновского. В декабре 1918 г. выехал в Екатеринодар и был зачислен в резерв ВСЮР. С февраля по июль 1919 г. командующий 5-й пехотной дивизии, воевавшей в Крыму. Был ранен. С июля по август 1919 г. — командир 3-го армейского корпуса, освободившего Крым и вступившего в Новороссию (Херсон, Николаев, Одесса). В сентябре—октябре 1919 г. генерал-губернатор и командующий войсками Новороссии, участвовал в боях с войсками С. В. Петлюры на правом берегу Днепра. Оставаясь командующим войсками Новороссии, в декабре 1919 г. принял командование над частью войск, от-

ступивших от Киева в Таврию. Получив приказ организовать защиту подступов к Крыму и одновременно — района Одессы. Не сумел организовать оборону города и провести эвакуацию войск и мирных жителей (одним из последствий стал «Бредовский поход» — отступление части войск в Румынию и дальше в Польшу). После захвата Одессы Красной армией в феврале 1920 г. сумел эвакуировать лишь часть войск Новороссии в Крым, где продолжал ими командовать до апреля 1920 г. Пытался возглавить войска, собравшиеся в Крыму, соперничая с П. Н. Врангелем. После избрания П. Н. Врангеля Главнокомандующим ВСЮР был переведен в резерв. С 1920 г. в эмиграции. Жил в Праге, некоторое время возглавлял местное правление Зарубежного Союза русских военных инвалидов. В 1945 г. арестован «Смершем», но освобожден по состоянию здоровья. Умер в Праге.

Агеев Константин Маркович (1868–1920/1921) — протоиерей, богослов, церковный и общественный деятель. Родился в крестьянской семье. В 1887 г. окончил Тульскую духовную семинарию, в 1893 г. — Киевскую духовную академию. С 1893 г. — священник Успенского собора в г. Сувалки. С 1900 г. — настоятель церкви Александра Невского при Николаевском институте в Киеве. С 1903 г. служил в храмах при Институте инженеров путей сообщения, Смольном институте, Александровском институте, Ларинской мужской гимназии в Петербурге. Один из учредителей Петербургского Религиозно-философского общества и Братства церковного обновления. С 1911 г. — профессор богословия Психоневрологического института. Профессор кафедры истории церкви Петербургских Высших женских курсов, Института высших коммерческих знаний. В 1915 г. защитил магистерскую диссертацию «Христианство и его отношение к благоустройству земной жизни. Опыт критического изучения и богословская оценка раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства». Публицист, печатался в «Церковном вестнике», журнале «Век», «Московском Еженедельнике». Сторонник

обновленческого реформирования Русской Церкви. После Февральской революции — председатель Учебного комитета при Св. Синоде, сотрудник обер-прокурора В. Н. Львова. В апреле 1917 г. избран членом Совета Всероссийского демократического союза духовенства и мирян. Входил в состав Предсоборного совета. Член Поместного собора 1917—1918 гг., на котором избран заместителем члена Высшего Церковного Совета. Служил в Петроградской епархии, затем выехал на Юг России. Расстрелян в Крыму большевиками.

«Союз Возрождения России» — политическая антисоветская организация, созданная в условиях подполья членами партий народных социалистов, эсеров, меньшевиков-оборонцев и кадетов в Москве в марте 1918 г. «Союз» имел отделения во многих городах России, и его члены входили в состав местных правительств Верховного управления Северной области, Временного правительства Северной области, Уфимской директории. Отделения СВР действовали и на Юге России.

ОСВАГ (Осваг) — Осведомительно-агитационное бюро (агентство), входившее в Отдел пропаганды при Особом совещании. ОСВАГ действовал в 1918—1920 гг. Его функции были довольно широкими: сбор и распространение информации, пропаганда, агитация. ОСВАГ как единая структура был упразднен П. Н. Врангелем в 1920 г.

Троицкий Сергей Викторович (1878—1972) — богослов, историк церкви, канонист, переводчик, церковный деятель. Из семьи преподавателя Томской духовной семинарии. Окончил Томское духовное училище, Тверскую духовную семинарию. Учился в Петербургской духовной академии и Петербургском археологическом институте. С 1901 г. — кандидат богословия. С 1901 г. по 1915 г. — преподаватель Александро-Невского духовного училища в Петербурге. С 1906 г. — член редакции «Церковных ведомостей». В 1909 г. работал в Комиссии при Учебном комитете. В 1913 г. принимал участие в обсуждении ереси

имяславцев, выезжал на Афон. В 1913 г. защитил в Киевской духовной академии магистерскую диссертацию «Вторображие клириков. Историко-каноническое исследование». В 1915 г. назначен чиновником особых поручений при обер-прокуроре Священного Синода. Участник Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., делопроизводитель соборной канцелярии. Выехал на Юг России. В 1919–1920 гг. находился в Одессе. Приват-доцент Новороссийского университета по кафедре церковной истории. В 1920 г. эмигрировал в Югославию. Избран профессором церковного права юридического факультета в университете г. Субботица, а затем юридического факультета Белградского университета. С 1924 г. получил степень доктора наук (за магистерскую диссертацию, защищенную в России). В 1925 г. Архиерейским Собором Сербской Церкви избран советником по каноническим вопросам. Участвовал в подготовке закона о Сербской Православной Церкви, ее Устава и брачных правил. Не принял карловацкое движение. В 1928 и 1930 гг. преподавал церковное право в Свято-Сергиевском Богословском Институте в Париже, но прекратил сотрудничество после решения ректора института Евлогия (Георгиевского) о переходе в юрисдикцию Константинопольского Патриарха. В 1929 г. защищал в судах США интересы Русской Православной Церкви. В 1946 г. в составе пяти профессоров-эмигрантов был приглашен во вновь открытую Московскую духовную академию. В 1947 г. решением Патриарха Алексея I утвержден профессором Московской духовной академии по кафедре церковного права. Одновременно работал в Отделе внешних церковных сношений Московского Патриархата. В 1949 г. по политическим основаниям уехал в Югославию. Член Югославской Академии наук. Дважды посещал СССР: в 1958 и 1961 гг. Решением Ученого Совета Московской духовной академии в 1961 г. получил ученую степень доктора церковного права. Умер в Белграде, похоронен на русском кладбище.

Васильев Афанасий Васильевич (1851–1929) — общественный деятель, писатель. Родился в Белгороде. В 1872 г. окончил

юридический факультет Петербургского университета. Поступил на службу в Министерство юстиции. С 1874 г. служил в Министерстве просвещения. В 1878 г. как уполномоченный Славянского комитета посетил Сербию, Черногорию, Галицию. С 1878 г. — младший ревизор Государственного контроля. В 1893—1896 гг. — генерал-контролер департамента железнодорожной отчетности государственного контроля. Противник акционирования железнодорожного транспорта, выступал против политики министров финансов Вышнеградского и Витте. В 1896 г. перемещен на должность генерал-контролера департамента военной и морской отчетности. С 1904 г. член Совета государственного контроля. Член Петербургского славянского благотворительного общества (секретарь, член совета) и иных благотворительных организаций. В 1905 г. основал и возглавил общество «Соборная Россия». С 1910 г. — гласный Петербургской городской думы. Редактор журнала «Благовест». Печатался в «Славянских Известиях», «Русском Деле», «Свете», «Русском Вестнике». Славянофил, сторонник русской соборности. Участник Всероссийского Церковного Собора 1917—1918 гг., избран от мирян Петроградской епархии. На Соборе работал в Отделе о богослужении, проповедничестве и храме, который возглавлял Евлогий (Георгиевский). Отстаивал идею восстановления Патриаршества как формы соборности. Был сторонником активного участия Церкви в жизни государства, в частности призывал епархии участвовать в составлении списков к выборам в Учредительное собрание, чтобы оно «не оказалось по своему составу нерусским и нехристианским». Эмигрировал. В 1921 г. — член Карловацкого Всеаграничного Церковного Собора. Учредитель Общества Соборного славянства. Писатель и публицист. Скончался в Белграде.

Погодин Александр Львович (1872—1947) — филолог-славист, историк. Родился в Витебске. В 1894 г. кончил историко-филологический факультет Петербургского университета, оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. В 1901 г. защитил магистерскую диссертацию

«Из истории славянских передвижений», в 1904 г. — докторскую диссертацию «Следы корней-основ в славянских языках». С 1902 г. — экстраординарный (с 1906 г. — ординарный) профессор кафедры славянской филологии Варшавского университета. Либерал, сторонник автономии Польши, критик славянофильства. С 1908 г. — профессор Высших женских курсов в Петербурге. В 1910–1919 гг. — ординарный профессор кафедры славянской филологии Харьковского университета. Член Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг., избран от мирян Харьковской епархии. Выбыл из состава Собора. В 1919 г. эмигрировал, жил в Югославии. Лектор русского языка и литературы в Белградском университете, с 1939 г. профессор. В 1921 г. — член Карловацкого Всеаграничного Церковного Собора, но в заседаниях не участвовал. В 1938 г. — член Второго Всеаграничного Собора Русской Православной церкви за границей. В 1941 г. после немецкой оккупации Югославии уволен из университета. Умер в Белграде.

Петр (Беловидов) (1869–1940) — протопресвитер. Из донских казаков. Получил богословское образование. Настоятель соборной церкви в Новороссийске. С 1920 г. в эмиграции в Югославии. В 1921 г. избран на Всеаграничный Русский Церковный Собор в Сремских Карловцах. Первый настоятель Свято-Троицкой церкви в Белграде (1924–1940). Законоучитель в 1-й русско-сербской гимназии в Белграде. Принимал активное участие в жизни русской эмиграции в Югославии, в частности занимался созданием, попечением и кураторством русских учебных заведений.

...проф. В. Д. Плетнев, стоявший во главе т. н. «Державной сербской комиссии по делам русских беженцев»... — «Державная комиссия по делам русских беженцев» — одна из многочисленных организаций помощи русским беженцам на территории Королевства сербов, хорватов и словенцев (Югославии). В ее состав входили: с русской стороны — профессора В. Д. Плетнев, М. В. Челноков, С. Н. Палеолог и военные деятели, а с

югославской — министр вероисповеданий Л. Йованович, академики А. Белич и С. Кукич.

Билимович Антон Дмитриевич (1879–1970) — математик. Родился в Житомире, в семье военного врача. В 1896 г. окончил Киевский кадетский корпус, поступил в Николаевское инженерное училище. Под влиянием брата Александра поступил на физико-математический факультет Киевского университета, который окончил в 1903 г. с золотой медалью. Оставлен в университете на кафедре механики. С 1907 г. — приват-доцент. Член Киевского физико-математического общества. В 1912 г. защитил магистерскую диссертацию «Уравнения движения для консервативных систем». Стажировался в Германии и Франции. С 1914 г. — профессор кафедры прикладной механики Новороссийского университета. Написал докторскую диссертацию «Соприкасательные движения твердого тела». В 1918 г. избран ректором Новороссийского университета. В 1920 г. эмигрировал из Одессы, жил в Сербии. Член правления Общества русских ученых в Белграде. Один из инициаторов создания в Белграде Русского Научного института. С 1926 г. — ординарный профессор прикладной математики на философском факультете Белградского университета. Позднее директор Математического института при Белградском университете. Создатель научной школы механики и основатель «Клуба механиков Белградского университета». С 1925 г. — член-корреспондент, с 1936 г. — действительный член Сербской академии наук. С началом немецкой оккупации Югославии ушел на пенсию. После окончания войны возобновил научную деятельность: создал Математический институт Сербской АН, написал учебник по теоретической механике. С 1955 г. на пенсии. Награжден Орденом труда 1-й степени. С 1964 г. — почетный председатель Югославского общества механики. Скончался в Белграде.

...в 1926 г. на ученом съезде в Праге... — По-видимому, речь идет о 1-м съезде русских академических организаций, кото-

рый состоялся в Праге в 1921 г. году. Однако упомянутый Зеньковским В. А. Мякотин был выслан из СССР в 1922 г. и, следовательно, не мог принимать участия в работе этого съезда. Похоже, автор мемуаров произвольно соединил два съезда академических организаций — 1-й и 3-й, который также проходил в Праге, но в 1924 г.

Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) — историк, литератор, политический деятель. Родился в Гатчине. В 1891 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. С 1891 г. читал лекции в Александровском лицее и Александровской военно-юридической академии. Сотрудник «Русских записок» и «Русского богатства» (с 1904 г. — член редакции). Автор «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона, «Биографической библиотеки» Павленкова. В 1901 г. за участие в студенческих волнениях был арестован и сослан. С 1906 г. — один из лидеров неонароднической Партии народных социалистов. В 1911 г. за брошюру «Надо ли идти в Государственную думу?» приговорен к году заключения в Двинской крепости. В период Первой мировой войны был «оборонцем». В 1917 г. — член исполкома Петроградского Совета рабоче-солдатских депутатов. Член президиума возрожденной Народно-социалистической партии. Участвовал в создании объединенной Трудовой народно-социалистической партии, член ЦК. Член Особого совещания по выработке положения о выборах в Учредительное собрание. После Октябрьской революции — один из организаторов «Союза Возрождения России». С апреля 1918 г. — член редакции газеты «Народное слово», где поместил критическую статью об условиях Брестского мира. В сентябре 1918 г. по делам «Союза Возрождения России» посетил Киев, Одессу, Новороссийск, Ростов, Николаев. Вел переговоры с командованием Добровольческой армии. В конце 1920 г. арестован большевиками по делу «Тактического центра». В начале апреля 1921 г. освобожден. С 1922 г. в эмиграции (Берлин, Прага, София).

Один из организаторов Русского научного института в Берлине. Преподавал в Русском Народном университете в Праге. Профессор Софийского университета. Участник съездов русских академических организаций. Участвовал в изданиях «Голос минувшего» и «На чужой стороне».

Вениамин (Иван Афанасьевич Федченков) (1880–1961) — митрополит РПЦ. Родился в Тамбовской губернии в крестьянской семье. Окончил Тамбовскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию (1907). Кандидат богословия. В 1907 г. пострижен в монахи с именем Вениамин и рукоположен в иеромонахи. В 1907–1908 гг. был профессорским стипендиатом СПбДА по кафедре библейской истории, получил степень кандидата богословия. В 1908–1910 гг. — личный секретарь при архиепископе Финляндском Сергии (Страгородском). В 1910–1911 гг. — и. д. доцента по кафедре пастырского богословия, гомилетики и аскетики в Петербургской духовной академии. В 1911 г. — ректор Таврической духовной семинарии. Возведен в сан архимандрита. В 1913–1917 гг. — ректор Тверской духовной семинарии. Участник Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. В конце 1917 г. выехал на Юг России. В 1917–1919 гг. — ректор Таврической духовной семинарии. В 1919 г. читал лекции в Таврическом университете по кафедре богословия. В феврале 1919 г. хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии, определен на должность настоятеля Херсонесского монастыря в Одессе. В 1920 г. после эвакуации Белой армии в Крым — «епископ Армии и Флота», глава военного духовенства Русской Армии П. Н. Врангеля. В 1919–1921 гг. — член Синода Высшего Церковного Управления Юга России, представлял Синод ВЦУ в Совете министров при ген. Врангеле. В Крыму руководил изданием газеты «Святая Русь». Жил в Константинополе, Болгарии, Сербии и др. В 1921 г. участвовал в подготовке Карловацкого Собора. Не поддержал политическую линию карловчан. В 1922 г. после решения патриарха Тихона об упразднении ВЦУ за границей собрал группу

русских монахов в сербском монастыре Петковице. В 1923–1924 гг. принял предложение архиепископа Савватия (Чешского), находившегося в ведении Константинопольского Патриархата, стать епископом в Карпатской Руси (Чехословакия). После высылки из Чехословакии вернулся в Сербию, где преподавал на пастырско-богословских курсах, был настоятелем двух русских кадетских корпусов. В 1925–1927 гг. — митрополитом Евлогием, еще не вышедшим из юрисдикции Московского Патриархата, назначен инспектором и преподавателем Свято-Сергиевского Богословского института в Париже. В 1927 г. принял декларацию митрополита Сергия о лояльности к советской власти, включен в клир Московской патриархии. В 1929–1930 гг. снова преподавал в Свято-Сергиевском институте. После ухода митрополита Евлогия, поддержанного Епархиальным съездом, под юрисдикцию Константинопольского патриархата в 1931 г. основал в Париже и др. городах Европы Патриаршую Православную Церковь. Устроил в Париже Трехсвятительское подворье Патриаршей Церкви. В 1932 г. возведен в сан архиепископа РПЦ. В 1933 г. по поручению местоблюстителя Сергия (Страгородского) выехал в Америку для противодействия расколу митрополита Платона. В 1933 г. назначен управляющим епархией в США, затем Экзархом Русской Православной Церкви в США, архиепископом Североамериканским и Алеутским. Создал в Америке 50 приходов Московской Патриархии. С 1938 г. — митрополит. Во время Великой Отечественной войны — почетный председатель русско-американского Комитета помощи России. В 1945 г. прибыл в СССР для участия в Поместном Соборе, избравшем нового патриарха Алексия I (Симанского). Представлял на Соборе свою американскую паству, митрополита Евлогия и др. группы, решившие вернуться в юрисдикцию Московского Патриархата. В 1946 г. получил советское гражданство. В 1947–1951 гг. управлял Рижской епархией. В 1951–1955 гг. — митрополит Ростовский и Новочеркасский. В 1955–1958 гг. — митрополит Саратовский и Балашовский (Саратовский и Вольский). В 1958 г. ушел на покой. Послед-

ние годы жизни провел в Киево-Печерской лавре. Погребен в пещерах Киево-Печерской лавры.

Штрандтман Василий Николаевич (1877–1963) — дипломат, общественный деятель. Окончил пажееский корпус. Служил в лейб-гвардии Уланском полку. С 1901 г. на службе в МИДе. В 1906–1907 гг. — секретарь миссии в Дармштадте. С 1908 г. — секретарь дипломатического агентства в Софии. С 1911 г. по 1915 г. — первый секретарь миссии в Белграде. В 1915 г. — первый секретарь посольства в Риме. В 1917 г. — советник миссии в Афинах. После Октябрьской революции остался в Заграничном корпусе российского МИДа, сохранившем свою структуру после двух революций. С 1919 г. — российский посланник в Королевстве СХС (Югославии). С 1922 г. — делегат Нансеновского комитета по делам беженцев при Лиге Наций, начальник управления по делам российских эмигрантов в Югославии. До 1934 г. — уполномоченный Российского общества Красного Креста в Югославии. Умер в Вашингтоне.

...я был приглашен в Прагу читать лекции в Педагогическом институте... — Русский педагогический институт им. Я. А. Коменского, которым руководил С. А. Острогорский.

...годовой съезд в монастыре Хопово (возле Белграда)... — С 1923 г. по 1927 г. съезды РСХД проходили ежегодно.

Организация Богословского Института в Париже... — решение о необходимости создания Богословского института было принято на одном из первых съездов РСХД. В 1924 г. был создан учредительный комитет во главе с Б. А. Васильчиковым. Среди благотворителей Института были протестантские пасторы, в том числе президент YMCA Дж. Мотт, в 1917 г. в составе общественной американской делегации посетивший Россию, и Мария Павловна Романова. В том же году члены учредительного комитета митрополит Евлогий (Георгиевский), Г. Н. Трубецкой и М. М. Осоргин приобрели на аук-

ционе участок по ул. Кримэ, 93, где помещалось здание бывшего немецкого протестантского храма и интерната. Здесь, на Крымской улице Парижа, было устроено Сергиевское подворье, где разместились Богословский институт, библиотека, церковь. Чтение лекций началось уже в 1925 г. Расцвет деятельности Института пришелся на первые пятнадцать лет. Первым ректором Богословского института стал митрополит Евлогий (Георгиевский). Инспекторами и деканами Института были о. С. Булгаков, епископ Вениамин (Федченков), А. И. Карташев, Зеньковский. В Институте на постоянной основе трудились профессора, доценты и преподаватели. Среди профессоров были: Булгаков, Кассиан (Безобразов), Зеньковский, Г. В. Флоровский, А. В. Карташев, Б. П. Выше-славцев, Г. П. Федотов, Киприан (Керн). Временные циклы лекций читали профессора Н. Н. Глубоковский, Н. К. Кульман, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, С. В. Троицкий, Н. М. Зернов. Часть профессорско-преподавательского корпуса Института имела богословское образование, полученное в Духовных академиях России. В церкви Института проходили рукоположения и постриги. Значительная часть преподавателей Института входила в Братство Св. Софии. За первые десять лет Институт опубликовал 25 книг и более 400 статей, обеспечил шесть выпусков студентов. Институт способствовал возникновению школы т. н. «парижского богословия», основанной на философии Вл. Соловьева и его последователей. Политические события в Европе и, главным образом, в России, трактовались преподавателями Института как нашествие нового язычества. В этой связи союз с западными христианами виделся как единственный путь спасения христианства и внутри него — русского православия. Поэтому с первых лет своего существования Свято-Сергиевский институт стал участником экуменического движения: вступил в сотрудничество с Англиканской церковью, участвовал в международных экуменических движениях «Вера и церковное устройство», «Жизнь и деятельность», работе экуменических конгрессов. Отношения Института с церковью складывались непросто. В 1935 г. ми-

трополит Сергей (Страгородский), бывший местоблюстителем Патриаршего Престола, осудил учение о. Сергия Булгакова о Софии. Аналогично поступили и епископы Карловацкой РПЦЗ во главе с митрополитом Антонием (Храповицким), признавшие софиологическое учение Булгакова еретическим. Но особая Епархиальная комиссия, созданная митрополитом Евлогием (Георгиевским), не согласилась с карловчанами и сергианцами и объявила о невиновности о. Сергия. В Богословском институте была создана Комиссия профессоров и преподавателей, вставшая на сторону Булгакова. В конце 1930-х гг. и в период Второй мировой войны Институт переживал трудные времена. Прекратилось финансирование из США, Англии, Швейцарии, ранее обеспечивавшее работу Института. Уменьшилось количество преподавателей и студентов. В 1944 г. в Институте оставались лишь А. В. Карташев, архимандрит Киприан и о. С. Булгаков... В послевоенное время Институт восстановил работу. Но второе поколение профессоров встало на более ортодоксальные позиции. В 1950-х гг. группа молодых профессоров (И. Мейендорф, А. Шмеман и др.) практически в полном составе переехала в США для осуществления проекта Американской Поместной Церкви. В настоящее время Свято-Сергиевский Православный Богословский институт продолжает работать и как учебное заведение, и как православный и экуменический центр. Институт является частным высшим учебным заведением при Парижской академии. Он относится к православному архиепископству Франции и Западной Европы, которое находится в юрисдикции Константинопольского Патриархата. В Институте преподают 15 профессоров и обучаются 50 студентов из разных стран мира. Обучение ведется на французском языке.

...арх. Феофаном Полтавским... — Архиепископ Феофан Полтавский в 1926 г. составил Отзыв об Уставе Богословского института в Париже, который следует привести полностью:

«Синодом поручено мне дать отзыв об Уставе Православного Богословского института в Париже, доставленном в Си-

нод преосвященным Вениамином. Честь имею представить таковой отзыв и свои соображения по поводу сего устава. Первоначально митр. Евлогий предполагал открыть Православный Богословский институт в Париже с ведома и благословения Собора русских иерархов заграничных. Но потом изменил свое намерение и открыл этот Институт без сношений как с Синодом, так и с Собором. Фактическими учредителями этого Института были А. В. Карташев, прот. С. Булгаков и проф. В. В. Зеньковский. Впоследствии к участию в этом деле привлечен был и преосвященный Вениамин. Институт этот открылся благодаря денежной поддержке организации YMCA и стал вследствие этого в известную зависимость от нее. В настоящее время организаторы этого Института обращаются к Синоду с просьбой: официально легализовать его и взять на себя обязанность содержать его, а представленный устав утвердить. Такую постановку дела я принципиально признаю неприемлемой. Если Православный Богословский институт в Париже есть православная богословская школа, целью которой является приготовление просвещенных пастырей и других богословски образованных и духовно воспитанных деятелей Церкви, а также и разработка православной богословской науки, то такая школа должна быть открыта самой высшей церковной властью, а не помимо ее. При этом высшей церковной власти должна принадлежать инициатива и полная свобода как в организации этой школы, так и в выборе лиц, долженствующих составлять эту организацию. Утвердить в настоящем виде устав и состав Богословского института в Париже значило бы предоставить судьбы и направление этой богословской школы главным образом в руки трех вышеназванных лиц. Но сделать этого высшая церковная власть, по моему крайнему убеждению, не может, так как догматические взгляды этих трех лиц не могут быть признаны строго православными. Достаточно указать на то обстоятельство, что, по учению А. В. Карташева, благодать Божия перешла от Христианской Церкви в настоящее время к неверующим социалистам. А прот. С. Булгаков ввел в христианскую догматику

неслыханное до сих пор в ограде Православной Церкви учение о Софии, как о Женственном Начале, которое он признает “высшим Богоматери” и не стесняется называть “Небесной Афродитой” и “богиней”. Не отличаются особенной устойчивостью и определенностью и убеждения проф. В. В. Зеньковского, как это показывает его статья о пребывании его на конференции YMCA в Хай-Ли. В виду изложенных соображений, не входя в подробное рассмотрение “Устава Православного Богословского института в Париже”, со своей стороны я полагаю, что Синод Русской заграничной Церкви должен самостоятельно решить и разработать вопрос о возможности существования русской богословской школы за границей. Полезно было бы для этой цели образовать особую комиссию при Синоде, которая прежде всего выяснила бы материальную возможность существования такого рода школы, а затем, в случае разрешения последнего вопроса в положительном смысле, составила бы проект устава этой школы, каковой и представила бы на усмотрение Синода или Собора иерархов русской заграничной Церкви».

Тимофеев М. — товарищ министра продовольственных дел Директории.

Сорель Жорж (1847–1922) — французский философ, создал оригинальное учение, сочетавшее элементы анархосиндикализма, элитизма и фашизма. Сорель полагал, что общество, склонное к распаду согласно «второму закону термодинамики», может быть удержано лишь насильем небольшой группы, имеющей волю к действию. Он признавал необходимость «социального мифа», который является выражением воли к власти активной группы или передового класса. Сорель с восторгом отнесся к Октябрьской революции как волевому акту преодоления распада общества.

Прокопович Вячеслав Константинович (1881–1942) — общественный и политический деятель, председатель Совета ми-

нистров УНР в мае — октябре 1920 г. Родился в Киеве в семье священника. Окончил историко-филологический факультет Киевского университета. Преподавал в гимназиях, работал библиотекарем в Киевском городском музее. С 1905 г. — член Украинской радикально-демократической партии, с 1908 г. — Товарищества украинских прогрессистов (ТУП). В 1911—1914 гг. сотрудничал в изданиях «Світло», «Рада» и «Боротьба». В 1917 г. работал в губернских органах — Киевской губернской земской управе и Киевском губернском исполкоме. Участвовал в работе Украинского Национального конгресса, который провел реформу Центральной рады; избран в состав Центральной рады. Входил в состав Малой рады. С 1917 г. — член партии социалистов-федералистов, избран в ее ЦК. В начале 1918 г. вошел в состав правительства В. Голубовича, занял место министра народного образования. Вместе с правительством Голубовича покинул Киев в январе 1918 г. и вернулся в марте с оккупационными войсками. В конце апреля вышел из состава правительства УНР вместе с другими социалистами-федералистами. В период гетманата преподавал и работал в составе делегации С. Шелухина на переговорах с Советской Россией по вопросу установления границ. В период Директории возглавлял дипломатическую миссию УНР в Польше, затем Югославии. В мае 1920 г. после подписания Варшавского договора между Польшей и УНР, возглавляемой С. В. Петлюрой, и ввода польских войск в Киев сформировал новый кабинет министров. После наступления Красной армии эвакуировался с правительством УНР в Польшу (Тарнов). Подал в отставку, удовлетворенную главой УНР Петлюрой. В начале 1921 г. вновь занимал должность министра образования в составе первого «правительства УНР в изгнании». Был помещен в лагерь для интернированных лиц. В 1924 г. переехал в Париж, входил в окружение Петлюры. С 1925 по 1939 гг. редактировал журнал «Тризуб», печатный орган УНРовцев. С 1926 г. по 1939 г. возглавлял правительство УНР в изгнании, в 1939—1940 гг. был заместителем председателя Директории и головного атамана УНР (т. е. главы государства УНР). Умер во Франции.

...Украинском университете — Украинский свободный (вольный) университет был создан украинскими эмигрантами в 1921 г. в Вене. В 1921 г. университет переехал в Прагу, а с 1945 г. работал в Мюнхене. Университет был не только научным, но и политическим учреждением, о чем свидетельствует его поддержка вооруженных организаций украинских националистов в годы Второй мировой войны. С. П. Шелухин был доцентом, а затем профессором УСУ. Основная тематика его творчества — обоснование существования Украины как полноценной нации и государства с древнейших времен. О соотношении науки и идеологии в его работах свидетельствует, в том числе, содержание его работы 1936 года «Украина — название нашей земли с древнейших времен»: «Название “Русь”, “Россия”, “Русский” и “Российский” присвоили себе Москвины самочинно, политическим похищением чужого имени для эгоистических и преступных целей. Это случилось в 1713 году...», «Немцы как раз старались про имя Руси и Русских для Москвинов и поэтому естественно, что и переименование Московии в Россию, а Москвинов в Русских было сделано по приказу Петра I в 1713 г. по немецкой инициативе».

...1926–1927 гг. в Чикаго. — Зеньковский, получив стипендию Рокфеллеровского фонда, выехал в Америку, где читал лекции в учебных заведениях — Русском учительском институте в Резекне и Кулаевском институте в Сан-Франциско (созданном на средства фонда И. В. Кулаева) и др. Встреча с украинскими деятелями была неслучайной. В США и Канаде в межвоенный период активно действовали группы УНРовцев, гетманцев и оуновцев.

...au courant (фр.) — в курсе.

Кареев Николай Иванович (1850–1931) — историк, историко-соф. С 1885 г. — приват-доцент, затем профессор Петербургского университета. В 1902 г. за работы по истории Польши был избран членом-корреспондентом Краковской Академии

наук (Австро-Венгрия). Был уволен из Петербургского университета за поддержку студенческих выступлений, восстановлен в период революции 1905–1906 гг. Вступил в партию кадетов, был избран в 1-ю Государственную думу. С 1910 г. — член-корреспондент Российской академии наук. После Октябрьской революции остался в России. В 1929 г. избран почетным членом Академии наук СССР.

Швец Федор Петрович (1882–1940) — общественный и политический деятель. В 1917 г. — член Центральной рады от партии эсеров. В декабре 1918 г. — один из директоров УНР, входил в состав чрезвычайного органа — Директории. После раскола Директории выехал за границу.

Шаповал — Зеньковский имел возможность встречаться и с Александром Шаповалом — бывшим землевладельцем, активным гетманцем, представителем Скоропадского в США и Канаде, создателем авиашколы «Гетманского союза» в США, и Никитой Шаповалом. Судя по характеристике, данной этому персонажу Зеньковским, речь идет о Никите Ефимовиче Шаповале. *Шаповал Никита Ефимович (1882–1932)* — общественный и политический деятель, министр УНР. Родился в с. Серебрянка Екатеринославской губернии в семье шахтера. В 1898 г. окончил двухклассную школу, продолжил образование в Ново-Глуховской лесной школе. В 1901 г. вступил в Революционную Украинскую партию (РУП). В 1906 г. окончил Чугуевскую юнкерскую школу. За участие в политической деятельности был уволен с военной службы. В 1907 г. слушал лекции по истории на историко-филологическом факультете Харьковского университета (иных сведений о получении высшего образования нет). Печатался в газетах «Рада» и «Хлебороб», писал стихи. Переехал в Киев, где печатался в журнале «Украинская хата». В 1911–1917 гг. работал лесничим. В 1917 г. активно проявил себя на общественном и политическом поприще: возглавил Украинский Лесной союз, стал заместителем председателя Киевской земской управы, занял должность

министра почт и телеграфа, вошел в состав ЦК Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР). В 1918 г. принимал участие в создании УНС и в подготовке антигетманского восстания. В одном из правительств Директории — министр земледелия. В 1919—1920 гг. представлял УНР в Будапеште. С 1920 г. жил в Праге, принимал активное участие в жизни украинской диаспоры, в том числе в создании Украинской сельхозакадемии в Подебрадах, Украинского педагогического института им М. Драгоманова. В 1924 г. создал и возглавил Украинский институт социологии, «отец украинской социологии». В 1929 г. по решению ученого совета УИС стал почетным доктором и профессором института. Возглавлял Пражскую группу УПСР, редактировал журнал «Новая Украина». Был одним из инициаторов создания Народной Украинской Рады — объединения украинских социалистических партий и групп.

Саликовский Александр Фомич (1866—1925) — журналист, общественный и политический деятель, министр УНР. Родился в Подольской губернии в семье священнослужителя. Учился в духовной семинарии. Член партии народных социалистов. Редактировал газеты «Киевские отклики» (с 1904 г.) и «Киевский голос» (1906—1907). С 1912 г. — соредaktor (с С. В. Петлюрой) московского журнала «Украинская жизнь». Переехал в Ростов, был редактором издания «Приазовский край», где основал разделы «Армянская жизнь», «Еврейская жизнь», «Из украинской жизни». В 1916 г. вернулся в Москву, работал в редакции «Украинской жизни». После Февральской революции — председатель созданной в Москве Украинской национальной рады. В 1917 г. переехал в Киев. В 1919 г. — посол Директории в Риге. Весной 1920 г. в период занятия Киева войсками Польши и Петлюры — министр внутренних дел УНР.

Полтавец-Остряница Иван Васильевич — кавалерист, гетманец, член правительства П. П. Скоропадского, сформированного в эмиграции. После разрыва с П. П. Скоропадским пере-

ехал в Мюнхен, сблизился с представителями С. В. Петлюры. После смерти Петлюры объявил себя «гетманом Украины» и «хорунжим» — главнокомандующим украинскими войсками. Установил тесные связи с фашистскими и нацистскими организациями Германии, Италии, Испании и др. и Ватиканом. В начале 1930-х гг. возглавил профашистскую националистическую «Казачью раду».

...sit venia verbo (лат.) — с позволения сказать.

...дочери — в семье Скоропадских было три дочери — Мария, Елизавета, Елена и сын Даниил. Елена Скоропадская-Отт, родившаяся уже в Германии, в настоящее время живет в Швейцарии.

Сергий (Иван Николаевич Страгородский) (1867–1944) — с 1943 г. патриарх Московский и всея Руси.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860). Обращение Зеньковского к наследию А. С. Хомякова неслучайно. Именно Хомяков включил в идеологическую систему славянофильства вопрос о Русском православии, противопоставляя его западному христианству. Позднее богословское и философское наследие Хомякова было воспринято русской религиозной философией Серебряного века. В частности, русской философией была востребована его трактовка Церкви не как иерархической структуры, а как всей совокупности христианского народа. Под «верой» Хомяков подразумевал не рациональное, а интуитивное непосредственное понимание реальности (отсюда и «чувственная» трактовка ереси).

Махараблidge Ексакустодиан Иванович (?–1960) — церковный и общественный деятель. Родился на Кавказе в семье военного священника. Окончил духовную семинарию. Учился на юридическом факультете Петербургского университета. В период Первой мировой войны — начальник канце-

лярии протопресвитера армии и флота. В эмиграции. В 1920–1930-е гг. был секретарем ВЦУ и управляющим канцелярией Архиерейского Синода РПЦЗ. Редактор журнала «Церковный вестник». В 1950-е гг. — секретарь Епархиального управления Германской епархии.

Феофил (Пашковский) (1874–1950) — архиепископ Сан-Францисский (РПЦ) и митрополит всея Америки и Канады (неканонич.). Родился в Киевской губернии в семье священника. Окончил Киевскую духовную семинарию. Приняв обет, стал послушником Киево-Печерской лавры. В 1894 г. назначен секретарем Православной духовной миссии в Сан-Франциско. В 1897 г. принял сан священника. Служил в Сан-Францисском кафедральном соборе. В 1906 г. вернулся в Россию с архиепископом Тихоном (Белавиным), служил с последним в Виленской епархии. В годы Первой мировой войны — военный священник. В 1921 г. работал на Волге вместе с представителями организации ИМКА, оказывая помощь голодающим. В 1922 г. пострижен в монашество и хиротонисан во епископа Чикагского. С 1931 г. — епископ Сан-Францисский, находился в юрисдикции Северо-Американской митрополии РПЦ (канонич.). В 1934 г. на т. н. 5-м Всеамериканском Соборе в Кливленде был избран преемником умершего митрополита Платона (Рождественского), отделившегося от Русской Церкви, и назначен митрополитом всея Америки и Канады. В 1935 г. запрещен в служении решением Заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола Сергием (Страгородским). Поддерживал связь с Карловацкой церковью, т. к. в его ведении находились карловацкие приходы Америки. В 1947 г. не принял представителя РПЦ, позволил себе резкие выпады против РПЦ и патриарха Алексия I. В 1947 г. был подвергнут церковному суду Собора епископов РПЦ. Способствовал инкорпорации Американской Православной митрополии в систему американского законодательства. Скончался, оставаясь в запрещении в служении.

...хорошо известно, как поплатился Самарин... — Случай, произошедший со славянофилом *Юрием Федоровичем Самариным (1819–1876)*, стал хрестоматийным примером, характеризующим антирусскую политику властей Российской империи на окраинах. Самарин, служивший чиновником по особым поручениям Сената, в 1847 г. был включен в состав ревизионной комиссии, направленной для изучения состояния городского самоуправления в Риге. В Риге он провел два года. Ознакомившись с местными делами, Самарин был глубоко возмущен русофобскими настроениями, распространенными среди остзейских немцев, сохранивших свои земельные владения и фактический режим этнократии после вхождения края в состав Российской империи. В течение двух лет Самарин вел активную переписку с друзьями. В письме М. П. Погодину (1847) он писал: «Все здесь дышит ненавистью к нам; ненавистью слабого к сильному, облагодетельствованного к благодетелю и вместе с тем гордым презрением выжившего из ума учителя к переросшему его ученику... Здесь все окружение таково, что ежеминутно сознаешь себя как русского и как русский оскорбляешься». Самарин поднял многие проблемы: переход городского управления Риги в руки этнических немцев, ограничение в гражданских и политических правах русского населения, вытеснение русских из сферы торговли и производства, бытовой русофобии, поощряемой властями империи и др. В 1849 г. его «Письма из Риги» стали распространяться в списках среди русского общества, с ними ознакомились и первые чиновники государства. Николай I распорядился арестовать Самарина, и 12 дней славянофил содержался в Петропавловской крепости. После встречи с императором, который сделал ему внушение, Самарин был освобожден.

...**quand même** (*фр.*) — все-таки, все же, вопреки всему.

...**volonte generale** (*фр.*) — общая воля (нации).

...**vox populi** (*лат.*) — общественное мнение, буквально «глас народа». *Vox populi, vox Dei* — «Глас народа — глас Божий».

Версальский договор (июнь 1919 г.), подписанный странами Антанты с Германией, явился актом формального завершения Первой мировой войны. Помимо всего прочего Версальский договор ввел в практику международного права принцип самоопределения наций. Нации, понимаемые не в историческом, а в этнографическом смысле, могли самоопределяться на основе плебисцита (референдума). Референдумы были проведены в Шлезвиге, южной части Восточной Пруссии и Верхней Силезии. В Саарской области, перешедшей под управление созданной Лиги Наций, планировалось через 15 лет провести аналогичный референдум.

Wille zur Macht (нем.) — воля к власти. Центральное понятие философии жизни Ф. Ницше.

Исследования по истории русской мысли

Серия под общей редакцией Модеста Колерова

Василий Васильевич Зеньковский
Пять месяцев у власти

REGNUM

Издательский Дом «Регнум»

115088 Москва, 2-й Южнопортовый проезд, 16, стр. 1, оф. 227

www.ridr.ru

kolerov@regnum.ru

Подписано в печать 07.11.2011. Формат 70×100/₃₂. Гарнитура Ньютон.

Объем 26,33 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграф-
комбинат». 150049 Ярославль, ул. Свободы, 97